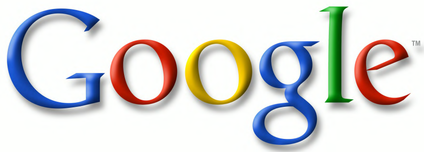
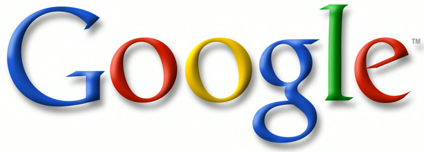




VI

№49

ИСТОРІЯ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

II

П. А. КУЛІШЪ

ИСТОРІЯ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ОТЪ НАЧАЛА СТОЛѢТНЕЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ
ДО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ ПРАВОСЛАВНОЙ ІЕРАРХІИ ВЪ 1620 ГОДУ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1874

графія товарищества „Общественная польза“, по Мойкѣ, № 5

ЗАЯВЛЕНІЕ.

I.

Издавая первые два тома своего сочиненія, авторъ постоянно затруднялся вопросомъ: какъ поступить съ матеріялами, которые — или, по своей рѣдкости, мало извѣстны публикѣ, или, существуя въ рукописяхъ, вовсе ей не извѣстны. Мѣста, приводимыя имъ въ выноскахъ, не удовлетворяли его желанію — ознакомить своего читателя съ тѣмъ или другимъ источникомъ, изъ котораго онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, — не удовлетворяли потому, что только прочитанный вполнѣ источникъ даетъ возможность понимать вѣрно выборки изъ него, все равно какъ знакомство съ совокупностью источниковъ способствуетъ къ надлежащему уразумѣнію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Для автора мало того, что читатель готовъ, положимъ, вѣрить ему, то есть положиться на его безошибочное пониманіе даннаго мѣста, взятого въ отрозненномъ видѣ: онъ желалъ бы бесѣдовать съ читателемъ, не какъ съ благосклоннымъ посѣтителемъ его кабинета, а какъ съ сотрудникомъ. Интересъ, представляемый исторіею, долженъ быть одинаковъ, какъ для пишущаго, такъ и для читающаго написанное: ибо всякая наука, въ особенности же исторія, есть дѣло жизни, дѣло строгое, безотлагательное, необходимое; поэтому и напряженность мысли у обоихъ должна быть одинакова; поэтому авторъ и его читатель — работники одного и того же дѣла. Только такое общеніе между ними — для обѣихъ сторонъ полезно. Сойдя съ трибуны,

.чествѣ повѣствователя, авторъ долженъ желать увидѣть
і своего читателя, въ качествѣ критика; а для того, что-
[татель *могъ* быть критикомъ своего историка, ему необ-
о основательное знакомство съ источниками по предмету,
кащему критикѣ.
ікое пониманіе отношеній между серьознымъ писателемъ
ьозною публикою привело автора предлагаемой книги къ
;: прежде чѣмъ приступить къ печатанію дальнѣйшихъ
ь предпринятаго повѣствованія, заняться изданіемъ мате-
ъ, непосредственно къ нему относящихся. Имѣя въ ру-
сборникъ историческихъ свидѣтельствъ, послужившихъ
у опорою для его мыслей (и при этомъ, конечно, зная все из-
э другими радѣтелями исторической правды), читатель бу-
;удить о представляемомъ ему трудѣ, не давая автору сво-
иманія въ кредитъ и—что еще важнѣе—находясь въ воз-
сти противопоставить авторскому суду судъ собственный.
гакъ, вмѣсто третьяго тома *Исторіи Возсоединенія*
, появится въ печати сперва первый томъ *Матеріяловъ*
Исторіи Возсоединенія Руси, — работа, равно интерес-
ля автора и, можетъ быть, болѣе полезная для распро-
энія въ нашемъ обществѣ историческихъ знаній. Хотя ав-
ıе безызвѣстно, какъ почтенные труды Археографической
іссіи залеживаются въ книжныхъ складахъ, но тѣмъ не
онъ надѣется, что предпринимаемый имъ сборникъ исто-
кихъ свѣдѣній найдетъ столько читателей, сколько ему
ельно имѣть ихъ. Археографическая коммиссія, какъ учреж-
государственное, держалась, такъ сказать, въ высшихъ
хъ документальности и, сообразно съ достоинствомъ ученой
:іи, ограничивалась лишь краткими указаніями внутрен-
содержанія печатаемыхъ документовъ. Притомъ форматъ
даній, своею грандіозностью, отличался отъ книгъ, кото-
*юди, живущ*іе въ укромной простотѣ, привыкли держать

въ рукахъ. Неудобства чисто внѣшняго свойства отвлекали вниманіе большинства читателей и отъ внутренняго достоинства изданій Археографической коммиссіи. Я, какъ издатель, отвѣчающій за себя одного, имѣю своего рода удобства, которыми и не премину воспользоваться. Во первыхъ, по моему личному воззрѣнію, я придаю гораздо больше историческаго значенія бумагамъ второстепенной важности, нежели строго оформленнымъ или офиціозно авторитетнымъ свидѣтельствамъ и торжественнымъ актамъ. Во вторыхъ, я могу позволить себѣ совершенно свободный выборъ матеріяловъ изъ рукописей, накопившихся въ библіотекахъ и архивахъ со временъ оныхъ, и въ третьихъ, я намѣренъ снабжать печатаемыя историческія свидѣтельства подробными указаніями ихъ содержанія, сближеніями, ссылками и т. п. Все это должно, мнѣ кажется, сообщить моему сборнику, въ глазахъ публики, хотя часть того интереса, съ которымъ историкъ разворачиваетъ неизвѣстный ему рукописный или обнародованный источникъ. Но, если я ошибаюсь, въ такомъ случаѣ мой трудъ вознаградится инымъ, не матеріальнымъ способомъ. Онъ, въ поколѣніи грядущемъ, найдетъ себѣ читателей, приготовленныхъ къ чтенію историческихъ свидѣтельствъ лучше, нежели наше поколѣніе, а вѣрный слѣдъ былого, который въ немъ сохранится, безъ сомнѣнія, переживетъ и мои собственныя изображенія отдаленнаго времени, и тѣ, которыя будутъ противопоставлены имъ, какъ болѣе вѣрныя.

Вполнѣ сознавая, какая многолѣтняя опытность требуется для отысканія, опредѣленія относительной важности и самого выбора источниковъ, хотябы и согласно моему личному воззрѣнію на предметъ бытописанія, я не рѣшился бы обѣщать публикѣ подобнаго сборника, еслибы не заручился напередъ готовностью содѣйствовать мнѣ въ этомъ предпріятіи со стороны многоопытнаго и заслуженнаго въ наукѣ академика А. Ѳ. Быч-

кова, главнаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, котораго благосклонному вниманію къ моей работѣ я много обязанъ и при написаніи первыхъ двухъ томовъ „Исторіи Возсоединенія Руси“.

II.

Всѣ занимающіеся у насъ исторіею чувствуютъ большой недостатокъ въ критической оцѣнкѣ, какъ того, что̀ уже написано по извѣстнымъ доселѣ источникамъ, такъ и самихъ источниковъ. Въ публикѣ нашей на критику нѣтъ спроса: она довольствуется правдоподобіемъ историческихъ монографій, и до того, говоря вообще, потеряла чутье исторической правды, что большинствомъ голосовъ (а это подозрительно въ дѣлѣ критики) возводитъ иной разъ анекдотиста на степень историка. Нѣтъ *спроса* со стороны публики, но нѣтъ *предложенія* и со стороны людей науки, кромѣ профессорскихъ лекцій и весьма рѣдко появляющихся въ печати обзоровъ исторической литературы. Люди науки, въ свою очередь, остаются болѣе или менѣе равнодушны къ умственной лѣни, которая всегда водворяется въ читающемъ обществѣ, лишь только оно откроетъ полный кредитъ авторитетамъ, пренебрегающимъ требованіями науки.

Такое положеніе дѣла затрудняетъ производство работъ въ кабинетахъ историковъ, а болѣе темнымъ изъ нихъ даетъ возможность, такъ сказать, нетопырничать въ пустыхъ постройкахъ собственнаго и чужого воображенія. Но изъ всѣхъ частей историческаго вѣдѣнія ни одна до такой степени не остается въ небреженіи относительно критической разработки, какъ исторія польско-русскаго края, то есть русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польской Рѣчи-Посполитой. Коснувшись этой исторіи лишь поверхностно, авторъ представляемой книги, можно сказать, смутился передъ массою того, что̀ ему слѣдовало бы

сперва предпринять, въ смыслѣ работъ приготовительныхъ, еслибъ онъ больше полагался, какъ на свою долговѣчность, такъ и на способность—путемъ кропотливаго анализа приходить къ синтетическимъ умозаключеніямъ. Откровенно говоря, онъ увидѣлъ, что ему не съ того надобно бы начать свою работу, съ чего онъ ее началъ. Между тѣмъ потребное для нея время уже ушло на другія очередныя занятія, которыхъ нельзя было отложить въ сторону, [1]) и въ лампѣ жизни остается масла уже немного. Немногое можно уже предпринять автору представляемой книги въ подспорье науки, которая такъ настоятельно нуждается у насъ въ помощи критики. Но лучше сдѣлать мало для грядущаго поколѣнія, нежели, поражаясь громадностью работы, великодушно завѣщать ее нашимъ преемникамъ нетронутою вовсе.

При этомъ надобно сказать, что авторъ, какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ томѣ книги своей, не разъ останавливался посреди своей рѣчи, имѣвшей въ виду занять воображеніе читателя картинами былого, и, прекративъ повѣсть о дѣйствующихъ лицахъ, водилъ его, такъ сказать, въ ихъ арсеналы, въ ихъ гардеробныя, въ ихъ кладовыя, рылся въ старомъ хламѣ передъ глазами ожидающаго читателя, съ безпощадною кропот-

[1]) Какъ, напримѣръ, можно было откладывать переводъ священнаго писанія на украинскій языкъ, для спасенія русской народности въ галицкомъ обществѣ, заѣдаемой, или вѣрнѣе сказать *доѣдаемой* польскимъ элементомъ? Равнодушіе къ происходящему передъ нашими глазами довершенію захвата Казимира III потомство наше осудитъ еще строже, нежели ту „ревность не по разуму", съ которою московскіе противники теоріи Макса Миллера о неистребимости языковъ выказываютъ своими субсидіями и другими—выражусь по-польски—zabiegami. Они дѣлаютъ много вреда русскому элементу въ Галиціи, воображая, что спасаютъ его отъ польскаго: они играютъ роль глупо-усердной няньки, которая вырываетъ опасно больное дитя изъ рукъ слабой матери; но ихъ не упрекнутъ будущіе представители моральныхъ интересовъ русскаго міра въ томъ тупомъ равнодушіи, которое поражаетъ насъ въ нашихъ якобы просвѣщенныхъ, часто до безобразія богатыхъ, землякахъ,—равнодушіи, напоминающемъ стадо безсловесныхъ, изъ котораго часть отдѣлена и отправлена въ бойню.

ливостью антикварія, и потомъ опять бралъ прерванную нить разсказа; а не разъ, вмѣсто пластической работы, ему приходилось заниматься полемическою очисткою почвы, на которой происходили изображаемыя имъ сцены. Все это—отъ недостаточнаго приведенія въ извѣстность того, что̀ составляетъ кабинетный инвентарь историка по избранному имъ предмету, отъ недостаточнаго обсужденія напередъ каждаго историческаго труда и каждаго источника чисто критическимъ способомъ. Желательно было бы ему не затруднять себя впредь подобными остановками, доставлять читателю умственное занятіе болѣе однородное и показывать ему зданіе исторіи безъ лѣсовъ, безъ строительнаго громозду и мусору. Другими словами: авторъ пришолъ къ уразумѣнію необходимости—отдѣлить въ особую книгу критическую работу отъ повѣствовательной, такъ точно, какъ рѣшено уже имъ отдѣлить текстъ исторіи отъ оправданія и дополненія его выписками внизу страницъ. То и другое, то есть обнародованіе новыхъ источниковъ и критическій разборъ ихъ вмѣстѣ съ литературою своего предмета, могъ бы онъ совмѣстить въ одномъ и томъ же изданіи, котораго программа изложена выше. Но ученые издатели историческихъ свидѣтельствъ часто съ умысломъ уклоняются отъ выраженія конкретнаго воззрѣнія на эти свидѣтельства. Они предоставляютъ людямъ всѣхъ національностей, всѣхъ вѣроученій, всѣхъ политическихъ и литературныхъ партій приближаться къ обнародованнымъ источникамъ непосредственно, безъ категорическаго объясненія для нихъ этихъ источниковъ, неразлучнаго съ извѣстною научною системою. Въ особенности считается нужнымъ отсутствіе такого медіума для людей начинающихъ, которые, по недостатку начитанности, могли бы болѣе другихъ подчиниться авторитетности издателя, во вредъ индивидуальному своему отношенію къ предмету. Другое дѣло—категорическая критика внѣ книги. Къ ней обращаются уже по прочтеніи

источника, для сопоставленія собственнаго суда съ чужимъ. Она тамъ дѣйствуетъ столь же свободно, не стѣсняясь личными взглядами критиканта, какъ и всякое мнѣніе, обращающееся среди общества въ бесѣдѣ устной. Она необходима за предѣлами археографическаго изданія, не только тогда, когда не погрѣшаетъ противъ истины, но даже и въ такомъ случаѣ, когда ее извращаетъ, при увлеченіи критиканта исключительностью принадлежащей ему системы. „Довлѣетъ бо и ересемъ быти". Это сказано о вѣрѣ, но можетъ быть примѣнено и ко всякому иному алканью истины.

Опредѣляемая такимъ образомъ полезность печатанія критической работы въ особой книгѣ даетъ у меня начало новому спеціяльному изданію, которое должно имѣть въ виду всё ту же историческую идею — процессъ возсоединенія Руси, совершавшійся, незримо для современниковъ, въ жизни трехъ народовъ: сѣверно-русскаго, заявившаго геніяльную способность къ образованію государства весьма рано; южнорусскаго, сохранившаго отъ временъ до-историческихъ инстинктъ общественности; и польскаго, работавшаго у себя дома, въ родной славянщинѣ, на пользу не-славянской, даже анти-славянской идеи, — на пользу церкви, которая вторгнулась въ славянскій міръ во всеоружіи нравственной и политической тираніи. Произведенія ума, воображенія, вкуса, а также и всего, чтò можно назвать отсѣдомъ жизни, и чтò автора этой книги интересуетъ спеціяльно, легко могутъ быть отособлены изъ массы печатнаго и рукописнаго слова, по отношенію къ тремъ только что указаннымъ путямъ исторической карьеры трехъ родственныхъ народовъ. Критическая работа можетъ быть открыта немедленно, безъ продолжительныхъ развѣдокъ, такъ какъ матеріялы для нея, большею частью, находятся на лицѣ. Но авторъ представляемой публикѣ книги и въ этой работѣ не желалъ бы трудиться въ одиночку: онъ не увѣренъ

въ достаточности для нея собственныхъ его силъ и способностей. Поэтому, вмѣсто того, чтобы приступить молча къ обсужденію предметовъ критическаго сборника своего, онъ заявляетъ во всеобщую извѣстность, что съ удовольствіемъ дастъ въ своемъ сборникѣ мѣсто каждому безпристрастному обзору одного или многихъ сочиненій, подобно тому, какъ это сдѣлано имъ нѣкогда въ ,,Запискахъ о Южной Руси".

Заглавіе предположенному сборнику будетъ дано слѣдующее: *Критико-библіографическія Работы для Исторіи Возсоединенія Руси*. Въ него войдутъ не только статьи, обнимающія опредѣленный предметъ со всѣхъ сторонъ, но и отрывочныя замѣтки, какія часто составляются въ умѣ при чтеніи историческихъ сочиненій и источниковъ. Вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ въ невѣрномъ хранилищѣ—памяти, или въ бумагахъ, которыхъ сохранность, равнымъ образомъ, ничѣмъ не обезпечена, мы (то есть авторъ и предполагаемые его сотрудники, если они найдутся) будемъ все передавать публикѣ посредствомъ печати, будемъ пускать и крупныя, и дробныя суммы умственнаго капитала въ обращеніе, дабы онъ перешолъ къ нашему потомству съ процентами. Этимъ способомъ, кромѣ достиженія цѣли спеціяльной, достигнется, въ извѣстной степени, и болѣе общая цѣль—предохраненіе будущихъ историковъ отъ крупныхъ и мелкихъ погрѣшностей, пускаемыхъ въ ходъ подъ видомъ истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проложеніе для нихъ новыхъ путей по невоздѣланнымъ еще пространствамъ исторической области, которая доселѣ довольствовалась лишь центральными дорогами.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ проситъ своего снисходительнаго читателя исправить, предварительно чтенія, слѣдующія важнѣйшія опечатки:

на стр.	9,	въ строкѣ,	20	слѣд.	бы напеч.	скрежеталъ на нихъ зубами, а не *скрежеталъ зубами.*
„	—	„	30	„	„	на сеймѣ, а не *въ сеймъ.*
„	11	„	—	„	„	письме́нниковъ, а не *нисьменниковъ.*
„	13	„	12	„	„	года Уханскій, а не *года онъ.*
„	26	„	40	„	„	говóрить, а не *гвóрить.*
„	27	„	9	„	„	замѣчаніемъ, а не *словами.*
„	53	„	9	„	„	древности и новаго времени, а не *древности новаго времени.*
„	72	„	2	„	„	бусурманскую, а не *на бусурманскую.*
„	76	„	10	„	„	чтобы они условились, а не *чтобы условиться.*
„	88	„	19	„	„	панскихъ, а не *папскихъ.*
„	91	„	2	„	„	грошóваго, а не *грóшоваго.*
„	105	„	9	„	„	сношеніями козаковъ съ Волощиною, а не *сношеніями ихъ съ Волощиною.*
„	113	„	16	„	„	Яковъ Потоцкій, Стефанъ Потоцкій, а не *Яковъ Потоцкій, будущій историкъ Хотинской войны.*
„	132	„	31	„	„	началъ Жовковскій, а не *началъ онъ.*
„	137	„	27	„	„	скрывались, а не *скрылись.*
„	138	„	18	„	„	потому продавалась, а не *потому она продавалась.*
„	—	„	24	„	„	коронныхъ, а не *коренныхъ.*
„	153	„	14	„	„	козаки разорили, а не *они разорили.*
„	170	„	10	„	„	Пісочинскій, а не *Лаврінъ Пісочинскій.*
„	172	„	35	„	„	но иноплеменнику, а не *по иноплеменнику.*
„	180	„	20	„	„	Струсь очутился, а не *Струсь, герой лубенскаго побоища, очутился.*
„	192	„	14	„	„	для порабощенія Польши, а не *безъ воли Польши.*
„	200	„	2	„	„	заставляютъ ее, а не *заставляютъ его.*
„	277	„	9	„	„	маршáлка, а не *старосты.*

ГЛАВА XI.

Какъ относились къ козакамъ всѣ сословія и корпораціи въ началѣ столѣтней козацко-шляхетской войны.—Козаки пропагандируютъ своими походами войну съ невѣрными въ отрозненной Руси, въ Польшѣ и наконецъ въ Московщинѣ. — Трагическій моментъ панской республики. — Переходъ къ беззаботной веселости. — Наступленіе грозы со стороны Запорожья.— Начало столѣтней козацко-шляхетской войны.

Смѣло можно сказать, что, при началѣ козацко-шляхетской столѣтней войны, отрозненная Русь была на краю нравственной, а слѣдовательно и матеріяльной, гибели. На козаковъ никто въ то время не смотрѣлъ, какъ на спасительное орудіе промысла (faute de mieux, допустимъ это выраженіе) и даже, какъ на карбачъ, которымъ сила вещей, или другая, болѣе таинственная сила, должна очистить русскую землю отъ нашествія иноплеменныхъ и иновѣрныхъ. Всѣ сословія и партіи смотрѣли искоса на козацкія купы, — всѣ, не исключая ни угнетеннаго духовенства, ни борющихся въ неравной борьбѣ церковныхъ братчиковъ-мѣщанъ, ни безнадежно скорбящихъ и безпомощно обремененныхъ мужиковъ, — не исключая ни православныхъ, ни унитовъ, ни торговыхъ людей, ни землевладѣльцевъ. Тѣмъ менѣе было расположено дворянство къ признанію за козаками присвоеннаго ими себѣ права меча, а въ дворянской средѣ наидальше отъ симпатіи къ этому единственно-русскому воинству былъ домъ, прославленный и прославляемый, какъ „крѣпчайшій столпъ и украшеніе

церкви Божіей“, какъ „самый ревностный поборникъ православія.“ Ему-то больше всѣхъ и не нравилось козачество.

Этотъ домъ, такъ жестоко измѣнившій нашему національному дѣлу въ самое критическое, въ самое опасное, въ самое тяжкое для насъ время, прежде всего измѣнилъ тому рыцарству, которое отстаивало колонизацію Руси противъ заклятыхъ враговъ этой колонизаціи. Козаки пришли свести счеты съ княземъ Острожскимъ; они смотрѣли на него такъ, какъ въ XVIII столѣтіи потомки ихъ — на Саву Чалаго. Съ него рѣшили они начать возмездіе за все, чѣмъ виновато было польское право передъ русскимъ. [1]) Само собою разумѣется, что русскіе паны, а въ томъ числѣ и князья Острожскіе, не сознавали вины своей передъ козаками: они дѣйствовали, какъ всякая ложная идея, воплощенная въ корпорацію, сословіе или государство, — дѣйствовали тѣмъ „необачнѣе“, чѣмъ дальше уклонялись отъ прямой дороги. Не сознавали и козаки великой задачи своей, какъ организмъ, въ которомъ бродятъ неясныя, покамѣсть, представленія о томъ, къ чему онъ предназначенъ. На сколько одни были удалены отъ уразумѣнія политическихъ заблужденій своихъ, на столько другіе неспособны были понимать историческій смыслъ бурныхъ страстей своихъ. Двѣ крайности имѣли между собою то общее, что обѣ были одинаково увѣрены въ правотѣ своей, и тѣмъ самимъ исключали возможность компромиса между собою. Возвышенное въ глазахъ шляхты было возмутительно въ глазахъ козаковъ, а то, что̀ козаки вмѣняли себѣ въ честь и заслугу, шляхта называла грабежемъ и разбоемъ.

---

[1]) Эту мысль высказалъ самъ Константинъ-Василій Острожскій въ одномъ изъ таинственныхъ писемъ своихъ къ зятю Радзивилу: „... tak pan Bog podobno chce mieć, ze co daley, to gorzey, iako ona baba ze wschodu klnąc mowiła, od tego łotrowstwa ukrainnego i naprawy złych a niezboznych ludzi... iakie iuz trwogi od tego łotrowstwa zachodzą, a słusznie to piszę, bo iaki głos to hultaistwo puscilo, ze tu maiętności mych dokonawszy, tam się obrucić chcą, czemu bardzo pilno zabiegać by miała wszystka Rzplita, poki ten pozar kazdego nie dosięgnie“. (Рукоп. Императ. Публ. Библ., отд. польск. № 223 f. IV, л. 8).

Славное царствованіе Стефана Баторія было весьма тяжелымъ временемъ для козаковъ. Фактъ утопленія въ Днѣпрѣ королевскаго посла выражаетъ не дикій разгулъ козацкой вольницы, какъ обыкновенно пишутъ о козакахъ, а дикое отчаяніе людей, которые и за Порогами не находили пристанища, которые не имѣли права на самосудъ и самоуправленіе даже у самой пасти чудовища, пожиравшаго ихъ братій ежегодно, ежемѣсячно, даже, можно сказать, ежедневно. И что̀ же? сила вещей брала свое. Вмѣстѣ съ Глубоцкимъ, козаки утопили въ Днѣпрѣ свой страхъ передъ верховной властью польскою. Стало слышно опять про ихъ подвиги. Стефанъ Баторій умеръ. Паны завели безконечные споры на сеймѣ, кому быть „королемъ королей“ въ Польшѣ. Начались пиршества и такъ называемыя popisywania się. Князь Острожскій съ сыновьями своими въѣхалъ такъ парадно въ Варшаву, что занялъ цѣлый народъ шляхетскій зрѣлищемъ своего конвоя, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ, и въ теченіе цѣлаго дня не далъ панамъ заняться сеймовыми дѣлами. Тріумфальное шествіе możnowładztwa.

Козаки въ это самое время разорили Очаковъ, построенный Менгли-Гиреемъ на русской почвѣ, но вѣсть объ ихъ подвигѣ не доставила сеймующимъ панамъ никакого удовольствія. Даже и самые толковые изъ нихъ за сожженіе Очакова обвиняли козаковъ, какъ за нарушеніе мира съ непріятелемъ, „страшнымъ всему свѣту“, и упрекали сеймъ, что онъ только возбудилъ вопросъ объ опредѣленіи казни этимъ сорвиголовамъ, но никакой казни не опредѣлилъ. „Отъ турка“, говорили они, „мы можемъ ожидать развѣ такой пощады, какую обѣщалъ Циклопъ Улису, то есть, что проглотитъ его послѣднимъ. Стоять одной Польшѣ противъ этого владыки Азіи, Африки и большей части Европы все равно, что одному человѣку—противъ сотни человѣкъ. Первая проигранная битва погубитъ насъ, а онъ выдержитъ и пятнадцать. И то надобно помнить, какъ съ нимъ обходятся другіе потентаты. Сколь-

*

ко онъ отнялъ у генуэзцевъ, сколько у венетовъ! великому испанскому монарху разорилъ Гулету и разныя другія дѣлаетъ досады, — все терпятъ! Молчали и наши предки, когда онъ отнялъ у нихъ Молдавію: рѣшились лучше рукавомъ заткнуть дыру, нежели цѣлымъ жупаномъ."

Такъ ораторствовалъ на томъ же сеймѣ знаменитый писатель Оржельскій, который видѣлъ Запорожье собственными глазами, но не симпатизировалъ ему ни мало. Естественно, что еще меньше симпатизировалъ козакамъ такой магнатъ, какъ Острожскій: онъ привелъ нѣсколько тысячъ вооруженнаго народа не для того, чтобы поддерживать на сеймѣ русское дѣло. Онъ былъ русинъ только въ глазахъ тѣхъ, кому нужно было стращать враговъ православія громкимъ именемъ князя Острожскаго. Для всѣхъ прочихъ онъ былъ польскій магнатъ, котораго только протекторатъ надъ русскою церковью удерживалъ отъ перехода въ латинство. Онъ семейныя письма писалъ попольски. Отправляя въ чужіе края сына, онъ говорилъ ему попольски: „Помни, что ты — полякъ". Но козаки, до самого 1590 года, всё еще чего-то надѣялись отъ стараго соратника; они надѣялись наивно.

За конвокаціоннымъ сеймомъ слѣдовала война съ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ, который вооруженною рукою хотѣлъ взять польскую корону; шляхетское большинство предпочло ему шведскаго королевича Сигизмунда. Было нѣсколько битвъ подъ Краковомъ. Въ этихъ битвахъ участвовало и козацкое войско, то есть извѣстная часть его, подъ предводительствомъ какого-то Голубка. Подъ Бычиною козаки потеряли своего предводителя, помогая Замойскому одолѣть Максимиліана. Это былъ уже 1588 годъ, о которомъ астрономы писали, какъ-будто занимались дѣломъ, что онъ будетъ дивный. Польское общество, ввѣривъ судьбу свою магнатамъ, вѣчно тревожилось предчувствіями, которыя таки и не обманули его. Послѣ варшавскаго сейма запѣли у бернадиновъ Te Deum laudamus и — диво! ошиблись какъ-то въ

пѣніи: „еще одно недоброе предвѣстіе“! замѣчаетъ современникъ. Въ маѣ мѣсяцѣ громовая стрѣла ударила въ одинъ изъ краковскихъ костеловъ. Потомъ затряслись и загудѣли отъ подземныхъ эволюцій Татры, „Сарматскія горы“; потомъ разнесся слухъ, будто-бы въ Вѣнѣ провалилось въ землю нѣсколько домовъ. Все это были таинственныя предсказанія бѣдствій народныхъ.

Но между ложными тревогами были и справедливыя. Въ Польшу приходила одна за другою вѣсть о козацкихъ вторженіяхъ въ землю сосѣдей, отъ которыхъ паны рѣшили обороняться платежемъ дани. То слышали, что козаки разорили и разграбили невольничій рынокъ Козловъ въ Крыму, то получалось донесеніе о сожженіи ими Тягини, Бѣлгорода и другихъ пограничныхъ турецкихъ городовъ и селъ. „Надобно теперь и намъ ждать къ себѣ гостей“, пишетъ сынъ перваго русскаго литератора, сослужившаго службу *трудному*, какъ говорили латинскіе грамотѣи, языку польскому. И ожидали, по-шляхетски: одинъ на другого взваливалъ вину, что въ казнѣ нѣтъ ни тысячи злотыхъ; что нечѣмъ платить жолнерамъ, которые необходимы для прикрытія пограничья; что повѣты не собираютъ постановленныхъ собственными же сеймиками налоговъ. Козаки мстили панамъ на ихъ пріятеляхъ — татарахъ и туркахъ; султанъ мстилъ за козаковъ на самихъ панахъ. Онъ велѣлъ крымской ордѣ поновить слѣды свои, оставленные въ 1575 году вокругъ Тернополя, а орда, какъ говорится, *до сёго тôргу й пішки*. Въ августѣ 1589 года Подолія и Червоная Русь увидѣли старыхъ гостей своихъ, и за новое посѣщеніе заплатили панскими женами, дочерьми и малолѣтнею шляхтою, такъ какъ всѣ взрослые на то время сеймовали. „Коронный гетманъ“, пишетъ Іоахимъ Більскій, „давалъ о нихъ знать, разсылалъ письма, чтобы съѣзжались, но наши долго не вѣрили, пока наконецъ увидѣли татаръ собственными глазами, да было уже поздо“. Даже наемныя роты не могли такъ скоро съѣхаться въ купы. Всё-таки паны пустились въ погоню за добычниками и,

на сколько хватало силъ, бились съ ордою у Буска, Дунаева, Галича. Значительнѣе прочихъ была битва подъ мѣстечкомъ Баворовымъ. Въ Баворовскомъ зáмкѣ укрылась отъ плѣненія сестра короннаго гетмана, пани Влодкова. Татаръ особенно интересовалъ этотъ ясыръ: за него выручили бы они не одну тысячу червонцевъ; и вотъ они, при своемъ обыкновенно плохомъ вооруженіи, рѣшились взять приступомъ зáмокъ, чего никогда не дѣлали. Уже вторгнулись было въ мѣстечко, уже показались и въ „при́городкѣ"; остервенясь потеряли они страхъ, который всегда чувствовали передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, лѣзли въ прудъ, охранявшій зáмокъ, и тонули въ немъ подъ выстрѣлами; но на помощь гетманской сестрѣ прискакалъ Яковъ Струсь (mąż nieprospolity, замѣчаетъ лѣтописецъ) съ своею ротою; за нимъ явились роты Потоцкихъ и Подлѣдовскихъ, подкрѣпленныя ополченіемъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Орда отступила. Но Струсь, потомокъ тѣхъ русскихъ богатырей, братьевъ Струсей, о которыхъ, по словамъ латинской лѣтописи, народъ складывалъ пѣсни, quae dumae vocantur, врѣзался въ самую гущину добычниковъ и былъ изрубленъ ими въ куски: съ нимъ легла почти вся дружина его. „Сваты попоиша и сами полегоша", сказалъ бы древній боянъ, еслибы Струси воевали за землю русскую, а не за польскую.

Иной, болѣе грубой толпѣ воиновъ готовилась въ потомствѣ награда пѣснями, которыхъ не заглушило глухое и нѣмое время, и еще болѣе прочная награда правдивымъ приговоромъ просвѣщеннаго потомства. Когда татары шли уже спокойно, уводя ясыръ, въ числѣ котораго былъ и князь Збаражскій съ своею княгинею, увозя даже телѣги и экипажи панскіе, на нихъ напали козаки. Дѣло происходило ночью. Татары расположились двумя таборами: въ одномъ ночевалъ такъ называемый татарскій царикъ, среди награбленнаго въ панскихъ дворахъ добра и всякаго ясыру; въ другомъ — обыкновенная татарская сволочь, о которой въ наше время трудно составить и понятіе. Убогіе ордынцы хажи-

вали даже пѣшкомъ на добычу, а вмѣсто всякаго вооруженія, за поясомъ у нихъ висѣли лыка для вязанья ясырскихъ рукъ, а въ рукахъ несли они палки съ увязанною на концѣ конскою челюстью [1]). Козаки ударили на таборъ царика, поразили орду на голову, отняли весь ясырь и остальную добычу. На крикъ и стрѣльбу прибѣжали татары изъ другого табора и „обскочили" козаковъ. Но козаки импровизировали крѣпость изъ татарскихъ тѣлъ, изъ телегъ и фургоновъ, и, „побатовавши", то есть увязавъ густо, коней, открыли изъ-за этого парапета по наступавшей ордѣ непрерывную пальбу изъ своихъ самопаловъ, мушкетовъ, пищалей и рушницъ, какъ назывались у нихъ разнородныя и разнокалиберныя ихъ ружья. Два раза напирали на нихъ татары всею своею массою, и два раза отступили съ большимъ урономъ; наконецъ, говоритъ польскій лѣтописецъ, „плюнули и пошли прочь". Всё-таки увезли ордынцы князя Збаражскаго съ его княгинею и тѣхъ смѣльчаковъ, которые, подобно Струсю, напирали на нихъ подъ Баворовамъ съ ничтожными сравнительно силами: двухъ Подлѣдовскихъ, пана Варшавскаго, пана Корытинскаго и другихъ.

Характеристическую роль разыгралъ во время татарскаго набѣга 1589 года князь Константинъ-Василій Острожскій, который для фамильныхъ интересовъ своихъ, явился на варшавкомъ сей-

---

Несторъ польскихъ бытописателей (w ojczystym języku) Мартинъ Бѣльскій, заброшенный въ радомскую околицу русинъ (котораго родное гнѣздо не могло иначе произноситься среди поляковъ, какъ Biała, вмѣсто Біла, но котораго имя документально сохранило свой русскій корень) пишетъ о татарахъ слѣдующее: „Lud iest bardzo nikczemny, y ledwie połowica ich iest coby łuk mieli Pancerow ani zbroie żadney nie maią, iedno w siermięgach się włóczą; aktory zbroi niema, tedy kość kobylą uwiąże u kija miasto broniey, a tak z tym ieżdzą. Nieczym inszym nie stoią, iedno prędkością swą, a druga że wielką nedzę ścierpieć mogą. Głodu ani pragnienia się nie boią, tak że mogą przez trzy dni przez wody y przez iedzenia trwać. Konie ich także, ktore gdy iedno trawy się naiedzą z rosą, tedy od godziny do godziny mogą ubieżeć po kilkanaście mil z wojskiem wielkim, albowiem każdy z nich ma koni wiele na powodzie; gdy mu ieden ustanie, na drugiego usiądzie a tego tam porzuci, abo iesli iaki syty, tedy go zarzeże y ono mięso rozerwą między sobą iako psi".

мѣ во всеоружіи магнатства, съ разнообразнымъ войскомъ, богатымъ обозомъ и артиллеріею. Лѣтописецъ, съ тактомъ мелкопомѣстнаго пана, посвятилъ этому важному факту всего три-четыре строчки, именно: „Woiewoda Kiiowski, Woiewoda Brarławski mieli też zbior ludzi na tem czas przy sobie nie mały, ale że się gniewali, nie chcieli się z sobą spolić: zaczym mohli by byli iaką posługę uczynić, a onych pod Baworowem ratować“ [1]).

Всё-таки у пановъ козаки были виноваты, какъ за татарскій набѣсъ, такъ и за прогнѣваніе Циклопа, который проглотилъ уже много народовъ и готовился проглотить поляковъ. Какъ въ баснѣ вола судили звѣри за порчу скирды сѣна, такъ произносили паны приговоръ за приговоромъ надъ козаками. Дѣла ихъ съ турками принимали наконецъ оборотъ зловѣщій. Полякамъ приходилось рѣшить задачу страшную: to be, or not to be? При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ польскую грудь природа вложила вовсе не заячье сердце: если не львиное, то по малой мѣрѣ волчье. Въ случаѣ крайности поляки дрались, что̀ называется, zajadle. Кто не помнитъ Москвы, Збаража, Остроленки? Воинская доблесть, по замѣчанію Диксона, исчезаетъ послѣдняя въ народѣ. Когда пришлось бы гибнуть подъ кривыми саблями янычаръ, паны доказали бы, что не напрасно читали у классиковъ о гибели Карѳагена. Бѣда была не въ недостаткѣ боевой доблести, а въ томъ, что польское сердце, въ минуты самоуглубленія, сознавало всю бѣдность ресурсовъ своихъ для политическаго существованія Польши. Вскорѣ по смерти Сигизмунда I, публичные ораторы, на „великомъ съѣздѣ всей Польши“ у Львова, обращались къ знатнымъ и незнатнымъ панамъ съ такими убѣжденіями: „Оставьте вы, господа, домашніе интересы ваши и обратите глаза на Рѣчь-Посполитую; всмотритесь во всѣ части

[1]) Кіевскій и браціавскій воеводы собрали также не мало вокругъ себя народу, но, такъ какъ были между собою въ ссорѣ, то не хотѣли соединиться; а—то могли бы принести какую-нибудь пользу и спасти войско подъ Баворовымъ.

ея: не увидите въ ней ничего здороваго: powszechne dobro zgwałcone, domowe wydarte znaleziecie“. Много лѣтъ спустя, другой ораторъ, отъ лица земскихъ пословъ Калишскаго воеводства, говорилъ на сеймѣ въ Варшавѣ 1585 года, между прочимъ, слѣдующее: „Обступили Корону со всѣхъ сторонъ, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія pericula, и скоро можетъ обнаружиться, что, какъ въ прокаженномъ, обреченнымъ на гибель тѣлѣ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой нашей, nic zdrowego, nic bezpiecznego się nie znajduie“.

И вотъ въ этакое-то политическое тѣло втянута была свѣжая еще силами Русь посредствомъ злополучной Люблинской уніи! Предана была наша отрозненная Русь полякамъ собственными протекторами ея, подобно тому, какъ предалъ князь Острожскій родную племянницу князю Димитрію Сангушку, — нѣтъ, хуже! Это была цвѣтущая здоровьемъ, богатая народными пѣснями, наивная въ возвышенности природнаго генія своего суламитянка, увлеченная хитростію и насиліемъ придворныхъ старцевъ къ ложу отжившаго свой вѣкъ похитителя женщинъ. И какъ сильно было это чувство у русскихъ пановъ, — у тѣхъ русскихъ пановъ, которыхъ, въ ихъ пограничномъ положеніи, вѣчно назиралъ непріятель, точно грѣшникъ праведника, и скрежеталъ зубами своими! На избирательномъ сеймѣ по смерти Сигизмунда Августа, когда султанъ грозилъ войною, если поляки изберутъ короля не по его мысли, представитель червоно-русскихъ пословъ, перемышльскій судья Оріховскій, окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Объявляемъ, что наши сограждане, находясь въ крайней опасности, признали за благо — одну часть рыцарства выслать сюда [1]), а съ другою частью остались сторожить, съ оружіемъ въ рукахъ, границу. Мы— самые вѣрные стражи отъ двухъ опасностей: и той, которая угрожаетъ намъ съ тылу, и той, которая касается всего государства. Лю-

---

[1]) Слова земскихъ пословъ не имѣли силы въ сеймѣ, если у нихъ за спиной не стояло земское ополченіе, готовое къ бою за предъявляемыя послами требованія.

бовью къ отечеству заклинаемъ васъ, рыцари, не откажите намъ въ помощи: нѣтъ у насъ больше силъ къ самозащитѣ отъ непобѣдимаго непріятеля. Турчинъ собираетъ на насъ неисчислимыя громады войска, Татаринъ грабитъ насъ, Москва готовитъ войну [1]). Если и вы насъ оставите, гдѣ же тогда надежда избавленія? Никто изъ сосѣдей не пріиметъ насъ и не пріютитъ у себя; изъ свободнаго и сильнаго народа мы сдѣлаемся невольниками варваровъ. Это уже послѣднее притѣсненіе, это послѣднія наши рѣчи, которыя къ вамъ обращаемъ; въ послѣдній разъ утѣшаемъ себя надеждою нерасторжимаго и тѣснаго единенія и союза съ вами. Сограждане, мы ваши кліенты, братья, друзья, родные, мы ваши сыновья, а вы наши отцы, опекуны, защитники. Если изберете недостойнаго короля, то мы, выставленные на такую опасность, принуждены будемъ поддаться грознымъ и сильнымъ врагамъ". Оріховскій, по словамъ знаменитаго лѣтописца Оржельскаго, говорилъ эту рѣчь понурымъ голосомъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица; изъ глазъ его брызнули слезы и заставили умолкнуть.

Напрасныя мольбы, напрасныя надежды! Нелюбимый до сихъ поръ шляхтою Папроцкій въ то самое время печаталъ въ Краковѣ своего рода обличеніе польскихъ пановъ въ ихъ неправдахъ относительно Руси. „Вы", говоритъ онъ, „не жаждете другой свободы, кромѣ свободы торговать скотомъ, да наполнять свои засѣки и клуни. Не въ пестрыхъ саянахъ свобода, господа. Это вамъ засвидѣтельствуютъ тѣ, которые побывали уже въ лыкахъ (со связанными назади руками). Тогда только свободными назвалъ бы васъ цѣлый свѣтъ, когдабъ вы отразили этого падуха (падишаха) и перегородили татарскіе проходы". [2])

---

[1]) Ораторъ вѣрилъ слуху, распущенному тогда, въ видахъ испрашиваемой субсидіи, княземъ Острожскимъ, что будто-бы московскій царь идетъ на Кіевъ.

[2]) Еслибы Папроцкій зналъ Слово о Полку Игоревѣ, онъ бы употребилъ выраженіе, рисующее половецкіе набѣги тѣми же чертами, какими позднѣйшіе повѣствователи рисовали набѣги татарскіе: „Русичи великая поля чрьлеными

Но въ 1589 году, послѣ Баворовскаго дѣла и козацкой побѣды надъ татарами, поляки доказали, впрочемъ, и то на короткое время, справедливость пословицы: mądry Lach po szkodzie. Слышно было, что „турецкій гетманъ“ Гедеръ-баша-беглербекъ [1]) переправился на сю сторону черезъ Дунай, готовясь идти съ громадными силами въ Польшу. Съ нимъ должны были вторгнуться въ польскія владѣнія и татары, но они, на бѣду себѣ, упредили турокъ, къ которымъ относились почти такъ, какъ русины къ полякамъ. Коронный гетманъ Янъ Замойскій съѣхался съ русскими панами во Львовѣ и началъ, какъ возможно скорѣе, готовиться къ защитѣ. Гетманъ предполагалъ соединить съ городомъ верхній за́мокъ общимъ окопомъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ бѣды, обороняться здѣсь до послѣдней возможности. Тѣмъ же порядкомъ долженъ былъ затвориться въ Каменцѣ снятынскій староста Николай Язловецкій. Потомъ принанялъ гетманъ больше войска, затративъ часть собственныхъ денегъ, за поручительствомъ русскихъ пановъ. Сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, будущій царскій тесть, собралъ также „не мало“ народу. Съ нимъ были русины Стадницкіе и много другихъ русскихъ пановъ. Разосланы письма и по другимъ областямъ, чтобы каждый спѣшилъ спаса́ть отечество. Въ Краковскомъ и другихъ воеводствахъ отбывались въ это самое время сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ въ трибуналъ. На этихъ сеймикахъ паны рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству: чтобы съ каждыхъ десяти лановъ снарядить

щиты перегородиша“. Другая напоминающая орду черта: „А половці неготоваши дорогами побѣгоша къ Дону великому“.

[1]) Читатель, можетъ быть, вопрошаетъ себя мысленно: почему авторъ пишетъ баша, а не паша? Потому, что нѣмцы, не имѣющіе въ своей фонетикѣ звука *бе*, а имѣющіе только „*пе* твердое“ и „*пе* мягкое“, научили петровскихъ россіянъ, и даже многихъ, если не всѣхъ, польскихъ писателей и письме́нниковъ, звать султанскихъ башей (*башъ* — голова) пашами; а намъ, украинцамъ, не приходится учиться у нѣмца, какъ называть врага, котораго мы не пускали мѣшать его кабинетнымъ занятіямъ.

пахолка въ полномъ вооруженіи и съ копьемъ въ рукѣ, съ тѣмъ чтобы и на будущее время сеймовымъ закономъ установить эту мѣру на случай крайней опасности. Но тутъ же панская логика взяла свое! „Niebespieczna by nam rzecz była“ говоритъ лѣтописецъ: „broń swą odpasawszy od boku, innemu ią dać“. [1]) Къ этому прибавляли, что пахолки, отданные подъ начальство ротмистру, выбранному на время ополченія, не стали бы ему повиноваться. Рѣшились остаться при старомъ порядкѣ: шляхтичъ, подъ именемъ товарища, приводилъ съ собою столько вооруженныхъ пахолковъ, сколько приходилось на его долю по количеству владѣемой имъ земли, и, будучи ихъ непосредственнымъ начальникомъ, самъ подчинялся распоряженіямъ ротмистра. Этимъ способомъ паны заставляли своихъ крестьянъ дѣлать военное дѣло передъ своими глазами, принимая въ немъ участія на столько, на сколько принимали въ работахъ хозяйственныхъ. Отсюда взяло свое начало то зловѣщее явленіе, которое уравномѣрило силы двухъ борющихся въ государствѣ республикъ—шляхетской и козацкой: вооруженные пахолки, пріобрѣвъ боевую опытность, при всякомъ удобномъ случаѣ переходили изъ-подъ хоругви наслѣдственнаго пана подъ хоругвь избирательнаго козацкаго начальника, какъ объ этомъ съ тревогой говорятъ „Volumina Legum“ уже подъ 1590 годомъ. Таково было устройство панской республики, таковы были нравы и интересы шляхты, что по неволѣ она должна была, „отпоясывая отъ своего бока мечъ, ввѣрять его другому“. Баворовская битва, описанная паномъ Більскимъ такъ, какъ-будто и она заслуживаетъ пѣсень, quae damae vocantur, была не что̀ иное, какъ пораженіе: въ этомъ смыслѣ представлена она даже въ донесеніи королю, который гостилъ тогда у своего отца, короля шведскаго. Она, вмѣстѣ съ другими тревожными новостя-

---

[1]) Опасно было бы это для насъ: отпоясавъ отъ своего бока саблю, ввѣрить ее другому.

ми, заставила гостя прервать застольный банкетъ и спѣшить въ Польшу.

Еще до возвращенія короля, снаряженъ былъ къ отъѣзду въ Турцію полномочный посолъ Уханскій съ порученіемъ заключить съ турками миръ, во чтò бы то ни стало. Приключенія этого посольства бросаютъ мрачный свѣтъ на положеніе Рѣчи-Посполитой: въ такомъ отчаянномъ положеніи никогда еще она не бывала,—никогда, даже и въ 1241 году, во время великаго нашествія татаръ. Существуетъ у насъ повѣрье, что когда конь споткнется въ воротахъ, дорога не будетъ благополучна. Съ Уханскимъ случилось хуже: онъ, въ самомъ началѣ своего пути, сломалъ ногу и лежалъ больной во Львовѣ. Въ концѣ декабря 1589 года онъ былъ, однакожъ, уже въ Силистріи. Тамъ онъ цѣлыхъ два часа проговорилъ съ беглербекомъ силистрійскомъ о козакахъ: козаки уже и тогда были мучительнымъ мозолемъ на ногѣ у поляка и турка. Но разговоръ объ нихъ кончился не менѣе мучительнымъ для пановъ вопросомъ со стороны беглербека: почему король не держитъ при султанѣ постояннаго посла, который бы регулярно выплачивалъ все, чтò слѣдуетъ отъ Польши, въ султанскую казну? Читатель пойметъ затруднительнос положеніе Уханскаго, если я скажу, что польскіе полномочные послы отправлялись иногда въ Турцію съ 600 злотыхъ въ карманѣ, что они прибѣгали къ такимъ выдумкамъ, какъ потопленіе обоза на Дунаѣ (при чомъ представляли купленныя у мѣстной власти свидѣтельства), и что классически воспитанные паны королевской рады, вмѣсто всего, чѣмъ бываютъ сильны представители интересовъ государства при чужомъ дворѣ, важно снабжали своихъ пословъ совѣтомъ подражать хитроумному Улису, который такъ ловко обманулъ Циклопа въ пещерѣ. Хитросплетенія Уханскаго въ этомъ родѣ только раздосадовали беглербека, который, въ качествѣ турка, презиралъ классиковъ и классически изолгавшееся потомство ихъ. Впрочемъ, на другой день, онъ послалъ къ нему главныхъ чиновниковъ своихъ,

которые проговорили съ нимъ битыхъ четыре часа о козакахъ, какъ о виновникахъ нарушенія мира. Беглербекъ стоялъ на своемъ: что теперь иначе не возможно туркамъ помириться съ поляками, какъ на условіи—получать съ нихъ ежегодную дань. Съ трудомъ добился Уханскій пропуска въ Царьградъ, подаривъ два сорока соболей да британскихъ собакъ неподатливому беглербеку, который, хлопоча о султанѣ, былъ, какъ водится, себѣ на умѣ. Пришлось задобрить и его приближенныхъ. Но на варшавскомъ сеймѣ 1590 года получено извѣстіе, что Уханскій скончался въ концѣ прошлаго года, не исполнивъ посольства, что его мѣсто занялъ панъ Лащъ, и что все дѣло находится въ печальнѣйшемъ положеніи. Раздосадованные турки давали только сорокъ дней сроку для присылки новаго посла съ ежегодною данью во сто коней, навьюченныхъ серебромъ (каждый конь долженъ былъ нести тысячи тахровъ). На случай неимѣнія денегъ, предлагали полякамъ *потурчиться*. „Если этого не сдѣлаете", говорилъ именемъ султана главный баша, по имени Синанъ-баша, „то я сотру васъ съ лица земли, и самую землю вашу обращу въ ничто. Уже съ персомъ заключенъ у насъ миръ, и вотъ онъ прислалъ въ заложники своего сына. Нѣмецкій цесарь платитъ намъ дань и долженъ тотчасъ выдать ее впередъ за три года. Такова вѣра наша: чтобы всѣ гяуры—или платили дань, или приняли магометанство". Это не была пустая угроза, и поляки не приняли требованіе потурчиться, какъ нѣчто такое, чего турки не могутъ домогаться отъ нихъ серьозно. Синанъ-баша называлъ осиротѣлое посольство безъ околичностей псами и не хотѣлъ слышать о продленіи отсрочки дальше сорока дней; а съ отъѣзда посольскаго вѣстника, пана Чижовскаго, прошло уже 28 дней. „Если у васъ есть хоть капля ума", говорилъ баша, который, какъ видно, былъ о полякахъ одного мнѣнія съ москалями, „то опомнитесь. Кто устоялъ когда-либо противъ меня? Персія ужасается меня, Венеты дрожатъ передо мною, Испанецъ молится, Нѣмецъ долженъ дать, что потребую. Пошлю къ

вамъ всѣ татарскія орды, пошлю волоховъ, молдаванъ, башу будинскаго, темешварскаго, беглербека силистрійскаго съ двумя стами тысячъ войска. Самъ своею головою поѣду за ними съ тремя стами тысячъ людей. И вы смѣете думать объ отраженіи меня! Весь міръ дрожитъ передо мною"! Эти слова (докладывалъ Чижовскій), кричалъ онъ, какъ бѣшенный. Всѣ посольскія вещи были описаны; за сопротивленіе описи грозили половину посольства повѣсить на желѣзныхъ крючьяхъ, какъ Вишневецкаго, а половину посадить на галеры. Пробовали послы задобрить башу 12-ю тысячами талеровъ, но онъ не захотѣлъ и посмотрѣть на такой ничтожный подарокъ. „Нѣтъ и на свѣтѣ такихъ измѣнниковъ, какъ вы"! кричалъ онъ. „Вашъ король поѣхалъ къ отцу, стакнулся съ Максимиліяномъ, выдалъ за него сестру, уступаетъ ему королевство и готовится вторгнуться къ намъ черезъ Волощину со стадвадцатитысячнымъ войскомъ, а Замойскій черезъ Седмиградскую землю съ другимъ войскомъ! Знаемъ, что̀ вы тамъ дѣлаете! Или давайте дань, или принимайте нашу вѣру". Съ своей стороны, силистрійскій беглербекъ писалъ къ коронному гетману, что если поляки ни того, ни другого не сдѣлаютъ, то всѣ ихъ земли будутъ обращены въ ничто и вытоптаны конскими копытами.

Коронный гетманъ, доложивъ сейму объ этомъ требованіи, упалъ на колѣни и, простирая руки къ небесамъ, умолялъ собраніе спасать отечество, пока еще не поздо. Что̀ касается до него, то онъ готовъ жертвовать жизнью и, какъ бездѣтный, всѣмъ своимъ имуществомъ. Трагическій моментъ побѣдилъ на время личные интересы шляхты: опредѣлено было поголовное ополченіе, такъ называемое pospolite ruszenie, и по копѣ грошей съ каждаго лана земли, или такъ называемое pogłowne. Отъ поголовнаго не былъ изъятъ никто, ни духовенство, ни королевскіе дворяне, ни даже безземельные. Въ распредѣленіи этого налога интересны нѣкоторыя цифры. Гнѣзненскій арцибискупъ обязанъ былъ уплатить „за свою особу" 600 злотыхъ; львовскій арцибискупъ — 200;

Тотчасъ же были избраны провизоры для распоряженія, какъ подданными, такъ и поголовными деньгами. Они были уполномочены занять, какимъ бы то ни было способомъ, на кредитъ Рѣчи-Посполитой, въ Коронѣ 1.000.000, а въ Литовскомъ княжествѣ 500.000 злотыхъ. Король, имѣя при себѣ этихъ провизоровъ, долженъ былъ жить во Львовѣ, а гетманы коронный и литовскій, въ сопровожденіи одного такого же провизора, идти противъ непріятелей; но „украинные люди" (ихъ не хотѣли назвать козаками) должны были, еще прежде гетмановъ, идти противъ татаръ вмѣстѣ съ тѣми „служебными", которые были на Подольѣ; если же татаръ не встрѣтятъ, то „опановать" Волощину и, согласясь съ волошскимъ господаремъ, до тѣхъ поръ не давать туркамъ переправиться черезъ Дунай, пока не соберется все польское войско. А войска предполагалось собрать вотъ сколько: копейщиковъ 35.000, рейтаръ 15.000, венгерской пѣхоты 10.000, собственной 30.000, козаковъ (вѣроятно, тутъ разумѣлись „украинные люди") 20.000. Послѣдняя цифра интересна въ томъ отношеніи, что въ то же самое время, сеймовымъ закономъ, число козаковъ ограничено 6-ю тысячами; прочихъ предоставлялось каждому пану ловить и казнить смертью.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, каковъ былъ настоящій, шляхетская республика готова была дѣйствовать съ великодушіемъ и самопосвященіемъ римлянъ, которыми съ самого дѣтства іезуиты портили панское воображеніе и панскую манеру держать себя. Все чрезвычайное ополченіе Польши противъ турокъ, по исчисленію финансистовъ, обошлось бы на полъ-года въ $4\frac{1}{2}$ милліона злотыхъ; но они не отступили и передъ этою цифрою, нужды нѣтъ, что ихъ послы не могли иногда получить на дорогу въ Царьградъ болѣе 600, и покупали тамъ въ долгъ куски матеріи у знакомыхъ купцовъ, лишь бы какъ-нибудь соблазнить подарками лукавыхъ, дерзкихъ на воровство, и въ то же время раболѣпныхъ, придворныхъ грознаго деспота. Польскіе агенты

обратились къ святому отцу и къ венеціянцамъ съ просьбой о займѣ; но обѣ торговыя конторы, духовная и свѣтская, знали польскіе финансы лучше королевскихъ подскарбіевъ. По всей Европѣ бѣгали юрливые паны и ксензы, перещупали и дóма всѣ карманы,—нигдѣ не оказалось денегъ. Конечно такой тузъ, какъ Василій князь Острожскій, у котораго наслѣдника, въ 1620 году, насчитано 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ и на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты, могъ бы выручить отечество въ этой крайности; но, если святой идеалъ пановъ, преподававшій имъ науку жизни изъ Ватикана, предпочиталъ свой Римъ всему земному шару, то и такимъ людямъ, какъ Острожскій, слѣдовало издерживаться только на поддержаніе широкой славы двора своего и всему на свѣтѣ предпочитать свой прославляемый Острогъ. О князѣ Василіи не было даже слышно въ это время тамъ, гдѣ говорили о пожертвованіяхъ: ему не на что было исправить даже кіевскихъ укрѣпленій, этихъ воротъ въ его собственное воеводство, отворенныхъ настежь передъ сосѣдними силами.

Очутясь въ положеніи безвыходномъ, польскіе паны нашли изъ него самый великодушный выходъ,—превзошли, чтò называется, самихъ себя. Они рѣшились (неслыханное дѣло!) изгнать изъ Польши всѣ излишества. Еслибъ съ этого начали они панованье свое, еслибы взяли за образецъ подольскихъ пограничныхъ пановъ, пока еще не развратили ихъ вывозною изъ-за границы роскошью,—они были бы народъ великій и не нуждались бы въ подражаніи знаменитымъ разбойникамъ древняго міра—римлянамъ. Но лучше поздо, нежели никогда. Паны опредѣлили: отбросить шолкъ и ходить въ простомъ суконѣ; сафьянъ — прочь! брыжи, то есть всѣ кружева и манжеты,—прочь! дамскіе наряды—прочь! запретить ввозъ винограднаго вина въ Польшу; довольствоваться домашними напитками. Не оставалось ничего желать отъ величія духа польскаго рыцарства. „Wszakże to tylko była mowa: do skutku

nic nie przyszło“, [1]) печально, даже безъ сарказма, замѣчаетъ, въ концѣ своей реляціи, свидѣтель польскаго великодушія, нашъ русинъ Іоахимъ Бѣльскій, волею судебъ очутившійся вторымъ послѣ своего отца, Мартина Бѣльскаго, польскимъ исторіографомъ w ojczystym ięzyku.

Я пишу исторію русскаго общества, а не Польскаго государства, — описываю жизнь и страданія вѣчно молодой красавицы Руси, обвѣнчанной путемъ обмана и насилія съ распущеннымъ старикомъ Ляхомъ; а потому оставлю лехитскія, ляшескія, лядскія дѣла и перейду къ дѣламъ русскимъ; оставлю тѣ дѣла, которыя должны быть погребены въ молчаливомъ архивѣ, и перейду къ тѣмъ, которыя имѣютъ передъ собою живую перспективу. Но нельзя не сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ *ляхи лядували.*

Среди шумныхъ приготовленій къ войнѣ, расписанія войскъ собиранія средствъ для похода, нахмуренное чело польскаго Марса вдругъ прояснилось отрадною мыслью: „posłać do tego Tyranna, ażeby się iescze iako uśmierzył i od przedsięwzięcia swego cofnął“! [2]) Мысль оказалась счастливою: едва посолъ пріѣхалъ въ Царьградъ, какъ Синанъ-баша, этотъ наглый временщикъ, у котораго на языкѣ было только *я, я,* и который, въ сознаніи своей силы, забывалъ творца этой силы — падишаха, слетѣлъ съ своего мѣста. Его преемникъ Ферагъ-баша не могъ еще смотрѣть равнодушно на такую бездѣлицу, какъ 12.000 талеровъ. Султанъ, какъ султанъ, въ вознагражденіе за вредъ, причиненный козаками, удовлетворился обѣщаніемъ доставить ему сто сорокъ соболей. Такъ называемый вѣчный миръ былъ заключенъ. Теперь опять можно было ляхамъ *лядувати.* Вслѣдъ за тѣмъ заключили поляки миръ и съ

---

[1]) Однакожъ это были только слова: ничто не было выполнено.

[2]) Не послать ли къ этому тирану, авось-либо какъ-нибудь смягчится и отъ предпріятія своего откажется!

татарами, „но съ непремѣннымъ условіемъ“, говоритъ серьозно лѣтописецъ: „чтобы козаки были уничтожены“.

Давъ это удобоисполнимое обѣщаніе татарамъ, поляки никакъ не могли совладать съ войскомъ, собраннымъ второпяхъ противъ Турчина. Это войско, не получивъ, по обыкновенію, обѣщаннаго жалованья, разъѣзжало по королевскимъ и другимъ имѣніямъ, дѣлало регулярные наѣзды, забирало живность и доводило дѣло до кровавыхъ сценъ. Другая часть великодушныхъ защитниковъ отечества въ годину величайшей опасности засѣла въ Самборѣ и дѣйствовала, какъ законная власть, по сбору денегъ и съѣстныхъ припасовъ съ окрестностей. Совѣтовали нѣкоторые паны поступить съ ними строго, но болѣе осторожные, знавшіе твердо исторію республиканскаго Рима, пророчили отсюда грозную бѣду. Наконецъ король сдѣлалъ заемъ, расплатился съ жолнерами частью наличными деньгами, частью товарами, насильно забранными въ долгъ у купцовъ, и распустилъ домашнюю орду.

Вслѣдъ за тѣмъ наряжена была коммисія по вопросу о козакахъ, надъ которыми „старшимъ“ поставили снятынскаго старосту Николая Язловецкаго, того самого, которому поручено было построить за́мокъ на Кременчукѣ. Ale z tego wszystkiego nie było nic“, скромно и грустно заключилъ лѣтописецъ.

Зато Краковъ и Варшава шумѣли пиршествами и публичными сценами по случаю двухъ свадебъ: король женился на австрійской принцессѣ, а овдовѣлый недавно канцлеръ Янъ Замойскій—на дочери сендомирскаго каштеляна Тарновскаго. Отчаяніе, въ которомъ еще недавно находились поляки, было забыто совершенно. Самого лѣтописца, у котораго въ жилахъ текла не столь измѣнчивая кровь, заняли маскарады, „гонитвы“ на рынкѣ передъ дамами, разукрашенныя ворота, Атласъ и Геркулесъ, державшіе на себѣ королевскій космосъ, фейерверки въ видѣ воздушныхъ кораблей и гидръ, наряжанье государственныхъ людей въ азіятскіе костюмы, и даже трубачъ, взобравшійся на верхъ

костела Панны Маріи, чтобы протрубить оттуда краковянамъ сочиненную іезуитами, вмѣсто народной, пѣсню: „Jesu dulcis memoria“.

А Сарматскія горы между тѣмъ „гучали“; темное предчувствіе иного рода гонитвъ и Геркулесовъ томило сердца людей, которые умѣли вглядываться въ составъ государства, зачатаго ксензами и воспитываемаго іезуитами. „Дикая милиція“ возникала среди имѣній, которыя недавно не могли дать панамъ средствъ для спасенія Польши „отъ поганской неволи“, [1]) а теперь давали средства на соперничанье другъ съ другомъ въ роскоши.

Дикая милиція, таившаяся въ народѣ до вызова на сцену дѣйствія, была олицетвореніемъ того убѣжденія, которое господствовало на воинственномъ русскомъ пограничьѣ, и которое Папроцкій такъ рельефно передъ нами выставилъ, — убѣжденія въ необходимости воевать съ мусульманами. Это былъ главный вопросъ тогдашней европейской политики; всѣ хлопотали о томъ, какъ бы сразить султана, этого вѣчно рыкающаго льва, который глоталъ народъ за народомъ и которому въ разверстую пасть одни русаки, по выраженію Папроцкаго, смѣло совали руку. Во всемъ ходу международной политики, со времени паденія Царьграда, эта идея была преобладающею, но никто не принималъ ее такъ близко къ сердцу, какъ „разбойники“ козаки. Сколько, однакожъ, ни проповѣдывали они ее въ Польшѣ своею молчаливо-дѣятельною проповѣдью, Польша предпочитала гонитвы на краковскомъ рынкѣ гонитвамъ по Чорному морю и держалась твердо убѣжденія, что воевать съ турками нѣтъ возможности. Одинъ только Замойскій думалъ иначе: онъ былъ русинъ; онъ былъ родственникъ по крови козакамъ и тѣмъ панамъ подольскимъ, которые смѣло совали руку въ пасть рыкающему льву.

[1]) Лишь только миновало первое впечатлѣніе ужаса, паны стали обвинять короля въ принятыхъ имъ мѣрахъ защиты отечества, а король оправдывался, что все это дѣлалось единственно „dla uiscia niewoli pogańskiey“.

Онъ оставался вѣренъ стремленію Стефана Баторія, и въ самомъ началѣ царствованія Сигизмунда совѣтовалъ ему взяться за это дѣло. Совѣтъ оказался напраснымъ: заслоненные Русью польскіе паны пустили планъ Замойскаго въ проволочку. [1]) Но Замойскій принадлежалъ еще къ героическому вѣку польско-русской шляхты. Его питомецъ и преемникъ, Станиславъ Жолковскій, такой же русинъ, какъ и онъ подъ конецъ жизни, пришолъ къ убѣжденію противоположному, [2]) хотя до конца сохранилъ боевое мужество и завершилъ свое военное поприще, какъ подобало рыцарю. Только козаки не измѣнили той идеѣ, которая вызвала ихъ корпорацію къ существованію, и продолжали проповѣдывать ее всюду. Какимъ-то невѣдомымъ путемъ перебросили они свою задушевную мысль въ кремлевскія палаты; но тамъ она была заявлена устами, вкушавшими богоненавистную телятину; москвичи убили великую мысль посредствомъ обманутой черни, даже не взявъ на себя труда вникнуть въ нее (черта характеристическая). Дикая милиція продолжала свое дѣло безъ союзниковъ, и подъ Хоти-

---

[1]) Это было высказано Замойскимъ на сеймѣ 1605 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ смыслѣ оправданія себя предъ потомствомъ. На сеймѣ 1614 года, гнѣзненскій архіепископъ Барановскій припоминалъ слова Замойскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Mowił y' to Canclerz y Hetman Koronny, człek wielki y wieczney pamięci godny, Pan Jan Zamoiski, ze iako wielka Philosophia iest kazdemu człekowi choć młodemu z obawą myslenie o smierci, tak Szlachcicowi Polskiemu o woinie Tureckiey, sposobiaiąc się do dania odporu molli Turcici, gdy ią Pan Bog za grzechy na Koronę dopusci.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 126.)

[2]) Отправляясь въ походѣ противъ Скиндеръ-баши въ 1617 году, Жолковскій писалъ къ королю отъ 20 февраля: „Krol peski, tak mozny monarcha, odległoscią samą nieiako bezpieczny, przyimuie iednak kondycyi wszelkie, zeby tylko pokoy miał; wszyscy monarchowie swiata tego kłaniaią, o pokoy proszą; kozdy choć odległy, kto moze mieć przyiazń, zyczy iey sobie. My co będziemy czynić, ktorysmy w tak blizkim sąsiedztwie barziey nizli kto obnoxi niebezpieczenstwu. Ma na nas ten smok w sąsiedztwie tak wielkie woiska tatarskie, ktore iako charty na smyczu trzyma, nie moze zadnemu sąsiadowi potężny i drozszy być, iako nam, a będzie sobie lekce wazyć siłę i potęgę wszystkiemu owiatu strasznа“...

номъ доказала, что Турчина можно побить на сушѣ такъ же хорошо, какъ и на морѣ. Но примѣръ энергіи—для облѣнившихся людей не примѣръ. Дожили козаки до Владислава IV, любимца своего между королями, которому они извиняли даже то, что онъ среди походнаго лагеря обѣдалъ не иначе, какъ въ постели (великодушіе со стороны украинцевъ безпримѣрное), и уже ихъ мысль готова была осуществиться надъ турками; но поляки не лучше поступили съ польскимъ органомъ нашей народной идеи, какъ москвичи — съ московскимъ: они чуть не свели Владислава съ ума, или съ престола. Козаки снова остались одинокими дѣятелями русско-турецкаго вопроса. Наконецъ „царь Петрó" удовлетворилъ разумной Немезидѣ украинской, и за это козаки не помянули ему зломъ его, какъ они назвали, *жорстокости*. Но еще больше одолжила ихъ царица, которой лучшее названіе — *Вторая* какъ это „наковано" ею на памятникѣ, воздвигнутомъ ею *Первому*. За Турчина и за Татарина забыли они ей даже Коліівщину, разыгранную ими столь невпопадъ, отъ ея имени, и даже въ жалобныхъ пѣсняхъ о разореніи Січи сохранили къ ней сыновнее почтеніе: она и тамъ у нихъ *Великий Світъ наша Мáти*, а вовсе не то, чѣмъ представила ее намъ полупьяная муза Шевченка. [1])

---

[1]) Я знаю, что эти слова произведутъ на многихъ читателей неблагопріятное для автора впечатлѣніе, и спѣшу заявить, что для историка слово правды должно быть дороже благосклонности читателей. Въ противномъ случаѣ, наша исторіографія (а Шевченко составляетъ одинъ изъ ея неустранимыхъ предметовъ) ни чѣмъ не превзойдетъ польской, съ ея славословіями. Никто не написалъ столько о Шевченкѣ въ похвальномъ смыслѣ, сколько авторъ этой необработанной книги; но это не мѣшало ему видѣть всѣ недостатки распущенной музы Шевченка. Какъ необходимы были въ свое время похвалы, такъ необходимо теперь показать медаль съ оборотной стороны. Еслибы возможно было всѣ произведенія Шевченка пустить безразлично въ дешевую распродажу по Украинѣ, то само общество явилось бы на току критики съ лопатою въ рукахъ: оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стиховъ Шевченка въ житницу свою; остальное было бы въ его глазахъ не лучше сору, „егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли". Отверженіе многаго, что̀ написано Шевченкомъ въ его худшее

Возвращаясь къ прерванному повѣствованію, скажу, что козаки обыкновенно дѣлали свое дѣло молча, но нельзя не замѣтить, что всего больше вооружались они на пановъ или „короленятъ" всякой разъ, когда паны отдѣлывались отъ преемниковъ Батыевыхъ деньгами. На примѣръ, послѣ Хотинскаго мира слѣдовалъ рядъ покушеній разорить государство, неспособное стоять съ оружіемъ въ рукахъ на стражѣ христіянства, а послѣ панскаго наси-

---

время, было бы, со стороны общества, актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умоизступленіи своемъ. *Усé минéться, однá прáвда зостаéться*, говоритъ наша пословица.

Обратимся теперь къ народной памяти о великомъ воителѣ и великой воительницѣ исконныхъ враговъ Украины. Одна изъ самыхъ печальныхъ пѣсень о разореніи козацкаго гнѣзда за Порогами, которую можно назвать козацкимъ плачемъ, начинается такимъ почтительнымъ сѣтованіемъ на Екатерину, какое могли бы позволить себѣ только дѣти относительно матери, хотя надобно при этомъ сказать, что пѣсня сложена была эмигрантами. Вотъ оно, это начало:

Великий Світъ наша Мати
Нáпустъ напустила
Славне Військо Запорозьке
Та й занапастила.

Это достойно трезваго вниманія народоизучателей: что о Богданѣ Хмельницкомъ, этомъ Александрѣ Македонскомъ украинскихъ лѣтописей, я собственными ушами слышалъ въ народѣ вотъ какую пѣсню:

Бодай Хмеля-Хмельницького
Перва куля не минула,
Що велівъ брати паробкú й дівкú
И молоді молодиці.
Паробки йдуть співаючи,
А дівчáта ридáючи,
Молодиі молодиці
Старóго Хмеля проклинаючи:
Та бодáй Хмеля-Хмельницького
Перва куля не минула!...

между тѣмъ какъ во всѣхъ слышанныхъ мною пѣсняхъ, легендахъ и воспоминаніяхъ о Петрѣ и Екатеринѣ, *Первый Императоръ* и *Матушка Цариця* (народныя названія) ни однимъ словомъ не заподозрѣны украинскими простолюдинами въ измѣнѣ интересамъ народнымъ, и вспоминаются съ величайшимъ

лія надъ Владиславомъ и Оссолинскимъ въ 1646 году, они наконецъ и разорили-таки это собраніе тузовъ, ворочавшихъ безъ толку судьбою народною. Не иначе слѣдуетъ разумѣть и войну, начатую ими вслѣдъ за краковскими и варшавскими увеселеніями 1592 года. Нашъ ополяченный землякъ Іоахимъ Більскій, польскимъ обычаемъ, игнорировалъ подвиги козацкіе и давалъ въ своей драгоцѣнной, впрочемъ, лѣтописи больше мѣста геройству шляхты, которую, на примѣръ, подъ Баворовымъ, въ виду поль-

почитаніемъ. Шевченко, въ этомъ случаѣ, шолъ въ разрѣзъ съ украинскимъ народомъ, подъ вліяніями вовсе не поэтическими. Онъ „межъ дѣтей ничтожныхъ міра" часто бывалъ ничтожнѣе всѣхъ. При всемъ своемъ талантѣ, онъ много пострадалъ отъ первоначальной школы, въ которой получилъ то, что̀ въ немъ можно было назвать, faute de mieux, образованіемъ. Онъ долго сидѣлъ на сѣдалищахъ *губителей*, которые, по еврейскому подлиннику 1-го псалма, означаютъ злоязычниковъ, а передъ ихъ сѣдалищами вѣчно стоялъ жертвенникъ худшему изъ олимпійцевъ. Исторія извѣстная.

Къ этому примѣчанію нахожу нужнымъ присовокупить другое примѣчаніе,— именно о томъ, почему украинское простонародье относится весьма симпатично къ идеѣ монархической власти. Его историческое прошедшее привело его къ убѣжденію, что только *эта* форма правительства обезпечиваетъ безопасность личности, семьи, имущества, наконецъ и самой религіи. Мысль эту я высказалъ еще въ 1862 году, въ статьѣ о публичныхъ лекціяхъ Н. И. Костомарова (помѣщенной въ газетѣ „Вѣкъ"). Поэтому и нѣтъ надобности о ней распространяться. Скажу только, что вовсе не низменное, такъ сказать, придавленное положеніе простолюдина и не невѣжество его въ исторіи и другихъ наукахъ заставляютъ его лелѣять мысль о монархизмѣ, какъ идеалъ правды на землѣ (онъ *такъ* понимаетъ монархизмъ). Я бы могъ привести нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выразились весьма рельефно самостоятельность его сужденія о предержащихъ властяхъ вообще и о нѣкоторыхъ личностяхъ въ частности; но ограничусь замѣчаніемъ, что, стоя низко на общественной лѣстницѣ, украинскій пролюдинъ вовсе не думаетъ, что разстояніе между ея низомъ и верхомъ очень велико. Онъ относится къ этому вопросу такъ простосердечно, какъ тотъ, кто, среди полей обѣтованной земли, напѣвалъ подъ гусли: „Малъ бѣхъ въ братіи моей".... Онъ представляется самъ себѣ такою важною моральною единицею, что, по его мнѣнію, не только царь, но и самъ Богъ можетъ непосредственно съ нимъ бесѣдовать. Нѣкто, путешествуя пѣшкомъ по Украинѣ для народоизученія (во времена оны, не теперь), бесѣдовалъ со встрѣченнымъ на ярмаркѣ слѣпымъ кобзаремъ и внушилъ ему своею рѣчью столь высокое о себѣ понятіе, что кобзарь, съ наивностію Гомеровыхъ личностей, сказалъ: „Я хочъ и про̀стый чоловікъ, та знаю, хто се зо мною говорить: се або царь, або Богъ." (Sic).

скаго войска, вязали татары лыками; но о первой попыткѣ козаковъ попробовать силы своей на панахъ написалъ слѣдующія достойныя вниманія слова: „Jakoż nie trzeba sobie było lekce tych rzeczy ważyć: bo pospolicie z takich małych początków wielkie się rzeczy stawaią. [1]) Эти слова написаны нашимъ бѣднымъ соплеменникомъ вслѣдъ за извѣстіями о первыхъ дѣйствіяхъ козацкаго предводителя Косинскаго, къ которому король напрасно посылалъ мандаты, а коронный гетманъ — письма. Більскій, въ своей лѣтописи ограничился только ~~словами~~ замечаніемъ, что Косинскій „czynił wielkie szkody na Podolu w maiętnościach Xiążęcia Ostrozkiego“, точно какъ-бы желалъ поскорѣе отвернуть отъ него глаза. Мы распространимся объ этой знаменитой, по своему начинанію, личности нѣсколько больше.

Прежде всего надобно сказать, что это — личность, все-таки для насъ темная, именно потому, что всѣ *письмѐнные* люди въ Рѣчи-Посполитой смотрѣли на Косинскаго, какъ на обыкновеннаго наѣздника, какихъ было много между шляхтою, какимъ случалось бывать и самому князю Острожскому. [2]) Можетъ быть, по ту сторону Вислы одинъ только ополяченный русинъ, своего рода потурнáкъ, и почуялъ въ новой стаѣ запорожцевъ, въ новомъ ихъ кличѣ, въ новомъ движеніи, нѣчто зловѣщее для польскаго права, для политической системы польской, точно какъ ручной орелъ, одинъ среди множестка домашней птицы, чуетъ орлинымъ серд-

[1]) Потому-то не слѣдовало пренебрегать этими явленіями: ибо такія малыя начинанія обыкновенно превращаются въ грозныя дѣла. — Эти слова получать больше силы, когда мы примемъ во вниманіе, что лѣтописецъ далеко не дожилъ до грознаго развитія козацкой силы и умеръ въ 1599 году.

[2]) Въ письмѣ къ Криштофу Радзивилу отъ 3 марта 1599 года (см. въ приложеніяхъ ко II-му тому) князь Константинъ-Василій Острожскій говоритъ мимоходомъ, что Янъ Замойскій выпросилъ у короля два села *Косинскому*, отъ котораго купилъ ихъ князь Вишневецкій. Это имя не встрѣтилось мнѣ больше нигдѣ въ современныхъ бумагахъ и, по всей вѣроятности, принадлежитъ лицу, которое какими-то судьбами очутилось во главѣ украинскаго движенія противъ шляхетскаго полноправства.

цемъ, что говорятъ между собою, къ чему готовятся вольные братья его,—чуетъ и знаетъ, что они „клектомъ своимъ на кости звѣри зовутъ“... Більскій предчувствовалъ и предвидѣлъ грозныя для шляхты событія.

Кто, однако же, былъ этотъ зловѣщій Косинскій? Косинскій, сколько намъ о немъ извѣстно, былъ шляхтичъ изъ Подлѣсья, слѣдовательно принадлежалъ не къ „козакамъ-чорнякамъ“ а, такъ сказать, къ кадрамъ Запорожскаго Войска, которое обязано своимъ устройствомъ рыцарскому сословію Рѣчи-Посполитой и только впослѣдствіи мало-помалу омужичилось. (Замѣтимъ, однакожъ, что и во времена Боплана козаки не имѣли еще физіономіи простонародной толпы. „Отправляясь въ походъ или задумывая о какомъ-нибудь предпріятіи“, говоритъ французскій инженеръ, „козаки дѣлаются необыкновенно воздержны; тогда, кромѣ одежды, нельзя замѣтить въ козакѣ ничего грубаго“.) Судя по мѣсту происхожденія Косинскаго и по его имени — Криштофъ (а не Христофоръ), подъ которымъ онъ вписанъ въ русскіе акты, надобно думать, что онъ былъ католикъ, или же отступникъ католичества, протестантъ. (Козаки только въ позднѣйшее время, поссорились съ иновѣрцами, и этому главною причиною были запрашиванья ихъ въ церковныя братства и настраиванья на вооруженное вмѣшательство въ церковныя дѣла.) Изъ фамильныхъ документовъ того времени видно, что въ предпріятіи Косинскаго участвовали такъ называемые бояре, эта негербованная шляхта русская, низведенная литовскими порядками до уровня безземельныхъ, эти полу-крестьяне панскіе, легко превращавшіеся въ козаковъ. Въ числѣ бояръ участвовалъ и державца или поссесоръ села Рожны въ Остерскомъ староствѣ, человѣкъ замѣчательный, какъ произведеніе своего хаотическаго времени и общества. Онъ былъ „рукодайнымъ слугою“ Михаила Ратомскаго, помогавшаго первому самозванцу московскому, и самъ разыгралъ роль самозванца въ меньшихъ размѣрахъ: самозванцы были тогда, что на-

зывается, пошестью, которая напала на гражданскія общества. [1]) Въ походѣ Косинскаго достойно вниманія всего больше то обстоятельство, что, овладѣвъ Кіевомъ и другими городами воеводства Кіевскаго, которые, при тогдашней безпорядочности польскаго управленія краемъ, сдавались ему безъ сопротивленія, онъ забиралъ тамъ не одно оружіе, но и шляхетскіе документы, именно жалованныя грамоты, привилегіи и такъ называемые мембраны, то есть бланки, для вписанія въ нихъ королевскаго или панскаго наказа, которые тутъ же уничтожалъ, а отъ шляхты, мѣщанъ и сельскаго народа требовалъ присяги козацкому войску. Чтò это собственно былъ за человѣкъ, чтò за характеръ, недостаточно высказалось; но онъ первый намѣтилъ равноправность на судѣ, которой черезъ полвѣка такъ грозно домогался отъ всей польской шляхты Хмельницкій. Можно также сказать, что онъ первый поднялъ и вопросъ о землевладѣніи, который, какъ мы увидимъ, игралъ важную роль въ козацкихъ переговорахъ съ королевскими коммиссарами временъ Павлюковскихъ.

По дошедшимъ до насъ документамъ видно, что Косинскій въ началѣ не обращалъ на себя особеннаго вниманія, нужды нѣтъ что былъ запорожецъ. Если запорожецъ или, какъ тогда говорили, низовой козакъ не былъ занятъ на Низу рыболовствомъ, охотою и войною съ татарами, или лучше сказать — всѣмъ этимъ вмѣстѣ и поперемѣнно, то онъ проживалъ въ какомъ-нибудь панскомъ или королевскомъ имѣніи. Это называлось быть „на приставствѣ, домовать". Такихъ людей обыкновенно „ни въ чомъ не остерегались". Козаки на приставствахъ и на

---

[1]) Похитивъ какіе-то документы у своего пана, онъ, въ 1603 году, выдалъ себя въ Кіевѣ за князя Половца-Рожиновскаго, наслѣдника Бѣлоцерковской волости, Половецка, зáмка Сквира съ городомъ и многихъ другихъ имѣній. Онъ умеръ въ 1614 году, не доказавши своихъ правъ, но его претензія дала ему возможность найти себѣ жену въ панскомъ домѣ; дѣти его были признаны шляхтичами и кое-что получили изъ мнимаго наслѣдства, путемъ интригъ заинтересованнаго въ добычѣ знатнаго пана Аксака.

„лежахъ“ были необходимый элементъ для тогдашняго общества. Въ случаѣ ссоры сосѣда съ сосѣдомъ, они были всегда подъ рукою, какъ наилучшее средство рѣшить возникшій споръ безапеляціонно: сила признавалась непреложнымъ закономъ; а въ случаѣ татарскаго набѣга, котораго надобно было ждать ежедневно, козаки въ самое короткое время собирались для дѣла, въ которомъ по справедливости считались первыми мастерами. Это были, такъ сказать, чуткіе и злые псы, при которыхъ можно было спать и дѣлать всякаго рода дѣла безопасно. Панскіе дворы рѣдко обходились безъ козаковъ, и по селамъ десятая хата навѣрное принадлежала козаку; ее легко было и узнать по ея неустройству, какъ объ этомъ поется въ думѣ. Иной козакъ жилъ и на собственномъ займищѣ, отмѣренномъ саблею,—что̀ называется, сидѣлъ хуторомъ или зимовникомъ. Но вообще козаковъ не было замѣтно между жителями, какъ войска или корпораціи, пока было тихо въ краю. Это были тѣ же обыватели: одинаковые съ мелкою шляхтою пьяницы, одинаковые съ ратаями работники; порой рыболовы, порой пчеловоды, чабаны, будники, винники и броварники: козакъ, какъ говорилось, *на все ли́хо зда́вся*, и когда приставалъ къ мѣщанину, то загонялъ ковалей, кушнiровъ, сѣдельниковъ и всякихъ иныхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ, въ данный моментъ, можно было сказать, что козаковъ на такомъ-то пространствѣ, или въ такой-то мѣстности, нѣтъ вовсе. Вдругъ проносилась какая-нибудь мысль, очень обыкновенная на Украинѣ, но всегда тревожная, и начинала отрывать людей отъ повседневныхъ занятій; козаки по цѣлымъ днямъ просиживали въ шинкахъ, корчмахъ, орандахъ, пропивая то, что̀ такъ старательно зарабатывали, и запиваясь, на сколько возможно, въ долгъ, по пословицѣ: *не на те коза́къ пъе, що̀ є, а на те, що̀ бу́де. . .*

Ой ко́рчмо, ко́рчмо княги́не!
Бага́цько въ тобі козацького добра ги́не!

говоритъ „козакъ-нетяга“ въ кобзарской думѣ. Иногда эти собранія оканчивались небольшимъ походомъ пана на пана, и въ этомъ случаѣ гетманили сами паны, подобно королевскимъ старостамъ; но иной разъ дѣло доходило до похода за границу, въ Волощину, въ Седмиградчину, въ Турещину, а пожалуй и въ Московщину. Тогда мирные жители, козацкіе пріятели, паны и мужики, начинали сильно тревожиться. Козаки, собираясь въ походъ, требовали съ нихъ „стацій“, то есть всего, чтò нужно для похода, а въ случаѣ сопротивленія, распоряжались по праву сильнаго. Это были тѣ же баторіевскіе выбранцы: навѣрное можно сказать, что каждые 20 дворовъ, согласно Баторіеву уставу, снаряжали одного козака; но иногда съ одного панскаго двора сдирали стацій на 20 козаковъ. Козакъ шолъ въ Волощину или Турещину, и часто клалъ голову, какъ говорилъ онъ, *за віру християнськую*, и никому, кромѣ товарищей, не было въ томъ печали: „За козакомъ ніхто не заплаче“, говорится въ надписи подъ „малёванымъ запорожцемъ“. Но, если козакъ возвращался съ добычею, то сорилъ турецкимъ и татарскимъ добромъ, и всѣмъ отъ него была пожива. Скоро, однакожъ, чрезъ посредство „корчмы княгини“, нисходилъ онъ въ положеніе чернорабочаго и дѣлался отличнымъ ратаемъ или ремесленникомъ до новаго похода.

Такъ вели себя козаки съ незапамятныхъ временъ. Но съ нѣкотораго времени засѣла у нихъ мысль свести счеты съ княземъ Острожскимъ. Всякую такую мысль вырабатывали козаки на Низу, и приносили на приставства и лежи, въ села, города и панскіе дворы готовою. Тутъ она, объявленная новопришедшими съ Низу, ходила изъ корчмы въ корчму, съ ярмарки на ярмарку, и, подобно тому какъ перелетныя птицы, послѣ долгаго переклиcканья между собой, послѣ загадочнаго для насъ слетанья и разлетанья, снимутся наконецъ и летятъ всѣмъ своимъ обществомъ, куда надумались,—такъ совершенно козаки, разбросанные на пространствѣ одного, двухъ или трехъ воеводствъ, „згорнутся

бывало въ купу", явится у нихъ предводитель, подъ именемъ гетмана, и начинается козацкій промыселъ, исканье хлѣба козацкаго—война.

Въ 1591 году особенно много шумѣли козаки по шинкамъ и корчмамъ о какихъ-то своихъ интересахъ, до которыхъ не-козакамъ мало было дѣла: шумѣли, какъ надобно думать, о сеймовой конституціи прошлаго года; къ осени выработалась у нихъ общая мысль, а зимою она отъ словъ перешла къ дѣлу. Рѣшено было начать расправу съ панами въ пограничномъ городѣ Бѣлой-Церкви. Это было пожизненное владѣніе князя Януша Острожскаго, Бѣлоцерковскаго и Богуславскаго старосты, и вмѣстѣ съ тѣмъ волынскаго воеводы. Намѣстникомъ или управителемъ, такъ называемымъ подстаростіемъ, Януша Острожскаго былъ князь Курцевичъ-Булыга. Въ послѣднихъ числахъ декабря поднялись козаки съ бѣлоцерковскихъ лежъ своихъ и двинулись въ походъ. Много ли ихъ было или мало, не извѣстно, но стало извѣстно, что у нихъ, какъ говорилось, объявился гетманъ, и этотъ гетманъ былъ Криштофъ Косинскій. Выступленіе въ походъ часто знаменовалось у козаковъ только тѣмъ, что козаки *выгравáли по ýлицяхъ кіньми*, приводя въ страхъ женщинъ и дѣтей; но теперь дѣло приняло ходъ болѣе серьѳзный. Косинскій, въ качествѣ сильнаго, нагрянулъ съ козаками во дворъ къ подстаростію и, „добившись до его коморы, забралъ всю его маетность, въ томъ числѣ и шкатулу съ клейнотами, съ деньгами, съ бумагами", въ числѣ которыхъ были „мамрамы", или бланки, ввѣренные князю Булыгѣ старостою для разнаго рода дѣлъ, а также находившіяся у него на храненіи привилегіи самого князя Василія и сына его Януша на Бѣлоцерковское староство, на Богуславъ и на разныя другія владѣнія. Протестъ князя Януша Острожскаго въ луцкомъ замковомъ судѣ былъ первымъ сигналомъ опасности, грозившей всему шляхетству отъ небывалаго еще въ такихъ размѣрахъ домашняго разбоя. Но этотъ протестъ

не былъ единственный. Въ 1591 году въ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ столько было грабежей, насилій и убійствъ по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, что король, по донесенію князя Константина Василія, прислалъ изъ Вислицъ въ Луцкъ универсалъ отъ 16 января 1592 года, съ требованіемъ свѣдѣній, что̀ это за люди такіе нарушаютъ общее спокойствіе, и съ повелѣніемъ, чтобъ никто не скрывалъ ихъ поступковъ (а это почти всегда дѣлалось, когда король хотѣлъ контролировать пограничныхъ жителей въ ихъ, такъ сказать, внутренней политикѣ). Глухо начиналась борьба; не знали, откуда идетъ разрушительное движеніе, и какова собственно цѣль его. Если она была кому извѣстна, то развѣ одному князю Василію, котораго манифестаціи выражали большую тревогу. Что̀ дѣлалъ Косинскій въ теченіе весны, лѣта, осени 1592 года—не извѣстно, но надобно думать, что онъ продолжалъ вооружаться и распространять вездѣ козацкій присудъ. Осенью выданъ былъ князю Василію изъ королевской канцеляріи на сеймѣ подтвердительный листъ на его протестацію о томъ, что кіевскій и бѣлоцерковскій за̀мки находятся въ разоренномъ состояніи, что низовые козаки нѣсколько разъ находили на Кіевъ и его за̀мокъ, забирали насильно пушки, ружья, огнестрѣльные снаряды и никогда ихъ не возвращали, и что, въ случаѣ какой нибудь случайности, онъ, князь Острожскій, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Вслѣдъ за этимъ, по его оповѣщенію объ угрожающей опасности, въ самомъ началѣ 1593 года, волынскіе дворяне прекращаютъ съ общаго согласія всѣ судебныя дѣла свои, потому что козаки, вторгнувшись въ Кіевское и Волынское воеводства непріятельскимъ обычаемъ, овладѣваютъ королевскими и шляхетскими за̀мками, убиваютъ и мучатъ людей, жгутъ и опустошаютъ хозяйственныя заведенія и, что̀ всего ужаснѣе, принуждаютъ къ присягѣ на повиновеніе козацкому войску не только мѣщанъ и селянъ, но и мелкую шляхту, а непослушныхъ держатъ у себя подъ арестомъ. Король, по до-

несенію Василія Острожскаго, съ своей стороны, прислалъ универсалъ ко всѣмъ дигнитарамъ и урядникамъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, чтобъ они съѣзжались въ Константиновъ съ своими ополченіями на помощь къ князю Острожскому противъ своевольныхъ козаковъ. Паны съѣзжались, однакожъ, медленно и неохотно; а козаки усиливали войско свое панскими слугами и тѣми людьми, которымъ домашняя война представляла случай поживиться чужимъ добромъ. Были между панами и такіе, которые, не надѣясь на обычное правосудіе, выпрашивали у Косинскаго отряды козаковъ и нападали съ ними на своихъ сосѣдей. Возстаніе Косинскаго было всего опаснѣе именно съ этой стороны. Ссориться мѣстной шляхтѣ съ козаками было и невыгодно, и неудобно, и страшно. Козаки на Украинѣ были болѣе или менѣе люди свои, и Богъ знаетъ, до какихъ размѣровъ дойдетъ ихъ вербовка: ихъ можно было воевать смѣло только постороннему войску. Напрасно Сигизмундъ III разослалъ воззванія къ жителямъ трехъ пограничныхъ воеводствъ объ отраженіи врага, попирающаго права короля и Рѣчи-Посполитой. Въ Константиновѣ собралось ополченіе ничтожное, а у Косинскаго, слышно, было уже тысячъ пять войска, съ артиллеріею, добытою въ королевскихъ и панскихъ замкахъ. Къ нему подошли и съ Низу січовые братчики. Видя это, князь Янушъ Острожскій бросился въ Тарновъ и навербовалъ тамъ чужихъ людей противъ козаковъ, а нѣсколько ротъ пѣхоты вызвалъ изъ Венгріи. Косинскій, между тѣмъ, спокойно жилъ въ Острополѣ, недалеко отъ Константинова, и правилъ окрестностями, въ качествѣ представителя козацкой республики. Въ Польской Рѣчи-Посполитой это не было явленіемъ чрезвычайнымъ. „У насъ“, говорилъ король, жалуясь передъ сеймомъ 1615 года, „кто хочетъ, можетъ собрать войско; когда захочетъ, можетъ распустить знамя и, не обращая вниманія на законы, предводитель-

ствовать по собственному усмотрѣнію“.[1]) Косинскій, яко шляхтичъ, яко człowiek rycerski, дѣлалъ то самое, что позволялъ себѣ панъ Стадницкій, панъ Опалинскій и множество другихъ пановъ, захватывавшихъ чужія старо́ства, за́мки, даже церкви и костелы въ удовлетвореніе своему измышленному праву. Вся разница была въ идеѣ. Идея провозглашенная Косинскимъ была—распространеніе присуду козацкаго на шляхту и не-шляхту, страшная идея, но никто не отваживался или не имѣлъ силъ возстать противъ демагога. Такъ миновала зима. На про́весні 1593 года появились иноземныя ополченія князей Острожскихъ. Не дожидаясь ихъ въ Острополѣ, Косинскій, по какимъ-то соображеніямъ, двинулся къ Тернополю и окопался въ мѣстечкѣ Пяткѣ, какъ въ наиболѣе удобномъ для защиты мѣстѣ. Однакожъ не допустилъ пановъ до приступа, встрѣтилъ ихъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ Янушемъ Острожскимъ шолъ на козаковъ и черка́сскій староста Александръ Вишневецкій, а съ нимъ — и нѣкоторые волынскіе помѣщики. Они нашли козаковъ уже отаборенными въ полѣ. По разсказу Більскаго, прежнія встрѣчи острожанъ съ козаками Косинскаго были неудачны, а потому ополченцы наступали на козаковъ нерѣшительно. Князь Янушъ ободрилъ ихъ рѣчью и собственнымъ примѣромъ; завязалась тогда горячая битва. Копейщикамъ удалось разорвать возы и вломиться въ таборъ; козаки отступили къ Пятку, и острожане „всѣкли“ ихъ въ самую брону. Дѣло происходило, какъ уже сказано, на про́весні; въ полѣ лежалъ глубокій рыхлый снѣгъ; малорослые козацкіе кони тонули въ снѣгу по брюхо, и это дало страшный перевѣсъ надъ козаками панамъ и рейтарамъ князя Острожскаго, сидѣвшимъ на крупныхъ лошадяхъ. Косинскій потерялъ 26 пушекъ и до трехъ тысячъ народу, какъ гласила шляхе́тская молва, всегда склонная къ преувеличенію. Остались почти всѣ и хо-

[1]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. F. отд. IV, № 99, л. 84.

ругви „въ рукахъ побѣдителей“. Ободренные успѣхомъ, они готовились къ приступу. 15-го марта Косинскій предложилъ капитуляцію. Онъ выѣхалъ изъ города и, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, упалъ къ ногамъ князя Януша, прося прощенія. Мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ именно происходило дѣло, и потому принимаемъ эту единственную версію. Козаки, даннымъ князю Константину Острожскому „листомъ“, отъ 10 февраля 1593 года, обязались: пана Косинскаго съ того времени за отамана не имѣть, а тотчасъ выбрать на Украинѣ на его мѣсто другого, не дальше какъ черезъ четыре недѣли, а потомъ быть въ послушаніи королю, находиться за Порогами, на извѣстныхъ мѣстахъ, не имѣть никакихъ лежъ, ни приставствъ въ державахъ и имѣніяхъ, какъ самого кіевскаго воеводы, такъ и другихъ пановъ, которые находились подъ Пяткомъ при князьяхъ Острожскихъ. Но о прочихъ панскихъ владѣніяхъ въ пятковскомъ документѣ не сказано ни слова; что̀ для насъ остается загадкою, въ виду тревоги правительства о распространеніи козацкой юрисдикціи на шляхту и на низшіе слои общества, если не объяснять этого факта тѣмъ, что князь Острожскій, по духу польской шляхты, дѣйствовалъ, какъ самостоятельный государь, принадлежавшій съ своими владѣніями къ составу Рѣчи-Посполитой. Надобно притомъ помнить, какъ равнодушно отнеслись прочіе паны къ воззванію князя Острожскаго. Оградивъ себя и своихъ пріятелей отъ козаковъ, князь Острожскій предоставилъ другимъ вѣдаться съ козаками въ свою очередь. Этимъ объясняется загадочный фактъ: что во времена Наливайковщины, козаки гнѣздятся въ городѣ Стѣпанѣ и другихъ владѣніяхъ князя Острожскаго, дѣлятся добычею съ его должностными людьми, и даже отъ его имени нападаютъ на усадьбы сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Этимъ объясняется также и отсутствіе ополченій князя Острожскаго въ походѣ Жолковскаго противъ Наливайка, хотя, по видимому, козаки всего больше допекли князю Ва-

силію. Въ повинномъ листѣ своемъ козаки принесли извиненіе передъ Острожскимъ и признали многія благодѣянія, которыя „его милость всему войску козацкому и каждому козаку порознь оказывалъ всю жизнь свою“; но тутъ же сказано, что эти „кондиціи поданы козакамъ отъ ихъ милостей пановъ“, слѣдовательно вписаны въ нихъ и благодѣянія. О благодѣяніяхъ говоритъ въ подобныхъ случахъ всякое правительство прижатому въ тѣсномъ углу бунтовщику, хотябы этотъ бунтовщикъ былъ Вильгельмъ Оранскій или Вашингтонъ. Глядя на территорію съ точки зрѣнія польскаго вельможи, Острожскій естественно считалъ съ своей стороны благодѣяніемъ самое дозволеніе проживать въ своихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ. Но глядя на ту же самую территорію съ точки зрѣнія фактическихъ колонизаторовъ и охранителей Украины, въ томъ числѣ и Волыни, козаки никакъ не могли считать князя Острожскаго своимъ благодѣтелемъ. Въ этомъ и вся суть вопроса. Тѣмъ же листомъ козаки обязались бѣглецовъ, измѣнившихъ князьямъ Острожскимъ, выдавать и у себя не передерживать, а также возвратить огнестрѣльное оружіе, гдѣ бы то ни было взятое въ панскихъ владѣніяхъ, кромѣ Трипольскихъ, равно и хоругви, коней, скотъ и другую движимость, а челядь обоего пола, которая находилась при козакахъ, отъ себя отослать. Косинскій подписалъ договоръ „своею рукою“ съ тѣми сподвижниками своими, „которые писать умѣли“. Онъ приложилъ „свою печать“ къ листу, а всѣ его товарищи „приказали приложить печать войсковую“ и просили пановъ, которые при этомъ были, чтобъ и они приложили свои печати и подписались. А паны при договорѣ были слѣдующіе: Якубъ Претвицъ зъ Кгавронъ, каштелянъ галицкій, староста трембовльскій; Александръ Вишневецкій, староста черкаскій, каневскій, корсунскій, любецкій, лоевскій; Янъ Кгульскій, войскій трембовльскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій земли Волынской; Василій Гулевичъ, войскій володимерскій. Замѣчательно, что въ договорѣ не упоминаются *полковники*, а только

гетманъ, сотники, отаманье и все рыцарство Войска Запорожскаго. Во времена Сагайдачнаго, въ офиціальныхъ бумагахъ, являются послѣ гетмана уже *полковники*, а потомъ сотники и т. д.[1]) На это обращаемъ вниманіе потому, что въ специяльныхъ изслѣдованіяхъ о козакахъ встрѣчаются такія несообразности, какъ дѣленіе козаковъ на полки уже во времена Баторія, да еще территоріальное дѣленіе! Нельзя оставить безъ вниманія и того въ пятковскомъ листѣ, что прощеніе дано козакамъ не только по ихъ собственнымъ просьбамъ, но и „по ходатайству многихъ зацныхъ людей". Этимъ объясняется, что паны тогда еще боялись окончательно поссориться съ козаками и слѣдовали примѣру кіевскаго подвоеводія, князя Вороницкаго, который не рѣшился поступить согласно съ интересами короля Стефана, когда къ нему привели убійцъ королевскаго посла, и, вѣроятно, напередъ условился съ княземъ Михаиломъ Рожинскимъ, какъ сдѣлать такъ, чтобъ козаки очутились на волѣ.

Оставивъ князя Острожскаго въ покоѣ, козаки не угомонились. Они очистили Волынское воеводство, но зато утвердились въ Кіевскомъ, въ собственно такъ называемой тогда Украинѣ, опановали Кіевъ, помѣстили тамъ свою армату и помышляли навсегда въ немъ водвориться. Такое сосѣдство было бы крайне опасно для волынской, самой богатой тогда шляхты. Спустя четыре мѣсяца послѣ пятковскаго дѣла, волынскіе паны, съѣхавшись для выбора трибунальскихъ депутатовъ во Владимиръ, „упросили" кіевскаго и волынскаго воеводъ, чтобъ они не теряли козаковъ изъ виду и, въ случаѣ какой-нибудь опасности со стороны этой вольницы, давали о томъ знать имъ и коронному гетману, а они обѣщаютъ явиться съ ополченіями своими на назначенное имъ мѣсто „всѣ", какъ противъ непріятеля отечества, подъ предводи-

[1]) Во время пребыванія Эриха Ласоты за Порогами, січовики называли полковникомъ Запорожскаго Войска Хлопицкаго, но, видно, только для приданія важности его посредничеству между войскомъ и императоромъ. (См. ниже.)

тельствомъ хорунжаго Волынскаго воеводства. Но никакого призыва со стороны князей Острожскихъ не послѣдовало. Князь Василій, очевидно, рѣшился гладить низовыхъ сіромахъ за шерстью, а не противъ шерсти. Онъ зналъ ихъ съ-молоду. Черезъ нѣсколько времени, о Косинскомъ начали снова ходить тревожные слухи. Онъ очутился на Днѣпрѣ и началъ снова вербовать охотниковъ до „козацкаго хлѣба“. Вокругъ него собралось новое войско.

Каковы бы ни были въ Украинѣ побужденія къ поступленію въ козаки, нужда была между ними главнымъ. Эта страна „текла молокомъ и медомъ“ не иначе, какъ и земля обѣтованная, то есть—или въ воображеніи бездомныхъ скитальцевъ, полуголодныхъ, тѣснимыхъ рабовладѣльческими порядками, сбившимися съ жизненнаго пути, или же на языкѣ людей, которымъ предстояло отмѣрить себѣ въ ней саблею займища и устроить на нихъ доходныя слободы. Обѣ эти разнохарактерныя партіи толковали одинаково объ Украинѣ: одна потому, что преувеличенныя понятія о счастливой, то есть безбѣдной, жизни въ Украинѣ доставляли ей естественную, необходимую для человѣка въ тяжкомъ положеніи, отраду; другая потому, что, безъ увлеченія мечтателей о новой обѣтованной землѣ, она никого не соблазнила бы 10-лѣтнею, 20-лѣтнею и даже 30-лѣтнею волею. Но, когда чудесныя видѣнія фантазіи смѣнялись дѣйствительностью, когда панское займище, вписанное въ „Volumina Legum“, съ границами отъ рѣки до рѣки, съ библейскою неопредѣленностію предѣловъ обѣтованія, приходилось эксплоатировать, въ лучшемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, а въ худшемъ — подъ присмотромъ арендатора панскаго имѣнія, или успокоеннаго на счотъ орды панскаго намѣстника съ его жадными дозорцами и официіалистами, — въ это время возникалъ ропотъ не только на короткій, но и на долгій срокъ воли; украинскій поселенецъ находилъ свою долю „щербатою“ и начиналъ на нее жаловаться въ своихъ грустно-поэтическихъ пѣсняхъ, которыя онъ варіируетъ до нашего времени; для задѣлки щербины, отправ-

лялся онъ искать счастья вдали отъ своей *домівки*, которую, при своей тонко чувствующей природѣ, онъ покидалъ съ большимъ усиліемъ надъ самимъ собою; залегалъ онъ вмѣстѣ съ такими людьми, какихъ вышколилъ Претвичъ, на татаръ въ дикомъ полѣ, чтобы перехватить у нихъ добычу; ходилъ въ богатые звѣрями входы; чумаковалъ, наконецъ, рыбою и солью, поднявшись выше добычника и звѣролова. Но спокойно осѣвшіеся въ Украинѣ землевладѣльцы, а въ королевскихъ имѣніяхъ старосты и дозорцы умудрялись со всего этого брать свою львиную долю, вырѣзывали изъ осетровъ „хребтину", брали съ каждой лодки и съ каждаго воза десятую рыбу, взимали мыто и прóмыто при въѣздѣ въ городъ или на рынокъ, а подъ часъ присвоивали себѣ чумацкіе човны и мажи. Все это сильно не нравилось людямъ, которые и звѣрей и рыбу и даже соль добывали, рискуя, а часто и платясь, головою. Мы уже видѣли, какъ старосты заявляли претензіи на звѣриные и рыбные входы, которые сперва принадлежали вольнымъ добычникамъ по праву ихъ открытія, по праву перваго займа, наконецъ, по праву отбоя у татарскихъ промышленниковъ. Староста былъ силенъ тѣмъ, что получалъ отъ короля пергаминный, припечатанный „вислою" печатью листъ на такіе входы, и еще болѣе—тѣмъ, что умудрялся подтвердить силу этого листа саблями своихъ служебниковъ. Тѣмъ же самимъ были сильны и всѣ крупные землевладѣльцы, которые сперва составляли какъ-бы ассоціацію военнаго и мирнаго труда съ приглашенными на слободу выходцами изъ другихъ мѣстностей, а потомъ они, а не то — ихъ наслѣдники, или преемники ихъ власти, заявляли претензіи совсѣмъ иного рода и, во имя „королевскаго листа", грозили былымъ шляхетскимъ сотоварищамъ обухомъ (чеканомъ), принадлежностью панскаго костюма [1]), а не то — обнажали противъ нихъ саблю. Отсюда понятно, почему первый козацкій „бунтъ" противъ пановъ

[1]) Обухъ или кéлепъ (у козаковъ) постоянно былъ въ рукахъ у знатнаго господина; саблю, для большей okazałości, носилъ за нимъ giermek (пажъ).

ознаменовался прежде всего отобраніемъ у предержащей мѣстной власти „привилеевъ“ и „мембрановъ“. Но возвратимся къ предпріимчивымъ людямъ, которымъ такъ или иначе приходилось покидать *домівку*.

Что̀ чувствовали они, когда владѣлецъ королевскихъ листовъ, какой-нибудь Немировичъ въ Кіевѣ, какой-нибудь Пенько̀ въ Черкасахъ и т. д., отнималъ у нихъ лошадей и вооруженіе, конечно, по законной причинѣ, и раздавалъ своимъ служебникамъ, какъ объ этомъ говорятъ дошедшіе до насъ акты (а сколько дѣлъ не попало въ архивы, сколько самихъ архивовъ истреблено!), когда онъ находилъ себя въ правѣ присвоивать себѣ мѣщанскія дворища и угодія, когда онъ не позволялъ имъ продавать внѣ своего присуду медъ, не давалъ ловить рыбы и бобровъ, отнималъ такія займища, какъ, на примѣръ, днѣпровскій порогъ Звонецъ и т. д. и т. д.,—что̀ чувствовали эти люди, въ которыхъ другіе люди старались, безъ особыхъ, положимъ, видовъ, а такъ, спроста, заглушить лучшее свойство человѣческой природы—предпріимчивость? Они бывали озлоблены на воеводъ, старостъ и ихъ намѣстниковъ не больше и не меньше того, какъ были бы озлоблены въ наше время обитатели лондонскаго Сити противъ самой законной, возможно законной и законнѣйшей власти, которая вздумала бы остановить ихъ торговыя операціи, въ противность основному правилу политической экономіи—свободѣ дѣятельности. Сравненіе мое не должно удивлять экономически образованнаго читателя. Если Гомеръ, въ эпоху героической рѣзни, могъ запрещать женскому сердцу радоваться при видѣ падшихъ напастниковъ, удивляя насъ утонченностью гуманности своей, то почему сердца первыхъ козаковъ были способны чувствовать только по-звѣрски? Они, въ свою очередь, чувствовали по-человѣчески, подобно кровожаднымъ героямъ Гомеровыхъ поэмъ, и нарушеніе простого закона справедливости сознавали никакъ не хуже императора Юстиніана или современнаго намъ законодателя Европы, князя Бисмарка. Не одна

корысть устремляла ихъ на привилегированнаго обидчика, и, безъ сомнѣнія, началу извѣстныхъ намъ козацкихъ войнъ предшествовало столько же неизвѣстныхъ, сколько ихъ было между кудреглавыми Данайцами и боговидными согражданами Пріама. Эти-то мелкія войны выработали тотъ упорно стремительный духъ обѣихъ спорящихъ партій, который поражаетъ насъ одинаково и въ поэтической лѣтописи Гомера, и въ прозаическихъ панскихъ архивахъ, поэзію которыхъ составляетъ одно то, что̀ въ нихъ не высказано. А когда схватка не удавалась, когда грамота съ висячею или съ налѣпленною печатью брала верхъ надъ притязаніями непризнанной въ Краковѣ или въ Варшавѣ автономіи простонародной Украины, тогда побитымъ и ограбленнымъ лохмотникамъ приходилось волею и неволею углубляться въ низовья Днѣпра далѣе Звонца. Для людей, потерявшихъ дворища, батьковскую хату, весь свой *добутокъ* и даже семью, не страшна была близость орды; отчаянье вдохновляло ихъ рѣшимостью, которой не обрѣтали въ своемъ сердцѣ радные паны королевскіе, предпочитавшіе харачъ отпору азіятской дичи, — и вотъ оно, то удальство, которое наши историки рисуютъ въ козакахъ передъ публикою, какъ нѣчто самородное (spontané). Публика этихъ историковъ привыкла видѣть жизнь всего отдаленнаго и былого на театральной сценѣ; а вѣдь немногіе изъ посѣтителей театровъ проникаютъ въ душу забавляющаго ихъ паяца, такъ точно какъ немногіе римляне проникали въ душу гладіатора. Упокоенные своимъ кабинетомъ, историки не хотятъ додуматься до того, что̀ крылось въ умолкнувшемъ прошедшемъ подъ тою удалью, которая забавляетъ ихъ воображеніе, — подъ этимъ вѣчнымъ гладіаторствомъ козаковъ на опасной аренѣ между Днѣпромъ, Днѣстромъ и Чорнымъ моремъ. Крылась непреложная по̀требность поступать такъ, а не иначе, крылась *нужда*, въ строгомъ, грозномъ значеніи этого слова, крылось отчаяніе, которому нѣтъ выраженія на бумагѣ, которое выражается только воплемъ.

Отсюда эта вѣчно стонущая нота, которая характеризуетъ украинскую народную пѣсню.

На Запорожьѣ жизнь, какъ мы видѣли въ похожденіяхъ Самуила Зборовскаго, была еще тяжеле украинской. Не каждый былъ въ силахъ ее выдержать. Мѣрялись тамъ силами за рыболовныя мѣста, звѣриные входы и вольныя пастбища не столько посредствомъ оружія, сколько посредствомъ выносчивости. Да и выносчивымъ людямъ, сотканнымъ изъ желѣзной проволоки вмѣсто фибръ и мускуловъ, рано или поздно приходилось вернуться на Украину, въ „города", какъ тогда говорилось (потому что ни одно село, ни даже пасіка, не смѣли стоять на пограничьѣ безъ высокаго вала и частокола). И чтò же приводило домой скитальцевъ? О сердечныхъ побужденіяхъ человѣкъ забываетъ въ такомъ положеніи, въ какомъ очутился Зборовскій въ днѣпровскихъ пустыняхъ. Гнала скитальцевъ та же бѣда, которая указывала имъ дорогу за Пороги.

Уни́зъ иду́—вода́ несé,
Зни́зу иду́—біда́ женé...

вотъ одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя упускаютъ изъ виду любители запорожскаго разгула, любители сценической картинности Запорожья и козацкой беззаботности, измышленной литераторами. Уносилъ козака или другого бідолаху на запорожскій Низъ потокъ жизни, стремившійся изъ Польши по причинамъ, скрывающимся не только въ Римѣ, въ Краковѣ, въ Варшавѣ, но также и въ исторіи европейской культуры, — уносилъ, какъ днѣпровая вода, положимъ, даже пріятно, но непреодолимо. Когда же приходилось ему вернуться домой, тутъ ужъ гнала его „біда" во всеоружіи своихъ ужасовъ. Но воображеніе, которымъ такъ богата натура украинца, рисовало передъ оборвышемъ на этотъ разъ другую привлекательную картину: его поджидаетъ вѣрная жена; малыя дѣти, которыхъ онъ оставилъ, подросли и скоро способны будутъ ему *товáришить*... И вотъ человѣкъ religionis nullius,

какъ опредѣлилъ козаковъ православный панъ Кисіль, обращается къ фортунѣ, этому древнѣйшему изъ божествъ человѣческаго рода:

Ой Форту́но, Фортуни́но,
Форту́но небо́го!
Послужи́ міні немно́го.
Служи́ла въ чума́цтві,
Служи́ла въ бурла́цтві,
Послужи́ теперъ въ нещасті!

(Мы беремъ отдаленное эхо умолкнувшихъ звуковъ и по немъ судимъ о голосѣ)... Но жену часто находилъ бродяга во власти другого. На Украинѣ женщина была дорога и въ позднѣйшее время: и въ позднѣйшее время козачества служила она предметомъ кроваваго соперничества между двумя спорящими партіями, какъ это отразилось даже въ кобзарскихъ думахъ. Что̀ же сказать о томъ времени, когда татаринъ, обходя залегавшихъ на него козаковъ, минуя притоны ихъ лѣтняго промысла вдали отъ дому и сторожевыя могилы съ козацкими ча̀тами, охотился преимущественно на женщинъ да на дѣтей? Жены невольныхъ „удальцовъ", въ качествѣ рѣдкихъ на Украинѣ экземпляровъ, какъ разъ попадали въ руки ихъ гонителей, пановъ старостъ, пановъ дідичей, пановъ дозорцевъ, а дѣти бывали обращены въ даровую рабочую силу, обращены въ пастуховъ, служилыхъ „козачковъ" старостинскихъ и т. п.; во всякомъ случаѣ, рѣдко могъ находить козакъ свой домъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ.

„Зна́ти, зна́ти коза́чу ха́ту
Чере́зъ деся́ту"...

говоритъ кобзарская дума позднѣйшаго, а можетъ быть и весьма ранняго, времени, и эти слова совпадаютъ съ отзывомъ современныхъ намъ свидѣтелей недавней панщины: „Тоді було́ па́нського чоловіка за де́сять го́ней позна́ешъ", говорятъ наши козаки. По

неволѣ козацкая хата бывала „невкрыта“ и „присною не обсыпана“, какъ описано въ той же гоомерической думѣ.

Но тѣмъ не все для него кончалось. Панская цивилизація въ Украинѣ, или лучше сказать колонизація украинскихъ пустынь во имя пановъ, шла поступательно и быстро. Запорожскій промышленникъ козакъ, не тревожимый, положимъ, безпокойствомъ о семьѣ, которой часто не имѣлъ вовсе, и не соблазняемый плѣнительною картиною домашняго *притýлка*, могъ сравнивать положеніе свое за Порогами, у самого логовища ненасытнаго звѣря, называемаго ордою, съ положеніемъ на родинѣ и, натерпѣвшись бѣды, неслыханной до бѣгства за Пороги, побывавъ, пожалуй, даже въ плѣну у турокъ и татаръ, отдавалъ предпочтеніе земледѣльческой жизни передъ кочевою, или мечталъ поступить къ ремесленнику на заработки, или даже къ пану старостѣ—въ сторожевые козаки. Все это казалось ему лучше той бѣды, которая гнала его съ Низу Днѣпра. Но полуномадная родина его дѣлалась уже строго земледѣльческою; уже не было рѣчи о работѣ толокою, по ласковому зазыву на нее поселянъ, сидѣвшихъ на срочной волѣ. Обычай дружескаго зазыва со стороны пана дідича дѣлался преданіемъ старины, которое плѣняло воображеніе новыхъ людей, подобно тому, какъ насъ плѣняетъ наивная сцена пахаря, изображеннаго Гомеровскимъ Гефестомъ на щитѣ Ахиллесовомъ. Теперь тивуны и сельскіе войты грозно стучали въ уголъ козацкой хаты и выкликали его семью на панщину. Вольный за Порогами человѣкъ дѣлался дома членомъ крестьянской общины и получалъ названіе *подданнаго.* Ремесленниковъ между тѣмъ тѣснили старосты, а ремесленники, съ соотвѣтственно возростающею черствостью сердца, выжимали побольше поту изъ своихъ рабочихъ. Чтò касается до службы у пана старосты, то къ нему поступали не такіе оборвыши, которые притащились пѣшкомъ изъ запорожскаго Низу, а такъ называемые бояре, служившіе на собственныхъ коняхъ и дѣлавшіеся козаками только подъ нужду, или въ какомъ-нибудь не-

счастьи, или, наконецъ, подобно Рожиновскому, въ надеждѣ ниспровергнуть господство людей привилегированныхъ, а не то—сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ князя Половца.

Снова было тѣсно сіромахѣ, и снова былъ онъ готовъ на все такъ называемое удалое. Людей сбитыхъ и сбившихся съ дороги было тогда такъ много, какъ много было въ польской администраціи безладья и произвола. Цѣлый классъ бояръ, обратившихся въ полуподданныхъ панскихъ, можно назвать сбитыми съ дороги. Масса такъ называемыхъ рукодайныхъ слугъ панскихъ принадлежала къ сбившимся, во всякомъ случаѣ къ безземельнымъ или малоземельнымъ завистникамъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Искавшіе, но необрѣтавшіе, счастья за Порогами, среди всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, играли роль дрожжей, или малой закваски, которая заквашиваетъ все тѣсто: имъ ничто не было страшно; они, во всякомъ случаѣ, больше могли пріобрѣсть, чѣмъ потерять въ общемъ замѣшательствѣ; и такіе люди, даже оставаясь въ сторонѣ отъ предпріятія Косинскаго, содѣйствовали его популярности громкимъ одобреніемъ.

Положеніе тогдашней Украины во многомъ было сходно съ положеніемъ нашего Заднѣпрія, нашей Уманщины, Богуславщины, Корсунщины и проч. въ эпоху Коліївщины. Мы, которые бесѣдовали лично съ людьми, видавшими Залізняка и его сподвижниковъ собственными глазами, легко можемъ перенестись воображеніемъ во времена Косинскаго. Въ смутное время Коліївщины, слухъ о появленіи запорожцевъ, имѣвшихъ опередившую вѣкъ свой (хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и запоздалую) цѣль—уравнять права пановъ съ правами простолюдиновъ, опьянялъ соумышленниковъ Максима Залізняка, послушныхъ народному движенію, этому закону природы (а не человѣческой воли, какъ думаютъ), котораго не подавляетъ ни произволъ высшей сферы, ни невѣжество низшей, ни даже развращеніе ума и сердца ложно толкуемою вѣрою.

Слухъ о появленіи Косинскаго, съ его задачею—уничтожить привилегіи и поставить козацкій присудъ на мѣсто присуда панскаго, долженъ былъ дѣйствовать съ неменьшею силою на его современниковъ.

Историки наши удивляются бездѣйствію мѣстныхъ властей, или дворянской самозащиты, въ волынскомъ, брацлавскомъ, кіевскомъ краѣ, — удивляются потому, что въ накопленныхъ дворянами бумагахъ не находятъ такихъ свидѣтельствъ о томъ времени, какія, посредствомъ изустныхъ преданій, мы имѣемъ о времени Коліівщины. Отъ невозможности или неумѣнья выполнить относительно той эпохи правило: audiatur et altera pars, историческій судъ о ней является у насъ или непріязненнымъ, или лицепріятнымъ, или же, наконецъ, тѣмъ фантастическимъ судомъ, который приближаетъ исторію къ сказкѣ. Но въ козацкой старинѣ, въ первыхъ движеніяхъ южнорусскаго общества къ завоеванію открытою силою того, что̀ похищено у него кабинетнымъ способомъ оно почти что неизбѣжно: именно потому, что козаки дѣлали свое дѣло, можно сказать, молча, тогда какъ ихъ противники горланили на всю Европу, и часто преувеличивали ихъ силу, испугавшись опасности, которую сами себѣ устроили, часто придавали козакамъ несвойственный имъ характеръ, или же, подобно почтеннымъ нашимъ кабинетникамъ, объясняли ихъ дѣйствія такъ, какъ иной методическій педагогъ объясняетъ дѣйствія школьниковъ, вырывающихся изъ-подъ его режима. „Удальство, разгулъ“, на языкѣ этихъ добрыхъ трудолюбцевъ, для насъ — то самое, что̀ „шалость“ и „непослушаніе“ — на языкѣ педагоговъ, забывающихъ, въ своемъ усердіи къ дѣлу, примитивныя потребности человѣческія. Бездѣйствіе мѣстныхъ властей кажется таковымъ только потому, что вокругъ нихъ происходило много озадачившаго ихъ дѣйствія, точнѣе сказать — говора и таинственнаго шопота, въ хатахъ, въ куреняхъ, у плуговъ, на сѣнокосахъ и въ лѣсахъ, какъ это было въ Коліівщину, когда паны совершенно

потерялись, прикипѣли къ своимъ мѣстамъ и, безъ того, что̀ мы знаемъ помимо современныхъ письменъ, могли бы также казаться намъ бездѣйствующими. Паны временъ Косинскаго не то что бездѣйствовали, а просто не знали, какъ имъ быть: новость козацкаго заявленія о похороненномъ и забытомъ вѣчевомъ правѣ, подъ формою козацкаго присуда, ошеломила каждаго. Самъ князь Острожскій, воюя козаковъ, трусилъ ихъ и, очевидно, радъ былъ какъ-нибудь уладить съ ними дѣло. Онъ послѣ Пятка сдалъ козаковъ на руки другимъ; не шевельнулъ пальцемъ, когда они опановали Кіевъ, и вообще относился къ нимъ пассивно. Во время Наливайковщины, онъ позволялъ имъ гнѣздиться въ своихъ имѣніяхъ, разбойничать отъ его имени, и только въ письмахъ къ зятю Радзивилу, такъ сказать заочно, выражалъ свою досаду на украинскихъ „лотровъ". Развѣ не такъ поступалъ съ „коліями" Младановичъ?

Я сдѣлалъ эпизодъ, чтобъ объяснить: какъ появился Косинскій между людьми, нуждающимися въ козацкомъ хлѣбѣ; какъ онъ, подобно пчелиной маткѣ, образовалъ вокругъ себя шумный рой въ Бѣлой-Церкви; какъ, послѣ расправы съ бѣлоцерковскимъ подстаростіемъ, появился онъ въ Кіевѣ; какъ захватилъ тамъ пушки, ружья и огнестрѣльные снаряды, и какъ, наконецъ, началъ приводить къ присягѣ на вѣрность козацкому присуду не только все воспрянувшее отъ сна, но и все оцепенѣлое отъ новости явленія, отъ непостижимости требованія, отъ страха. „Конецъ панскому господству"! такъ, безъ сомнѣнія, говорили козаки при началѣ своей долголѣтней войны (потому *безъ сомнѣнія*, что говорили они это въ ея разгарѣ). „Земля наша! Мы вызволили ее отъ орды, наше на ней и право"! Тутъ-то выступали на сцену такіе двусмысленной и недвусмысленной нравственности люди, какимъ былъ князь Вороницкій, кіевскій подвоеводій, игравшій разомъ роль и козацкаго товарища и панскаго пріятеля, или какимъ былъ Рожиновскій, которому, во что̀ бы то ни стало, хотѣ-

лось поровняться съ своимъ паномъ. Тогдашніе бояре, эти бывшіе княжескіе большаки, вообще остались послѣ татарскаго погрома ни при чомъ, были низведены перемѣною обстоятельствъ до служенія пану на одномъ, на двухъ и такъ далѣе коняхъ, число которыхъ опредѣляло бо́льшую или меньшую ихъ значительность. Въ этой служебной градаціи заключалась вся будущность бояръ отрозненной Руси. Какъ люди всё-таки высшаго полета, сохранившіе о себѣ традиціонное понятіе, какъ о классѣ почетномъ, они дѣлались рукодайными слугами деревенской шляхты или военными служебниками пана старосты повыше козаковъ его, но, не имѣя герба и шляхетскаго званія, всегда считались слугами, почти въ смыслѣ подданныхъ. Панско-козацкія транзакціи наполнены требованіями выдачи измѣнниковъ, слугъ, и запрещеніемъ принимать ихъ въ козацкую среду: то разумѣлись бояре путные, конные и какіе бы то ни было, наравнѣ съ прочими подданными. Этотъ въ старину вліятельный классъ народа, возвышенный на сѣверѣ до значенія полутатарскихъ перовъ и оставленный на югѣ безъ мѣста на шляхетскомъ пиру, всего чаще входилъ въ составъ козачества, и, можетъ быть, поэтому Бопланъ не находилъ въ козакѣ ничего грубаго, кромѣ одежды. Бояре связали козачество съ дружинами удѣльно-вечевого періода, и подъ знаменами новыхъ защитниковъ русской земли опять начали „звонить въ дѣдовскую славу.“

Теперь, когда порядокъ вещей въ эпоху Кониокаго для насъ ясенъ, прошу читателя представить себѣ козаковъ, проигравшихъ подъ Пяткомъ дѣло. По краснорѣчивому описанію панскихъ благодѣяній Запорожскому Войску и по многократному повторенію козацкой клятвы въ пятковскомъ листѣ, этотъ листъ, несомнѣнно, написанъ въ панскомъ лагерѣ. Но, хоть это была и вынужденная клятва, предположимъ, что она всё-таки была выполнена, въ благочестивомъ страхѣ божественной кары, который вовсе не былъ чуждъ людямъ religionis nullius. Козаки Косинскаго оста-

вили „лежи и приставства“ въ панскихъ имѣніяхъ, какъ было ими обѣщано, и побрели на свои получумацкіе, полувоенные промыслы за Пороги, — кстати наступила весна, когда на Низу голо́та дѣлается рясна́, по словамъ думы, — а не то, разошлись по домівкахъ своихъ, въ качествѣ обезоруженныхъ. Но первая ярмарка, первое шумное сборище въ хорошей корчмѣ, неизбѣжно должны были поднять насущный для множества предпріимчивыхъ людей вопросъ: „Неужели же такъ и пропало наше на панахъ“? Вопросъ, равнозначащій съ тѣмъ, который поднимался нѣкогда Греціи по поводу миѳическаго золотого руна или полумиѳической аргивской красавицы Елены, — въ обоихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, въ чисто экономическихъ видахъ. „Такъ это мы для пановъ терли луга и откармливали своимъ тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей? Вѣдь недавно еще, еще за нашей памяти, по самый Тя́сминъ съ обѣихъ сторонъ Днѣпра кочевали татары! а теперь они едва смѣютъ показываться вдали отъ нашего Славуты, пониже Псла и Воркслы! Вѣдь почему панамъ такъ зати́шно на Украинѣ? Потому что козаки стали му́ромъ противъ татаръ, залегли на всѣхъ татарскихъ шляхахъ и обезопасили панскія займища“. Такія размышленія отзывались даже въ устахъ защитниковъ козацкаго вопроса на сеймѣ: какъ же имъ было не высказываться на Украинѣ, гдѣ, уже и по замѣчанію Верещинскаго, не смотря на убожество самого Кіева, каждый „гордился своею вольностью украинскою“? Въ Кіевѣ, по словамъ его, продавали только *горілицю*, да такое *пивище*, что когдабъ налить козѣ въ горло, то и коза околѣла бы; но при такой бѣдности, кіяне, по выраженію почтеннаго бискупа, „не хотѣли показать дороги ни пану, ни панской собакѣ“. Такъ было при воинственномъ Стефанѣ Баторіи, и конечно не перемѣнилось при богомольномъ Сигизмундѣ III. Пьяные отъ *горілицi*, отъ *пивища* и отъ собственнаго буйства, кіевскіе козаки неизбѣжно должны были придти, и пришли, къ такому рѣшенію:

„Не попустімо ляхóві Пóльщи,
Пóкіль нашóі жизнóсти!“ [1])

Это значило, что ляхъ не долженъ лядувать въ Польшѣ, [2]) хотябы козаки опять и опять были побиты. Съ такимъ рѣшеніемъ совпадала, конечно, мысль, что присяга волынскаго товариства Косинскаго не распространяется на тѣхъ, кто не былъ съ нимъ подъ Пяткомъ, то есть на всѣхъ кіевскихъ козаковъ, самыхъ завзятыхъ, потому что самыхъ убогихъ, и что Косинскій не могъ

[1]) Изъ народной пѣсни временъ Хмельнищины, записанной авторомъ въ селѣ Суботовѣ, принадлежавшемъ Богдану Хмельницкому. Я потому указываю мѣстность, что пѣсня, по своему содержанію, могла *тамъ* быть сложена скорѣе, нежели гдѣ-либо. Косарь, котораго я перваго встрѣтилъ рано утромъ на улицѣ, вернулся домой по поводу завязавшагося между нами разговора. Но чѣмъ онъ былъ заинтересованъ въ молодомъ человѣкѣ? (это было давно). Совершенно тѣмъ, чѣмъ интересовались козаки временъ Косинскаго: онъ вообразилъ меня царскимъ агентомъ, развѣдывающимъ, какъ стоятъ вещи въ Украинѣ, для исправленія злоупотребленій помѣщиковъ и чиновниковъ. Это мнѣ помогло войти съ нимъ и съ его серьозными сосѣдями въ дружескую бесѣду, въ которой ничего не было недосказаннаго. Шляхтичъ Косинскій, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ, болѣе свѣдущій въ дѣлахъ внутренней политики, чѣмъ его пріятели (они, какъ видно изъ пятковскаго листа, не всѣ даже умѣли писать). Онъ находился болѣе или менѣе въ томъ положеніи относительно своей публики, въ какомъ я очутился среди суботовскихъ косарей, отложившихъ ради меня косовицу. Онъ жилъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ отъ слова до дѣла не былъ „un gran tratto“, какъ въ нашъ болѣе сложный вѣкъ. Онъ уступилъ энтузіазму нуждающихся людей до пятковскаго дѣла; онъ не могъ устоять противъ него и послѣ пятковскаго. А чего добраго, самъ поджегъ и раздулъ въ козацкомъ сердцѣ энтузіазмъ нужды и чувство обиды. Я могъ бы сдѣлать то же самое съ суботовцами, еслибъ видѣлъ въ томъ прокъ. Косинскій видѣлъ, или могъ видѣть прокъ въ своемъ предпріятіи. Впрочемъ, и то сказать: Запорожская Сѣчъ, съ ея недоступностью для правительственной власти, служила тогда сильною опорою для всякаго героическаго и злодѣйскаго замысла (понятія относительныя).

[2]) Мысль, образовавшаяся въ Подоліи уже во времена Папроцкаго. Когда захожій человѣкъ начинаетъ говорить о насущныхъ интересахъ туземцевъ, на него надобно смотрѣть, какъ на свѣжій сосудъ, въ который положено то, чтò дорого для края. Поэтому Папроцкій, съ его поражающимъ насъ пророчествомъ, что русскій народъ будетъ вѣчно славенъ „хотябы Польша и погибла“ (см. т. I. стр. 109), въ нашихъ глазахъ, имѣетъ значеніе только перескащика того говора, которымъ были полны дворы русскихъ пановъ, воинствовавшихъ тогда по-козацки.

*

требовать отъ козачества забвенія всѣхъ мелкихъ обидъ его и такой крупной обиды, какъ та, что князь Острожскій договаривался съ ханомъ выгубить козаковъ. Если предположить, что Косинскій, яко католикъ тогдашняго времени, или воспитанникъ латинской школы, былъ пропитанъ іезуитствомъ, то собственная логика его совѣсти никакъ не должна была быть выше логики завзятыхъ кіянъ, готовыхъ къ новому возстанію. Но если Косинскій былъ больше козакъ, нежели шляхтичъ, больше воинъ, нежели политикъ, больше человѣкъ, нежели раздраженный неудачею низовой сіромаха, то и въ такомъ случаѣ ему открывалась полная свобода дѣйствовать такъ, какъ-будто пятковскій листъ никогда не былъ имъ подписанъ. Козакамъ нужна война; козаки безъ войны оставаться не могутъ. Эта дикая въ наше время мысль не была дика ни во времена гуманнаго Гомера, ни въ похожее на гомеровскія времена столѣтіе кровавого спора козацкаго съ польско-русскою шляхтою.

„И день и нічъ войны ждемó,
Поживы не мáемъ...“

кричитъ въ украинской пѣснѣ олицетвореніе козачества—пу́гачъ, усѣвшись на степномъ курганѣ. Гетмана своего козаки величали обыкновенно батькомъ; гетманъ называлъ козаковъ офиціозно дѣтьми. Косинскій перестатъ быть козацкимъ батькомъ для одной купы козаковъ, но не могъ перестать быть имъ для другой, то есть не могъ лишиться вдругъ всей своей популярности у козаковъ. За тѣ же самыя свойства, за которыя избрали его своимъ предводителемъ козаки волынскіе, могли избрать его гетманомъ, въ свою очередь, кіяне, а избравши просить у него „козацкаго хлѣба“, какъ просятъ хлѣба дѣти у отца. Вспомнимъ, какъ поступили козаки по избраніи гетманомъ Самуила Зборовскаго: первымъ вопросомъ ихъ было: куда же ты насъ поведешь, пане гетмане? Вопросъ нужды и необходимости. Теперь и спрашивать было не

надо: война съ панами началась; хищныя варяго-русскія сердца чуяли, что поживы хватитъ надолго. На Украинѣ стояли тогда вещи по-гомеровски, и наивность козацкая не уступала аргивской, когда нужно было, для козацкаго хлѣба, освѣтить ночное небо заревомъ и наполнить окрестность воплями.

Косинскій, каковъ бы онъ тамъ ни былъ, не могъ устоять, и не устоялъ, противъ искушенія. Тутъ опять является мысль: что онъ и не боролся съ искушеніемъ; что, по примѣру многихъ героевъ древности и новаго времени, онъ въ собственномъ сердцѣ носилъ достаточный запасъ измѣны и предательства. Такой предводитель и нуженъ былъ козакамъ: таковъ былъ, по натурѣ своей, „козацкій батько" Хмельницкій. И вотъ раздался новый зовъ по Украинѣ, настала новая вербовка дикихъ героевъ равноправности, явилась новая забота о вооруженіи. Кіевъ стоялъ передъ козаками настежь. На мѣсто проигранной подъ Пяткомъ, нашлась у нихъ другая армата. Кадры будущаго войска составились въ самое короткое время, во первыхъ, изъ людей, знакомыхъ съ употребленіемъ оружія, каковы были панскіе и старостинскіе бояре, во вторыхъ, изъ мѣщанъ, побывавшихъ на Низу и, такъ сказать, помазавшихся запорожествомъ, наконецъ, и изъ дѣйствительныхъ запорожцевъ, запорожцевъ по ремеслу и по резиденціи, которые для торговаго или козацкаго промысла постоянно *сновидáли* или *блукáли* по Украинѣ, точно прислушиваясь и нюхая воздухъ, не пахнетъ ли гдѣ войною и добычею. Ихъ осуждать не за что: они, на мой взглядъ, были ничѣмъ не хуже аргонавтовъ, пронюхавшихъ золотое руно, или нашихъ варяго-руссовъ, которые нашли еще лучшее золотое руно на полянахъ, деревлянахъ, дреговичахъ и проч. Съ этими кадрами, въ числѣ трехъ или четырехъ сотень коней, какъ говоритъ преданіе, появился Косинскій въ Черкасахъ и продолжалъ тамъ затягивать новыхъ затяжцевъ съ намѣреніемъ взять приступомъ старостинскій зáмокъ и покарать пана Вишневецкаго за то, что онъ вмѣ-

шался туда, куда, по мнѣнію козаковъ, мѣшаться ему не слѣдовало. Козаки „воевали князя Острожскаго“, [1]) а ему какое было до того дѣло? Они рѣшились проучить вельможнаго пана. Більскій говорить, что вслѣдъ за Косинскимъ водою и сухимъ путемъ шли въ Черкасы новые козаки на поддержку Косинскаго. Но, пока они пришли, въ Черкасахъ случилось обстоятельство, непредвидѣнное ни Косинскимъ, ни его козаками. Мы знаемъ изъ устныхъ преданій объ уманской трагедіи, что хмѣльные напитки, какъ всегда и вездѣ, были главнымъ пособіемъ козацкаго краснорѣчія, при затягиваніи *затяжців*, то есть при вербовкѣ волонтеровъ. Въ Черкасахъ, должно быть, шла попойка на широкую ногу. Въ ней участвовали и старостинскіе служебники, которымъ было за обычай оставлять „рейментъ“ пана старосты и переходить подъ рейментъ Запорожскаго Войска. Зашолъ на пиру споръ, завязалась драка, и однимъ ударомъ со стороны какого-то предателя или необачнаго пьяницы шляхтича прекращена была бурная жизнь пана Криштофа. Случайно

[1]) Эти слова взяты изъ сознанія плѣнника, который пошолъ въ козаки манеромъ Косинщины. Оно вообще интересно, какъ живой голосъ, такъ рѣдко слышный среди архивовъ. „Мене зовуть Григорей Василевичъ Зджанскій (конечно, это былъ бояринъ: иначе—былъ бы поименованъ шляхтичемъ въ дѣлѣ), который первей сего служилъ у пана Александра Загоровского, и кгды былъ пôслухъ, же козаки Воеводу Кіевского воюютъ, тутъ, въ Луцку, намовилъ мене Михайло Янушевичъ Гулевичъ, абы зъ нимъ ехатъ, поведаючи, же добра, пожиточная служба будетъ. Я, будучи пахолкомъ убогимъ, потребу́ючи запоможенья, присталъ есми до него.... Панъ мой, у которогомъ я слугою рукодайнымъ былъ, ехавши до козаковъ, упросилъ у пана Косиньского, гетмана козацкого, который позволилъ, и далъ ему на помочъ Дашка, сотъника зъ его сотнею.... которымъ всѣмъ козакамъ зъ маетьностей Сутѣскихъ (которыя собрались они оттягать у пана Василія Гулевича въ пользу пана Михайла Гулевича) за працу чинити обецовалъ. И также, кгды есмо позно до Сутѣски приехали, врядникъ на кгвалтъ у дзвонъ ударилъ, мужики насъ у село не пустили, козаки ся на Михайла фрасовали, ижъ имъ не то обецовалъ; онъ ихъ благалъ, и обернулъся зо всѣми нами до Янкова; тамъ же въ Янковѣ черезъ цѣлый день у пятницу, также и черезъ ноцъ до суботы были есмо, а въ суботу пришли есмо были до Витавы; у Витавѣ врядникъ пана войского сутѣский зобравшися далъ намъ битву, насъ поразилъ, и живыхъ насъ чотырохъ чоловекъ.... поймали“.

ли это сдѣлалось, или преднамѣренно, только смерть Косинскаго была сигналомъ къ нападенію на пирующихъ козаковъ. Старостинцы перебили защищавшихся и положили конецъ козацкому бунту.

Такъ погибъ малоизвѣстный, но достопамятный человѣкъ, начинатель кроваваго дѣла, которое можно было бы назвать столѣтнимъ разбоемъ, еслибъ этотъ разбой не защитилъ русскаго народа отъ тѣхъ, которыхъ заповѣдано намъ бояться больше, чѣмъ убивающихъ тѣло. Но убивающимъ тѣло, въ лицѣ мусульманъ, козацкій разбой также положилъ не малую преграду къ распространенію ислама и къ чужеядности татарско-турецкой орды. Слѣдовательно Косинскій имѣетъ полное право на названіе дѣятеля народнаго, если не въ положительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. Открытіемъ столѣтней борьбы съ польско-русскою шляхтою, онъ воспрепятствовалъ распространенію антикультурныхъ началъ въ нашей отрозненной Руси; а это — дѣло не маловажное, каковъ бы ни былъ взглядъ самого Косинскаго на послѣдствія его козакованья.

Украинскіе лѣтописцы почтили память Косинскаго сообразно своимъ интересамъ и понятіямъ. Не обративъ вниманія на то, что онъ былъ Криштофъ, а не Христофоръ, они, въ благочестивой своей ревности и религіозной завзятости, сдѣлали изъ него мученика за православную вѣру и сочинили легенду, что будто-бы Косинскій былъ замурованъ живой въ каменномъ столбѣ, въ Варшавѣ. То было время религіозной борьбы и мартирологіи во всей Европѣ.

ГЛАВА XII.

Козачество панское по отношенію къ запорожскому. — Императорскій посолъ на Запорожьѣ, и характеристика запорожскаго товарищества. — Козацкая служба подъ знаменами Рудольфа II. — Положеніе панскихъ дѣлъ между первымъ и вторымъ козацкими возстаніями. — Несостоятельность короннаго войска въ войнѣ съ татарами. — Козацкія попытки основать другой форпостъ въ виду азіятцевъ. — Приближеніе грозы къ Польшѣ со стороны козачества. — Ополяченные русины служатъ безсознательно русской идеѣ. — Козаки ремонтируются для предстоящей борьбы.

Войско князя Острожскаго состояло не изъ однихъ рейтаръ, которые дали ему перевѣсъ надъ Косинскимъ: онъ содержалъ на жалованьѣ нѣсколько хоругвей козаковъ. Подъ словомъ *козаки* въ надворномъ войскѣ польскихъ пановъ часто разумѣлась вооруженная легко, по-козацки, конница; но резиденція князей Острожскихъ охранялась ополченіемъ дѣйствительно козацкимъ. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ, подъ 1553 годомъ, въ современной хроникѣ Горницкаго, встрѣчаемъ, въ городѣ Острогѣ, тысячу козаковъ. Это были такіе самые козаки, какіе залегали съ Претвичемъ на татаръ въ дикомъ полѣ, какіе сторожили Украину подъ предводительствомъ Дашковича и ходили въ Молдавію съ Димитріемъ Вишневецкимъ, какіе, наконецъ, составляли домашнюю роту Богдана Рожинскаго, и какихъ содержали въ тѣ времена многіе паны, выступившіе съ своими зáмками на передовую линію

колонизаціи отрозненной Руси. [1]) Состоя въ распоряженіи владѣльца, они дѣйствовали въ военное время противъ хищныхъ татаръ, въ качествѣ сторожевой милиціи, а въ мирное — поддерживали интересы феодальнаго панскаго дома противъ другихъ феодаловъ. [2]) Въ теченіе сорока лѣтъ, истекшихъ съ того времени, потребности и обычаи родного гнѣзда князей Острожскихъ не измѣнились. Въ 1593 году, въ городѣ Острогѣ мы находимъ такихъ же козаковъ, какихъ Константинъ-Василій Острожскій, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Димитріемъ Сангушкомъ, обманулъ или подкупилъ, или запугалъ, во время вторженія своего ко вдовствующей женѣ брата, и какіе воевали теперь подъ знаменемъ Косинскаго.

Походъ Косинскаго былъ для этихъ козаковъ, по видимому, неожиданностью. Какъ люди, состоявшіе на жалованьѣ у князя Острожскаго, они обязаны были идти противъ своихъ соратниковъ, и ходили. Не извѣстно, впрочемъ, какъ они дѣйствовали въ походѣ. Можетъ быть, ихъ-то участіе въ войнѣ, какъ не совсѣмъ

---

[1]) Въ 1599 году князь Константинъ Острожскій писалъ къ Криштофу Радзивилу:... „Asłusznie by wprawdzie wzięto mi Roty, ktore zawsze praedecessorowie moi miewali z Czerkas i z Białey Cerkwie, chociay nigdzie pierwiey i częsciey nieprzyiaciel nie zwykł bywać, iako w tym kraiu, by iescze te liche dzierzawy moie miały być zołnierzem P. Starostow inszych onerowane, wielka niesprawiedliwość“. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. № 228, f. IV, л. 9.)

[2]) Это не была панская прихоть: при безправьи rządu polskiego, при безсиліи prawa pospolitego, крупные и мелкіе паны поставлены были въ необходимость устроивать въ своихъ домахъ разсадники козачества и подъ полою у себя воспитывать такихъ людей, какимъ явился на аренѣ козацкихъ возстаній Наливайко. Вотъ какъ сами они размышляли объ этомъ на сеймахъ: „Szkodliwa rzecz zaprawdę wkazdey Rptey contempt prawa y zwierszchosci, ktory tak się zagęsciel, ze iusz kozdemu Woysko mieć, gwałtem prawa swego dochodzić w powszechny obyczay weszło. Wszystkie sądy, wszystkie ziazdy zbroyno się odprawuią. A niedziw, bo sam Seym, na ktory, z załęscią ludzi wszystkich spokoinych, z ohidą narodu naszego, więcey woyska widać, nizli na Ukrainie: nie tylko ze całe pułki na Seym zwodzą, ale nawet izbę samę Poselską ludzmi swemi zagęsciwsry y wolne głosi zatłumiwszy, bene consulta rozrywaią, iakoby na tych tylko ręku była Rpta, ktorzy więcey za sobą pachołkow nawioda. (Тамъ же, Л. F., отд. IV, № 99, л. 75.)

надежнаго контингента, должно̀ служить намъ лучшимъ объясненіемъ договора, заключеннаго побѣдителями съ побѣжденными. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что предводитель острожскихъ козаковъ, знаменитый впослѣдствіи Наливайко, красавецъ, храбрецъ и вмѣстѣ пройдоха (родомъ, какъ говорятъ, изъ Каменца), оправдывался черезъ годъ передъ запорожцами въ томъ, что воевалъ противъ своихъ братій подъ панскими знаменами. Онъ прислалъ въ Січъ свою саблю, съ тѣмъ, что, когда явится лично въ запорожскій ареопагъ — войсковую раду, и доводы его не будутъ уважены, такъ чтобъ низовые братья-козаки этою саблею отрубили ему голову. Случившійся на ту пору за Порогами посолъ германскаго императора Рудольфа II былъ свидѣтелемъ этой сцены, напоминающей разсказы Саллюстія, и записалъ ее въ своемъ дневникѣ. Какъ бы то ни было, только, послѣ смерти Косинскаго, Наливайко оставилъ князя Острожскаго и „пустился въ непріятельскія земли искать козацкаго хлѣба“.

По его собственнымъ словамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ занимался этимъ промысломъ (тогдашнія обстоятельства выработали козачество, какъ промыселъ), воевалъ во многихъ земляхъ, подъ предводительствомъ многихъ козацкихъ гетмановъ, и, „не смотря на то, связанный обѣщаніемъ и честнымъ словомъ, служилъ князю Острожскому по-рыцарски, какъ ему подобало“. Можетъ быть, и самъ князь Острожскій не захотѣлъ держать козаковъ послѣ козацкаго наѣзда на его владѣнія, опасаясь отъ него того, что̀ сдѣлалъ съ своимъ паномъ козацкій сотникъ Гонта, спустя 175 лѣтъ, хотя слѣдуетъ помнить, что родной братъ Семена Наливайка, Демянъ, оставался по-прежнему попомъ въ городѣ Острогѣ, что съ этимъ братомъ попомъ проживалъ тамъ другой братъ Наливайка и, кромѣ того, мать и сестра ихъ. Въ письмахъ своихъ къ зятю, Криштофу Радзивилу, Острожскій отзывается о Наливайкѣ съ презрѣніемъ, тогда какъ гетмана низовыхъ козаковъ, про-

живавшаго въ подольскомъ городѣ Барѣ, называетъ заочно паномъ Лободою. [1]) Съ нимъ онъ имѣлъ письменныя сношенія. Лобода, своими увѣдомленіями о турецкихъ, татарскихъ и волошскихъ дѣлахъ, восполнялъ для него отсутствіе газеты. [2]) Что̀ касается до Наливайка, то этотъ варяго-руссъ, не находя дома съ товарищами козаками работы, вознамѣрился по его собственному разсказу, уничтожить „хозяйство“ (преимущественно номадное), которое завели враги христіянства по берегамъ Днѣстра, и началъ геройствовать между Тягинею и Бѣлгородомъ. Это не была *война*, въ нынѣшнемъ значеніи слова: это былъ военный промыселъ. Если московскій царь или другой потентатъ не подстрекали козаковъ подарками „чинить промыселъ надъ непріятелями“, то они чинили его безъ подстрекательства. На сей разъ козаки были поощрены нѣмецкимъ императоромъ Рудольфомъ, который прислалъ имъ серебрянныя литавры, булаву и другіе войсковые „клейноды“, прося не пускать крымскихъ татаръ въ Венгрію, гдѣ его сильно тѣснилъ султанъ Амуратъ. Не усмотрѣли, однакожъ, запорожцы за татарами: тѣ ихъ перехитрили, и прорвались въ Венгрію подальше отъ запорожскихъ чатъ, черезъ Волощину. Наливайко погнался за ними, но напрасно. Тогда онъ, въ соединеніи съ Лободою, который предводилъ запорожцами, принялся опустошать турецкіе города и села за Днѣстромъ. Тутъ ему посчастливилось, добычи набралъ онъ столько, что некуда было дѣвать. Наливайко не былъ товарищемъ въ козацкомъ войскѣ: онъ представлялъ варяжскаго князя, собравшаго вокругъ себя боевую дружину на собственныя заработанныя козакованьемъ средства. Поэтому добыча не была войсковая; онъ могъ

---

[1]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 23 февраля 1595 года.

[2]) И не одинъ Лобода замѣнялъ князю Острожскому газету: онъ получалъ подобныя же донесенія и отъ какого-то сотника Демковича. (См. письма того и другаго въ приложеніяхъ ко II-му тому.)

располагать ею по собственному усмотрѣнію, и, какъ за Порогами поднимались противъ него обвинительные голоса за его прошлое, „що недóбра, зурѝвочна стала ёго слава“, то онъ нашелъ для себя полезнымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить туда посольство, о которомъ упомянуто выше.

Съ оправдательнымъ Наливайковымъ посольствомъ совпало, какъ уже сказано, прибытіе въ запорожскую Сѣчь императорскаго посла, интересное для насъ въ томъ отношеніи, что оно даетъ болѣе ясное понятіе о тогдашнемъ положеніи низового козацкаго войска. Посломъ былъ силезецъ Эрихъ Ласота, котораго дневникъ обнародованъ вполнѣ только въ весьма недавнее время. [1]) Изъ этого дневника мы знаемъ, что маршрутъ его за Пороги лежалъ черезъ Санокъ, Самборъ, Львовъ, Константиновъ, Прилуки, Бѣлую-Церковь, Хвастовъ, Васильковъ, Триполье и Кіевъ. Этими именами обозначается кайма крѣпкихъ мѣстъ на пограничьѣ, между которыми сообщеніе не подвергалось опасности, заставлявшей Плано-Корпини трепетать за свою жизнь во время проѣзда его черезъ Кіевъ. Изъ Кіева Ласота продолжалъ путь свой водою. Ниже устья рѣки Псла, съѣхался онъ съ посломъ московскимъ, который также везъ низовымъ козакамъ подарки и путешествовалъ „со свитою козаковъ“. Оба посла плыли до самой Сѣчи на одномъ суднѣ, бесѣдуя о международныхъ дѣлахъ. Ласота насчиталъ на Днѣпрѣ 12 пороговъ, черезъ которые переправа была весьма опасна, особенно во время мелководья. „Тогда“, пишетъ Ласота, „люди въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ — или выходятъ на берегъ и оттуда удерживаютъ судно длинными канатами, либо верев-

[1]) Почтенный издатель дневника Ласоты, въ русскомъ переводѣ, Ф. N. Брунъ, котораго занимающіеся исторіею должны благодарить за снабженіе перевода множествомъ весьма полезныхъ примѣчаній, напрасно напечаталъ имя Ласоты съ двумя *с*. Въ „Koronie Polskiéj“ Niesieckiego читаемъ Lasota, а не Lassota. Слово *ласóта* происходитъ отъ *лáсый*, лакомый. По нѣмецки необходимо было писать два *s*: иначе, вмѣсто *Ласоты*, вышелъ бы *Лазота*. Указанному недоразумѣнію подверглись и уважаемые издатели „Историческихъ Пѣсень Малорусскаго Народа“, Кіевъ, 1874 (стр. 156).

ками, или, оставаясь сами въ водѣ, переносятъ судно поверхъ острыхъ камней, осторожно спуская его затѣмъ снова въ воду. Но тѣ, которые удерживаютъ судно канатами, не должны терять изъ виду тѣхъ, которые тянутъ канаты и спускаютъ судно: иначе — оно легко можетъ удариться и разбиться". Это и случилось съ однимъ изъ суденъ, на которомъ находилось трое спутниковъ Ласоты. Плаватели были спасены маленькими лодками — *підгіздками*, но всѣ ихъ вещи пропали. „Недавно", замѣчаетъ мимоѣздомъ Ласота, „татары кочевали и на правомъ берегу, до самого Тя́смина; но козаки, утвердясь за Порогами, заставили ихъ покинуть правый берегъ". Зато лѣвый, по словамъ современника Ласоты Гейденштейна, даже и подъ Кіевомъ, продолжалъ еще называться *татарскимъ*, въ противоположность правому, который назывался *русскимъ*. Козаки въ то время стояли „кошéмъ", или лагеремъ, на островѣ Базавлукѣ, у днѣпровскаго рукава Чортомлыка, или, какъ они выражались, *коло́ Чортомлыцького Дніпри́ща*. Пословъ привѣтствовали съ берега пушечною пальбою и тотчасъ повели въ раду, которую Ласота называетъ польскимъ словомъ koło (кругъ). „Мы просили передать (по-русски) радѣ", пишетъ Ласота, „что намъ было весьма пріятно застать тамошнее рыцарское товарищество (ritterliche Gesellschaft) въ полномъ здравіи; но, такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 30 мая, Herr Haubtman Богданъ Микошинскій отправился къ морю съ 50-ю галерами (онъ разумѣетъ човны-чайки) и 1.300 человѣкъ, то мы желали отложить передачу своего порученія до возвращенія гетмана и его сподвижниковъ, когда все войско (Kriegsvolk) будетъ на мѣстѣ. Они на это согласились и помѣстили насъ въ шалашахъ (hütten), называемыхъ кошами (Koczen), которые сдѣланы изъ хвороста и покрыты, для защиты отъ дождя, конскими кожами". [1])

[1]) Слово *кошъ*, говоритъ В. В. Григорьевъ („О нѣкоторыхъ Событіяхъ въ Бухарѣ" и пр.), означаетъ (по-татарски) всякое временное помѣщеніе въ пу-

Черезъ 9 дней Микошинскій вернулся съ похода. Онъ ходилъ къ морю съ цѣлью помѣшать переправѣ татаръ у Очакова на русскую сторону Днѣпра и не дать имъ вторгнуться въ Венгрію, о чомъ еще прежде просилъ запорожцевъ императоръ. Билея онъ съ татарами на водѣ и на сушѣ, и взялъ въ плѣнъ раненнаго въ ногу знатнаго татарина изъ ханскихъ придворныхъ, по имени Білика (Bellek). Но турки прислали на помощь татарамъ 8 галеръ, 15 каравелъ и 150 сандаловъ [1]). Козаки не могли воспрепятствовать переправѣ и вернулись въ недоступное для турокъ убѣжище свое на Днѣпрѣ. Мурза Біликъ, котораго Ласота разспрашивалъ о турецкихъ и татарскихъ войскахъ, сообщилъ ему, что ханъ выступилъ въ походъ съ 80.000 человѣкъ, но что между ними вооруженныхъ и способныхъ къ военному дѣлу было немного болѣе 20.000, а дома, въ Перекопской Ордѣ, оставалось всего тысячъ 15 татаръ.

„19-го іюня, утромъ", пишетъ Ласота, „посѣтилъ насъ гетманъ, съ нѣкоторыми изъ главныхъ лицъ, и затѣмъ, въ свою очередь, принялъ насъ у себя. Послѣ обѣда козаки выслушали московскаго посла. Гетманъ обратился къ намъ изъ рады съ извиненіемъ въ томъ, что они даютъ аудіенцію московскому послу прежде чѣмъ намъ. Имъ хорошо извѣстно, говорилъ гетманъ, что его императорское величество занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ христіянскихъ монарховъ; но имъ казалось удобнѣйшимъ выслушать предварительно московскаго посла, въ томъ предположеніи и даже отчасти въ той увѣренности, что москаль (Moschowitter), въ своихъ переговорахъ съ ними, не умолчитъ и о дѣлѣ австрійскаго монарха".

стомъ мѣстѣ, или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ и цѣлый лагерь.

[1]) *Сандалъ* — по-турецки доска, дощаникъ. Это были довольно большія суда. Діаконъ Игнатій (Ник. Лѣт.), въ своемъ описаніи хожденія Пименова, говоритъ: „Оттуда (изъ Пандоракліи, Гераклеи при Понтѣ) идохомъ въ сандаліяхъ и до Царюграду".

На другой день запорожцы дали „аудіенцію" императорскимъ посламъ, которые изложили свое дѣло на бумагѣ и представили „грамоту" свою въ полномъ собраніи низового рыцарства. Попросивъ пословъ удалиться, козаки выслушали грамоту. Рада желала, „чтобы каждый высказалъ о ней свое мнѣніе". Но, послѣ двукратнаго предложенія спикера, по-украински *речника́*, а речникомъ въ козацкой радѣ былъ гетманъ, или *кошо́вый*, [1]) — всѣ козаки, какъ одинъ, молчали.

Они молчали не отъ робости и не потому, чтобы не могли съ разу высказать своего мнѣнія о сдѣланномъ имъ предложеніи. Стѣсняло ихъ присутствіе стольких умныхъ людей, передъ которыми ихъ простацкія сужденія могли бы показаться смѣшными. Если была въ рукахъ у старшины какая-нибудь нравственная узда на своенравнаго и дерзкаго козака, то этой уздой было мѣткое, саркастическое слово. Оно не страшило толпы, но каждый за себя порознь боялся такого слова, точно выстрѣла. Мѣткое слово въ ту же минуту обращалось въ насмѣшливое прозвище и переходило въ козацкое потомство, какъ это еще и въ наше время доказываютъ очень странныя фамиліи нѣкоторыхъ украинскихъ дворянъ, на примѣръ: Тупу́-Тупу́-Табуне́ць-Була́ный, или: Коло̀-Г...-Па́лець, и множество подобныхъ. Боязнь насмѣшки до сихъ поръ остается весьма чуткою въ украинскомъ простолюдинѣ. Умственное превосходство для него — сила, передъ которою онъ смущается больше, чѣмъ передъ властью. [2])

---

[1]) Эти двѣ должности на Запорожьѣ совмѣщало одно и то же лицо; но *кошо́вый* значитъ глава січового коша, а *гетманъ* — предводитель войска. Когда Запорожцы пребывали въ мирѣ, сражаясь ежедневно съ татарами въ раздробь, ими правилъ кошо́вый, съ помощью куренныхъ ота́мановъ или вообще—*отама́ння*, старшины, а въ важныхъ случаяхъ—рады. Но въ военное время этотъ конституціонный владыка превращался въ диктатора и назывался гетманомъ. Для каждой экспедиціи избирался гетманъ, а на кошу оставался тогда, независимо отъ походной диктатуры, кошо́вый.

[2]) Гоголь, говоря въ какомъ-то мѣстѣ о томъ, какъ можно пробрать человѣка словомъ, смѣшалъ своихъ земляковъ съ великорусскими простолюдинами.

Собраніе раздѣлилось на двѣ рады: въ одной участвовала только старшина (отама́нье), въ другой—только чернь. Этой последней радѣ, въ важныхъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, предоставлялось право постановить рѣшеніе, которое старшина обязана была выполнить безпрекословно, или обсудить для вторичнаго представленія въ общей радѣ. На сей разъ предложеніе императора принято было „чорною радою" съ восторгомъ. Козаки, въ знакъ своего согласія, подбросили вверхъ шапку, [1]) а потомъ, подбѣжавъ къ собранію старшинъ своихъ, грозили утопить того въ Днѣпрѣ, кто осмѣлится противодѣйствовать ихъ рѣшенію.

Тутъ уже выступилъ наружу другой народный принципъ, выраженный украинскою пословицею: *грома́да—вели́кий чоловікъ*. Запорожская чернь, сознавая важность ума коллективнаго, ставила ни во что самую умную единицу между старшиною. Этимъ объясняется фактъ, что большая часть запорожскихъ предводителей оканчивала поприще свое смертью отъ рукъ самого войска своего. Въ этомъ же надобно искать смысла и такихъ поступковъ, какъ выдача зачинщиковъ возстанія, въ случаѣ его безуспѣшности. Послушные до рабства своему предводителю, доколѣ онъ увѣренъ самъ въ себѣ, козаки терроризовали его безпощадно при всякомъ колебаніи, а за неудачу въ походѣ часто карали смертью, точно султанъ своего визиря. Смыслъ у нихъ былъ спартанскій: за удачу — честь и слава, хотьбы то было и воровство; за неудачу —

Словомъ забъешъ гіршъ, ніжъ кия́кою, говоритъ малорусская пословица. У великоруссовъ, при всѣхъ почтенныхъ свойствахъ ихъ, простого народа, такой пословицы нѣтъ, а есть вотъ какая: *брань на вороту не виснетъ.*

[1]) Весьма древній обычай. У Гомера троянскій жрецъ Калхасъ, въ знакъ миролюбія, несетъ на жезлѣ свою жреческую повязку. Богданъ Хмельницкій носилъ такъ свою шапку въ случаяхъ переговоровъ послѣ битвы. Передъ гетманомъ у поляковъ giermek (пажъ) носилъ на копьѣ его шапку съ перьями, въ походѣ и строю. Въ старыхъ русскихъ судахъ, истецъ закладывалъ въ шапку извѣстную сумму денегъ, гарантируя правдивость своего иска. Еще древнѣе обычай метать шапки передъ судьею въ знакъ состязанія. Въ судныхъ литовско-русскихъ грамотахъ читаемъ: „оже шапками вергутъ", и т. д.

смерть: не позоръ войска! Логика ихъ была такова: *до булавы трёба головы*; кто бралъ въ руки диктаторскую власть, тотъ принималъ на себя всю отвѣтственность за ошибки диктатуры, а *коли не піпъ, то не вбирайсь и въ ризы*. Потому-то въ гетманы козаки шли весьма не охотно; часто были они принуждаемы выбрать любое: или смерть отъ своихъ товарищей, или диктаторскую власть надъ ними. [1]) „У запорожцевъ чернь", замѣчаетъ Ласота, „очень сильна, и въ ярости своей (furi) не терпитъ противорѣчія".

Для заключенія условій съ императоромъ, „козаки-чернь" выбрали 20 депутатовъ,—не извѣстно, изъ своей ли среды, или изъ старшины. Пословъ опять пригласили въ раду. Депутаты въ большомъ козацкомъ кругу составили малый. Они сѣли среди рады на землѣ, пригласили пословъ также садиться и долго совѣщались между собою. Результатъ совѣщаній былъ таковъ, что козаки рады бы тѣломъ и душею идти въ предложенную имъ службу; не отказывались они также двинуться въ Волощину и, переправясь черезъ Дунай, вторгнуться въ Турцію; но къ этому встрѣтились имъ непреодолимыя препятствія, и, во первыхъ, у нихъ не доставало коней, какъ для себя, такъ и подъ орудія. Въ прошлую зиму татары набѣгали на нихъ семь разъ и угнали до 7.000 лошадей, такъ

---

[1]) Много можно привести примѣровъ, какъ еще недавно трепетавшій передъ козаками невольный кандидатъ въ гетманы заставлялъ трепетать козаковъ своего слова и взгляда. Онъ былъ полнѣйшее олицетвореніе права сильнаго. „Егда гетманомъ мя избрали, то и раду мою приняти треба", заставляетъ монахъ-лѣтописецъ Наливайка говорить козакамъ, которые потомъ выдали его Жолковскому. Этою чертою украинскаго козачества, именно добровольнымъ подчиненіемъ себя гетманской диктатурѣ, объясняется кажущееся противорѣчіе между республиканскимъ его духомъ и всегдашнею готовностью подчиниться абсолютному монархизму. Даже и современнаго намъ украинца, во всѣхъ подчиненныхъ, зависимыхъ отношеніяхъ его, возмущаетъ до глубины души только несправедливость, но никогда не жалуется онъ на строгую кару: онъ въ душѣ деспотъ, и это говорится не въ осужденіе ему. Напротивъ, врожденный деспотизмъ украинскаго характера подаетъ надежду, что рано или поздно водворятся среди этого народа опредѣлительно выработанныя и стойко охраняемыя правила разумной нравственности, которыхъ только и не достаетъ намъ для русскаго величія.

что теперь на всемъ Низу наберется не болѣе четырехъ сотенъ. Во вторыхъ, малымъ войскомъ въ 3.000 человѣкъ не отваживаются они идти въ Волощину. Волошскій господарь не такой человѣкъ, на котораго можно было бы полагаться, да и сами волохи—народъ непостоянный и не-щирый. Въ третьихъ, за такое незначительное вознагражденіе, какое предлагаютъ имъ, нельзя принять обязательства служить императору и идти въ такую даль, да и самое предложеніе сдѣлано имъ какъ-то неопредѣленно. Какъ достать лошадей? спрашивали они посла. Не можетъ ли онъ добыть имъ нѣсколько сотъ коней въ Брацлавскомъ воеводствѣ подъ нихъ и подъ пушки? Были бы только кони, а все прочее они сдѣлаютъ. Наконецъ, козаки ссылались на свой обычай—не предпринимать ничего невѣрнаго, не вступать въ службу и не ходить въ походъ, безъ самыхъ точныхъ условій. Поэтому желали, чтобы Ласота заключилъ съ ними, именемъ своего императора, контрактъ относительно трехмѣсячнаго жалованья и содержанія коней.

На счотъ коней, Ласота отвѣчалъ, что ему, какъ иностранцу, незнакомому съ Польшею, мудрено дать имъ совѣтъ, но онъ не сомнѣвается, что, еслибы козаки поднялись вверхъ по Днѣпру, то въ городахъ и селахъ, гдѣ они выросли, и гдѣ у нихъ есть родные и пріятели, они не только найдутъ коней, но и козаковъ для походу; да и воевода брацлавскій [1]), прибавилъ онъ, великій пріятель запорожцамъ; онъ также поможетъ имъ въ этомъ, только бы они попросили его. О жалованьѣ Ласота сказалъ, что, еслибъ ихъ требованія были заявлены прежде, то дѣло это устроилось бы заблаговременно, а теперь онъ считаетъ невозможнымъ вступать съ ними въ денежныя сдѣлки. О волошскомъ господарѣ Ласота подалъ имъ надежду, что онъ приметъ сторону императора, лишь только козаки прибудутъ къ нему вмѣстѣ съ императорскими послами, и потому совѣтовалъ имъ довѣриться монарху

[1]) Янъ Збаражскій.

который послалъ имъ столько почетныхъ и значительныхъ даровъ, сколько они еще не получали разомъ ни отъ какого потентата и при этомъ не посмотрѣлъ на такое далекое и опасное путешествіе пословъ своихъ. Ласота настойчиво совѣтовалъ козакамъ отправиться вверхъ по Днѣпру въ Украину. Не сомнѣвался онъ, что къ нимъ пристанетъ на родинѣ множество народу, съ которымъ смѣло можно вступить, слѣдомъ за татарами, въ Валахію и дойти до Дуная. При этомъ Ласота распространился о достоинствѣ и великодушіи своего государя, готоваго наградить ихъ, можетъ быть, даже болѣе щедро, чѣмъ они ожидаютъ.

Козаки, съ своей стороны, призывали Бога въ свидѣтели готовности своей служить императору, но имъ не возможно предпринять такого далекаго похода, по тѣмъ причинамъ, которыя они уже объяснили. Всё же, однако, чтобы доказать его величеству свою преданность, они согласились отправить къ нему пословъ, уполномочивъ ихъ заключить съ нимъ договоръ на счотъ ихъ содержанія, а сами они между тѣмъ будутъ стараться добыть лошадей и, чтобы не оставаться праздными, отправятся въ море,— не удастся ли имъ разорить два турецкіе города въ устьѣ Дуная, а не то—ударить на Перекопъ, до котораго отъ Січи по прямой дорогѣ считалось только 26 миль.

„Эта служба“, сказалъ Ласота, „не принесетъ пользы моему государю: теперь вы не помѣшаете уже татарамъ вторгнуться въ Венгрію и не отдѣлите ихъ отъ турецкаго войска; а эти-то два пункта и были предметомъ моего посольства. Нѣтъ, ужъ если хотите сослужить его императорскому величеству службу, такъ снимайтесь тотчасъ же съ мѣста и ступайте въ догонку за татарами. Этакъ вы не дадите имъ пройти въ Венгрію, а между тѣмъ изъ Волощины вамъ еще лучше, чѣмъ изъ Січи, отправить къ императору посольство для переговоровъ о жалованьѣ. И ужъ конечно его величество, видя козаковъ уже въ дѣйствіи противъ непріятеля, тѣмъ благосклоннѣе приметъ ихъ представленіе“.

*

Обо всемъ этомъ осаулы (которыхъ Ласота называетъ адъютантами) донесли большой радѣ. Для рѣшенія вопроса на свободѣ, козаки-чернь отдѣлились въ особую раду. Тамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, снова приняли они предложеніе императора, по выраженію Ласоты, cum solemni acclamatione и бросаньемъ кверху шапки. Когда послы выходили изъ собранія, затрубили трубы, забарабанили литавры; изъ большихъ пушекъ прогремѣло десять выстрѣловъ; а ночью пущено нѣсколько ракетъ.

Но въ Січѣ были своего рода сибариты, которымъ далекіе и трудные походы не нравились. Это были богачи, такъ называемые „дуки", имѣвшіе собственные човны и привыкшіе къ вкусной трапезѣ, въ которую, кромѣ рыбы, обыкновенной пищи козацкой, входила и дичь, доставляемая имъ, какъ можно думать, убогими товарищами. Ночью начали они бѣгать отъ одного козацкаго куреня къ другому и показывать предположенный походъ съ невыгодной и даже подозрительной стороны его. „Сперва обдумайте, что вы дѣлаете", говорили они: „какъ бы вамъ не даться въ обманъ. Развѣ много прислалъ императоръ казны? Сосчитайте-ка, сколько убогихъ между вами! Какъ вамъ выживиться этими деньгами въ такомъ далекомъ походѣ? Да вы съ этими деньгами не будете знать, что и покупать: насущный ли хлѣбъ, или коней! А императоръ теперь заманиваетъ васъ въ свою землю, когда вы ему нужны; а какъ вы сдѣлаете дѣло, онъ тогда забудетъ и думать о васъ. Развѣ онъ обезпечилъ васъ какою грамотою или печатью"?—Слушая экономическія соображенія, которыя сильнѣе всякой высокой мысли говорятъ сердцу большинства, козацкая чернь ударилась въ другую крайность. Въ созванной утромъ радѣ, козаки усомнились даже въ тѣхъ деньгахъ, которыя были присланы съ Ласотой, и наряженная отъ нихъ делегація довольно грубо потребовала отъ него фактическихъ доказательствъ его посольства.—„Я ручаюсь вамъ головою моею за деньги", отвѣчалъ Ласота. „Не такъ я безразсуденъ, чтобъ осмѣлился приглашать рыцарское общество къ походу, не

имѣя наличной суммы". Онъ показалъ козакамъ императорскую инструкцію съ печатью и просилъ о заключеніи условій. Выслушавъ докладъ своей делегаціи, козаки всё-таки оставались при своемъ упорствѣ. Тутъ выступилъ на сцену бывшій козацкій гетманъ Лобода, знаменитый, по словамъ Ласоты, разореніемъ Бѣлгорода, и, вмѣстѣ съ другими „значными козаками", принялся увѣщевать товариство такъ: „Поразмыслите, братчики, что̀ это вы дѣлаете. Не отпихайте императорской ласки и обѣщаній. Вѣдь это вы сдѣлаетесь смѣхо́вищемъ на свѣтѣ, когда не пойдете на врага христіянства и не заслужите награды у такого великаго потентата". Козаки молча не подавались. Тогда гетманъ Микошинскій сказалъ съ досадой: „Такъ-то вы много думаете о чести, славѣ и добромъ имени козацкомъ! Не хочу жъ я и гетманова́ть надъ такимъ войскомъ"! Съ этими словами онъ положилъ передъ козаками знаки своей власти и объявилъ собраніе распущеннымъ. Рада разошлась въ нерѣшимости.

Послѣ обѣда (разсказываетъ Ласота далѣе) осаулы опять начали созывать козаковъ въ раду, „а иныхъ и mit Prügeln [1]) гнали". Рада упросила Микошинскаго принять на себя снова гетманство, но тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ преній, дѣло осталось нерѣшенным. Здѣсь Ласота замѣчаетъ, что слухи о числѣ козаковъ были преувеличены. За Порогами нашолъ онъ не болѣе 3.000. „Правда", прибавляетъ Ласота, „если только захотятъ они, то соберутъ и еще нѣсколько тысячъ изъ тѣхъ, которые держатся по городамъ и селамъ, но тянутъ къ запорожцамъ".

Іюня 23 опять собралась рада. Она прислала изсреди себя нѣсколькихъ депутатовъ къ императорскому послу. „Не думайте", говорили депутаты, „что мы отказываемся отъ службы вашему императору. Рады мы всею душею служить ему, да лошадей у насъ нѣтъ, вотъ въ чомъ бѣда"! — Ласота отвѣчалъ, что

---

[1]) Палицами, составлявшими принадлежность должности осаула.

онъ не прочь подать въ раду письменный проектъ условій, на которыхъ могла бы состояться съ ними сдѣлка. Депутаты пошли доложить собранію о его предложеніи. Собраніе одобрило этотъ способъ привести дѣло къ какому-нибудь концу, и затѣмъ рада разошлась. Но прежде чѣмъ Ласота подалъ въ собравшуюся послѣ обѣда раду составленныя имъ на бумагѣ условія, козаки написали собственныя и пригласили Ласоту въ раду для выслушанія этихъ условій.

Кромѣ пятковскаго листа, составленнаго панами и только подписаннаго Косинскимъ и его сподвижниками, мы не имѣемъ ровно никакого документа, который давалъ бы намъ не измечтанное понятіе о запорожцахъ; а потому ихъ письменные транзакціи съ императорскимъ посломъ для насъ—не канцелярскія бумаги. Это — осязательный слѣдъ ихъ соціальнаго и экономическаго положенія, поэзія факта, а не фантазіи, которая такъ часто затмѣваетъ у насъ факты. Документы эти писаны дѣйствующими лицами непосредственно, и потому въ нихъ нѣтъ ничего подразумѣваемаго. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ вошли они, нѣмецкою рѣчью, въ рукопись, сохранившуюся въ герсдорфской библіотекѣ въ Бауценѣ, подъ заглавіемъ: „Diarium des Erich Lassota von Steblau“.

„Conditiones, переданныя полнымъ собраніемъ (das ganze Kolo) Запорожскаго войска посламъ Римск. И. В.

„1) Тотчасъ по полученіи, прошлою весною, здѣсь въ Запорожьѣ, чрезъ нашего товарища (gesellen) Станислава Хлопицкаго, письма Е. И. В., пашего всемилостивѣйшаго государя, мы, узнавъ чрезъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось войско турецкаго императора, состоящее изъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, и что оно должно было оттуда двинуться въ Венгрію, призвали на помощь Всемогущаго и отправились туда же, чтобы испытать счастіе отъ имени Е. И. В., и успѣли такъ дѣйствовать огнемъ

и мечемъ, что положено на мѣстѣ 2.500 вооруженныхъ людей и около 8.000 простого народа.

„*Затѣмъ*, когда сказанный товарищъ нашъ Хлопицкій передалъ намъ знамя и трубы отъ Е. И. В., мы приняли эти прекрасные клейноты (Kleinoth) съ благодарностью и, зная навѣрно, что крымскій царь имѣлъ намѣреніе переправиться со всею своею силою чрезъ Днѣпръ при Очаковѣ, отправились туда съ гетманомъ нашимъ, дабы препятствовать его переправѣ; но, заставши тамъ большія силы турокъ, какъ сухопутныя, такъ и морскія, мы, противясь имъ по возможности, боролись съ ними и плѣнили, благодаря Бога, одного изъ ихъ начальниковъ.

„Въ *третьихъ*, мы обязываемся дѣйствовать противъ непріятеля подъ посланнымъ намъ съ трубами знаменемъ, пока не прекратится война съ турками; также вторгаться въ ихъ владѣнія и опустошать ихъ мечемъ и огнемъ.

„Въ *четвертыхъ*, мы, по примѣру нашихъ предковъ, всегда готовы рисковать нашей жизнью для христіянской вѣры; однако, зная вѣроломство поганцовъ и волоховъ, опасаемся туда отправиться подъ знаменемъ Е. И. В., этимъ столь важнымъ клейнотомъ, и съ вашею милостью (E. gl. Persohnen): ибо намъ хорошо извѣстно, что не мало честныхъ людей и благочестивыхъ христіянъ было измѣннически предано господаремъ волошскимъ поганцамъ; притомъ мы никакъ, ради недостатка въ коняхъ, какъ для насъ, такъ и для орудій, не можемъ за столь малыя деньги отправиться такъ далеко.

„Въ *пятыхъ*, мы желали бы послать п. Станислава Хлопицкаго, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашего товариства, къ Е. И. В., для представленія ему отъ нашего имени бѣлгородскаго плѣннаго и двухъ янычарскихъ значковъ (Fendlein) и съ тѣмъ, чтобы послѣ объясненія нашихъ недоумѣній съ вами, привести къ концу вопросъ о нашемъ содержаніи.

„Въ *шестыхъ*, мы намѣрены, до возвращенія нашихъ пословъ

въ присутствіи вашей милости воевать, съ помощью Божіею, на бусурманскую землю, если возможно, до самого Перекопа, или куда нашъ путь будетъ направленъ волею Всемогущаго и погодою. Отъ имени Е. И. В., все будетъ нами разрушено мечемъ и огнемъ.

„Въ *седьмыхъ*, необходимо будетъ, чтобы Е. И. В. письменно обратился къ Е. К. Милости и чинамъ Польши съ тѣмъ, чтобы намъ былъ дозволенъ проходъ чрезъ ихъ страну; надѣемся, что въ этомъ намъ не будетъ отказано Е. И. В-мъ.

„Въ *осьмыхъ*, также необходимо будетъ писать къ великому князю московскому, чтобы онъ изволилъ отрядить сюда своихъ воиновъ, дабы мы могли идти coniunctis viribus на встрѣчу непріятелю до Дуная, или куда потребно будетъ, и — ему противустоять".

Вернувшись послѣ этого изъ рады въ свой курінь, Ласота остался въ немъ цѣлый день, выжидая, не перемѣнятъ ли козаки своего рѣшенія. Но, видя, что они остались при своемъ мнѣніи, послалъ имъ 24 іюня въ ихъ собраніе слѣдующій отвѣтъ на переданныя ему „Conditiones".

„Мы усмотрѣли изъ переданныхъ вами условій, что ваши милости готовы вступить на службу Е. И. В., но что по тремъ причинамъ считаете невозможнымъ дѣлать это въ такомъ видѣ, какъ мы бы желали, а именно: 1) по причинѣ недостатка въ лошадяхъ; 2) потому, что ваши милости опасаетесь послать недостаточное число воиновъ въ Валахію, при свойственномъ тамошнему народу вѣроломномъ характерѣ, и 3) что ваши милости находите невозможнымъ предпринять столь дальній походъ за столь малыя деньги и при неопредѣленности нашихъ условій.

„Поэтому, предлагаете послать п. Хлопицкаго, съ двумя другими изъ товарищества вашихъ милостей къ Е. И. В., съ уполномочіемъ покончить вопросъ о содержаніи вашихъ милостей. На это мы должны отвѣчать по всей правдѣ, что, находя невоз-

можнымъ добиться иного рѣшенія дѣла, мы должны довольствоваться и этимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ и съ своей стороны отправить кого нибудь къ Е. И. В., вмѣстѣ съ посланниками вашихъ милостей, съ тѣмъ еще, чтобы послѣдніе не отправлялись въ путь до вашего возвращенія съ счастливаго, съ Божіей помощью, похода (Reis und Impresa) къ Перекопу, дабы они могли явиться предъ Е. И. В. съ пріятною вѣстью. Касательно же писемъ къ королю и чинамъ польскимъ (an die Khön. Wrl. in Polen) и къ великому князю московскому, вашими милостями можетъ быть включено въ инструкцію посланниковъ, чтобы они донесли объ этомъ Е. И. В., который тогда всемилостивѣйше рѣшитъ, какъ слѣдуетъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, не худо было бы, еслибы ваши милости, сколь возможно скорѣе, обратились къ великому князю московскому, дабы онъ выслалъ предложенное имъ вспомогательное войско противъ турокъ, съ такою поспѣшностію, чтобы оно могло быть здѣсь на мѣстѣ до возвращенія пословъ вашихъ милостей отъ Е. И. В.“

Причины же, по которымъ Ласота не хотѣлъ разойтись съ козаками, но считалъ полезнымъ удержать ихъ на императорской службѣ, изложены въ его дневникѣ слѣдующимъ образомъ:

„Во *первыхъ*, въ томъ предположеніи, что война съ турками могла продлиться болѣе одного года или двухъ лѣтъ, я считалъ весьма полезнымъ имѣть на нашей сторонѣ столь храбрыхъ и веселыхъ [1]) людей, которые, привыкши съ молодыхъ лѣтъ къ во-

---

[1]) Ф. N. Брунъ, издавая порусски извлеченіе изъ „Путевыхъ Записокъ Эриха (какъ онъ пишетъ) Лассоты“, не рѣшился слово freudige перевести словомъ *веселый*, а перевелъ словомъ *бойкій*; между тѣмъ веселость была, въ нѣкоторомъ родѣ, обязательна для запорожца, какъ противодѣйствіе унынію, которое низовые братчики считали болѣе нежели „грѣхомъ“, какъ оно названо у апостола. Народная дума не могла пожелать имъ ничего лучшаго, какъ веселости:

„Дай же, Боже, щобъ козаки пили та гуляли,
Та веселі мыслі мали,
Та ворогівъ воювали“!

инскимъ упражненіямъ, постоянно борются съ турками и татарами и, слѣдовательно, хорошо ихъ знаютъ.

„Во *вторыхъ*, это войско легче содержать, нежели набранное изъ другихъ націй, такъ какъ на его предводителей не надо тратить особыхъ денегъ (Theilgelder), каковая трата составляетъ немаловажную сумму. [1]) Притомъ они имѣютъ свою амуницію и орудія, съ которыми многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться, и потому назначеніе и содержаніе особыхъ оружейниковъ (Püxenmaister) становится при нихъ излишнимъ.

„Въ *третьихъ*, имѣя въ виду, что великій князь московскій принялъ участіе въ дѣлѣ и посредствомъ своихъ пословъ велѣлъ

Ясно, что безъ веселыхъ мыслей считалось безуспѣшнымъ и военное дѣло. Здѣсь *умѣстно* говорить о религіозномъ оттѣнкѣ, который наши историки видятъ въ варяжничаньѣ Наливайка на Волыни и въ Литвѣ. На Запорожьѣ необходимо долженъ былъ существовать религіозный элементъ, и, между прочимъ онъ заключался въ козацкой проповѣди на тему: „уныніе есть грѣхъ передъ Господомъ“. Только такого рода религіозность можно допустить за Порогами. Что же касается до церкви, то козаки не имѣли возможности основать ее даже и въ 1617 году, не только во времена *первыхъ* запорожцевъ, какъ это пишетъ Н. И. Костомаровъ, повторяя сказанія украинскихъ лѣтописцевъ. Для насъ важнѣе свидѣтельство Ибрагима-баши, который въ 1617 году проникнулъ въ Сѣчь, разрушилъ курени запорожскіе, забралъ козацкія пушки и, конечно, не умолчалъ бы въ своей реляціи о церкви, еслибъ нашолъ ее тамъ. Авторъ „Богдана Хмельницкаго“ могъ бы и долженъ былъ бы знать, что церкви на запорожьѣ долго не было (Niesiecki, „Zródla do Diejów Polskich“, изд. въ 1835 году). А это не бездѣлица: этотъ фактъ, будь онъ вѣренъ, далъ бы намъ совсѣмъ иное понятіе о козакахъ, то есть такое, какое историки составили себѣ, слѣдуя лѣтописнымъ сказаніямъ, безъ всякой критики.

[1]) Это мѣсто переведено у Ф. N. Бруна не совсѣмъ точно, а оно заключаетъ въ себѣ важное свидѣтельство, именно: что запорожскій гетманъ, по принципу *товариства*, не отличался ничѣмъ отъ рядовыхъ „товарищей-козаковъ“: ни паемъ, получаемымъ при дѣлежѣ добычи, ни пищею, ни одеждою, ни обстановкою. Булава въ рукахъ, литавры впереди, знамя и бунчукъ сзади—вотъ единственные признаки, по которымъ, въ первыя времена низового козачества, можно было распознать, кто между козаками гетманствуетъ. Привожу подлинныя слова Ласоты:

„.... Dieses Kriegßvolk leichter zu unterhalten, alß andere Nationen, dieweil auf Ihre bevehlshaber, keine besondere vor Theilgelder (welche sonst nicht ein geringe Summa machen) gehn.“

объявить козакамъ, которыхъ онъ считаетъ своими слугами, чтобы они отправляли службу Е. И. В., я не хотѣлъ прервать моихъ сношеній съ ними, изъ опасенія, что великій князь могъ бы этимъ обидѣться и затѣмъ не послать къ намъ обѣщаннаго вспомогательнаго войска, о которомъ говорилъ мнѣ его посланникъ.

„Въ *четвертыхъ*, мнѣ казалось, что это вспомогательное войско нигдѣ такъ удобно не могло бы къ намъ присодиниться, какъ именно здѣсь, а отсюда могло бы быть направлено въ то мѣсто, въ которомъ присутствіе его оказалось бы нужнымъ.

„Въ *пятыхъ*, увидѣвъ и отчасти не безъ большой опасности узнавъ, что эти переговоры съ козаками вовсе не нравились канцлеру, я тѣмъ болѣе счолъ нужнымъ не прерывать ихъ, дабы не дать ему возможности склонить козаковъ на свою сторону и, такимъ образомъ, подкрѣпить тѣ вредныя свои интриги, которыми онъ тогда занимался, какъ этого съ его стороны и слѣдовало опасаться.

Въ *шестыхъ*, мнѣ всё-таки пришлось бы, еслибы я разошолся съ ними, платить имъ деньги сполна, такъ какъ эти деньги, по ихъ мнѣнію, ими были заслужены предпринятыми ими, отъ имени Е. И. В., двумя походами: однимъ, во время котораго они разрушили Бѣлгородъ, а другимъ, въ который пытались воспрепятствовать переправѣ татаръ при Очаковѣ, хотя и безуспѣшно, по причинѣ большого превосходства непріятельскихъ силъ.

„Въ *седьмыхъ*, мнѣ казалось необходимымъ оставаться въ дружбѣ съ этими людьми, обратившими на себя вниманіе не только Украины, т. е. Волыни и Подоліи, гдѣ они имѣютъ много приверженцевъ, но и Польши, дѣла которой находились тогда въ такомъ положеніи, что казался неминуемымъ въ ней большой переворотъ (grosse mutation).

„24-го іюня, я передалъ имъ вышепоименованные 8.000 червонцевъ, въ открытомъ колѣ (In offnen Kolo), среди котораго было поставлено и развѣвалось знамя Е. И. В. Деньги эти они тотчасъ

же разложили на нѣсколькихъ татарскихъ кобенякахъ (Kepenikh), или мантіяхъ, составляющихъ ихъ одежду, и поручили нѣсколькимъ начальникамъ пересчитать ихъ. Затѣмъ я возвратился изъ кола въ мой шалашъ (laubhüetten), а они долго еще оставались въ собраніи".

Въ слѣдующіе дни козаки собирались часто и, наконецъ, пришли къ другому заключенію, т. е. рѣшились отправить Хлопицкаго уже не къ императору, а къ великому князю московскому, съ Ласотою же отправили Сашка́ (Sasko) Ѳедоро́вича да Ничипора (Nitzipor), съ тѣмъ чтобы условиться съ императоромъ на счотъ ихъ службы и содержанія. Спутникъ Ласоты, Яковъ Генкель, на это время долженъ былъ оставаться у нихъ, для доставленія императору своевременныхъ донесеній о дальнѣйшей ихъ службѣ.

1-го іюля, Ласота простился въ открытой радѣ съ гетманомъ и со всѣмъ запорожскимъ рыцарствомъ. Козаки выразили императорскому послу свою признательность за понесенные имъ труды, подарили ему кунью шубу да шапку изъ мѣха чорныхъ лисицъ, и затѣмъ передали своимъ посламъ полномочіе и письмо къ императору слѣдующаго содержанія:

„Письмо Запорожскаго Войска къ Е. И. Величеству.

„Божіею милостью, августѣйшій и непобѣдимѣйшій христіанскій Императоръ, всемилостивѣйшій Государь. Всепокорнѣйше и чистосердечно мы передаемъ В. И. В., какъ верховному главѣ (Herrn und Haubt) всѣхъ христіянскихъ королей и князей, себя самихъ и постоянно вѣрную покорнѣйшую службу свою; молимся также Богу всемогущему за здравіе и счастливое царствованіе В. И. В. въ христіянскихъ странахъ, и—чтобы тотъ же Всемогущій унизилъ враговъ святого креста, турецкихъ бусурмановъ (Besurman) и татаръ, и подчинилъ ихъ В. И. В.; также—чтобы даровалъ В. И. В. побѣду, здравіе и блага, какихъ только вы же-

лаете. Вотъ чего все Запорожское Войско желаетъ В. И. В. вѣрно и чистосердечно.

„Отправленный къ намъ, Запорожскому Войску, по приказанію В. И. В. и съ значительными дарами, нашъ товарищъ, теперь полковникъ, т. е. начальникъ надъ 500 людьми, Хлопицкій, бывшій въ прошломъ 93 году у В. И. В., нашего всемилостивѣйшаго государя, ради многихъ опасностей и препятствій, претерпѣнныхъ имъ и посланниками В. И. В., Эрихомъ Ласотою и Яковомъ Генкелемъ, прибылъ къ намъ только около Троицы. Тѣмъ не менѣе мы гораздо раньше, а именно за три недѣли до Пасхи, во исполненіе приказанія В. И. В., намъ переданнаго въ Запорожьѣ, съ копіею письма В. И. В., не хотѣли медлить, подражая примѣру нашихъ предковъ, промышлявшихъ себѣ такимъ образомъ рыцарскій хлѣбъ [1]) (so sich dieses Ritterlichen Brods gebraucht), но явить себя народомъ, всегда готовымъ служить В. И. В. и всему христіянству по нашему обыкновенію. Поэтому, уповая на Бога, мы рѣшились рисковать жизнью и предпринять морской походъ, на счастіе В. И. В., за двѣ недѣли до Пасхи, т. е. въ опасное время года. Ибо, узнавъ за вѣрное отъ татарскихъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось много воиновъ, въ особенности конницы и пѣхотныхъ янычаръ, съ тѣмъ, чтобы оттуда, по приказанію ихъ обладателя, турецкаго царя, вторгнуться въ Венгерскую землю В. И. В., мы успѣли, съ помощью всеблагого Бога, Верховнѣйшаго Царя, разрушить мечемъ и огнемъ и разграбить турецкій пограничный городъ Бѣлгородъ, и перебить нѣсколько тысячъ воиновъ и простого народа, почему и пересылаемъ В. И. В. изъ разореннаго города плѣнника и два янычарскихъ значка. Затѣмъ, когда недавно крымскій царь съ своимъ войскомъ прибылъ къ устью Днѣпра и Буга противъ Очакова, съ тѣмъ чтобы вторг-

[1]) Почтенный издатель русскаго извлеченія изъ дневника Ласоты не рѣшился перевести дословно этого ходячаго козацкаго выраженія, а перевелъ его словами: „промышлявшихъ по этому рыцарскому обычаю“.

нуться во владѣнія В. И. В., мы, подъ знаменемъ В. И. В., пытались препятствовать его переправѣ, но въ этомъ не успѣли, ради превосходства его силъ, какъ сухопутныхъ на коняхъ, такъ и морскихъ на галерахъ и корабляхъ. При всемъ томъ мы имѣли съ ними двѣ стычки, и плѣнили знатнаго человѣка, котораго только потому не посылаемъ къ В. И. В., что онъ тяжело раненъ. Но Ласота, который его допрашивалъ, донесетъ В. И. В. обо всемъ, что̀ отъ него узналъ. За щедрые дары, какъ-то: знамя, трубы и наличныя деньги, всемилостивѣйше посланныя намъ, рыцарскимъ людямъ, мы изъявляемъ В. И. В. благодарность, какъ нижайшіе слуги Ваши, и желаемъ, чтобы, съ Божіею помощью, мы могли служить съ пользою и въ морскомъ походѣ, который мы теперь намѣреваемся предпринять на човнахъ, отъ имени В. И. В., и о которомъ В. И. В. подробнѣе будетъ донесено словесно Вашимъ посланникомъ Ласотою и нашими послами Сашко́мъ Ѳедоро́вичемъ и Ничипоромъ, начальниками, имѣющими подъ своею командою каждый по 100 человѣкъ нашего запорожскаго войска.

„Покорнѣйше просимъ В. И. В., какъ государя христіанскаго, соизволить выслушать и оказать довѣріе сказаннымъ нашимъ посламъ, которыхъ мы уполномочили устроить наше дѣло. А пана Хлопицкаго, нашего полковника, мы посылаемъ съ грамотами В. И. В. и нашею къ великому князю московскому, какъ христіанскому государю и другу В. И. В., съ просьбою, чтобъ онъ послалъ намъ помощь противъ турокъ, что̀ ему не трудно будетъ сдѣлать при небольшомъ разстояніи его границы и при той легкости, съ какою его войско можетъ двинуться отсюда въ Валахію, или и далѣе.

„Мы просимъ также В. И. В. о письмѣ къ Е. К. М. и панамъ рады, дабы каждый рыцарь, на основаніи охранной ихъ грамоты (von Ihnen gefreyet), могъ свободно выступить въ походъ, проходить (по ихъ странѣ) и возвращаться на свою родину; докла-

дываемъ также В. И. В., что наше Запорожское Войско можетъ поставить 6.000 человѣкъ старыхъ козаковъ, людей отборныхъ, не считая осадниковъ (Landtvolck), живущихъ на границахъ. По причинѣ дальности пути, мы присоединили къ поименованнымъ нашимъ посламъ и начальникамъ еще двухъ членовъ нашего товарищества.

„Повторяемъ еще разъ, что мы покорнѣйше подчиняемъ В. И. В., какъ себя самихъ, такъ и свою службу.

„Datum въ Базавлукѣ, при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка, 3 іюля 1594 года.

„ПОЛНОМОЧІЕ ЗАПОРОЖСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ.

„Я Богданъ Микошинскій, Гетманъ Запорожскій, со всѣмъ Рыцарствомъ вольнаго Запорожскаго Войска, симъ удостовѣряемъ, что мы, согласно съ рѣшеніемъ, состоявшимся въ нашемъ рыцарскомъ колѣ, отправили къ В. И. В. нашихъ пословъ Сашка́ Өедоро́вича и Ничипора, начальниковъ надъ сотнями нашего Войска, уполномочивъ сихъ посланниковъ покончить наше дѣло съ В. И. В., нашимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ, и покорнѣйше просимъ довѣрять имъ и всему нашему Войску, обязываясь сею грамотою и рыцарскимъ словомъ нашимъ, что останемся довольны рѣшеніемъ, какое состоится между сказанными нашими посланниками и В. И. В., и что безпрекословно поступимъ, согласно этому рѣшенію.

„Въ удостовѣреніе сего, мы передали нашимъ посланникамъ настоящую грамоту, снабдивъ ее печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего писаря Льва Вороновича. Datum въ Базавлукѣ, при Чортомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3-го іюля 1594 года“.

„Того же 1-го іюля вечеромъ (разсказываетъ Ласота, и мы приводимъ здѣсь точныя слова его) прибыли сюда два посланника Наливайка, знатнаго козака, который служилъ противъ запорожцевъ, когда они, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, были въ разры-

вѣ съ кіевскимъ воеводою, почему запорожцы были раздражены противъ него и считали его своимъ врагомъ. Посланники эти донесли, что Наливайко, гнавшись за Татарами до самой Валахіи, съ 2 или $2^1/_2$ тысячами своихъ козаковъ, похитилъ у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей, и что теперь онъ, узнавъ, что у Запорожцевъ оказывается въ нихъ недостатокъ, желаетъ раздѣлить съ ними эту добычу, и готовъ подарить имъ отъ 1.500 — 1.600 лошадей, чтобъ только быть уже навсегда ихъ другомъ. Но, такъ какъ честное рыцарство подозрѣваетъ его въ противномъ, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ раду, положить среди нея свою саблю и попытаться доказать неосновательность возводимыхъ на него обвиненій. Если же рыцарская рада признаетъ его при всемъ томъ еще виновнымъ, то онъ имъ предложитъ отрубить себѣ голову собственною своею саблею. Однакожъ онъ надѣялся, что они останутся довольными основательностью его оправданія и почтутъ его навсегда своимъ добрымъ пріятелемъ и братомъ, не поставивъ ему въ вину прежняго его поведенія, изъ уваженія къ тому, что, еще до войны ихъ съ кіевскимъ воеводою, онъ уже состоялъ на службѣ у послѣдняго, а послѣ начатія войны не дозволяла ему собственная честь оставить своего господина, воеводу, у котораго долго до того времени, а равно и тогда, онъ находился на службѣ и пользовался получаемымъ отъ него содержаніемъ".

Не извѣстно покамѣсть ни изъ какихъ источниковъ, какой именно договоръ состоялся между Рудольфомъ II и днѣпровскимъ рыцарскимъ обществомъ. Но, по словамъ Гейденштейна, Наливайко, видя, что не можетъ сравниться съ Лободою въ военныхъ подвигахъ, такъ какъ этотъ предводительствовалъ „старыми чистой породы низовцами", собралъ тысячи двѣ охотниковъ до козацкаго хлѣба и прошолъ въ Венгрію черезъ Подолію и Седмиградію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однакожъ, онъ вернулся съ богатою добычею изъ Мункача черезъ Самборъ и появился въ

Луцкѣ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, самъ Наливайко писалъ къ Сигизмунду III объ иностранной службѣ своей слѣдующее: „Не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму къ намъ христіянскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но, узнавъ, что седмиградскій воевода заводитъ свои практики противъ короннаго гетмана, не захотѣли мы оставаться больше въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки“. Изъ иностранныхъ источниковъ извѣстно, что козаки этотъ, какъ ихъ намъ представляютъ, религіозный народъ, [1]) явившись въ Венгрію на императорскую службу, оказались нестерпимыми грабителями жителей, и что поэтому нѣмцы, постарались какъ можно скорѣе спровадить ихъ обратно въ Польшу. Вотъ все, что̀ я могу представить моему читателю для его соображеній объ этомъ всё еще темномъ вопросѣ.

Отъ людей которые дѣлали свое дѣло молча, перейдемъ теперь къ людямъ, которые нашумѣли въ исторіи больше, чѣмъ сколь-

[1]) Повторяю, очищая исторію отъ сочинительскихъ сказокъ, что религіозность у козаковъ была вовсе не та, которую имъ приписываютъ, и притомъ она была далеко не преобладающимъ чувствомъ. Историкамъ почему-то желательно, чтобъ у козаковъ еще въ XVI вѣкѣ была за Порогами церковь, но ея не было и гораздо позже. Не касаясь разумности сказаннаго желанія, замѣчу, что народъ обыкновенно лучше историковъ знаетъ и понимаетъ свои внутреннія обстоятельства. Никогда не считалъ онъ запорожцевъ рыцарями церкви или православія. Я съ дѣтства помню пѣсню, которая принадлежитъ къ такъ называемымъ старосвѣтскимъ, и которая характеризуетъ запорожцевъ послѣдняго времени. (Каковы же они были во времена оны?)

Славні хлопці
Паны запорозці:
Побачили вони
Скирду сіна въ полі;
Ота́манъ и каже:
„Оце жъ, братте, церква“!
А осавулъ каже:
„Я въ ій сповідався“!
А кошо́вый каже:
„А я й причащався“!

ко соотвѣтственно разумной дѣятельности. Намъ необходимо знать положеніе польскихъ или лучше сказать панскихъ дѣлъ, для того, чтобы намъ были понятны дѣла русскія. Впрочемъ читатель мой постоянно долженъ имѣть въ виду, что и въ противномъ лагерѣ была всё та же русь, только что это была польская русь, а не самосознательная. Этнографическая карта даже и нашего времени доводитъ русское населеніе до самой Вислы. Отъ псковского Задвинья до Карпатъ и Буковины наши исконныя займища вошли въ польскую политическую систему. Мы раздѣлились на ся и боролись одни съ другими въ пользу Польши. Въ русскій медъ подмѣшала Польша только своего цвѣту, и назвала напитокъ нашъ своимъ. Она влила готовый медъ въ добытый нами же ей кубокъ, и присвоила себѣ то и другое. Мы были лошадьми, на которыхъ она мчалась по политическому ристалищу. Мы были крѣпкіе и терпѣливые волы, которыми Польша пахала наше родное поле. Съ этимъ, а не инымъ взглядомъ на вещи, слѣдуетъ намъ изучать лагерь, противопоставленный козацкому. Даже Тацитъ этого лагеря, Іоахимъ Більскій, и тотъ сослужилъ польскому элементу службу на счотъ русскаго. Но развернемъ его почтенную лѣтопись, самый девизъ которой былъ полупольскій и полурусскій: „Przeciw pvawdzie разуму нѣтъ“ [1]).

Мудрено доказать, что эта сатирическая пѣсня сложена послѣ, а не прежде Хмельнищины. Но вотъ другая сторона запорожской жизни, охарактеризованная народомъ:

Славні хлопці
Паны запорозці:
Побачили вони
Чаплю на болоті;
Ота́манъ и каже:
„Оце́ жъ, браттє, дівка“!
А осавулъ каже:
„Я зъ нею кохався“!
А кошо́вый каже:
„А я й повінчався“!

[1]) Этотъ знаменательный девизъ, изображенный сплошь польскими буквами, награвированъ подъ портретомъ отца Іоахимова, Мартина Більскаго, приложен-

На этотъ разъ наше вниманіе останавливаетъ въ ней событіе случайное и какъ-будто вовсе не-историческое (если только случайныя и не-историческія событія возможны). На маргинесѣ написано: „Słudzy pana zabili“. Читаемъ текстъ, желая знать, какъ это сталось. Обыкновенные слуги, разумѣется рукодайные, убили обыкновеннаго пана, какого-то Бурскаго изъ Мазовіи; убили они его ночью, на валу, и ободравши бросили въ воду. Убійцы были пойманы и казнены. Ихъ посадили на телегу и возили по Варшавѣ, а вслѣдъ за тѣмъ отрубили имъ сперва по ногѣ, потомъ по рукѣ, потомъ драли у нихъ со спины полосы кожи, потомъ рвали имъ тѣло раскаленными щипцами, наконецъ ихъ четвертовали, четверти развѣсили на висѣлицахъ, а руки прибили къ городскимъ воротамъ.

Это записалъ въ своей хроникѣ Іоахимъ Бѣльскій. А пять лѣтъ тому назадъ, секретарь папскаго нунція Альдобрандини, по поводу съѣзда на границѣ папскихъ, австрійскихъ и польскихъ уполномоченныхъ, записалъ противоположный случай:

„28 января. Прибыло въ Бытомъ трое знатнѣйшихъ польскихъ пановъ съ большою свитою конницы, пѣхоты, гайдуковъ, для встрѣчи которыхъ легатъ выслалъ монс. Михаила Маркати со всѣмъ дворомъ своимъ, въ каретахъ и верхомъ, а нѣмецкіе коммисары—также своихъ дворянъ, за полторы мили отъ города. Порядокъ ихъ въѣзда былъ слѣдующій: впереди шли нѣмцы съ музыкою на челѣ, за ними польская пѣхота въ прекрасномъ строю, имѣя передъ собою трубы, сурмы, а за собою отрядъ татаръ, изъ которыхъ иные, сидя на коняхъ, вели коней запасныхъ, въ числѣ 40; на послѣднемъ былъ богатый нарядъ, украшенный бирюзою и рубинами, оправленными въ золото и серебро; за нимъ—польская конница, за конницею—дворъ кардинала, наконецъ прекрасныя шестиконныя сани, окруженныя татарами, гайдуками и други-

нымъ къ продолженной Іоахимомъ „Польской Хроникѣ“, подъ заглавіемъ „Dalszy Ciąg Kroniki Polskiéy“.

*

ми жолнерами, а въ нихъ—сказанные польскіе паны. Когда этимъ порядкомъ весь отрядъ появился на площади, стража разступилась и дала мѣсто санямъ, изъ которыхъ вышли паны въ назначенный для нихъ домъ, а потомъ пришли на обѣдъ къ кардиналу, на которомъ обѣдѣ былъ также одинъ изъ императорскихъ коммисаровъ... Этимъ самимъ порядкомъ выѣхали они изъ Бытома въ Бендзынъ; но во время выѣзда произошолъ страшный случай, а именно: когда одинъ изъ польскихъ трубачей началъ передразнивать на трубѣ трубача нѣмецкаго, какой-то польскій панъ ударилъ его по головѣ чеканомъ и убилъ; а выѣзжая изъ воротъ, другой полякъ, разсердясь за бездѣлицу, приставилъ пистолетъ къ груди племянника ольмюнскаго епископа и хотѣлъ выстрѣлить, но только вспыхнулъ порохъ на полкѣ".

Сопоставленіе такъ называемыхъ не-историческихъ событій, вродѣ двухъ нами приведенныхъ, какъ нельзя выразительнѣе говорить намъ, какіе герои галопировали на насъ верхомъ по политическому ристалищу, и какая предстояла намъ будущность, еслибъ они, волею судебъ, не сломали себѣ шеи.

Такъ какъ на прóвеснi 1593 года благородный и „святопамятный" князь Острожскій побилъ разбойниковъ подъ Пяткомъ у Тарнополя, а не менѣе благородный и доблестный князь Александръ Вишневецкій добилъ ихъ, подъ пьяную руку, въ Черкасахъ, то ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ подвиговъ было слѣдующее явленіе. Паны разъѣхались изъ домовъ своихъ—то на сеймъ, то на сеймики, до которыхъ они были охотники: тамъ можно было пить сколько угодно и геройствовать безопасно. Стража, которую паны разставили на татарскихъ шляхахъ, не сторожила по-козацки. Татары переловили ее, точно куръ, и пришли на Волынь, какъ домой, безъ всякой вѣсти о набѣгѣ. Они расположились кошемъ подъ Константиновымъ, городомъ князя Острожскаго и, какъ характеристически выражается лѣтописецъ, *wybrali* szlacheckich domow

wiele, [1]) преимущественно забирали женщинъ, такъ какъ мужья, отцы, братья ихъ, въ то время сеймовали. „Uszli ci szkodnicy“, заключаетъ нашъ русинъ, „szable dobytey nie widząc przeciwko sobie“. [2]) Такъ какъ татаръ было тысячъ двадцать, а каждый татаринъ обыкновенно гналъ нѣсколько душъ ясыру, особенно при такомъ спокойномъ хозяйничаньѣ, то легко сообразить, что̀ значилъ одинъ такой набѣгъ въ сравненіи съ тѣми „лежами и приставствами“ козацкими, изза которыхъ собственно дрались паны съ козаками. Но забавны шляхетскія жалобы на козаковъ. „Это они, это козаки ввели къ намъ татаръ“! кричали паны, когда, подъ конецъ сейма, пришла къ нимъ вѣсть, что ихъ дома *выбраны*. „Это они galgany помстились за то, что князья Острожскіе побили ихъ“! Словомъ — паны смотрѣли на козаковъ, какъ на псовъ, которымъ не даютъ и объѣдковъ, которыхъ бьютъ безъ милосердія за желаніе кой-чѣмъ поживиться, но тѣмъ не менѣе требуютъ отъ нихъ вѣрной службы.

Въ концѣ того же года козаки, оправясь отъ панскихъ побоевъ, продолжали чинить свой обычный промыселъ, какъ говорилось тогда, надъ врагами святого креста; но слухъ объ этомъ не порадовалъ шляхту. Григорій Лобода, котораго мы уже знаемъ по разсказу Ласоты, вывелъ трехтысячный козацкій рой изъ Січи къ берегамъ Днѣстра. Тамъ, не вдалекѣ отъ Бѣлгорода, находился городъ Юргевъ, иначе Джурджево, важнѣйшій складочный пунктъ поднѣстрянской торговли. Лобода приспѣлъ къ самой ярмаркѣ въ этотъ городъ, забралъ все, что̀ ему понадобилось, а городъ сжегъ до остатка. Потомъ, распустивъ кругомъ козацкую орду свою загонами, на цѣлые десятки миль превратилъ край въ пустыню. Поднялись на него турки и татары, но поздо: въ быстротѣ набѣга и опустошенія козаки не имѣли соперниковъ: иначе, не усидѣли бы они на своемъ опасномъ форпостѣ за Порогами. До пановъ дошли слухи, что козаковъ подохотилъ идти въ Туре-

[1]) Выбрали много шляхетскихъ домовъ.

[2]) Ушли злодѣи, не видавъ обнаженной противъ себя сабли.

щину Хлопицкій, агентъ императора Рудольфа. Знали они и о томъ, что Хлопицкій привезъ имъ отъ императора письма, хоругвь и деньги. Что-то зловѣщее носилось въ воздухѣ. Лѣтописецъ наблюдалъ небо, стараясь хоть на немъ прочесть будущее. Небо по ночамъ сіяло кровавымъ блескомъ со стороны полудня. Въ той сторонѣ бились съ турками христіяне.

Христіяне просили поляковъ не пустить орду черезъ свою землю въ Венгрію на помощь турецкому войску. Много разъ присылалъ императоръ посла своего съ этою просьбою; о томъ же безпрестанно просилъ и Волошинъ. Коронный гетманъ отвѣчалъ классически-великодушно, какъ о дѣлѣ, не требующемъ просьбы. (Онъ вѣдь былъ авторъ славной въ свое время книги: „De Senatu Romano".) Общество же, къ которому онъ принадлежалъ, было занято въ это время болѣе важнымъ предметомъ, чѣмъ просьбы тѣснимыхъ турками христіянъ. Папа причислилъ къ лику святыхъ одного изъ польскихъ ксензовъ, разжигателей международной вражды, и вотъ 7-го іюля Лэнчицкій воевода въѣзжалъ въ Краковъ „z wielkiemi ceremoniami: bo niosł z sobą kanonizacyą S-go Jacka [1]). Въѣхавши въ городъ, среди пановъ, ксензовъ, войска, посполъства, счастливый своею миссіею воевода распустилъ хоругвь, „na którey był wymalowany S-ty Jacek". [2]) Грохотъ пушечной пальбы у костела Св. Троицы привѣтствовалъ столь благотворное для общества явленіе. Послѣ обѣда выступили на такъ называемый публичный диспутъ монахи Св. Троицы и іезуиты. Деспутъ вели о томъ, какъ должно понимать канонизацію святыхъ, а равно о томъ, видитъ ли св. Яцекъ съ неба все, что здѣсь дѣлается съ его почитателями, и зналъ ли онъ напередъ, что будетъ канонизованъ, зналъ ли тѣхъ лицъ, которыя произведутъ его въ святые (iesli on wiedział przed tym

---

[1]) Съ великимъ церемоніаломъ: ибо несъ съ собою канонизацію св. Яцка.

[2]) На которой былъ написанъ св. Яцекъ.

o tych Promotorach swych)? По отзыву нашего русина, dysputowali wszyscy bardzo dobrze! [1])

А между тѣмъ татары вторгнулись через Волощину въ Покутье, жгли, убивали, прошли, какъ по собственной дикой степи, до самого Самбора и сожгли тамъ мѣстечка Снятынъ, Жуковъ, Тлумачъ, Чецыбѣши. Съ татарами были и янычары, вооруженные ружьями,—роскошь, для татаръ недоступная. [2]) Въ Чецыбѣшахъ былъ довольно крѣпкій зáмокъ. Въ немъ заперлось человѣкъ до ста шляхты. Запаливъ мѣстечко, татары подошли въ дыму къ самому зáмку, подшанцевались къ нему и открыли по немъ густую стрѣльбу. На бѣду въ зáмкѣ взорвало бочку пороху: защитники его уронили въ порохъ зажженную губку. Пламя въ одну минуту охватило зáмокъ. Отчаяніе придало силы осажденнымъ; они прорвались, хоть и не всѣ, сквозь густую толпу татаръ, и спаслись бѣгствомъ къ Днѣстру. А татары сожгли еще въ добавокъ Тисменицу и Галичъ. Въ Галичѣ повторили они ту же исторію съ зáмкомъ, стараясь полонить въ немъ белзскаго воеводу; однакожъ онъ отсидѣлся. Татары спалили еще Калузу и

---

1) Всѣ состязались очень хорошо.

2) Кстати замѣчу здѣсь любителямъ „удальства, молодечества и разгула" козацкаго, что татары молодечествовали у насъ изъ одной бѣдности. Въ 1606 году Жолковскій писалъ „do braciey na seimik Proszowski" слѣдующее:

„Z Nahaiskich hord przyszły niemałe woiska, ktore obkoczowały w bliskiem bardzo sąsiedztwie na Białogrodzkich polach. Car Tâtarski zgłodzonym vkazał; ze dostanie zywnosci u Panstwach Jego Krol. Mci: bo głodni pewnie są i by nic innego, sam głod dla zdobyczy do nas ich gania".

Съ этимъ отзывомъ Жолковскаго о татарахъ полезно сопоставить отзывъ того же Жолковскаго о козакахъ, въ письмѣ его къ великому визирю въ 1617 году:

„Repressa fuit ad tempus sceleratissimorum hominum (т. е. козаковъ) insolentia, ita quod nihil omnino iniuriarum nec in nostris nec in vestris ditionibus accipitur. Sed postea quum Tartari irruptionibus furtivis factis grassati populatione et incendiis miseros homines facultatibus exuerunt, auctos est sceleratorum Cozakorum numerus, quando isti bonis a Tartaris exuti his se latronibus aggregarunt, atque ita latrociniis et nostras ditiones et potentissimi imperatoris vestri portus et loca maritima infestant".

Долину; людей вездѣ больше убивали, чѣмъ брали въ неволю: они шли на войну и ясыръ въ Венгрію.

Только въ тотъ день, въ который орда сожгла Долину, поспѣлъ классическій гетманъ на защиту русскаго края отъ варваровъ, да и то съ весьма слабыми силами. Но варвары съумѣли обмануть классика, чего не удалось бы имъ сдѣлать съ такими реалистами, какими были ненавистные для классической шляхты козаки. Поджидая къ себѣ на помощь полевого гетмана, Замойскій окопался въ виду громаднаго татарскаго табора, точно римскій Антоній противъ Парфянъ. Татары сдѣлали видъ, будто съ своей стороны окапываются. Въ надеждѣ увѣнчать чело новыми лаврами, Замойскій посматривалъ на развѣвающіеся по валу непріятельскіе значки; а татаръ давно ужъ не было въ окопѣ. Открывъ наконецъ обманъ, поляки нашли внутри валовъ только хромыхъ лошадей. Орда быстро шла въ Венгрію карпатскими дефилеями. Венгры подѣлали засѣки на дорогѣ. Знала орда объ этомъ чрезъ посредство цыганъ, которые охотно служили хищникамъ. Впереди татарскаго войска шли заполоненные въ панскихъ владѣніяхъ русскіе хлопы съ топорами; они должны были „высѣкать венгровъ изъ засѣкъ". Въ награду за это, при спускѣ съ горъ, татары снимали съ нихъ головы, но нѣкоторыхъ выпустили на волю. Оставивъ позади возы и другія тяжести, польскіе рыцари шли по слѣдамъ татаръ до самой венгерской границы, но не имъ было равняться въ быстротѣ съ дѣтьми дикихъ полей. Поляки въ этомъ походѣ до такой степени осрамились, что даже сосѣдніе народы стали ихъ ненавидѣть, какъ свидѣтельствуетъ Іоахимъ Бѣльскій. „О, еслибы мы хоть когда-либо пробудились отъ сна"! говоритъ онъ. „Если мы еще будемъ вести себя такъ безпорядочно, превратится въ пепелъ убогая отчизна наша, а самихъ насъ, нужды нѣтъ, что мы свободный народъ, перевяжутъ (татары), и мы только будемъ одинъ другому докорять да выговаривать попусту". Далѣе лѣтописецъ предается размышленію о все-

общей безчестности въ обращенiи съ публичными фондами (зловѣщiй признакъ для гражданскаго общества). Всего лучше, по его мнѣнiю, устроить сборы на оборону края такъ, чтобы деньги не проходили черезъ множество рукъ, пока наконецъ достигнутъ своего назначенiя: „bo ony są iak ciasto lipkie, przystaną wszędzie.[1]) Пускай бы каждый повѣтъ", продолжаетъ онъ, „выбиралъ себѣ ротмистра, и пускай бы поборъ шолъ прямо въ его руки, а не черезъ этихъ сборщиковъ да распорядителей, которые освобождаются еще и отъ военной повинности; да ужъ пускай бы назначили опредѣленную сумму съ каждаго города, мѣстечка, села. Тогда бы гетманъ зналъ, сколько человѣкъ обязанъ поставить каждый ротмистръ, да и королю виднѣе было бы, все ли войско на лицѣ. И пусть бы войско жило по Украинѣ; тогда бы и пустыни заселялись, и молодежь бы школилась. Ротмистровъ же выбирать по повѣтамъ изъ людей достойныхъ и при томъ владѣющихъ значительнымъ имѣнiемъ, по примѣру римлянъ, которые, какъ пишутъ, equitem numerabant a censu.[2]) Однакожъ далеко зашолъ я въ сторону! (заключаетъ онъ свое размышленiе). Не привыкъ я этого дѣлать, но меня увлекъ patriae heu dolor"![3])

Успѣхи турецкаго оружiя въ Венгрiи сильно тревожили поляковъ: гроза приближалась. Турки стояли уже подъ Коморнымъ. Въ Краковѣ молились и устраивали процессiи; на 17 октября kaznodzieie (проповѣдники) назначили своей публикѣ постъ. Вслѣдъ за тѣмъ разнесся слухъ, что орда возвращается въ Крымъ изъ Венгрiи. Прежде всего король послалъ изъ Кракова, сколько было у него людей, подъ горы, человѣкъ до полуторы тысячи, съ люблинскимъ воеводою Зебжидовскимъ и велюнскимъ старостою Александромъ Конецпольскимъ. Туда же двинулся и коронный гетманъ съ жолнерами и выбранцами. Наѣхало много и королев-

---

[1]) Вѣдь деньги липки, какъ тѣсто: всюду прилипнутъ (къ рукамъ).

[2]) Считали всадниковъ по цензу.

[3]) Печаль объ отечествѣ.

скихъ державцевъ: всѣхъ вызывалъ король своими письмами на оборону Рѣчи-Посполитой. „Z miłości przeciw oyczyznie biegli iako na gwałt", [1]) говоритъ лѣтописецъ, такъ что набралось всего войска тысячъ пятнадцать. Одинъ кіевскій воевода, князь Острожскій, съ младшимъ сыномъ, воеводою волынскимъ, вывелъ въ поле до 2.000 коней; князь Збаражскій, воевода брацлавскій, до 500; князь Заславскій, воевода подляскій, до 400; Юрій Мнишекъ, воевода сендомирскій, Іеронимъ Мелецкій, староста сендомирскій, съ другими своими пріятелями, болѣе 1.000. Бельзанъ (обывателей Бельзскаго воеводства) подъ одной хоругвью было до 400 коней, подъ начальствомъ пановъ Остророга и Липскаго, а люблинянъ — 100 коней, которыхъ велъ панъ Горайскій. Кромѣ того довольно было подолянъ, львовянъ и другихъ руснаковъ. Долго ждали они татаръ всюду по шляхамъ и подъ горами; наконецъ наступившая зима заставила блистательное ополченіе панское разъѣхаться ни съ чѣмъ по домамъ. Остался на сторожѣ только коронный гетманъ да королевская пѣхота. Говорятъ: на ловца звѣрь бѣжитъ. Паны были плохіе ловцы. Татары знали ихъ силы на перечотъ, не хуже лѣтописца, который перечислилъ ихъ, точно Гомеръ данайскихъ героевъ. Вмѣсто того, чтобъ идти на облаву, устроенную шумно и гучно панами, они выждали время и тихонько прошмыгнули домой черезъ Волощину.

Хуже всѣхъ нописался при этомъ снятынскій староста Николай Язловецкій, тотъ самый, которому поручено было устроить зáмокъ на Кременчукѣ. Онъ пригласилъ для похода въ Крымъ Лободу и Наливайка вмѣстѣ съ такъ называемымъ грошóвымъ людомъ (нанятымъ за деньги). Въ то время, когда другіе паны сторожили татаръ на шляхахъ да подъ Карпатами, онъ вдохновился мыслью ударить на оставленное подъ слабымъ прикрытіемъ гнѣздо татарское, занять Крымъ и стяжать себѣ безсмертную сла-

[1]) Изъ любви къ отечеству, бѣжали какъ на пожаръ.

ву въ потомствѣ. Но эту славу должны были стяжать ему козаки, такъ какъ грошоваго люду было у Язловецкаго, сравнительно съ войскомъ Лободы и Наливайка, весьма немного. Мечтательный панъ сдѣлалъ громадные долги для своей экспедиціи; все было слажено; походъ предпринятъ; оставалось только вступить въ Татарщину. Въ этотъ важный моментъ козаки получили наказъ отъ императора, которому ихъ вторженіе въ Крымъ не принесло бы никакой пользы. Они круто повернули въ сторону; Язловецкій остался ни при чомъ. Его люди — все та же русь — пошли въ козаки; при немъ оставалось человѣкъ съ пятьдесятъ, и радъ онъ былъ радъ, что выбрался съ ними цѣлъ изъ-подъ Бѣлгорода. Но состояніе его было разстроено на вѣки; тоска, досада, стыдъ свели гордаго [1]) пана въ могилу.

Козаки между тѣмъ начали готовиться къ походу въ Волощину. Брацлавъ долго былъ опаснымъ форпостомъ колонизаціи отрозненной Руси. Брацлавскіе мѣщане привыкли издавна къ козацкому хлѣбу. На королевскаго старосту смотрѣли они, какъ на гетмана. Брацлавянамъ было за обычай ходить въ Волощину съ такими людьми, какъ Сверчовскій, Гербуртъ, Мелецкій. Сабля и теперь доставляла имъ больше прибыли, чѣмъ плугъ. Они, какъ говорится, прилежнымъ ухомъ внимали козацкому зазыву въ походъ. Брацлавъ окозачился. Но брацлавскій староста Юрій Струсь былъ, по видимому, человѣкъ поколѣнія новаго,— того поколѣнія, которое отмѣренную нѣкогда саблею землю обращало въ мирно-насильственную статью дохода. По этой ли, или же по другой какой причинѣ, только мѣщане изъ *послушныхъ* превратились въ *непослушные* и перешли изъ-подъ присуду старостинскаго подъ козацкій присудъ. Городъ и замокъ очутились въ рукахъ у козаковъ.

[1]) Когда мы называемъ польскихъ пановъ гордыми, это у насъ не голое слово. Иностранцы, пріѣзжая въ Польшу, прежде всего поражались необыкновенною гордостью польской шляхты. Такъ на примѣръ, одинъ изъ венеціянскихъ пословъ, въ 1560 году, пишетъ: „шляхта чрезвычайно горда". А вѣдь гордости было довольно у него и дома, въ средѣ венеціянскихъ nobili.

Козаки, какъ это видно изъ письма, писаннаго нѣсколько позже Наливайкомъ къ Сигизмунду III, мечтали объ основаніи въ Брацлавщинѣ другого сѣдалища силы своей, подобнаго низовой Сiчѣ. Но они мѣрили слишкомъ широко, не по призванію своему, не согласно съ той функціей, которую они могли и должны были выполнить. Польша всё-таки была государство, сконцентрированная политическая единица. Козаки были только войско, или общество, но государствомъ никогда не были и быть не желали. А брацлавскую позицію могло удержать за собою только политическое тѣло. Иначе думали козаки, иначе думали брацлавскіе мѣщане. Зная безсиліе Рѣчи-Посполитой въ полномъ ея составѣ, они считали возможною рѣчь-посполитую войсковую, городскую и какую угодно дробную, въ отдѣльности отъ общей федераціи, которая никого не удовлетворяла. Какъ бы, впрочемъ, оно тамъ ни было, только на нѣкоторое время во всей Брацлавщинѣ возобладалъ режимъ козацкій. По праву сильнаго и отважнаго, повелѣвали козаки окрестной шляхтѣ давать имъ стацію, то есть все, чѣмъ войско содержится и вознаграждается; а кто не слушался, на тѣхъ наѣзжали шляхетскимъ обычаемъ. Въ числѣ прочихъ, не забыли козаки и богатаго пана Калиновскаго, виновнаго передъ Наливайкомъ тѣмъ, что отнялъ у его отца въ Гусятинѣ землю. Теперь Наливайко получилъ за свою батьковщину плату съ лихвою. По слухамъ, доходившимъ въ Польшу, козаковъ собралось до 12.000. У нихъ было теперь уже 40 хоругвей; въ томъ числѣ двѣ съ императорскимъ гербомъ. Козакамъ не доставало только, какъ они выражались, *полатать свои злыдні*, то есть ремонтировать войско свое какъ слѣдуетъ. Кстати подъ рукою была Волощина, въ которой хозяйничали невѣрные турки. Волощина, постоянно платилась козакамъ за свое безсиліе устоять на христіянскомъ элементѣ. Часть козаковъ, подъ предводительствомъ Наливайка, отправилась туда на козацкій промыселъ. Козаки сожгли городъ Тягиню; уцѣлѣлъ только зáмокъ, котораго они

не осилили; потомъ разсѣялись потатарски загонами кругомъ, сожгли болѣе пяти сотъ селъ, захватили въ плѣнъ до четырехъ тысячъ татаръ, турокъ, татарокъ и туркень; призъ былъ богатый. Весело возвращались козаки домой, мечтая о выкупныхъ деньгахъ, о продажѣ и мѣновомъ торгѣ съ польскою шляхтою. Но къ переправѣ приспѣлъ молдавскій господарь съ семью тысячами войска; съ нимъ были и татары. Добычникъ всегда слабъ въ борьбѣ съ врагомъ, необремененнымъ полономъ и всякимъ су́платьемъ. Пришлось козакамъ выпустить изъ рукъ свою богатую добычу. Но они дали волохамъ рыцарское слово отблагодарить ихъ за сюрпризъ такимъ же сюрпризомъ, и сдержали его̂. Призвавъ на помощь Лободу, Наливайко посѣтилъ Ясы [1]) и надолго оставилъ у волоховъ память своего посѣщенія. Три дня только провели козаки въ этомъ походѣ, и вернулись домой не съ пустыми руками. Въ Польшу между тѣмъ пришло извѣстіе, что они пошли въ пьяномъ видѣ, на штурмъ тягинскаго за́мка, и что ихъ тамъ побили. Но что они были потомъ въ Ясахъ и гостевали во всю козацкую волю свою, это извѣстно намъ отъ самихъ же Поляковъ [2]). Ложь — неизбѣжная болѣзнь исторіи, едва-ли даже

---

[1]) Слово *Ясы* напрасно пишутъ съ двумя *с*: это необходимо только нѣмцамъ, чтобъ изъ Ясъ не вышли *Язы*. По-южнорусски *яса́* значитъ демонстрація, или овація, или салютъ. *Ясити* значитъ объявить; *ясува́ти*—салютовать.

[2]) Объ этомъ пишетъ Гейденштейнъ. Сохранилось и письмо князя Константина-Василія Острожскаго, въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ походѣ. Письмо было писано къ Криштофу Радзивилу отъ 24 декабря 1594 года. Острожскій написалъ слѣдующее:

„Pewieniem, ze się to W. Msc do tego czasu nie tai, iz kozacy, zebrawszy się pod dziesięc tysięcy wtargnęli byli w ziemie Wołoską; gdzie wielkie spustoszenie vczyniwszy tak w ludziach, iako i maiętnosciach ich, trzy dni tylko mieszkaiąe w ziemi tey, nazad się wrocili; tudziez tez zamki i miasta Wołoskie popalili, a mianowicie Jassy miasto spalili, gdzie Hosponarowie zwykli przemieszkiwać. Teraz się na Podolu liezą w Barze i bardzo się od czasu zmacniaią, i iesliby obaczyli trudność iako przeciwko sobie, maią wolą wtamte kraie *)... Bialey Rusi nad Dniepr

---

*) Пробѣлъ снимавшаго копія для Несвижской библіотеки.

излечимая. Какъ бы, впрочемъ оно ни было, но козаки вернулись зимовать въ Брацлавщину, которая de facto имъ принадлежала, другіе удалились на днѣпровскій Низъ, а третьи разбрелись по Украинѣ; но на весну грозили *завитати до Полщи*. Съ своей стороны, коронный гетманъ, узнавъ что татары вернулись домой окольнымъ путемъ, вышолъ изъ подгорья и расквартировалъ коронное войско по Подоліи.

Между тѣмъ въ Краковѣ совѣщались о томъ, какъ бы отвратить наступающую съ низовьевъ Днѣпра и Днѣстра грозу. Естественно, находились между панами люди, совѣтовавшіе снять запруду, которою думали удержать стремленіе козачества въ Турещину. О войнѣ съ турками хлопоталъ императорскій посланникъ на краковскомъ сеймѣ, который собрался въ началѣ Филиппова поста, и неизбѣжный папскій нунцій. Явились въ Краковѣ и представители многихъ мелкихъ владѣній нѣмецкихъ. Пріѣхали также послы отъ волоховъ и молдаванъ, которые—то по неволѣ держались Турчина, то отрывались отъ него. Полякамъ льстила центральность въ турецкомъ вопросѣ; но они, по отношенію къ этому роковому вопросу, дѣйствительно были таковы, какими изобразилъ ихъ Янъ Замойскій въ одной изъ послѣднихъ сеймовыхъ рѣчей своихъ: „Мы день ото дня откладываемъ“, говорилъ онъ, „постоянно находимся въ страхѣ, а между тѣмъ дѣйствуемъ такъ, какъ-будто у насъ еще много времени впереди, и сидимъ, не зная, что̀ съ нами дѣлается“. Они уклонились отъ лиги съ охотниками до турецкой войны подъ тѣмъ предлогомъ, что недостаетъ для нея всѣхъ голосовъ европейскихъ: не только вся Германія, но и король испанскій, по ихъ плану, должны были соединиться на Турчина; а покамѣсть, возбуждены были гораздо болѣе интересные для нихъ вопросы: о дѣлежѣ будущей добычи, объ аренѣ

---

vchodzić. Przeto zdało mi się o tym W. Mosci mego Mwego Pana, iako powinny powinnego, ptzectrzedz etc“... (Рукоп. Императ. Пубі. Библ. польск. F. IV, № 223, л. 66).

войны, о томъ, кому быть гетманомъ союзнаго войска, кому судьею? Послы должны были догадаться, что Польша обладаетъ великимъ полководцемъ и великимъ государемъ. Уже назначены были секретно и коммиссары, которымъ поручено было съѣхаться съ коммиссарами другихъ державъ въ Познани для постановленія договорныхъ пунктовъ; окончательное же рѣшеніе этого важнаго вопроса европейской политики Сигизмундъ III предоставилъ себѣ: для этого онъ предположилъ созвать чрезвычайный сеймъ въ Варшавѣ, который бы продолжался не болѣе двухъ недѣль. „Wszakże z tego nic nie było", [1]) закончилъ свое оповѣданье нашъ соплеменникъ, который былъ саркастиченъ, даже не сознавая своихъ сарказмовъ. Къ довершенію политической несостоятельности, установленъ тогда же земскими послами неприведенный въ исполненіе поборъ на жолнеровъ; отъ сборщиковъ—чего прежде не бывало—потребовали присяги: „co Boże day by im to pomoglo", [2]) замѣчаетъ „правдивая душа" русинъ. На томъ же сеймѣ рѣшено быть посполитому рушенію. Катилина стоялъ у римскихъ воротъ: сорокъ хоругвей, не признававшихъ власти законодательнаго собранія, провозглашали всей отрозненной Руси равноправность. Оборвыши, грабители и разбойники, люди religionis nullius [3]) уразумѣли главную потребность народа лучше классически вос-

---

[1]) Однакожъ изъ этого ничего не вышло.

[2]) Дай Богъ, чтобъ это имъ помогло (т. е. помогло ихъ честности).

[3]) Замѣчательно, что и въ Москвѣ цѣнили тогда религіозность, нравственность и доблести козаковъ не выше какъ въ Польшѣ. Когда, въ 1594 году, императорскій посолъ Варкочъ завелъ съ думными дьяками рѣчь о томъ, какой пользы можно ожидать въ войнѣ съ турками отъ запорожскихъ козаковъ, ему отвѣчали слѣдующими словами: „Они хороши для нечаяннаго нападенія, для набѣговъ и дѣйствій въ разсыпную; но это люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія (такого какимъ отличались москвичи), и на вѣрность ихъ нельзя разсчитывать. Впрочемъ (эта черта козачества представлялась дьякамъ яснѣе, чѣмъ историкамъ), по своему большому терпѣнію и готовности переносить голодъ и всѣ недостатки, и удовлетворяться самымъ ничтожнымъ продовольствіемъ, они могутъ быть весьма полезны для дальнихъ экспедицій". („Чтенія Общ. Исторіи и Др. Росс." 1863, II, 269 перев. соч. Аделунга).

питанныхъ холопей римской курiи: они требовали равноправности на судѣ, безъ которой нѣтъ житья ни обществу, ни государству.

Наступила зима, какой и не запомнили тогдашнiе старожилы. Глубокiе снѣга затрудняли сообщенiе между самыми близкими поселками; страшныя мятели угрожали путнику въ открытыхъ равнинахъ хуже орды. Отъ Наума до Великодня народъ сидѣлъ по хатамъ почти безвыходно, протаривая дорогу развѣ къ шинку, такъ какъ церквей во всей отрозненной Руси не было и трехъ тысячъ, да и тѣ частью стояли запертыми, потому что паны-католики велѣли народу ходить въ костелы, частью были упразднены панами-вольнодумцами, въ знакъ своего торжества надъ суевѣрнымъ плебсомъ, а многiя имѣли такихъ священниковъ, о которыхъ сами поборники православiя, архiереи, сопротивлявшiеся унiи, писали, что ихъ чаще видали въ корчмѣ, нежели въ церкви. То было таинственно глухое время, о которомъ польскiй поэтъ, а нашъ соплеменникъ, сказалъ бы, въ чаянiи чего-то страшнаго и недовѣдомаго:

Cicho wszędzie, głucho wszędzie...
Co to będzie? co to będzie?...

„Ruś do lacinnikow przystała“, спокойно записалъ между тѣмъ, въ ряду прочихъ событiй, другой, не менѣе почтенный нашъ соплеменникъ, преображенный въ поляка, и посвятилъ этому событiю всего 9 строчекъ,—событiю, которое отозвалось въ XVII, XVIII и даже XIX вѣкѣ безчисленными страданiями всѣхъ сословiй и состоянiй. Въ эту суровую, какъ у насъ говорится, лютую зиму ничего лучшаго невозможно было и выдумать, какъ согласиться тайкомъ на унiю и подписать актъ соединенiя несоединимаго. Отступническiй актъ русскихъ iерарховъ сдѣлался съ того времени предметомъ глухихъ, таинственныхъ, зловѣщихъ толковъ между людьми, которые такъ или иначе принадлежали къ

польской и русской интеллигенціи. Зима разразилась наводненіями въ прикарпатской Польшѣ; поздняя весна 1595 года вызвала въ поле коронное войско, но вовсе не на козаковъ. На козаковъ пришлось бы ему идти съ однимъ „грошовымъ жолнеромъ" и развѣ лишь съ немногими панскими почтами: необходимость истребить этотъ „мотлохъ" еще не чувствовалась такъ повсемѣстно, чтобы можно было поднять противъ него пограничныхъ землевладѣльцевъ въ значительномъ вооруженіи. Нуженъ былъ кличъ, болѣе интересный въ экономическомъ отношеніи, болѣе завлекательный для панскаго славолюбія, болѣе серьозный въ отношеніи политическомъ. Такимъ кличемъ была Волощина, этотъ „щитъ", заслонявшій Польшу отъ Турціи, а Турцію отъ Польши. Оба государства понимали важность владѣнія этимъ щитомъ и постоянно пытались вырвать его другъ у друга изъ рукъ. Отстаиванье польскаго права на Волощину, было дѣломъ традиціоннымъ. Паны рвались въ этотъ край сами собою, даже рискуя королевскою немилостью. Теперь ихъ призывали подъ коронное знамя; они вняли призыву съ радостью, и коронное войско увеличилось быстро, какъ рѣка отъ весеннихъ потоковъ. Въ теченіе прошлой зимы турки и татары надумались окончательно присвоить себѣ Волощину и такимъ образомъ придвинуть свои границы къ польскимъ границамъ вплотъ. Паны боялись этого больше всякой козацины: ибо въ такомъ случаѣ имъ бы пришлось отодвинуться снова передъ турками такъ, какъ отодвинулись они уже одинъ разъ передъ ними отъ береговъ Чорнаго моря, и сдѣлать плодородную Украину такимъ щитомъ отъ азіятской дичи, какимъ служила имъ теперь Волощина. Два народца, населявшіе этотъ край, волохи и молдаване, въ свое время отличались боевымъ мужествомъ. Со временъ императора Траяна, Волощина сдѣлалась украиною Римской имперіи, мѣстомъ ссылки безпокойныхъ людей и притономъ всего своевольнаго. Во времена Галліена и потомъ въ правленіе Авреліана, овладѣли этимъ краемъ такъ называемые

варвары,—чего добраго, наши предки поляне, или ихъ торки, берендѣи, „чорные клобуки“, козацкія шапки. Къ этимъ варварамъ, во времена Граціана, примѣшались тутъ готы; но дѣло въ томъ, что нашъ русинскій языкъ господствовалъ въ Волощинѣ такъ точно, какъ и румынскій. Онъ, очевидно, столкнулся тамъ съ государственнымъ римскимъ языкомъ, такъ же какъ и въ политической польской системѣ, но въ XVI вѣкѣ былъ еще цѣлъ, не поддался еще переработкѣ отъ смѣшенія съ другими. [1]) Съ перемѣной властителей, Волощина, древняя Дакія, сдѣлалась украиною Турецкой имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ — вторымъ экземпляромъ Украины Рѣчи-Посполитой Польской. Она сохранила старыя свойства своихъ жителей: мечтательность, подобную польской, завзятость, свойственную русинамъ, и измѣнчивость, усвоиваемую каждымъ небольшимъ государствомъ, очутившимся среди большихъ. [2]) Было время, когда молдавскій господарь предводительствовалъ сорока тысячами лучшаго войска въ Европѣ: я говорю о знаменитомъ Стефанѣ, который разбилъ на голову 120-тысячное войско императора Магомета, завоевателя Царьграда, Трапезонта, двѣнадцати царствъ и двухсотъ большихъ городовъ, а, кромѣ того, держалъ въ страхѣ Венгрію и обуздывалъ савроматскую заносчивость поляковъ. Но мужество безъ культуры никогда еще не было гарантіею независимости. Волощина, страшная туркамъ, сдѣлалась вассаломъ Венгріи, а когда Венгрія запаталась подъ мусульманскими саблями, господарь Петръ пріѣхалъ во Львовъ и принесъ вассальную присягу Владиславу Ягеллону. Съ того времени культура не сдѣлала въ Волощинѣ успѣховъ. Сепенитскіе лѣса, въ которыхъ польскіе сарматы погибли, воюя

---

[1]) Блэзъ де Виженеръ въ своей книгѣ: „La Description du Royaume de Poloigne“, Paris, 1573, говоритъ о волохахъ: „Toutefois ils usent aussi du parler Ruthenique et Slavon“.

[2]) Blaise de Vigenere: „...ce a esté tousiours vne nation fort bizarre, fantastique et despitte, et au reste fort endurcie et belliqueuse“.

противъ румунъ, какъ римляне въ Тевтобурскомъ лѣсу, раскидывались въ дикой красѣ своими отпрысками по гористой части края, по хребту Волощины, дѣлившему ее на Валахію и Молдавію. Подъ сѣнью первобытныхъ лѣсовъ, стлались роскошныя пастбища. Земледѣліемъ въ широкихъ размѣрахъ волохи не занимались; любили больше пасти скотъ и гонять по открытымъ степнымъ мѣстамъ табуны лошадей, которыми снабжали они всю Европу. [1]) И вотъ въ такой-то край звалъ канцлеръ и коронный гетманъ своихъ товарищей магнатовъ. Они любили Волощину такъ же, какъ и наши козаки: сарматская фантазія находила въ ней идеалъ добычи, — добычу, движущуюся по волѣ добычника лошадей, рогатый скотъ и превосходную породу овецъ, о которой и въ нынѣшнихъ польско-русскихъ хозяйствахъ сохранилась память въ названіи патріарховъ отары *вáлахами*. Еще однажды мелькнула полякамъ надежда возвратить себѣ вассальство волоховъ и молдаванъ. Исламъ не въ силахъ былъ переработать всѣхъ румунскихъ христіянъ въ потурнаковъ; нѣчто похожее на прежнюю автономію оставалось еще за этимъ краемъ, воспѣтымъ столько разъ нашими кобзарями, какъ арена козацкаго „лыцáрства"; паны рѣшились поддержать ее. Молдавія de facto находилась въ рукахъ у турокъ, но, по старой памяти, считалась въ вассальской зависимости отъ Польши. Объ этомъ даже императорскій посолъ лестно напоминалъ панамъ, обовязывая ихъ тѣмъ самимъ не смотрѣть на судьбу румуновъ равнодушно. И вотъ Замойскій двинулся на границу тремя войсками. Это не значило, что войска было очень много, — вовсе нѣтъ: это

[1]) Blaise de Vigenere: „C'est un pays montueux et couuert de bois, et pourtant bien fort et malaisé. Aussi le peuple ne s'amuse gueres à cultiuer les terres, car tout leur faict depend du bestial, dont ils ont tres grande abondance à cause de beaux pascages qui sont par tout, tellement qu'ils en fournissent non seulement Hongrie et Russie qui sont les pays plus prochains d'eux: mais encor en enuoynt tous les ans vne fort grande quantité en Poloigne, Prusse, Silesie, Boheme, Alemagne, Italie et Turquie".

значило только, что гдѣ проходили жолнеры, тамъ скотоводство, земледѣліе и пчеловодство, три главныя статьи тогдашняго экономическаго быта Польши, терпѣли почти такой же вредъ, какъ и отъ орды. Въ уваженіе жалобъ и просьбъ, которыми обыкновенно въ такихъ случаяхъ осаждали коронпаго гетмана со всѣхъ сторонъ духовныя и свѣтскія лица, онъ раздѣлилъ домашнюю орду свою на три пути. Этимъ объясняются, по видимому, не имѣющія историческаго значенія слова народной пѣсни:

Ишли ляхи́ на три шляхи́,
А козаки́ на чотыри...

Лѣвымъ шляхомъ, въ данномъ случаѣ, пошолъ полевой гетманъ Станиславъ Жолковскій, правымъ—каменецкій староста Потоцкій, среднимъ—самъ великій или собственно такъ называемый коронный гетманъ Янъ Замойскій. Не раньше 20 іюля прибыли они къ мѣсту своего назначенія, именно къ Шаргороду, недалеко отъ Сороки. 21-го іюня получено Замойскимъ извѣстіе, что татары переправляются на русскую сторону Днѣпра подъ Очаковомъ, для соединенія съ турецкимъ войскомъ, котораго, какъ гласила пугливая молва, собралось на берегахъ Дуная болѣе 100.000, и нѣкоторые отряды переходили уже на его сторону. Поляки рѣшились не удаляться отъ Днѣстра и развѣ на Кучманскомъ или на Чорномъ шляху „заѣхать въ очи“ татарамъ, вторгаться же въ Волощину, на перерѣзъ ордѣ, когдабъ она пошла степями на Тягинь, считали они нарушеніемъ мира съ турками. Черезъ нѣсколько недѣль, уже въ августѣ, узналъ Замойскій, что орда переправляется черезъ Днѣстръ на шляхъ Кучманъ. Ударили въ бубенъ; двинулись на татаръ. Паны, желавшіе искоренить козачество, подъ нужду сильно на него разсчитывали. Такъ было и теперь. Съ весны задабривали Лободу красивыми словами, и воинственная шляхта дружески заохочивала его къ походу въ Волощину. Прямого приглашенія со стороны правительственной вла-

сти не было. Не было и со стороны Лободы прямого обязательства. Теперь послали къ нему гонца, какъ-будто дѣло было улажено между двумя партіями окончательно. Паны просили козаковъ поспѣшить на подмогу. Но Лобода, видно, зналъ твердо правило: „врагу твоему вѣры не даждь“, и понималъ запорожскою своею душею, что недовѣрчивость къ деспоту — лучшая охрана свободы. Онъ оставлялъ пановъ въ пріятной надеждѣ, лишь бы спровадить ихъ въ Молдавію. Онъ зналъ, зачѣмъ ляхи идутъ въ Волощину: онъ не могъ этого не знать. Молдавскій господарь Ааронъ содержалъ при себѣ родъ гвардіи венгерской; начальникъ этой гвардіи, Розванъ, родомъ цыганъ, измѣнилъ господарю, провозгласилъ господаремъ седмиградскаго князя Сигизмунда Баторія, и сдѣлался обладателемъ Волощины, въ качествѣ Баторіева намѣстника. Молдавскіе бояре не знали, какъ избавиться отъ ненавистнаго имъ Розвана и просили Сигизмунда III дать имъ господаря отъ себя, по старинному праву на этотъ актъ, не уничтоженному еще султаномъ. Выборъ короля, или его канцлера, палъ на молдавскаго выходца, получившаго въ Польшѣ индигенатъ, на Іеремію Могилу. Замойскій, отправляясь въ походъ, имѣлъ Могилу подъ рукой, *коло боку*, какъ тогда говорилось. Если водвореніе его на господарствѣ потребуетъ битвы, вся тяжесть битвы упадетъ на козаковъ. Если будетъ какая добыча, она достанется полякамъ, да сверхъ того, и на будущее время козаки потеряютъ не одинъ, можетъ быть, такой случай, какой доставилъ имъ Подкова. Такъ должны были размышлять козаки, уклоняясь отъ этого похода. Они были практики. Они чужды были той „суетной славицы“, за которою гонялась воспитанная латинскими фразами шляхта; они понимали славу по-варягорусски, въ соединеніи съ добычею: иначе—имъ бы нечѣмъ было существовать, все равно какъ татарамъ безъ полону, а что̀ еще важнѣе — нечѣмъ было бы воевать и защищаться. Слава не была и не могла быть прихотью козацкаго полководца. Если попадался между

козаками Юлій Цезарь или Алкивіадъ подъ татарскимъ кобенякомъ, то и такой рѣдкій военный геній старался заслужить въ ихъ средѣ славу, не выходя изъ чорнаго тѣла, въ которомъ козаки держали обыкновенно своего гетмана. Мудрый былъ это народъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: не даромъ ѣздило къ нимъ, для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ, много „chudych pachołkow poćciwych", [1]) какъ выражается странствующій Тацитъ Папроцкій. Они знали, что, когда гетмана не отличаетъ отъ обыкновеннаго *товарища*-козака ни его заслуженный пай, ни одежда, ни жилье, ни пища, а только лошадиный хвостъ на копьѣ, да знамя, булава и литавры, то ему по неволѣ придется не себя украшать лаврами, а

Славы-лыца́рства козацькому війську здобувати.

Ревнивые въ идеѣ равенства, запорожцы не хотѣли даже славы, (не говоря уже о добычѣ), присвоить своему предводителю лично, точно какъ-будто орденъ ихъ сформировался изъ людей, которые только и желали „положить душу свою за други своя", которые старались доказать дѣломъ, а не словами, что совершенная любовь „ничего не ищетъ себѣ". Но это общая черта: она относится къ первой идеѣ Запорожья, которую возымѣла какая-то могучая и мечтательная душа. Частною чертою козацкихъ дѣйствій, въ настоящемъ случаѣ, было сознаніе, что ляхи готовятся подавить козачество. Для того, чтобы придти къ нему, не нужно было подслушивать интимныхъ совѣщаній Замойскаго съ его любимцемъ и преемникомъ Жолковскимъ или другими знатными панами. Послѣ перваго опыта схватки между народною и антинародною военными силами, вопросъ о козакахъ обсуждался открыто, и козаки понимали очень хорошо, что не отъ панской расположенности къ нимъ за ихъ услуги, а отъ ихъ силы зависѣла ихъ цѣлость. Они знали, какъ пріобрѣсть эту силу.

[1]) Не богатыхъ честныхъ людей.

Но такъ ли, или иначе оно было, только Грицько Лобода, этотъ Периклъ запорожской республики, сравнительно съ красавцемъ и пройдохою Наливайкомъ, остался на Украинѣ. На прóвесні нашолъ онъ себѣ Аспазію, въ особѣ воспитанницы шляхетскаго дома Оборскихъ, которые жили гдѣ-то не вдалекѣ отъ Бара; но бракъ его былъ, по видимому, недаченъ: невѣста шла за него по неволѣ. Какъ обходились тогда съ невѣстами домашніе авторитеты, это показалъ намъ князь Василий надъ своей племянницей. Нѣчто подобное случилось и здѣсь. Шляхтичъ сосѣдъ, служившій Острожскому, какъ тогда водилось, мѣстною газетою, сдѣлалъ и другого рода замѣчаніе въ виду предстоявшей козакамъ катастрофы, которой всѣ ждали и называли *трагедіею.* [1]) Онъ написалъ: „Господь Богъ знаетъ, надолго ли эта женидьба. [2]) Но это дѣло темное для насъ. Мы не можемъ сказать навѣрное, съ какими собственно чувствами оставался Лобода въ Украинѣ: привязывалъ ли его теплый домашній очагъ къ одному мѣсту, или же козаки продолжали вести свою пропаганду въ народѣ, готовясь на борьбу съ панами. Во всякомъ случаѣ фактъ женидьбы предводителя показываетъ, что козаки мечтали утвердить республику свою въ Украинѣ, а Запорожье считать только рыцарскою школою. Но, такъ какъ они, и по натурѣ своей, и по роду жизни, отличались молчаливостью, то намъ осталось довольствоваться, въ настоящемъ случаѣ, одною догадкою.

Между тѣмъ какъ одна часть раздѣлившейся на ся руси готовилась дома невѣдомо для насъ къ русскому дѣлу въ эгоистическихъ своихъ интересахъ, другая часть очутилась за Днѣстромъ и, повинуясь такому же врожденному нашей природѣ эгоизму, дѣлала русское дѣло, воображая его польскимъ: Замойскій и его сподвижники, возводя на молдавское господарство Іеремію Могилу,

---

[1]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2-го марта 1596 года.

[2]) См. тамъ же выпису изъ письма Кавлича, отъ 2-го февраля 1596 года.

упрочивали его племяннику Петру тотъ путь къ митрополіи кіевской, который помогъ намъ найти выходъ изъ лабиринта Рѣчи-Посполитой Польской. За этотъ подвигъ стóитъ поименовать всѣхъ ихъ. Кромѣ двухъ уже названныхъ, они были: Гербуртъ, Пшерембскій (котораго отецъ или дѣдъ навѣрное былъ какой-нибудь Прорубай), двое Терновскихъ, (а попольски Tarnowskich) Ханскій, братья Потоцкіе, Браницкій, Зебжидовскій, Мышковскій, Прушиновскій, Леснёвскій, Даниловичъ, Вірникъ (Wiernek), Станиславскій, Слідковскій, Дроевскій, Порыцкій, Гульскій, князь Вишневецкій, Струсь, Рожинскій, Горностай, Творжіянскій, Темрюкъ, Чертанскій, Більструпъ, Уляницкій, Корытинскій, Кланицкій, Витославскій, — имена большею частію запечатлѣнныя кровавою памятью въ лѣтописныхъ преданіяхъ московской и кіевогалицкой Руси! Войска при нихъ насчитываетъ Більскій по отрядамъ 7.250, въ томъ числѣ 1.500 выбранцевъ. Это былъ цвѣтъ боевой польской силы. Даже мозольные походные труды не были чужды имъ. Помня Камилловъ и Цинциннатовъ, шляхта возвышалась иногда до уровня пренебрегаемыхъ ею братьевъ своихъ козаковъ. Когда оказалось нужнымъ укрѣпить станъ польскій надъ Прутомъ, на урочищѣ Цоцорѣ, гетманъ первый взялся за заступъ, за нимъ стали работать ротмистры, а за ротмистрами товарищи, и въ одинъ день поспѣлъ окопъ съ тринадцатью баштами и четырьмя „бронами“ (воротами). Въ этомъ окопѣ выдержали наши русины и поляки напоръ татаръ и турокъ, которыхъ было, если вѣрить реляціи, тысячъ сорокъ, и заключили миръ только подъ условіемъ, чтобы Могила былъ оставленъ на господарствѣ. Честь имъ и слава за это! [1])

---

[1]) Въ мирномъ договорѣ между Казы-Гиреемъ и Яномъ Замойскимъ изображено: „Car, maiącz zlecenie od Cesarza J. M. Tureckiego — powierzoną chorągiew na ziemię Wołoską, tedy chcząсz dogodzić Kr. J. Mci Polskiemu łascze braterskiey, Jeremiewi ią na hospodarstwo oddaiemy, o ktorego tho Jasnie Wielmoznego Pana Canclerza a Hetmana Corony Polskiej Ziemia tuteczna prosiła... Woysko Cesarza J. M. Tureckiego i Carskie nie maią kazić thu w ziemi ani w

Но не однимъ русскимъ землевладѣльцамъ, не однимъ панамъ, не однимъ тѣмъ, которые, какъ Острожскій, называли себя поляками, даже не перемѣнивъ еще православія на католичество, — не однимъ имъ слава. Они должны подѣлиться ею съ тѣми, которыхъ они лишали права владѣть помѣстьями и участвовать въ сеймахъ, которыхъ терпѣли по невозможности истребить, которыхъ игнорировали въ своихъ бытописаніяхъ. Успѣхи Замойскаго въ Волощинѣ были подготовлены козацкою службою нѣмецкому императору и постоянными сношеніями ихъ съ Волощиною по обѣимъ сторонамъ лѣсистаго хребта, который дѣлитъ ее на два княжества. Приверженцевъ султана и потурнаковъ козаки побивали; приверженцевъ христіянскаго императора поддерживали. Дѣйствуя заодно съ подкрѣпленіями, присылаемыми господарямъ отъ императора, они такъ усилили молдавскаго господаря и ослабили хана, что господарь нанесъ татарамъ неслыханное до тѣхъ поръ пораженіе, а вслѣдъ затѣмъ отпалъ отъ турокъ и объявилъ себя вассаломъ нѣмецкаго императора. Какую роль играли въ этомъ дѣлѣ козаки, видно изъ того, что они посылали своего посла, сотника Демковича, въ Пресбургъ, для приведенія молдавскаго господаря къ присягѣ императору, которому они служили. Сотникъ Демковичъ имѣлъ осѣдлость въ Барѣ и отъ 3 февраля 1595 года увѣдомлялъ о своемъ посольствѣ князя Острожскаго, у котораго, какъ видно, состоялъ на службѣ по части доставленія разныхъ вѣстей, то есть служилъ ему газетою. Онъ доносилъ, что былъ „посланъ отъ пановъ козаковъ къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую господарь, за его

Polscze, y owszem J. M. Car zararem się ruszy i w swą ziemię trzeciego dnia wyydzie, a hospodar mieć moze dlia strazy dwor swoy od swego nieprzyiaciela (Rozwana)... A czo się dotycze chorągwie, ktorą Jeremiiowi Mohile na hospodarstwo My Car oddawamy, upewniamy i przyrzekamy, ze Cesarz J. Mcz onogo wiecznie i owszem w pokoiu na hospodarstwie zawzdy zachowa... Działo się na Cocorze, dnia 21 miesiąca 8 bra roku 1595“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польс. отд. IV. № 71, л. 1).

приводомъ, принесъ императору вмѣстѣ съ своею духовною и свѣтскою радою, съ духовенствомъ и гетманомъ". Отступникъ бусурманскаго владычества, въ качествѣ прозелита, вырѣзалъ всѣхъ турокъ, сидѣвшихъ у него на шеѣ, а имущество ихъ роздалъ венгерской своей гвардіи; даже султанскаго гонца, ѣхавшаго черезъ Молдавію къ польскому королю, обезглавилъ передъ козацкими послами, которымъ онъ показывалъ наказъ императора дѣйствовать заодно съ Запорожскимъ Войскомъ. На турецкихъ знаменахъ, подъ которыми онъ до сихъ поръ сражался, велѣлъ изобразить кресты и знаки христіянскаго императора, а обезглавленныхъ турокъ разставилъ по всему рынку, въ знакъ поруганія мусульманства. [1]) Но этотъ бунтъ, о которомъ умалчиваютъ польскіе историки, вызвалъ въ Царьградѣ страшную сцену. Падшая столица Палеологовъ была заперта на три дня для въѣзда и выѣзда. Турки казнили христіянъ. Безмолвно смотрѣли на кровавую сцену войска султана, составленныя большею частью изъ потурнаковъ; наконецъ адзамуланы не стерпѣли мученій совѣсти, бросились на палачей, и началась битва между приверженцами и противниками ислама. Восемь дней продолжалась междоусобная рѣзня въ запертомъ Царьградѣ, и нѣсколько десятковъ тысячъ легло съ обѣихъ сторонъ трупами. [2]) Не доставало въ этотъ критическій моментъ явиться въ Босфорѣ разбойникамъ-козакамъ, и христіянскій міръ давно бы освободилъ изъ рукъ азіятскихъ варваровъ колыбель своего просвѣщенія. Но козакамъ въ это время предстояла борьба съ усердными слугами Христова намѣстника; имъ грозили истребленіемъ; имъ предстояла Солбница....

Мы оставили Наливайка послѣ того, какъ онъ сходилъ въ Угорщину. Изъ Семигорья вернулся онъ на Волынь, гдѣ на то время отбывались въ Луцкѣ такъ называемые судебные роки и

---

[1]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому выписку изъ письма сотника Демковича.

[2]) См. тамъ же выписку изъ письма Кевлича.

вмѣстѣ ярмарка. Луцкъ былъ въ большой тревогѣ отъ посѣщенія украинскаго Алквіада; но Алквіадъ былъ скорѣе злой шалунъ, чѣмъ злой человѣкъ. Онъ прошолся съ козаками по ярмаркѣ, по караимскимъ рядамъ, по костеламъ, и ограничился контрибуціею со всѣхъ сословій. Самъ онъ, въ извѣстномъ письмѣ къ Сигизмунду III, разсказываетъ, съ наивною хитростью козака, о своей новой карьерѣ, что, по возвращеніи изъ Венгріи, онъ провелъ всего дня три въ городѣ Луцкѣ, для пополненія военныхъ припасовъ, а потомъ сталъ отдыхать на „обычномъ козацкомъ шляху", то есть на Днѣпрѣ, въ ожиданіи службы, которую онъ, будтобы, предлагалъ мимоходомъ коронному гетману, да тотъ не принялъ. Лишь только ступили козаки одною ногою на литовскую землю и почти что не попробовали еще панскаго хлѣба (писалъ онъ), тотчасъ литовскіе паны, съ гайдуками своими и множествомъ всякаго народу, напали на нихъ—сперва въ Слуцкѣ, а потомъ въ Копылѣ, и кого же они побивали и мучили? хлопя́тъ, паробковъ и нѣсколькихъ товарищей нашихъ — или „на приста́вахъ", или на пути къ своимъ родителямъ.

Паны, въ лицѣ виленскаго воеводы, князя Криштофа Радзивилла, были предупреждены княземъ Острожскимъ о томъ, что козаки придутъ къ нимъ въ гости. „Этотъ lotr (разбойникъ) Наливайко", писалъ князь Василій, „теперь гоститъ у меня въ Острополѣ, оторвавшись отъ другихъ съ тысячею человѣкъ, и кажется, что придется мнѣ сторговаться съ нимъ, какъ съ Косинскимъ". [1]) Литовскія ополченія были такъ многолюдны, что козаки побѣжали въ Могилевъ, чтобы, по выраженію Наливайка, хоть тамъ поѣсть спокойно хлѣба, уже не панскаго, а королевскаго. Паны грозили могилевскимъ мѣщанамъ смертью, если они впустятъ козаковъ къ себѣ въ городъ, но, какъ оказалось, требовали отъ нихъ невозможнаго. Ополченцы подожгли ночью Могилевъ со всѣхъ сторонъ.

---

[1]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 4-го марта 1595.

Козаки насилу вырвались изъ пылающихъ улицъ въ поле, но тамъ ждало ихъ панское войско, съ тѣмъ чтобъ окружить со всѣхъ сторонъ. Это не удалось ему. Наливайко ушолъ въ Рѣчицу, откуда и послалъ къ королю свою оправдательную жалобу на литовскихъ пановъ, — въ глазахъ Сигизмунда III, жалобу волка на псарей. Козацкій предводитель, очевидно, мѣрилъ короля своимъ аршиномъ, воображая, что замылитъ ему и его сенаторамъ глаза сперва своими оправданіями, а потомъ предложеніемъ, которое тутъ же дѣлалъ. Онъ выдавалъ себя за полновластнаго гетмана днѣпровскаго рыцарства, каковымъ никто никогда не былъ, и предлагалъ дать битву всѣмъ непокорнымъ королю козакамъ, а побивъ своевольныхъ людей, основать городъ и зáмокъ надъ рѣчкою Синюхою за Брацлавомъ, съ тѣмъ чтобы за Порогами держать только помощника. Онъ обѣщалъ принимать къ себѣ однихъ „стацiйныхъ" козаковъ, получающихъ стацію, или содержаніе, отъ правительства, а жолнерскимъ, панскимъ, шляхетскимъ и княжескимъ пахолкамъ (молодцамъ), которые къ нему придутъ, обрѣзывать уши и носы. Банитовъ королевскихъ принимать онъ не станетъ; въ Украину для сбора стацій и для другихъ войсковыхъ надобностей посылать не будетъ, а будетъ посылать только водою на Бѣлую Русь, для покупки за деньги муки и военныхъ снарядовъ. Награды за это просилъ онъ всего на 2.000 человѣкъ да на сторожу сукнами и деньгами—или то, чтò дается татарамъ, или то, чтò получаютъ старые жолнеры.

Къ похожденіямъ Наливайка въ Бѣлоруссіи нашъ соплеменникъ Більскій прибавляетъ слѣдующія подробности.

Въ Слуцкѣ, куда проникнулъ Наливайко, учились сыновья виленскаго каштеляна Іеронима Ходкевича. Это побудило виленскаго воеводу и гетмана литовскаго, Криштофа Радзивила, принять самыя скорыя мѣры къ подавленію козацкаго разбоя. Наливайко захватилъ въ слуцкомъ зáмкѣ 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ, 70 рушницъ, и, взявши съ мѣщанъ 5.000 литов-

скихъ копъ въ видѣ стацій, поспѣшилъ уйти изъ Слуцка, „едва попробовавши панскаго хлѣба", какъ выражался онъ съ алквіадовскимъ нахальствомъ. „Когда же Наливайко уходилъ", прибавляетъ попольски ополяченный русинъ, „*громила* его пѣхота гетманская, и *нѣсколько десятковъ* козаковъ было убито". Козаковъ не хотѣли впустить въ Могилевъ, который былъ довольно сильно укрѣпленъ. Козаки взяли его штурмомъ и „насѣкли много народу". Ополченіе бѣлорусскихъ пановъ подоспѣло на выручку города поздо. Стоя въ полѣ, паны подвергались невыносимой стужѣ и потому поступили съ городомъ гуманнѣе козаковъ: зажгли со всѣхъ сторонъ. [1]) Ретираду козаки совершили въ такомъ порядкѣ, что панъ Оникій Униговскій, бросясь въ козацкую купу, не былъ поддержанъ своими и сложилъ молодецкую голову за несостоятельное панское дѣло. Козаки, по словамъ Більскаго, везли съ собой до 20 пушекъ, а народу къ нимъ со всѣхъ сторонъ прибывало, — какого именно, не извѣстно. Литовскій гетманъ послѣ претерпѣннаго холоду, грѣлся у пылающаго Могилева, а войско поручилъ пану Бойвиду. Но Бойвидъ, по словамъ Більскаго, видя, что козаки шли въ большомъ порядкѣ, не отважился напасть на нихъ, и такъ они ушли безъ всякой помѣхи на Волынь. Очевидно, что походъ въ Бѣлоруссію былъ — пропаганда равноправности, вербовка волонтеровъ предстоящей за нее борьбы и снабженіе войска боевыми снарядами. Но пусть это будетъ и разбой, такъ какъ наши „безупречные Геркулесы", наши Периклы и Алквіады, имѣли наружность не будуарную, дѣйствовали естественнѣе, нежели

---

[1]) По безсмысленному соединенію народнаго дѣла съ дѣломъ господствующей партіи, примѣрами котораго полна исторія, одна изъ рукописныхъ лѣтописей („Лѣтописецъ Вѣры законные, Житія Поганьства и Побоженьства Князей великихъ Руськихъ") сожженіе Могилева приписываетъ козакамъ. „Домовъ", говоритъ лѣтописецъ, „сгорѣло до 500; а крамовъ (лавокъ) зъ великими скарбами 400. Мѣщанъ и бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и женъ, дѣтей малыхъ побили, порубали и попоганили. Скарбовъ тежъ незлічныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ".

принято изображать историческихъ героевъ, и не догадались испросить санкцію ни у римскаго папы, ни у польскихъ его кліентовъ, ни у такихъ потентатовъ, какъ его величество султанъ турецкій и его высочество ханъ крымскій.

Съ подвигами Наливайка на Волыни и въ Бѣлоруссіи совпали панскіе, монастырскіе и братскіе толки о томъ, что русскіе епископы отпали отъ благочестія и послали въ Римъ Ипатія Потія да Кирилла Терлецкаго. Въ Луцкѣ, какъ говорятъ, досталось отъ Наливайка всего больше приверженцамъ и слугамъ епископа Кирилла, а въ Пинскѣ захватилъ онъ ризницу этого отступника и добылъ, будтобы, важные пергаментные документы съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласныхъ на унію. Указываютъ еще и на то, что Наливайко ограбилъ имѣнія брата епископа Кирилла Терлецкаго.

Не мудрено, что въ войскѣ его были люди, задѣтые лично уніею или заинтересованные церковнымъ вопросомъ по отношенію къ благочестивой шляхтѣ, благочестивымъ мѣщанамъ и благочестивымъ хліборобамъ, такъ какъ церковныя имущества, подаренныя церквамъ ихъ предками, а ими, въ качествѣ ктиторовъ или братчиковъ, и вообще прихожанъ, контролируемыя, переходили теперь въ вѣдѣніе панскихъ экономистовъ. Захарія Копыстинскій прямо указываетъ, что даже попы, „съ десперацій" приставали къ искателямъ козацкаго хлѣба. [1]) Весьма быть можетъ, что и помѣщики, соперники агентовъ уніи, направляли ремонтирующихъ козаковъ на имѣнія отступниковъ древняго благочестія, да и безъ этого, козакамъ удобнѣе было хозяйничать въ домахъ, селахъ и фольваркахъ партіи, которая тогда была еще малочисленна среди благочестивыхъ пановъ и ожидала защиты отъ однихъ латинцевъ. Но нападеніе на унитовъ не имѣло никакой послѣдовательности, ни системы, и не выразилось ни въ какой манифе-

[1]) Рукопись варш. библіот. гр. Красинскихъ: „Оборэна Церкви Всходней и Патріарховъ", л. 64.

стаціи со стороны самихъ козаковъ. Это важное обстоятельство не принято въ соображеніе научнымъ методомъ историковъ. Видѣть въ похожденіяхъ такого добычника, какъ Наливайко, Алкивіада не по одной красотѣ своей, но и по готовности отбивать носы у священныхъ статуй,—видѣть въ его спеціяльныхъ похожденіяхъ „религіозный оттѣнокъ" могутъ одни любители комбинацій, построенныхъ, безъ критики, на фабулѣ исторіи. Встарину поступали такъ украинскіе лѣтописцы, сочиняя лѣтописи за время прошлое. Въ эпоху разгара уніи обвинители православныхъ приписывали Наливайку единство дѣйствій съ благочестивыми панами, не замѣчая панской инерціи или, говоря по-украински, *панськоі нікчемности*, и прозвали всю православную партію „наливайковскою сектою", или просто „наливайками".—„Владыцкія села, архимандритскія имѣнія, вотъ за что дерутся *наливайки* съ *унитами*„! восклицаетъ одинъ фанатикъ, въ памфлетѣ 1623 года, и очень вѣрно опредѣляетъ, въ своемъ увлеченіи, изнанку уніи и православія,—ту изнанку, которой оба лагеря старались не показывать свѣту. Что касается до самого Наливайка, то онъ ограничивался интересами козачества, понимаемыми весьма узко, какъ это бывало и съ великими народными героями. Въ письмѣ къ королю, онъ объяснялъ свое ожесточеніе противъ пановъ тѣмъ, что вельможный Калиновскій отнялъ у его отца небольшой кусокъ земли подъ мѣстечкомъ Гусятнинымъ, а самому владѣльцу переломалъ ребра, такъ что отецъ Наливайка и умеръ отъ побоевъ: „а вѣдь онъ у меня былъ одинъ"! саркастически прибавляетъ красавецъ-козакъ. Въ этомъ оправданіи своихъ поступковъ выступаетъ во всей рельефности тотъ самый мотивъ для борьбы съ полноправнымъ сословіемъ, который, черезъ полвѣка, подвинулъ и Хмельницкаго на его отважное дѣло, именно—имущественный интересъ и личная обида.

О похожденіяхъ Наливайка и его козаковъ могъ бы лучше Бѣльскаго разсказать намъ секретарь Яна Замойскаго и Стефана

Баторія, Райнольдъ Гейденштейнъ. Онъ имѣлъ подъ рукой офиціальные документы и могъ пользоваться непосредственными указаніями обоихъ своихъ патроновъ, не говоря уже о другихъ участникахъ и очевидцахъ каждаго событія. Но, къ сожалѣнію, онъ видѣлъ въ козацкой войнѣ только ближайшій, домашній свой интересъ: козацкая война представлялась ему (печальное заблужденіе!) только случайностью,—случайностью, почти счастливою для славы польскаго оружія; а потому козаки появляются у него на сценѣ и сходятъ съ нея, не выражая полноты своего существованія. Почему именно произошла эта кажущаяся случайность, въ какой экономической или соціяльной (не говоримъ ужъ о духовной) связи находилась она съ прочими явленіями тогдашней общественной жизни и какими сопровождалась обстоятельствами мѣстности, времени, торговли и промышленности, — подобные вопросы не занимали польскаго историка. Онъ довольствовался фабулою событій, и анекдотическій интересъ источниковъ предпочиталъ тому, который получается отъ критическаго взгляда на нихъ. Такъ понималась тогда исторія; такъ пишется она большею частію и въ наше время.

По разсказу Гейденштейна, Наливайко вернулся съ войскомъ своимъ на Волынь въ концѣ января 1596 года. Между тѣмъ изъ Запорожья „выгреблось" низовое товарищество подъ предводительствомъ еще болѣе сильнаго врага шляхетскихъ порядковъ, Грицька Лободы, и заняло пограничныя волости Кіевскаго воеводства. Часть его войска, состоявшая, какъ надобно думать, изъ мѣстныхъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ какого-то Савулы, бросилась на Литву. Гейденштейнъ говоритъ, что Наливайко не любилъ Лободы, и потому дѣйствовалъ отдѣльно отъ него и его товарища Савулы. Всё-таки козацкій промыселъ надъ панами принималъ размѣры опасные. Король писалъ въ Молдавію къ коронному гетману Замойскому о необходимости вооружиться рѣшительно противъ козацкихъ разбоевъ. Коронный гетманъ не нуждался въ на-

поминаніи, но онъ былъ занятъ обороною Волощины отъ покушеній Розвана, который захватилъ было господарство. Розванъ былъ начальникъ венгерской гвардіи прежняго господаря Аарона, а потомъ—похититель его престола и имущества. По прибытіи польскаго войска въ Волощину, онъ бѣжалъ къ своему патрону, Сигизмунду Баторію, со всѣмъ добромъ, какое только могъ захватить съ собою въ Ясахъ; [1]) а когда Могила былъ посаженъ на молдавскомъ престолѣ и принесъ польскому королю и Рѣчи-Посполитой присягу вассальскую, Розванъ явился съ венграми оспаривать у него господарство. Въ это время подошли еще новыя роты къ Замойскому изъ-за польской границы (11 декабря); а сверхъ того, собралось въ Польшѣ и еще нѣсколько ротъ, готовыхъ къ походу. Паны не хотѣли отстать отъ свой братіи, и волошская армія выросла до размѣровъ значительныхъ. Такимъ образомъ Замойскому было съ чѣмъ отстоять честь польскаго оружія, счистить съ него ржавщину. Съ нимъ были: Яковъ Потоцкій, будущій историкъ Хотинской войны, Стефанъ Потоцкій, будущій сподвижникъ своего брата Николая въ знаменитой козацкошляхетской войнѣ 1637—1638 года, Андрей Потоцкій, Янъ Зебжидовскій, князь Корецкій, Мілевскій, Ѳома Дроёвскій, Тарло. Они вмѣстѣ съ другими отстояли Іеремію Могилу, разбили венгровъ, взяли въ плѣнъ самого Розвана и казнили самою ужасною казнью передъ Ясами. Набрали паны въ счастливой битвѣ разукрашенныхъ коней венгерскихъ, оправленныхъ въ серебро палашей, плѣнниковъ и знаменъ, въ числѣ которыхъ одно было съ фамильнымъ девизомъ седмиградскаго князя, съ тремя серебряными зубами и съ золотымъ сердцемъ сверху зубовъ: эмблема страшная! Эти зубы готовы были растерзать каждое живое сердце съ безчувствіемъ металлическаго. Таково было сердце нашихъ бра-

[1]) Чего не могъ взять съ собою, то онъ старался уничтожить, на примѣръ пушки, которыя онъ побросалъ въ воду, но такъ неудачно, что поляки видѣли торчащія изъ воды колеса.

тій русиновъ, погруженное въ окаменяющій римскій католицизмъ. Съ такимъ сердцемъ, безчувственнымъ къ живому и жаждущему жизни народу, готовилась теперь коронная шляхта вступить въ отрозненную Русь, чтобы отрознить ее еще больше, безвозвратно отрознить, о чомъ конечно она не думала. Она думала только о томъ, чтобы на рабочей простонародной силѣ, на безплатномъ ея трудѣ, на безмолвномъ ея повиновеніи, основать магнатскія династіи, для благоденствія въ настоящемъ и для безсмертной славы въ будущемъ. Всѣхъ, кто бы ни стоялъ ей на дорогѣ, по ея убѣжденію, подобало казнить такъ же, какъ и Розвана. О различіи реакціонныхъ мотивовъ тогда еще не разсуждали. Таковъ былъ вѣкъ, такова была школа, изъ которой вышла польская шляхта и польская интеллигенція. Канцлеръ королевства, бывшій ректоръ падуанскаго университета, авторъ книги „De Senatu Romano", другъ и покровитель писателей, знаменитый Янъ Замойскій, относительно чернорабочей массы, не возвышался надъ своимъ экономомъ, едва умѣвшимъ написать квитокъ и прочитать панское повелѣніе. „Ja nie umiem ieno rolą orać", [1]) говорилъ онъ на сеймѣ, давая понять, что это главный источникъ его доходовъ. Для охраненія этого источника, рѣшено было имъ истребить козаковъ. Carthaginem deledam esse. [2]) повторялъ онъ, безъ сомнѣнія, въ классически образованномъ умѣ своемъ, если только козачество представлялось ему во всей грозной возможности своего будущаго развитія. Но чѣмъ бы ни представлялись козаки Замойскому въ настоящемъ и будущемъ, для такого могущественнаго человѣка, который посадилъ на престолъ шведскаго принца и держалъ у себя дома въ плѣну принца австрійскаго, задача истребить ихъ не казалась a priori такою мудреною, какою представляется намъ она a posteriori. Намъ сказывается это въ тонѣ, которымъ онъ обра-

---

[1]) Я умѣю только пахать землю.

[2]) Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ: изрѣченіе Катона, которое онъ постоянно твердилъ.

щался къ козакамъ. Идучи въ Молдавію, Замойскій приказалъ козакамъ, черезъ ихъ посланцовъ, съ величіемъ Суллы или Марія: „Приказываю вамъ, не смѣйте, козаки, безпокоить Турціи! Я вамъ это запрещаю“! Съ тѣмъ же величіемъ и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ предпріятія, послалъ онъ на козаковъ будущаго героя разгрома Москвы, полевого гетмана, своего талантливаго питомца Жолковскаго. Римъ долго терпѣлъ Катилину у воротъ своихъ; наконецъ собралъ цвѣтъ боевой силы своей, и великое международное дѣло началось.

Co to będzie? co to będzie?...

ГЛАВА XIII.

Двоякій взглядъ на противниковъ козачества. — Козачество направляется къ занятію новыхъ пустынь. — Разбойничанье обоихъ войскъ, панскаго и козацкаго.—Козаки уступаютъ панамъ правую сторону Днѣпра.— Борьба равноправности съ польскимъ правомъ подъ Лубнями.— Измѣнники караютъ измѣнниковъ за измѣну измѣнникамъ.—Расплата потомковъ за предковскія увлеченія.

Не смотря на самую неудобную для похода пору, коронное войско не могло отложить похода: „дѣло шло о королѣ и всемъ государствѣ“, говоритъ Гейденштейнъ: „козаки дѣлали угрозы самому королю и городу Кракову“. Они, по словамъ военной реляціи Жолковскаго, грозили разрушить Краковъ, а шляхетское сословіе истребить. [1]) Слѣдовательно дѣло, начатое Косинскимъ, не было мелкою случайностью: оно подходило подъ законъ послѣдовательности, свойственный всѣмъ непреложнымъ явленіямъ міра геологическаго, зоологическаго и нравственно-человѣческаго; оно должно было рости безостановочно, какъ ростетъ масса сдерживаемой запрудою воды, пока не разорветъ запруду; какъ

---

[1]) Отъ 21 мая 1596 года, на пути изъ Переяславля въ Лубні, Жолковскій писалъ къ королю:

„Brzydko az wspominać, do czego się to swowolenstwo brało, iakie spominanie Maiestatu W. Krol. Mci, iakie zamysły, o Krakowie, stolicy sławney W. Krol. Mci rozbiciu, wytraceniu stanu szlacheckiego. I to pewna, ze bardzo się było to swowolenstwo wmogło. Opportune raczyłeś W. Krol. Mść temu zlemu rozkazać zabiegać“.

ростетъ пламя, находящее себѣ пищу, пока не испепелитъ ея; или, пожалуй, какъ ростетъ какая-нибудь жизненная идея, уничтожая всѣ преграды и питаясь даже противодѣйствующими элементами. Оно ужъ и теперь принимало размѣры грозные.

Два только источника существуютъ для исторіи второго козацкаго возстанія, Гейденштейнъ и Бѣльскій, да и тѣ во многомъ противорѣчатъ одинъ другому. Притомъ же оба эти источника суть свидѣтельства стороны противной, и потому мы не имѣемъ никакой возможности исполнить правило: audiatur et altera pars. Вообще, это важная потеря для русской исторіи, что украинскіе козаки, эти главные дѣятели торжества Руси надъ Польшею, оставили по себѣ такъ мало памятниковъ своей дѣятельности. Кровь ихъ пролилась какъ вода на землю и не оставила даже пятна по себѣ. Энергическій духъ ихъ отошолъ въ вѣчность, не заградивши устъ хулителямъ своимъ; а ихъ потомки лишены утѣшенія слышать посмертное слово предковъ, каково бы оно ни было. И вотъ мы разворачиваемъ чуждыя сказанія о нашемъ быломъ, и устами историческихъ враговъ своихъ повѣдаемъ міру понимаемыя до сихъ поръ двусмысленно, сбивчиво, часто крайне нелѣпо дѣла героевъ равноправности.

Февраля 28-го полевой гетманъ Жолковскій, быстрымъ движеніемъ, отъ Кременца къ Константинову, очутился у козацкихъ форпостовъ. Воображая жолнеровъ далеко за предѣлами Руси, козаки спокойно „долеживали“ зиму, [1]) помышляя о томъ, какъ настанетъ „весна красна“, и какъ тогда козацкая голóта будетъ „рясна“. Между Константиновымъ и Острополемъ, въ селѣ Мар-

[1]) Употребляю это выраженіе на основаніи польскаго слова leża и козацкой пословицы: *колибъ хлібъ та одежа, то ївъ бы козакъ лежа.* Потому-то и воевали козаки, что имъ нечего было ѣсть лежа. Еслибы ляхи были на столько мудры до шкоды, какъ по шкодѣ, они бы еще въ XVI и XVII вѣкѣ имѣли удовольствіе видѣть, какъ „свирѣпый“ украинскій народъ, подобно своимъ работящимъ воламъ, молча жуетъ жвачку среди плодородныхъ полей своихъ. Но сколько разъ это повторялось — и доселѣ повторяется въ исторіи — что людей сдѣлаютъ свирѣпыми, и потомъ караютъ за свирѣпость!

тиричахъ, неожиданно ударили ляхи на козацкую стоянку. Козаковъ было четыре хоругви; поляковъ — цѣлое войско. Но не струсили лохмотные рыцари: оборонялись, какъ одинъ. Ихъ подожгли со всѣхъ сторонъ въ мужицкихъ дворахъ и хатахъ; они оборонялись въ пламени, и пали всѣ до послѣдняго. Знамена ихъ развѣвались въ польскихъ рукахъ надъ ихъ трупами. „Мертвые срама не имутъ". Косинскій написалъ программу грядущихъ битвъ; козаки въ Мартиричахъ приложили къ ней печать. Въ тотъ же самый день въ сосѣднемъ селѣ повторилась поголовная бойня надъ двумя козацкими сотнями; ни одинъ бунтовщикъ не попросилъ пощады. Вражда двухъ братьевъ — ужасная вражда, а Жолковскій и его ополяченные спутники были родные братья съ козаками. Не ущекоталъ бы боянъ побѣдителей своею соловьиною пѣснію за ихъ кровавый подвигъ, нѣтъ! Онъ рекъ бы свое вѣщее слово: „О, стонати русской землѣ, поминаючи первыхъ князей и первыя усобицы"!... День и ночь скакалъ Жолковскій отъ Кременца къ Острополю; прискакалъ, дважды хлебнулъ горячей крови и гордо поднялъ голову, какъ тотъ левъ, который, послѣ своей пустынной гонитвы, „утолилъ жажду на пути изъ потока".

Такъ представляется украинцу польское дѣло 1596 года; такъ рисуется въ русскомъ сердцѣ образъ польскаго полководца, отступника народности своей; такой взглядъ на него выработало то общество, которое политика магнатовъ превратила въ беззземельныхъ скитальцевъ по дикимъ полямъ запорожскимъ, по шинкамъ и корчмамъ украинскимъ. Этотъ взглядъ передало оно и нашему, сравнительно просвѣщенному поколѣнію. Но можно судить о Жолковскомъ и иначе.

Жолковскій былъ однимъ изъ лучшихъ представителей культуры европейской. Онъ видѣлъ ее на ея родинѣ: онъ много молодыхъ, воспріимчивыхъ лѣтъ провелъ въ чужихъ краяхъ, а вернувшись на Русь, въ богатое замѣчательными людьми под-

горье, поступилъ въ самую лучшую школу, какая существовала тогда для молодого рыцаря на всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой,— въ домъ Яна Замойскаго, славный просвѣщеніемъ, примѣрнымъ общежитіемъ и хорошимъ хозяйствомъ. Къ простонародной руси, сколько ея ни было по сю и по ту сторону московскаго рубежа, относился Жолковскій отрицательно. Не только мужики, торговцы, ремесленники, сельскіе попы, но и самые землевладѣльцы русскіе не привлекали къ себѣ европейскаго человѣка, какимъ явился среди русскаго міра Жолковскій. Исполненный высшихъ культурныхъ понятій, онъ, въ благодушіи гуманизма, желалъ дать этому міру иной ходъ, готовъ былъ, такъ сказать, перемѣнить формацію руси. Если Drang nach Osten, во имя высшей культуры, не осуждается безусловно въ нынѣшнихъ нѣмцахъ, то нельзя осуждать безусловно и того піонерства, которое взяли на себя наши русскіе передовики, во имя польской политики. На свою низшую братію взирали они, какъ на стада двуногихъ, изъ которыхъ такъ или иначе слѣдуетъ извлекать пользу. Чтò же касается до русскаго міра по ту сторону рубежа, за Путивлемъ и Моравскомъ, то онъ представлялся имъ чѣмъ-то въ родѣ дремучаго лѣса, котораго страшный владыка потѣшалъ свою московскую силищу вывoрачиваньемъ съ корнями вѣковѣчныхъ деревьевъ. Ополяченные предки наши, стоявшіе во главѣ польской культуры, посадили на престолъ Ягеллоновъ короля, который объяснялся съ ними языкомъ Виргилія и Тацита. Какими глазами должны были смотрѣть совѣтники этого короля на бушующаго въ дикой ярости потентата? Онъ былъ для нихъ предметъ опасной, но завлекательной охоты: рыцарское сердце ихъ трепетало восторгомъ смѣлаго замысла. Во всякомъ случаѣ, сарматскіе римляне не ставили ни царя дремучаго лѣса русскаго, ни его глубоко-усыпленнаго царства выше бусурманской сосѣдней силы, которая также лишена была соціальнаго самосознанія и слѣпо по-

виновалась деспоту, никогда не выходившиму изъ гарема. [1]) То было время, послѣдовавшее за великою битвою при Лепанто. Европа дышала воинскимъ вдохновеніемъ, а на римскомъ престолѣ возсѣдалъ предпріимчивый папа, мечтавшій свергнуть господство турецкаго страха надъ Европою посредствомъ накопленныхъ милліоновъ. Въ умѣ Баторія составился замыселъ, достойный Александра Македонскаго: Московщина для него была Персіею или Востокомъ. Отъ него должна была она принять дары высшей культуры, его волею должна была двинуть свои дремлющія силы на одолѣніе врага успѣховъ гуманизма. Жолковскій стоялъ весьма близко къ благородному мечтателю: онъ былъ однимъ изъ четверыхъ русиновъ, которымъ великій, по своимъ замысламъ, король ввѣрилъ свой планъ, держа его въ глубокой тайнѣ отъ коренныхъ поляковъ. По одному этому можно видѣть, что Жолковскій принадлежалъ къ характерамъ высшаго разряда, къ тѣмъ могучимъ натурамъ, которыя или созидаютъ, когда со стороны кажется, что они разрушаютъ, или же разрушаютъ, когда сами увѣрены, что созидаютъ. Когда исторіографія нисходитъ до біографіи, она обыкновено занимается ихъ штудированіемъ. Для насъ всего важнѣе въ Жолковскомъ полетъ ума его, характеризующій племя, изъ котораго такъ часто выходило добро или зло въ своихъ крайностяхъ. Къ которой изъ двухъ крайностей принадлежалъ наперсникъ Стефана Баторія и Яна Замойскаго, можно судить только по послѣдствіямъ: это критерій нашихъ дѣйствій, и мнимо добрыхъ, и мнимо злыхъ. Но въ данный моментъ, въ моментъ похода на козаковъ, Жолковскій дѣйствовалъ гуманно. По сю сторону московскаго рубежа, все просвѣщенное примкнуло къ Польшѣ, и принято ею въ лоно свое съ тѣмъ добродушіемъ, которое поражало въ польскомъ обществѣ свѣжаго наблюдателя, которое и въ наше время отличаетъ общежительнаго поляка

---

[1]) Тогда султанствовалъ Селимъ II (1586—1593), о которомъ даже въ хронологическихъ росписяхъ печатаютъ: „lebte nur im Harem“.

даже отъ настежь открытаго великорусса, не только отъ замкнутаго въ себѣ малорусса. „Hommes et femmes sont doux et gracieux, difficiles à courroucer": [1]) такъ говоритъ о полякахъ, на 3-й страницѣ книги своей, далекій путешественникъ, подъ конецъ XVI вѣка, и не то ли самое впечатлѣніе выноситъ каждый изъ насъ послѣ общенія съ польскими семействами? Русскимъ, отрозненнымъ отъ своей сѣверной братіи, показалось, что они обрѣли давно забытую родню въ потомкахъ тѣхъ лехитовъ, которые образовали польскій status in statu, или народъ въ народѣ. Эгоизмъ сердца человѣческаго явился въ этомъ случаѣ наилучшею спайкою: поляки подѣлились гербами и шляхетскими привилегіями съ народоправными потомками варягорусскихъ бояръ, великодушно возвели ихъ до равенства съ собою. Въ довершеніе миротворящей ласковости, этой доброй славянской uprzejmości польской, явилось новое очарованіе — со стороны католическаго духовенства. Gentile e manieroso по своему происхожденію, оно внесло въ наши русскія области и въ наше русское общество сепаратизмъ, подъ видомъ подражанія тому, кто не гордился своимъ божественнымъ превосходствомъ передъ обскурантами, кто и малосмысленнымъ дѣтямъ не препятствовалъ приблизиться къ сіяющему мудростію лику своему. Эти кроткіе съ виду разжигатели международной вражды терпѣливо, какъ Моисей въ пустынѣ, претворяли закоренѣлость полуязыческихъ русскихъ понятій о религіи въ чистое разумѣніе бога на землѣ, спасающаго во вѣки человѣческій родъ индульгенціями; они дали невѣжественному русскому дворянству новый законъ, законъ исключительности; они ввели своихъ адептовъ въ обѣтованную землю панской отрозненности отъ народа, текущую молокомъ и медомъ. Когда такимъ образомъ русскіе паны стали одесную престола славы латинской, естественно, что все, стоящее ошую,

[1]) Мужчины и женщины у нихъ кротки и ласковы: ихъ трудно разсердить.

не было въ ихъ сознаніи людьми, а чѣмъ-то ниже людей, сынами погибели. Звали они и тѣхъ къ себѣ, но приходили къ нимъ, въ ихъ избранное общество, только люди просвѣщенные, или желавшіе казаться таковыми,— приходили одинъ за другимъ, иногда даже массами; все же остальное, все мозолившее руки надъ ремеслами, — вмѣстѣ съ невѣжественнымъ духовенствомъ своимъ, упорно оставалось отверженнымъ и отвергающимся. Это упорство, само по себѣ, въ глазахъ людей, просвѣщенныхъ высшею, какъ они думали, наукою вѣры, было признакомъ получеловѣческаго безсмыслія; но, когда изъ толпы чоботарей, рѣзниковъ, кушнірей, бондарей, изъ толпы даже ожолнеренныхъ ратаевъ и плугатарей, выдѣлился классъ такого буйнаго плебса, какой въ республиканскомъ Римѣ удалялся на Авентинскую гору,— почему тогда Жолковскій и другіе умные и честные люди должны были относиться къ нимъ гуманнѣе тѣхъ, которые придумали подобнымъ бунтовщикамъ страшную казнь—вѣшанье заживо на крестахъ? почему? Не потому ли, что мраморные боги, видимые глазами, и поэтическіе образы, населявшіе измечтанную гору, смѣнились въ Римѣ ликомъ, по которому проходила бритва брадобрѣя, а не рѣзецъ скульптора? Этого бога не надобно было искать въ поэтическихъ виталищахъ: онъ вѣчно присутствовалъ среди богатыхъ и знатныхъ, среди талантливыхъ, среди счастливыхъ красотою или вкрадчивостью, среди всѣхъ, получившихъ мѣсто на земномъ пиру, на счетъ плебса. Жолковскій не былъ ниже классическихъ римлянъ, не былъ и выше ихъ; поэтому казнь, которую онъ совершилъ надъ отчаянными или, какъ разсказывала шляхта, надъ пьяными людьми, не должна быть судима строже распятій, предшествовавшихъ во вѣки незабвенному распятію того, кого, за божественную истину, пригвоздили между ворами и разбойниками. Мы Жолковскаго оправдываемъ, мы сожалѣемъ о немъ. Онъ былъ нашъ, но его похитили у нашей народной славы, у нашей благодарной любви, у

нашего вѣчнаго почтенія къ его уму, сердцу, къ его героической энергіи. Все бы это онъ имѣлъ у насъ, оставаясь въ средѣ народа своего, не становясь въ ряды его притѣснителей.

Да, онъ былъ почтенная личность. Польша, эта жертва своего земного бога, лишила насъ множества воиновъ, которыми могли бы мы гордиться, и создала въ нашей русской средѣ множество героевъ, отъ которыхъ мы съ ужасомъ сторонимся. Такими героями были по большей части козаки, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыхъ наши лѣтописцы и наши историки наиболѣе прославили... Во всякомъ случаѣ, Жолковскій стоитъ несравненно выше „святопамятнаго“ князя Острожскаго, который игралъ двусмысленную роль относительно воинственныхъ представителей русскаго народа — козаковъ. Посолъ императора Рудольфа говоритъ въ своемъ дневникѣ о *разрывѣ* между этимъ магнатомъ и низовыми козаками; самъ онъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о компромисѣ, или „торгѣ“ съ Косинскимъ; отъ предложеній волынской шляхты, готовой подавить козачество, онъ уклоняется; нѣсколько тысячъ войска, постоянно находившагося въ его распоряженіи, не препятствуютъ Наливайку гостить въ Острополѣ; а когда, наконецъ, наступилъ на него Жолковскій, князь Василій садится на коня и, подъ прикрытіемъ гвардіи, ѣдетъ поближе къ сценѣ дѣйствія, для сообщенія своему зятю въ Бѣлоруссію точныхъ свѣдѣній о „началѣ трагедіи между панами жолнерами и паномъ Наливайкомъ“. [3]) Столько было противорѣчій между приходившими къ нему вѣстями, что наконецъ онъ пересталъ вѣрить слышанному дома, и хотѣлъ услышать что-нибудь болѣе положительное на самой аренѣ козацко-шляхетской войны. Что же донесли ему объ избіеніи козацкихъ сотень? Козаки, подъ предводительствомъ двухъ сотниковъ, Марка Дурного и Тата-

---

[3]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2 марта 1596 года.

ринца, были посланы Наливайкомъ въ имѣніе князя Радзивила, Мартиричи, для того, чтобы разорить его и сжечь село, да помѣшала имъ это сдѣлать горілка, которой цѣлую бочку нашли они у арендатора. Во время попойки, ударили на нихъ коронные и панскіе жолнеры. Козакамъ не хотѣла шляхетская молва приписать даже того отпора, о которомъ говоритъ въ своей хроникѣ Більскій. Однакожъ оба сотника пали въ битвѣ, и ни одного плѣнника въ рукахъ у жолнеровъ не оказалось. Слѣдовательно: или храбрые воины рубили мертвецки пьяныхъ людей, точно капусту, или необачные пьяницы предпочли смерть съ оружіемъ въ рукахъ позорному плѣну. Наливайко стоялъ весьма близко, въ селѣ Чорнавѣ. Съ нимъ было, какъ донесли Острожскому, лишь нѣсколько десятковъ козаковъ; однакожъ онъ успѣлъ соединить свои отряды, стоявшіе по сосѣднимъ селамъ, и жолнеры Жолковскаго захватили у него только шесть человѣкъ живыми, въ селѣ Райкахъ, да тридцать козаковъ убили въ самой Чорнавѣ. Войска насчитывали подъ его предводительствомъ не больше тысячи; въ Мартиричахъ и другихъ селахъ побито до трехъ сотъ. Таковы были вѣсти, сообщенныя Острожскимъ князю Криштофу Радзивилу. Онъ прибавлялъ, что жолнеры еще больше разорили панскія села во время перехода, чѣмъ козаки, что въ рѣдкомъ селѣ теперь найдется хоть одинъ конь, и что, чего не взяли въ селахъ козаки, то забрали жолнеры.

Ляхи, на бѣду въ будущемъ, гордились и раззадорились первыми успѣхами. Въ одинъ прыжокъ настигъ бы Жолковскій Наливайка, да только ночь не дала настигнуть. Имя ему было легіонъ: онъ олицетворялъ въ себѣ чувства и желанія людей, которыми предводительствовалъ. Люди готовы были не спать изъ ночи въ ночь, лишь бы доконать козаковъ, но кони нуждались крайне въ отдыхѣ: „претръгоста бо своя бръзая комоня", можно сказать о полякахъ, прискакавшихъ отъ Кременца безъ остановки. Всю ночь уходилъ отъ ляховъ Наливайко, точно игорев-

скій Овлуръ, что бѣжалъ волкомъ, „труся собою студеную росу“. Рано на зарѣ ополяченные потомки „храбрыхъ русичей“ были уже въ погонѣ за своими братьями. Прибѣжали въ Пиковъ, а Наливайко только двумя часами раньше выступилъ изъ Пикова. Однакожъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, не смотря на быстрое отступленіе, онъ шолъ въ большомъ порядкѣ; въ таборѣ у него было до двадцати пушекъ и не мало гаковницъ, а пушкарей, чтобъ не ушли, онъ приковалъ къ пушкамъ. (Такъ говорила молва, которой князь Василій, какъ мы видѣли, пересталъ наконецъ вѣрить.) Пороху, ядеръ и пуль у Наливайка было много. Только лишь отдохнули кони, двинулся Жолковскій далѣе. За Прилукою начинались уже пустыни. Въ густой дубровѣ стоялъ тамъ Наливайко. Началась перестрѣлка; ночь опять не дала разрозненнымъ ксензами братьямъ сцѣпиться. Наливайко снова „потече волкомъ, какъ Овлуръ, труся собою студеную росу“; снова погнался за нимъ польскій Кончакъ, Жолковскій, но погнался не прежде, какъ переночевавши въ густой дубровѣ, откуда ночью выкрались козаки. И до тѣхъ поръ не переставалъ онъ гнаться за козацкимъ Алквіадомъ, „доколѣ коней ему ставало“, по выраженію Більскаго. У Синихъ Водъ бросили поляки свою гонитву. Боялся Жолковскій участи классическихъ героевъ, которые не разъ удостовѣрились горькимъ опытомъ, что въ скиѳскихъ степяхъ мудрено торжествовать надъ скиѳами. Гейденштейнъ говоритъ, что Наливайко остановился въ „уманскомъ лѣсу“. Не въ томъ ли самомъ, гдѣ стояли козаки въ послѣднюю свою войну съ ляхами,—войну, бѣдственную сперва для ляховъ, а потомъ, благодаря историческому невѣжеству эпохи, для козаковъ и украинскаго народа? Если вѣрить доходившимъ до историка слухамъ, пушки затопили козаки въ рѣкѣ, а ядра и порохъ зарыли въ землѣ; и все это, по его словамъ, было найдено жолнерами. Но когда и гдѣ, объ этомъ — ни слова....

Въ то время, когда Жолковскій гнался за Наливайкомъ, Ло-

бода стоялъ у Бѣлой-Церкви, а его товарищъ Савула ходилъ въ Бѣлоруссію собирать вольную и невольную дань на козацкое войско. Дѣло росло незримо, и уже казалось козакамъ, что конецъ войны близокъ; а война только лишь начиналась. Въ жизни Лободы произошло тогда что-то загадочное. Гейденштейнъ разсказываетъ, что онъ, отобравъ себѣ семь сотень отважнѣйшихъ наѣздниковъ, пустился изъ-подъ Бѣлой-Церкви къ Бару, съ намѣреніемъ покарать за что-то пани Оборскую. Жолковскій стоялъ тогда въ Погребищахъ, и Лобода едва не наткнулся на его войско. Вернувшись подъ Бѣлую-Церковь, онъ получилъ отъ короннаго гетмана предложеніе королевской милости и ласки, если козаки опомнятся и не соединятся съ Наливайкомъ; а Наливайко между тѣмъ „вынырнулъ" изъ уманской пустыни и появился подъ Бѣлою-Церковью. Поляки, съ своей стороны, двинулись къ этому городу. Стояли козацкія сотни и въ другихъ мѣстахъ по Украинѣ. Враги назирали другъ друга и готовились къ отмщенію за взаимныя обиды. А новыя, глубокія обиды наносились между тѣмъ безпрестанно и вписывались въ памятную книгу козацкаго сердца, о которомъ сложилось мнѣніе, что оно никогда обидъ не забываетъ.

Такой случай произошолъ, между прочимъ, въ Каневѣ, въ самый день радостнаго для козаковъ праздника Воскресенія Христова. Праздникъ этотъ имѣетъ важное значеніе для народа, который не отъ корсунскаго попа Анастаса, а отъ апостоловъ, просвѣтившихъ Ольгу, воспріялъ всемірную идею спасенія. По случаю этого великаго дня, одинъ изъ украинскихъ Гомеровъ заставилъ невольниковъ еще сильнѣе почувствовать неволю свою у невѣрныхъ. Когда воспѣтая имъ „дівка бранка, Маруся попівна Богуславка", объявила заключеннымъ въ темницѣ козакамъ,

Що сёгóдні у нашій землі християнській Великóдна Субота,
А завтра святый празникъ, рокóвый день Великдень,

то плѣнные, изстрадавшіеся въ тяжкомъ заключеніи козаки

Білымъ лицемъ до сыроі землі припадали,
Дівку бранку,
Марусю попівну Богуславку,
Кляли-проклинали:
„Та бодай же ты, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Якъ ты намъ святый празникъ, рокóвый день Великдень сказала“!

Такъ глубоко чувствовались козаками, въ ихъ особенной, своеобразной религіозности, и святость, и священная красота великаго въ году дня. Козаки, съ своими семьями, окружили каневскую церковь. Тутъ, среди широкихъ размалеванныхъ ковшей съ пасками, съ крашенными яйцами, принесенныхъ на мережаныхъ рушникахъ для освященія, шли цѣлованья между людьми, далекими другъ другу. Имя воскресшаго Христа сближало возрасты, полы, состоянія; не могло сблизить только тѣхъ, между кѣмъ помѣстился ксензъ, гражданинъ не Польши или Руси, а папской области. И вдругъ князь Рожинскій, сынъ того, съ которымъ козаки осаждали Асланъ-Городокъ, князь Вишневецкій, потомокъ того, который висѣлъ на желѣзномъ крюкѣ въ Царьградѣ, татаринъ Темрюкъ, сдѣлавшійся христіянскимъ воиномъ, и русинъ Ходкевичъ, игравшій роль татарина, напали на козаковъ съ своими жолнерами, и вокругъ церкви, воспѣвавшей гимнъ: *просвѣтитесь, людіе*, началась рѣзня между братьями. Сколько надобно было времени, сколько надобно было счастливыхъ, тихихъ, лѣтъ, чтобы забыть кровавый каневскій Великдень! А счастливыхъ, то есть тихихъ, лѣтъ не было вовсе на Украинѣ. Какъ же было козакамъ не быть разбойниками?

Разбойничали обѣ стороны. Однажды, среди ночи, въ Бѣлой-

Церкви, выкрались поляки изъ города въ поле, чтобы неожиданно ударить на козацкій таборъ. Въ ту же самую ночь наготовились и козаки посѣтить въ городѣ поляковъ. Обогнувъ городъ, они тихо вошли въ Бѣлую-Церковь задними воротами, которыя, какъ говорятъ, отворили имъ мѣщане. Въ польскихъ квартирахъ оставались одни слуги, только въ одной было человѣкъ 20 наемныхъ венгровъ. Козаки быстро ихъ опустошили и съ богатою добычею поспѣшили убраться. Но, когда пришли въ свой таборъ, онъ былъ пустъ, безмолвенъ и наполненъ побитыми людьми. Поляки, овладѣвъ таборомъ, погнались за его защитниками; а когда вернулись на свою добычу, вмѣсто добычи нашли козаковъ, дивующихся и скорбящихъ о своихъ братьяхъ. Козаки ударили на враговъ единодушною массою, и недавніе побѣдители насилу спаслись бѣгствомъ въ Бѣлую-Церковь, гдѣ ожидало ихъ зрѣлище совершеннаго козаками разоренія и хищничества. За достовѣрность этого событія ручается то, что оно записано въ лѣтописи польской, хотя полякамъ нечѣмъ было хвалиться.

Вскорѣ потомъ произошла серьозная битва у Наливайка съ Жолковскимъ, въ одной мили отъ Бѣлой-Церкви. Бились до самой ночи; жолнерамъ сильно досталось въ этомъ бою; одна хоругвь была почти вся перебита и потеряла своего ротмистра, Вірника. Ночью Наливайко отступилъ къ Триполю. Тамъ, говоритъ Більскій, козаки отрѣшили его отъ гетманства и выбрали на его мѣсто Лободу; но, вѣроятно, дѣло было такъ, что Лобода и не переставалъ гетманствовать, а когда оба войска соединились, вмѣсто двухъ гетмановъ долженъ былъ начальствовать одинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Наливайко, съ своею отдѣльною дружиною, представлялъ подобіе варяго-русскаго князя и имѣлъ въ Запорожскомъ Войскѣ значеніе „охочаго“ контингента. Козаки двинулись подъ Кіевъ, куда пришолъ и Савула изъ Бѣлорусіи. Рѣшено было уходить за Днѣпръ, и при томъ безъ оглядки. Жолковскій, какъ отличный тактикъ и стратегикъ, былъ козакамъ

не по силамъ. Уходя за Днѣпръ, козаки побросали даже запасы соли въ Трахтомировѣ и Каневѣ. За то забрали съ собой женъ и дѣтей.

Такъ уходили, спустя много времени, жители русской стороны Днѣпра на татарскую послѣ несчастной Хмельнищины, прозванной въ народѣ *Руїною*. Уже тогда, за полъ-столѣтія до Хмѣльнищины, намѣченъ былъ козаками путь въ восточныя пустыни, которыя, можно сказать, не принадлежали еще никому.

И вотъ козаки очутились за Днѣпромъ. Ни Брацлавщина, ни Уманщина не дали имъ пріюта; оставалась еще древняя половецкая земля за Сулою: туда теперь стремились ихъ мысли. Но, покамѣсть, надо было удержать поляковъ отъ переправы. Козаки не оставили позади себя ни одной лодки. Жолковскій расположился обозомъ въ полумилѣ отъ Кіева подъ монастыремъ, собралъ, нѣсколько лодокъ и хлѣбныхъ байдаковъ съ Припяти и Тетерева впадающихъ въ Днѣпръ, а кіянъ заставилъ чинить старыя и строить новыя суда. Онъ лично наблюдалъ за работою. Днѣпръ между тѣмъ очистился отъ льдинъ, и козаки воспользовались водяными своими ресурсами: ихъ човны-чайки (числомъ до сотни), на которыхъ они хаживали въ море, подплыли къ Кіеву, при звукахъ трубъ и литавровъ, чтобы помѣшать работѣ Жолковскаго. Откуда взялась эта флотилія; гдѣ она обыкновенно стояла на Днѣпрѣ, у Черкасъ ли, у Канева, или у Кременчука,— ничего этого мы не знаемъ. Видимъ только, что козаки готовились къ борьбѣ долго и по какому-то общепринятому плану. Но исторія древняго Египта, прочитанная по іероглифамъ, сказывается намъ съ большею объяснимостью, нежели исторія молчаливыхъ нашихъ предковъ, за три столѣтія до насъ. Украинскіе іероглифы мудренѣе египетскихъ.

Предводительствовалъ флотиліею шляхтичъ Каспаръ Подвысоцкій. Жолковскій, пальбою съ высокаго нагорнаго берега, заставилъ ее удалиться. Сухопутные козаки стояли таборомъ на

противоположномъ берегу Днѣпра, чтобы не дать Жолковскому переправиться съ „русскаго“ берега на „татарскій“.

Въ битвахъ и походахъ провели козаки великóдные святки. Въ субботу поляки увидѣли на Днѣпрѣ колоду съ воткнутою въ нее бумагою. То было письмо отъ Лободы къ Жолковскому. Лобода предлагалъ мировую. Въ Ѳомино воскресенье пріѣхалъ съ такимъ же письмомъ козацкій сотникъ, по имени Козловскій. Жолковскій требовалъ: выдать Наливайка и главныхъ виновниковъ бунта, отдать армату, то есть артиллерію, и тѣ иностранныя знамена, подъ которыми козаки сражаются. Въ понедѣльникъ явились два осаула, прося, чтобы гетманъ гнѣвъ свой перемѣнилъ на ласку, однакожъ выдать никого не хотѣли. Въ это время два панскіе пахолка передались козакамъ и извѣстили ихъ, что приближается литовское войско, а каменецкій староста Потоцкій переправляется черезъ Днѣпръ подъ Гострымъ. Жолковскій потребовалъ у козаковъ выдачи пахолковъ, ато задержитъ осауловъ. Козаки никого, кто къ нимъ бѣжалъ, не выдавали; но, чтобы выручить своихъ, тотчасъ велѣли снять головы бѣднымъ пахолкамъ и показали ихъ посланцу Жолковскаго. Вслѣдъ за тѣмъ двинулись шумно (z trzaskiem) въ походъ и „шли таборомъ“, то есть въ войсковомъ порядкѣ, а Лобода и Наливайко остались съ полторы сотнями конныхъ козаковъ на берегу. Сѣвши въ лодку, Лобода одинъ подплылъ къ русскому берегу для переговоровъ. Трактовалъ съ нимъ брацлавскій староста Юрій Струсь, но „не могъ страктоваться“. Вернулся Лобода къ своимъ, и пошли козаки къ Переяславу.

Во вторыхъ начали переправляться на татарскій берегъ поляки, а въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ они шли уже по козацкимъ слѣдамъ. Изъ Переяслава козаки двинулись къ Лубнамъ, съ цѣлью уходить въ степи, лежавшія за Сулою,—въ эту „половецкую землю“, въ эту никѣмъ еще тогда немѣрянную Скиѳію, гдѣ не такъ вѣрно побѣждалъ сильный, какъ выносчивый.

Такъ описалъ, до сихъ поръ, второе козацкое возстаніе нашъ соплеменникъ Іоахимъ Більскій. Онъ, очевидно, расспрашивалъ участниковъ похода весьма тщательно, и передалъ потомству свою лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она была писана,—не такъ какъ Гейденштейнъ, который, въ качествѣ придворнаго, очевидно подгонялъ свой разсказъ подъ высокій стиль Тита Ливія и, для отдѣлки картины, жертвовалъ иногда истиною. Самъ предводитель коронной силы, письмомъ къ Сигизмунду III изъ лагеря надъ Супоемъ, [1]) между Переяславомъ и Лубнями дополняетъ кое-что въ разсказѣ лѣтописца. Простотою и сжатостью разсказа онъ, очевидно, подражалъ комментаріямъ Юлія Цезаря. Въ его письмѣ особенно рельефно выступаютъ наши земляки кіяне. Они и во времена князя Вороницкаго колебались между королемъ и козаками, „яко на Украинѣ“. Теперь, видя, что козаки не удержались на русской сторонѣ Днѣпра противъ королевскаго войска, поспѣшили явить свое усердіе къ законной власти. Когда козаки истребляли позади себя всѣ средства къ перевозу, мѣщане затопили въ Днѣпрѣ часть своихъ лодокъ и, по удаленіи вольныхъ и невольныхъ пріятелей изъ виду, прислужились этими лодками полякамъ. Свѣдавъ объ этомъ на походѣ, козаки вернулись легкимъ таборомъ, съ намѣреніемъ выжечь городъ и разрушить кіевскій за́мокъ, но пришли къ Днѣпру въ тотъ самый день, въ который на кіевскомъ берегу стоялъ уже Жолковскій, именно 11 мая. На другой день

---

[1]) Интересно обстоятельство, что русинъ Жолковскій не умѣлъ повторить русскихъ звуковъ *супой* и означилъ дату своего письма, какъ иностранецъ: „Z obozu nad Sopohem.“ Какой же могъ быть прокъ въ образованности, которая удаляла сильныхъ и вліятельныхъ людей отъ разумѣнія того, что жизнь выработала на ихъ родной почвѣ? Но и въ наше время русская образованность хромаетъ на эту ногу,—хромаетъ до такой степени, что почти считается вреднымъ знать основательно мѣстное нарѣчіе. Люди такихъ понятій не далеко отстоятъ отъ Жолковскаго. Въ теченіе 278 лѣтъ, едвали 278 человѣкъ между земляками этого знаменитаго полководца освободились отъ его гражданскихъ предразсудковъ. Гордость меньше всего должна быть нашимъ порокомъ, за неимѣньемъ чѣмъ гордиться передъ нашими предками и передъ нашимъ потомствомъ.

*

подоспѣло нѣсколько десятковъ морскихъ човновъ козацкихъ, но время для отмщенія было упущено.

Жолковскій писалъ къ королю, что онъ былъ не прочь отъ мирныхъ трактатовъ, предложенныхъ ему, какъ онъ догадывался, не совсѣмъ искренно козаками, лишь бы только не уронить достоинства королевскаго и положить этому дѣлу конецъ. Сперва козаки просили прислать имъ глейтъ, который бы обезпечилъ цѣлость ихъ посланцовъ, но, получивъ глейтъ, потребовали заложниковъ. Какъ военный чиновникъ и королевскій слуга, Жолковскій нашолъ это требованіе несогласнымъ съ достоинствомъ его монарха. Онъ написалъ къ козакамъ, что довольно съ нихъ и глейта, для неприкосновенности ихъ уполномоченныхъ. Козаки не вѣрили польскому пану, имѣя свои на то причины; не захотѣли послать, подъ охраною глейта, уполномоченныхъ, но желали, однакожъ, знать, на какихъ условіяхъ могутъ они быть приняты въ королевскую милость. Посовѣтовавшись съ каменецкимъ старостою Потоцкимъ и съ ротмистрами, бывшими на лицо, Жолковскій послалъ козакамъ условія. Козаки отписали не такъ, какъ того желалъ Жолковскій. Онъ видѣлъ, что трактатами ничего съ ними не подѣлаетъ; онъ началъ помышлять о томъ, какъ бы отвлечь ихъ отъ противоположнаго берега и обезопасить своему войску переправу. Для этого послалъ онъ Потоцкаго съ частью короннаго войска внизъ Днѣпра къ Триполю, чтобы дѣлалъ видъ, будто-бы жолнеры пытаются переправиться съ русскаго на татарскій берегъ, а вслѣдъ за ними послалъ и човновъ штукъ десять, на возахъ. Въ это-то время, весьма не кстати для козаковъ, перебѣжали къ нимъ два пахолка и сообщили ложную вѣсть, будто-бы ляхи переправляются подъ Гострымъ, чтобъ зайти козакамъ въ тылъ. Козаки испугались за своихъ женъ и дѣтей, находившихся въ Переяславѣ вмѣстѣ со всѣмъ войсковымъ добромъ, и очистили мѣсто, удобное для высадки непріятельскаго войска. Въ тотъ же день началъ онъ переправлять свое войско и переправилъ скорѣе

чѣмъ самъ надѣялся,—„по милости Божіей, какъ писалъ набожный гетманъ къ набожному королю, безъ всякой потери.

Козаки, какъ уже сказано, не рѣшились остаться въ Переяславѣ и двинулись къ Лубнямъ, городу князя Вишневецкаго, извѣстному тогда подъ именемъ Александрова. Такъ хотѣли прозвать наши *Лубнї* ополячившіеся, еще до перехода своего въ латинство, князья Вишневецкіе, по имени основателя Лубень на старомъ городищѣ, которое, какъ видно, не подъ силу было Байбузѣ удержать противъ сосѣднихъ москалей, простиравшихъ свои претензіи на древнее Посуліе, противъ татаръ, желавшихъ, чтобы степи стлались какъ можно шире, а можетъ быть, и противъ самого Александра Вишневецкаго. [1]) Могущественные Вишневецкіе намѣрены были утвердиться здѣсь на вѣки. Они думали, что „селенія ихъ будутъ въ родъ и родъ“ на Посуліи; „нарекоша имена своя на земляхъ.“.... Но „человѣкъ въ чести сый не разумѣ.“ Не разумѣли Вошневецкіе, что, кто хочетъ захватить себѣ все и не дать меньшимъ братьямъ ничего, тотъ „приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.“

Иначе думали тѣ, которые, во имя высшей культуры, гнали родныхъ дѣтей русской земли въ половецкія степи. Имъ грезилась безсмертная слава въ потомствѣ; имъ грезилось обезпеченіе наслѣдниковъ своихъ во вѣки и вѣки. Вышло напротивъ: слава досталась въ удѣлъ безславнымъ, а земля — безземельнымъ.

Выходъ изъ Лубень на лѣвый берегъ Сулы былъ тогда, какъ и нынѣ, черезъ длинный мостъ, который въ тѣ времена, болѣе нашего обильныя озерами, рѣчными заточинами и топями, составлялъ весьма важное сооруженіе. Перейди козаки во время за Сулу и уничтожь позади себя мостъ, — конецъ походу противъ нихъ наступилъ бы не скоро. Но Жовковскій провѣдалъ, а можетъ быть и прежде зналъ, о существованіи другой переправы черезъ

[1]) См. томъ I, примѣч. къ стр. 144.

Сулу, — той переправы, которою воспользовался литовскій князь Витовтъ послѣ несчастной битвы съ татарами надъ Ворсклою, въ 1399 году. Она находилась у села Горошина, верстахъ въ 20 ниже Лубень, гдѣ Сула, разливаясь въ широкія заточины, дѣлается мелководною. Будущій полководецъ арміи, наполнившей смутою и руинами все Московское царство, какъ видно, разумѣлъ хорошо кровавое ремесло свое. Онъ заблаговременно послалъ въ обходъ значительную часть короннаго войска, чтобъ она заняла на Сулѣ мостъ и не пустила козаковъ изъ Лубень въ степи. Это важное дѣло поручилъ онъ брацлавскому старостѣ Струсю, который дождался наконецъ возможности отомстить козакамъ за Брацлавское стардство. Вмѣстѣ съ Юріемъ Струсемъ посланы были князь Рожинскій и Михайло Вишневецкій. Воспоминаніе о Витовтѣ придало Струсю увѣренности въ исполненіи трудной задачи — совершить переходъ черезъ широкую водянистую равнину съ тяжелымъ войскомъ и артиллеріей; онъ совершилъ его съ рѣдкимъ успѣхомъ. Рыбачьи лодки и вязанки очерету послужили ему для переправы людей и обоза, а лошадей пускали жолнеры вплавь.

Козацкія чаты не предполагали и возможности чего-либо подобнаго: все ихъ вниманіе было обращено на тотъ шляхъ, который велъ въ Лубни изъ Переяслава. Чтобъ задержать козаковъ по сю сторону Сулы подольше, Жовковскій открылъ съ ними переговоры черезъ Галицкаго каштеляна, „стараго пріятеля ихъ“. Козаки всегда имѣли между польскою пограничною знатью такъ называемыхъ „пріятелей“, которые въ мирное время вели съ ними выгодную мѣновую торговлю, получали отъ нихъ за свои продукты, въ особенности за борошно,—воловыя шкуры и лошадей, „татарское и турецкое добро“, иногда выигрывали у нихъ въ карты плѣнныхъ татарскихъ мурзъ и представляли королю, какъ трофеи собственныхъ подвиговъ, а въ войнахъ пановъ съ козаками служили полезными для панской, но всегда вредными для козацкой,

стороны посредниками между двумя лагерями. Присутствіе въ таборѣ женъ и дѣтей располагало многихъ козаковъ къ мирному трактату. Лукавый, хоть и старинный, ихъ пріятель предлагалъ имъ выгодныя условія, на которыхъ они могли помириться съ королемъ,—предлагалъ тѣмъ щедрѣе, что его обѣщанія, по обычной у поляковъ практикѣ, не считались обязательными для Жолковскаго. Козаки, что̀ называется, развѣсили уши и простояли въ Лубняхъ столько времени, что Струсь успѣлъ заступить имъ дорогу въ степи.

По разсчету времени, потребнаго для далекаго и труднаго обхода, который былъ порученъ надежному соратнику, Жолковскій прервалъ заманчивые для козаковъ переговоры и быстро двинулся къ Лубнямъ. Теперь онъ былъ сильнѣе прежняго: къ нему 24 мая за Переяславомъ подоспѣлъ на подмогу князь Богданъ Огинскій, главный начальникъ литовскаго войска. Козаки начали отступать через мостъ, но не успѣли еще переправить всего своего обоза, какъ показалась „передняя стража" Струсева войска, или, какъ говорится нынче, авангардъ, подъ предводительствомъ пана Білецкаго. Білецкій былъ одинъ изъ множества „chudych pachołków poczciwych", между шляхтою, о которыхъ говоритъ Папроцкій, какъ о людяхъ, обучавшихся въ Запорожскомъ Войскѣ „рыцарскому порядку и дѣятельности". [1]) Полякамъ подобные псевдо-козаки служили самыми лучшими орудіями для подавленія бывшихъ соратниковъ ихъ, такъ точно, какъ туркамъ—потурнаки. Наступившая ночь помѣшала пану Білецкому сдѣлать нападеніе. Мѣстность была незнакома полякамъ; кругомъ виднѣлись густыя заросли, среда рѣчныхъ заточинъ и озеръ; Білецкій боялся засады. На разсвѣтѣ козаки принялись было уже жечь оставленный позади себя лубенскій мостъ; но Бі-

---

[1]) См. т. I, примѣч. къ стр. 69.

лецкій прогналъ зажигателей, исправилъ поврежденное мѣсто и вошолъ въ городъ.

Козаки расположились таборомъ верстахъ въ пяти отъ Лубень, за Сулою, на урочищѣ Солóницѣ. Они все еще не догадывались, что очутились между двухъ огней, и, увидя вдали передъ собою пыль, думали, что идутъ татары. Это былъ грозный своею неожиданностію Струсь. Оставалось или броситься въ степи, или окопаться на мѣстѣ. Въ степяхъ коронное войско легко могло отнять у козаковъ воду; здѣсь низменная мѣстность болѣе благопріятствовала козацкой тактикѣ. Рѣшились окопаться. Впрочемъ, по словамъ Більскаго, козакамъ прегражденъ былъ путь къ выходу въ степи, такъ что никакого выбора имъ не осталось! Искусная стратегія Жолковскаго торжествовала надъ сіромахами. Теперь настала очередь его тактики, которая памятна и нашимъ братьямъ москалямъ по Клушинской битвѣ, доставившей Ляху случай узнать въ Кремлѣ, *по чимъ ківшъ лиха*!

Условленный выстрѣлъ изъ пушки далъ знать Жолковскому въ Лубняхъ, что Струсь занялъ свою позицію. Козаки до того потерялись, что допустили письменное сообщеніе между двумя полководцами. Жолковскій приказалъ Струсю открыть съ ними переговоры, пользуясь близкимъ знакомствомъ съ Лободою, но отнюдь не начинать никакого боя. Козаки все еще надѣялись на мирныя соглашенія съ Жолковскимъ, которому не разъ дали почувствовать на русскомъ берегу Днѣпра, что бой можетъ быть сомнителенъ на обѣ стороны. Но Жолковскому нужно было только выиграть время. Онъ, по своимъ предкамъ и мѣсту рожденія, былъ также русинъ, слѣдовательно человѣкъ столько же хитрый, сколько и завзятый.

Коронное войско, съ торжественнымъ спокойствіемъ сильнаго, прошло по лубенскому мосту и, безъ всякой со стороны козаковъ помѣхи, расположилось противъ козацкаго табора такъ, чтобы, стоя отдѣльно отъ Струсева лагеря, отрѣзать козаковъ отъ

пастбищъ и отъ рѣки, а между тѣмъ имѣть полную возможность сообщаться между собою и помогать другъ другу. Такъ говоритъ Гейденштейнъ. Більскій пишетъ, что козаки одною стороною своего табора примыкали къ непроходимымъ болотамъ рѣки Сулы, а кругомъ обступили ихъ враги козачества въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ одной стороны стояли: Струсь, князь Кириллъ Рожинскій и Вишневецкій, съ ротами: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра Собіскаго, Чариковскаго, Брекеша, Горностая и съ остаткомъ роты Вірниковой, которая потеряла своего ротмистра въ битвѣ подъ Бѣлою-Церковью. Всѣхъ было больше тысячи коней, какъ гусаръ, такъ и козаковъ, то есть легко вооруженныхъ всадниковъ. Съ другой стороны стоялъ гетманъ съ своею ротою и съ своимъ полкомъ, въ которомъ были роты: Щаснаго-Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота подъ начальствомъ венгерца Лепшена, — всего до полуторы тысячи. Другой стоявшій съ этой стороны полкъ каменецкаго старосты Потоцкаго заключалъ въ себѣ роты: Стефана Потоцкаго, Якуба Потоцкаго и Яна Зебжидовскаго, князя Порыцкаго, Даниловича, Гербурта, двоихъ Пшеремბскихъ, Плесневскаго, Уляницкаго, — всего тринадцать сотень. Тамъ же стоялъ и князь Огинскій съ Литовскимъ войскомъ своимъ, котораго было одиннадцать сотень коней. Наконецъ, съ третьей стороны стояла обыкновенная стража. Я вызвалъ всѣхъ на перекличку, для славы или безславія, какъ угодно кому разумѣть козацко-шляхетское дѣло.

Козаки отаборились въ четыре ряда возами и фургонами, а кругомъ окопались рвомъ и валомъ; такъ что возы за нимъ скрылись. Въ воротахъ насыпали они высокія горки и поставили на нихъ свои *гармáты*, а внутри табора подѣлали высокіе зрубы, и наполнили землею, чтобы стрѣлять съ нихъ подальше изъ гарматъ. Такъ описалъ ихъ таборъ Більскій, конечно со словъ очевидцевъ.

Въ тотъ періодъ своего образованія, болѣе нежели когда либо, козачество держалось пріемовъ татарской тактики, основаніемъ которой служила быстрота передвиженій. Главную военную статью составляли у нихъ кони, которые въ безлюдномъ краю, среди рѣдко разсѣянныхъ номадовъ, служили козакамъ пищею, такъ же какъ и татарамъ. На этой статьѣ сосредоточилъ Жолковскій все свое вниманіе. Вмѣсто того, чтобы ломиться въ козацкій таборъ, онъ посылалъ небольшіе отряды войска отбивать у козаковъ пáшу. По этому поводу ежедневно завязывались битвы, въ которыхъ, по словамъ Гейденштейна, поляки брали всегда перевѣсъ надъ козацкимъ многолюдствомъ своею отвагою и дисциплиною. Козаки, послѣ первой стычки, обыкновенно уходили къ своему становищу, но тамъ оборачивались на разгоряченнаго преслѣдованіемъ врага, и часто знатные паны доставляли осажденнымъ отраду своею гибелью. Такъ протекло четырнадцать дней, тяжелыхъ и для осаждающихъ. Коронное войско было постоянно подъ оружіемъ, кони—подъ сѣдломъ; живность привозили издалека, и потому она продавалась дорого. Но призъ былъ такъ интересенъ для жолнеровъ, что всѣ труды и неудобства своего положенія сносили они безъ малѣйшаго ропота.

Собственно говоря, какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ козацко-шляхетскихъ войнахъ, рѣшался вопросъ не столько государственный или международный, сколько соціальный, и притомъ совершенно мѣстный. Начиная съ коренныхъ гетмановъ и главныхъ ихъ подручниковъ, Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Струсей и пр. и пр., такъ называемое польское войско состояло, во первыхъ, изъ русскихъ землевладѣльцевъ, а во вторыхъ, изъ набранныхъ почти исключительно тутъ же на Руси рейтаръ, драгунъ, панцырниковъ, гусаръ и панскихъ козаковъ, съ придачею нанятой за русскія деньги нѣмецко-венгерской пѣхоты и управляемой нѣмцами артиллеріи. Все дѣло состояло въ томъ: быть, или не быть польскому праву въ русской землѣ? Польское

право доставляло толпѣ русскихъ, частію польскихъ и частію чужеземныхъ наемниковъ легкій и лакомый хлѣбъ, за труды и опасности, услаждаемые попойками и бравурствомъ, не говоря уже о нанимателяхъ, которые играли роль государей среди земляковъ своихъ. Основанный на принципѣ панскаго полноправства порядокъ нравился всѣмъ имъ, и потому считался неприкосновеннымъ; все устроилось этимъ порядкомъ какъ-будто нерушимо во вѣки,—и вдругъ толпа низовыхъ кочевниковъ заявляетъ о какомъ-то другомъ порядкѣ, основанномъ на иномъ принципѣ, да и заявляетъ-то прежде всего безпорядкомъ, разореніемъ сельскаго хозяйства, опустошеніемъ панскихъ домовъ, этихъ благодатныхъ пріютовъ балагурной шляхты, въ которыхъ, по выраженію шляхетскаго поэта, „погребъ, какъ панское сердце, было вѣчно открытымъ". [1]) Въ этой толпѣ оборвышей и грубіяновъ, подъ козацкимъ кобенякомъ, скрывалось много шляхты, или разорившейся вслѣдствіе неумѣреннаго гостепріимства, этой болѣзни стараго добраго времени, или изгнанной съ безчестіемъ за нешляхетскія дѣла, къ которымъ причислялись, между прочимъ, занятія чорною работою, ремесломъ, крамарствомъ, или же осужденной на смерть, иногда за вспышку противъ панской наглости, и потому, по выраженію Гейденштейна, „жаждущей мщенія". Все это были измѣнники и мятежники въ глазахъ пановъ, которые сами были измѣнники народу своему, которые отняли у *народа* и самое имя его. Ale mniejsza o to, какъ говорятъ поляки. Да и наши россіяне обращали вниманіе въ козацко-шляхетскихъ войнахъ вовсе не на это. Козаковъ, по сравненію съ панами или ихъ ролью, можно бы считать патріотами; но для патріотизма, равно какъ и для всякой высшей идеи, на примѣръ идеи религіозности, не доставало имъ соотвѣтственной культуры. На своемъ уровнѣ соціальнаго развитія, козаки были военные

---

[1]) I loch, jak serce pańskie, był zawsze odwarty. *Malczewski*.

промышленники, не болѣе. Они явились историческою варіацiею канувшихъ, такъ сказать, въ „рѣку временъ“ варягоруссовъ, которымъ въ ихъ промыслѣ служилъ тотъ же „обычный шляхъ“, чтò и козакамъ, и которые такъ мало выработали для успѣховъ человѣчности. Больше ли выработали украинскiе козаки, еще не опредѣлилось.

Отаборившись на Солóницѣ, козаки ни откуду не ждали подмоги. Предводитель ихъ водяной арміи, Подвисоцкiй, старался всѣми силами подать имъ помощь, но польскія чаты не теряли его изъ виду, и самъ онъ едва не попалъ имъ въ руки. Много было у нихъ раненныхъ, много убитыхъ; кони дохли съ голоду; съѣстныхъ припасовъ не ставало; соли не было вовсе. Множество людей разбѣжалось. Остальные не имѣли взаимной вѣры.

Отсюда родились раздоры, которые Жолковскiй, будущiй сѣятель смутъ московскихъ, разжигалъ систематически. Онъ постоянно велъ переговоры съ однимъ Лободою. Низошедшая самою силою вещей на второстепенный уровень Наливайкова партія заподозрила Лободу въ продажности. Лобода былъ убитъ; на его мѣсто выбрали какого-то Кремпскаго. Сторонники Лободы злились на Наливайковцевъ; въ таборѣ происходили кровавыя сцены, а Жолковскiй, между тѣмъ, безпрестанно громилъ обозъ изъ пушекъ. Люди и кони падали. Лѣто было горячее; трупы заражали воздухъ. Козаки изнемогали тѣломъ, а еще больше—духомъ: съ ними рядомъ валились мертвыя и раненныя женщины и дѣти. Трагическая сцена! страшный посѣвъ непримиримой вражды на будущее время! Чтò могло выйти изъ дѣтей, уцѣлѣвшихъ отъ солоницкаго побоища, какъ не такiе люди, о которыхъ говоритъ Кадлубекъ, что они жаждали одного только—утопить свое закоренѣлое, бѣшенное мщенiе въ польской крови? Подъ Лубнями на Солоницѣ выковывались ужасающiе человѣческое сердце герои Хмельнищины. Подъ Лубнями на Солоницѣ набирались ляхи того безумія, къ которому всегда приводитъ человѣка зрѣлище про-

литой имъ крови брата его. Но на могилѣ роскошнѣе ростутъ цвѣты: въ солоницкой трагедіи есть и отрадная мысль: этой трагедіей расторгалась та связь, которая держала южно-русскій міръ въ отрозненности, — расторгалась безповоротно. Погибая подъ Лубнями, мы спасали свою будущность, какъ народъ, какъ нравственно-самодѣятельная семья среди лучшихъ семей человѣческихъ; мы спасали не одну собственную нравственную самобытность, но и политическую самобытность всего великаго, нынѣ нераздѣльнаго, русскаго міра. Таковъ смыслъ „козацкихъ разбоевъ", извращаемый московскими исторіографами.

Козаки, за своими окопами, покопали такъ называемые по-польски долы; въ нихъ засѣдала пѣхота и не давала ружейною пальбою доступу къ окопамъ. Ночью поляки не имѣли минуты покоя: со всѣхъ сторонъ врывались къ нимъ отчаянные люди, о которыхъ сложилась даже легенда, что они оживаютъ до девяти разъ: девять разъ долженъ былъ ляхъ убить козака, и тогда только завзятая козацкая душа разстанется на вѣки съ тѣломъ. Поэтому въ таборѣ Жолковскаго спала только третья часть войска: двѣ трети постоянно держали подъ сѣдломъ коней, которые уже почти что отказывались служить изнуреннымъ жолнерамъ. Днемъ происходили неожиданныя явленія. Въ то время, когда козацкій таборъ колебался уже и, по видимому, готовъ былъ сдаться, изъ него выходилъ отрядъ завзятыхъ и врѣзывался въ польское войско. Такой случай записанъ въ лѣтописи Бѣльскаго подъ 28 числомъ мая. Козаки выхватили двоихъ пановъ изъ-среди ихъ товарищей и тотчасъ одного посадили на колъ передъ своими окопами, а другого четвертовали. Венгерская пѣхота служила сильной подмогой панамъ: наемники-чужеземцы выносили обыкновенно на себѣ такъ называемый импетъ козацкій, и бывали случаи, что погибали подъ ихъ ударами за однимъ разомъ всѣ до послѣдняго. Подъ Лубнями они оборонялись удачно, и не разъ гоняли козаковъ къ окопамъ. Почти на каждый часъ приходилось по одной вылаз-

кѣ изъ козацкаго табора. Наконецъ поляки обступили таборъ на коняхъ и, очередуясь, цѣлую недѣлю не сходили съ сѣделъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Дѣло въ томъ, что козакамъ не давали уйти въ „поле незнаемо", въ средину „земли половецкія". У Наливайка былъ свой отдѣльный полкъ, вѣроятно, изъ острожанъ; съ этимъ полкомъ онъ могъ вырваться въ поле, какъ сдѣлалъ, черезъ 42 года, на Сулѣ Остряница. Штурмомъ невозможно было взять козацкаго табора: онъ былъ хорошо укрѣпленъ, а у поляковъ мало было пѣхоты, да и пушки ихъ были мелкокалиберныя. Жолковскій послалъ въ Кіевъ за большими пушками. Когда ихъ привезли, 4-го іюня открыта пальба съ одной стороны изъ кіевскихъ замковыхъ, а съ другой — изъ полевыхъ пушекъ. Кстати подъѣхалъ еще родственникъ князя Острожскаго, князь Заславскій съ тремя сотнями свѣжей конницы. Два дня пальба не умолкала. Отняли поляки у козаковъ и воду и дерево, такъ что они довольствовались копанками, а пищу готовили подъ фургонами на щепкахъ изъ раздробленныхъ возовъ. Потомъ полковники польскіе, собравъ свое рыцарство, предложили ему идти на приступъ въ первыхъ рядахъ, такъ какъ пѣхоты было мало. Рыцарство не отказалось нанести послѣдній ударъ козацкой гидрѣ,—послѣдній, по мнѣнію современныхъ поляковъ, первый въ глазахъ пострадавшаго за него потомства ихъ. И вотъ, отсѣкши древка копій своихъ по шарикъ, устроили себѣ польскіе ветераны такъ называемые дарды. Половина каждой роты жолнерской приготовилась такимъ образомъ къ приступу, который былъ назначенъ на утро 7 іюня. Готовилась *облава* на дикихъ звѣрей, въ полномъ смыслѣ слова, такая точно, какія впослѣдствіи устраивалъ на польско-русскую шляхту ученикъ іезуитовъ и ясновельможныхъ пановъ, Богданъ Хмельницкій, который въ то время еще не родился, который въ то время еще только создавался въ озлобленной душѣ козацкой, какъ идеалъ того варварства, до котораго были доведены меньшіе братья шляхетскіе. Кругомъ всего солониц-

каго табора стояли конные паны, сторожа, чтобъ не ушла добыча, а вѣрные „британы“ готовы были броситься въ звѣриную берлогу. Видя погибель прямо передъ глазами, козаки „шумно согласились“ на предложенныя имъ прежде условія, то есть, чтобы выдать своихъ предводителей: Наливайка, Савулу и Шостака. Наливайко оборонялся и хотѣлъ вырваться съ своими дружинниками изъ окоповъ. Передъ вечеромъ слышенъ былъ полякамъ страшный крикъ въ козацкомъ войскѣ: то бились козаки съ козаками. Поляки, сѣвъ на коней всѣ, сколько у нихъ было конныхъ людей, приступили къ табору и держали его въ сомкнутой цѣпи, чтобъ не ушолъ „измѣнникъ Наливайко“. Рѣзкіе звуки боевыхъ трубъ и зловѣщій звонъ походныхъ бубновъ сливались въ дикую гармонію съ крикомъ, который несся изъ-за козацкихъ окоповъ. Наконецъ привели Наливайка къ Жолковскому: даръ страшный по своимъ послѣдствіямъ! Есть имена, которыя, принадлежа даже ничтожнымъ личностямъ, дѣлаются кличемъ кровавой бѣды и внутреннихъ смутъ на много поколѣній. Таково было имя Наливайка; таковы были имена Отрепьева, Хмельницкаго, [1]) Стеньки Разина, Мазепы, Пугачова. Зло заклю-

[1]) Читатель можетъ недоумѣвать, найдя „козацкаго батька“ въ такомъ сообществѣ, но лучшаго онъ не заслужилъ у трезваго потомства. Онъ цвѣтущій край нашъ превратилъ въ пустыню, засыпанную пепломъ и засѣянную костями нашихъ предковъ. Онъ надолго пріостановилъ успѣхи культуры въ нашей сѣверной Славянщинѣ. Онъ пріостановилъ и школьное просвѣщеніе, доведя его до того, что уже и полковники, эти герцоги полновластнаго украинскаго владыки, не умѣли подписать великаго договора собственною рукою. Если мы не имѣемъ другого „Слова о Полку Игоревѣ“ и другой „Лѣтописи о томъ, откуду пошла есть земля Русская“, то, безъ сомнѣнія, этимъ обязаны больше всего Хмельницкому. А что онъ присоединилъ отрозненную Русь къ Московскому царству, такъ эту заслугу могутъ приписывать ему одни дѣти, да еще развѣ баюкающія дѣтей бабы. Онъ *не могъ не присоединить*; его принудили присоединить: принудила его къ этому сила вещей, выковавшая украинскую націю, и сама украинская нація, начинавшая уже и тогда проклинать его, какъ впослѣдствіи проклинала Мазепу. Наконецъ, умирая, кого назначилъ онъ своимъ преемникомъ? Слабоумнаго сына, о которомъ даже кобзарская дума говоритъ, что онъ „и роз-

чается не въ самихъ личностяхъ, означенныхъ такими именами: не заслуживаютъ онѣ даже и этой печальной чести. Зло заключается въ обществѣ, которое сдѣлало ихъ органами своихъ пороковъ, и въ обстоятельствахъ, которыхъ вывѣскою служатъ для насъ ихъ имена, прославленныя, или опозоренныя историками. Во всякомъ случаѣ, развитое высшею культурою человѣчество домогается отъ исторіи вѣрныхъ портретовъ каждаго изъ враговъ своихъ, смотритъ на воспроизведенныя строгою музою Кліо черты съ любопытствомъ, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ, наконецъ предаетъ ихъ проклятію, которому имя — забвеніе.

Мудро сказалъ кто-то изъ древнихъ: что боги иногда во гнѣвѣ своемъ исполняютъ желанія смертныхъ. Божество Польши, въ минуту перваго полнаго торжества поляковъ надъ козаками, было самымъ коварнымъ божествомъ... На утро обѣщали козаки выдать остальныхъ „зачинщиковъ бунта", обѣщали отдать армату и знамена, обѣщали отпоясать сабли и дать присягу на вѣрность, лишь бы только позволено было имъ разойтись по домамъ. Но зрѣлище пролитой крови обезумило Жолковскаго: онъ потребовалъ, чтобы сперва каждый панъ взялъ изъ-среди козаковъ каждаго своего подданнаго, то есть козака, по польскому праву, считавшагося подданнымъ даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ пять лѣтъ назывался *непослушнымъ*, пять лѣтъ принадлежалъ къ составу вольнаго рыцарства, пять лѣтъ оборонялъ колонизацію Украины отъ постоянныхъ враговъ ея. Это былъ моментъ величайшаго позора для ляховъ, которые за подобные поступки получили отъ русскаго народа историческій эпитетъ

умомъ слабе́нький, та й тіломъ недугу́е". Назначилъ онъ того „Хмельниче́нка Юрася", за котораго, по народной пословицѣ, „пуста́ стала Украіна, звелася". Проклятія украинскаго народа покарали Богдана Хмельницкаго въ сынѣ: отецъ началъ свое военное поприще тѣмъ, что привелъ враговъ святого креста въ Украину, а сынъ кончилъ полнымъ предательствомъ Украины врагамъ христіянства, и самъ сдѣлался потурнакомъ. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить обо всемъ этомъ и о многомъ еще другомъ подробно.

безмозглыхъ, и величайшаго торжества народнаго дѣла русскаго. Тѣ, которые своими руками выдали Наливайка, въ отвѣтъ на требованіе выдать имъ подданныхъ панскихъ, сказали: „Нѣтъ, мы будемъ обороняться!“ — „Обороняйтесь“, лаконически отвѣчалъ реалистамъ классикъ. Въ ту же минуту бросились поляки, безъ команды, на таборъ, такъ что козаки не успѣли ни построиться, ни схватить оружіе, „и такъ ихъ немилосердо сѣкли“, пишетъ ополяченный братъ нашъ, „что на милю или и больше лежали трупы на трупахъ. Было ихъ въ таборѣ съ женами и дѣтьми тысячъ десять, а ушло съ Кремпскимъ не болѣе полуторы тысячи“. Досталось побѣдителямъ 24 пушки и немало другого огнестрѣльнаго оружія; достались имъ и всѣ знамена, въ томъ числѣ и тѣ, которыя козаки заслужили своими подвигами противъ татаръ и турокъ.

Такъ описано это великое событіе у Більскаго, которому и въ польской его шкурѣ все еще былъ милъ отцовскій девизъ его: „Нѣтъ ума противъ правды“. Гейденштейнъ имѣлъ возможность разспросить у самого Жолковскаго, какъ происходило дѣло, и однакожъ, не зная конечно о работѣ Іоахима Більскаго, далъ своему панскому обществу другую версію лубенскаго событія. Онъ смягчилъ ужасныя черты трагедіи и заключилъ свое описаніе слѣдующимъ разсказомъ.

„Многіе изъ нашихъ совѣтовали, для примѣра и острастки на будущее, вырѣзать козаковъ до послѣдняго; но Жолковскій боялся довести козаковъ до отчаянія, въ видахъ пощады собственнаго войска. Ему памятна была упорная защита ихъ подъ Острымъ Камнемъ на русскомъ берегу Днѣпра. Козаковъ оставалось въ таборѣ все еще до 8.000, не считая женщинъ и дѣтей. Жолковскій предписалъ имъ слѣдующія условія капитуляціи: 1) тотчасъ разойтись по домамъ и никогда безъ королевскаго позволенія не собираться; 2) выдать зачинщиковъ бунта, по его указанію, вмѣстѣ съ хоругвями и другими войсковыми знаками,

присланными имъ иноземными монархами а также пушки, ядра, порохъ и другіе военные снаряды; 3) вернуть все, что награбили, а войсковой свой скарбъ отдать королевскому войску; 4) освободить всѣхъ плѣнниковъ. Условія эти (заключаетъ свой разсказъ Гейденштейнъ) были немедленно выполнены. Козаки выдали своихъ предводителей и разошлись во всѣ стороны. Жолковскій предоставилъ Кремпскому распустить и отвести своихъ домой".

Но за то польскій историкъ прибавилъ весьма важное обстоятельство, оставленное лѣтописцемъ безъ вниманія. Козацкій скарбъ жестоко обманулъ надежды побѣдителей: онъ состоялъ большею частію изъ такъ называемаго въ украинскихъ народныхъ думахъ „турецкаго добра", цѣнимаго козаками высоко, какъ память ихъ походовъ на грознаго всему христіянскому міру врага, но шляхтою оцѣненнаго всего въ 4.000 злотыхъ. Этою ничтожною добычею далеко не вознаграждались потери, понесенныя жолнерами въ настоящемъ изнурительномъ и кровавомъ походѣ. Коронное войско заявило свои претензіи шумнымъ ропотомъ. Жолковскій насилу усмирилъ мятежъ диктаторскою строгостью, которая предоставлялась ему закономъ на время похода.

Королевскій мечъ, которымъ паны постоянно грозили козакамъ, не досягнулъ на этотъ разъ Подвысоцкаго, державшагося на Днѣпрѣ съ козацкими чайками. У Жолковскаго не было никакихъ судовъ для его преслѣдованія. По словамъ польскаго историка, война съ козаками покрыла славою предводителя войска и войско польское. Чтобъ не уменьшить сіянія славы, Жолковскій поручилъ черкасскому подстаростію уговорить Подвысоцкаго пріостановить разореніе панскихъ имѣній, которымъ тотъ занимался, яко козацкимъ промысломъ и ремонтировкою. Письмо Жолковскаго было сообщено предводителю козацкаго флота, и онъ отвѣчалъ на него Жолковскому обычнымъ въ козакахъ выраженіемъ покорности, которое такъ удивляетъ насъ въ письмахъ Богдана Хмельницкаго къ вельможнымъ панамъ даже послѣ побѣдъ надъ ними.

Низкопоклонной учтивости научила козаковъ польская шляхта; отвагу и предпріимчивость внушало имъ невозможное, по козацкому толку, положеніе дѣлъ въ шляхетской республикѣ. Слышно было о Кремпскомъ, что онъ съ своими недобитками удалился за Пороги, гдѣ „на куренѣ", какъ выражались козаки, сидѣло около пяти сотъ козаковъ. Онъ держалъ себя смирно и „złości żadney potym nie wyrządzał", [1]) говоритъ Більскій.

А Наливайка (продолжаетъ польскій лѣтописецъ) велѣлъ гетманъ оковать и послалъ королю вмѣстѣ съ шестью другими разбойниками, которыхъ вскорѣ потомъ обезглавили; Наливайка же держали до самаго сейма. Панская Немезида требовала кровавой жертвы въ присутствіи жрецовъ своихъ. Послѣ сейма, Наливайку отрубили голову, потомъ четвертовали, и четверти развѣсили. „Była to osoba krasna", замѣчаетъ лѣтописецъ, „mąż ktemu nie leda, by to był na dobre obracał, co mu Bóg dał; do tego puszkarz znamienity". [2])

Но казнь, успокаивающая, въ подобныхъ случаяхъ, безумное волненіе толпы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ панской республики, возымѣла дѣйствіе противоположное. Противники уніи тотчасъ же примѣнили къ Наливайку классическую легенду о быкѣ Фалариса и распространили въ Украинѣ слухъ, что Наливайко сожженъ панами *у мідяному волу*. Въ козацкихъ „хроничкахъ", писанныхъ людьми духовными обыкновенно лаконически, вѣроятно, страха ради польска, онъ, такъ же какъ и Косинскій, былъ представленъ мученикомъ за древнее благочестіе. При отсутствіи у насъ исторической критики, украинскіе бытописатели до послѣдняго времени поддерживали въ своихъ еще менѣе развитыхъ читателяхъ убѣжденіе, будто-бы козаки уже со временъ Косин-

[1]) Никакого зла потомъ не творилъ.

[2]) Это былъ красавецъ, и притомъ человѣкъ не изъ обыкновенныхъ, еслибъ только обращалъ на добро то, что далъ ему Богъ, а въ добавокъ—отличный артиллеристъ.

скаго и Наливайка отстаивали вопросъ религіозный, что̀—сказать мимоходомъ—принесло бы не столько славы козацкой общинѣ, сколько вреда успѣхамъ просвѣщенія и мирной гражданственности. Это конечно была болтовня, не очень вредная для нашего сравнительно просвѣщеннаго времени; но легенды о замурованіи Косинскаго въ каменномъ столбѣ и сожженіи Наливайка въ мѣдномъ быкѣ произвели много серьозныхъ смутъ во времена оны, чему свидѣтельствомъ можетъ служить одно то, что православіе, прозвано, въ противномъ лагерѣ, Наливайковою сектою, а всѣ православные—Наливайками. Наконецъ все, по видимому, улеглось въ кровавыхъ, или хоть и не кровавыхъ, но полныхъ горечи могилахъ: прерѣканія и ядовитые докоры съ обѣихъ сторонъ умолкли; самыя могилы враждовавшихъ за церковь и за церковныя имущества забыты, сглажены, застроены домами, засажены садами, засѣяны хлѣбомъ насущнымъ.

But words are things, and a small drop of ink,
Falling like dew upon a thought, produces
That which makes thousands, perhaps millions, think.
'T is strange, the shortest letter which man uses,
Instead of speech, may form a lasting link
Of ages: to what straits old Time reduces
Frail man, when paper—even a rag like this—
Survives himself, his tomb, and all that's his. [1])

Сказанное въ этихъ стихахъ великимъ человѣкомъ относится не къ однимъ произведеніямъ поэзіи: лѣтописныя сказанія дѣйствуютъ, въ свою очередь, могущественно, и, увы! не однѣ только

[1]) Но слова—это дѣла, и маленькая капля чернилъ, упавъ росою на мысль, заставляетъ задумываться тысячи, можетъ быть, милліоны. Не странно ли, что нѣсколько написанныхъ буквъ, вмѣсто устной рѣчи, образуютъ прочное звено, соединяющее вѣка! До чего уничижаетъ время человѣка, когда лоскутокъ бумаги, тряпка, подобная вотъ этой, переживаетъ его самого, его гробницу и все, что̀ принадлежитъ ему!

истинныя. Давно похороненное встаетъ изъ гробовъ силою озареннаго новымъ свѣтомъ лѣтописнаго слова и вмѣшивается въ жизнь и дѣла новыхъ поколѣній неотразимо. Нелѣпымъ легендамъ, въ родѣ замурованія одного гетмана въ каменномъ столбѣ и сожженія другого въ мѣдномъ быкѣ, обязаны мы появленіемъ въ прошломъ столѣтіи рукописи, сдѣлавшейся вскорѣ популярною, подъ заглавіемъ *Исторія Руссовъ*. Она выдана намъ за сочиненіе авторитетнаго въ то время архіепископа Конискаго; она надѣлала украинской интеллигенціи много вреда. Своими правдоподобными сказаніями о небывалыхъ событіяхъ и обстоятельствахъ, [1]) это издѣліе темнаго фанатизма замедлило уразумѣніе международныхъ отношеній—не только Польши и Южной Руси, но даже этой послѣдней и Руси Сѣверной. Во времена изданія въ Харьковѣ „Запорожской Старины“, сочинены, согласно сказаніямъ „Исторіи Руссовъ“, псевдонародныя думы о польско-украинскомъ прошедшемъ, имѣвшія очевидною цѣлью фанатизировать украинское сердце. Эти думы вліятельный поэтъ Шевченко, какъ почти всѣ его сверстники, принималъ за произведенія самого народа; не сомнѣвался онъ и въ мнимыхъ сказаніяхъ Конискаго, которыя послужили имъ основаніемъ. Слѣпая вѣра въ лѣтописныя преданія, безъ научной повѣрки, была пагубна для него самого и для многихъ другихъ людей, подчинявшихся дѣйствію стиховъ его. Не чему другому, какъ вліянію мнимаго Конискаго и мнимо-народныхъ пѣснопѣній „Запорожской Старины“, слѣдуетъ приписать фальшивое настроеніе всей украинской интеллигенціи 40-хъ годовъ, которой самымъ громкимъ органомъ сдѣлался, къ сожалѣнію, Шевченко. За Косинскаго, Наливайка и другія историческія личности, еще похуже ихъ, представленныя въ духѣ ис-

[1]) Интересна въ этомъ отношеніи статья Пушкина о „Лѣтописи Конискаго“. Она служитъ намъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, какъ и самый высокій умъ бываетъ ничтоженъ, при отсутствіи того, что̀ въ самомъ дѣлѣ можно назвать историческимъ образованіемъ въ человѣкѣ и обществѣ.

торическаго сочинительства, унаслѣдованнаго со временъ оныхъ, поплатились тогда пылкіе молодые люди, которыхъ способности, безъ этихъ легендъ и безъ ихъ нелѣпаго толкованія, могли бы найти себѣ другую работу. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Наливайково время продолжало, и продолжаетъ, отзываться на живыхъ людяхъ, даже помимо украинцевъ, не только помимо украинофиловъ. Старинные религіанты и политиканты, исполненные жадной нетерпимости, передавали свои мысли и чувства изъ поколѣнія въ поколѣніе съ настойчивостью іезуитовъ, противъ которыхъ боролись наши предки, и новѣйшіе послѣдователи этихъ „слѣпыхъ вождей“ не одного государственнаго дѣятеля подвели вписать свое имя въ темную страницу русской исторіи. Своекорыстіе, благовидная интрига и вкорененная въ сердца наслѣдственная страсть къ предательству нашли себѣ въ мутномъ потокѣ вымысловъ обильную ловлю. Имѣя въ сердцѣ мысль о потерѣ или пріобрѣтеніи доходовъ, а на устахъ слова *вѣра, древнее благочестіе, единство русскаго народа* (своего рода унія!) и т. п., преемники древнихъ клеветниковъ, возрождавшіеся паки и паки подъ новыми костюмами, подъ новыми декораціями и титулами, уготовали и польскому обществу, именно лучшей, великодушной, но обезумленной, части его, ту „чашу гнѣва“, о которой сказано, что и подонки выпьютъ изъ нея нечестивые. Такъ ли, иначе ли, но только казнь Наливайка до сихъ поръ, до настоящаго момента, отзывается еще въ сердцахъ—не только потомства палачей, которое гордится ими, но и потомства жертвы, которое сторонится отъ нея.

ГЛАВА XIV.

Куда дѣвали козаки скарбы свои? — Ограниченность ихъ издержекъ, въ противоположность съ панами, и обширная область козацкой эксплоатаціи. — Средства къ содержанію войска и семействъ. — Различіе между понятіями о себѣ козаковъ и шляхты. — Успѣхи колонизаціи вслѣдствіе козацкихъ наѣздовъ на мусульманъ. — Параллель двухъ русскихъ силъ—воинственной и интеллигентной. — Постепенное развитіе козацкой корпораціи. — Внутреннія и внѣшнія обстоятельства Рѣчи-Посполитой Польской.

Можетъ быть, читатель мой не обратилъ особеннаго вниманія на то обстоятельство, что коронное войско въ козацкомъ таборѣ на Солóницѣ не нашло богатой добычи. Между тѣмъ это обстоятельство характеризуетъ, какъ первую, такъ и всѣ послѣдующія козацко-шляхетскія войны.

Козаковъ обыкновенно называютъ добычниками, и они были добычники. Они даже въ пѣсняхъ своихъ воспѣвали добычу, на ряду съ рыцарскою честью и славою. Но куда дѣвали они добычу свою?

Скудный, почти аскетическій козацкій бытъ мы знаемъ. *Хлібъ та водá—то козáцька ідá:* вотъ его конкретное выраженіе, не говоря ужъ обо всемъ, что̀ намъ раскрыло пребываніе за Порогами Самуила Зборовскаго, что̀ намъ извѣстно изъ другихъ современныхъ источниковъ о простотѣ пищи козацкой, и что̀ самыя хронички козацкія, писанныя обыкновенно тупыми ко всему характеристическому монахами, не преминули выставить,

какъ черту, бросающуюся въ глаза каждому. Козацкая одежда поражала всѣхъ наблюдателей своею простотою и даже лохмотностью. Французскій инженеръ временъ Генриха IV (Бопланъ) находилъ ее „грубою", сравнительно съ козацкою манерою держать себя. Другой ученый воинъ, французъ временъ Яна Собіскаго (Дальракъ), по внѣшнему виду называлъ козаковъ „дикою милиціею". Такое же впечатлѣніе дѣлали они на воеводу Кмиту въ XVI столѣтіи и на московскаго „попа Лукьянова" въ концѣ XVII-го. Стало быть, на ѣдѣ и на щегольствѣ одеждою козаки не проживались. Тѣмъ и другимъ рѣзко отличались они отъ своихъ антагонистовъ поляковъ и ихъ воспитанниковъ—южно-русскихъ дворянъ. Козаки не строили крѣпостей и дворцовъ, какъ польскіе и польско-русскіе паны; не имѣли, до временъ Хмельницкаго, собственно козацкихъ храмовъ и слѣдовательно не содержали дорого стоющаго духовенства; [1]) не тратили денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ, какъ паны, при королевскомъ дворѣ, при дворахъ магнатовъ или за границею; въ пріобрѣтеніи за деньги недвижимой собственности отказывало имъ само польское право, а если они владѣли займищами, то эти займища не стоили имъ ничего, кромѣ охраны саблею да рушницею. О предводителяхъ козацкихъ извѣстно, что они, даже нанимаясь въ иноземную службу, не получали особаго жалованья, сверхъ установленнаго въ козацкомъ кругу пая. Опасно раненный подъ Хотиномъ Конашевичъ-Сагайдачный не позволилъ себѣ такой роскоши, какъ употребительныя тогда у пановъ лектики подъ балдахинами, а заготовилъ простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками; даже испорченнаго

[1]) Былъ у нихъ Трахтомировскій монастырь, доставшійся имъ по праву займа при Стефанѣ Баторіи, отобранный у нихъ послѣ катастрофы на Солоницѣ и возвращенный передъ шведскимъ походомъ; но этотъ монастырь, служившій складомъ для оружія и пристанищемъ для дряхлыхъ или увѣчныхъ козаковъ, содержался монастырскими землями, приписанными къ нему во время его основанія.

счастьемъ Богдана Хмельницкаго видали путешественники варящимъ лично кулішъ на сѣнокосѣ.

Между тѣмъ исторія полна извѣстіями о козацкомъ добычничаньи. Въ морскихъ походахъ эти пираты не довольствовались нападеніемъ на турецкіе корабли: они грабили цвѣтущія побережья Анатоліи и Малой Азіи, и часто, недѣли на двѣ, на три, устраивали, варягорусскимъ обычаемъ, ярмарки среди опустошенной прибрежной страны; на эти ярмарки слетались, какъ хищныя птицы, странствующіе по морю и по сушѣ торгаши: греки, армяне, жиды, которые, подобно собакамъ, питались остатками богатой трапезы своихъ повелителей турокъ, и, съ инстинктомъ хищныхъ животныхъ, пронюхивали поживу отъ козацкихъ набѣговъ. А что̀ это были за ярмарки, можно судить по одному тому, что по свидѣтельству Жолковскаго, они „разорили въ Турещинѣ до основанія нѣсколько десятковъ стародавнихъ главныхъ городовъ, не считая мелкихъ, которые пожгли и опустошили“. [1]) Такимъ образомъ, кромѣ стадъ, кромѣ лошадей, которыхъ козаки угоняли, въ случаѣ удачнаго похода, изъ окрестностей Тягини, Бѣлгорода, Киліи и другихъ поднѣстровскихъ и заднѣстровскихъ городовъ, кромѣ плѣнниковъ и плѣнницъ, которыхъ они старались захватить ради выкупа, или для продажи панамъ, наконецъ, кромѣ такъ называемаго „турецкаго добра“, оружія, конской сбруи, одеждъ и сафьяновъ, они привозили домой чистое золото и серебро.

---

[1]) 1619 года 24 февраля, въ отчетѣ своемъ на сеймѣ, „гдѣ universa facies reipublicae repraesentatur“, Жолковскій говорилъ:

„Pokazałem to iuz na przeszłum Seimie dowodnie, iakie szkody Tatarom czynią, gdy na morze naiezdzaią, plądruiąc osady Cesarza Tureckiego, pokazałem i z mapy, iakiemi mieiscami zasiągaia boku Cesarza Tureckiego, ktory w Konstantynopolu z okna patrząc, dymy widział, z czego wielką mieli załosć. A iakoz to za dobre miał przyiąć Cesarz Turecki? ktory ni od kogo nie rad despektu ponosić, kilkadziesiąt miast starodawnych głownych funditus mu zniesli, nie wkładaiąc w to drobnieiszzch, ktorych bardzo wiele popalili, popustoszyli“...... (пробѣлъ въ старинной рукописи публичной Познанской библіотеки, II. Н. аа 12, стр. 260).

Но область ихъ эксплоатаціи не ограничивалась міромъ „бусурменскимъ“, гдѣ, по ихъ мнѣнію, и самъ Богъ велѣлъ пустошить и грабить: они ту же практику прилагали къ единовѣрнымъ „волохамъ“, какъ назывались у нихъ вообще жители Молдавіи и Валахіи; преданіе гласитъ, что даже изъ Венгріи Наливайковы козаки были удалены нѣмецкимъ императоромъ за ихъ нестерпимое хищничество, и Гейденштейнъ подтверждаетъ это преданіе, говоря, что Наливайко вернулся изъ-подъ Мункача „обремененный добычею“. По современной бѣлорусской лѣтописи, козаки, приглашенные правительствомъ воевать шведовъ, распоряжались на своихъ стоянкахъ и переходахъ, какъ разбойники, и все изъ-за добычи. Лѣтописецъ положительно говоритъ, что они опустошили городъ Витебскъ, набрали въ немъ много золота и серебра, и по этому поводу рубили знатныхъ мѣщанъ по-непріятельски; а возвращаясь домой, каждый изъ нимъ захватилъ съ собою по нѣскольку женщинъ и дѣтей въ неволю, совершенно такъ, какъ дѣлали они въ Турещинѣ. Лишь только кончился шведскій походъ, наступилъ походъ московскій, въ пользу названнаго Димитрія, котораго самозванство, очевидно, устроено кѣмъ-нибудь изъ козацкихъ пріятелей, пограничныхъ пановъ, по образцу тѣхъ самозванцевъ, которые давали случай козакамъ и козаковавшимъ землевладѣльцамъ вторгаться въ Волощину. Въ московскомъ походѣ очутилось на первый разъ 12.000 запорожцевъ, [1]) а въ смутное время Московскаго государства все Запорожье, всѣ городовые и пан-

---

[1]) До сихъ поръ мы знали о 2.000 запорожцевъ, пришедшихъ на помощь названному Димитрію послѣ неудачной битвы его подъ Новгородкомъ, но, по рукописи библіотеки Главнаго Штаба № 3.267, напечатанной недавно Археографическою Коммиссіею въ 1-мъ томѣ „Русской исторической Библіотеки“ („Wyprawa Czara Moskiewskiego Dymitra do Moskwy z Gierzym Mniszkiem, roku 1604“), оказывается, что „po odiezdzie p. woiewodzinym y tego rycerstwa, ktore z nim poszło, przyszli kozacy zaporoscy we 12.000, ktorym był dawno czarowicz posłał chorągiew“, и что они „mieli z sobą kilkanascie działek armaty grzeczney (отличной), ktorym czarowicz był bardzo rad rozumieiąc siła o męstwie ich, poniewaz woisko było bardzo ogromne“.

скіе козаки занялись эксплоатаціею единовѣрцевъ своихъ, безъ малѣйшаго оттѣнка религіозности, приписываемой нашими историками даже ополченію Наливайка. Такимъ образомъ отъ Синопа и Трапезонта до сѣверныхъ городовъ Московщины, отъ береговъ Дуная до восточнаго балтійскаго поморья, мирное населеніе платило козакамъ вольную и невольную дань, по мѣрѣ ихъ домогательства, жадности къ добычѣ и дикой отваги. Куда же дѣвали они свои сокровища?

Вопросъ этотъ разрѣшится самъ собою, когда мы сопоставимъ „козацкій народъ" съ „народомъ шляхетскимъ".

Силою послѣдовательности дѣйствій, свойственной человѣческимъ обществамъ, силою той неуклонности, съ которою, какъ вѣрная, такъ и ложная идея общественная доходитъ до своего торжества или уничтоженія, эти два стана, не признававшіе взаимно другъ за другомъ названія народа, но называвшіеся такъ и называемые такъ другими, должны были вести борьбу за свое матеріяльное и нравственное, за свое бытовое и политическое существованіе. Это была борьба безземельныхъ съ землевладѣльцами, и при томъ съ такими, которые присвоили себѣ неслыханныя политическія права. Паны содержали свои ополченія или на счотъ „кварты", назначенной съ королевскихъ имѣній для такъ называемаго кварцянаго войска, [1]) или на свои собственныя

[1]) О значеніи слова *кварцяное* въ нашей печати встрѣчается превратное понятіе. Вотъ происхожденіе этого термина, который, на примѣръ, авторъ „Богдана Хмельницкаго" смѣшиваетъ съ квартою или четвертью года, срокомъ, въ который выплачивалось жолнерамъ жалованье. При Сигизмундѣ-Августѣ столовыя имѣнія королевскія были приведены въ извѣстность, и всѣ, получившіе ихъ въ смыслѣ пожалованія или въ залогъ, привлечены къ уплатѣ *кварты*, т. е. четвертой части чистаго дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ привлеченъ былъ къ такой же уплатѣ и король со всѣхъ имѣній и суммъ, находившихся въ его распоряженіи, при чомъ онъ долженъ былъ признать собственностью государства всѣ свои имѣнія, хотя бы они составляли до того времени его частную собственность. *Кварта* со всѣхъ таковыхъ имѣній опредѣлялась на содержаніе коронного войска, которое и называлось потому *кварцянымъ*.

средства, получаемыя съ имѣній. Напротивъ, козаки ополчались для войны съ врагами христіянства, съ своими сосѣдями христіянами и съ самими панами на счетъ одной добычи своей. Ихъ собственное содержаніе въ походѣ, ихъ оружіе, военные снаряды и даже содержаніе домашнихъ, въ оставляемыхъ позади („за шеломянемъ") хуторахъ, селахъ и городахъ,—все это надобно было извлечь изъ военнаго промысла, если не считать заработковъ рыболовныхъ и охотничьихъ, сравнительно скудныхъ.

Пора намъ отнестись къ исторіи козачества побуднишному. Перестанемъ искать въ ней художественнаго воспроизведенія Бовы Королевича, избивающаго Полкановъ, Маркобруновъ и другихъ страшныхъ воителей. Театральные подмостки, съ которыхъ намъ показывали украинскихъ героевъ, не привлекаютъ больше любопытства нашего; за богато расписанными декораціями сказывается намъ артистическое убожество. Конечно, для нашей умственной лѣни всегда будутъ нужны авторитеты между историками и великіе воины между историческими личностями; но время всё-таки беретъ свое даже и надъ классически заправленнымъ образованіемъ.

Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы

начинаютъ занимать развитую критикою россійскую голову, хотя бы даже и замороченную немного классицизмомъ. Исторія предковъ нашихъ вліяетъ неизбѣжно на событія нынѣшняго дня нашего; дѣянія предковъ нашихъ — каковы бы они ни были, малыя, или великія, позорныя, или достохвальныя — неотразимо будутъ господствовать надъ судьбою нашихъ дѣтей и внуковъ, подобно таинственному, неизбѣжному гороскопу. Изъ театраловъ, довольныхъ интересными случайностями, приходится намъ обратиться въ озабоченныхъ развѣдывателей, почему предкамъ нашимъ было не до сценической картинности, не до костю-

мировки. Изъ людей, для которыхъ исторія была чужой бѣдою или чужимъ счастьемъ, мы должны стать людьми, сводящими съ нею старые счоты, въ избѣжаніе штрафа за нашу безпечность... Потщимся всячески „уразумѣть истину", хотябы даже цѣною самоуничиженія въ глазахъ тѣхъ, чьи предки, по сказанію величавыхъ историковъ, были безупречные, достохвальные рыцари. Не поскучаемъ даже повтореніями, лишь бы утвердить въ сознаніи своемъ, что̀ мы такое, и какъ дошли до нынѣшняго нашего Я.

Для безпристрастнаго и правильнаго разбирательства споровъ между законно и незаконно разбойничающими людьми, необходимо намъ имѣть въ виду слѣдующее.

По юридическимъ актамъ, земля украинская принадлежала шляхтѣ, такъ какъ въ государственной канцеляріи, безъ особенной разборчивости, отмѣривались панамъ на бумагѣ, для заселенія, обширныя пространства отъ рѣки до рѣки, отъ урочища до урочища, отъ шляху до шляху,—пространства, на которыхъ уже существовали слободы людей болѣе смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, полагавшихся на личныя средства и соединявшихъ вокругъ себя народъ собственными моральными силами. На дѣлѣ эта земля принадлежала козакамъ, между которыхъ врѣзывалась шляхта съ новыми поселенцами, часто переманенными ею изъ слободъ, принадлежавшихъ другимъ гербованнымъ панамъ, или негербованнымъ байбузамъ, обѣщаніемъ болѣе продолжительнаго льготнаго времени. При тогдашнемъ состояніи пастьбищъ, при обширности пространствъ, отдѣлявшихъ одну купу козацкихъ хуторовъ отъ другой, привилегированные пришельцы были скорѣе въ помощь, нежели въ убытокъ вольнымъ степнякамъ; но козаки, по преданію отъ отцовъ и матерей, сохранили нѣкоторую непріязнь къ богатому, лощеному сословію, отъ котораго ихъ предки бѣжали въ дикія степи. Эту непріязнь внушали они и шляхетскимъ подданнымъ. Въ эпоху величайшихъ сословныхъ успѣховъ своихъ, не

могла шляхта понять, что на этой землѣ, занятой вторично послѣ татарскаго лихолѣтья русскими простолюдинами во имя личной свободы своей, ея шляхетско-государственное начало, ея привилегированная общественность, ея латинская народность—не примѣнимы. Панскія населенія, перемѣшанныя съ козацкими, дышали здѣсь инымъ духомъ, чѣмъ въ глубинѣ шляхетчины, гдѣ ужъ вѣками утвердилось полное преобладаніе привилегированнаго народа надъ непривилегированнымъ. Козацкій духъ, легко сообщавшійся смиреннымъ панскимъ поселянамъ, покамѣсть, выражался только бѣгствомъ отважнѣйшихъ людей изъ панскихъ селъ въ козацкіе хутора и слободы; но онъ глубоко проникалъ массы рабочаго люду и въ особенности сильно распространялся въ городахъ и мѣстечкахъ между ремесленною молодежью. Козакъ дѣлался для простолюдина идеаломъ человѣка; козацкая жизнь дѣлалась для него идеаломъ вольной жизни. Можно полагать, что козацкія пѣсни, неумолкающія въ Украинѣ до сихъ поръ, родились въ тѣ времена, и что тогдашній народъ, видя передъ собою свободу въ образѣ козака, окружилъ его тѣми цвѣтами воображенія, которые дороги нынѣшнему украинцу по воспоминанію о славныхъ временахъ козачества и по надеждамъ, связаннымъ съ его существованіемъ. Поэтому-то козаки, будучи впослѣдствіи малочисленнѣе остальнего населенія Украины, были всегда сильнѣе его, а сила ихъ выростала еще болѣе отъ общей надежды добиться и себѣ такой же свободы съ ихъ помощію.

Разбросанные по всему пространству Украины, козаки дѣлились: на лѣвобережныхъ Днѣпрянъ, обитавшихъ между городами: Остромъ, Нѣжиномъ, Лубнями, Полтавою; на правобережныхъ Днѣпрянъ, которые жили въ окрестностяхъ: Чигирина, Черкасъ, и т. д. до Житомира и за Житомиръ; на Божанъ, поселившихся по рѣкѣ Богу, вокругъ городовъ Брацлава, Винницы, Ладыжина, Уманя, и на Запорожцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ и лугахъ, за Порогами, между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Этихъ послѣднихъ на-

зывали низовцами, отъ слова *Низъ*, которымъ обозначалось все пространство земель отъ Пороговъ до Чорнаго моря и отъ Днѣпра до Днѣстра; и они-то составляли главную опору всего козачества, такъ какъ ихъ притоны были не только не доступны для шляхты, но даже и не извѣстны ей. Владѣльцы селъ, кто бы они ни были, не могли преслѣдовать въ дикихъ поляхъ, въ топкихъ прирѣчныхъ заросляхъ, въ лѣсахъ и байракахъ — бездомныхъ скитальцевъ, которые сдружились съ дикою природою, доступною только птицамъ да звѣрямъ, и даже безъ коня, безъ хлѣбныхъ съѣстныхъ запасовъ, съ самопаломъ, а не то—съ лукомъ и рыболовною сѣтью, находили тамъ себѣ, хоть и бѣдственное, но подъ часъ привольное, а что̀ всего важнѣе было для козака—независимое существованіе. Самое пространство, отдѣлявшее ихъ козацкіе *прикме́ты*, или знаки, понятные только товариству, отъ земель, которыя мы назовемъ жилыми, давало полную возможность многолюднымъ толпамъ оставаться внѣ всякихъ наблюденій узаконенной шляхтою власти.

Въ этой-то пустынѣ гнѣздилась та *воля*, которая присвоила козаку его вѣчный эпитетъ. Въ эти степи приходили козаки для охоты и рыболовства не только изъ польской Украины, но изъ московскаго Дону. Здѣсь, въ удаленіи отъ всего шляхетскаго, образовалось козацкое братство, въ которомъ всѣ были равны, въ которомъ и предводитель, облеченный диктаторскою властью, носилъ одежду одинаковую съ каждымъ, въ которомъ не считалось хвастовствомъ и „пыхою“ надѣть богатый нарядъ въ такомъ только случаѣ, когда онъ снимался собственными руками съ убитаго турчина или татарюги. Это-то добровольно нищенствующее братство основало славную Сѣчъ Запорожскую, гдѣ хранились военные припасы козацкіе, гдѣ была рыцарская школа для козацкой молодежи, и куда ни подъ какимъ видомъ не могла быть введена женщина. Запорожье было убѣжищемъ и, такъ сказать, общимъ очагомъ всего козачества, и потому все козацкое войско, гдѣ бы

оно ни находилось, называло себя Запорожскимъ. На Запорожье посылали впослѣдствіи войсковые и промышленные козаки свои жалобы на притѣсненія со стороны пановъ и ихъ арендаторовъ; изъ Запорожья являлись въ Украину мстители для расправы съ такъ называемыми душманами, то есть душителями народа; Запорожье было такъ сказать капитулою козацкаго рыцарства: на чомъ оно рѣшало, на томъ весь козацкій народъ становился.

Шляхетскій духъ не могъ ужиться на Украинѣ съ духомъ козацкимъ, тѣмъ болѣе, что и шляхтичъ и козакъ понимали свои права и взаимныя отношенія каждый по-своему.

Шляхтичъ, воспользовавшись неблагопріятными для польскихъ королей обстоятельствами, а въ особенности избирательнымъ возведеніемъ ихъ на престолъ, мало-помалу захватилъ всѣ выгоды общественнаго положенія, во вредъ низшимъ сословіямъ, заключилъ понятіе о народѣ и государствѣ только въ своемъ сословіи, присвоилъ одному себѣ честь защиты отечества и законодательную власть въ немъ, наконецъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, началъ смотрѣть на себя, какъ на апостола единой истинной вѣры и на творца государственнаго единства, при посредствѣ католической пропаганды и двоякой уніи, политической и церковной. Самоуваженіе шляхтича было полное; спѣсь его доходила до безумія. Онъ боготворилъ свои гербовые знаки; онъ дѣлалъ для себя чѣмъ-то въ родѣ символа вѣры родовыя преданія, обыкновенно разцвѣчиваемыя тогдашними грамотѣями по правиламъ схоластическаго краснорѣчія. Все, исключенное изъ участія въ его привилегіяхъ, считалъ онъ просто служилою силою, но никакъ не частію націи или республики, потому что съ понятіемъ о націи и республикѣ у него всегда было неразлучно понятіе о шляхетствѣ.

Съ другой стороны, козакъ, вырвавшись бѣгствомъ на волю изъ-подъ опеки шляхты, опеки, мало чѣмъ отличавшейся отъ той, съ какою обыкновенно относится хозяинъ къ живому инвентарю въ своемъ хозяйствѣ, — былъ чуждъ всѣхъ унаслѣдованныхъ

шляхтою понятій о государствѣ, какъ о хранилищѣ вольностей шляхетскихъ, о неравенствѣ между собою человѣческихъ личностей, вслѣдствіе какихъ-то шляхетско-сеймовыхъ операцій, и даже объ отечествѣ, въ томъ смыслѣ, какъ разумѣлъ отечество шляхтичъ, заставившій работать на себя нѣсколько разныхъ народностей. Для козака существовалъ только *рідный край*, въ смыслѣ земли, заселенной его родомъ, племенемъ и вообще, какъ любитъ говорить украинецъ, добрыми людьми. Онъ не уважалъ польскихъ законовъ, составленныхъ безъ его вѣдома на сеймахъ, гдѣ шляхетскія партіи увивались вокругъ избирательнаго короля и торговали у него права и преимущества не только для своего сословія въ ущербъ другимъ сословіямъ, но и для своихъ фамилій въ ущербъ сословію шляхетскому. У него были свои древніе законы—обычаи, подавленные шляхтою въ порабощенныхъ ею селахъ и возстановленные въ козацкомъ вольномъ обществѣ.[1]) Что касается до вѣры, то, принимая въ соображеніе бѣгство козаковъ и скитанье по пустынѣ, предшествовавшее ихъ размноженію и осѣдлому быту, едвали не слѣдуетъ согласиться съ старыми польскими писателями, что козаки сами не знали, во что̀ вѣровали. Догматическая часть христіянства необходимо была у нихъ въ *въ занедбанні*. Они знали только одно, и знали твердо: что у нихъ вѣра не шляхетская. Слѣдуя ученію Христа, перешедшему къ нимъ въ степную Украину болѣе изустнымъ, чѣмъ письменнымъ путемъ, они никакъ не допускали тожества русскаго Іисуса съ польскимъ Іезусомъ, во имя котораго въ городовой Украинѣ паны разгоняли поселянъ изъ церквей и принуждали силою къ уніи или къ католичеству. Они знали, что предки ихъ бѣжали въ степи на волю,

---

[1]) См. драгоцѣнную статью Н. Д. Иванишева: „О древнихъ сельскихъ Общинахъ въ Югозападной Россіи" (*Русск. Бес.* 1857 III.) Н. И. Костомаровъ нашолъ въ Литовской Метрикѣ документъ, въ которомъ сельскія *копы* и *громады* г. Иванишева называются *вѣчами*. Къ сожалѣнію, списанная имъ копія потеряна и до сихъ поръ не повторена.

отъ пановъ-католиковъ, и поэтому панъ-католикъ мало-помалу сдѣлался имъ наконецъ чѣмъ-то столь же антипатичнымъ, какъ и бусурманъ, набѣгающій на мирныя села съ лукомъ и арканомъ, какъ и жидъ рандарь, [1]) заѣдающій хлѣбороба подъ панскимъ покровительствомъ. Извѣстно, какъ хитро коренные польскіе паны вмѣстѣ съ ксензами переманили въ католичество пановъ старорусской вѣры. Кто изъ русскихъ пановъ и оставался еще въ такъ называемомъ благочестіи,—и тотъ ужъ, въ глазахъ козаковъ, сохранилъ только русскія кости, но обросъ польскимъ мясомъ, какъ это они высказывали потомъ въ глаза „благочестивымъ" панамъ украинскимъ,—напримѣръ, Адаму Кисілю. Споры между церковными братствами и узаконенными королемъ унитскими іерархами, будучи чужды козакамъ въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе отражались въ ихъ сознаніи непріязнью къ латинцамъ, творцамъ уніи, и чѣмъ дальше, все больше. Сословная ненависть претворялась въ религіозную. И вотъ на такихъ-то дрозджахъ варилось понемногу въ Украинѣ то пиво, изъ котораго козаки, въ свое время, „зробили зъ ляхами превеликее диво",—варился тотъ „пивный квасъ", за который „не одинъ козакъ ляха, мовъ бы скурвою сына за чуба потрисъ". [2])

Подъ предводительствомъ Косинскаго, козаки какъ-будто сдѣлали только рекогносцировку будущей арены своей борьбы съ польско-русскою шляхтою. Подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, они помѣрялись военнымъ искусствомъ и силою съ коронным войскомъ. Потерявъ плоды прежнихъ походовъ на Солоницѣ, эта военная община продолжаетъ, однакожъ, идти прежнимъ путемъ къ развитію силы своей и, подобно организму недѣлимаго, постепенно возвращаетъ утраченное, а за тѣмъ принимаетъ мало-помалу размѣры, опредѣленные условіями прошедшаго и настоящаго. Лишь только не стало этой общинѣ дѣла

[1]) Арендаторъ.

[2]) Изъ кобзарской думы временъ Хмельнищины.

дома, она ищетъ его въ Московскомъ царствѣ, совершенно тѣмъ способомъ, какимъ искала въ Волощинѣ, куда такъ же водила вмѣстѣ съ пограничными панами не одного самозванца; а когда Московщина успокоилась, на короткое время, подъ управленіемъ названнаго Димитрія, украинскіе козаки возобновляютъ свои морскіе походы. Начавшіяся въ Московщинѣ смуты увлекли ихъ туда снова возможностью военнаго заработка, инстинктомъ роста своего. Безпощадно грабятъ они города и села московскіе; но, лишь только водворился въ Московщинѣ какой-нибудь порядокъ, снова стало слышно по свѣту о морскихъ походахъ козацкихъ. Кафа, эта главная контора невольницкаго торга, которую Михалонъ Литвинъ называетъ ненасытною пучиною, пьющею русскую кровь,[1]) подверглась ожесточенной мести козацкой въ 1612 году, а въ слѣдующихъ 1613—1616 годахъ повторились неслыханные до тѣхъ поръ морскіе набѣги на берега Анатоліи и Малой Азіи. „Вся земля агарянская“, сказано въ одной украинской хроникѣ, „стонала тогда отъ меча козацкаго и пылала огнемъ козацкимъ“. Но этотъ опоэтизированный образъ козацкой жизни, въ реальномъ смыслѣ, означалъ почти то, что означаетъ нынѣшнее чумачество, именно—необходимость заработковъ на сторонѣ.

Результатомъ этихъ заработковъ, этого послѣдовательнаго увеличенія роста козацкаго соціальнаго тѣла, были, между прочимъ, новые успѣхи колонизаціи между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Идея украинскаго движенія (своего рода Drang nach Osten), послѣ отчаяннаго и неудавшагося козакамъ бѣгства въ половецкую землю, опять сдѣлалась мыслимою въ территоріальномъ значеніи своемъ, не взирая ни на пановъ, которые жаждали только крѣпостной колонизаціи, ни на мусульманъ, которые „оттоманскою землею“ считали все пространство, занимаемое когда-либо подвижными селами татарскими. Эти двѣ враждебныя козачеству силы, турец-

[1]) Non urbs, sed vorago sanguinis nostri.

кая и польская, были, покамѣсть, развлечены дѣлами, поглотившими все ихъ вниманіе, потребовавшими всего ихъ времени, истощавшими всѣ ихъ ресурсы, и потому ничто не мѣшало козачеству рости шире и шире. На взглядъ поверхностный, исторія борьбы козачества съ панами какъ-будто прервалась лѣтъ на 20 послѣ погрома козаковъ подъ Лубнями; но въ сущности прекратились только тѣ явленія, которыя, по прежнему взгляду на былое, считаются главнымъ предметомъ исторіографіи: козаки не дрались больше съ коронными и панскими войсками: они только ремонтировались. Ихъ походы въ Московщину, имѣвшіе этотъ, а не иной жизненный смыслъ, введены историками въ повѣствованіе о польско-московскихъ смутахъ, подъ рубрикою накопленія всякаго сброду, привлекаемаго войною. Соціальный организмъ этого „сброда“ безразлично смѣшивался ими съ безличными и безцвѣтными въ исторіи шайками; а земли, обезпечиваемыя дома военно-разбойницкою дѣятельностью козаковъ, „Volumina Legum“ приписывали къ панскимъ, подъ названіемъ „пустынь“, которыхъ, разумѣется, паны безъ козаковъ никогда бы не отмѣрили себѣ саблею. Кто выдвигалъ впередъ самые опасные форпосты, кто возвращался по нѣскольку разъ на селища и замковища, облитыя кровью и засыпанныя пепломъ,—объ этомъ не находимъ въ обширныхъ „Volumina Legum“ ни одной строчки; да и въ полевыхъ транзакціяхъ, въ посольскихъ переговорахъ, въ офиціальныхъ письмахъ о событіяхъ дня, лишь мелькомъ проглядываетъ фактъ, очевидный для насъ со временъ Претвича,—именно: что колонизація опустѣлой Руси совершалась подъ прикрытіемъ козачества, и что правительство польское, слѣдовательно панское, только потому не замкнулось въ опредѣленныя границы, что козаки, подвигаясь впередъ и впередъ, не давали ему замкнуться. Эти разбойники, враги польской государственности, вели пановъ-государниковъ на буксирѣ, приневоливали ихъ выдвигаться впередъ и впередъ.

Изъ числа опасныхъ форпостовъ по пограничной линіи Днѣстра (zacna rzeka, говоритъ о немъ Жолковскій), сдѣлались въ этотъ темный періодъ извѣстны на Днѣстрѣ, ниже Подольскаго Каменца, Камянка, Рашковъ, Бершада. Бершаду „осадилъ“, то есть населилъ, на пустомъ урочищѣ, „осадчій“, или колонизаторъ, короннаго крайчаго, князя Корецкаго, по прозвищу Босый. Этотъ княжескій староста пользовался большою популярностью и, съ замковыми козаками, удерживалъ разливъ мусульманской силы по направленію къ Брацлаву, Острогу, Тернополю, Львову. [1]) Сперва онъ жилъ на рѣкѣ Богѣ; теперь перешолъ на Днѣстръ. О

[1]) Объ этой интересной личности упоминается въ письмѣ Жолковскаго къ королю изъ Бара, отъ 12 іюня 1614 года. Жолковскій писалъ:

„Gdym iusz wyiechał w drogę swą ku Ukrainie, pogonił mię P. Starosta Trembowelski na pierwszym noclegu, ktory mi przyniosł w sprawach dotykaiącich się powinnosci moiey Słuzby W. K. Mci rezolutią y roskazanie W. K. M.... Zastałem Ukrainę w wielkiey trwodze, po zamkach strzylania z dział, zabiegi; iesze w drodze ięły mie potykać wiesci, a y od samego Bossego przyniesiono mi list, iako go Tatarowie na Telegoli (iest dolina na Polu Bialogrockim) gromiły. Ta rzecz iako słza choć się podno (podobno) przedłuzy, ale, yz poniekąd nalezy do obiasnienia spraw, ktore następuią, iako naykruczey Wypisuię. Szachin Gerei Soltan, pusciwszy glosz, ze do Persyey iechał, vkrywał się z mieisca na mieisce po tych pustyniach dzikich pol, niemaiąc przy sobie pod osmdziesiąt człeka. Długo nie mogł o nym wiedzieć Czar Krimski, stry iego; asz potym, gdzy się poczęło obiawiacz, mislił tu do Panstw W. K. Mci vciekać Sachin Gerei y zrdczeł sobie czasz z Bossem, osadczą Bersady, maietnosci J. M. Pana Krayczego Koronnego, na Telegoli się ziechać. Tym czaszem innotuit Czarowi, ze Sachin Gerei na polu. Rozdzieliwszy tedy Woiska swe na Pułki, kazał go powszytkim polu, ba y sam poszedł sczęsią Woiska, leisować. Nim się tedy mogł zeiść Sachim Gerei a Bossem, poprzedzili Woiska Czarskie, pogromiły, iako się wyzei wspomniało, Bossego na Telegoli. Straczіwszi kilkadziesiąt człeka, dobrodzieystwem noczy sam vszedł. A na Sachim Gereia natrafił sczęściem sam Czar. Choć v nierowni liczbie, męznie się Sachin Gerai stanowił Czarowi. Pogromiwszi iednak, ranny vszedł, iako mam sprawę, na Dunai na Dobruczę. Posłal Czar zanym pogoniąm. Dotąd nie wiem, co się tam dali stało, bo tez to swieze kłotnie; wtamtym przeszłym tegodniu się to działo. Ztądze y te trwogi na Ukrainie, ze wtąkiei bliskosci te Woyska. Jakoz y podbiegali dziś tydzieú Tatarowie pod Buki dla dostania zywnosci; poimano od nych dwoch Tatar, y ci powiadaią o Wielkosci Czarskich Woisk. Wszystkiey Ordzie kazał się do siebie zchodzić, a sam, pogromiwszy Sachin Gereia, do Tehinię się obrocił...“

его подвигахъ знали на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Дуная; знали и въ самомъ Константинополѣ, такъ что наконецъ, въ 1616 году, притонъ Босого сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ переговоровъ между двумя государствами, Турціею и Польшею. Турки настаивали, и настояли, на его уничтоженіи. Но пока до этого еще не дошло, султанъ писалъ о немъ и о другихъ, днѣпровскихъ козакахъ къ Сигизмунду III письмо, характеризующее этотъ, до сихъ поръ мало извѣстный моментъ нашей исторіи. „Паланки, въ которыхъ живутъ козаки“, говорилъ султанъ, „построены по заключеніи между нами мира. Вмѣсто того, чтобы ихъ, согласно нашему договору, разрушить, вы недавно снабдили живностью, военными людьми и арматою. Такъ, недалеко отъ Тягини (за Днѣстромъ) основана паланка Босого, въ которой живетъ не мало этихъ разбойниковъ. Недавно изъ Очакова ѣхало 27 человѣкъ. Разбойникъ Босый захватилъ 25 изъ нихъ въ плѣнъ, а два человѣка ушли и объявили объ этомъ нападеніи. Развѣ можно назвать это миромъ? Для обѣихъ сторонъ выгодно будетъ разрушить Босого паланку, а также Корсунь, Бѣлую-Церковь, Черкасы, Переяславъ и другія подобныя имъ, построенныя по заключеніи между нами мира: пусть не расторгаютъ мирныхъ отношеній. Доколѣ эти новыя паланки не будутъ сравнены съ землею, до тѣхъ поръ козацкіе разбои не могутъ быть остановлены. Или сами ихъ уничтожьте, или нашимъ войскамъ не мѣшайте ихъ разрушить. Этимъ укрѣпите вы прежнюю дружбу и миръ между нами. Тогда мы и татаръ удержимъ отъ набѣговъ. А если вы ни того, ни другого не сдѣлаете, это послужитъ намъ доказательствомъ, что паланки основаны съ вашего согласія, и мы не только не станемъ удерживать орду отъ набѣговъ, но еще сами будемъ посылать ее въ ваши владѣнія.“

Такимъ образомъ колонизація пустынь выходила дѣломъ не шуточнымъ: козацкими ли, или шляхетскими головами, только не-

премѣнно надобно было за нее расплачиваться. Но бросимъ взглядъ на то, что̀ дѣлалось въ старыхъ поселеніяхъ.

Двадцатилѣтіе съ погрома Наливайка и обнародованія церковной уніи, двухъ важныхъ событій польско-русской исторіи, вывело на сцену иныхъ дѣятелей равноправности и иныхъ подвижниковъ православія. О первыхъ будетъ рѣчь далѣе; о вторыхъ замѣчу теперь, что это не были уже безсильные крикуны и болтуны, наполнявшіе архивы двусмысленными актами: это были реально дѣятельныя личности, у которыхъ слово было обоюдуострымъ мечемъ, заграждавшимъ уста клеветникамъ и водворявшимъ силу, новую въ тогдашней отрозненной Руси, силу науки и самосознанія. Пріютясь, на первый разъ, подъ полою у людей полноправныхъ и неприкосновенныхъ для насилія, [1]) точно старинная алхимія, эта полусерьозная, полусмѣшная бабушка химіи, странствовавшая изъ за̀мка въ за̀мокъ, — просвѣщеніе русское вышло изъ-подъ хранительной сѣни великодушно-тщеславныхъ магнатовъ на открытую арену, вышло въ народъ и засѣло кругомъ мѣщанскихъ и поповскихъ очаговъ. Въ то время, когда въ Острогѣ, на могилѣ прославленнаго историками Константина-Василія, безцеремонно водворились католики, яко на своемъ давнишнемъ займищѣ, — Львовъ, Вильно, Витебскъ и Кіевъ готовили, въ новомъ поколѣніи, интеллигенцію въ духѣ Іоанна Вишенскаго. Отсюда, изъ мѣщанской среды, изъ убогихъ священническихъ

---

[1]) Авторъ „Апокрисиса“ объясняетъ слѣдующими словами причину посвященія книги своей могущественному Яну Замойскому: „Зная по опыту, что многія, хотя и нужныя, сочиненія пожерты огнемъ человѣческой злобы, или растоплены имъ какъ воскъ, и издавая въ свѣтъ это мое сочиненіе, я разсуждалъ, какъ бы его предохранить отъ такого огня. Много разныхъ средствъ къ этому представлялось мнѣ, когда я размышлялъ объ этомъ, но между ними не было ни одного, которымъ бы я надѣялся обезопасить свое сочиненіе такъ, какъ думалъ. Такія-то тяжкія во всѣхъ отношеніяхъ времена наступили для насъ, людей греческой вѣры“, и пр. Далѣе: „отъ васъ, милостивый панъ, надѣюсь благосклонности и защиты отъ всякаго насилія.“

домовъ, изъ домовъ такъ называемой низшей шляхты [1]) брались типографы, полемики, богословы и школьные учители, поднявшіе народную борьбу съ враждебнымъ элементомъ выше козацкаго уровня. Голосъ ревниваго охранителя родной церкви, Іоанна Вишенскаго, не былъ, конечно, явленіемъ исключительнымъ. Самая сила его, чувствуемая даже черезъ два съ половиною столѣтія, показываетъ, какъ обширна была аудиторія: ибо всякая сила единичной личности пропорціональна могуществу представляемой ею и создавшей ее массы, которую она, въ свою очередь, ведетъ далѣе... Аѳонъ сдѣлался, въ то время, можно сказать, Синаемъ для отрозненной Руси. Освященный воспоминаніями со временъ преподобнаго Антонія, который тамъ получилъ монашеское постриженіе, онъ замѣнилъ для насъ на время самый Царьградъ съ его безпомощнымъ патріархатомъ. Монашество, отшельничество, отчужденіе прелестей міра и всякія скверны его, уже и во времена варяго-русскія держало знамя церкви выше, нежели духовенство бѣлое, которое было связано съ князьями и боярами не столько духовными, сколько матеріяльными узами. То же самое монашество и отшельничество подняло и теперь это знамя высоко надъ отрозненною Русью. Въ то время, когда создатели и благодѣтели святыхъ храмовъ нашихъ собственными руками превращали ихъ изъ домовъ молитвы въ вертепы разбойниковъ,— на Аѳонской горѣ, среди жестокосердаго агарянства, залившаго древній христіянскій міръ,— точно ковчегъ на Араратѣ, сохранилась обуреваемая церковь русская, во всей чистотѣ и строгости своихъ преданій. Она ждала, пока затихнутъ хоть немного бури житейскихъ напастей, и дождалась: въ 1620 году, величайшемъ изъ всѣхъ годовъ новой исторической эры нашей отъ татарскаго лихолѣтья, предсказанія инока Іоанна сбылись: Кіевъ еще разъ явился рели-

---

[1]) Это названіе даетъ шляхтѣ, пребывавшей въ городахъ, князь Константинъ-Василій Острожскій. (См. письмо его отъ 6 іюля 1596 года, въ приложеніяхъ ко II тому.)

гіознымъ, хранимымъ просвѣщенною іерархіею центромъ православной Руси. И вотъ, въ то время, когда въ знаменитомъ городѣ Острогѣ пересталъ дѣйствовать въ пользу православныхъ типографскій станокъ; когда наука изъ-подъ полы развлеченнаго множествомъ интересовъ магната перешла въ общину мелкихъ людей, сосредоточенныхъ на своемъ русскомъ *быть или не быть*; когда мѣщане начали искать спасенія церкви и вѣрѣ своей въ ученыхъ бѣднякахъ и общими заботами устраивать при церквахъ школы; когда къ первымъ разсадникамъ самобытнаго просвѣщенія, Львову, Вильнѣ, Витебску, прибавился Кіевъ, запущенный бывшимъ его воеводою, но предназначенный ко вторичному возрожденію Руси, — козаки, эта стоявшая внѣ закона корпорація, продолжали дѣлать свое никому непонятное, для всѣхъ чужое, а для многихъ крайне досадное дѣло. Воинствующая церковь, олицетворяемая стойкимъ мѣщанствомъ и благочестивымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и воинствующіе защитники христіянскаго міра отъ магометанъ — съ другой, мало обращая другъ на друга вниманія, шли параллельными дорогами къ одной и той же цѣли — къ возстановленію русскаго общесва изъ убогихъ остатковъ, къ возстановленію народа русскаго путемъ самосознанія, къ возсоединенію Руси отрозненной и низведенной до собранія панскихъ волостей, съ тою страдавшею и боровшеюся инымъ способомъ Русью, которая образовала изъ себя государство и по справедливости называлась Великою. Прослѣдимъ по отзывамъ враговъ и хулителей козачества (такъ какъ другихъ источниковъ у насъ не имѣется), какимъ образомъ это полуполитическое тѣло, при всей своей кажущейся дезорганизаціи, приходило послѣдовательно отъ силы въ силу.

Въ іюлѣ 1601 года королевскій посолъ къ „перекопскому царю“, Лаврінъ Пісочинскій, доносилъ королю изъ Ясъ, что къ хану идетъ изъ Москвы посолъ, и что ханъ послалъ на встрѣчу нѣсколько тысячъ войска; „ато запорожцы какъ разъ переняли

бы и ограбили его въ поляхъ", замѣчаетъ Пісочинскій. Слышно также изъ Бѣлгорода (продолжалъ онъ), что турки очень боятся низовыхъ козаковъ, которые уже „выбрали" одно турецкое поселеніе при устьѣ Днѣстра. Вотъ подвиги, характеризующіе козачество. Но къ такимъ подвигамъ побуждала ихъ, кромѣ вѣчной двигательницы энергіи людской—нужды, самая задача ихъ существованія, задача—вездѣ заграждать путь врагу христіянства, во всемъ ему противодѣйствовать. И во время проѣзда Пісочинскаго, турецкія и татарскія поселенія по ту сторону Днѣстра были полны христіянскихъ невольниковъ. Лаврінъ Пісочинскій писалъ къ королю, что около Бѣлгорода, по волошскимъ деревнямъ, которыя держитъ перекопскій царь и которыми завѣдываетъ его слуга Назылъ-ага (то самое, что̀ въ Польшѣ староста или державца), видѣлъ онъ, равно какъ и въ самомъ Бѣлгородѣ, „великое множество королевскихъ подданныхъ, недавно побранныхъ въ разныхъ мѣстахъ по украинамъ". Этихъ людей продавали, точно скотъ, на базарѣ, и королевскій посолъ напрасно протестовалъ противъ того, что плѣнники взяты въ мирное время. Единственный резонъ, убѣдительный для варваровъ, могли представить имъ козаки, рѣшившіе однажды навсегда вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ бусурманамъ. Слухъ объ ихъ близости носился уже по городу, и тревога о предстоявшемъ козацкомъ наѣздѣ была такъ велика въ Бѣлгородѣ, что даже нанятую посломъ галеру немедленно очистили, причомъ нѣкоторыя изъ посольскихъ вещей пропали вмѣстѣ съ деньгами, уплаченными за перевозъ въ Козловъ, и никогда не возвращены. [1])

Въ Крыму, куда вскорѣ затѣмъ прибылъ Пісочинскій, только и рѣчи было, что о козацкихъ разбояхъ. Пісочинскій жаловался ханскому правительству на татарскія вторженія, но ему отвѣчали: „Если наши люди были въ королевской землѣ, то они ходили

[1]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. отд. IV, № 71, л. 42.

за своими шкодами: козаки въ нашей землѣ надѣлали много шкодъ и побрали людей; такъ наши отбирали у васъ свое добро и мстились.“ Ханъ строго выговаривалъ послу за козаковъ. Посолъ изъяснилъ, что козаки не подданные польскаго короля; что между ними есть и турки, и татары, и жиды, и москва, и много людей изъ разныхъ христіянскихъ народовъ, а потому король ни передъ кѣмъ не можетъ поручиться за это своевольное скопище. „Вѣдь и въ Царьградѣ“, говорилъ посолъ, „много своевольныхъ людей, хотя султанъ приказываетъ своему магистрату соблюдать строгій порядокъ. Если въ одномъ городѣ нѣтъ возможности усмотрѣть за безпорядками, какъ же ты хочешь, чтобы не было своевольныхъ людей у короля въ его обширныхъ владѣніяхъ и широкихъ границахъ“? Но хана невозможно было увѣрить, что козаки — не королевскіе подданные. Объ этомъ передавали послу, на другой день, мурзы. „Бываютъ между ними и королевскіе подданные“, изъяснялъ Пісочинскій, „но какіе? лишенные чести, приговоренные къ смертной казни, изгнанные и не имѣющіе больше у насъ мѣста. Развѣ можетъ король за такихъ отвѣчать? Козаки“, продолжалъ онъ, „и самому королю причиняютъ много вреда. Королевскія войска часто карали и караютъ ихъ, кого только досягнутъ, но никакъ не могутъ выгубить; пускай царь (то есть ханъ), выгубитъ ихъ до одного, когда они придутъ въ его землю. Король будетъ очень доволенъ“. [1])

Весною 1602 года, низовые козаки, въ 2.000 коней, стоя надъ рѣчкою Каменкою за Брацлавомъ, предлагали свои услуги волошскому воеводѣ, но тотъ поблагодарилъ ихъ за расположенность и отказался. Вслѣдъ затѣмъ разнесся по турецкимъ побережьямъ тревожный слухъ о козацкихъ чайкахъ, вышедшихъ въ Чорное море, и въ то же самое время въ Бѣлгородѣ боялись наѣзда Босого съ рѣки Бога, — того самого колонизатора пустынь,

---

[1]) Тамъ же, л. 47.

о которомъ упомянуто выше, и который потомъ „осадилъ“ на Днѣстрѣ Бершаду. Пісочинскій, находясь вторично въ посольствѣ, писалъ къ королю отъ 12-го мая изъ Бѣлгорода: „Здѣсь всѣ въ большой тревогѣ. Говорятъ, что изъ Днѣпра вышло на море тридцать чаекъ, и каждая несетъ по 50 и 60 козаковъ, а съ чайками нѣсколько галеръ, отнятыхъ козаками у турокъ.“ Черезъ пять дней онъ писалъ, что слухъ подтвердился. „Козаковъ было на морѣ 30 чаекъ, и недалеко отъ Киліи бились они съ турчиномъ Гасанъ-агою [1]). Турчинъ спасся бѣгствомъ, но галеру козаки взяли. 13-го мая подошли они къ Бѣлгороду и остановились у Бугаза, то есть на устьѣ, „гдѣ Днѣстръ впадаетъ въ море съ Овидовымъ-Озеромъ“. Тамъ они захватили корабль, который плылъ одинъ изъ

---

[1]) Авторъ „Богдана Хмельницкаго“, въ 3-мъ изданіи этого сочиненія (т. I, стр. LII), говоря о битвѣ козаковъ съ Гасанъ-агою, создалъ небывалаго у козаковъ атамана Килея. Онъ говоритъ: „Казацкій атаманъ Килей бился на морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его.“ Рукопись, изъ которой почтенный сочинитель заимствовалъ новый историческій фактъ, читается, на л. 106, такъ: „Kozakow Dnieprowych 30 czaiek, iakom W. K. Mci oznaimił, było na morzu, i nie daleko Kiliei mieli potrzebę z Hasan Agą Turczynem.“ Такимъ образомъ городъ Килія превратился въ атамана Килея! Такъ-то бываетъ мудрено писать исторію чужого народа! Бѣднымъ землякамъ моимъ не разъ приходится восклицать: *Бачъ! изъ нашого хворосту та намъ же и карлючку загнуѣ!* Я помню время, когда тотъ же почтенный сочинитель объяснялъ своей довѣрчивой публикѣ терминъ *дейнеки* несуществующимъ и невозможнымъ въ украинскомъ языкѣ словомъ *де-не-якій*. Это стóитъ атамана Килея и церкви у первыхъ запорожцевъ. О такой мелочи, повидимому, не слѣдуетъ намъ заботиться. Нѣтъ, слѣдуетъ! Н. И. Костомарову, какъ иноплеменнику, украинцы замѣтили, послѣ его публичной лекціи, что его объясненіе не объяснительно; но онъ напечаталъ въ трехъ изданіяхъ своей монографіи о Выговщинѣ: „Пушкарь составилъ изъ нихъ (изъ голяковъ) пѣхотный полкъ; они назывались *дейнеками* [т. е., можетъ быть, *де-не-які*: кой-какіе]“. („Историческія Монографіи“, т. II, стр. 73, изд. 1872 года). Точно такъ, въ той же книгѣ, на стр. 73, объяснено слово *затяжці*: „У гетмана были *затяжные* полки [*затязці*, наемные]“. Мы, украинцы, не стыдимся сознаться въ незнаніи чего-нибудь, относящагося къ нашей старинѣ; по иноплеменнику, взявшемуся просвѣтить насъ по этому предмету, видно, кажется, что незнанія для него и быть не можетъ въ такомъ немудреномъ дѣлѣ, какъ исторія *казаковъ*. И то правда: что мы—народъ молчаливый; пока надумаемся молвить о себѣ слово, такъ намъ уже объяснятъ всю нашу подноготную—и пошли мы щеголять по свѣту *де-не-якими* людьми!

Кафы съ товарами. Турки успѣли бѣжать съ корабля, а грекамъ-христіянамъ козаки показали opus misericordiae: обобрали донага и дали свободу. Но вѣтеръ былъ имъ противный, и они принуждены были стоять на мѣстѣ нѣсколько дней съ большою опасностью отъ турокъ." Въ городѣ между тѣмъ (по разсказу Пісочинскаго) трепетали сосѣдства незванныхъ гостей запорожскихъ, и на каждую ночь всѣ перебирались въ замокъ, оставляя городъ пустымъ.[1]) Наконецъ, 16-го мая, козакамъ подулъ благопріятный вѣтеръ, и, распустивъ паруса, опасные посѣтители направились къ Днѣпру. Описавъ это событіе, Лаврінъ Пісочинскій прибавляетъ: „Козаковъ опять опасаются въ Бѣлгородѣ со стороны Днѣпра, а равно и Босого съ Бога."

Во время захвата корабля, турки и татары грозили ему, что отправятъ въ Царьградъ; пускай-ко тамъ разспросятъ у него: зачѣмъ это онъ ѣздитъ къ хану граничиться по Чорное море[2]) да наводитъ сюда козаковъ! Потомъ требовали, чтобы посолъ, именемъ короля, приказалъ козакамъ возвратить галеру и товары съ корабля. Посолъ отвѣчалъ: что это своевольные люди, а не подданные короля; что они столько же послушаются королевскаго посла, сколько и самихъ турокъ; что онъ, Пісочинскій, самъ боит-

---

[1]) „Jedno ia (писалъ къ королю посолъ его), z Tłumaczem W. K. Mci y z czeladzią moią musiałem tak in summo periculo trwać w miescie, bo mi roskazano od Sandzaka Białogrodzkiego, abym z gospody nigdzie nie wychodził i sług nie posyłał. Zyię tylko z wozkow; drzew i wody ledwo dostawaią, a we dnie i w nocy vstawicznie warniąc się trwogą i niebezpieczęstwa tak od Tararow i Turkow, iako i od Kozaków." (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 106).

[2]) Утраченной поляками границы Владислава Ягайла Пісочинскій домогался у хана въ 1601 году, и писалъ объ этомъ къ королю слѣдующее:

„A gdy przyszło mowić o granice po Czarne morze, powiedzieli, ze to być nie moze, bo Czarne morze nie iest Carskie, ale Cessarza tureckiego. To by i Constantynopole było wasze? i by to Cessarz turecki wiedział, obrazał by się thym przeciw Krolowi panu twemu." Я отвѣчалъ (говоритъ Пісочинскій), „ze tu W. K. M. nie mowi nic o Konstantynopolu, o swoię własnosć tylko, o co teraz idzie, bo to zdawna koronie Polskiei nalezy, i co starzy Carowie zawdy przyznawali." (Тамъ же, л. 57).

ся ихъ не меньше, какъ и бѣлгородцы. Насилу успѣлъ бѣдный „недоляшокъ“ отречься отъ завзятыхъ соотечественниковъ и удержать за собою неприкосновенность посольскаго званія передъ раздраженными турками и татарами.

Въ день отплытія козаковъ изъ Цареграда, пришло въ Бѣлгородъ четыре галеры, предназначавшіяся для перевозки татаръ изъ Очакова, для похода въ Венгрію. Имъ тотчасъ бы слѣдовало пуститься за козаками въ погоню; но страшное для Польши могущество турокъ опиралось на шаткомъ основаніи — на янычарахъ. Этотъ избалованный цареградскими деспотами народъ подражалъ имъ самимъ въ любви къ азіатской нѣгѣ и весьма неохотно ходилъ на войну. Любимою дѣятельностью янычаръ была торговля. Оружіе носили они для красы, для защиты отъ посягательства такихъ же, какъ сами, варваровъ, да для разбоевъ и грабежа, которые всегда сопутствовали торговлѣ въ грубомъ состояніи гражданскаго общества. (Не сопутствуютъ ли они и нынѣ карѳагенянамъ XIX вѣка, обитателямъ такъ называемаго *города*, по его торговому господству надъ всѣми городами вселенной? [1]) Обращикъ наглости и безстрашія относительно его султанскаго деспотства явили въ своемъ лицѣ янычаре, прибывшіе изъ Цареграда въ Бѣлгородъ на четырехъ галерахъ. Они подкупили бѣлгородскаго санджака, чтобъ онъ замѣнилъ ихъ присутствіе на морѣ какимъ-нибудь народомъ, и такимъ образомъ далъ бы имъ возможность поторговать привезенными изъ столицы товарами до возвращенія флотиліи изъ Крыма. Королевскій посолъ былъ свидѣтелемъ этой сдѣлки, и записалъ въ своемъ дневникѣ, какъ санджакъ, въ свою очередь, исполнилъ долгъ вѣрноподданнаго. На другой день по отплытіи козаковъ, онъ сѣлъ, съ кѣмъ попало, на

[1]) Англичане никогда не пишутъ въ офиціальныхъ сношеніяхъ *Лондонъ*, а просто *городъ*, какъ римляне не писали Roma, а только urbs. Всѣ народы, позволившіе обсчитать себя въ теченіе многихъ вѣковъ на милліоны милліардовъ фунтовъ стерлинговъ, обязаны знать главную всемірную контору плутократіи, безъ поименованія ея въ документахъ.

галеры и пустился якобы въ погоню за козаками, но, отплывши за ближайшую гору, простоялъ тамъ двѣ ночи и одинъ день; потомъ вернулся въ Бѣлгородъ, какъ-будто не догнавши козаковъ. [1])

Королевскаго посла между тѣмъ осаждали чиновники санджака вмѣстѣ съ послами крымскаго хана. Они упрекали короля въ томъ, что онъ не хочетъ обуздывать козаковъ, а могъ бы это дѣлать, еслибъ хотѣлъ. Вѣдь все это люди изъ его государства, а также изъ владѣній „князя Василія", князя Збаражскаго и другихъ пановъ, подданныхъ королевскихъ. Перечисляли раздосадованные турки и татары даже города и посады, въ которыхъ живутъ козаки. Пісочинскій доказывалъ имъ „more solito", что это — скопище людей изъ разныхъ націй, между которыми есть, конечно, и королевскіе своевольники. „Оглянитесь на себя", говорилъ онъ: „у васъ, въ центрѣ вашего государства, бунтовалъ лѣтъ десять Корай Язычи, природный турокъ, собравши вокругъ себя людей той же самой націи вашей. Чтò хотѣлъ онъ, то и выдѣлывалъ, сколько ни посылалъ вашъ императоръ противъ него войска. Наконецъ, вотъ недавно умеръ, но на его мѣсто вступилъ родной братъ его Рустанъ, съ которымъ еще труднѣе вамъ справляться, и вы не приберете ума, чтò съ нимъ дѣлать. [2]) Ну, а этого пирата Буратъ-райзу, который такъ давно разбойничаетъ на Бѣломъ морѣ

---

[1]) Рукоп. Императ. Публ. Библ., польск. отд. IV, № 71, л. 108. Далѣе слѣдуетъ такой разсказъ:

„Die 19. Rano puscili się na morze pogodnowolnym wiatrem. Tam nazad widać nam było one galiery, gdy Sandzak, odgniewawszy na kozaki, nazad się do Białogrodu wrocił. A my ten dzień i noc płyneli ku Kozliewu."

Пускай читатель вообразитъ себѣ на одной изъ галеръ, при такихъ обстоятельствахъ, Кішку Самійла. Мудрено ли ему перебить экипажъ и овладѣть самимъ орудіемъ турецкой каторги?

[2]) Объ этомъ Рустанѣ, во второе свое посольство къ хану, Пісочинскій писалъ къ королю отъ 21 февраля 1602 года: „Z strony Rustana, brata Karai Jazyczyia zmarłego, iest wiadomosć, ze bardzo blizko do Constantinopola naciera i iuz tuszą zapewne, ze Salamet Girei, Gałga zbiegły z Ordy do Turek, z Bursy do tego Rustana vciekł, i Turki tym bardziei potrwozył." (Въ той же рукописи л. 179).

и самому императору причиняетъ всякіе досады и убытки, почему вы не усмирите? Когда козаки въ землѣ моего государя жгли зàмки и города, когда грабили власти, убивали людей, брали въ плѣнъ, вступали съ нами въ битвы, государь мой никому не жаловался и никого не обвинялъ, хотя между козаками довольно вашихъ турокъ и татаръ. Онъ собственными войсками велѣлъ поражать на голову Наливайка, Лободу, Косинскаго и другихъ козацкихъ предводителей съ ихъ огромными разбойничьими войсками; онъ каралъ ихъ жестокими муками. [1]) Но это разбойницкое скопище опять всё больше и больше собирается изъ разныхъ государствъ, въ томъ числѣ и изъ вашихъ собственныхъ. Вѣдь и морскихъ разбоевъ козацкихъ никогда не бывало, пока ваши турки райзы не пристали къ козакамъ и не научили ихъ воевать, какъ люди, хорошо знающіе море и опытные въ наукѣ мореплаванія, безъ чего на море ходить невозможно. [2]) Сами виноваты вы въ

---

[1]) Въ рукописи слѣдующія, набранныя здѣсь курсивомъ слова зачеркнуты тѣми же самими чернилами: „Ale sam przez woiska, swoie Naliwaika *Wołoszyna*, Łobode *Moskwicina*, Kosinskiego, *chocia był podlaszanin*, i innych wodzow ich z wielkimi woyski łosrowstwa często kroć na głowę kazał porazać, i srogiemi mękami byli karani.“ (Тамъ же, л. 107). Пиша королю донесеніе о своемъ посольствѣ по дневнику, Пісочинскій эти зачеркнутыя слова опустилъ. (Тамъ же. л. 119).

[2]) Эти райзы были греческіе майноты, пираты, вообще приморскіе греки, потомки Перикла и Эпаминонда, готовые служить службу за деньги тому, чье могущество они презирали, —

„.....nor yield, unless to gold.“

Лаврінъ Пісочинскій разсказываетъ, въ своемъ посольскомъ дневникѣ, что, когда онъ возвращался на кораблѣ изъ Крыма въ Бѣлгородъ, возлѣ Очакова „ударила жестокая фортуна.“ Запустивши якори, пловцы цѣлую ночь пробыли in extremis vitae. На разсвѣтѣ, якори не могли уже держать корабля, который несло на скалы. Регизы, т. е. корабельщики, не знали, что̀ дѣлать, и уже отчаялись въ спасеніи; но молодой регизъ, грекъ nomine Parascene, присовѣтовалъ распустить всѣ паруса, вывелъ корабль на боковой вѣтеръ и удалилъ отъ скалъ. „Едва вырвали мы якорь (пишетъ панъ Лаврінъ), тотчасъ подхватилъ насъ вѣтеръ, и, какъ изъ лука стрѣла, полетѣли мы по направленію къ Царьграду.“ (Тамъ же, л. 112).

томъ, что такихъ учителей выпускаете отъ себя. Вы не разрываете мира съ нами, когда ваши бѣлогородскіе люди вторгнутся къ намъ, хотя называете ихъ, также какъ и нашихъ, козаками: вы только приказываете побивать ихъ. Слѣдовательно и мы не нарушаемъ договора козацкими вторженіями." — „На все это", заключаетъ свой разсказъ Пісочинскій, „не отвѣчали они мнѣ ничего rationibus, и остались при своемъ мнѣніи."

Турки были правы. Чтобы понять политику короля относительно козацкихъ вторженій въ турецкія владѣнія, — вторженій, которымъ постоянно вторили панскія поползновенія овладѣть Молдавіею, или по крайней мѣрѣ запутать турецко-молдавскія дѣла, надобно вспомнить начало московскаго смутнаго времени. Вѣдь и тогда королевское правительство лицемѣрило не только передъ сосѣдними народами, но даже и передъ лучшими изъ пановъ своихъ, какъ напримѣръ, передъ Яномъ Замойскимъ. Тотъ же посолъ, который доносилъ королю о своихъ оправданіяхъ передъ раздосадованными сосѣдями, писалъ ему съ дороги о тайномъ вторженіи въ заднѣстровскія земли каменецкаго старосты, съ которымъ онъ имѣлъ сношенія, и пана Горскаго, который собралъ до тысячи козаковъ и повстрѣчался ему подъ Ясами. Вмѣсто того, чтобъ остановить задирательный походъ пана Горскаго, Пісочинскій поставилъ его въ извѣстность о томъ, что намѣрены предпринять татары, и совѣтовалъ соображать съ этимъ свои дѣйствія. [1]) Двуличность въ войнѣ и политикѣ считалась у поляковъ

---

[1]) Вотъ отрывокъ изъ реляціи Лавріна Пісочинскаго въ августѣ 1602 года: „Nie zastałem w Kamiencu Pana Starosty: szedł za Dniestr, ktorego w tych rzeczach co się godziło wiedzieć ostrzegłem. Die 2 Augusti odpisał mi, że naszym w Multaniech skwarno, ochramali się bitwy dać dotąd, czekaiąc na mie. Nie wiem, co się dalei w tych dniach tam stało. Jednak nie pisze mi, iesli się zaraz tam bierze, bo nie wiele ludzi przy nim, powiadaią.—Kozakow z Gorskim potkałem pod Jasy; i tych ostrzegłem, ilie się godziło. Takze i pana Klickiego Rotmistrza na Chocimiu, ktory o naukę W. K. Mci prosi, coby czynić miał pod takiemi niebespiecznosciami nadchodzącemi. (Тамъ же, л. 124).

дѣломъ естественнымъ, особенно въ отношеніи къ народамъ иновѣрнымъ. Все вниманіе было обращено только на то, какъ бы не быть пойманными, что̀ называется, na gorącym uczynku.

Отсюда можно заключить, какъ было бы странно со стороны козаковъ придерживаться какой-либо политики, кромѣ той, которую внушала имъ ихъ позиція. Они не переставали „верстать здобычню дорогу“ по Чорному морю, не обращая вниманія на тѣ мѣры, которыя принимались противъ нихъ одними законодателями Рѣчи-Посполитой и нарушались другими. Да и сами эти законодатели, по крайней мѣрѣ исполнители воли ихъ, никогда не были увѣрены въ возможности прекратить козацкіе набѣги. Коронный гетманъ Жолковскій, въ 1614 году, отъ 26 сентября, писалъ къ королю изъ обоза у Рідкои Дубровы, между прочимъ, о томъ, что вручилъ послу въ Турцію, пану Торговскому, планъ Запорожья, дабы удостовѣрить турокъ, что нѣтъ возможности выжить козаковъ изъ этой мѣстности. „Не въ наше только время (такъ велѣлъ онъ послу говорить передъ турками), но и въ отдаленные вѣка козаки имѣли тамъ свои latibula (убѣжища): ибо еще Геродотъ, древнѣйшій изъ историковъ, упоминаетъ, что въ этихъ самыхъ мѣстахъ всегда гнѣздились такіе же какъ и теперь разбойники“. [1])

Эти двѣ силы, коронно-шляхетская и разбойно-козацкая, развивались, падали и снова вставали параллельно. Онѣ поровну раздѣлили между собою право своевольничанья и область эксплоатаціи, но почти всегда случалось, что, гдѣ выигривала одна,

---

[1]) Informowałem Pana Targowskiego y typum zmalowany dałem mu położenia tych tam pustyń, rzek osobliwie, a Dniepru progow, między ktoremi maią Kozacy swoie latibula, a nie dopiero, ale od wiekow dawnych, gdysz iescze Herodotus, nastarszy Historik, wspomina, ze na tych tam mieiscach tacy zawzdy iako y teraz rozboinicy bywali; a to dla tego vczyniłem, zeby per demonstrationem Pan Targowski vkazał Wezerowi dla wyrozumienia lepzego, ze niepodobna z tamtych mieisc, gdzie fixerunt domicilium, gdzie sedes ich iest, nam ich zrazać“. (Рукоп. той же Библ. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 92).

тамъ теряла другая. Судьба государства и будущность общества вполнѣ зависѣли отъ того, которая сила окажется болѣе жизненною: та ли, которая, по видимому, работала для цивилизаціи и созидала государство, или та, которая какъ-будто стремилась возвратить общество вспять, и готова была поступить съ государствомъ, какъ слѣпой Сампсонъ съ филистимскою храминою. Когда коронно-шляхетская сила проиграла громадную игру свою въ Московщинѣ, у козаковъ отъ той же игры остался въ рукахъ большой выигрышъ. Не гоняясь за политическими призраками, они дѣйствовали по словамъ: „довлѣетъ дневи злоба его", пеклись только о настоящемъ моментѣ и вѣровали, или чуяли сердцемъ, что будущее само о себѣ позаботится. „Якóсь вонó та бýде"! говоритъ и теперь украинецъ, чуждый политическихъ мечтаній и слывущій у людей недалекихъ *беззаботнымъ хахломъ*. Беззаботные хахлы вывезли изъ Московщины столько добра, что давнымъ давно „полатали злыдні", постигшіе ихъ подъ Лубнями, и были въ силахъ совершать на морѣ дѣла разбоя относительно враговъ христіянства, предаваемыя проклятію въ турецкихъ лѣтописяхъ, [1]) и дѣла человѣколюбія относительно „бѣдныхъ, безсчастныхъ невольниковъ", воспѣтыя украинскими Гомерами. Часъ отъ часу пріобрѣтали низовые козаки на Украинѣ все больше и больше вліянія. Конечно это вліяніе не было благотворно для культуры; призваніе козаковъ, какъ временно-необходимой корпораціи, было не культиваторское. Подъ ихъ предводительствомъ собирались разнаго рода своевольные люди, нападали на панскія усадьбы и разоряли панское хозяйство. Изъ-за соперничества двухъ противоположныхъ силъ, страдало все населеніе края, со всѣмъ его хозяйствомъ. Но надо при этомъ помнить, что не будь этихъ буйныхъ козацкихъ купъ, не дававшихъ богатѣть ни панамъ, ни панскимъ подданнымъ,—не стояли бы на мѣстѣ и тѣ села, въ ко-

[1]) См. „Collectanea z Dzieiopisów Tureckich", przez Sękowskiago.

торыхъ бушевали козаки. Не явись въ польскихъ пограничныхъ воеводствахъ новые буйтуры всеволóды, народные верховоды,— научила бы шляхта весь русскій народъ черпать шапкою пыль передъ нею, и создала бы государство безъ народа, безъ народнаго чувства, безъ народной поэзіи,—такое государство, котораго слѣды мы съ жалостью и негодованіемъ видимъ надъ Вислою. Козаки были призваны спасти народную будущность грубо-реакціоннымъ способомъ.

Въ одномъ изъ донесеній къ королю, коронный гетманъ Жолковскій писалъ: „Козаки овладѣли всею кіевскою Украиною, господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, чтò хотятъ, то и дѣлаютъ“. Но не одни козаки дѣлали, чтò хотѣли. Пограничные паны научили ихъ рыцарствовать; они же постоянно учили ихъ и своевольничать. Самая война съ Московскимъ государствомъ, изъза выдуманнаго ими царевича Димитрія, была для козаковъ школою разбоевъ, грабежей и политической разузданности. Ничто не останавливало пограничную шляхту въ ея фантазіяхъ относительно польскаго господства въ Молдавіи, ничто не останавливало и козаковъ, когда у нихъ являлась охота пошáрпать богатаго Турчина. Въ самый тотъ годъ, когда Струсь, герой Лубенскаго побоища, очутился вмѣстѣ съ своими соратниками въ кремлевской западнѣ, его землякъ и сосѣдъ, Стефанъ Потоцкій, вторгнулся, чтò называлось, na własną rękę въ Молдавію, чтобы поддержать низложеннаго Турціею господаря, какъ поддерживали его товарищи тушинскаго вора, и пострадалъ подобно героямъ войны московской. Но сходство между одними и другими шляхетными героями этимъ не оканчивается. Въ глазахъ современниковъ, походъ Потоцкаго предпринятъ былъ na własną rękę, а передъ потомствомъ лежатъ бумаги, изъ которыхъ явствуетъ, что король, чрезъ посредство Жолковскаго, поручилъ „Jego Mości Panu Stefanowi Potockiemu, Staroście Felińskiemu, чтобы онъ, съ частью войска, которое взяло деньги на королевскую службу, шолъ въ Волощину,

прогналъ оттуда Томзу, а Константина посадилъ опять на господарство". [1]) Козаки, не зная, конечно, закулисныхъ дѣйствій короля и короннаго гетмана, шли по слѣдамъ Потоцкихъ, Корецкихъ и другихъ ополяченныхъ братьевъ своихъ, но съ тою разницею, что козацкая выручка отъ похода превосходила панскую въ нѣсколько разъ. Это происходило, прежде всего, отъ того, что „семилатная сермяга" и „подбитая вѣтромъ шапка" служили козаку тамъ, гдѣ пану необходимы были златоглавы, адамашки, саеты. О прочемъ на сей разъ умалчиваю. Въ виду шляхты, вдававшейся все больше и больше въ роскошь, выростали соперники, страшные самою простотою своего быта. Здѣсь началась та самая борьба, которая происходила на далекомъ отъ Украины островѣ между роскошными англійскими „кавалерами" и умѣренными въ одеждѣ, пищѣ, обстановкѣ пуританами,—борьба, совпавшая съ кровавою Хмельнищиною, которая, впрочемъ, не выдерживаетъ съ нею никакого сравненія. Противоположность между двумя лагерями, въ этомъ отношеніи, была поразительна, и въ особенности, что̀ касалось до дѣлежа добычи. Польская исторія наполнена безобразными сценами раздора между гербованными добычниками, и еще болѣе безобразными фактами утайки и расхищенія общественныхъ сборовъ. Козаки разбойничали для ремонтировки, но не было между ними примѣра кровавой схватки по случаю „паюванья" добычи. Они, какъ родные чада народа своего, превзошли, со стороны „стыдѣнія", своихъ предшественниковъ, варяго-русскихъ князей: у тѣхъ, по сказанію „Слова о Полку Игоревѣ", братъ брату говаривалъ безъ всякаго стыдѣнія: „се мое, а то мое же", и по пословицѣ: „въ чужой рукѣ кусокъ великъ", называлъ „малое великимъ". Что̀ касается до обществен-

[1]) Автографы этой переписки хранятся въ архивѣ князей Сангушковъ, въ Славутѣ, а копіи напечатаны въ „Pismach Stanisława Żołkiewskiego", драгоцѣнномъ изданіи покойнаго Авлуста Бѣлёвскаго, которое одно, безъ другихъ полезныхъ трудовъ этого благороднаго дѣятеля исторіи, составило бы ему почтенное имя въ потомствѣ.

ной собственности, то она хранилась въ запорожскихъ скарбницахъ безъ замковъ, одною честностью тѣхъ, которые за украденное конское путо, стоившее полушку, казнили своего товарища смертью. [1]) Но обратимся къ тому, чему вѣрятъ охотнѣе,—къ разбоямъ и опустошеніямъ козацкимъ.

Одновременно съ Потоцкимъ, козаки пустились въ своихъ чайкахъ на Варяжское или Русское море „славы-лыцáрства козацькому війську здобувати", какъ объ нихъ пѣли идеалисты-кобзари, и проложили себѣ широкую „здобычню дорогу", призабытую со временъ князя Олега Кіевскаго. Слухъ объ этомъ походѣ встревожилъ и раздразнилъ сеймующихъ пановъ, и въ 1613 году противъ козаковъ опубликованъ былъ по всему пограничью строгій королевскій универсалъ. Козаки, отвѣдавъ „турецкаго добра" на морѣ, готовились навѣстить своего вѣчнаго врага бусурмена въ Волощинѣ, за которую и безъ того надобно еще было считаться королю съ султаномъ, нужды нѣтъ, что Стефанъ Потоцкій былъ турками разбитъ и взятъ въ плѣнъ. „Услышавъ объ этомъ своевольномъ замыслѣ вашемъ", писалъ король къ козакамъ, „всѣ коронные чины и вся Рѣчь-Посполитая, *почти* въ одинъ голосъ, горячо просили насъ обуздать и покарать это своевольство ваше; а потому, въ случаѣ вашего непослушанія, мы прикажемъ нашимъ старостамъ и всяческимъ властямъ истреблять васъ и карать на имуществѣ, женахъ и дѣтяхъ вашихъ". Угроза несостоятельная, при солидарности съ козаками однихъ властей и при боязни ихъ раздразнить—другихъ. Пока собрался сеймъ и постановилъ *почти* единогласное рѣшеніе свое противъ козаковъ, они успѣли сходить и въ Волощину и на Чорное море.

---

[1]) Даже послѣ деморализаціи, которою козачество всего больше обязано Богдану и Юрію Хмельницкимъ, послѣдніе козаки, уманскіе гайдамаки, прозванные *коліями*, не считали нужнымъ прятаться отъ товарищей съ общими деньгами. Я записалъ изъ устъ очевидца, точными его словами, разсказъ о томъ, какъ охранялись въ лѣсу груды денегъ. (См. „Записки о Южной Руси" томъ I.)

Въ Царьградѣ заволновались всѣ члены дивана отъ вѣстей о козацкихъ похожденіяхъ. Польскій посолъ Андрей Горскій оправдывался тѣмъ, что козаки — разбойницкое скопище разныхъ племенъ, что своевольство вошло имъ въ привычку, что они знать не хотятъ ни короля, ни Рѣчи-Посполитой, и что, если турки умудрятся ихъ истребить, такъ поляки за это отнюдь не будутъ въ претензіи. Оправданія тщетныя.

Здѣсь Тацитомъ козацкимъ является самъ коронный гетманъ Жолковскій. Передъ сеймомъ, назначеннымъ на 1615 годъ, онъ послалъ на повѣтовый сеймикъ увѣдомленіе о „свѣжихъ" событіяхъ на сушѣ и на морѣ, написанное, какъ онъ выразился, simplici et vera narratione.

„Я полагаю, что вамъ извѣстно", писалъ онъ, „какъ намножилось теперь низовыхъ козаковъ. Опановали они кіевскую Украину, а особливо поднѣпровскій край, сходятся цѣлыми войсками, позволяютъ себѣ всякія буйства, грабятъ украинскія имѣнія, а съ днѣпровскаго Низу, куда идутъ съ весны, наѣзжаютъ на владѣнія султана и крымскаго царя. Въ прошломъ 1613 году два раза ходили они на море и надѣлали много шкодъ во владѣніяхъ татарскаго царя. Послалъ турецкій императоръ въ очаковскій портъ classem, то есть не малую водяную армату, галеры и чайки, чтобы побить ихъ, когда будутъ возвращаться, такъ какъ другой дороги нѣтъ на Низъ; но вышло напротивъ. Козаки, разоривъ нѣсколько городовъ in Taurico Chersoneso, придыбали неосторожныхъ турокъ ночнымъ діломъ [1]) и погромили ихъ въ томъ же очаковскомъ портѣ. При этомъ взяли шесть галеръ и наловили не мало чаекъ. Сами они донесли о своей побѣдѣ королю на прошломъ сеймѣ своимъ листомъ и посольствомъ. Писали и ко

[1]) Читатель помнитъ, что Жолковскій—русинъ, и что онъ обращается на повѣтовомъ сеймикѣ къ панамъ русскимъ, которые были только окрашены въ польскій цвѣтъ: поэтому его польщизна сильно отзывается языкомъ народа, относительно котораго онъ былъ *недоляшокъ*.

мнѣ о томъ же. Это дѣло было предметомъ общихъ толковъ на Украинѣ. Понятно теперь каждому, какъ придутъ этакія шкоды, этакія кривды надменные своимъ могуществомъ поганцы. Почему я, сколько могу, стараюсь освѣдомиться заблаговременно объ опасностяхъ, угрожающихъ Рѣчи-Посполитой. Неостороженъ тотъ nauclerus, [1]) который видитъ только praesens periculum. [2]) Надобно усматривать издалека advenientem tempestatem, [3]) и тѣмъ заботливѣе готовиться къ ней. Давно ужъ у меня умогорічено въ Константинополѣ, чтобы давали мнѣ знать обо всемъ, что говорятъ, что замышляютъ турки. Свѣдалъ я, что турки войну противъ насъ meditantur. Сильно это меня встревожило: я далъ знать королю и присовокупилъ solennia verba [4]) относительно того, что обыкновенно дѣлаютъ бывало римляне въ опасностяхъ.... Въ то же время козаки, вышедши изъ Запорожья на волости немалымъ войскомъ, стали дѣлать всякое зло и притѣсненія людямъ всѣхъ сословій, всей Украинѣ. Обыватели Брацлавскаго воеводства взмолились ко мнѣ, чтобъ я спасалъ ихъ отъ этого притѣсненія и бѣдствія. Своевольники пришли было уже въ имѣнія князей Збаражскихъ, подвигаясь къ волошской границѣ, и вели съ собою въ Волощину какого-то господарчика самозванца. Видя, что намъ угрожаетъ еще новая ссора съ поганцами, и соболѣзнуя о притѣсненіяхъ, которыя терпитъ Украина отъ этихъ своевольныхъ людей, обослалъ я ихъ сперва чрезъ ихъ собственныхъ, находившихся при мнѣ посланцовъ, потомъ далъ знать и ротамъ, чтобы готовились къ походу, а предъ заговѣньемъ самъ пошолъ на Украину. Козаки тогда повернули къ Днѣпру, потомъ пошли за Днѣпръ и расположились въ Переяславѣ.“

Далѣе Жолковскій излагаетъ, какъ онъ усиливался нарядить

---

1) Кормчій.

2) Настоящую опасность.

3) Приближающуюся бурю.

4) Торжественныя слова.

коммисію для устройства отношеній козаковъ къ правительству, съ цѣлью отвлечь ихъ отъ морскихъ походовъ, какъ, однакожъ, члены трибунала не послушались его убѣжденій, и потомъ продолжаетъ:

„А между тѣмъ, въ этомъ (1614) году козаки два раза ходили на море, сперва въ началѣ весны, но тогда имъ не посчастливилось: tempestas [1]) разнесла ихъ по морю, не мало потопила, а нѣкоторыхъ выбросила на берегъ: тѣ были побиты и переловлены турками. Зато вознаградили они себя другимъ разомъ ultimis diebus Augusti.“ [2]) — Но объ этомъ будетъ разсказано ниже.

Что было туркамъ дѣлать съ козаками? Они рѣшились построить замки при впаденіи Днѣпра въ Чорное море. Въ 1614 году, султанъ писалъ къ королю, что послалъ загородить козакамъ дорогу румелійскаго беглербека Ахметъ-башу („котораго высота да пребываетъ во вѣки“), съ тѣмъ, чтобы Ахметъ-баша искалъ ихъ всюду и истреблялъ до послѣдняго. Султанъ совѣтовалъ королю принять и съ своей стороны противъ козаковъ соотвѣтственныя мѣры. [3])

Это извѣстіе больше встревожило, нежели обрадовало королевское правительство. „Легко понять“, толковали королевскіе совѣтники, „что это замыселъ противъ насъ. Искать турецкому войску козаковъ по дикимъ полямъ, по пустынямъ, по Запорожью, или строить на быстромъ Днѣпрѣ замки — въ этомъ нѣтъ смысла. Подъ предлогомъ истребленія козаковъ, поганинъ ищетъ расширенія границъ своихъ.“ [4]) Коронный

---

[1]) Буря.

[2]) Въ послѣднихъ числахъ августа.

[3]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, л. 71.

[4]) „Turcy są na tym....aby, Kozaki znosząc, włosci koronne posiadali y granice swe roszerzali.... tam ztey strony pokoiu trudno się spodziewać, iezli sposob obrony na tym Seymie namowiony nie będzie. A nie trzeba większy do woyny przyczyny to samo ludzy naszych mimo wiadomosć y nad roskazanie J. K. Mci wescie do Wołoch, zniesienie dawnego [wprawdzie w głowę nam nieprzyiaznego] Hospodara, nasadzenie nowego gotowy nam niepokoy przyniesie. Ztymi, ktorzy

гетманъ поспѣшилъ на границу польскихъ владѣній и „стоялъ едва не въ глазахъ непріятельскихъ, съ бо́льшимъ сердцемъ, нежели войскомъ“, какъ говорено о немъ на варшавскомъ сеймѣ. [1]) Для усиленія своего войска панскими почтами, онъ просилъ трибунальскихъ депутатовъ отложить свои засѣданія или уволить по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пановъ отъ участія въ судахъ и отъ веденія дѣлъ ихъ; но столько набралось казусовъ по части шляхетскаго самоуправства, что трибуналисты не рѣшились отсрочить засѣданія. Такіе поступки, какіе позволилъ себѣ безнаказанно (яко человѣкъ сильный) князь Острожскій съ невѣсткою, такія войны, какъ между Стадницкимъ и Опалинскимъ, въ которыхъ профанировалась даже святыня церквей, принадлежавшихъ къ имѣніямъ противника, [2])

---

to uczynieli iako postąpić, poda to J. K. Mć pod vwazenie Seymowe. Nie stanie iednak natym: bedzie Turczyn chciał swego się mscić, na co nam trzeba bydz gotowymi. Wyprawił tam J. K. M. iusz posłanca swego, aby nieco mogł zachamowac impet tego Tyrana, wszakosz nie pewna iescze, co ten sprawi“. (Тамъ же, разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 74). Это говорено на сеймѣ отъ имени короля, который скрывалъ иногда распоряженія свои отъ правительственныхъ лицъ и, безъ вѣдома сейма, навлекалъ на государство войну, какъ это сдѣлалъ онъ, велѣвши тайкомъ потоцкому вторгнуться въ Волощину.

[1]) Тамъ же, л. 107. По словамъ инструкціи на сеймъ 1615 года, никто почти изъ пановъ не пришолъ къ гетману на помощь; у него было войска всего три хоругви, съ которыми онъ не долженъ былъ появляться передъ непріятелемъ, ради самой славы Рѣчи-Посполитой. (Тамъ же, польск. Л. F, отд. IV, № 99. л. 73).

О турецкомъ походѣ къ Очакову писалъ Жолковскій къ королю изъ Жолквы отъ 31 марта 1814 года:

„.... głowny Vromelsky Beglerbek w Zophiey zimował tam na S. Jurgią Ruskiego wszytkim Sendziakom ktorzy za Dunaem są y inszym ludsiom ktokolwiek vłafę bierze, sciągać się roskazat, a ysz o woynie do Węgier niesłychać, trzeba się pilnie ostrzegać, zeby Turcy, iako to oni zwykli, niespodziewanych nas przydybać nie chcieli. (Тамъ же, л. 3).

[2]) У насъ часто вопіютъ противъ насилія польскихъ пановъ надъ русскими въ церковныхъ дѣлахъ. Оно дѣйствительно дѣлалось, только всегда больше въ экономическихъ, нежели въ религіозныхъ видахъ. Между панами единовѣрцами въ Польшѣ случались дѣла не лучше тѣхъ, которыя возмущаютъ наше религіозное чувство. Вотъ выписка изъ оповѣщенія польскаго примаса въ 1610 году о безпорядкахъ въ государствѣ. Примасъ говоритъ сперва о вербовкѣ

отнюдь не были ни единичными, ни рѣдкими случаями. Хотя польскія лѣтописи представляютъ иногда примѣры наказанія за подобныя преступленія, какъ инфаміею и баниціею, такъ и публичнымъ снятіемъ буйной головы съ плечъ; но шляхтичу оставлено было средство умилостивить карающую руку закона: онъ долженъ былъ совершить подвигъ, достойный покаянія. Такимъ подвигомъ была защита границъ отъ непріятельскаго вторженія или битва съ нимъ въ самихъ границахъ. [1]) Преступниковъ между шляхтою было всегда много, и если цѣлые десятки „экзорбитанцій“ приписывались Яну Замойскому, то много ли было между панами такихъ, которыхъ бы не за то, такъ за другое нельзя

венгерскихъ сабатовъ пограничными панами, съ преступными цѣлями, и объ ихъ разбойничаньѣ (на манеръ Наливайка или Косинскаго) среди родного края, потомъ пишетъ:

„Pan Stadnicki Sabaty miał y nia (sic) Lezaiskie stwo occupowal. Pewna, ze dziewienć Kosciołow spustoszonych bydlętom mieszkaniem są. Domow szlacheckich nad siedmdziesiąt przez swowolne ludzie wybranych. Pewna y tho, ze y w drodze y w domu nie kazdy bespieczen; y odległych, choć nie przymieszali się do nieprzyiazni ani z tą ani z ową stroną, ta bieda dolegała y dolega.... Zyczą raczey y npominaią pp. senatorowie, aby pan Stadnicki przeciwnemi postępki opinią o sobie znosil. A zniesie tym, kiedy Sabaty Węgry y Cudzoziemskie ludzi rospusci, y więcey napothym do siebie ich nie będzie wabił.... Kościoły profanowane, iako y nabozenstwo w nich, opatrzyć wolno, komu co nalezy; temu przekazy Pan Stadnicki czynić nie ma, y owszem za pobrane z nich ochędostwa y apparatow satisfactią vczynic powinien. Z Starostwa Lezaiskiego aby vstąpił y w nim impedimentu zadnego themu co mu na tho prawo służy nie czynił (Стадницкій занялъ староство безъ воли короля).... Nie wie y teraz J. K. M. aby kiedy koło Łowicza ludzie zbierać miał Pan Opalinski, ani tesz tam mimo chłopkow robotnych Bohatyrow wiele; Łowicz tesz od Łoszakowic przeszło mil czterdziesci. A isz z rozięteу z Panem Opalinskim nieprzyiazni, iako ze srzodka iakiego, co wnętrzny pokoi y bespieczenstwo wzrusza, pochodzi, vpominać (sic) Ich MM. PP. Senatorowie Pana Stadnickiego, aby pracą y staraniem tych, co się w zastanowieniu zawziętei nieprzyiazni wdali, niepogardzal, a raczey iednaniem pomiarkowanem (sic) nieprzyiazni vprzątnął“. (Л. Q. отд. IV, № 8, лл. 5—8).

[1]) Преступникъ выпрашивалъ обыкновенно такъ называемый глейтъ, т. е. охранный листъ, и вступалъ въ королевское войско, какъ ни въ чомъ не бывалъ. Такой глейтъ получилъ отъ короннаго гетмана, въ 1616 году, извѣстный бунтовщикъ столичнаго войска и потомъ банитъ Цѣклинскій. (Самый документъ напечатанъ въ „Pismach Stanisława Żołkiewskiego“, изданныхъ А. Бѣлёвскимъ.)

было привлечь къ суду? Даже и въ настоящемъ случаѣ столько имѣлось въ виду преступниковъ, что изъ нихъ, съ ихъ почтами, могла бы составиться цѣлая армія. Зная это, король, съ своей стороны, упрашивалъ „трибуналистовъ", многократно повтореннымъ универсаломъ, отложить суды свои, потому что никто не пойдетъ спасать отечество отъ наступающаго на Польшу, подъ благовиднымъ предлогомъ, Турка, если другіе должны будутъ въ это время „stawać do prawa". [1])

Это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему пограничные паны безпрестанно задирали свирѣпаго сосѣда: потому что, послѣ всякаго задора, по неволѣ были призываемы подъ королевскія знамена. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также и то, что козацкое своевольство, раздражавшее турокъ, далеко не приводило пограничныхъ пановъ въ такое негодованіе, какое выражали сеймовыя конституціи и королевскіе универсалы. Часто оно было водою на панскія колеса, и вотъ почему королевскіе мандаты противъ козаковъ и множество коммиссій, назначаемыхъ для ихъ обузданія, приводились въ исполненіе весьма вяло, а иной разъ просто сдавались въ архивъ. [2])

---

[1]) Привожу характеристическія слова королевскаго универсала.

„.... Jusz po kilka krocz przez pisanie y posłancze nasze wzywalismy Vprz. y W. W. abyscie, maiac wzgląd na następuiące od Pogan na Rptą niebespieczenstwa, Sądi Tribunalskie limitowali, chcąc w tym dogodzić ludziom Vkrainnym, aby y przez się y przez przyiaciele swe potężni w tym zaciągu stanąć y Oicziznę ratowacz mogli. Bo luboscze Vrpz. y Wier. W. pewne osoby wolnymi vczinieli, oni iednak sami, dgy ci, ktorych ssobą prowadzą, do prawa stawać muszą, zniemi niepoydą, any niepryiwlowi odporzu dadzą, ani tego swowolenswa, ktore y Panstwa nasze gubi y społecznymi nieprzyacioły nas wadzi, niepochamnią, a Rpta choćby tesz ostatnia nawalnosć od Turczina nienastempowała, od Tatarzyna, ktory iest pogotowiu, szwank zszkodą y zniesławą odniesie, y swowolnym ludziom włup podana będzie...." (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. л. F, отд. IV, № 99, л. 57).

[2]) Коронный гетманъ, отъ 26 октября 1614 года, послалъ къ трибунальскимъ депутатамъ слѣдующее сообщеніе, которое дополняетъ картину внутреннихъ безпорядковъ Рѣчи-Посполитой и, между прочимъ, прибавляетъ одну или двѣ черты мѣстной жизни, для насъ интересныя.

Ополчаясь противъ турецкой силы, коронный гетманъ старался подавить въ то же время и силу козацкую, если не vi, то consilio, какъ онъ выражался. Онъ доносилъ отъ 30 октября изъ Бара, что козацкіе послы были не прочь принять предписанныя

„.... Obwiesczałem y o hetmanie, ktorego Cesarz Turecki na thę expeditią wyprawował y dawałem znać y do Ich MM. Deputatow przeszłego Tribunału, podawałem y radę swoią, iakoby isto statu Reipub. bez wielkiego zawodu privatorum, ktorzy maią moznosci swoie w tych kraiach, do tego się przyczynienim Rpta w tym razie wesprzeć się mogła. Lecz iz Ich MM. PP. Deputaci niechcieli tych ossob od sądow vwolnić, in lubrico zostało teraz bespieczenstwo Rptey. Nastąpił then Hetman Cesarza Tureckiego, oktorymem dawał znać z wielkim Woiskiem, oktorymem dawał znać, zebrawszy się z Woiski Tatarskimi, z Hospodarem Wołoskim y Hospodara Multanskiego ludem, postawiwszy most v Hezynie na Niestrze, poszedł na the stronę Niestru, o same się prawie granice koronne opieraiąc. Primis diebus Septembr. poszedł ku Oczakowu; buduie tam coś dla zamkmenia Portu z Limieniu, gdzie Dniepr z Bochem w morze się oddaią, budnie y zamek Balakley szesć mil iakoby poniz od Oczakowa nad Bochem. Bywał tam przed thym kiedyś zamek, są y teras ruiny. Rzeczka Czapczaklei w tamtym mieiscu do Bochu przychodzi. Naszych ludsi, ktorzy zwykli na Ryby dla zwierza na the pustynią chodzić, iednych pobili, drudzy kto mogł povciekali. Tatarskie woiska rozbiegły się ku gorze pozad Bochu osmnascie mil tu od tego mieisca, gdzie ia iestem, stoią. Taką mam sprawę: oczekiwaią przybycia Cara Tatarskiego samego, y skoroby Car przyszedł, o ktorym oznaimił mie Hospodar Wołoski od Oczakowa, ze iusz iusz iest, mieszkać nie będą, choć Turcy będą budować, ale Tatarom pewnie bydz do Panstw Rptey. Zwoływam do ratunku kogo mogę.... Zesłałem się z Kozaki Zaporowskimi, iako z ich przyczyny do tego zatrudnienia Rpta przychodzi, zeby y oni w tym niebespieczenstwie do Woiska się brali; wszytkim obwiescił ukraini, zeby in communi salute tuenda zbierali się do Woiska. Y to pewnie nie mnieisze niebespieczenstwo, ze Cesarz Turecki tym budynkiem podsiada y podmyka się pod granice koronne. Mniemam, ze J. K. M. będzie raczył złozyć wrychle Seim...."

Приписка: „.... Kozacy Zaporowscy przed osmią dziewiącią Niedziel nie małym Woiskiem kilka Tysięcy ich posli na morze, iako mi dano znać z Białogrodu y Hospodar Wołoski; przeszedszy poprzek czarnego Morza, na Asyiskim brzegu nie daleko Trapezuntu kraie spokoinie y od dawnych czasow nieruszane woiowali. Credibile est, ze szkody niemałe poczynili Turkom, ale sami dotąd nie wrocili się y thowarzysze ich, ktorzy tu u mnie byli, powątpili barzo, zeby się z nimi kiedy miely widzieć. Jest y to, ze Turcy zastąpili im w Porcie v Oczakowa y obwarowali potęznie, zeby ich niepuscić w Dniepr. Ale tym więcey obawiam się, zeby posrodkiem morza z tak małemi statkami tempestas rozrzuciła, potopieła ich: iuszby im dawno czas; zadnego do tego czasu nie słychać". (Въ той же рукописи, лл. 89—90).

козачеству ограниченія, но, для полученія согласія всего Войска Запорожскаго, необходимо недѣль пять времени. (Обыкновенная выжидательная проволочка, въ теченіе которой козаки могли понадобиться правительству такъ точно, какъ и паны, накуралѣсившіе попански.) Между тѣмъ коронный гетманъ, communicato consilio съ товарищами назначенной королемъ коммиссіи, расположилъ пѣшее и конное войско свое по берегу Днѣпра, начиная отъ Кіева и до Черкасъ, „для острастки козакамъ, чтобы видѣли они, что serio res agitur, и покорились волѣ коммисаровъ.“ [1])

Очень бы кстати было ему теперь составить козацкую коммиссію изъ крупныхъ землевладѣльцевъ пограничныхъ воеводствъ. Подъ предлогомъ этой коммиссіи, онъ бы двинулъ въ поле великихъ пановъ съ ихъ импозантными почтами, и однимъ этимъ уже отвратилъ бы набѣгъ татарскій, который всегда предшествовалъ вторженію турокъ. Его старанія не удались, и ему стоило большихъ трудовъ отвратить наступавшую грозу.

„Такъ какъ слухи о сборѣ поганскихъ войскъ безпрестанно повторялись“, писалъ Жолковскій на повѣтовый сеймикъ, „то я поѣхалъ самъ на Украину, созвалъ къ себѣ пановъ ротмистровъ кварцяныхъ и иныхъ военныхъ людей, находящихся въ Украинѣ, и, посовѣтовавшись, что̀ дѣлать, рѣшился не сзывать войска въ лагерь: шпіоны тогда бы сочли его, и обнаружилось бы передъ непріятелемъ, какъ насъ мало. Вмѣсто того, разставилъ я жолнеровъ по селамъ на Поднѣпріи, чтобы слухъ объ этомъ прошолъ въ Волощину; а нѣкоторыя роты размѣстилъ по шляху, что идетъ ко Львову и Каменцу. Это нужно было для того, чтобы чаушъ, посланный къ королю, видѣлъ на возвратномъ пути, что мы готовы къ бою. Въ самомъ дѣлѣ, то, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, сдѣлало на него впечатлѣніе. Въ поганскіе края полетѣла молва, что весь поднѣпровскій край готовъ двинуться противъ турокъ, и

[1]) Тамъ же, л. 91.

король получилъ отъ султана дружелюбное посланіе. Между тѣмъ Ахметъ-баша шолъ къ намъ съ войсками изъ Греціи, Македоніи, Ѳракіи, соединился съ другими башами, которые двинулись изъ Болгаріи, переправился черезъ Дунай въ Волощину, миновалъ Килію и Бѣлгородъ, направился прямо къ Днѣпру и велѣлъ строить мостъ на Днѣпрѣ. Вдругъ разнеслась вѣсть о разореніи Синопа. Тогда онъ сталъ совѣтоваться, что̀ предпринять: идти ли, какъ ему приказано, на пустыню строить за̀мки, или же броситься во владѣнія Рѣчи-Посполитой и отомстить намъ за козацкія злодѣйства. Все это зналъ я отъ одного пріятеля; знали объ этомъ и наши украинцы. Тревога была страшная. Нѣкоторые хотѣли уже бѣжать изъ своихъ за̀мочковъ; но я созвалъ кварцяное войско; между тѣмъ выступило въ поле ополченіе князя Острожскаго, князя Збаражскаго, явились почты и другихъ украинскихъ пановъ; невѣрные не рѣшились вторгнуться въ наши границы. Беглербекъ перешолъ по мосту черезъ Днѣпръ и пошолъ черезъ поле къ Очакову. Тамъ, на рѣчкѣ Чапчаклей, въ шести миляхъ выше Очакова, хотѣлъ онъ возобновить за̀мокъ, запустѣлый съ давнихъ временъ, такъ называемый Пустой Балаклей. Выискалъ онъ и еще два за̀мка, также пустыхъ: одинъ по сю сторону Днѣпра,—зовутъ его Тегинка; а другой по ту сторону,—зовутъ Асланъ-городокъ. Все это хотѣлъ онъ возобновить, яко-бы для удержанія козаковъ отъ набѣга. Но хоть бы и успѣлъ въ этомъ, не заградилъ бы козакамъ дороги на море. Намѣреніе его, однакожъ, не исполнилось. Только лишь началъ онъ что-то лѣпить въ Балаклеѣ, какъ въ сентябрѣ настала слякоть, пошли дожди, сдѣлалось холодно. Турки не могли выдержать ненастья среди пустого поля, стали бунтовать, и Беглербекъ, бросивши все, пошолъ обратно. Много погибло у него въ пустынѣ и людей и лошадей отъ непогоды“.

Такъ избѣжала Польша опасности, которая грозила ей въ этомъ году извнѣ. Но внутри государства еще съ весны завязалась исторія самаго печальнаго свойства. Герои московской тра-

гедіи, претендовавшіе на безсмертную славу въ потомствѣ,—не получая жалованья за московскій походъ, разсвирѣпѣли до того, что, по словамъ короля, „едва не погибла свобода и безопасность общества“. [1]) Въ шляхетской демократіи, терроризованной войскомъ, готовъ былъ разразиться бунтъ противъ главнаго принципа польской государственности, — противъ можновладства. Мелкіе землевладѣльцы обвиняли крупныхъ въ томъ, что они, своими тайными замыслами и нарушеніями общественнаго права, заставили всю шляхту нести имущественныя потери, терпѣть неслыханныя разоренія и даже, что̀ всего обиднѣе, отбывать лично унизительныя повинности. Они, разъѣхавшись изъ главнаго сейма по депутатскимъ сеймикамъ, представляли дворянскимъ собраніямъ своимъ, что магнатская факція прекратила московскую войну безъ воли Польши, и распространяемыми повсюду „скриптами“ спрашивали у земскихъ пословъ: „Почему не спасали вы войска деньгами и пѣхотою, чтобъ оно удержало за собою Москву? Почему не продали котораго-нибудь изъ королевскихъ столовыхъ имѣній (старо́ства), или не подѣлили между рыцарствомъ, какъ сдѣлалъ Ягайло? Почему не перенесли платежей на старо́ства, какъ сдѣлалъ Казимиръ Сигизмундъ? Почему наложили три побора на шляхетское сословіе, которое объ этой войнѣ ничего не вѣдало? Зачѣмъ все войско соединили тамъ, гдѣ назначена ему плата? Зачѣмъ навели его, какъ-бы умышленно, на насъ? Почему такъ сталось, что польза обратилась намъ во вредъ, слава —въ хулу, пища—въ отраву? Но погодите, мы съ вами раздѣлаемся! Развѣ не знаете, что̀ произошло съ такими, какъ вы,

---

[1]) „Respons od krola Smolanom po skonszeniu confederatiey na poselstwa ich w Warszawie..... załuię gwaltu Oyczystego, załuię krzywdy swie, załuię y straty Wmciow, ktorą się podięli w onych odwaznych dziełach swych, bo takiem postępkiem poszedł y pierwszy nakład expediciei Moskiewskiei. Wciom zginął zysk, ktory się beł otrzymał, vpadła sława zwycięstwa, klasło ono zawołanie męstwa y przewagi Wmsciow, a o mały palecz mało niezginęła swoboda y bespieczenstwo domowe“. (Тамъ же, польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 11).

угодниками короля подъ Лэнчицею,—что̀ постигло ихъ генерала въ Пыздрахъ?“ [1])

Такіе зловѣщіе вопросы летали по всей Польшѣ, подъ названіемъ „Экзамена Земскихъ Пословъ“, съ 1613 года, и король насилу раздѣлался съ жолнерами только весною 1814, а вмѣстѣ съ тѣмъ угомонилъ и раздосадованную шляхту; но умныя головы сознавали, что не скоро расхлебаютъ поляки кашу, навcovered паками въ Москвѣ. Изъ-подъ Смоленска, который король продолжалъ удерживать за собою, приходили извѣстія о томъ, что набранное оршанскимъ старостою войско, начинаетъ склоняться на сторону московскаго царя и, не дослуживъ даже заплаченнаго срока, переходитъ къ нему на службу: признакъ зловѣщій! „Уже москали обходятся съ нашими послами презрительно“, говорили поляки на сеймѣ: „они видятъ, что наши границы обнажены, что

[1]) „Czemuscie woinie Moskiewskiey vczynili koniec niewolą Polską? Czemuscie oswobodzili Moskwę, a Polskę w niewolą vdali? Czemuscie woiska nie ratowali pieniędzmi y piechotą, aby byli Moskwę zatrzymali?... Czemuscie nie zapłacili, co vradzili, chwalili szczęscim, swiat omamili? Czemuś niepłacą a smieią się, a niewinni y płacą y płaczą? Czemuscie Oeconomiey iakiey nie przedali albo nie podzielili między Rycerstwo, iako Jagiełło vczynil? Czemuscie sum niezniesli na starostwa, iako uczynił Kazimierz Zygmunt? Czemuscie włozyli trzy pobory na stan Slachecki, ktory othey woinie nie wiedział? Czemusz zamysłow waszych taiemnych a występkow niesczerych my przypłacamy?... Zaczym do tego przyszło, ze woisko w kupie tu stanęło gdzie im płacą naznaczono? Zaczym iakobyscie ie własnie per decretum na nas nawiedli?... Zaczym do tego przyszło, ze się nam obrocił pozytek w szkodę, sława w hańbę, pokarm w truciznę? Zaczym do tego przyszlo, ze wszytkie swobody nasze (niestetisz na was) znisczone są. Zaczym do tego przyszło, ze wolnosci za Kazimierza sprawedliwego, pod Łęczycą otrzymane y krwią pochlebcow oblane, połamane są? Zaczym do tego przyszło, ze pomierzone są maiętnosci nasze? O nieszęsliwe czasy! O rządy! O rady nasze! Zaczym do tego przyszlo, ze Czynsze z nich, iako nam kazano, oddalismy? Zaczym do tego przyszło, ze Wołowczyzne, Jałowczyznę, Wieprzewiznę y sep, zapomniałe iusz podatki, daiemy? Zaszym do tego przyszło, ze policzki nosimy, przeprawy gotuiemy, Stanowiska buduiemy, niesłychane dziadom naszym posługi odprawuiemy?... A niewieciez, ze stan Slachecki długo cierpiący moze się kiedykolwiek obaczyć, co się im od was dzieie? A niewieciez, co się stało pochlebcom pod Łęczycą y Generałowi w Pizdrach?“ (Тамъ же, л. 44).

войска никакого нѣтъ, что имъ открывается погода къ намъ. Но теперь еще у нихъ довольно хлопотъ дома, между ними еще великая рознь, и тотъ, котораго посадили на царство, не умѣетъ ими править, да и сосѣди ихъ развлекаютъ; а погодите немного — онѣ какъ разъ устремятся на насъ всѣми своими силами. Скоро придутъ дѣла къ тому, что борьба съ Москалемъ будетъ для насъ труднѣе, нежели—съ какимъ либо другимъ непріятелемъ". [1])

Вслѣдствіе несчастнаго конца московскаго похода, варшавскій сеймъ 1613 года не состоялся, былъ, что̀ называется, сорванъ. По всѣмъ очереднымъ вопросамъ, земскіе послы не допускали рыцарское сословіе, или Посольскую Избу сноситься съ Избою Сенаторскою и съ королемъ. Сколько ни упрашивали король и сенатъ нижнюю палату, per viscera patriæ, войти въ соглашеніе съ верхнею, praeiudicati animi домогались одного: чтобы выполнены были обѣщанія, данныя войску и открыты виновники Московской войны. Сеймъ разъѣхался, не утвердивъ ни одного изъ предложеній королевскаго правительства; король, in vim iustificationis, разослалъ по всѣмъ гродскимъ судамъ универсалъ, въ которомъ жаловался на земскихъ пословъ, взваливалъ затѣю московской войны на нѣкоторыхъ сенаторовъ, не называя никого, старался возстановить въ обществѣ поколебленное мнѣніе о собственной личности. [2])

---

[1]) Тамъ же, разнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, лл. 110—112.

[2]) „Все было бы ладно", говоритъ онъ въ этомъ универсалѣ, „by byli nie praeiudicati animi, z ktorymi ad publicas Consultiones podobno przyezdzano... Co albo dobrze począć abo porządnie skonczyc dopuscili, by byli sancita zgodne Izby Poselskiey y porządku namowionego nie rozerwali, nie dopuszaiąc zgoła w zadney sprawie znosić się stanowi Rycerskiemu z Senatorską Izbą y z nami, raz tylko vpominać się, aby pactis Conuentis dosyć się stało a consilia et autores Woyny Moskiewskiey odkryte były.... Strony Moskiewskich rzeczy przez pewne Senatory wysłuchawszy doskonale, co nas do zawzięcia tey przywiodło Woyny, pozwolilismy kozdemu mianować y dowodzić, komu by z Senatu iaką winę dawali. Więcey się potym stawić, tyle razy per uiscera patriae od nas y Senatu naszego proszeni, niechcieli, ale, oddawszy Volumen priuatnych postulat.... nic anic radzić ani pozwalać niechcąc, y tak zawziętoscią abo nieostroz-

Такъ, съ одной стороны, іезуитскому правительству Сигизмунда угрожала законная сила за предпочтеніе интересовъ личныхъ народнымъ интересамъ; съ другой—русская сила, не узаконенная ни однимъ патентомъ, проявляла себя все болѣе и болѣе въ борьбѣ съ чужеядными сосѣдями. Роль короннаго гетмана была труднѣе королевской. Онъ долженъ былъ представлять не двулицаго, а четверолицаго Януса, какого не могли вообразить и римляне. Однимъ лицомъ обращенъ былъ онъ къ своимъ панамъ и жолнерамъ-шляхтичамъ, этому первообразу своевольныхъ козаковъ, этимъ истинно безнаказаннымъ козакамъ-разбойникамъ: онъ постоянно внушалъ имъ, что королевскій мечъ длиненъ, что хоть изрѣдка, но можетъ кто-нибудь изъ нихъ поплатиться головою за своевольство, какъ поплатился Сангушко при Сигизмундѣ-Августѣ за княжну Острожскую, а Зборовскій при Стефанѣ Баторіи—за дружбу съ низовцами. Другимъ лицомъ обращенъ былъ коронный гетманъ въ противоположную сторону — къ козакамъ настоящимъ, къ козакамъ-циникамъ, которые не маскировались miłością ku Ojczyznie и, въ случаѣ чего, готовы были поступить съ Краковомъ, какъ съ Бѣлгородомъ, Киліею, Тягинью, или Очаковомъ. Третьимъ лицомъ обращался онъ къ Москвѣ, а четвертымъ къ Турціи. [1]) Въ послѣднемъ случаѣ, ему приходилось иногда

---

noscią swą obnazoną zewsząd Oyczyznę y granice iey zostawili, chcą tą mieszaniną nas w ohydzie y w nienawisci v wiernych poddanych naszych dłuzyi trzymać, aby abo creditu swego u braciey nie tracili, abo swych dopinali w takim odmęcie praetensiey". (Тамъ же, польск. Л. F, отд. IV, № 99, лл. 59—60).

[1]) На письмо румелійскаго беглербека изъ Бендеръ (по-козацки Тягинь), коронный гетманъ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Panom, ktorzy przy Ukrainie mieszkaią albo raczey maią swoie maietnosci, zebysmy się zebrawszy do kupy z woiskiem J. K. M. na pokaranie tych łotrow, swowolnych Kozakow, ruszyli y ktorzyby się w Panstwach J. K. Mci gdziekolwiek nalezli, zebysmy ich na garle karali y wyniszczeli te łotry. Jakosz podług roskazania od J. K. M. nam danego vczynilismy takzesmy w tamten krai ku Dnieprowi, gdzie zwykli się ci łotrowie bawić, z woiskiem przybyli, o ktorychesmy się mogli dowiedzieć, poimać y pokarać na roznych mieiscach roskazalismy; y tam y teras iest woisko J. K. M. O czym, isz tak iest, nieinaczey, wiadomosć

просить короля объявить посполитое рушеніе, лишь бы надѣлать шуму, распускать слухъ о сильныхъ вооруженіяхъ пановъ и вообще играть роль Шекспирова Фальстафа, въ его знаменитомъ грабежѣ на большой дорогѣ. Но еще тяжеле была роль четверолицаго гетмана относительно козаковъ: онъ долженъ былъ ихъ запугивать, не имѣя войска, запугивать въ то время, когда они, изъ пиратовъ обыкновенныхъ, сдѣлались пиратами, ужасными для турокъ.

Морскую силу ихъ увеличило одно счастливое для нихъ и бѣдственное для турокъ обстоятельство. Къ нимъ перешли такъ называемые потурнаки, которые приняли исламъ единственно для того, чтобъ не терпѣть турецкой каторги, или не висѣть на желѣзномъ крюкѣ. Козаки великодушно приняли въ свою среду раскаявшихся отступниковъ, а тѣ взялись показать имъ дорогу на азіятскій берегъ Чорнаго моря. Въ то время процвѣталъ тамъ больше всѣхъ малоазійскихъ городовъ Синопъ. Кромѣ богатства, онъ славился также прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ: восточная поэзія прозвала его *городомъ любовниковъ*. По указанію бывшихъ потурнаковъ, козаки ограбили

łatwie wziąć mozez. Potrzebnie się stanie, ze spolnie pomozem sobie na spolne szkodniki, wy z swoiey strony, a my tesz s swoiey, zebysmy ich do gruntu wyniszczyli. Jakosz ci, ktorzy w naszey Ukrainie prebywali, iedni povciekali, drudzy pobici są. Do tych, ktorzy na Nizie Dniepra mieszkaią, przez progi skaliste, ktore są w tey rzece, nam przebyd niepodobny. Wam snadnieyszy y w porcie limiennym przy swoich Zamkach, iakoscie teras uczynili, łatwiey wam przydzie zabiegać swawolenstwu y rozboiom tych łotrow; wszak macie teras dosyć więzniow od nich, łacno się sprawicie, ze ci łotrowie z roznych narodow zebrani, nie z naszey tylko ziemie, ale z Moskwy, z Donu schodzą się na te zwyrłe swe mieisca nizey progow Dnieprowych. W naszey Ukrainie dotąd zadnego ostatka z tych, ktorzy przed woiskiem waszym povciekali, niemasz, y nie będą smieli się vkazać, wiedząc o Woisku Naiasn. Krola Pana mego. Jesliby się ktorzy poiawił, będzie imany y na gardle karany. Tam ze y teraz nizey progow Dnieprowych są ci łotrowie na swych zwykłych mieiscach. Jakoby z woiskiem, strzezemy od nich ziemie swey, zeby nam szkody nie czynili, tak y wy z waszey strony czyncie". (Рукоп. Императ. Публ. Библ., польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 110).

и разрушили за́мокъ и арсеналъ, а чего не могли взять на свои чайки, то сожгли. Той же участи подверглись дома и мечети въ городѣ, галіоны и галеры въ пристани. Все мусульманское козаки вырѣзали, все христіянское освободили изъ неволи и ушли прежде, чѣмъ сосѣдніе жители успѣли противъ нихъ вооружиться. [1]) По исчисленію торговыхъ людей, козаки причинили тогда туркамъ убытку не меньше, какъ на 40 милліоновъ злотыхъ. Извѣстіе о разореніи Синопа произвело въ Царьградѣ оглушающее впечатлѣніе. Султанъ приказалъ было повѣсить визиря Насафъ-башу, но былъ смягченъ просьбами жены, дочери и другихъ женщинъ, только поколотилъ хорошенько буздыганомъ, о чомъ въ ту же минуту, какъ о небываломъ дѣлѣ, тотчасъ разнеслась вѣсть по всей столицѣ. [2]) Важнѣе самой потери было въ этомъ событіи то, что козаки провѣдали дорогу, какъ выражался Жолковскій, per diametrum Чорнаго моря, то есть проникли въ тотъ безопасный уголокъ Имперіи, гдѣ въ совершенной безопасности процвѣталъ до сихъ поръ „городъ любовниковъ.“ Съ того времени, какъ турки овладѣли Малою Азіею, никакого непріятеля тамъ не видали. [3])

Въ устьѣ Днѣпра между тѣмъ хлопотали о за́мкѣ для прегражденія козакамъ *здобычней дороги*. Ахметъ-баша, беглербекъ румелійскій, стоялъ на урочищѣ Газилеръ-Геремихъ (переправа воиновъ). У беглербека было 4.000 янычаръ и множество другого народу. Готовились къ постройкѣ и поджидали козаковъ. Беглер-

---

[1]) Такъ записано въ турецкихъ лѣтописяхъ, изъ которыхъ извлеченія изданы Сенковскимъ, подъ заглавіемъ: „Collectanea z Dziejopisów Tureckich.“ Къ этой книгѣ приложена виньетка, изображающая Богдана Хмельницкаго, совершающаго мусульманскую молитву во время своего плѣна. Не извѣстно, былъ ли „козацкій батько“ потурнакомъ хоть на короткое время, что̀ дѣлали многіе для облегченія своей участи, но картинка обрисовываетъ издателя больше, нежели то, что́ хотѣлъ онъ ею высказать: Хмельницкій представленъ въ одеждѣ нынѣшняго армейскаго козака, въ солдатскихъ панталонахъ съ лампасами.

[2]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. рагнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, л. 93.

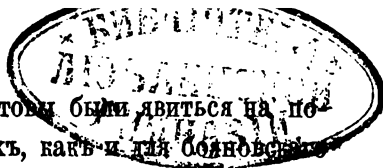
[3]) Тамъ же, л. 92.

бекъ требовалъ у поляковъ пособія своему дѣлу съѣстными припасами и матеріалами, что̀ было имъ крайне обидно. [1]) Они видѣли въ дѣйствіяхъ турокъ посягательство на польскія границы и опасные замыслы противъ Польши; они знали, что султанъ ищетъ только предлога къ расторженію мира. Слухъ о разореніи Синопа сильно встревожилъ и озаботилъ королевское правительство. „Конфиденты“ увѣдомили Жолковскаго, что падишахъ поклялся своею душею отомстить Рѣчи-Посполитой. Польша была полна страха предстоящей опасности, istius periculo perfuncta, какъ выражались ея классики, эти проводники къ той гибели, о которой они краснорѣчиво разглагольствовали и которую, какъ имъ казалось, предотвращали. Оставалась одна надежда на войну съ персами, которая предстояла тогда султану. „Day Panie Boże, żeby ta tam woyna rozzawrzyła się“! [2]) молились набожные государственные люди.

Но и козакамъ приходилось плохо: обратный путь былъ имъ отрѣзанъ; турки рѣшились истребить ихъ на Переправѣ Воиновъ. Завзятыхъ добычникамъ оставалось только отчаяннымъ ударомъ прорваться сквозь турецкую флотилію. Они были фаталисты. Они были преемники и потомки тѣхъ, которымъ „вѣщій Боянъ“ заповѣдалъ свою припѣвку: „Ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду суда Божія не минути“.—„Не треба смéрти боятись: відъ нéі не встережéсся!“ такъ проповѣдывали своимъ затя́жцамъ запорожскіе ветераны. Каждый изъ козаковъ давно обрекъ себя на смерть; многіе не разъ избѣжали неминуемой гибели почти сверхъ-естественнымъ способомъ — или среди отчаянной рѣзни и пламени, или въ буряхъ на Чорномъ морѣ, извѣстномъ своею бурливостью,—когда послѣ страшной фортуны что-то незримое, по словамъ кобзарской думы, „су́дна козáцькі

[1]) Тамъ же, польск. Л. F., отд. IV, № 99, л. 80.

[2]) Дай Господи Боже, чтобъ эта война разгорѣлась какъ можно больше!



догоры́ як рука́ми підійма́ло“. Они готовы были явиться на последній судъ, и этимъ судомъ для нихъ, какъ и для бояновскаго Бориса Вячеславича, была смерть отъ меча, огня, воды или отъ медленныхъ мукъ: слава, приводила козака на судъ тѣмъ же порядкомъ, какъ привела и варяжскаго князя. Грозныя сцены ревущаго подъ ногами моря и рыкающихъ кругомъ, аки львы, бусурманъ, были для запорожцевъ призывомъ къ исповѣди и покаянію.

„Сповідайтесь, пано́ве молодці милосердному Богу,
Чорному морю
И міні, отаману кошовому!...

Такъ взывалъ къ нимъ предводитель въ послѣднія минуты жизни, передъ крушеніемъ ихъ дерзко-утлаго флота. И каждый припоминалъ въ душѣ своей: какъ, выступая въ походъ, онъ оттолкнулъ старушку мать, когда она ухватилась за стремя, не пуская изъ дому единственнаго сына; какъ, въ опьянѣніи отъ козацкой завзятости и оковитоі горілки, топталъ конемъ дѣтей, игравшихъ на дорогѣ; какъ отвѣчалъ гордымъ словомъ на привѣтствіе „старыхъ женъ“ (и это было смертельнымъ грѣхомъ для козацкой, разбойницкой совѣсти); какъ, наконецъ, проѣзжая мимо дома Божія, „за гордостью да за пыхо́ю“, не снималъ шапки и не клалъ на себя креста. Горькое самоосужденіе внушало козакамъ рѣшимость погибнуть, и „вѣщій духъ“ ихъ боролся мужественно съ грозными стихійными силами. Но при этомъ они вѣровали, что молитва отца и матери „зо дна мо́ря виймае“; они знали, что „клятьба́“ матери, черезъ минуту, смѣняется мольбою къ Богу, чтобъ онъ не услышалъ страшныхъ напутствій козаку. Была у нихъ въ запасѣ, у этихъ людей religionis nullius, еще и другого рода вѣра, заимствованная, тысячелѣтія назадъ, отъ финикіянъ или иного мореходнаго племени: они вѣровали, что Чорное море можно умилостивить кровавымъ жертвоприношеніемъ, и что нѣсколько

капель крови изъ мезиннаго пальца, поглощенныхъ ревущею стихіею, заставляютъ его иногда утихнуть, [1]) какъ ту таинственную силу, которая едва не погубила Моисея, возвращавшагося въ Египетъ, и отошла отъ него только послѣ символическаго пролитія передъ нею дѣтской крови. [2]) Если въ поздній періодъ козачества, когда сабли уже заржавѣли, когда мушкеты были безъ курковъ, козацкое сердце не боялось турокъ, [3]) то могло ли оно ихъ бояться во время частаго „гостеванья“ на гостепріимномъ морѣ „варяжскомъ“?

Козаки имѣли средства провѣдать, что изъ Бѣлгорода повезли къ Очакову турецкую армату; но и это ихъ не остановило. „Кому́ Богъ поможе“! таковъ былъ ихъ военный кличъ, и съ этимъ кличемъ они, какъ поется въ думѣ, „на Лиманъ ріку испадали, Дніпру - Славуті низѐнько уклоняли“. Дніпро́-Славу́та, въ ихъ глазахъ, былъ существо живое, зрячее, чувствующее, какимъ въ глазахъ Игорева бояна была рѣка Донецъ, бесѣдовавшая съ Игоремъ во время его бѣгства, или въ глазахъ Гомера—рѣка Скамандеръ, воплощенная въ грознаго, но милосердаго полубога. Козаки всякой разъ низко-пренизко кланялись древнему Славутѣ, когда онъ послѣ „злой хуртовины морской“, послѣ „супротивной филі“, послѣ „страшной фортуны“, начиналъ любо лелѣять на себѣ избитыя бурями и турецкою картечью козацкія чайки, какъ лелѣялъ когда-то носады Святославовы. Но на Переправѣ Воиновъ извѣстной, можетъ быть, со временъ Митрадата, этого Святослава азіятскаго, этого Мстислава Удалого понтійскаго, грянула на

[1]) См. въ приложеніяхъ къ І-му тому думу *про Олексія Поповича.*

[2]) Исх. гл. IV, ст. 24—26.

[3]) Въ народной пѣснѣ это выражено такъ:

Та вже шаблі заржавіли,
Мушкеты безъ курківъ,
А ще серце козацькее
Не боїться турківъ!

козаковъ турецкая армата. Козаки ждали грому и граду; они рѣшились подвергнуться ужасамъ заготовленной на нихъ арматы и флотиліи. „Кому Богъ поможе“! и фаталисты прорвались сквозь галеры, сквозь сандалы, сквозь кривыя янычарскія сабли, сквозь ядра, картечи, пули и татарскія стрѣлы,—прорвались козаки сквозь бусурманъ „на тихія воды, на ясныя зорі, у край веселый, міжъ народъ хрищѐный“, какъ это выражается въ кобзарскихъ думахъ.

Но прорвались, конечно, не всѣ. Султанъ, „прибѣжище и щитъ великихъ монарховъ“, [1]) получилъ отъ Ахметъ-баши („котораго высота да пребываетъ во вѣки“ [2]) радостное извѣстіе, что козаки разбиты и почти истреблены: одни изъ нихъ изрублены саблями, другіе потоплены въ морѣ, и только нѣкоторые съ нѣсколькими лодочками своими ушли на польскія границы въ Черкасы и Корсунь. Надобно думать, что бюллетень, составленный для султана, говорилъ еще больше въ пользу турецкаго оружія, потому что вѣсти, полученныя отъ пограничныхъ турокъ въ Польшѣ, далеко расходились между собою версіями своими. По одной версіи, sceleratos illos complurrimi capti sunt, [3]) по дру-

[1]) Такъ величалъ его визирь въ письмѣ къ Сигизмунду III. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, л. 132).

[2]) Такъ султанъ величалъ Ахметъ-башу въ письмѣ къ королю. (Тамъ же л. 71).

[3]) Множайшіе изъ этихъ злодѣевъ захвачены въ плѣнъ.—Въ этомъ извѣстіи, полученномъ Жолковскимъ отъ румелійскаго беглербека, говорится о тѣсной связи интересовъ нѣкоторыхъ пограничныхъ пановъ съ интересами козацкими. „Jam qui in conflictu illo praecipus a nobis capti sunt sufficientem nobis fererunt relationem vnde nimirum veniant quorum nutu et conniventia tam multa mala perpetrant, quibus in arcibus degant et qui arcium Domini quo ex ditionibus nostris capti adducantur Turce eorumque facultates quomodo confinium illorum rectoribus Monasteriisque bona praedae pars cedat et quod rerum adeo conscii sunt omnium.“ (Въ той же рукописи л. 96.) Монастырь здѣсь разумѣется Трахтомировскій, служившій складочнымъ мѣстомъ для козацкой добычи, а по словамъ думы—и предметомъ пожертвованій. Нѣсколько обстоятельнѣе изложенъ вопросъ о козацкой добычѣ въ письмѣ того же беглербека къ королю:

„... gdysmy iusz byli na thym woiska za nimi posłać, aby the zamki y po-

гой — заполонено только 20 козаковъ, а по третьей — спаслось только 18 чаекъ, прочіе козаки, выскочивъ на берегъ, ушли пѣшкомъ, а човны и добыча достались непріятелямъ. Наконецъ, въ турецкихъ лѣтописяхъ находимъ и четвертую версію. По сказанію стихъ лѣтописей, козакамъ загородилъ дорогу въ устьѣ Днѣпра Шакшакъ-Ибрагимъ-баша, но козаки, провѣдавши объ этомъ, высадились на другомъ мѣстѣ, потащили свои чайки по сухопутью и хотѣли обойти такимъ образомъ Переправу Воиновъ, но турки открыли варяго-козацкій волокъ, и козакамъ пришлось потерять и побросать въ воду часть богатой добычи. При этомъ 20 сіромахъ было схвачено турками для умилостивленія буздыганоносной десницы падишаха. [1]) Ихъ казнили въ Царьградѣ передъ глазами жителей Синопа, прибѣжавшихъ въ столицу съ извѣстіемъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи. Въ этомъ извѣстіи, конечно, есть своя доля правды; но турецкимъ лѣтописямъ надобно довѣрять еще меньше,

---

łamki (pałanki), gdzie oni mieszkaią brano y znoszono, zony, dzieci znano (imano) y tam then wszystek krai plondwrowano, kilku wiezniow albo ięzykow dostano, ktorych kiedy pytano, skąd Kozacy wychodzą, za czyim podusczeniem y potuchą takie występki czynią, tych zameczkow y połamkow, w ktorych mieszkaią Starostowie y Panowie, co zać są, the zdobyczy, ktore z Panstw Cesarza J. M. biorą y komu oddaią, Dali pewna sprawę, ze the Połamki są pod władzą WKM, ze zdobycz, ktoą biorą, do Manasteru WKM y pogranicznym Panom daią, A ktore cokolwiek złego czynią, wszytko z poduszczenia y otuchy Panow WKM y zacnych Slachcicow na granicach będących maią (Въ той же рукописи л. 133.)

[1]) Доставка въ Царьградъ плѣнниковъ не должна считаться фактомъ несомнѣннымъ, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, что польская шляхта добывала плѣнныхъ татаръ и турокъ у козаковъ, чтобы представлять ихъ королю и выпросить какую-нибудь награду. Извѣстно также и то, что султанъ всякій разъ имѣлъ свѣжихъ плѣнниковъ, когда придворные замѣчали зловѣщіе признаки его гнѣва. Это дѣлалось очень просто: изъ запаса невольниковъ присылали въ Царьградъ опредѣленное въ визирскомъ наказѣ количество обреченныхъ на умилостивительную жертву бідолахъ, часто подъ громкими титлами гетмановъ козацкихъ, а не то—каштеляновъ, стражниковъ коронныхъ и т. п.; такимъ образомъ „непобѣдимость" его султанскаго величества безпрестанно подновлялась въ сералѣ новымъ и новымъ блескомъ.

чѣмъ украинскимъ. По складу восточнаго ума, турецкіе лѣтописцы не считаютъ за грѣхъ одно событіе ставить на мѣсто другого, а годами событій играютъ они, какъ своими чотками. Лѣтописи у турокъ не столько писались, сколько сочинялись, а въ какихъ именно видахъ,—это вопросъ спеціальный.

ГЛАВА XV.

Постепенный разливъ козачества въ польско-русскомъ обществѣ. — Необходимость временнаго примиренія двухъ враговъ русской силы—мусульманъ и поляковъ.—Стремленіе поляковъ къ политической гибели путемъ посягательства на Московское царство.—Непониманіе выросшей русской силы въ лицѣ козаковъ. — Козаки являются политиками, устраняющими кровопролитіе.

На богатомъ пиру государственной славы возсѣдаютъ обыкновенно вѣнценосцы да ихъ приближенные, а крохи, падающія со стола великихъ земли, пирующихъ на счотъ исторической правды, случайно достаются личностямъ темнымъ. Эти крохи старался я собрать въ сорной кучѣ величавыхъ словъ, наполняющихъ бумаги польскихъ королей и ихъ магнатовъ,—но и то не столько ради славы безславныхъ, сколько для изученія того стараго перегноя, изъ котораго возникла и возникаетъ новая жизнь, сіяющая передъ нами красотою, или поражающая насъ безобразіемъ. Мы вѣдь продолжаемъ родъ нашихъ предковъ не въ одномъ физическомъ отношеніи: мы воспроизводимъ одновременно и нравственныя свойства ихъ. Въ наслоеніи нашей народной почвы таится много общаго съ нашими нынѣшними занятіями, страстями, идеалами. Ничто въ ней не погибло изъ нашего былого, а только ускользнуло отъ нашего знанія. Потому-то запахъ угадываемой дѣйствительности въ прошедшемъ—столь же обаятеленъ для ума историка, какъ запахъ взрыхленной весною земли—для химика и садовода. Но исторія, какъ наука, остается далеко позади химіи, и занята, покамѣсть, лишь накопленіемъ данныхъ. Пускай другое, бо-

лѣе искусное перо воспользуется моимъ агломератомъ, какъ пользовался я трудами моихъ предшественниковъ по избранному мною предмету. Оно, можетъ быть, не удовлетворится моими выборками изъ забвенныхъ новымъ міромъ бумагъ, и въ самихъ подлинникахъ найдетъ многое, чего не дано видѣть оку современнаго намъ изслѣдователя. Эта мысль ободряетъ меня и въ надеждѣ сказать нѣчто еще не сказанное, и въ опасеніи надѣлать ошибокъ. Я представляю публикѣ не столько литературное произведеніе, сколько кабинетныя тетради мои, мою текущую подготовку къ чему-то стройному, ясному, убѣдительному. Глядя на свое дѣло такимъ образомъ, я проведу моего читателя еще однимъ стариннымъ ходомъ, которымъ ходилъ самъ, дивуясь и размышляя. Я покажу ему, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей того времени, именно Жолковскій, столь памятный Москвѣ въ безгосударное время, публично высказался о событіяхъ, пройденныхъ уже нами по другимъ документамъ.

Жолковскій, подобно каждому общественному дѣятелю, начиная съ Агамемнона, имѣлъ своихъ порицателей и противниковъ. Въ 1618 году онъ счолъ долгомъ оправдать себя на вальномъ, то есть главномъ, варшавскомъ сеймѣ и выставить нѣкоторыя обстоятельства съ точки зрѣнія наблюдателя непосредственнаго. Въ его реляціи, какъ и въ реляціи Претвича, многаго для насъ не достаетъ, а иное, очевидно, окрашено въ собственный цвѣтъ полководца, но всё-таки интересно слышать замогильный голосъ человѣка, столь извѣстнаго въ нашей исторіи.

Прежде всего коронный гетманъ слагалъ съ себя отвѣтственность за военныя дѣйствія свои, объявивъ сейму, что всегда и во всемъ слѣдовалъ повелѣніямъ его королевской милости, а не внушеніямъ собственнаго ума. Онъ говорилъ правду. Жолковскій былъ русинъ, и сохранилъ врожденную русинамъ преданность верховной власти. Во многомъ онъ былъ не согласенъ съ Сигизмундомъ III и прямодушно заявлялъ свое разномысліе, но, лишь только король высказывалъ окончательное рѣшеніе свое,

онъ исполнялъ его съ тою вѣрностью, съ тою энергіей послушанія, къ которой способны только характеры, отъ природы деспотическіе. Польскіе магнаты не понимали русина, и преданность его королю считали искательствомъ, а это былъ въ немъ плодъ глубокихъ размышленій: онъ старался поддержать въ Польшѣ то, что̀ одно могло бы спасти ее отъ политическаго паденія: монархическую власть. И сыну своему завѣщалъ онъ тотъ же принципъ, когда выступалъ въ послѣдній походъ свой. „Хотя бы ты видѣлъ и недостатки въ государѣ", писалъ онъ въ своей духовной, „лучше тебѣ держаться его твердо, чѣмъ искать перемѣнъ въ правительствѣ: онѣ очень вредны, очень опасны". Поэтому, слагая съ себя отвѣтственность, Жолковскій не прятался за короля и его слабости: не этотъ смыслъ имѣло его самоуничиженіе; напротивъ, онъ указывалъ, какъ долженъ поступать каждый, и въ томъ же прямодушномъ тонѣ перешолъ къ рѣшенію важнаго государственнаго вопроса: по какимъ случайностямъ и какими постепенностями пришла Рѣчь-Посполитая въ опасное положеніе свое? „Причиною ссоры и столкновенія съ Туркомъ", говорилъ Жолковскій, „были, во первыхъ, безпутные походы нашихъ пановъ въ Волощину, а во вторыхъ, козацкіе наѣзды на владѣнія турецкаго султана.

Итакъ, по мнѣнію одного изъ прямодушнѣйшихъ пановъ, прежде всего виноваты были сами паны. Но многіе ли способны къ самообвиненію? и высоко ли стояла польская шляхта въ идеѣ равноправности? На сеймѣ всего больше хлопатали о томъ, какъ бы расправиться съ козацкимъ мотлохомъ. О себѣ забывали, себѣ не ставили въ вину того, за что̀ другихъ казнили. Повторялась, въ широкомъ размѣрѣ, исторія разрушенія и грабежа краковскаго Брога, разсказанная Оржельскимъ. [1]) „Издавна шло къ тому дѣло", продолжалъ Жолковскій (что будетъ разрывъ мира къ тур-

[1]) См. т. I, примѣчаніе къ стр. 262.

ками), „но только въ 1614 году язычники разсвирѣпѣли наконецъ за наши вторженія въ Волощину. Какъ Іовъ проклиналъ день своего рожденія, такъ я проклинаю тотъ несчастный день (въ который наши вступили на волошскую почву). Были не разъ обижены турки и прежде, но до этого дня наши экспедиціи были гораздо счастливѣе. Съ того же времени — точно съ печи на голову: разозлились язычники, запѣнились, ни во чтò поставили рыцарскихъ нашихъ людей, и тотчасъ, недѣли въ полторы, точно изъ пекла, налетѣлъ на насъ Мехмедъ, опустошилъ Подолье и долго еще не насытился бы нашею кровью, когдабъ я не прибѣжалъ къ остатку нашего войска на Украину. Въ томъ же году вторгнулся опять Батыръ-бей, и хоть у Сасова-Рога побили его наши, но это намъ помогло мало: турки выхлопотали у султана войну противъ насъ; самъ дьяволъ ихъ пришпорилъ. Козаки между тѣмъ, переплывши море, вломились въ славный портъ Синопъ и причинили туркамъ на 40 милліоновъ убытку, не считая людей. Лишь только долетѣла вѣсть объ этомъ до Царьграда, двинулись на насъ враги сухимъ путемъ и водою, и проникли въ такія спокойныя мѣста, куда не смѣлъ до тѣхъ поръ сунуться ни одинъ непріятель". [1])

Чтò дѣлалъ этотъ непріятель, и какъ удалился изъ подъ Очакова, мы уже знаемъ.

„Наступилъ 1615 годъ", продолжалъ Жолковскій. „На прòвесні, козаки снарядили 80 човновъ и выбрались на море; ударили на турокъ недалеко отъ Царьграда, между Мизевною и Архіокою. Близъ того мѣста султанъ былъ на охотѣ и видѣлъ изъ своего окна дымъ: козаки сожгли обѣ пристани. Раздосадованный Султанъ бѣжалъ въ Царьградъ и отправилъ противъ нихъ

---

[1]) Далѣе Жолковскій говоритъ о погромѣ козаковъ у очаковскаго порта и, въ противность турецкимъ реляціямъ и собственнымъ донесеніямъ своимъ королю, говоритъ, что козаковъ спаслось только 18 чаекъ. Было ли это сказано на основаніи новыхъ свѣдѣній, или же въ какихъ-либо особенныхъ видахъ,— не извѣстно.

армату. Козаки безпечно продолжали грабить. Погнали ихъ наконецъ корабли и галеры по направленію къ Дунаю; но тутъ козаки окружили турецкій флотъ, побили турокъ, взяли въ плѣнъ самого предводителя; онъ предлагалъ за себя 30.000 выкупу, но умеръ отъ ранъ. Тогда все разбѣжалось. Козаки привели турецкія галеры въ Лиманъ и зажгли подъ Очаковомъ. Султанъ послалъ въ августѣ татарскаго царя, который опустошилъ Подолье и Волынь, а какое отправилъ къ вашей королевской милости посольство, вы, конечно, помните. [1]) Наступило начало ноября. Тутъ наши въ другой разъ вторгнулись въ Волощину: все равно, что масло на огонь! Турки собрались на военный совѣтъ, и только два обстоятельства удержали ихъ отъ похода: во первыхъ, персидская война, во вторыхъ, то, что ваша королевская милость оправдались передъ Томзою, а я передъ Али-башею: не наша въ этомъ вина: частные люди затѣяли волошскій походъ. Все-таки этотъ походъ haerebat имъ in animis (запалъ имъ въ душу): послали моремъ Али-башу противъ козаковъ, а сухимъ путемъ—Скиндеръ-башу противъ волошскихъ своевольниковъ. Козаки, въ началѣ 1616 года, поразили Али-башу въ Лиманѣ, взяли у него десятка полтора галеръ и до ста човновъ; самъ онъ бѣжалъ. Тогда козаки сожгли Кафу и повоевали морскія побережья. [2]) Между тѣмъ Скиндеръ-баша двинулся въ Волощину. Еслибъ

[1]) Это было задирательно-хвастливое письмо, исполненное преувеличеній. Ханъ писалъ:

„Dwanascie Tysięcy ludu przyszło y z naszego Nahaiskiego ludu nieco Wołow, bydła, Owiec wziąwszy, szli do Oczakowa, zamku Cara J Mci nad Nieprem leżącego, y nam impet vczyniwszy, wziąść go chcieli. O czym my wziąwszy wiadomość, widząc, że się tak Krolowi nie godziło czynić postanowilismy takim sposobem tak postąpić, y prędko się zebrawszy a 180.000 woiska zgotowawszy, woły, bydło, owcy... z ich rąk odięlismy“. (Рукоп. Императ. Публ. Библіот. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 136.)

[2]) Въ третьемъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи книги свой „Богданъ Хмельницкій“ (т. I, стр. LV), Н. И. Костомаровъ относитъ разореніе Кафы къ 1613 году и говоритъ: „Къ этому году, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться знаменитое взятіе Кафы и освобожденіе множества христіанскихъ

наши захотѣли, то могли бы уйти; погубили ихъ temeraria consilia. [1]) Безъ сомнѣнія, навлекли бы они на насъ турецкій импетъ, но Скиндеръ баша, свѣдавъ обо мнѣ, не пошолъ дальше. Потомъ полковникъ Вжесць вытѣснилъ татаръ изъ Покутья, и въ томъ же году отправлена была коммисія подъ Хотиномъ. Одинъ волошинъ, посланый отъ Скиндеръ-баши, говорилъ мнѣ со слезами, что война противъ насъ рѣшена въ Царьградѣ, и что прежде всего погибнетъ Волощина: султанъ хочетъ заселить ее турками. Когда я сказалъ ему, что козаки не люди, а сбродъ изъ разныхъ народовъ, онъ отвѣчалъ, что турки знать не хотятъ оправданій о козакахъ. [2]) Но и въ Константинополѣ, какъ извѣстно вашей королевской милости, когда насби-

---

плѣнниковъ". Удивительное дѣло: какъ можно отдавать предпочтеніе собственнымъ *соображеніямъ* передъ свидѣтельствомъ такого современника, какъ коронный гетманъ польскій! Реляція его напечатана еще въ 1833 году, во Львовѣ (Zbiór Pamiętników historycznych o dawney Polszcze, przez Niemcewicza, т. VI, стр. 93—107), слѣдовательно задолго до первой редакціи „Богдана Хмельницкаго", къ какому бы дѣтскому періоду украинской исторіографіи она ни принадлежала. Но, кромѣ сборника Нѣмцевича, столь общеизвѣстнаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, доступной для каждаго, хранится брошюра, изданная въ Кіевѣ Кассіаномъ Саковичемъ, ректоромъ кіево-братской школы, въ 1622 году, подъ заглавіемъ: „Вѣршѣ на жалостный Пóгребъ зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, Гетмана В. Е. К. М. Запорозкого" (т. е. разорителя Кафы). Въ этой брошюрѣ представлено на виньеткѣ взятіе Кафы и выставленъ годъ 1616. Наконецъ, въ 1850 году М. А. Максимовичъ напечаталъ въ своемъ „Кіевлянинѣ" facsimile съ этой виньетки и извлеченіе изъ самой брошюры. Въ виду такихъ печатныхъ источниковъ, не говоря о прочихъ, странно давать волю соображенію и предаваться сочинительству. Если мы беремся ткать художественные ковры для украшенія кабинетовъ и будуаровъ, то на насъ, прежде всего, лежитъ обязанность распутать заготовленные издавна мотки. Иначе *худоэкество* наше будетъ безъ юса, вышедшаго изъ употребленія, но подразумѣваемаго. Безъ юса художество происходитъ отъ слова *худо*, а не отъ сохранившагося въ польскомъ языкѣ корня *chędo*; ergo такое *худо*жество—то же, что̀ и безобразіе,—подразумѣвается, для знатоковъ; но, вѣдь большинство читающей публики къ знатокамъ не принадлежитъ, а идеалъ нашей исторіографіи близко подходитъ къ изреченію Шекспира: „Ты счастливъ тѣмъ, что думаешь одинаково со всѣми."

[1]) Дерзкіе планы.

[2]) Kiedym mu powiedział, ze to nie są ludzie Kozaci, ale z roznych narodow zebrani, powiedział: wymowki nie przyimuią Turcy o Kozakach.

рали плѣнныхъ козаковъ и стали ихъ спрашивать, какимъ бы способомъ вытѣснить козаковъ изъ ихъ логовищъ? плѣнники дали такой совѣтъ: Волощину заселить турками, овладѣть Каменцемъ, русскіе края занять по Кіевъ и основаться подъ самимъ Днѣстромъ. Только персидская война не дала выполнить этого плана. Не смотря на то, что великій визирь потерпѣлъ въ Персіи пораженіе, Али-башѣ приказано готовиться противъ насъ къ походу. Али-баша умеръ; на его мѣсто назначенъ Скиндеръ-баша. А въ это время козаки переправились въ Азію; вѣтеръ унесъ ихъ къ Минерѣ, и пошли берегомъ до самаго Трапезонта. Это извѣстно мнѣ отъ шляхтича Квилинскаго: онъ попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Корецкимъ въ Волощинѣ и ушолъ къ козакамъ. Захватили они нѣсколько кораблей, но, свѣдавъ, что Ибрагимъ-баша заступилъ имъ путь, повернули, подъ Бифорумъ, въ paludem Meotidem [1]) и очутились на Дону Сколько надѣлали они тогда въ Турещинѣ бѣды, разскажетъ Квилинскій, а было ихъ только 2.000. Съ Дону козаки пошли домой пѣшкомъ. Ибрагимъ-баша между тѣмъ отправился на Запорожье и разорилъ ихъ курени (domki); при этомъ взялъ у нихъ штуки двѣ-три пушекъ да десятка полтора човновъ. Защищать ихъ было некому: на Запорожьи оставалось нѣсколько сотъ козаковъ. Они должны были бѣжать; а другіе вышли на влости еще прежде". [2])

Такимъ образомъ о козацкихъ походахъ мы узнаёмъ только изъ источниковъ постороннихъ. Безъ связи, безъ порядка, безъ освѣщенія какою-либо идеею, эти сказанія рисуютъ козаковъ точно видѣнія безсмысленнаго сна, существовавшія для нарушенія покоя турокъ, татаръ и польско-русскихъ землевладѣльцевъ.

---

[1]) Азовское море.

[2]) Здѣсь былъ Жолковскому случай сказать, что, вмѣстѣ съ куренями, турки разрушили и церковь запорожскую. Еслибъ на Запорожьѣ существовала церковь, то Жолковскій зналъ бы объ этомъ точнѣе Н. И. Костомарова, или тѣхъ кіянъ, которымъ не хочется видѣть добрыхъ молодцовъ на томъ свѣтѣ въ пеклѣ.

Нужды нѣтъ, мы собираемъ въ одинъ кодексъ даже и сухіе, безцвѣтные перечни того, что двигалось и работало по внушенію какой-то живой мысли, что носитъ на себѣ важную для историка печать послѣдовательнаго развитія, и запечатлѣно своимъ отличительнымъ колоритомъ. Будетъ время, когда изъ всего этого составится болѣе ясный, болѣе гармоническій образъ. Покамѣсть, мы видимъ только нѣкоторыя черты. Мы видимъ Русь, выдѣлившую изъ себя два войска, два боевые народа — шляхту и козаковъ. Одинъ народъ служитъ идеѣ яко-бы созиданія — и разрушаетъ созданное; другой, напротивъ, только и думаетъ о разрушеніи, величается имъ, поетъ о немъ въ поэтическихъ пѣсняхъ своихъ, но въ его варяжничаньѣ, въ его необачномъ задорѣ врага сильнаго и опаснаго, присутствуетъ идея созиданія чего-то иного, созиданія чего-то еще „не сущаго", отрицающаго „сущее". Добродѣтели и геройскіе подвиги шляхты, на сценѣ, очаровываютъ наше вниманіе; за сценой, заставляютъ содрагаться и отворачиваться. Пороки и разбои козацкіе отталкиваютъ насъ отъ этого скопища, при современной утонченности взгляда на вещи; но всякой разъ, когда намъ удается проникнуть въ домашній очагъ козака или хоть въ запорожскій курень его, мы тамъ находимъ человѣка, изъ котораго что-то будетъ,—не такого, какъ шляхтичъ, этотъ отжившій свое время типъ, обреченный исторіею на изчезновеніе. Не пускаясь въ нравственный, трудный анализъ, если сравнимъ только, чѣмъ ушли въ Московщину и чѣмъ вернулись оттуда оба войска,—не можемъ не поражаться контрастомъ.

Побѣдители подъ Лубнями фигурировали на „позорницѣ" [1]) всего міра, возводя на престолъ и низводя съ престола царей. Побѣжденныхъ подъ Лубнями даже псевдо-свои историки не отличили отъ хищной, темной, безобразной сволочи. Но, прійдя домой, московскіе герои терроризуютъ собственное государство, истощив-

[1]) Старинное названіе театральной сцены.

шее финансы на посѣвъ смутъ въ государствѣ сосѣднемъ; король откупается отъ нихъ съ величайшимъ трудомъ, натерпѣвшись неслыханныхъ неистовствъ и оскорбленій въ теченіе двухъ лѣтъ вмѣстѣ со всею шляхтою, а откупившись, принужденъ вести войну противъ людей, привыкшихъ буйствовать купою или конфедераціею. Чѣмъ же кончаются подвиги московскихъ героевъ? Однимъ изъ нихъ, какъ злодѣямъ, пойманнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, коронный гетманъ снимаетъ головы на мѣстѣ ихъ разбоевъ; другимъ, по повелѣнію короля, въ многолюдномъ городѣ Львовѣ устраивается публичная казнь, описаніе которой заставляетъ и нынче содрогаться каждаго. [1]) А въ результатѣ всего московскаго предпріятія оказывается, что въ 1615 году въ распоряженіи короннаго гетмана находится для охраны турецко-татарской границы всего только 300 человѣкъ, съ которыми гетманъ, ради сохраненія своего и королевскаго достоинства, не выходитъ лично въ поле, а посылаетъ ротмистровъ. Королю не на что собрать больше войска, крайне, однакожъ, необходимаго, нечѣмъ платить войску жалованья, и это—тому самому королю, отъ имени котораго такъ еще недавно, всего пять лѣтъ назадъ, польская шляхта говорила на сеймѣ: „Нѣтъ во всей Московской землѣ такого уголка, въ которомъ бы польскій воинъ не топилъ руки въ крови исконнаго врага своего. И государь и государство, и столица, и гетманъ, и воинъ — все разомъ въ рукахъ у польскаго короля". [2]) Теперь коронный гетманъ доносилъ, что татары безъ всякаго отпора шли мимо Барскій замокъ цѣлыхъ пять часовъ; что они проторили шляхъ шириною на добрый выстрѣлъ изъ лука; что угнали въ плѣнъ множество народа, и въ томъ числѣ

---

[1]) Объ этомъ напечатана тогда же брошюра, подъ заглавіемъ: „Pogrom y Exekucya Wywołańcow zgromadzonych", перепечатанная въ „Pismach Stanisława Żolkiewskiego".

[2]) Рѣчь, произнесенная къ Жолковскому на сеймѣ 1610 года, когда онъ представилъ московскаго царя Шуйскаго. (Тамъ же).

захватили одного знатнаго пана съ женою и съ двумя дочерьми. При этомъ онъ спрашивалъ у короля: прикажетъ ли онъ удержать на службѣ 300 всадниковъ по истеченіи четверти года, на которую они наняты,—удержать, „для одной только славы, чтобы была хоть какая-нибудь species [1]) войска, чтобы хоть было чѣмъ стращать своевольныхъ козаковъ, которые собираются по Украинѣ въ купы". Вся надежда на защиту границъ заключалась въ томъ войскѣ, которое, по волѣ и по неволѣ, содержалъ каждый панъ у себя въ имѣніи. На наемъ короннаго войска сеймующіе паны не находили средствъ, и этимъ ставили короля ниже уровня польскаго магната, ежедневно окруженнаго войскомъ. [2])

Между тѣмъ, козаки одерживали побѣду за побѣдою надъ турками, гибли въ морѣ отъ бурь и неудачныхъ битвъ, однакожъ обновлялись весьма скоро и довели дѣло до того, что берега Чорного моря готовы были признать надъ собою господство запорожской республики. Уже турки, можно сказать, не владѣли Чорнымъ моремъ, и навигація между Лиманомъ и Босфоромъ перешла въ руки новыхъ варяговъ. Они разбили турецкаго адмирала, перваго между визирями, второе лицо въ Имперіи послѣ султана; всѣ порты находились въ постоянномъ страхѣ ихъ появленія и какъ-бы въ блокадѣ; торговые люди не иначе какъ украдкою пробирались отъ одного порта къ другому, выгружали товары на берегъ, не смѣя ввѣриться морю и только удостовѣрясь, что козаковъ нѣтъ близко, снова грузили на корабли.

---

[1]) Тѣнь.

[2]) Такъ у князя Острожскаго, какъ у Василія, такъ и у Януша, никогда не было на лицо менѣе двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, съ такою артиллеріею, которую такъ хорошо называли grzeczną. Этотъ поэтическій эпитетъ напоминаетъ стихи изъ козацкой пѣсни.

Аще жъ у мене на бóці
Є шáбелька гáрна.
Спитаáй іі, спитай іі:
Чимъ вона не пáнна?

Страхъ всего европейскаго и азіатскаго побережья дошолъ до того, что султану представлена была коллективная просьба—оборонить имущество жителей, а не то, они будутъ вынуждены подчиниться господству козаковъ. [1]) Не доставало одного: чтобы въ козацкія головы забралась мысль о самостоятельномъ царствѣ; но они никогда ее не имѣли: они были—или ниже такой мысли, какъ обскуранты, или выше, какъ соціалисты.

Жолковскій понималъ яснѣе каждаго, какъ необходимо спа-

---

[1]) Все это было писано Жолковскимъ къ королю отъ 20 февраля 1617 года изъ Бара. Вотъ его собственныя слова:

„Jest to w pamięci W. Krol. Mci, ze niedopiero powiada się o tym niebezpieczenstwie Rzecypospolitey, ktore niz doległo teraz Rzeczpospolitą, i przedtym i na Seimie przeszłym dosyć głosno z vronieniem łez opowiadałem, to co miało być nietylko z koniektur, co kozdy ktory iedno ma communem sensum, mogł łacno wiedzieć, ale z wiadomosci, ktorychem głemboko z samego Cesarza Tureckiego Kancellaryey sięgał, miałem przestrogę, ze te naiazdy swawolnikow na Wołoską i Multanską ziemię, i te zbrodnie Kozackie tak się Turkom vprzykrzyły, ze tego daley cierpieć i znosić nie chcą... bo posesya i nawigacya Czarnego Morza ktora od — — Turcy spokoiną, to im Kozacy wydarli, poty naigłownieisze wy — — i nikt się im dotąd nie oparł. Hetmana morskiego [ktory po Cesarzu — — (mię)dzy wezyrami] pogromili, porty wszystkie dla nich w vstawicznym (strachu) i w osadzie. Zyczyłbym, zebyś W. Krol. Mć rozkazał do siebie przyiechać Pa — — berkowi: on się tego napatrzył, nasłuchał: bo prędko potym iako mi sprawę — — gdy Kozacy v Trapezontu byli, do Trapezontu przyiechał, iako potym z Trapezontu do Konstantynopola od portu do portu się przekradli stanąwszy tow — — i rzeczy swę z okrętow zdeimowali, a dowiedziawszy się, ze Kozakow niema, znowu na okręty ładowali. W kazdym porcie tak bardzo strach doszedł mieszkancow, tak przy europskim iak i azyatyckim brzegu, ze do Cesarza suplikę podali: iesli ich nie obroni, chcą kozakom hołdować. Pozytki, ktore przedtym z tamtych bogatych kraiow Cesarskiego skarbu dochodziły, iedne zgineły popsowaniem, czynieniem szkod, insze zatrudnione. Przyłozywszy popustoszenie, splądrowanie dwoch prowincyi, mogąli to Poganie cierpieć?...“

Прим. Двѣ черточки означаютъ мѣста, утраченныя отъ ветхости рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Оссолинскихъ, во Львовѣ. Она, вмѣстѣ со многими другими, напечатана въ почтенномъ трудѣ покойнаго Августа Бѣлёвскаго: „Pisma Stanisława Żołkiewskiego“, Lwów, 1861, которому польско-русская исторія очень много обязана. Авторъ имѣлъ случай съ нимъ бесѣдовать и сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, жаждущемъ знать истину, что̀, надо сказать, весьма часто можно встрѣтить между поляками, и что̀ парализуется въ нихъ только несчастнымъ вопросомъ: „Что есть истина“? который древнему міру предложилъ Пилатъ, а новому предлагаетъ папа.

сать Польшу отъ мусульманъ съ одной стороны и отъ козаковъ съ другой. Цѣлый 1616 годъ провелъ онъ въ пропагандѣ— этой мысли между панами. Онъ и въ 1617 году не могъ нанять подъ королевское знамя больше 700 жолнеровъ; но эти кадры всё же что-нибудь значили. Съ ними можно было хоть издали смотрѣть въ глаза непріятелю. Маневрируя, по-надъ границею съ искусствомъ, которому научила этого честнаго воина нужда, онъ заставилъ въ Царьградѣ говорить о своей готовности къ бою. Молва обыкновенно все преувеличиваетъ; онъ принялъ это въ соображеніе и не ошибся. Великій визирь спрашивалъ его: для чего собираетъ онъ у границы войско? Онъ отвѣчалъ, что намѣренъ обуздать козаковъ, пріостановить ихъ вторженія въ турецкія земли. При этомъ онъ объяснялъ визирю, что, конечно, козаки — самое злодѣйское скопище, что они —грабители не только поляковъ и турокъ, но и всего свѣта; [1]) тѣмъ не менѣе однакожъ множатся они вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ. „Когда козаки были разбиты королевскимъ войскомъ", продолжалъ онъ, „въ нашихъ и въ вашихъ краяхъ не было слышно никакой тревоги; но, когда татары начали украдкою дѣлать загоны, брать плѣнниковъ и доводить украинцевъ до крайней бѣдности пожарами, число козаковъ увеличилось: потому что, лишась по милости татаръ, всего имущества, отчаянные люди шли въ козаки. [2]) Потому-то и нынѣ безпокоятъ они своими наѣздами, какъ наши земли, такъ и владѣнія могущественнѣйшаго императора, его порты, его побережья

---

[1]) „Quod attinet Cozacos, scimus esse sceleratissimorum hominem colluviem ex omnibus nationibus congregatam, latrociniis assuetam, scimus esse praedones universi generis humani, non solum nostros hostes."

[2]) „Repressa fuit ad tempus sceleratissimorum hominum insolentia, ita quod nihil animo omnino injurarium nec in notris nec in vestris ditionibus accipitur. Sed postea quum Tartari irruptionibus furtivis factis grassati populatione et incendiis miseros homines facultatibus exuerunt, auctus est sceleratorum Cozacorum numerus, quando isti bonis a Tartaris exuti his se latronibus aggregarunt, atque ita latrociniis et nostras ditiones et potentissimi imperatoris vesiri portus et loca maritima infestant".

Вслѣдствіе того, его королевской милости угодно было поручить мнѣ, чтобы я, такъ точно, какъ прежде, старался, усмирять этотъ необузданный мятлохъ и, если можно, совершенно уничтожить его и искоренить. Но козаки живутъ среди водъ и разбойничаютъ на морѣ; невозможно мнѣ всюду ихъ преслѣдовать; а потому хорошо было бы, когдабы Синдеръ-баша, какъ ты пишешь, охраняя Очаковъ и все побережье морское, побилъ и выгналъ этихъ разбойниковъ". Такъ писалъ по-латыни Жолковскій къ великому визирю, присовокупляя увѣреніе, что единственно козаки вызвали польское войско въ поле. „Можетъ быть", прибавлялъ онъ, „эта гультайская толпа давно бы уже была нами разогнана: лишь только увидѣла она, что противъ нее выступаетъ коронное войско, тотчасъ начала уходить въ сосѣдній московскій край; большая часть ея поплелась къ другому гультайству, которое разбойничаетъ на Дону. Но въ то самое время, когда мы хотѣли ударить на встревоженныхъ козаковъ, я получилъ извѣстіе, что татарскій ханъ собираетъ войска и хочетъ вторгнуться въ наши предѣлы. Поэтому, оставивъ козаковъ до времени въ покоѣ, я долженъ былъ стараться, чтобы владѣнія моего короля не потерпѣли какого вреда. Вѣрь мнѣ, что только для защиты нашихъ земель мы взялись за оружіе, и что [illegible] лишь только не будетъ угрожать [illegible] со стороны татаръ".

Визирь и вѣрилъ и не вѣрилъ его письму. Онъ самъ [illegible]

лись изъ глубины Имперіи къ Днѣстру, онъ уже стоялъ въ полѣ и написалъ къ Скиндеръ-башѣ: „Готовъ я къ миру, готовъ и къ войнѣ". Не понравилось это Скиндеръ-башѣ; онъ перестал сноситься съ Жолковскимъ.

Турки таинственно двигались по направленію къ Днѣстру. Съ обдуманнымъ напередъ планомъ дѣйствій, ждалъ ихъ Жолковскій. Планъ его былъ строго оборонительный: наступательный былъ для него невозможенъ и невыгоденъ. Главною цѣлью похода были для него не турки, а козаки. Онъ писалъ о нихъ еще къ великому визирю: что козаки—грабители всего человѣческаго рода, что они—одинаковые враги какъ для поляковъ, такъ и для турокъ, и писалъ искренно. Собственно козаками, а не чѣмъ другимъ, вызвалъ онъ въ поле и пановъ съ ихъ почтами. Послѣ лубенскаго погрома, паны отдохнули немного отъ козацкаго присуду: теперь этотъ зловѣщій присудъ снова началъ вмѣшиваться между старосту и ремесленника, между землевладѣльца и его подданнаго. Рѣшено было повторить надъ козаками лубенское побоище,—повторить, во чтò бы то ни стало. Осенью 1617 года собрались вокругъ Жолковскаго. почти всѣ русскіе землевладѣльцы съ ихъ собственными войсками. Независимо отъ козацкаго вопроса, каждый изъ нихъ болѣе или менѣе сознавалъ необходимость совокупной защиты границъ отъ возбужденной панскими и козацкими походами мусульманской силы; каждый желалъ отомстить татарамъ и туркамъ за разоренныя ими въ послѣдніе годы имѣнія; но главное — каждый не хотѣлъ отстать отъ сосѣда и „быть послѣднимъ", каждый жаждалъ освободить навсегда влости свои отъ козаковъ, отъ ихъ буйства, отъ ихъ нелѣпаго, въ панскихъ глазахъ, присуду. Повторилось явленіе 1595 года. И тогда, и теперь не чтò иное соединило панскія силы, какъ антагонизмъ между законною и незаконною республиками. Прежде чѣмъ гроза появилась на горизонтѣ, Жолковскій стоялъ уже надъ Днѣ-

стромъ во всеоружіи, выбравъ позицію крѣпкую и удобную для рекогносцировокъ, пониже мѣстечка Яруги.

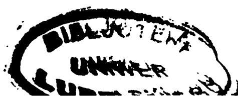
Между тѣмъ оттоманская гордость то закипала въ мѣру своего оскорбленія, то охлаждалась невозможностью направить всѣ свои силы на Польшу. Война съ Персіею, война съ нѣмецкимъ императоромъ, постоянныя опасенія за свои захваты со стороны венетовъ и испанцевъ, а главное — безпутство серальской администраціи, парализовали турецкій планъ завоеванія всего христіянскаго міра. Но житье въ Царьградѣ, съ нѣкотораго времени, сдѣлалось нестерпимо-безпокойнымъ для тѣхъ, которые, разсылая во всѣ стороны вооруженныхъ башей и беевъ, сами старались достигнуть идеальнаго спокойствія въ роскошныхъ гаремахъ. Диванъ волновался, дивясь, какъ это возможно, что какіе-то низшаго сорта гяуры, какіе-то оборвыши-козаки смотрятъ безъ всякаго страха на высокіе ворота оттоманскіе, на столицу столицъ, и даютъ знать о своемъ существованіи самому падишаху! Дѣла въ столицѣ столицъ принимали такой видъ, какъ во времена оны, когда въ главной мечети цареградской молились нечестивые калугеры, а на престолѣ міра возсѣдалъ богопротивный грекъ, словомъ — когда колеблясь доживала свой вѣкъ одряхлѣвшая въ развратѣ Византійская имперія. Туркамъ было извѣстно, по преданію книгочеевъ, что тогда невѣдомые, безыменные варвары ежегодно угрожали вторженіемъ въ самую столицу. Неужели пророкъ отступился отъ своихъ апостоловъ, апостоловъ меча и порабощенія? Неужели ослабѣли силы, передъ которыми, въ воображеніи гаремныхъ жильцовъ, трепеталъ цѣлый свѣтъ? Какъ это согла-

[1]) Въ 1593 году волынская шляхта, въ своемъ объявленіи о готовности идти противъ Косинскаго, выражалась такъ: Такъ какъ, по вызову князя Острожскаго, собралось уже не мало братіи нашей (это, впрочемъ, было только написано Острожскимъ, а въ самомъ дѣлѣ почти никто не явился на его зовъ), „про то и мы, не хотечи въ оказию мети противъ отчизны своее быти последнейшими... умыслили зъ доброи воли нашей, водлугъ приможенья, на отпоръ противъ тымъ своевольникомъ всполокъ до купы; до брати нашея рушитися..“

сить одно съ другимъ, что вчера еще докладывали падишаху о непобѣдимости его армій, о томъ, какъ одно имя его заставляетъ падать во прахъ невѣрные народы отъ конца до конца вселенной, а сегодня — на яву, не во снѣ — козаки жгутъ передъ его глазами окрестности столицы? Чѣмъ же наконецъ убаюкать верховнаго чалмоносца? Гдѣ сказки о новыхъ побѣдахъ и разореніяхъ, для продолженія сказокъ Шехеразады? Какъ обойдется „щитъ великихъ монарховъ" безъ ежедневной позолоты? И откуда почерпнетъ силу духъ правовѣрныхъ, когда верховное выраженіе ихъ могущества потеряетъ увѣренность въ своей непобѣдимости.

Такъ должны были разсуждать въ диванѣ, судя по народной философіи мусульманской, по мірозозерцанію правительствующаго сераля цареградскаго. Всѣ его члены, всѣ великіе и малые умы, изъ которыхъ онъ состоялъ (верховный диванъ всегда состоитъ изъ такой смѣси), приходили, въ концѣ концовъ, къ одному заключенію: что терпѣть этакой дерзости со стороны какого-то не то народца, не то разбойницкой шайки, гнѣздящейся въ пограничныхъ городахъ и пустыняхъ Лехистана, никакъ больше не слѣдуетъ! Рѣшено было, не обращая больше вниманія на оправданія польскаго короля и его сераскировъ, послать Скиндеръ-башу въ землю козацкаго народа, разорить ее огнемъ и мечемъ, истребить козаковъ поголовно, а Украину заселить мусульманами. Гроза, которую въ 1594 году отвратило паденіе Синанъ-баши, теперь представлялась неотвратимою. Скиндеръ-баша, которому поручено было покарать Лехистанъ, жаждалъ величія и вліянія на дѣла Оттоманской Порты не меньше каждаго бородача, завивавшаго голову въ кашимирское завивало. „Angit go sława Ibrahim baszy, że wywrócił Zaporoże", [1]) писалъ къ королю Жолковскій.

[1]) Томитъ его слава Ибрагимъ-баши, что разорилъ Запорожье.



Опасность, по видимому, была весьма серьозная, periculum, что называется, imminentium.

Но украинская пословица: *не такий чортъ страшный, якъ ёго малюють*, почти всегда бываетъ вѣрна въ подобныхъ случаяхъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, поляки потрясли до основанія великое и богатое Московское царство, то царство, которое одѣвало своими соболями весь Царьградъ. Слава ихъ, при панскомъ умѣньи о себѣ трубитъ, [1]) возросла до зенита во

[1]) Обращикомъ этого умѣнья могутъ служить сношенія такъ называемаго столичнаго войска съ Жолковскимъ. Отъ 12 марта 1612 года оно просило его ходатайствовать у короля о жалованьѣ и выражалось о собственныхъ и объ его доблестяхъ такъ: „Kogo inszego iendo Wci naszego Mciwego Pana, pod ktorego szczęsliwym regimentem... takie rzeczy się stały, ktorym się wszystek swiat dziwować musi, ktore kazdy wiek—wysławiać.“.... Отвѣчая столичному войску Жолковскій писалъ: „...na kazdym mieiscu, gdzie się ieno okazya poda... dawałem encomia powinne cnocie, dziełom, odwaznym Mciow postępkom.... A choćbym ia nie wysławiał, w wszystek swiat tak iest rozgłoszona zacna sława Jego Krol. Mci i narodn naszego przez dzielnosć Wciow, ze w panstwie Rzeczypospoleity, oiczyzny naszey, nikt nie iest, komuby taino być mogło. Gdyz, zwertowawszy kroiniki, historye, ledwie się gdzie przykład znałesć moze, zeby ktore woisko i męskiemi vmysły tak wiele wielkich niebezpieczentw zwycięzeniem, tak haniebnych a małosłychanych niewczasow i niedostatkow wytrwaniem, sławą i zwyczaiami porownać mogło. Czym i sobie samym i narodowi swemu tym większą niesmierteln**ą** sławą do potomnego wieku podaliscie Wmcie.“

Къ этому трагическому самовосхваленію прибавимъ выписку изъ похвальнаго слова Жолковскому, произнесеннаго, отъ имени короля, на сеймѣ 1610 года, при торжественномъ представленіи короннымъ гетманомъ „московскихъ царей Шуйскихъ.“

„Bywało za przodkow Jego Krol. Mci siła tryumfow; bywało za pradziadow naszych siła zwycięstw; patrzalismy nieraz na rozmaitych narodow chorągwie pod nogami Jego Krol. Mci; patrzalismy na całe woisko tatarskie całkiem tez w hordę powracane; patrzalismy na tureckie zawoie, męstwu się polskiemu dziwuiące; patrzalismy nawet na wielkich potentatow krewne, nie tylko woiski Jego Krol. Mci gromione, ale i do więzienia przez hetmany polskie brane; patrzyć raczył nie poieden raz Jego Krol. Mć na męstwo polskie, na sprawę Hetmanską, na szczęscie swe od Pana Boga dane. Dziś, kiedy się spodziewać wielcy Krolowie nie mogli i radzić potęzni Woiownicy nie smieli, i doczekać zyczliwi Senatorowie nie tuszyli sobie, odwaga Jego Krol. Mci, miłosć Wmci Mciwego Pana, ręka Polska zrobiła, a odwaga serdeczna, a dzielnosć ustawiczna, a ręka niespracowana woiska Hospodara Moskiewskiego na pował, pogromow Hetmana iego w łyka wziąć. Jescze to męstiwn Polskiemu nie nowina, iesezeto Antecesorowie Wmć Mciwym

мнѣніи турокъ. Московскій престолъ всё еще принадлежалъ на бумагѣ ихъ королевичу. Польскіе паны еще не прокутили всѣхъ жемчуговъ и дорогихъ каменьевъ, награбленныхъ въ царской столицѣ. Ихъ жупаны и оружіе сверкали въ глазахъ Турокъ украшеніями, которымъ завидовамъ самъ падишахъ. [1])Добыча выражала

Panom swym, iescze to przodkowie nasi nam nie po ieden raz sprawowali, oddał sprawny, mężny Kontanty z Ostroga z czułym Smerczenskim (Swerczowskim) oną bitwą v Orszy dziadom Jego Krol. Mci z osmdziesiąt tysięcy Moskwy, tryumf oddał, położywszy trupa trzydziesci i trzy tysiące, przywodząc i w boiarach dumnych, więcey niz cztery tysiące więzniow; ale Hospodara Moskiewskiego tu stawić, Gubernatora Ziemie wszystkiey przyprowadzić, głowę i rząd Panstwa tego Panu swemu i Oiczyznie oddawać, to dopiero dziwy, nowina, dopiero doskonały rozum Hetmanski, męstwo Rycerstwa, sczęscie Jego Krol. Mci! By dziś przewazny Kazimierz Trzeci zył, bybył znał nad sobą takie błogoslawienstwo Boze, takim Hetmanem, takim Rycerstwem nie quietis consiliis, iako na onczas, ale Marsowym dziełem rzecz by był skonczyć z Iwanem radził. Staczali bitwy Przodkowie Krolow Panow naszych z tym narodem, ale abo v rubieza, abo nie daleko za dawne zaszedszy a zdradą odięse granice, naidaley za pamięci naszey kopyto konia polskiego zaszło, gdy pod Starzycę szło. Dziś stolica w ręku i wszerz Panstwa nie iest ten kąt, gdzieby Rycerstwo Polskie i Wielk. Xięstwa Liten. zołnierz konia swego w obfitości Moskiewskiey nie wazył i gdzieby ręki swey dziedzicz nego nieprzyiaciela we krwi nie dusił. Zgoła i Gubernator, i Panstwo, i Pan, i Stolica, i Hetman, i Zołnierz, i Woisko oraz v Krola Polskiego w ręku..." (Подлинникъ храниться въ Библ. Оссолинскихъ, № 207, str. 47.)

[1]) Въ архивѣ Московской Оружейной Палаты хранится длинный списокъ расходовъ царской казны на поляковъ, въ 1611—1612 годахъ. Интересно, при нынѣшнемъ положеніи обоихъ народовъ, читать такіе, напримѣръ, казначейскіе отчеты:

„Пану Яну Сапѣгѣ, какъ стоялъ прежъ подъ Москвою при панѣ гетманѣ корунномъ, послано изъ государевѣ казны золотыми угорскими 1.428 золотыхъ (злотыхъ) съ полузолотымъ; а деньгами противъ золотыхъ 1.000 рублевъ, по 20 атлынъ съ гривною золотой," и пр. и пр.

Далѣе: „По королевскимъ грамотамъ дано съ казеннаго двора 2.614 рублевъ", и пр. и пр.

Далѣе: „Къ старостѣ къ Олександру Ивановичу Корвину Гасевскому (Гонсевскому) для государевыхъ дѣлъ на расходы послано: съ казеннаго двора 3.977 рублевъ и 11 алтынъ съ деньгою", и пр. и пр.

Далѣе: Да изъ государевы царевѣ и великаго князя Владислава Жигимонтовича всеа Русіи казны дано, на Польскіе и на Литовскіе люди, на рыцерство, въ заслужоное ихъ депутятомъ: золота въ Спасовѣ образѣ (даже образами пришлось вознаграждать напастниковъ!) 105 гривенокъ, да въ судѣхъ, въ ковшахъ и въ чаркахъ, и въ блюдахъ, и въ момаехъ, и въ судкахъ, и во всякихъ

тогда славу, а слава означала силу. Панскія дружины не всегда напрасно украшали себя леопардовыми шкурами; придѣланныя за спиной у польскихъ гусаръ крылья часто знаменовали не шутя орлиный полетъ на непріятеля. Турки знали это на опытѣ, и кокетливыя одежды боевой шляхты возвышали поляковъ во мнѣніи турецкихъ полномочныхъ, какъ силу. Конечно Скиндеръ-баша храбрился всячески передъ королевскимъ посломъ въ Царьградѣ, нопротивъ Жолковскаго и его ветерановъ, набившихъ руку на москаляхъ, выступилъ онъ въ походъ вовсе не съ такимъ духомъ, съ какимъ выступилъ бы грозный, хоть и гиперболическій, Синанъ-баша въ 1594 году. То было одно время, теперь настало другое. Да и независимо отъ развитія польскихъ воинскихъ доблестей въ „московскомъ разореніи", надежнаго войска было у Скиндеръ-баши мало. Онъ былъ не глупъ и понималъ ненадежность азіятской орды въ борьбѣ съ европейскимъ рыцарствомъ; а проиграть битву на берегахъ Днѣстра подъ войну съ персами значило—проиграть всѣ придунайскія земли.

Съ своей стороны, Жолковскій, сознавая всю слабость польскихъ военныхъ средствъ, всю ихъ невѣрность и измѣнчивость, показывалъ только видъ бодрой готовности встрѣтить врага у входа въ польскія границы. Истощенная польская казна, избалованное московскими походами войско, глухая борьба правительства съ диссидентами, зловѣщая рознь между русскими старовѣрами и унитами или прозелитами-католиками, преувеличенныя понятія о пристрастіи русскихъ пановъ къ народной старинѣ,

---

судѣхъ, 606 гривенокъ съ полузолотникомъ, да въ запонехъ и въ плащахъ, и въ чепяхъ, и въ путвицахъ ломаныхъ, что спарываны съ платенъ, 572 гривенки и 36 золотникъ", и пр. и пр. и пр. и пр.

Нельзя не прибавить еще одной выписки: „Да за каменье взято, за алмазы и за яхонты и за изумруды, что было на конскомъ нарядѣ, который былъ золотомъ оправленъ и золото снято, на Нѣмцы, 756 рублевъ. Изъ церкви жъ Благовѣщеніе выдано серебра съ Кириловы раки чюдотворцовы 222 гривенки; да паникадило серебряное болшое, вѣсу 78 гривенокъ; кадило да чаша, да артусница, да блюдо невелико, вѣсу 20 гривенокъ", и пр. и пр. и пр. и пр.

и въ особенности возрастающая сила козаковъ, которыхъ коронный гетманъ звалъ и не дозвался въ походъ противъ турокъ, — все заставляло его думать о мирѣ, а не о войнѣ. Но ближайшимъ побужденіемъ къ миру была опасность — открыть непріятелю все государство въ случаѣ проигранной битвы. Помощи ждать было неоткуда: подъ рукой у Жолковскаго было все, что̀ можно было собрать способнаго къ бою: это былъ послѣдній оплотъ противъ стоящаго у самой границы Турчина.

Итакъ ни та, ни другая сторона воевать не хотѣли; но тѣмъ не менѣе оба полководца бравурствовали другъ передъ другомъ и передъ своими государями. „Nie ustępuiem, i owszem w oczy się drzem poganom, [1]) писалъ Жолковскій королю, стоя надъ Днѣстромъ, въ двухъ миляхъ отъ войска Скиндеръ-баши, который расположился на противоположномъ, „волошскомъ" берегу Днѣстра; но, между прочимъ, увѣдомлялъ, что Скиндеръ-баша, проходя мимо наддністрянскаго за̀мка Рашкова, добывалъ его pertinaci oppugnatione.

То былъ самый смѣлый форпостъ окозаченныхъ подолянъ. Не побоялись они многочисленнаго войска, идущаго на Польшу, по волошской сторонѣ Днѣстра, первые задѣли Скиндеръ-башу захватомъ нѣсколькихъ возовъ его, явившихся въ виду Рашкова, и храбро оборонили свой за̀мокъ. У Скиндеръ-баши артиллеристы были плохіе: во время приступа, разорвало двѣ пушки; подъ нимъ былъ убитъ конь; самъ онъ едва не сложилъ головы подъ Рашковымъ, и нашолся вынужденнымъ снять осаду. Видя потомъ, что не удержаться имъ вдали отъ населенной Украины, Рашковяне разошлись въ разныя стороны, кто въ Волощину, кто на украину. Тогда Скиндеръ-баша велѣлъ сжечь замокъ. Такъ доносилъ Жолковскій королю.

Самое больное мѣсто у обѣихъ сторонъ, у турокъ и поляковъ, были украинскіе козаки. Будучи сами варварами и грубіянами,

---

[1]) Мы не только не отступаемъ, напротивъ лѣземъ въ глаза язычникамъ.

козаки не давали ни мусульманскому, ни католическому варварству разлиться безпрепятственно по русской почвѣ. И вотъ, между враждебными для козачества націями опять повторились тѣ соглашенія, которыя имѣли мѣсто во времена полуславянина и полутурка Стефана Баторія, при посредствѣ всегда двуличнаго князя Острожскаго. „Еслибы не козаки въ Украинѣ", размышляла одна,—„Польша со стороны Турціи была бы совершенно успокоена, и сельское хозяйство процвѣтало бы на удивленіе всему свѣту" (который — предполагается — не заботился бы о томъ, что жертвою этого процвѣтанія сдѣлался бы народъ украинскій, и что это было бы для него гибельнѣе всякаго плѣненія, хотя бы даже и вавилонскаго). „Еслибы не гьяуры козаки", размышляла другая,—„Турція могла бы вовсе не думать о защитѣ поднѣстровскихъ колоній своихъ, объ оборонѣ черноморскихъ береговъ, и всею своею силою устремилась бы на крушеніе христіянскаго міра. Тогда бы образовался калифатъ, вполнѣ достойный наслѣдниковъ пророка: всѣ короли платили бы харачъ султану, и даже повелитель Сибири вернулся бы подъ ярмо, изъ котораго такъ ловко освободили шею свою его предки".

Для обѣихъ сторонъ представлялась картина плѣнительная, и кто же не давалъ осуществиться ей? Козаки! даже и не народъ, не государство, „nie ludzie", какъ выражался о нихъ панъ Жолковскій, а просто сволочь, скопище разбойниковъ! Безъ чести, безъ страха передъ кѣмъ-либо и передъ чѣмъ-либо, эта сволочь, даже въ то время, когда двѣ арміи готовы были изза нея обнажить другъ противъ друга оружіе, не далѣе какъ въ первыхъ числахъ сентября, отправилась въ море мимо Очакова на 80 чайкахъ и надѣлала правовѣрнымъ бездну непріятностей. Уничтожить его, это разбойницкое скопище, во что бы то ни стало уничтожить!

Вотъ какой могущественный интересъ международной политики явился на Днѣстрѣ противовѣсомъ интересу войны! Результаты мирнаго соглашенія представлялись обѣимъ сторонамъ

далеко превышающими тѣ послѣдствія, какія имѣла бы самая блистательная побѣда сосѣда надъ сосѣдомъ. Отъ постановки козацкаго вопроса зависѣла будущность Польши и Турціи. Яблоко раздора между ними сдѣлалось на время эдемскимъ яблокомъ великихъ, ослѣпительныхъ надеждъ. Рыкающіе львы, коронный гетманъ и полномочный баша, вмѣсто того, чтобы броситься съ разбѣга и растерзать одинъ другого, начали другъ друга обнюхивать, какъ дѣлаютъ собаки, когда сообразятъ собачьимъ чутьемъ своимъ, что драться слишкомъ опасно. Начались взаимныя вывѣдыванья.

Когда Марсъ поднимаетъ забрало своего грозно-косматаго шлема, онъ надѣваетъ маску, непроницаемѣе желѣзной. Вмѣстѣ съ грознымъ и хитрымъ Скиндеръ-башею пришли къ Днѣстру Алишахъ-мурза и Кантимиръ-мурза съ татарами, а также и христіянскіе вассалы султана, молдавскій и волошскій господари съ своимъ контингéнтомъ; они условились между собою—сперва напугать гяуровъ; и вотъ, 12 сентября, въ виду польскаго стана, появились татары, переплывъ черезъ Днѣстръ пониже (Днѣстръ въ эту пору года значительно пересыхаетъ). Коронный гетманъ выслалъ погарцовать съ ними „охотниковъ". Татары пробовали заманить горячихъ шляхтичей на засаду (они сдѣлали это съ успѣхомъ въ 1614 году, у Сасова Рога); но гетманъ сдерживалъ ихъ завзятость, а польская стража, стоя на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, охраняла смѣльчаковъ — или отъ засады, или отъ внезапнаго поворота на нихъ дикаго, хитраго, быстролетнаго врага. Забавлялись рыцари гарцами до полудня; убили нѣсколько татарскихъ коней; одинъ изъ польскихъ охотниковъ палъ на мѣстѣ, жертвою своего молодечества; другой былъ такъ изрубленъ, какъ въ украинской думѣ Канівченко, и на другой день умеръ. Гарцъ, а по-козацки *грець* принималъ часъ-отчасу все большіе размѣры: въ польскомъ стану молодецкія сердца томились жаждою отмщенія и закипали боевымъ завзятьемъ (всё то

русская кровь играла); наконецъ гетманъ, видя, что удержать ретивыхъ не возможно, велѣлъ стражѣ войти въ лагерь, и тѣмъ положилъ конецъ молодецкимъ выходкамъ. Ордынцы переплыли обратно мелководный Днѣстръ. Съ береговыхъ высотъ, на которыхъ расположенъ былъ польскій станъ, видны были за Днѣстромъ всѣ турецкія становища, въ которыхъ, какъ доносилъ Жовковскій королю, турокъ было 15.000, татаръ 70.000, а волоховъ и молдаванъ 14.000. Да еще поджидали князя седмиградскаго. Сравнительно съ этой массой народу, поляковъ была горсть, но они превосходили азіятскія силы вооруженіемъ, тактикою, стойкостью въ бою, занимали выгодную для обороны позицію и поджидали подкрѣпленій отъ украинскихъ пановъ. Стоя „око въ око“ съ многочисленнымъ непріятелемъ, Жовковскій боялся только одного: какъ бы ему не пришлось раздѣлить свои силы для отраженія татаръ, которые уже перескакивали черезъ Днѣстръ и опустошали окреотности. Тогда бы непріятелю было довольно одного приступа, и цоцорская трагедія совершилась бы надъ Жовковскимъ тремя годами раньше. Вслѣдъ за тѣмъ получено отъ Скиндеръ-баши предложеніе начать переговоры. Жовковскій гордился тѣмъ, что не онъ первый заговорилъ о мирѣ. Скиндеръ-баша просилъ прислать къ нему уполномоченныхъ, а онъ дастъ, съ своей стороны, заложниковъ. Передъ поляками открывался такой рынокъ, на который они, по нашей пословицѣ, готовы были идти и пѣшкомъ.

15-го сентября, въ качествѣ уполномоченнаго, отправился изъ польскаго лагеря, послѣ ранняго обѣда, трембовельскій староста Петръ Ожга, съ приличною свитою. Его провожали до переправы русскій воевода Янъ Данилóвичъ изъ Журова, львовскій каштелянъ Мартинъ Красицкій, лянцкоронскій староста Янъ Зебжидовскій, со множествомъ такъ называемыхъ почтовъ. Станъ коронннаго гетмана представлялъ Рѣчь-Посполитую въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ воеводы и каштеляны были вмѣстѣ и сенаторами. Кромѣ названныхъ уже лицъ, тутъ были: волынскій вое-

вода Янъ изъ Острога, князь Заславскій; каштелянъ хелмскій Янъ Замойскій, родственникъ знаменитаго Яна Замойскаго, тогда уже покойнаго; коронный подчашій Адамъ-Гіеронимъ Сінявскій; коронный крайчій Юрій, князь Збаражскій; коронный подстолій Станиславъ Конецпольскій; каменецкій староста Валентій Александръ Калиновскій; винницкій староста Александръ Болобанъ; галицкій староста Юрій Щуцкій; кіевскій хорунжій Гавріилъ Гойскій; полковникъ Мартинъ Казановскій, и множество другихъ полковниковъ, ротмистровъ и знатныхъ пановъ русскихъ. Дѣло было общее: абсолютное водвореніе польскаго права въ нашей отрозненной Руси.

На противоположномъ берегу дожидались польскаго уполномоченнаго двѣ хоругви турокъ, хоругвъ волоховъ и сверхъ того еще „не малый полкъ Татаръ". Паромъ былъ только одинъ, и тотъ въ дурномъ видѣ, а потому не скоро кончилась переправа, хотя множество конвойныхъ коней панъ Ожга велѣлъ переправить вплавь. На противоположномъ берегу привѣтствовалъ его, отъ имени баши, сперва одинъ бей, а потомъ и другой.

Подробности, въ настоящемъ случаѣ, введутъ насъ ближе въ жизнь изображаемыхъ народовъ, нежели описаніе самой громкой въ исторіи (а это значитъ самой кровопролитной) битвы. Эти мелкія и часто какъ-бы ничего незначущія обстоятельства дѣйствующихъ лицъ и времени служатъ наилучшимъ коментаріемъ для событій громкихъ. Настоящее же, лишенное шума и пушечныхъ громовъ событіе слѣдуетъ причислить къ весьма важнымъ, по тѣмъ великимъ ожиданіямъ, которые соединялись у обѣихъ партій съ его желаннымъ исходомъ.

Вслѣдъ за другимъ беемъ пріѣхалъ къ пану Ожгѣ съ привѣтствіемъ Алишахъ-мурза. Тутъ же поздоровался съ нимъ и волошскій господарь. Панъ Ожга не замѣтилъ, что передъ татарскимъ полкомъ стоялъ Кантимиръ-мурза; тотъ обидѣлся невниманіемъ и тотчасъ поскакалъ прочь съ небольшимъ конвоемъ.

Посолъ наддѣстрянской Рѣчи-Посполитой двинулся въ путь, сопровождаемый азіятскою знатью и ея многолюднымъ конвоемъ. Пріѣхали въ Кременчукъ, волошское село, сожженное гостями-татарами. Подъ Кременчукомъ, въ полумилѣ отъ польскаго стана по прямой линіи, стоялъ кошемъ Кантимиръ-мурза; далѣе, въ доброй милѣ разстоянія отъ польскаго стана, расположился надъ Днѣстромъ седмиградскій князь и съ нимъ волошскій и молдавскій господари, еще далѣе стояли турки, а за турками — Алишахъ-мурза. Когда прибыли въ кошъ Кантимиръ-мурзы, Алишахъ-мурза приставилъ къ посольскому рыдвану десятка полтора татарскихъ, а оба беки — столько же турецкихъ всадниковъ, „поводного“ же коня пана старосты трембовельскаго велѣли вести передъ его глазами, держась при этомъ сами поближе къ нему, и только этимъ способомъ нашли возможнымъ проѣхать черезъ татарское становище. А когда взъѣхали на высокую скалу, Алишахъ-мурза просилъ спутниковъ подождать. Онъ боялся, чтобъ татары, при семъ удобномъ случаѣ, не очистили посольскаго рыдвана и нашолъ необходимымъ помѣститься въ немъ, какъ гарнизонъ помѣщается въ крѣпости. Нѣсколько дней тому назадъ, у самого Скиндеръ-баши татары не только расхитили его походный экипажъ, да и коней забрали. За горой стояли наметы самого Кантимиръ-мурзы. Тутъ выскочилъ изъ толпы татаръ плѣнный пахоликъ, принадлежавшій къ ротѣ пана Казановскаго; недавно ѣздилъ онъ вмѣстѣ съ другими добывать сѣна подъ самимъ становищемъ татарскимъ и, за свою невольную отвагу въ панской неволѣ, поплатился неволею татарскою. Несчастный ухватился за стремя пана старосты; староста не велѣлъ ему идти прочь и вывелъ изъ татарскаго коша, а потомъ далъ ему коня и привелъ обратно къ польскій станъ.

Уполномоченнаго наддѣстрянской Рѣчи-Посполитой провели послѣдовательно черезъ всѣ становища, чтобы внушить ему надлежащую сговорчивость. Начинало уже вечерѣть, когда

панъ Ожга прибылъ въ турецкій лагерь. Тамъ приготовлено было для него два намета. — Десятка полтора чаушей приняли его съ подобающими церемоніями. Спустя немного времени, пришли два старыхъ „хорошо одѣтыхъ“ [1]) чауша съ привѣтствіемъ отъ Скиндеръ-баши. Посолъ отправилъ къ нему съ такимъ же привѣтствіемъ своего переводчика, пана Отвиновскаго.

Утромъ 16 сентября, пришли къ нему чауши съ приглашеніемъ къ турецкому главнокомандующему. Въ палаткѣ Скиндеръ-баши засѣдалъ совѣтъ, состоявшій изъ извѣстныхъ уже намъ лицъ. Многочисленная свита каждаго изъ этихъ царьковъ окружала палатку. Все вмѣстѣ представляло видъ внушительный. Но польскіе послы вели себя вообще гораздо мужественнѣе и даже умнѣе, нежели польскіе политики. Инструкціею, составленною въ то время при королевскомъ дворѣ, послу предписывалось „стоять подобно вкопанному пню, смотрѣть прямо впередъ передъ собою, а потомъ поднять глаза на того, кому отдается посольство; не дѣлать никакихъ тѣлодвиженій, не посматривать ни направо, ни налѣво, не качать головою, руки держать спокойно, а не хлопать рукой объ руку, не теребить бороды, удерживаться отъ кашля, плеванья и сморканья, головы и ничего другого не почесывать, въ носу и въ ушахъ не ковырять, губъ не грызть, словá изъ устъ выпускать такъ, какъ текутъ ручьи: сперва тихо, а потомъ всё громче и громче; ни рѣчей, ни словъ не повторять; говорящаго не перебивать, а за прерванную рѣчь не гнѣваться и, выждавъ, опять возвращаться къ тому выраженію, на которомъ рѣчь была прервана“, и пр. и пр. [2]) Мы должны воображать себѣ пана Ожгу не ниже представленнаго

---

[1]) Это слова характеристическія. У турокъ, какъ и у поляковъ, рядомъ съ пышными нарядами, можно было видѣть лохмотья. Въ 1621 году, англійскій посланникъ въ Царьградѣ увѣдомлялъ лорда адмирала, что султанъ Османъ прибылъ изъ-подъ Хотина въ Царь-градъ „ободранный какъ простой воинъ“.

[2]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. польс. отд. IV, № 71, л. 6.

здѣсь идеала польскаго посла: онъ былъ русинъ. Когда вошолъ онъ въ собраніе, всѣ встали съ своихъ мѣстъ и приняли стоя привѣтствіе панскаго уполномочнонаго. [1]) Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ Кантимиръ-мурза. „Панъ Кантимиръ", обратился къ нему Скиндеръ-баша, „вчера панъ посолъ не привѣтствовалъ тебя, такъ теперь привѣтствуетъ". Знатные господа поздоровались.

Когда церемоніалъ былъ оконченъ, Скиндеръ-баша началъ длинную рѣчь о томъ, какъ султанъ твердо сохраняетъ дружескія отношенія съ польскимъ королемъ, и т. д. и т. д., а король подаетъ поводъ съ нарушенію мира, именно тѣмъ, что изъ его земли выходятъ козаки, жгутъ и опустошаютъ султанскія земли и такъ близко подходятъ къ Царьграду, что падишахъ видитъ изъ окна встающій въ разныхъ мѣстахъ дымъ. [2]) „Это вѣдь очень обидно", продолжалъ Скиндеръ-баша. „Падишахъ никому не прощалъ такъ много, какъ польскому королю". И долго говорилъ

---

[1]) Это дѣлалъ даже ханъ крымскій. Въ посольскомъ дневнихѣ Лавріна Пісочинскаго, 1601 года, читаемъ: „Wszedszy w komorę, poseł ukłonił się pppolsku, a potym witał według obyczaiu: klęknął na prawą nogę i ramienia prawego nastawił, na ktorym Сзг rękę położył.— Car, zwykłem obyczaiem wstał na nogi i ręce dopiersi pozyłozył, pytaiąc się o zdowiu Krola J. Mci". (Тамъ же, л. 47).

[2]) Однимъ изъ новѣйшихъ порицателей козаковъ украинскихъ былъ покойный редакторъ знаменитой въ свое время (и соотвѣтственно вредной для русской интеллигенціи) „Библіотеки для Чтенія", панъ Сенковскій. Въ своей книгѣ „Collectanea z. Dziejopisów Tureckich", онъ отрицалъ даже фактъ, что козаки тревожили султана въ самой столицѣ его. Почтенный издатель сборника историческихъ свѣдѣній о старой Польшѣ („Zbiór Pamięgników o dawnéy Polscze"), Нѣмцевичъ, въ примѣчаніи къ одному документу (t. V, str. 428), указываетъ на отрицанія Сенковскаго съ пренебреженіемъ. При всей своей учености, покойный панъ Сенковской былъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ недобросовѣстенъ, какъ способенъ быть только самый грубый невѣжда. Впрочемъ, русская наука не только во времена Сенковскаго, но и въ наше время, говоря о ней вообще, обращается къ молюскамъ, инфузоріямъ или морскимъ громаднымъ чудищамъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели къ козакамъ или къ украинскому слову, точно какъ-будто эти явленія не принадлежатъ къ жизни, не выработаны ею, и какъбудто игнорируя ихъ, можно измѣнить въ нихъ хоть одну черту.

объ этомъ турокъ, „bo iest bardzo wymowny“, [1]) замѣчаетъ составитель реляціи.

Панъ Ожга, согласно инструкціи посольской, не прерывалъ его; на зато потомъ угобзилъ турецкій слухъ такими похвалами „королю королей“ относительно дружескихъ чувствъ къ жестокому врагу христіянства, отъ которыхъ, пожалуй, его католическое величество и отступилось бы; наконецъ, перешолъ къ главному пункту. „Чтò касается до козацкихъ наѣздовъ“, говорилъ онъ, „то баша никакъ не можетъ назвать ихъ нарушеніемъ пактовъ, потому что козаки разбойничаютъ на Чорномъ морѣ отъ вѣка, налетая съ Днѣпра. Это дѣлали они во времена грековъ и римлянъ, дѣлали и во времена предковъ султана, какъ свидѣтельствуютъ о томъ разнаго рода трактаты и договоры ихъ съ предками его королевской милости. Такъ было и при дѣдѣ, и при отцѣ нынѣшняго императора; но они не считали козацкихъ наѣздовъ нарушеніемъ пактовъ: они знали, какъ трудно польскимъ королямъ сдерживать козаковъ. Всё однакоже польскіе короли чинили надъ ними судъ и расправу: хватали ихъ, рубили имъ головы, а Наливайка большими арміями и нѣсколькими битвами уничтожилъ нынѣ благополучно-царствующій король, чрезъ посредство своего гетмана. Но вѣдь это въ рукахъ у вашего императора, быть, или не быть козакамъ“.

„Какъ въ рукахъ у императора“? прервалъ его съ живостью турокъ. „Да падишахъ желалъ бы, чтобъ и племя ихъ погибло“!

Посолъ, согласно наставленію, которое держалъ въ памяти, отвѣчалъ спокойно: „Вотъ почему въ рукахъ. Козаковъ размножаютъ одни татары. Послѣ каждаго татарскаго набѣга, повоеванные ими люди обращаются въ козачество, да этакъ ужъ и живутъ разстроемъ. Пускай же сперва султанъ уйметъ орду; то-

[1]) Онъ очень краснорѣчивъ.

гда король истребитъ козаковъ, и они во вѣки вѣковъ уже не появятся“. Тутъ онъ привелъ въ доказательство цоцорскій договоръ Казы-Гирея съ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ. „Доколѣ былъ живъ Казы-Гирей и не вторгался въ королевскія владѣнія“, говорилъ онъ, „до тѣхъ поръ, по усмиреніи козацкаго бунта при Наливайкѣ, не слыхать было о козацкихъ наѣздахъ. Но, когда, по его смерти, начались татарскіе набѣги, опять намножились козаки“.

„Ну, панъ посолъ“, сказалъ ему на это Скиндеръ-баша, „положимъ, что ты оправдалъ себя въ козацкихъ разбояхъ. Но чѣмъ ты оправдаешь вторженія въ Волощину? Тутъ ужъ не козаки, а ваши люди наѣзжали: Потоцкій, Михайло Вишневецкій, Александръ Корецкій. Вѣдь они великіе паны въ вашей землѣ, и готовились къ походамъ среди васъ. А Гуманаеву сыну развѣ не посылали ваши люди подмоги, когда онъ воевалъ Седмиградскую землю? а Сербана развѣ не поддерживали они въ наѣздахъ на Молдавію“. И долго говорилъ баша на эту тему, „aggravando factum“, по словамъ реляціи.

Все выслушалъ спокойно панъ Ожга и отвѣчалъ въ свою очередь: „Удивляюсь, какъ можетъ ясновельможный баша вспоминать объ этомъ, — какъ онъ можетъ все это приписывать королю! Я знаю, что онъ совсѣмъ иначе о томъ думаетъ, о чомъ говоритъ... Вѣдь на плѣникахъ нашли королевскія письма, въ которыхъ онъ строго воспрещалъ имъ вступать въ Волощину, а когда уже вступили, повелѣвалъ, чтобы какъ можно скорѣе удалились оттуда! Да и сами они развѣ не показали то, что̀ я говорю?

„Не письмами ихъ выгонять“, сказалъ на это Скиндеръ-баша: „не надо было допускать пановъ къ походу, а когда не послушались бы, тогда выгнать изъ Волощины силою.

„Мнѣ кажется, мы теряемъ попусту время“, отвѣчалъ Ожга. „Что̀ было бы, когдабы королевскія войска вступили въ Волощи-

ну? Императоръ вашъ еще больше прогнѣвался бы, потому что, чѣмъ больше народу, тѣмъ больше людямъ обѣдъ. Но если баша хочетъ удостовѣриться, какъ это досадно королю, пусть онъ освободитъ Корецкаго и другихъ плѣнниковъ: увидитъ онъ, какъ его королевская милость покараетъ ихъ".

„Хорошо имъ и у насъ", сказалъ Скиндеръ-баша.

„Будемъ же говорить о чомъ-нибудь болѣе основательномъ", продолжалъ панскій уполномоченный.

„Хорошо; но какъ же намъ устроить дѣло?"

„А вотъ какъ: вы уймете татаръ, пускай они не дѣлаютъ нашихъ людей козаками, а панъ гетманъ, по королевскому повелѣнію, уйметъ козаковъ, чтобъ не ходили на море".

„Положимъ; но уплатите же условленную дань татарамъ, или, когда они васъ воюютъ, не трогайте вы султанскихъ владѣній, а воюйте ихъ самихъ".

„Съ удовольствіемъ! Мы готовы воевать татаръ! Только бы намъ знать, что императоръ не сочтетъ этого за нарушеніе мира; мы скоро сдѣлаемъ такъ, что татары не будутъ воевать насъ".

„Чтò же вы сдѣлаете"?

„А вотъ чтò: пошлетъ король войска свои въ ихъ землю и станетъ воевать ихъ не украдкою, а открытою войною".

„Нѣтъ, этому не бывать! Орда живетъ на землѣ оттоманской", сказалъ Скиндеръ-баша. „А вотъ чтò сдѣлайте: уничтожьте козаковъ, чтобъ не ходили на море, и платите падишаху то, чтò вы даете татарамъ; тогда падишахъ станетъ удерживать татаръ отъ набѣговъ на Польшу".

Возражая на это, трембовельскій староста представилъ изъ временъ Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія доводы, что за получаемые подарки татары обязаны, во первыхъ, служить королю, а во вторыхъ, не вторгаться въ его владѣнія.

Тутъ отозвался Алишахъ-мурза: „Когда же мы вамъ служили"?

„Не стану припоминать старины“, отвѣчалъ староста. „Но вѣдь ходили же вы въ Московщину съ войсками короля Стефана“?

„Да развѣ были тамъ цари“?

„Въ царяхъ не было тамъ надобности. И теперь король вовсе не нуждается, чтобъ сами цари ходили на службу, только бы не наѣзжали на королевскія владѣнія. Впрочемъ, при королѣ Августѣ и самъ царь ходилъ на службу подъ московскую столицу“.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ Скиндеръ-башею: „Уничтожьте сперва козаковъ; тогда будемъ говорить о татарахъ: вѣдь они во власти падишаха“.

„Надобно дѣлать, а не говорить“, возразилъ панскій посолъ. „Дѣло покажетъ способъ“.

„А я тебѣ скажу“, продолжалъ Скиндеръ-баша, „что не уничтожить вамъ козаковъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожите паланокъ, именно: Бершады, Канева, Корсуня, Чигирина, Черкасъ, Бѣлой-Церкви“.

„А это чтò за договоръ—уничтожать зáмки“? спросилъ посолъ.

„Это необходимо сдѣлать“, важно сказалъ Скиндеръ-баша, „во первыхъ, потому, что тамъ гнѣздятся козаки, а во вторыхъ, потому, что зáмки стоятъ на турецкой землѣ“.

Посолъ молчалъ.

„Чтò жъ ничего не говоришь“?

„Да чтò же толку въ пустомъ разговорѣ? Доказалъ бы я тебѣ, что Днѣстръ—граница въ этой краинѣ, да меня послали сюда не граничиться. А о такомъ способѣ уничтоженія козаковъ панъ гетманъ не получалъ инстуркціи отъ короля, то и мнѣ не поручилъ ничего говорить“.

Долго еще разглагольствовалъ wymowny basza на свою новую тему.

„Напрасныя слова“, отвѣчалъ посолъ. „Объ этомъ разсуждать я не стану; а вотъ, сколько мы ни говорили, всё-таки выходитъ, что король не только не подаетъ повода къ разрыву, напротивъ,

старается всячески сохранить дружескія отношенія съ вашимъ императоромъ, какъ ни много у него поводовъ къ неудовольствіямъ.

Вотъ и теперь, идучи для мирныхъ переговоровъ съ нами, ты разрушилъ Рашковъ, а прійдя сюда, напустилъ татаръ: побрали татары осадниковъ въ нашей землѣ, въ мирное время".

Скиндеръ-баша увѣрялъ съ клятвою, что рашковяне сами накликались на бѣду: войско шло мимо, а они захватили и разграбили два воза. „Мои люди хотѣли оборонить возы, а они выскочили изъ засады, убили нѣсколько человѣкъ нашихъ. Тутъ войска бросились на нихъ; удержать не было способа. Татаръ не удержишь: это народъ своевольный".

„Вѣрю", сказалъ посолъ, „что мудрено удержать своевольный народъ. Вѣрь и ты, что королю трудно обуздать своевольство козацкое. Когда ты не могъ удержать людей, которые смотрятъ на твои наметы, какъ же намъ обуздывать козаковъ, которые живутъ Богъ знаетъ какъ далеко отъ Варшавы, стало быть и отъ коронныхъ гетмановъ"?

Ничего не сказалъ на это Скиндеръ-баша, только разсмѣялся. Посолъ удалился въ свой наметъ, а султанская рада продолжала свои совѣщанія еще часа три.

Послѣ обѣда Скиндеръ-баша пригласилъ его къ себѣ опять и говорилъ съ нимъ наединѣ. Третьимъ между ними былъ переводчикъ, панъ Отвиновскій. „Ну, что̀, же панъ посолъ"? началъ Скиндеръ-баша, „что̀ ты мнѣ скажешь о томъ, о чомъ я говорилъ съ тобой утромъ"?

„Вотъ что̀ скажу: вы склоняетесь къ миру,—это дѣло хорошее; но миръ никогда не можетъ быть заключенъ на предлагаемыхъ вами условіяхъ".

„Слушай, однакожъ", сказалъ Скиндеръ-баша. „Я готовъ поудержать татаръ, если дадите имъ upominki; а вы обуздайте козаковъ, да и тѣхъ также, что вторгаются въ Волощину. Вѣдь они посягаютъ и на Седмиградскую землю, помогая сыну Гуманая".

„Это еще похоже на дѣло“, отвѣчалъ панъ Ожга; „въ этомъ, пожалуй мы сойдемся, но что касается до паланокъ—никогда“!

Тогда Скиндеръ-баша, взявъ пана Ожгу за кунтушъ, началъ говорить такъ: „панъ посолъ, еслибъ я взялъ у тебя эту одежу, а ты взялъ бы у меня мою; твоя стоитъ 100 талеровъ, а моя 50; потомъ я бы сказалъ тебѣ: помиримся; я взялъ твою одежу, такъ за то ты взялъ мою. Вѣдь на это ты бы отвѣчалъ, что твоя одежа лучше моей, не правда ли? Такъ и здѣсь. Козаки надѣлали столько бѣды въ земляхъ нашего падишаха, сожгли столько городовъ, а вы не хотите разрушить одной паланки, именно Бершады, чтобъ успокоитъ падишаха! Вѣдь это вещь пустячная, да я представлю ему, что онъ тутъ вознагражденъ вполнѣ. Упорствовать вамъ, право, незачѣмъ. Вотъ въ Венгріи намножилось сабатовъ и построили себѣ паланки; что же? во время мирныхъ переговоровъ, нѣмецкій императоръ—я говорю его словами—разорилъ паланки. Да вотъ хоть бы и ускоки: вѣдь императоръ Матвей и его братъ воевали съ венетами за нихъ, а потомъ дошло до того, что разрушили Градище, гдѣ жили ускоки. Наконецъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, седмиградскій князь уступилъ падишаху Липу съ пятью зáмками, лишь бы какъ-нибудь помириться; все каменные зáмки, не то, что ваша Бершада“.

На это посолъ возразилъ, что миръ между султаномъ и нѣмецкимъ императоромъ еще не заключенъ, и императоръ разорить паланокъ не соглашается; что война съ венетами всё еще тянется, и едва ли венеты выдержатъ ее. „Что же касается до седмиградскаго князя“, продолжалъ панъ Ожга, „то онъ отдастъ пожалуй и Колозваръ и Бѣлгородъ, если ему прикажете, потому что султанъ далъ ему царство; а мой государь—монархъ независимый, равный съ самыми великими монархами на свѣтѣ, въ томъ числѣ и съ твоимъ государемъ; напрасно домогаешься отъ него, чтобъ онъ уничтожалъ паланки“.

„Пожалуй“, сказалъ Скиндеръ-баша, „я отступлюсь отъ другихъ паланокъ, но Бершаду непремѣнно разрушьте“.

„Чтò вамъ въ этомъ за польза“? спросилъ посолъ. „Это васъ волошскій господарь подводитъ. Онъ сердитъ на Босого, что живетъ въ Бершадѣ. Еще въ прошломъ году жаловались мнѣ на него подъ Хотиномъ волохи, и мы имъ обѣщали наказать его. И теперь я обѣщаю, что король удалитъ Босого изъ Бершады, а посадитъ на его мѣсто лучшаго кого-нибудь“.

Скиндеръ-баша досталъ тогда свой молитвенникъ, положилъ на него пальцы и сказалъ: „Клянусь небомъ и землею, и этимъ стуломъ, на которомъ сижу, что повелѣніе на счотъ Бершады дано мнѣ самимъ падишахомъ, и вотъ по какой причинѣ. Босый поймалъ трехъ турокъ и взялъ за нихъ выкупъ. Между этими турками одинъ былъ близкій родственникъ муфтія, а другой—тоже какой-то родственникъ приближеннаго султанскаго слуги, и они-то вдвоемъ настроили падишаха требовать раззоренія Бершады“. Вслѣдъ за тѣмъ баша показалъ копію письма, которое султанъ отправилъ черезъ посла къ королю.

Панъ Ожга велѣлъ прочесть бумагу Отвиновскому. „Слышу“, сказалъ онъ, „чтò пишетъ государь твой, но чтò на это скажетъ и повелитъ его милость король, мой государь, не знаю“.

Скиндеръ-баша долго убѣждалъ его, говоря по-венгерски, чтобъ не стоялъ за Бершаду; а панъ Ожга доказывалъ ему, что изза Бершады не стоитъ разрывать мирныхъ отношеній.

„Ну, сдѣлай же вотъ чтò“, сказалъ Скиндеръ-баша: „поѣзжай къ гетману, представь ему копію съ письма падишаха и мои договорные пункты. Они почти тѣ самые, съ какими ты ко мнѣ пріѣхалъ“.

Посолъ на это согласился и пожелалъ ѣхать немедленно. Было уже нáдъ-вечеръ, когда онъ двинулся въ обратный путь, въ сопровожденіи турецкаго конвоя. Турки убѣждали его переправиться въ бродъ подъ самимъ лагеремъ, такъ какъ это значительно

сократило бы дорогу; но у пана Ожги былъ рыдванъ, котораго невозможно было переправить въ бродъ; онъ отклонилъ предложеніе. Турки продолжали убѣждать его. „Да вамъ-то что̀ въ этомъ“? спросилъ панъ Ожга. „Почему вамъ такъ не хочется ѣхать прежнею дорогою“?

На это бей, начальникъ провожавшей его хоругви, отвѣчалъ: „Боимся, какъ бы, на обратномъ пути, въ глухую ночь, не бросились на насъ татары, когда будемъ проѣзжать черезъ ихъ кошъ“.

„Какъ это возможно“? сказалъ панъ Ожга. „Вы люди одного государя, одного войска, одного языка“!

„Эти собаки ни на что̀ не смотрятъ. Они и у самого баши расхитили здѣсь возъ и забрали коней“.

Нехотя направился конвой по той дорогѣ къ Яругѣ, по которой пріѣхалъ панъ Ожга. Когда прибыли въ татарскій кошъ, орда была занята сборами въ какой-то набѣгъ; говорили, будтобы въ Волощину: безъ войны и набѣговъ ей нечего было дѣлать. Татары начали увиваться вокругъ рыдвана, но турецкій конвой окружилъ его почти со всѣхъ сторонъ; панъ Ожга также держался возлѣ рыдвана съ своею свитою; быстрымъ галопомъ выскочили путники изъ хищническаго гнѣзда, и что было духу, скакали до самой переправы.

Таковы были союзники, къ которымъ прибѣгнулъ Богданъ Хмельницкій, спасая свою шею отъ панскаго меча, но вовсе не Украину отъ иноземнаго господства.

Въ польскомъ лагерѣ держали совѣтъ, что̀ дѣлать. Гетманъ не соглашался на разореніе Бершады. Но тутъ нашлись люди, къ которымъ коронный крайчій, князь Збаражскій, писалъ и устно поручилъ объявить гетману, что заложенная на его имя, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, слобода Бершада не приноситъ ему дохода, что онъ давно ужъ хотѣлъ перенести ее на другое мѣсто, а теперь, чтобъ изъ-за нея не порвалось примиреніе, посылаетъ ее сжечь.

18-го сентября панъ Ожга отправился къ Скиндеръ-башѣ съ письменнымъ проектомъ мирнаго договора. Онъ доносилъ турецкому главнокомандующему, что затрудненіе относительно Бершады устранилось само собою: такъ какъ осадники этого мѣстечка, оставаясь безъ обороны, сожгли его сами и разошлись въ разныя стороны. Скиндеръ-баша домогался письменнаго обязательства, въ томъ, что эта слобода никогда впредь возстановлена не будетъ; но посолъ отвѣчалъ, что „Бершада находится далеко отъ собственной земли королевской“, и что поэтому король такого обязательства не дастъ.

Во время переговоровъ объ этомъ предметѣ, Алишахъ-мурза нашолъ случай заявить наединѣ пану Ожгѣ, что ни ханъ, ни его мурзы никогда не согласятся оставить недоплаченную за прежніе годы дань въ рукахъ у полякокъ, и что всѣ его трактаты съ башею, при неисполненіи этого пункта, будутъ напрасны.

„Не грози намъ войною“, отвѣчалъ панъ Ожга. „Лишь бы только султанъ не считалъ этого за нарушеніе мира, какъ ужъ и былъ о томъ разговоръ съ башею,—войска королевскія не замедлятъ явиться въ Крыму и сдѣлаютъ съ вами вѣчный миръ“. Алишаха-мурза выбѣжалъ отъ него, по его выраженію, съ фуріею. Онъ ужъ обдумалъ, какъ отомстить панамъ за недоплату харача.

На другой день, панъ Ожга сообщилъ Скиндеръ-башѣ угрозы Алишахъ-мурзы. „Не обращай на татаръ вниманія“, отвѣчалъ Скиндеръ-баша: „они должны исполнять все, чтò мы постановимъ, а если не захочетъ ханъ повиноваться, то падишахъ возьметъ у него царство и отдастъ Мегметъ-Гирею“.

Всё-таки долго не соглашался Скиндеръ-баша включить въ договоръ статью, по которой татары обязывались не только не вторгаться въ польскія границы, но и служить польскому королю. Отстаивалъ онъ также и харачъ за прежніе годы. Наконецъ вручилъ послу проектъ обязательствъ съ обѣихъ сторонъ, но

просилъ, чтобы вмѣстѣ съ гетманомъ договоръ былъ подписанъ и знатнѣйшими панами. Посолъ не понималъ, для чего нужны тутъ подписи пановъ, когда одной гетманской подписи совершенно достаточно. „А вотъ для чего", отвѣчалъ Скиндеръ-баша: „У насъ падишахъ — государь надъ всѣмъ, а мы — его невольники; поэтому я одинъ, безъ другихъ, могу исполнить возложенное на меня порученіе. У васъ — напротивъ: я знаю, что король запрещалъ помогать противъ седмиградскаго князя, однакожъ его не слушались. Пускай же всѣ паны, которыхъ здѣсь такое множество, подпишутъ, чтобы знали, какой миръ заключенъ между падишахомъ и польскимъ королемъ. Но послушай, панъ посолъ", продолжалъ Скиндеръ-баша, „имѣете ли вы столько войска, чтобы одолѣть козаковъ? Хотите, я вамъ помогу и пойду съ вами"?

„Войскъ у насъ много", отвѣчалъ съ подобающею твердостью панъ Ожга, „и то, которое тутъ стоитъ, не все пойдетъ на козаковъ".

„Ну, а еслибы я пошолъ съ вами? Вѣдь я уже теперь съ паномъ гетманомъ братъ".

„И Каинъ съ Авелемъ были братья", отвѣчалъ панъ Ожга, „однакожъ поссорились. Лучше ты ступай въ свою сторону, а панъ гетманъ пойдетъ въ свою".

Панъ Ожга чувствовалъ и мыслилъ благороднѣе Хмельницкаго, который не находилъ въ томъ бѣды, чтобы воевать христіянъ съ помощью злѣйшихъ враговъ христіянства и ввести ихъ въ родную землю.

Переговоры закончились такими словами Скиндеръ-баши: „Господинъ посолъ, если вы будете съ вашей стороны хранить условія мира, могу васъ увѣрить, что миръ между нами не будетъ нарушенъ и черезъ сто лѣтъ, и далѣе. Но, если казаки съ Днѣпра будутъ вторгаться въ Волощину и Седмиградчину, то миръ нарушится немедленно, и будетъ война".

22-го сентября посланы были Скиндеръ-башѣ окончательно составленныя статьи договора, tabula pactorum in forma. Въ число ихъ включена и весьма важная для поляковъ статья о томъ, чтобы не доплачивать татарамъ харача за прошлые годы. Скиндеръ-баша принялъ предложенныя ему условія и прислалъ въ обмѣнъ свои. 26-го утромъ, двинулся онъ въ обратный путь со всѣмъ войскомъ, зажегши остатки своего лагеря. Гетманъ, съ своей стороны, распредѣлилъ войско и вернулся въ Баръ, торжествуя, что первый явился на мѣсто предполагавшагося боя и послѣдній сошолъ съ него. Но черезъ четыре дня татары, обогнувъ пространство въ 70 польскихъ миль, явились подъ Жидичовымъ и ударили на Галичъ. Алишахъ-мурза вознаградилъ себя за харачъ прежнихъ лѣтъ, недоплаченный татарамъ. Гнаться за ордою съ коронномъ войскомъ была бы напрасная затѣя: это могли предпринять одни козаки, levissimae armaturae velitationibus apti, какъ писалъ о нихъ Сарницкій. Между тѣмъ статья объ истребленіи козаковъ стояла *первою* въ договорѣ Жолковскаго съ Искандеръ-башею и формулирована была слѣдующимъ образомъ:

„Łotrostwo kozackie na Czarne morze z Dniepru aby nie wychodziło". Къ сожалѣнію, я долженъ перевести эту статью по-русски, отъ чего она много теряетъ. „Разбойницкая козацкая сволочь не должна выходить изъ Днѣпра на Чорное море, не должна причинять вреда владѣніямъ найяснѣйшаго императора (такъ титуловали поляки султана), напротивъ, какимъ бы то ни было способомъ, она должна быть истреблена... Это мы обѣщаемъ сдѣлать и обязываемся".

Съ своей стороны Скиндеръ-баша въ „церографѣ" своемъ, титулуя себя султанскимъ невольникомъ, назначеннымъ, въ качествѣ привилегированнаго гетмана и намѣстника, для истребленія разбойниковъ козаковъ, говорилъ, что онъ, остановясь надъ Днѣстромъ, напротивъ мѣстечка Подбіле, вмѣстѣ съ седмиград-

скимъ княземъ Бетлемъ-Габоромъ, волошскимъ господаремъ Радуломъ и молдавскимъ Александромъ,—въ то время, когда уже войска его почти готовы были вступить въ бой съ войсками польскими, вошолъ въ переговоры о козакахъ съ коронпымъ гетманомъ, и условились они истребить козаковъ такъ, чтобы султану не было больше надобности посылать въ Чорное море свою артиллерію, а сухимъ путемъ — войска, и пр. и пр. Въ это время у турокъ шла нескончаемая война съ Персіею, и весь походъ Скиндеръ-баши къ Днѣстру былъ не болѣе, какъ театральными декораціями для прикрытія настоятельной необходимости возобновить съ Польшею миръ и такимъ образомъ обезпечить имперію съ сѣверозапада. Но огромная партія въ Царьградѣ жаждала войны съ Лехистаномъ за козацкіе набѣги и собиралась ударить на него всѣми турецкими силами по окончаніи персидскаго похода.

Полякамъ также крайне нуженъ былъ миръ. Московскія дѣла ихъ оставались недоконченными; громадная добыча ускользнула у нихъ изъ рукъ; царство вставало изъ развалинъ подъ новою династіею; но была еще надежда смѣнить русскихъ Романовыхъ шведскими Вазами. Въ Московщинѣ не перевелись еще люди, готовые на новую смуту, которая доставила бы имъ случай разбогатѣть на счотъ государства. Они передавали въ Польшу, что многіе бояре примутъ сторону Владислава, лишь только онъ появится въ московскихъ предѣлахъ. Благоразумные люди въ Польшѣ не ожидали отсюда ничего добраго. „Положимъ“, говорили они, „что нѣкоторые и перейдутъ на сторону королевича, но другіе будутъ крѣпко стоять за царствованіе этого поповича. Какая же тутъ надежда на успокоеніе государства съ этой стороны“? [1]) Но мечтатели взяли верхъ надъ умами положительными. Королевичъ Владиславъ давно уже достигъ совершеннолѣтія; тѣсно было ему въ Рѣчи-Посполитой, среди об-

[1]) Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 83.

ветшалыхъ правилъ придворной морали, послабляемой для него тайкомъ іезуитскими патерами, — среди окружавшаго богомольнаго папеньку старья, передъ которымъ приходилось вѣчно лицемѣрить,—среди величавыхъ магнатовъ, у которыхъ безпрестанно надобно было выпрашивать денегъ, наконецъ—среди жидовъ и богатыхъ опатовъ, которые соперничали въ „лихвярствѣ" съ магнатами. Натура у королевича Владислава была пошире Сигизмундовой. Тяжелъ былъ для него воздухъ Варшавы. То ли дѣло Москва, съ ея сказочно громадною Сибирью, которая окутываетъ соболями всѣ дворы отъ Стамбула до Лондона? То ли дѣло бояре, люди съ виду солидные, но готовые служить какой угодно царской затѣѣ? А купцы, неистощимые для верховнаго обирательства! А церкви и монастыри, точно медомъ ульи, наполненные золотомъ!... Въ Польшѣ, по панскимъ дворамъ ходили изъ рукъ въ руки московскіе соболи цѣлыми сорока́ми; мѣнялись или взаимно дарились нажитыя въ Москвѣ турскія шубы и горлатыя шапки; переливались въ столовую посуду добытые грабежомъ обломки ракъ московскихъ чудотворцевъ и оклады образовъ изъ литого и кованнаго золота. Морозы, голодъ, отчаянныя драки съ народной Немезидою—все это было призабыто съ 1612 года. Призабыта была даже тяжелая расплата съ войскомъ за московскій походъ, заставившая короля заложить столовыя имѣнія свои и клейноты. [1]) Теперь новое вдохновеніе посѣтило польское общество, безпрестанно подчинявшееся какому-нибудь наитію. Живое польское воображеніе, немножко охлаж-

---

[1]) По объявленію самого короля, эти жертвы не удовлетворили требованіямъ жолнеровъ. Онъ писалъ: „Seim dealarowaŁ, patząc na relatie Woiennych vrzędnikow, Patrząc na Computy Skarbowe, ze woisku stołecznemu millon ydwanroc sto tysięcy dać się ma, a oni tyle drugie zasługi swei rachuią. Seim Pułkowi niebosczyka Pana Sapiehi naznaczył coś nad cztery kroć sto Tysięcy, a oni dziewięć kroć sto tysięcy y kilkadziesiąt Tysięcy praetensiami swemi porachowali". (Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8. на оборотѣ 39 листка.

денное кремлевскою трагедіею, снова играло. Королевичъ Владиславъ мечталъ о походѣ въ Московщину, какъ это свойственно было пылкому юношѣ; вмѣстѣ съ нимъ предавались рыцарскимъ грезамъ его сверстники; а старикамъ любо было думать, что, можетъ быть, ихъ дѣтямъ суждено осуществить золотые сны, которые начинали уже дѣлаться дѣйствительностью и вдругъ разсѣялись отъ какихъ-то *случайностей*. Вѣра въ историческія случайности, которыхъ въ жизни нѣтъ и быть не можетъ, приводила корпораціи, партіи, войска и цѣлыя гражданскія общества къ страшнымъ несчастіямъ. Поляки, въ этомъ отношеніи, не были умнѣе своихъ предковъ, своихъ иноземныхъ современниковъ, своего потомства и даже нашего высокоумнаго общества. Итакъ въ Польшѣ снова возжаждали войны съ „Москвою". Въ прошломъ 1616 году, по совѣту, въ числѣ другихъ, и самого Жолковскаго, королевичъ Владиславъ отправился съ половиной короннаго войска домогаться владычества надъ полуміромъ. Роковое *быть, или не быть* влекло полупомѣшанную націю къ ея неизбѣжному концу.

Но, пока до этого дошло, этой націи предстояло подавить русскій духъ въ лицѣ козаковъ, что, въ сущности, было такъ же легко, какъ и надѣть Мономахову шапку на голову чужеземнаго принца. Герою разгрома послѣдней, какъ казалось, южнорусской силы подъ Лубнями и послѣдней сѣвернорусской, какъ думали поляки, подъ Клушинымъ вмѣнено было въ обязанность задушить тысячеглавую козацкую гидру въ самомъ гнѣздѣ ея. Увы! такого Геркулеса не оказалось въ Польшѣ до самой Коліївщины. Гидра исчезла сама собой, лишь только умолкъ „домашній старый споръ" нашъ съ поляками, — исчезла она силой перерожденія, подъ вліяніемъ новыхъ интересовъ,—той силой, которая могущественнѣе всякой деспотической воли. На мѣстѣ кровавыхъ битвъ готово наконецъ возникнуть соперничество умовъ, талантовъ и подвиговъ культуры. Не помѣшаютъ уже ему Вой-

цехи, Станиславы, Кадлубки, Длугоши, Скарги, не помѣшають никакіе разжигатели международной вражды. Сила вещей, неподавимая сила жизни, устранитъ и домашнія помѣхи, тяготѣющія надъ нами со временъ собирателей русской земли антивладимировскимъ способомъ. Но обратимся къ козакамъ.

Судъ о козакахъ всего интереснѣе слышать изъ устъ человѣка, который съ ними перевѣдывался,—изъ устъ короннаго гетмана Жолковскаго. Отправляя пана Ожгу для переговоровъ съ Искандеръ-башею, Жолковскій вручилъ ему инструкцію, въ которой, между прочимъ, сказано: „Когда нынѣшній ханъ началъ наѣзжать и насылать орду на королевскія владѣнія, опять изъ обнищавшихъ людей намножилось tego łotrowstwa, такъ что теперь они вошли въ большую силу, и наберется ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Гетманъ увѣровалъ въ недавнія распоряженія, которыя сдѣланы были Ахметъ-башею отъ имени турецкаго императора, а въ это время Девлетъ-Гирей-галга неожиданно вторгнулся въ королевскія владѣнія, надѣлалъ много бѣдъ и этимъ сильно увеличилъ козачество. Но при всемъ томъ, даже и теперь, лишь только бы онъ былъ увѣренъ, что татары не тронутъ королевскихъ владѣній, онъ готовъ идти съ этимъ самимъ войскомъ на козаковъ и всѣми средствами стараться выкоренить ихъ, гдѣ бы они ни оказались во владѣніяхъ его королевской милости. Давайте дѣйствовать противъ нихъ съобща. Вѣдь уже провѣдалъ дорогу къ нимъ Ибрагимъ-баша. Намъ—дѣло другое: намъ нѣтъ къ нимъ доступа черезъ скалистые пороги, а вамъ, какъ ужъ ваши люди узнали на опытѣ, легче до нихъ добраться. Тѣхъ же, которые окажутся во владѣніяхъ королевскихъ, гетманъ намѣренъ выгубить, уничтожить, искоренить такъ, чтобы ужъ больше не причиняли вреда нашимъ землямъ и владѣніямъ турецкаго императора; живности и никакихъ припасовъ чтобы имъ на Низъ не отпускали; устроитъ панъ гетманъ такъ, что не надо будетъ ожидать и опасаться ихъ съ нашей земли. Что̀ касается до смолен-

скихъ и донскихъ козаковъ, — тѣмъ мы не можемъ запретить, чтобъ не ходили на море, потому что велика отдаленность; но если Господу Богу будетъ угодно, чтобы королевичъ Владиславъ возсѣлъ на московскомъ престолѣ, тогда можно будетъ воспретить имъ это изъ Московской земли. Бершады разрушать нѣтъ надобности: въ Бершадѣ козаковъ днѣпровыхъ нѣтъ: она лежитъ далеко отъ Днѣпра; тамъ просто-напросто своевольничаютъ люди, яко на Украинѣ, грабятъ въ пустыняхъ, кто кого поймаетъ. Панъ гетманъ очень желалъ бы прекратить эти грабежи. Они могли бы быть прекращаемы съ обѣихъ сторонъ per mutua commercia, когдабъ наши купцы пріѣзжали свободно въ Бѣлгородскій портъ и вели съ вашими торговлю; конечно, тогда бы разбойники перестали грабить". [1])

„Сколько разъ ни были козаки sollicitowani отъ королевича и отъ меня, чтобы пришли къ намъ на помощь", писалъ Жолковскій потомъ къ королю, „они, вмѣсто того, подъ предлогомъ, что собираются въ походъ, немилосердно ободрали и ограбили Украину, а потомъ опять обратились къ Днѣпру. Всѣ эти договоры съ Скиндеръ-башею ни къ чему не послужатъ, когда постановленное будетъ нарушено ихъ наглостью. Да хоть бы и не было нарушено, то ихъ злость и упорство слишкомъ велики. Не только не захотѣли помочь ни мнѣ, ни королевичу его милости, наваривши этого пива, но еще ссылаются на меня, будто-бы по моему приказанію они притѣсняютъ на Украинѣ народъ, вымогая отъ него всякой всячины на дорогу. Посылалъ я къ нимъ слугу моего Деревинскаго, давая имъ знать о транзакціи, сдѣланной мною съ турками, и велѣлъ имъ прислать ко мнѣ нѣсколькихъ солидныхъ людей, которымъ бы я сообщилъ волю вашей королевской милости. Не захотѣли и того сдѣлать, обошлись довольно небрежно съ Деревинскимъ и велѣли отвѣчать мнѣ, что кому нужно, пускай

---

[1]) Все это переговорное дѣло заимствовано изъ сборника Нѣсецкаго, но я не цитирую источниковъ общеизвѣстныхъ.

тотъ самъ къ нимъ пріѣдетъ или пришлетъ. Хоть уже я старъ и надорванъ походными трудами, но пойду на кіевскую Украину: я знаю, какъ это важно для Рѣчи-Посполитой. Сколько хватитъ силъ моихъ, буду стараться обуздать козацкое своевольство. Даже и независимо отъ турокъ, оно само по себѣ formidulosum для Рѣчи-Посполитой. Набралось этого гультайства столько, что трудно найти хлопа, наймита: [1]) все живое стремится въ ихъ купы для буйства. Правда, войска у меня маловато, но уповаю на Господа Бога: больше proficitur consilio, нежели vi. Я уже бросилъ между нихъ нѣсколько зеренъ discordiarum. Старшина разошлась во мнѣніяхъ съ чернью: она усматриваетъ необходимость иного порядка дѣлъ; но какой можетъ быть у нихъ порядокъ, когда они на своихъ радахъ заглушаютъ другъ друга крикомъ и гукомъ? Сегодня третій день, какъ двинулся я отъ Яруги. Въ дорогѣ повстрѣчалъ меня посланецъ съ коммисіею вашей королевской милости и мандатомъ на козаковъ. Съ этими документами тотчасъ посылаю имъ также листъ отъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ и всего войска, а самъ пишу къ нимъ, чтобы прислали ко мнѣ уполномоченныхъ въ Паволочъ. Не знаю, сдѣлаютъ ли это. Но какъ бы ни пошли дѣла, я буду дѣйствовать настойчиво. Нужно бы разослать мандаты вашей королевской милости въ украинскіе города, чтобы обуздывали это своевольство, не терпѣли его и запрещали отпускать за Пороги живность и другіе припасы: вѣдь это и сами бунтовщики дѣлаютъ. Не получая на Низу живности, не могутъ они тамъ держаться, и этого боятся больше всего".

Козаки заблагоразсудили прислать къ коронному гетману своихъ уполномоченныхъ, и въ концѣ октября, въ обозѣ надъ Росью,

---

[1]) Изложенные ниже договоры съ козаками покажутъ, что подъ именемъ хлоповъ разумѣлись здѣсь не крестьяне панскаго и старостинскаго присуду (тѣ служили безъ найма), а городскіе вольные люди. Историки наши пропустили все это безъ вниманія, и положеніе вещей при Хмельницкомъ распространяютъ на всѣ періоды козачества.

у села Ольшанки, состоялась такъ называемая Ольшанская коммиссія. Она заслуживаетъ полнаго вниманія читателя: она важнѣе козацкихъ и шляхетскихъ походовъ для историка. Въ ней сказывается сила, погрознѣе той, которая разрушила Синопъ, — сила спокойнаго самосознанія.

Козацкіе уполномоченные смиренно выслушали актъ, составленный королевскими коммисарами вмѣстѣ съ землевладѣльцами Кіевскаго воеводства, во время съѣзда ихъ на сеймикъ для выбора депутатовъ. Козакамъ поставлялось на видъ, что они большими купами и просто цѣлыми войсками вторгаются въ сосѣднія земли; что они „выходя на влость", притѣсняютъ и разоряютъ людей всякаго состоянія; что они, наконецъ, гдѣ бы ни появились, „выламываются изъ юрисдикціи пановъ и ихъ намѣстниковъ, а свою новую, никогда не бывалую за предковъ юрисдикцію выдумываютъ". Всему этому (продолжали коммиссары) одна причина: wielkość gromad, при которой и сами козаки не могутъ устроить между собой надлежащаго порядка; а потому коммиссары постановляли, чтобы людей, называющихся запорожскими козаками, не было больше одной тысячи, „которые бы жили на обыкновенныхъ мѣстахъ, данныхъ королемъ ихъ старшимъ, не выходя на влость". Для того, чтобъ имъ было чѣмъ жить, они будутъ получать, согласно постановленію короля Стефана Баторія, „по червонцу на каждаго и по поставу сукна каразіи на каждаго". [1]) Жолдъ этотъ (говорится далѣе) козаки будутъ получать ежегодно въ Кіевѣ на святкахъ. Прочіе же, гдѣ бы ни находились въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ, чтобы съ этого времени не назывались больше козаками, не собирались въ купы и никакихъ юрисдикцій себѣ не присвоивали, а были бы во всемъ послушны панамъ, начальству своему, наравнѣ съ прочими под-

[1]) Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что старшинѣ не полагается высшаго оклада противъ рядовыхъ, какъ и во всѣхъ документальныхъ извѣстіяхъ. См. примѣч. къ стр. 74.

данными, кто подъ кѣмъ жительство и обиходъ свой имѣетъ. Если же окажутся непослушные, то на такихъ всѣ землевладѣльцы Кіевскаго воеводства немедленно вооружатся и настоящее свое постановленіе приведутъ въ дѣйствіе, каковое постановленіе, для всеобщаго свѣдѣнія, вносится въ замковыя книги житомирскія и кіевскія. А чтобы гасить огонь въ искрахъ и не давать ему запылать пламенемъ, паны повелѣвали всѣмъ правоправящимъ членамъ своего сословія хватать каждаго, кто бы кликнулъ кличъ для сбора народу въ купы, и безъ всякаго милосердія карать смертью. Кто же изъ державцевъ или пановъ сталъ бы смотрѣть per conveniam сквозь пальцы на сборъ такихъ купъ въ своихъ помѣстьяхъ, а пожалуй и самъ сталъ собирать въ купы разныхъ буяновъ, таковой будетъ позванъ въ трибуналъ, intra causas officii extra Pallatinatum, и наказанъ смертью, а еслибы не явился для оправданія, лишеніемъ чести. Даже за доставку на Низъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ шляхтичъ будетъ наказанъ смертью по разсмотрѣніи уликъ въ трибуналѣ, а Plebeius — тотчасъ же, irremissibiliter. Въ заключеніе составленнаго въ Житомирѣ акта, сказано: „Монастырь Трахтомировскій, яко пожалованный имъ отъ короля и Рѣчи-Посполитой, останется при нихъ, впрочемъ не для чего-либо другого, какъ для того, чтобъ онъ былъ убѣжищемъ старымъ, больнымъ, раненнымъ, для проживанья до смерти; собирать же и сзывать въ купы, какъ гдѣ-либо, такъ и тамъ, воспрещается. Въ противномъ случаѣ, это пожалованіе короля и Рѣчи-Посполитой будетъ ими утрачено".

Кіевскимъ воеводою на то время былъ самъ коронный гетманъ Станиславъ Жолковскій. Въ грозномъ коммиссарскомъ актѣ мы видимъ ex ungve leonem. Но странно было съ его стороны запугивать смертною казнью людей, которые шли въ запорожцы, имѣя въ перспективѣ быть посаженными на колъ, четвертованными и колесованными, [1]) которые выпускали изъ рукъ зна-

---

[1]) См. томъ I, стр. 68.

мена только падая на трупы братьевъ своихъ, [1]) которые рѣшились скорѣе быть вырѣзанными поголовно, нежели выдать панамъ такъ называемыхъ ихъ подданныхъ, [2]) — все равно какъ странно было со стороны пановъ предлагать козакамъ войти въ объемъ одной тысячи, тогда какъ самъ же коронный гетманъ писалъ, что ихъ теперь нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ правительственной пропозиціи на сеймъ 1615 года сказано, что козаковъ, предпринявшихъ одновременно два похода, было до 30.000, [3]) съ тѣми же, которые проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ, насчитывали государственные люди тысячъ до 40. Антишляхетская беззаконная республика выросла и готова была помѣряться силами съ республикою законною, а ее продолжали третировать, какъ слабаго ребенка. Такова была увѣренность польскаго льва въ могуществѣ лисьихъ мѣръ, которыя всегда пускалъ онъ въ ходъ, когда не надѣялся на открытую силу. „Więcéy proficitur consilio, niżeli vi“, писалъ онъ къ королю, какъ мы видѣли выше. Но въ это время козаками правилъ человѣкъ, превышавшій умомъ, силою воли и благородствомъ взгляда на борьбу съ панами всѣхъ украинскихъ гетмановъ, сколько ихъ ни было отъ Остапа Дашковича до Кирила Розумѐнка. То былъ Петрȍ Конашевичъ-Сагайдачный. Ему-то принадлежала честь веденія Ольшанской коммиссіи со стороны козаковъ, „заглушавшихъ одинъ другаго кри-

---

1) См. томъ I, стр. 118.

2) См. выше, стр. 145.

3) „Moze się komu zdać ich słuszne desiderium, ze chcieli znosić narodowi naszemu nieprzyiaznego Hospodara, ze chcieli vindicować naruszoney sławy, ale y privata authoritate czynić się niegodzieło. A wszak non sunt facienda mala vt eueniat bona, więc y kozactwa samego swawola in tantum excreuit, ze codzień wyglądać trzeba albo na nich samych cudzego, albo od nich wnętrznego niebespieczenstwa. Wyniesli wliczbie Woyska 30 Tycięcy, poszli iedni czołnami na czarne Morze, drudzy wielką y potęzną wyprawą burzyć Oczakow. Cokolwiek zrobią, lubo z zyskiem, lubo z szkoda swoia, na karb to ǹasz y trudnosci przydzie, pełno wsiedy nierządu y swawoley“. (Рукоп. Императ. Публ. Библ., польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 81).

комъ на своихъ радахъ", такого веденія, которое дало полное торжество козацкой силѣ надъ шляхетскою, безъ пролитія русской братней крови ни съ той, ни съ другой стороны. [1]) Объ этомъ будетъ подробно разсказано въ слѣдующей главѣ.

[1]) Эта черта дѣятельности Сагайдачнаго нашла отголосокъ даже въ безобразныхъ стихотвореніяхъ тогдашнихъ бурсаковъ, „спудеовъ" кіево-братской школы:

Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечъ толко съ поганы.

ГЛАВА XVI.

Возрожденіе древнихъ русичей въ низовомъ козачествѣ. — Обратное движеніе русской силы въ Кіевскую землю изъ карпатскаго подгорья.— Возстаніе русской силы изъ упадка на сѣверѣ.—Мирныя сдѣлки козаковъ съ панами.—Козаки спасаютъ польское войско въ Московщинѣ.— Невозможность уничтожить козаковъ.— Прикосновеніе козаковъ къ церковнымъ дѣламъ.

Зная годъ смерти Сагайдачнаго (1622) и его почтенную сѣдую бороду, зная опытность его въ управленіи козаками, которая могла быть пріобрѣтена только долгимъ обращеніемъ съ этою бурною вольницею,— мы должны причислить Сагайдачнаго къ людямъ среднихъ лѣтъ, сражавшихся подъ знаменами Наливайка и Лободы. Но намъ не извѣстно, участвовалъ ли онъ въ возстаніи козаковъ противъ коронной силы. Надобно думать, что не участвовалъ: потому что его отношенія къ властямъ были всегда столько же мирны, сколько его дѣйствія независимы и радикальны. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на это въ современныхъ письменахъ.

Сагайдачный былъ уроженецъ Галицкой Руси, которая дала Польшѣ всѣхъ коронныхъ гетмановъ, а намъ—противовѣсъ вельможеству и римской пропагандѣ, въ лицѣ автора „Апокрисиса,“ въ лицѣ Іоанна Вишенскаго и Іова Борецкаго, представителей той нравственной силы, которая заключалась въ нашемъ народѣ и выразилась въ незабвенномъ церковномъ братствѣ Львов-

скомъ. Карпатское подгорье, какъ я уже сказалъ, и готовъ повторить это много разъ, послужило убѣжищемъ остаткамъ храбрыхъ русичей, послѣ того какъ ихъ отважные князья „сваты попоиша и сами полегоша за землю руськую." „Понизили" храбрые русичи „стязи своя", вложили въ ножны „мечи своя вережени", „дали гнѣздо свое въ обиду", потеряли предковскую славу свою, но не утратили своей энергической природы. Не даромъ мужественныя сердца ихъ предковъ были „въ жестоцѣмъ харалузѣ скованн, а въ буести закалены." Покинувъ старое днѣпровское гнѣздо, наши распуганные „шестокрыльцы" все-таки сохранили соколиный полетъ свой. Какъ „соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ", такъ и они,—нужды нѣтъ, что имъ, въ быломъ поколѣніи, „припѣшили крыльци поганскими саблями",—возродясь въ новомъ, опять являли себя „шестокрыльцами" того великаго гнѣзда, которое примкнуло къ себѣ эти самые червенскіе города, это карпатское подгорье. Подобно тому, какъ иногда физіологически возрождаются отличительныя свойства недѣлимаго черезъ много поколѣній, такъ и здѣсь, подъ чуждыми знаменами, при иноземномъ боевомъ кличѣ, вставали до-татарскіе русичи съ прежними свойствами своими: съ тою-же жадною боевой славы съ тою же падкостью на военную добычу, съ тою же рѣшимостью стоять за русскую землю противъ пришельцевъ. „Высоко плавали они въ буести, яко соколъ на вѣтрѣ ширяяся",—надо отдать имъ честь; но долго не попадали на тотъ „путь", которымъ ихъ предки „искали князю чти, а себѣ славы",—на тотъ „обычный варяго-козацкій шляхъ", который „пробилъ каменныя горы сквозѣ землю половецкую, который лелѣялъ на себѣ носады Святославовы". Этотъ путь указало имъ, наконецъ, низовое козачество, и во главѣ козачества явился ихъ землякъ, самборскій уроженецъ Петрó Конашевичъ-Сагайдачный. Онъ, въ нашей исторіи, можно сказать, „похитилъ всю переднюю сла-

ву“ козацкую, предвосхитилъ все, чѣмъ по справедливости могутъ гордиться (увы! невѣжественные) козацкіе потомки; онъ „подѣлился“ съ древними буйтурами славою „заднею“. Конашевичъ-Сагайдачный далъ украинскому козачеству больше значенія въ судьбѣ Польши и Руси, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Это будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго повѣствованія. Здѣсь я только замѣчу, что не сабля, воспѣтая въ пѣсняхъ, не рѣзня, проклинаемая въ жалобахъ несчастныхъ современниковъ, не дикіе буйтуры запорожскіе и не горькіе пьяницы украинскіе привели козаковъ къ возсоединенію Руси,—акту, имѣющему значеніе въ исторіи всего земного глобуса, а такіе тихіе и энергическіе характеры, какимъ обладалъ Сагайдачный.

Въ одно и то же время, то же карпатское подгорье произвело другого щедро одареннаго человѣка, который, въ эпоху боевой славы Сагайдачнаго, сдѣлался извѣстенъ въ Кіевѣ, въ званіи священника Воскресенской церкви, какъ милосердый покровитель вдовъ и сиротъ, а вслѣдъ за тѣмъ — въ званіи михайловскаго архимандрита, какъ неутомимый воспитатель молодого поколѣнія. Еслибъ не кровавая Хмельнищина, рыскавшая въ тропу Батыеву по русской землѣ,—можетъ быть, мы открыли бы близкую связь этихъ двухъ личностей съ двумя не менѣе значительными ихъ современниками — авторомъ „Апокрисиса“ и апостоломъ Аѳонской горы,—подобную той секретной, таимой отъ поляковъ, связи, какая существовала между пятью лицами, задумавшими на той же территоріи великое, но не осуществившееся дѣло. Теперь мы только знаемъ, что оба послѣдніе писали подгорскимъ нарѣчіемъ, на сколько пощадила его болгарщина и польщизна, и въ этомъ— несомнѣнная родственность ихъ съ первыми. Во всякомъ случаѣ, оттуда, изъ-подъ Карпатъ устремились потоки новой жизни на поднѣпровское русское займище: Кіевъ ожилъ дыханіемъ русскаго духа, затаившагося въ землѣ „галичскаго осмомысла“.

Карпатскому подгорью все-таки принадлежитъ слава того соединенія славянскихъ силъ, о которомъ мечталъ Стефанъ Баторій съ окатоличенными предками нашими.

Намъ очень мало извѣстно и о томъ, въ какихъ соотношеніяхъ находился самъ Конашевичъ-Сагайдачный съ „великимъ милосердникомъ“ Іоанномъ, въ монашествѣ Іовомъ, въ то время, когда „вся земля агарянская стонала отъ меча козацкаго и пылала огнемъ козацкимъ“. Но, судя по тому, какъ старые люди дорожатъ ранними связями своими, какъ даже умирающія животныя ищутъ мѣста, на которомъ стояли прежде ноги ихъ, [1]) надобно думать, что извѣстнымъ намъ совмѣстнымъ дѣламъ Сагайдачнаго и Іова Борецкаго предшествовалъ рядъ сношеній неизвѣстныхъ. Какъ бы то ни было, но каждый изъ этихъ двухъ подгорцевъ совершилъ свое дѣло къ русскомъ вопросѣ съ такою твердостью и съ такимъ спокойнымъ энтузіазмомъ, какъ-будто въ нихъ обоихъ работала одна и та же душа, или какъ-будто они, безъ обоюднаго совѣта, ничего не предпринимали.

Украинскія лѣтописи относятъ начало военной дѣятельности Сагайдачнаго, однѣ — къ концу XVI, другія — къ началу XVII столѣтія; но общій недостатокъ этихъ лѣтописей тотъ, что онѣ писаны спустя десятки лѣтъ послѣ первыхъ козацкихъ походовъ, такъ какъ сперва козачество — лучше сказать козакованье — было лишь отдѣломъ занятій королевскихъ „дворныхъ гетмановъ“, управителей, и королевскихъ „старостъ“, попросту — прикащиковъ, а потомъ въ глазахъ „людей статечныхъ“, это были — или гультайскіе „бунты“ противъ такихъ почетныхъ лицъ, какимъ считался князь Острожскій, или „здырства“, съ людей „всякаго стану“, то есть „поборы, напои и кормы незвычайные“, на которые и въ эпоху Хмельнищины жаловался авторъ лучшей изъ украинскихъ лѣто-

[1]) Раненные смертельно быки въ кровавой испанской забавѣ возвращаются умереть на то мѣсто арены, съ котораго началась жестокосердая гонитва за ними.

на живую рѣчь украинскую, съ которою и нынѣшніе академическіе мудрецы относятся къ этому жерлу непостижимой для нихъ поэзіи. Онъ, исковерканнымъ по польскимъ образцамъ языкомъ, почтилъ память великаго воина въ слѣдующихъ стихахъ:

Несмертельнои славы достойный Гетмáне,
Твоя слава в молчанню нѣкгды не зостане;
Поки Днѣпръ с Днѣстромъ многорыбные плынýти
Будутъ: поты дѣлности тежъ твои слынýти.
За своего Гетманства взялъ в Турцехъ мѣсто Кафу:
Ажъ и самъ Цесаръ Турскій былъ въ великомъ страху:
Бо му Чотырнадцать тисячъ тамъ люду збилъ,
Катарги едины палилъ, другіи потопилъ.
Много тогды з неволѣ Христіанъ свободилъ:
За́ што го Богъ з Воинствомъ его Благословилъ.
Бо за найболшую нехъ собѣ нагороду
Почитаетъ Рыцеръ: кгды кого на свободу
Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущенне,
Одéржитъ: а по смерти въ Небѣ вмѣщенне.
Дознавалъ нé по единъ кроть Турчинъ погáнинъ
Его мензства, и прудковоенный Татаринъ. [1])

Вотъ этакія-то вірши, „мовленныя отъ спудеовъ братской школы“, напутствовали въ страну вѣчнаго молчанія человѣка, которому равнаго, за исключеніемъ одного великаго милосерди-

[1]) Если народный геній южнорусскій такъ отчаянно и почти безнадежно боролся съ враждебными элементами за гражданскія права народныя, то не менѣе безнадежно было его положеніе и въ борьбѣ съ подавляющими началами за драгоцѣннѣйшее достояніе народа — слово. Академическіе стихи Саковича показываютъ, какъ низко польская наука, воспитывавшая русскихъ писателей, низвела слово, которое такъ роскошно сіяетъ природною красотою, хотьбы, напримѣръ, въ думахъ, приложенныхъ къ I-му тому этой книги. Саковичъ, по образованности и уму, далеко уступалъ автору „Апокрисиса“, между тѣмъ трудно рѣшить, которое стихотвореніе безобразнѣе: то ли, которымъ онъ почтилъ память лучшаго изъ украинскихъ гетмановъ, или то, которое предпослалъ своему глубокомысленному труду Христофоръ Филялетъ, какъ назвалъ себя авторъ „Апокрисиса“. Вотъ оно, это отчаянно-уродливое стихотвореніе, достойное храненія, какъ штемпель тогдашней академичности:

ка Іова, не произвела Украина. И таковы-то могутъ быть начинанія словеснаго дѣла, которому суждено пережить даже и то, что̀ представляется намъ вѣчнымъ: государство и самое общество. Явленіе, стало быть, слѣдуетъ признать законнымъ въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ. Почему же въ исторіи равноправности и слѣдовательно въ исторіи культуры не двусмысленной, не такой, какова была культура польская, не можетъ быть признано законнымъ козацкое безобразничанье, которымъ началось великое дѣло возсоединенія Руси? Почему требуется, чтобъ это дѣло сопровождалось какими-то элегантными подвигами? Почему регуляторомъ требованій, которыя мы предъявляемъ исторіи, не сдѣлать намъ законъ явленій біологическихъ, доступныхъ наблюденіямъ каждаго, осязательныхъ?... Но возвратимся къ повѣсти.

Итакъ, не зная навѣрное, съ котораго времени и какъ именно началъ Сагайдачный свое участіе въ нашей народной борьбѣ съ чужеядными народами, мы прямо становимся лицомъ къ лицу съ этимъ сѣдобрадымъ рыцаремъ на предѣлахъ Ярославовской

КНИЖКА ДО МИНАЮЧИХЪ МОВИТЪ.

Почто новыхъ вещей вѣдѣти желаете,
Нову вещь мене имѣя, презираете?
Отвѣтъ к римляномъ православныхъ содержаще,
Иже, егда прежде вѣру цѣлоу имяще,
И неоуничиженны отецъ преданія,
Всѣ бяху тогда желающе молчанія.
Нынѣ, егда повинныхъ въсѣхъ сътворяютъ,
Писаніемъ же и властію попираютъ
Вѣроу; и, не хотя по нужди глаголáти,
Мню на клеветы въ кратцѣ отвѣщати.
Купи, читай, разсуждай, брате и тщателю,
Повинни ли, повѣждь, се къ Благодателю
Превышнему, с покаяніемъ възратятся.
Оузриши ли, яко неповинни явятся.
Желательнаго приклоненія по тебѣ
И любовныя помощи чаютъ себѣ.
Аминь.

*

Руси—на „Ръси“. Въ урочищѣ Старая Ольшанка расположился врагъ, опаснѣе того, противъ котораго, „мудрый“ Ярославъ строилъ „по Ръси города“ и населялъ ихъ польскими плѣнниками. То былъ напоръ полудикихъ номадовъ, которые, на худой конецъ, возобладали бы матеріальнымъ достояніемъ русичей; а теперь „око въ око“ стояли съ ними рыцари римскаго монаха, посягающаго прежде всего на свободную душу. Безсознательно готовы были эти рыцари и на вещественное, и на духовное человѣкоубійство, воображая, что тѣмъ приносятъ службу Господу. Безсознательно служили козаки великой идеѣ нашего времени и грядущихъ, лучшихъ временъ, думая, что служатъ интересамъ своего полуразбойницкаго товарищества. Передъ истребителя русскихъ силъ подъ Лубнями предсталъ будущій спаситель польской арміи подъ Можайскомъ и подъ Хотиномъ. Съ нимъ было шесть товарищей, которыхъ имена заслуживаютъ поименованія, это были: Богданъ Балика, Гарликъ Свиридо̀вичъ, Иванъ Мамаѐвичъ, войсковой осаулъ; Лаврентій Пашковскій, войсковой писарь; Станиславъ Косторжевскій и Янъ Мировскій. [1])

Мы уже знаемъ, какъ приняли козаки пана Деревинскаго, посланца короннаго гетмана, какъ они жаждали боя съ ляхами, какъ заглушали крикомъ голоса предводителей своихъ. Это были сыновья падшихъ подъ Лубнями въ 1596 году: понятна ихъ жажда утопить наслѣдственную свою вражду въ польской крови, какъ выразился бы Кадлубекъ. Но умѣлъ Конашевичъ-Сагайдачный утихомирить завзятыхъ. „Биться намъ надо не съ ляхами“, такъ долженъ былъ говорить онъ. „Ляхи сидятъ за Вислою, а въ этомъ войскѣ мы побьемъ свою русь. И что̀ же, братчики, изъ того выйдетъ? Придутъ невѣрные, станутъ кошемъ на нашемъ бое-

[1]) Въ обязательствѣ, данномъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ 31 октября, сказано: „за подписью товарищей нашихъ, умѣющахъ писать.“ Изъ этого видно, что въ козаки шли люди не очень грамотные, да въ тѣ времена и школъ для обученія грамотности было мало.

вищѣ, распустятъ во всѣ стороны загоны свои, и некому будетъ оборонить отъ нихъ землю христіянскую. [1]) Вѣдь и насъ ляжетъ въ бою не мало, хоть и побьемъ ляховъ. А если не побьемъ— что̀ тогда? Объ этомъ подумайте. Нѣтъ, братчики: *ляхiвъ гу́дьмо, та зъ ляхáми будьмо.* [2]) Если же вы хотите биться, такъ у насъ есть съ кѣмъ биться и на Чорномъ морѣ, и въ Крыму. Тамъ погибаютъ наши братья въ неволѣ; день и ночь ждутъ они выручки. Туда подобаетъ направить всю нашу силу." Такая рѣчь, не сохраненная для насъ ни однимъ историческимъ источникомъ, вытекаетъ, однакожъ, изъ всего, что̀ въ историческихъ источникахъ сохранено,—вытекаетъ изъ *дѣйствiй* Конашевича-Сагайдачнаго. Весьма естественно полководцу говорить передъ своими соратниками о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ результатомъ ихъ покорности своему избраннику были событiя для нихъ незабвенныя; а когда Сагайдачный напомнилъ козакамъ о такихъ дѣлахъ, какъ разоренiе невольничьихъ рынковъ турецкихъ, когда развернулъ передъ ихъ воображенiемъ перспективу будущихъ подвиговъ, козаки должны были отвѣчать ему такъ, какъ не разъ говорили они, остановленные разумнымъ словомъ: *Знавъ ты, бáтьку, що сказати!* [3]) Тутъ могли явиться противоположныя мнѣнiя о морскихъ походахъ: миръ съ турками только что

---

[1]) Эти предполагаемые нами à la Өукидидъ слова Сагайдачнаго читающiй пѣсни при свѣтѣ научной лампы находитъ въ приведенныхъ выше (т. I, стр. 152) стихахъ:

Ты, могило верховино,
Чомъ ты рано не горiла?
Ой я рано не горiла,
Бо крiвцею обкипiла.
Ой якою? — Козацькою,
Въ половину изъ ляцькою....

[2]) Народная пословица.

[3]) Эти слова сказаны запорожцами воспѣтому въ пѣснѣ „отцю Владимеру", когда онъ представилъ имъ послѣдствiя предпринятой ими защиты Сѣчи противъ войска Екатерины. Въ исторiи принято славословить отчаянное сопротивленiе, и

былъ заключенъ; ляхи не дадуть козакамъ *верстать здобычню дорогу* по Чорному морю; напрасно теперь думать о походѣ... „Хибá вы ляхівъ не знаете“? могъ отвѣчать на это гетманъ, съ украинскимъ лаконизмомъ, и этими словами опровергнуть всѣ противорѣчащіе доводы. Ляхи уничтожали завтра фактически то, чтὸ постановляли сегодня юридически. Козаки это знали. Пускай, однакожъ, и не такъ легко было для Сагайдачнаго привести буйное братство свое къ единомыслію; но, выкричавшись и выгукавшись, козаки все-таки должны были облечь, и облекли, полномочіемъ всегда побѣдоноснаго предводителя своего, а съ нимъ уполномочили и шестерыхъ его товарищей, между которыми, судя по именамъ, были даже латинцы (вѣроятнѣе—протестанты). Происходя по прямой линіи отъ „вѣщаго“ Олега, эти мудрыя головы, представители запорожской интеллигенціи, знали, чтὸ къ чему приведетъ, и потому согласились на все въ Ольшанскомъ урочищѣ, чего потребовали отъ нихъ королевскіе коммиссары; оставили за собою только незначительное въ глазахъ пановъ, но практически весьма важное право — обратиться на ближайшемъ сеймѣ къ королю и Рѣчи-Посполитой съ просьбою о трехъ пунктахъ: 1) о томъ пунктѣ, въ которомъ сказано, что нынѣшніе козаки и ихъ потомки не должны ничего такого дѣлать, чтὸ бы причиняло кому-нибудь убытокъ, обиду и притѣсненіе; 2) о томъ, по которому не должны они вторгаться во владѣнія турецкаго императора, безъ воли и приказанія короля и всей Рѣчи-Посполитой, и 3) о томъ, по которому число запорожскихъ козаковъ ограничено только тысячею человѣкъ. По видимому, это была полная покорность, въ сущности же, не было никакой. Проницательно замѣтилъ нунцій Торресъ, что козаки являются къ правительству иногда съ грозьбою, иногда съ прось-

оно бываетъ иногда достойно удивленія потомства; но такія уступки, какія козаки, при своей, вошедшей въ пословицу, завзятости, сдѣлали Сагайдачному и Кіевскому попу своему, составляютъ лучшее украшеніе характера украинскаго.

бою, но всегда съ оружіемъ въ рукахъ. Оружіе и теперь оставалось въ рукахъ у тѣхъ людей, которые подписывали актъ Ольшанской коммиссіи отъ лица Запорожскаго Войска. Не все ли равно, сколько козаковъ написано на бумагѣ? На дѣлѣ они никуда не дѣвались. На дѣлѣ каждый, втыкавшій саблю въ борозду, былъ козакъ, или могъ сдѣлаться завтра козакомъ. По сказанію одного украинскаго лѣтописца, конечно легендарному, вопросилъ однажды турецкій царь: „Сколько у васъ козаковъ на Украинѣ"? „У насъ царю", отвѣчали ему, „что ни кракъ, [1]) то и козакъ, а гдѣ байракъ тамъ и сотня козаковъ найдется. Речетъ убо старшій слово, и абіе козаковъ, аки травы будетъ". Съ этимъ сказаніемъ гармонируютъ слова одного поляка, проживавшаго на Украинѣ: „Мы только таборы козацкіе видимъ, а козаковъ порознь нигдѣ не находимъ". Потому-то и можно назвать козаковъ извлеченіемъ квадратнаго, а подъ часъ и кубическаго корня изъ украинскаго народа. При каждой „тревогѣ" украинскій народъ готовъ былъ выдѣлить изъ себя войско которое представляло собою все наиболѣе нуждающееся въ кускѣ хлѣба на Украинѣ, наиболѣе завзятое въ добываніи его, наименѣе связанное семейными или другими узами и готовое на всевозможныя крайности.

Къ представителямъ этой-то безпокойной части южно-русскаго народа обратился съ гордыми требованіями коронный гетманъ Станиславъ Жовковскій, подкрѣпленный присутствіемъ королевскихъ коммисаровъ: Яна Даниловича, старосты русскаго, бельзскаго, корсунскаго; Станислава Конецпольскаго, подстолія короннаго, старосты велюнскаго и зайдовецкаго; Яна Жовковскаго, старосты грубешовскаго, или—сказать конкретнѣе—присутствіемъ ихъ хорошо вооруженныхъ почтовъ. Замѣчательно, что, по выраженію составленнаго при этомъ акта, козаки, въ лицѣ гетмана, войсковаго осаула и войсковаго писаря съ четырьмя осталь-

---

[1]) Кустъ, попольски krzak.

ными, конечно, „значными“ людьми, прислали на коммисію не начальство, а „товарищей своихъ, съ достаточною инструкціею и наукою.“ Не менѣе замѣчательно также (я прошу гг. украинскихъ дѣеписателей обратить на это вниманіе), что, по требованію коммиссаровъ, козаки должны были исключить изъ своей среды и выписать изъ реестра—не „хлоповъ“, о которыхъ сіи дѣеписатели упоминаютъ въ самомъ началѣ образованія козачества, а вотъ кого: „ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ и всѣхъ, которые занимаются какимъ-либо ремесломъ, и иныхъ лишнихъ людей“. Козаки на все согласились. Козаки согласились даже на то, чтобы, вмѣсто избирательнаго *гетмана*, каковымъ титуломъ и подписался на актѣ Конашевичъ-Сагайдачный, принять имъ „изъ руки короля и короннаго гетмана такого *старшаго*, какимъ бывалъ нѣкогда Орышевскій и другіе“. Впрочемъ (оговаривались они) этотъ старшій долженъ быть выбранъ изъ ихъ же войска и „ими же самими, а не кѣмъ-либо инымъ“, [1]) для того чтобы быть присяжнымъ со всѣмъ товариствомъ на вѣрное исполненіе королевскихъ постановленій. Для объявленія и приведенія въ исполненіе акта, отправлены, вмѣстѣ съ козацкими послами, уполномоченные панскіе: Ѳедоръ Сущанскій Прóскура, писарь земскій кіевскій; Іеронимъ Вржещъ, ротмистръ королевскій; панъ Янъ Білецкій и панъ Іосифъ Галицкій. Итакъ все дѣло окончено благополучно.

---

[1]) Этихъ словъ нѣтъ въ актѣ коммисіи: они включены Конашевичемъ-Сагайдачнымъ въ письменное обязательство, которое онъ далъ за все Ззапорожское Войско, за своею и своихъ товарищей подписью. По этому обязательству, козаки обѣщали удалить отъ себя: ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, kafanikow, balakieziow, рѣзниковъ, кравцовъ и иныхъ лишнихъ людей“, но о хлопахъ ни слова!—Я не знаю, какія ремесла означаютъ kafaniki и balakiezie. Не зналъ этого и Линде, въ котораго „Słowniku języka Polskiego“ нѣтъ этихъ словъ. Августъ Бѣлёвскій напечаталъ акты Ольшанской и Раставицкой коммиссій („Pisma Żołkiewskiego“) съ старинной рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Оссолинскихъ, но эти слова оставилъ безъ объясненія, и слово kafaniki напечаталъ сперва съ однимъ, а потомъ съ двумя *n*.

Ограниченіе числа козаковъ, по положенію дѣлъ въ Украинѣ, было недостижимо для польскаго правительства, и именно потому, что исполнительная власть далеко не соотвѣтствовала законодательной. Уже въ законѣ 1590 года правительство сознадось передъ самимъ собою, что „пропустило время" для обузданія козацкаго своевольства. Теперь это чувствовалось несравненно сильнѣе, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ начавшійся съ 1607 года рядъ сеймовыхъ конституцій противъ козаковъ, а слѣдомъ за конституціями—рядъ коммиссій, для приведенія людей, называющихся козаками, въ послушаніе землевладѣльцамъ. Всѣ конституціи и акты коммисій повторяютъ одно и то же: что козаки не признаютъ юрисдикціи тѣхъ, въ чьихъ владѣніяхъ проживаютъ, то есть ни пановъ, ни старостъ; что они имѣютъ собственное судоустройство и распространяютъ его на королевскихъ и панскихъ подданныхъ; что они собираются въ купы и вторгаются цѣлыми войсками съ артиллеріею въ сосѣднія государства, навлекая на Польшу опасность войны съ Турціею. Иногда король обращался съ универсаломъ ко всѣмъ русскимъ землевладѣльцамъ, начиная съ князя Острожскаго, упрашивалъ ихъ выбрать мѣсто и время для общаго съѣзда и обсужденія, что̀ дѣлать съ козаками, предоставлялъ имъ полный произволъ принять какія угодно противъ нихъ мѣры, но, видя, что паны не двигаются съ мѣста, „поновлялъ" тотъ же самый универсалъ, иногда даже недѣли черезъ двѣ. Козацкій промыселъ, очевидно, вознаграждалъ жителей королевскихъ и панскихъ городовъ больше, чѣмъ торговля, промышленность и ремесла, а подъ защитою русскаго права, представляемаго козацкимъ присудомъ, личная и имущественная неприкосновенность была гораздо больше обезпечена, чѣмъ подъ защитою права польскаго: здѣсь каждый судился одинаково, тамъ для шляхтича существовали слишкомъ большія послабленія даже и въ такихъ случаяхъ, какъ открытый грабежъ и разбой среди города. Народный самосудъ, поддерживаемый козаками,

возможно было подавить только войною; но, для войны съ пропагандистами этого самосуда, матеріальныя, а еще больше нравственныя средства польскаго права были недостаточны, въ чомъ король и его коронный гетманъ боялись сами себѣ признаться. Они рады были призрачной покорности козаковъ, хотя, experientia docti, не могли не видѣть, что она, при первомъ же случаѣ, превратится въ разнузданность.

Еслибъ только съ одними козаками имѣть королю дѣло,—это была бы половина горя; ато у него были свои вельможные козаки, эти Корецкіе, эти Потоцкіе, эти Мнишки и Вишневецкіе, которые бросались то за турецкую, то за московскую границу и увлекали иногда самого короля въ свои военно-политическіе планы. Чтобы выпутаться изъ неудачной экспедиціи, не разъ приходилось королю, чрезъ посредство своихъ пановъ, играть ту роль, за которую закономъ назначалась или смерть, или баниція: король давалъ приповѣдные листы и кликалъ кличъ къ тѣмъ самимъ людямъ, которыхъ его же собственные универсалы повелѣвали исключать изъ козацкаго войска, хотябы они пребывали въ составѣ этого войска три и даже пять лѣтъ. Такъ было нѣсколько разъ во время знаменитой московской войны, которая началась, можно сказать, шалостью: началась повтореніемъ тѣхъ продѣлокъ съ самозванцами, которыя козаки, ради „лыцáрства“ и добычи, столько разъ совершали въ Волощинѣ, но отъ шалости перешла въ дѣло великой важности и довела короля до большого скандала,—до соперничанья съ сыномъ за московскій престолъ. Король позавидовалъ сыну, которому шло въ руки обширнѣйшее въ Европѣ царство; онъ рѣшился смѣстить сына самимъ собою, и смѣстилъ вмѣстѣ съ нимъ себя самого въ пользу юноши, котораго поляки называли поповичемъ. Когда дѣло было проиграно, Сигизмундъ готовъ былъ видѣть на московскомъ престолѣ хоть сына; и вотъ половина воинственныхъ пановъ, съ набраннымъ по всей Польшѣ войсковымъ сбродомъ, опять геройствовала сре-

ди опустошенной Московщины, и опять готовилась имъ прежняя кара. При своей уносчивости фантазіею, при безпорядочной ремонтировкѣ, при отсутствіи строгой подчиненности между начальствующими лицами, они не замедлили поставить дѣло такъ, какъ могъ бы присовѣтовать имъ только ихъ непріятель. Еще недавно начата была новая московская война, а уже денегъ не хватало, въ съѣстныхъ и другихъ припасахъ была крайняя нужда; войско начало разбѣгаться. Въ то самое время, когда король угрожалъ козакамъ карою за своевольство, онъ получалъ отъ сына вѣсти, не предсказывавшія успѣха. Зима прошла въ ожиданіи военнаго счастья, которое вдругъ перемѣнитъ судьбу королевича. Но счастье, эта случайность, которая обманываетъ людей со временъ потопа и разселенія потомства Ноева по землѣ Ханаанской, обмануло въ тысячный разъ и поляковъ, которые, подобно прочимъ смертнымъ, не переставали на него разсчитывать. Не появлялось капризное и коварное, выдуманное лѣнтяями божество, на помощь воинамъ, предпринявшимъ великое дѣло съ малыми средствами. Наконецъ и послѣднія средства ускользали изъ рукъ у королевича; а новый московскій царь, Михаилъ Ѳедоровичъ, между тѣмъ усиливался.

Москали кой-какъ раздѣлались со Шведами, уступивъ имъ, по Столбовскому договору, прибалтійскія земли: уступка горестная для тогдашнихъ людей, и еще больше для поколѣній будущихъ. При царѣ Петрѣ пришлось намъ отвоевывать эти земли общими силами съ великимъ трудомъ, съ великими пожертвованіями и страданіями; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, правительству Михаила Ѳедоровича поступить иначе было невозможно. Надобно было, во что̀ бы ни стало, спровадить съ русской почвы шведовъ: не спровадивъ шведовъ, нечего было и думать объ устройствѣ разореннаго государственнаго хозяйства. Въ казнѣ вовсе не было денегъ, и гдѣ ихъ взять, никто не вѣдалъ. Но деньги явились, и именно потому, что, доведенное до послѣд-

Этимъ гражданскимъ подвигомъ спасли они и насъ, южноруссовъ, отъ моральнаго истребленія. Не вынеси тогда полуграмотные бояре погибающаго царства на своихъ плечахъ, не миновать бы намъ ополяченія; а хотьбы и явился въ нашей разрозненной средѣ „козацкій батько", ему некуда было бы дѣться съ козацкимъ народомъ своимъ, и кончилось бы тѣмъ, что Богданъ Хмельницкій упредилъ бы Юрія Хмельницкаго въ потурначествѣ. Землю конечно удержала бы за собой республика, покорившая Московское царство, но это не была бы уже та русская земля, которую такъ либерально, безъ кровавыхъ насилій, собралъ со всѣхъ концовъ Равноапостольный: она была бы Русью польскою. Что же тогда? Тогда, конечно, такіе города, какъ Острогъ, не стояли бы нѣмыми руинами, но въ нихъ бравурствовалъ бы шляхтичъ, поражавшій гордостью и самихъ венеціянцевъ, а въ селахъ кругомъ городовъ господствовали бы бездѣтные ксензы и многодѣтные жиды, держа народъ въ вѣчномъ невѣжествѣ и безвыходномъ пьянствѣ. Такая предстояла намъ будущность; отвратили ее нагольные тулупы московскіе, вѣрные совѣтники царскіе. Раскидывая умомъ по разоренному царству, обдумывая мудреныя дѣла свои въ крѣпкой думушкѣ, москали не дали восторжествовать надъ собою ляхамъ, а тѣмъ самимъ и насъ отъ нихъ избавили. То было время крайне опасное.

Но мы и сами не дремали: мы учились въ братскихъ школахъ; мы устраивали разбросанную по всей отрозненной Руси академію наукъ въ типографіяхъ; мы ремонтировали козацкое войско на собственный и на шляхетскій счотъ; мы не прочь были ремонтироваться и на счотъ единовѣрной Московщины. Вѣчная борьба за существованіе, которой полонъ животный міръ, заглушала въ козакахъ тѣ чувства, которыя приписываются имъ относительно религіи. Намъ открылся новый походъ въ московщину, и мы не стали разсуждать о различіи русской Московщины отъ турецкой Волощины.

Королевичъ Владиславъ довоевался до того, что погибалъ наконецъ подъ Можайскомъ. Какъ собаки медвѣдя, обступили его, голоднаго и безпомощнаго, москали, и не сегодня, такъ завтра надъ нимъ повторилась бы кремлевская исторія: поляки еще разъ явились бы людоѣдами. [1]) Въ это отчаянное время, по вызову короля, пришло къ нему на выручку 20.000 козаковъ, тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ число недавно ограничили одною тысячею. Понятенъ восторгъ, съ которымъ гербованное войско встрѣтило негербованныхъ избавителей своихъ. Конашевича-Са-

[1]) Въ числѣ рукописей Императ. Публ. Библ., находится дневникъ одного изъ сидѣвшихъ въ осадѣ поляковъ, начинающійся 1603, оканчивающійся 1613 годомъ, подъ заглавіемъ „Historya Dymitra fałszywego" (отд. польск. F. IV, № 33). Онъ напечатанъ недавно въ „Русской Библіотекѣ", издаваемой Археографическою Коммиссіею, и содержитъ въ себѣ слѣдующую ужасную страницу:

„Ни въ какихъ лѣтописяхъ, ни въ какихъ исторіяхъ нѣтъ извѣстій, чтобы кто-либо, сидящій въ осадѣ, терпѣлъ такой голодъ, чтобы гдѣ-либо былъ такой голодъ, потому что, когда не стало травъ, корней, мышей, собакъ, кошекъ, падали, осажденные съѣли плѣнныхъ, съѣли трупы, вырывая ихъ изъ земли; пѣхота сама себя повыѣла и, ловя людей, съѣдала. Пѣхотный поручикъ съѣлъ двухъ сыновей своихъ, одинъ гайдукъ также съѣлъ сына, а другой—мать; также одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего; словомъ—отецъ не щадилъ сына, а сынъ—отца; панъ не былъ безопасенъ отъ слуги, слуга—отъ пана; кто кого осилилъ, тотъ того съѣлъ; болѣе здоровый уничтожалъ слабѣйшаго. О родственникѣ или товарищѣ, съѣденномъ у кого-нибудь другимъ, судились, какъ о наслѣдствѣ, и доказывали, что его слѣдовало съѣсть ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дѣло случилось во взводѣ п. Лесницкаго, что гайдуки съѣли въ своемъ взводѣ умершаго гайдука. Родственникъ покойника, гайдукъ изъ другого десятка, жаловался на это предъ ротмистромъ и доказывалъ, что онъ имѣлъ больше права съѣсть его, какъ родственника; а тѣ возражали, что они имѣли на это ближайшее право, потому что онъ былъ вмѣстѣ съ ними въ одномъ ряду, строю и десяткѣ. Ротмистръ, какъ новичокъ, не зналъ, какой сдѣлать приговоръ и, опасаясь, какъ бы недовольная сторона не съѣла самого судью, бѣжалъ изъ трибунала. Во время этого страшнаго голода, появились разныя болѣзни, и такія страшные случаи смерти, что нельзя было смотрѣть безъ плача и ужаса на умирающаго человѣка. Я много насмотрѣлся на такихъ. Иной пожиралъ землю подъ собою, грызъ руки, ноги, тѣло свое, какъ могъ пожиралъ и, что̀ всего хуже, хоть желалъ бы умереть, да не могъ умереть, кусалъ камень или кирпичъ, прося Господа Бога превратить въ хлѣбъ, но не могъ откусить. Ахъ! Ахъ! слышалось вездѣ по крѣпости, а внѣ крѣпости — плѣнъ и смерть. Тяжкая это была осада! ужасныя перенесли мы страданія"!

гайдачнаго еще въ полѣ привѣтствовала депутація, подъ предводительствомъ мстиславскаго воеводы, который, отъ имени королевича, вручилъ ему булаву и королевское знамя. Такимъ образомъ уничтоженное отцомъ возстановлено сыномъ, и это было совершенно позволительно и резонно въ польской политикѣ: въ случаѣ чего, Сигизмундъ могъ отказаться отъ манифестаціи Владислава, равно какъ и паны его рады имѣли полную возможность назвать поступокъ погибавшихъ и спасенныхъ козаками братій своихъ опрометчивымъ. Такимъ онъ и считался: онъ игнорированъ во всѣхъ официіальныхъ письменахъ того времени. Козацкія права, пріобрѣтенныя спасеніемъ польской арміи, какъ подъ Можайскомъ, такъ, впослѣдствіи, и подъ Хотиномъ, сохранены за ними только ихъ оружіемъ. Что̀ касается собственно до Сагайдачнаго, то онъ торжествовалъ подъ Можайскомъ двойную побѣду: и надъ козачествомъ, которое безумно рвалось биться съ ляхами, и надъ шляхетствомъ, которое диктаторски предписывало ему, въ Ольшанской коммисіи, покорность. Это была побѣда благородная: она не стоила никому капли крови, но тѣмъ не менѣе дала побѣдителю силу надъ обѣими борющимися партіями. Козаковъ поставилъ онъ относительно себя, „какъ малыхъ дѣтей“, [1]) которыя должны слушаться взрослаго, а королевича съ его шляхтою— какъ панскихъ недорослей. Онъ далъ имъ возможность выпутаться изъ несостоятельной, вѣтренной экспедиціи и, пользуясь затруднительными обстоятельствами молодого царя, заключить съ нимъ выгодный миръ. Деулинское перемиріе на 14 съ половиною лѣтъ дало Польшѣ, не на долголѣтнее, впрочемъ, торжество, Смоленскъ, Черниговъ и другіе сѣверскіе города: это была заслуга Сагайдачнаго, приписанная конечно мужеству польскаго войска и благоразумію предводителей онаго.

---

[1]) Слова кобзарской думы:

Тоді козаки стали въ раді, якъ малыі діти.

Новымъ походомъ въ православную Московщину область эксплоатаціи козацкой опять расширилась. Религіозное войско козацкое преисправно грабило единовѣрную московскую Русь, такъ точно, какъ и Волощину. Оно, еще до соединенія съ королевичемъ подъ Можайскомъ, „взяло взятьемъ" нѣсколько московскихъ городовъ (конечно, не съ цѣлью помолиться въ церквахъ) и разогнало нѣсколько царскихъ ополченій. Какое впечатлѣніе производили на своихъ единовѣрцевъ эти мнимые рыцари церкви, можно судить по рукописному сказанію нѣкоего благочестиваго инока объ осадѣ Желѣзопольской Устюжны, называемой, вмѣсто зáмка, острогомъ, въ 1609 году. „Аки дождь, напустиша ко острогу изгономъ; кличъ великъ испустиша и въ разные пи́скове вострубиша, аки зли волцы скачуще и яко зліи аспиды шипяху, поглотити хотяще весь градъ". [1]) Но, когда соединенныя войска приступили къ самой Москвѣ, когда козаки пробились уже къ Арбатскимъ воротамъ и выломали петардою ворота Острожныя, раздавшійся въ Москвѣ звонъ утреннихъ колоколовъ, по мнѣнію одного изъ нашихъ „ученыхъ", заставилъ козаковъ сотворить крестное знаменіе и прекратить приступъ. [2])

---

[1]) Замѣчательно, что, со временъ Ягайла, русины отличались пушкарскимъ искусствомъ. Шайноха („Jadwiga i Jagiełło"), описывая осаду крыжацкой крѣпости Маріенвердеръ въ 1384 году, говоритъ, что тамъ была „nadzwyczajnie wielka liczba rozmaitych machin wojennych, znajdujących się w wojsku litewskim i kierowanych przez puszkarzy ruskich, który to naród (это слова великаго магистра) wielce tu biegłym okazał się w tej sztuce". Наливайко, по свидѣтельству современника, былъ „знаменитый пушкарь". Въ упомянутомъ сказаніи говорится о пушкарѣ Капустѣ. Защитники острога сдѣлали вылазку, „побѣждающе враговъ своихъ и яко траву посѣкающе, и пушку мѣдную взяша во острогъ, и пушкаря тоя пушки, нарицаемаго Капусту, на уды разсѣкоша, и главу его на высоко древо взоткоша на пути, еже бы имъ видѣти".

[2]) Это мнѣніе заявилъ покойный М. А. Максимовичъ, одинъ изъ бездарнѣйшихъ людей, когда-либо бравшихся за перо литератора. Я бы прошолъ молчаніемъ эту нелѣпость, въ числѣ множества другихъ, которыми полны наши историческія сочиненія, эти сборники келейныхъ и кабинетныхъ легендъ, но она представляетъ фактъ характеристическій: она явилась, въ 1850 году, подъ перомъ бывшаго ректора Кіевскаго университета и члена разныхъ ученыхъ об-

Между тѣмъ какъ въ Украинѣ, съ самой зимы и прбвесни 1618 года, королевскіе урядники агитировали въ городскихъ и сельскихъ сборищахъ съ цѣлью вызвать козаковъ къ походу на помощь королевичу, въ чомъ и успѣли, — въ Польшѣ, вліявшей на судьбу Украины, шли оживленные толки о томъ, что дѣлать съ козаками. Это была корпорація, крайне неудобная для Рѣчи-Посполитой. Послѣдніе татарскіе набѣги и перевѣдыванья съ турками приписывались козакамъ. О Потоцкомъ, Корецкомъ и Вишневецкомъ съ ихъ панскими компаніями, безъ всякаго сомнѣнія, не одинъ только Жовковскій заявилъ свое мнѣніе, какъ о главной причинѣ возни съ турками; но голоса людей прямодушныхъ составляли въ Польшѣ, какъ и вездѣ, меньшинство. Все-таки надобно отдать польскому обществу честь: что не всѣ въ немъ безумствовали; не всѣ раздѣляли взглядъ вельможъ на внутреннюю политику; не всѣ относились къ козачеству съ точки зрѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ украинскихъ; не всѣ были ослѣплены даже сословными предразсудками. Намъ извѣстенъ въ печати одинъ изъ представителей зрячихъ среди слѣпцовъ. Это былъ земскій писарь заторскій, Криштофъ Пальчовскій. Онъ, ко времени сеймового съѣзда 1618 года, выпустилъ въ свѣтъ брошюру, подъ заглавіемъ: „O Kozakach, ieżeli ich zniesć, czyli nie, Dyskurs". [1]) Въ этой брошюрѣ Пальчовскій старался доказать, что уничтожить козаковъ было бы, во первыхъ, безчестно, во

ществъ (въ томъ числѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ). Возможность появленія въ печати такой монографіи Сагайдачнаго отъ имени заслуженнаго дѣятеля науки, какая напечатана Максимовичемъ въ „Кіевлянинѣ" 1850 года, опредѣляетъ уровень нашей исторіографіи вообще. Это говорится не въ укоръ добрымъ трудолюбцамъ, а въ напоминаніе: что пора намъ оставить кумовство въ литературѣ, и взяться за исторію посерьознѣе.

[1]) Разсужденіе по вопросу о козакахъ: уничтожить ли ихъ, или нѣтъ. Весьма рѣдкая брошюра, хранящаяся въ Императ. Публ. Библ. Къ ней слѣдуетъ примѣнить сказанное мною о гоненіяхъ на книгу Папроцкаго „Panosza". (См. т. I, прим. къ стр. 107.) Панъ Туровскій, издавая, въ Краковѣ, рядъ замѣчательныхъ сочиненій, сдѣлавшихся рѣдкими, подъ заглавіемъ: „Biblioteka Polska",

вторыхъ — безполезно, а въ третьихъ — не возможно. Вотъ его собственныя слова: „Уничтожать козаковъ, по требованію непріятеля (турка), — дѣло безчестное. Украинская республика (rzeczpospolita ukrainna) такъ ужъ прославилась по всему свѣту, что другіе народы почитаютъ ее за единственную твердыню и оборону нашего королевства, о чомъ я наслушался въ Герамании при дворѣ епископа вроцлавскаго и епископа саксонскаго.—Турокъ требуетъ уничтоженія козаковъ (продолжаетъ Пальчовскій); но слѣдуетъ ли, по желанію язычника, уничтожать христіянъ? и не значитъ ли это, терзать собственную утробу, если мы будемъ истреблять людей, которые уже около ста лѣтъ, какъ поселились на своихъ мѣстахъ"? Потомъ онъ переходитъ къ пользѣ, принесенной козаками королевству. „Развѣ это малая польза, что козаки часто отнимали у татаръ добычу и выручали множество народа у нихъ изъ неволи? Развѣ это малая польза, что они нападаютъ на самаго могущественнаго врага святого креста и поражаютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ? Разорили ему Очаковъ, Тегиню, Бѣлгородъ; захватывали въ степяхъ его стада, и сколько у нихъ есть огнестрѣльнаго оружія, то все частью забрали въ турецкихъ крѣпостяхъ, частью отняли у татаръ. Развѣ это малая польза, что прежде бывало турки и татары всюду по берегамъ Днѣпра пасли свои стада, а теперь и за Днѣпромъ, болѣе чѣмъ на десять миль, не смѣютъ пасти? Неужели для насъ не выгоднѣе, что въ сосѣдствѣ съ нами живутъ козаки, чѣмъ еслибы жили турки или татары? Прежде бывало татарамъ за обычай почти ежегодно не только около Бара или Кременца, но около Сендомира около Опатова, около Завихоста грабить насъ; а когда, по мило-

---

не перепечаталъ, однакожъ, ни брошюры Пальчовскаго, ни Panoszy Папроцкаго, ни сочиненія Эразма Гличнера о воспитаніи дѣтей, напечатаннаго въ Краковѣ 1558 года. Всѣ эти весьма важныя для исторіи, можно сказать, уникаты были бы крайне непріятны для польской публики. Такъ фанатическіе предки вліяютъ на просвѣщенное, якобы, потомство!

*

сти Божіей, настали козаки, то ни одинъ разъ орда не осмѣлилась вторгнуться такъ глубоко въ наши земли". Далѣе Пальчовскій исчисляетъ козацкіе подвиги въ пользу королевства и, наконецъ, заключаетъ, что, если и при Стефанѣ Баторіѣ найдено крайне опаснымъ уничтожать козаковъ, то тѣмъ болѣе это опасно теперь, когда сила ихъ такъ много увеличилась.

Видно, вслѣдствіе подобнаго взгляда извѣстной части общества на козацкое дѣло, и король Сигизмундъ III, въ пропозиціи своей на сеймъ 1618 года, пришолъ къ такому заключенію по вопросу о козакахъ: „Уничтожать козаковъ — дѣло трудное, но усмирить ихъ и подчинить законнымъ властямъ было бы возможно, еслибы сеймъ и украинскіе паны единодушно согласились на это и бросились гасить этотъ страшный домашній огонь".

Вернулись козаки изъ Московщины поздно осенью и, какъ сила, которую наконецъ признавали всѣ, сдѣлались предметомъ искательства со стороны противниковъ уніи, то есть благочестивыхъ мѣщанъ и ихъ тѣснимаго духовенства. До тѣхъ поръ не было слышно, чтобы мѣщане или духовенство соединяли свое церковное дѣло съ козацкимъ. Общность двухъ братствъ, городского и степного, украинскаго и запорожскаго, церковнаго и козацкаго, заявлена впервые жестокосердымъ утопленіемъ въ проруби Грековича, которое позорило бы нашу церковь, еслибъ она имѣла тогда іерархію и отъ ея имени прибѣгала къ подобнымъ мѣрамъ. Но то было время всеобщей неурядицы. Козаками начали стращать унитовъ и католиковъ; съ козаками, послѣ московскаго похода, начали носиться; о козакахъ даже папскіе нунціи доносили въ Римъ, что они составляютъ одну изъ главныхъ помѣхъ распространенію въ народѣ уніи, что ихъ будто-бы уже 60.000, и тому подобное. Князя Василія 12 лѣтъ уже какъ не было на свѣтѣ: некѣмъ было запугивать противниковъ, какъ бы ни велики были глаза у страха. Мѣщане стали заискивать ласки у новыхъ украинскихъ *магнатовъ,* магнатовъ грубой, почти разбойницкой силы.

Что касается до русскихъ пановъ, то они, видя церковь свою въ полномъ упадкѣ и презрѣніи, чаще прежняго переходили въ католичество. Даже дома, которые вчера еще, подъ вліяніемъ ревнителей отеческой вѣры, дѣлали торжественныя записи на поддержаніе древняго русскаго благочестія, сегодня, подъ нашептомъ латинцевъ, отдавали дочерей своихъ въ католическія семейства и собственною кровью помогали размноженію латинскихъ прозелитовъ. Такъ, въ числѣ прочихъ, поступилъ домъ мозырскаго старосты Лозки, котораго почтенная представительница, Анна Степановна, урожденная Гулевичева, въ 1615 году, завѣщала кіевское дворище свое подъ Богоявленскій общежительный монастырь и положила основаніе великому русскому дѣлу — Кіевской Духовной Академіи. Она, въ просвѣтительной ролѣ Кіева, была другою Ольгою, которая была первымъ и лучшимъ апостоломъ христіянства въ днѣпровскихъ областяхъ; но дочь этой дорогой для нашей памяти Анны, иначе Гальшки, по имени Софія, выдана была за Стефана Аксака, старшаго сына Яна Аксака, того Яна Аксака, земскаго писаря, а впослѣдствіи судьи кіевскаго, который принялъ подъ свое покровительство самозваннаго князя Половца-Рожиновскаго, товарища по оружію Криштофа Косинскаго. Церковныя братства лишались въ русскихъ панахъ даже такой гнилой опоры, какою служилъ имъ прежде домъ князей Острожскихъ, и естественно должны были ухватиться за разбогатѣвшее, усилившееся и разбуявшееся, въ сознаніи силы своей, Запорожское Войско. Вскорѣ это войско въ лицѣ своего гетмана, Сагайдачнаго, сослужило имъ великую службу. Но, чтобы имѣть передъ глазами всѣ элементы общества, среди которыхъ дѣйствовалъ просвѣтительный элементъ русской церкви, намъ необходимо отъ Кіевской, всячески разоренной, земли еще разъ обратиться къ карпатскому подгорью, гдѣ до-татарская русь нашла убѣжище послѣ погрома, гдѣ воскресли военныя доблести древнихъ буйтуровъ, но гдѣ русскій языкъ, русскій обы-

чай и русская церковь должны были выдержать самое первое и самое сильное нападеніе со стороны полонизма и латинства. Въ этомъ подгорьѣ, какъ уже не разъ было упомянуто, явились рыцари, отстаивавшіе новый славянскій міръ отъ монгольскаго съ наслѣдственною неустрашимостью. Но мы съ ними знакомились въ боевомъ лагерѣ, въ походахъ, въ военныхъ транзакціяхъ. Намъ надо познакомиться съ ними у нихъ дома, посмотрѣть, какъ они росли, мужали и добывали себѣ широкую, европейскую славу.

ГЛАВА XVII.

Панско-мужицкій центавръ на Руси. — Общественныя добродѣтели русскихъ пановъ.— Поддержка монархической власти.— Благоустройство и порядочность панскаго быта.—Достоинство связей между патрономъ и депендентами.—Европейская образованность.—Коронный гетманъ вмѣстѣ съ землевладѣльцами защищаетъ Украину отъ татаръ.

Обыкновенно на представителей польскаго элемента среди руси историки смотрятъ изчужа, и занимаются, какъ прямымъ предметомъ своихъ изслѣдованій, или русскимъ духовенствомъ, или патронами церкви, или же козаками и хлѣборобами. По моему, это—большое недоразумѣніе. Тогдашняя русь дѣлилась на двѣ неравныя части: меньшую часть составляли мѣщане съ козаками и городскимъ духовенствомъ, да тѣ паны, которыхъ можно было назвать, пополамъ съ грѣхомъ, представителями русскаго элемента; несравненно большую часть составляли сельскіе промышленники, ратаи, будники, мірошники, рыбалки, винники, броварники, разные сельскіе мастеровые и вся панская челядь, считавшаяся сотнями; а въ такихъ домахъ, какъ домъ Острожскаго, тысячами, вмѣстѣ съ сельскими попами, которые составляли, можно сказать, часть крестьянства. Надъ этой большей половиною населенія нашей отрозненной Руси господствовали инструменты ея отрозненности, то есть дворяне, которыхъ болѣе сильная часть прямила Сигизмунду-Католику, въ томъ числѣ и такіе люди, какъ Острожскій (до временной ссоры за унію), а болѣе слабая не имѣла рѣшимости

стать открыто на сторону церковныхъ братствъ, какъ сдѣлали, въ 1620 году, козаки, и, принося одной рукой жертвы для утвержденія древняго русскаго благочестія, другую протягивала на родственный союзъ съ латинцами, какъ сдѣлалъ домъ Лозки, мозырскаго маршала. Независимо же отъ вѣры и народности, эта слабѣйшая часть русскаго дворянства, по сословнымъ интересамъ, была какъ нельзя болѣе солидарна съ передовиками своими, и въ этомъ смыслѣ, составляла одно цѣлое съ такими отступниками православія de jure, каковъ былъ Замойскій, и съ такими отступниками православія de facto, которыхъ образцомъ было семейство князя Острожскаго. Все же дворянское сословіе отрозненной Руси взнуздало сельскій людъ подданствомъ, осѣдлало полноправностью и низвело до уровня безсловесной рабочей силы. Въ этомъ чисто матеріальномъ смыслѣ, русскій панъ представлялъ существо, нераздѣльно связанное съ крестьяниномъ, и только такимъ образомъ слѣдуетъ ставить ихъ обоихъ на историческую сцену. Крестьянинъ безъ пана не былъ бы хлопомъ, не былъ бы подданнымъ: онъ былъ бы мѣщанинъ или козакъ; и панъ безъ крестьянина не былъ бы шляхтичемъ, не былъ бы urodzonym (благороднымъ) и не имѣлъ бы никакой градаціи въ сословномъ могуществѣ. Это были конь и всадникъ, взятые вмѣстѣ; это былъ центавръ, котораго верхняя часть предназначена для утонченныхъ операцій, а нижняя — для операцій грубыхъ. Намъ хорошо слѣдуетъ знать это чудовище, неестественно сросшееся и неестественно отправляющее свою житейскую функцію, если желаемъ видѣть ясно другую, болѣе человѣкообразную часть русскаго общества.

Не такъ смотрѣли на пановъ современники, даже и тѣ, которые страдали больше другихъ отъ панскаго полноправства, даже и козаки, даже и православное духовенство, составлявшее слабую, но единственно-русскую интеллигенцію родного края. Явленіе признавалось почти нормальнымъ, и сущности борьбы двухъ

несовмѣстимыхъ началъ общественныхъ никто бы въ тѣ времена не умѣлъ назвать. Боролись изъ-за того, что кой-кому было слишкомъ тѣсно, а откуда собственно происходила тѣснота, такая радикальность взгляда была русскому уму еще не по силамъ. Тѣмъ менѣе сознавали свою узурпацію паны, и вотъ почему надобно знать намъ, сколько въ нихъ было добраго.

Мы нашли весьма мало добраго въ домѣ князя Василія. То просвѣщеніе, которое водворилось было въ Острогѣ, не ему принадлежало. Оно было насаждено пришельцами на панскомъ грунтѣ, и изчезло безъ слѣда съ удаленіемъ своихъ дѣлателей: острожскій вертоградъ de facto не имѣлъ хозяина. Что̀ касается до добродѣтелей семейныхъ, то князь Василій относился весьма грубо къ родственнымъ узамъ и, въ свою очередь, какъ показываютъ его письма къ зятю Радзивилу, сильно страдалъ отъ нахальства дѣтей. Этотъ полупольскій магнатъ далеко не былъ образцомъ добрыхъ нравовъ и даже послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, которая бы выражала, хоть и злой, но сильный характеръ. Будучи первымъ по своему положеиію между историческими, то есть именуемыми въ исторіи, дѣятелями, князь Василій былъ между ними послѣднимъ по ничтожеству своихъ умственныхъ концепцій. Ни православные, ни латинцы не могли идти по слѣдамъ его ни въ какомъ отношеніи, кромѣ развѣ накопленія милліоновъ подъ время великихъ смутъ и крайней опасности государства.

На бѣду русскому элементу, который одинъ и могъ бы процвѣтать на древнемъ поприщѣ русской жизни, въ землѣ Кіевской, въ землѣ Галицкой, въ Подоліи, на Волыни и во всей Литвѣ, — со стороны главныхъ отступниковъ православія, этихъ Жовковскихъ, этихъ Замойскихъ, этихъ Потоцкихъ и Вишневецкихъ, заявлены были такія доблести, которыхъ патроны русской церкви вовсе не имѣли. Если прозелиты латинства и полонизма не были люди, то все-таки это были смѣлые и гордые львы, а не

быки подъяремные, какъ русскіе магнаты. Но, увы! они были именно люди (мы хвалимъ ихъ, тоскуя объ ихъ исторической славѣ)... Да, они были людьми въ свой *малолюдный* вѣкъ гораздо въ высшей степени, чѣмъ наши святопамятные и препрославленные. Лучшее, что̀ завѣщала намъ богатая природными дарами старина до-татарская, подхватили въ свой кругъ убогіе поэзіею ляхи, и, еслибы успѣли подхватить еще такихъ людей, какъ авторъ „Апокрисиса", какъ Іоаннъ Вишенскій, Іовъ Борецкій и Петро́ Сагайдачный,— побѣда Рима надъ вселенною была бы полная. Но „золотою удицею" не всякую рыбу „подобаетъ ловити": ихъ, этихъ евангелистовъ русской свободы, можно было уловить только тѣмъ словомъ правды, которымъ были одарены „ловцы человѣковъ."

Все-таки представители *народа*, въ шляхетскомъ смыслѣ слова, очутясь на сторонѣ антинародниковъ, то есть коренныхъ ляховъ, лехитовъ, дѣйствовали въ пользу ихъ могущественно, дѣйствовали не столько богатствомъ, не столько образованностью своею, сколько возвышеннымъ пониманіемъ идеи государя и своего долга къ тому, что̀ у поляковъ слыло государствомъ. Сигизмундъ-Католикъ являлся, въ глазахъ нашихъ русскихъ людей, личностью почти высокою, будучи крайне неспособенъ къ правленію,— во всякомъ случаѣ, особою, священною для всего русскаго общества, за исключеніемъ одичалыхъ въ пустынѣ сіромахъ, которые позволяли себѣ съ-пьяна, что̀ называется, *гука́ти вся́чину*, подобно нашему Шевченку. Это очарованіе, столь необходимое для правителя государства, производилъ тотъ культъ, которымъ представители шляхетскаго народа русскаго, Замойскіе, Жовковскіе, Потоцкіе, Гербурты, Сінявскіе,—не изъ угодничества, а въ сознаніи важности идеи, связующей государство,— окружали клеврета римскаго папы; производило это спасительное для государя и государства очарованіе то благоговѣніе, съ которымъ они, не для виду, но по натурѣ своей, приближались къ

особѣ монарха: чувство прекрасное, служеніе доблестное, но для идеи возсоединенія Руси крайне вредоносное.

Я въ своемъ мѣстѣ укажу, откуда этому культу явилась реакція въ пользу царя московскаго, и какъ благоговѣніе къ монархической власти было перенесено отъ Сигизмунда Вазы на Михаила Романова, а потомъ—на тишайшаго изъ государей, умѣвшаго, въ простотѣ своей, царствовать почти столь же плѣнительно, какъ Екатерина Вторая—во всеоружіи ума своего. Теперь прошу моего читатлея вспомнить, что Янъ Замойскій не удовлетворился эгоистически тѣмъ высокимъ, по своему времени, просвѣщеніемъ, какое видно въ авторѣ книги „De Senatu Romano": онъ желалъ блага науки, которыми пользовался самъ, распространить на весь край, на всю родину свою и, если можно, на всю Польшу: онъ основалъ въ своемъ городѣ Замостьѣ академію (1595 годъ). На устройство этого всеучилища, Замойскій пожертвовалъ не такую щепотку золота, какую бросилъ князь Василій на свою славяно-греческую школу и типографію. Академія Замойскаго снабжена была громадною библіотекою съ архивомъ при ней (сожженную въ Хмельнищину), снабжена и всѣми удобствами для лучшихъ ученыхъ, какіе только согласились оставить Европу ради щедрой Скиѳіи, и самъ Замойскій былъ президентомъ этой академіи de facto. Преподаваніе наукъ возведено было въ ней на такую высокую степень, что коронный гетманъ Жовковскій завѣщалъ вдовѣ своей воспитывать сына не въ заграничныхъ университетахъ, а въ Замостьѣ. [1]) Янъ Замойскій дѣйствовалъ не одинъ: по пословицѣ: similia similibus gaudent, дворъ его состоялъ не изъ такихъ людей, которыхъ больше всего занималъ чудовищный аппетитъ обжоры Богданка, или огромное жалованье, получаемое

---

[1]) „W Zamosciu się zaczęła nauka godna dzieci szlaceckich, i wolę, ze go tu w Polscze, nizli gdzie indziey do cudzey ziemie, vczyć dasz": слова духовнаго завѣщанія Жолковскаго.

каштеляномъ за лакейскую службу. [1]) Нѣтъ, иного рода интересъ привлекалъ шляхту въ домъ Замойскаго, — интересъ глубокой науки, на сколько наука вообще была глубока въ концѣ XVI вѣка.

Между такъ называемыми „старшими слугами“ дома Замойскихъ были люди съ образованіемъ докторскимъ, чему доказательствомъ можетъ служить біографія Ѳомы Замойскаго, написанная, по воспоминаніямъ, однимъ изъ его слугъ, Журковскимъ. [2]) Эта біографія, изложенная „simplici stylo et sine ornatu“, [3]) даетъ понять, какъ жили дома люди, старавшіеся истребить, или по крайней мѣрѣ обуздать козачество. Въ ней выступаютъ на явь нравы и обычаи, достойные вниманія историка и соціолога. Единичныя явленія, представленныя Журковскимъ съ простотою правды, даютъ намъ высокое понятіе о строѣ католико-русскаго общества въ его аристократической сферѣ. Это были люди, видавшіе все лучшее, что̀ произвела до тѣхъ поръ Европа, усвоившіе себѣ порядочность цивилизованнаго быта и проникнутые желаніемъ общаго блага, въ томъ видѣ, какъ они его понимали. Это были, можно сказать, добродѣтельные римскіе граждане. По видимому, этимъ достойнымъ представителямъ польскаго элемента на Руси предстояла въ потомствѣ прочная будущность. Но ихъ погубило то, что они безсознательно были заражены принципомъ вельможества, крупнаго землевладѣнія, всеподавляющаго широкаго хозяйства. Строгое, достойное классическихъ римлянъ, примѣненіе къ жизни этого рокового принципа привело ихъ къ печальному, непредвидѣнному никѣмъ концу: они должны были, съ своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ, съ своею предпріимчивою куль-

[1]) Каштелянъ за то, что дважды въ годъ стоялъ во время обѣда за столомъ князя Василія, получалъ 70.000, злотыхъ что̀ составляетъ заработокъ по крайней мѣрѣ по 10.000 злотыхъ въ часъ.

[2]) Она издана только черезъ 217 лѣтъ по написаніи (въ 1643 году) и поднесена внуку Яна Замойскаго, котораго старый слуга дома старался руководить на дорогѣ жизни.

[3]) *Языкомъ* простымъ, безъ украшенія.

турою, даже съ своими гражданскими заслугами и добродѣтелями, посторониться передъ тѣмъ мотлохомъ, который они, по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, какъ имъ казалось, должны были презирать, и презирали. Ихъ положеніе въ исторіи Польши и Руси—по истинѣ трагическое: они процвѣтали, аки финикъ, и высились, аки кедры ливанскіе, но пышный цвѣтъ и гордый ростъ были даны имъ какъ-будто только для того, чтобы убогій и отверженный ими русинъ повторялъ торжествуя: „и мимоидохъ, и се не бѣ". Они не знали за собою пагубнаго грѣха, но тѣмъ не менѣе *были* обречены на гибель Объ нихъ невольно вспоминается, когда читаешь слова Іова: „Аще бо нечестіе сотворихъ, не вѣмъ душею моею: обаче отъемлется ми животъ". Поляко-руссы наши потеряли животъ свой, свою политическую и народную будущность, а по ученію политико-экономистовъ, даже и славу, которая принадлежитъ успѣху,—не за то, что, по натурѣ своей, были злы и расположены къ беззаконію, а за то, что измѣнили убогимъ и невѣжественнымъ братьямъ ради богатыхъ прелестниковъ, ради просвѣщенныхъ всемірныхъ обманщиковъ. Они, если можно здѣсь выразиться понародному, „потурчились, побусурманились, ради панства великого, ради лакомства нещастнаго".

Но покамѣсть, въ виду загнанной русской черни, спившейся съ круга, озлившейся, какъ дурно третируемая собака, хищной и неисправимой въ своей хищности,—въ виду полуазіятцевъ козаковъ, противодѣйствовавшихъ государственной политикѣ, стояла величаво и самосознательно дѣланная изъ русской Азіи латинская Европа, стояла она подъ Карпатами, на самомъ сильномъ посту недобитковъ татарскихъ. Такъ точно, не на своемъ мѣстѣ, не въ тонъ общей картинѣ, красовалась и церковь этой дѣланной Европы, въ виду церкви туземной, обветшалой и заброшенной прежними ктиторами своими. Такъ точно, иностранцемъ среди аборигеновъ, стоялъ и панскій ксензъ, въ виду отверженнаго рус-

скаго попа, который только въ простонародной корчмѣ находилъ по себѣ компанію.

Аристократическій домъ Замойскихъ, лишась, въ 1605 году, главы своего, знаменитаго канцлера королевства, представилъ примѣръ внутренняго благоустройства не въ параллель дому Острожскихъ. Опекуны малолѣтняго сына его, Ѳомы, съ благородною вѣрностью принятому на себя обязательству, выполнили начертанный отцемъ планъ воспитанія сына. Разсказъ Журковскаго о томъ, какъ онъ, уже въ 1609 году, когда Ѳомѣ Замойскому было 16 лѣтъ, началъ служить ему въ его комнатѣ, [1]) переноситъ насъ далеко за Карпаты. Утонченность быта, порядочность жизни, строгость выполненія программы образованія, въ осиротѣломъ домѣ Замойскихъ, напоминаютъ лучшее время возрожденія наукъ въ Италіи, съ исключеніемъ только итальянской чувственности, которой отнюдь не давали мѣста въ резиденціи молодого магната.

Съ Ѳомою Замойскимъ воспитывался Николай Потоцкій, будущій герой козацко-шляхетскихъ войнъ, и еще нѣсколько молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ фамилій. Профессоры Замойской академіи и старшіе слуги, или лучше сказать вассалы дома, составляли такой ученый и рыцарскій кругъ, въ которомъ юноша могъ обогатиться разнообразными, доступными для того времени знаніями и благородными примѣрами жизни. Любимою наукою молодого магната была математика, въ приложеніи къ военному дѣлу. Въ архивѣ академической библіотеки, по словамъ Журковскаго, хранились фоліанты чертежей и объясненій къ нимъ, составленные собственноручно Ѳомою Замойскимъ; но мало ли чтò погибло въ этомъ архивѣ по милости нашего Хмельницкаго?

Въ 1612 году, Ѳома Замойскій окончилъ курсъ наукъ въ до-

[1]) Польскіе аристократы никогда не дозволяли приближаться къ себѣ слугѣ не-шляхтичу. Отъ этого все, чтò наполняло панскій домъ во время обѣда, кейфа *или кабинетныхъ* занятій, составляло нѣчто однородное по образованности.

машней академіи своей и, согласно оставленной отцемъ программѣ, поступилъ въ высшую школу. Это была школа практически-военная, подъ начальствомъ короннаго гетмана Жовковскаго, этого Эпаминонда польско-русскаго, столь же извѣстнаго своею прямотою и безкорыстіемъ, сколько и талантами полководца. Знатный панъ поступалъ на службу не одинъ: онъ приводилъ болѣе или менѣе значительный контингентъ шляхты, выбранцевъ и чужеземной пѣхоты въ полномъ вооруженіи, и покрывалъ изъ собственныхъ доходовъ всѣ издержки похода или войны. Такъ поступилъ и Ѳома Замойскій.

Въ то время неудачное покушеніе Стефана Потоцкаго на Волощину, по тайному порученію короля, привело во владѣнія Рѣчи-Посполитой татарскую орду. Замойскій не довольствовался командованіемъ надъ своимъ отрядомъ въ полѣ; онъ лично несъ дневные и ночные труды простого войскового товарища. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 800 воиновъ; его артиллерія была лучшею въ коронномъ войскѣ; но онъ по цѣлымъ ночамъ, не вставая съ коня, отбывалъ полевую сторожу съ своей хоругвію, хотя, какъ волонтеръ, и не обязанъ былъ идти вмѣстѣ съ ротмистрами въ очередь. Важно здѣсь то обстоятельство, что онъ требовалъ того же отъ знатной молодежи, которую отцы отдавали къ нему въ службу. Обыкновенно знатная молодежь услаждала себѣ походную стоянку въ лагерѣ ночными оргіями, игрою и разными забавами. Замойскій давалъ имъ примѣръ, какъ проводить ночи подъ панцыремъ, на дождѣ и вѣтрѣ, исполняя въ точности все, чтò прикажетъ стражникъ.

Такъ выковывались магнатами инструменты для обузданія козацкаго своевольства, для подавленія народной русской силы, проявлявшейся отрицательно. Въ такихъ же добродѣтельно-губительныхъ кружкахъ, какіе собирались около Жолковскихъ и Замойскихъ, ковались инструменты и для разрушенія русской церкви, инструменты надежные. Ежедневно въ палаткѣ Замойскаго

домовый капелланъ отправлялъ св. мшу (обѣдню), а передъ мшею молодой магнатъ совершалъ всѣ установленныя латинскою церковью молитвы. Эта церковь умѣла дѣлать свое дѣло; ея апроши ведены были безукоризненно; ея тактика не имѣетъ въ исторіи примѣра для сравненія; и одно только не дало ей опановать русскую почву, или—что все равно—овладѣть вселенною: она не догадалась, что не шляхта—народъ, что шляхта—не народъ.

Біографъ молодого Замойскаго ведетъ его съ похода въ походъ, описываетъ его участіе въ трактатахъ съ турецкими уполномоченными, знакомитъ его съ аристократическими домами, посылаетъ на сеймъ, заставляетъ скромно, но съ достоинствомъ принца, фигурировать передъ королемъ и сенаторами, и во всемъ этомъ даетъ намъ понять, какъ высоко поставленъ былъ польскій аристократизмъ, и какъ онъ долженъ былъ импонировать менѣе знатную русь. Что отъ него спасало нашу народность? Запорожская дикость съ одной стороны, мѣщанская отверженность — съ другой, монастырскій аскетизмъ — съ третьей. Четвертую сторону составляло сельское простонародье, но оно было нераздѣльною частью польско-русскаго центавра; оно давало ему силу воевать, хотя не пользовалось его завоеваніями.

Два съ половиною года провелъ Ѳома Замойскій въ разнообразныхъ положеніяхъ: онъ бывалъ—то воиномъ, то землевладѣльцемъ, то гостемъ, то хозяиномъ, то представителемъ своей земли на сеймѣ то академикомъ, окруженнымъ учеными. Въ концѣ 1614 года, онъ отправился, въ чужіе края, окруживъ себя напередъ людьми, бывалыми за границею и способными не только вездѣ и во всемъ найтись, не только поддержать его достоинство всюду; но и содѣйствовать его образованію. Это былъ путешествующій монархъ, а не помѣщикъ. Три года прожилъ онъ въ Европѣ для обогащенія ума своего опытомъ и наблюденіемъ, во исполненіе отцевской духовной; долго жилъ при

дворѣ англійскаго Стюарта, которому трезвый бунтовщикъ Кромвель отрубилъ голову въ то время, когда пьяный бунтовщикъ Хмельницкій рубилъ головы „королятамъ“ Яна Казимира; потомъ исчерпалъ все, что̀ могъ дать вельможѣ, рыцарю полководцу и философу тогдашній Парижъ; видѣлъ Италію, колыбель возрожденія наукъ, и, наконецъ, подвергся въ Римѣ тому, что̀, увы! считалось вѣнцомъ всѣхъ доблестей, — публичному обоготворенію папы среди новоязыческаго Рима: въ торжественныхъ процессіяхъ, Замойскій носилъ передъ папою тяжелый крестъ, на удивленіе зрителямъ; на тѣлѣ у него была власяница, и шолъ онъ по римской мостовой босыми ногами.

Всѣ имѣвшіе дѣло съ Ѳомою Замойскимъ, какъ на Руси, такъ и въ Польшѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ высоко просвѣщенный человѣкъ, что это былъ мужественный воинъ и примѣрный христіянинъ, который до того простиралъ свою набожность, что даже бичевался. Отецъ его едвали уступалъ ему въ которой-либо изъ его добродѣтелей, нужды нѣтъ, что, при всей широтѣ своей орбиты, все-таки, позволялъ себѣ экзорбитанціи; сынъ его шолъ по слѣдамъ отца и дѣда. И что̀ же? Всѣ пожертвованія Замойскихъ для просвѣщенія родного края, всѣ подвиги ума, мужества и самопосвященія, всѣ добродѣтели, бывшія въ ихъ роду наслѣдственными, обратились въ ничто. Почему же это? Единственно потому, что ихъ руководителями, католическими прелатами, лукаво истолкованъ былъ текстъ апостола Павла о любви къ ближнему; что благодатный смыслъ этого текста съуженъ ими до кружка избранныхъ, что plebs, эта громадная масса меньшихъ братій нашихъ, лишена была права людей, — права называться народомъ. Латинскіе прелаты, войдя въ простацкую Русь съ облагороженною якобы церковью своею, положили непереходимую пропасть между одними и другими русичами. Они отняли нашихъ пановъ у меньшихъ братій ихъ, уничтожили въ латинизованныхъ сердцахъ самую возможность люб-

ви къ милліонамъ и сдѣлали вѣчнымъ укоромъ для этихъ сердецъ гремящее слово апостола: „Аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи, или кvмвалъ звяцаяй. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есть. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, кая польза ми есть“? [1]

Совершеннѣйшій рыцарь, образецъ просвѣщеннаго вельможи и набожнаго католика, Ѳома Замойскій, вернулся на родину во всеоружіи молодости, богатства, образованности, даже талантовъ и добраго сердца; онъ могъ бы принести родинѣ громадную пользу, еслибы понималъ родину по-русски; но онъ понималъ ее по-польски, и не принесъ никакой. Это былъ цвѣтъ безплодный,— пустоцвѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ весьма интересную, трагически-интересную фигуру въ исторіи, точно такъ, какъ и нравственная противоположность его—князь Василій, сохранившій видъ магната русскаго, но проточенный насквозь полонизмомъ, слабый и шаткій, какъ старый грибъ въ лѣсу, съ виду здоровый, внутри разрушенный.

Надъ польско-русскимъ центавромъ собиралась гроза. Она всегда находила съ юга, изъ-за Балкановъ. Циклопъ, немного усыпленный, нѣсколько ослабленный и развлеченный борьбою за свою добычу, отъ времени до времени напоминалъ никогда не готовой Польшѣ, что не забылъ своего намѣренія — выжечь ее, вытоптать конскими копытами и превратить въ пустыню. Но въ особенности сталъ онъ грозенъ съ воцареніемъ молодого султана Османа II, въ 1618 году. Этотъ султанъ смотрѣлъ на Польшу, какъ на страну, предназначенную расширить громадную имперію Оттоманскую. Слава захвата и насилія такъ же

---

[1]) 1 Коринѳ. XIII, 1—3.

увлекательна для воинственнаго варвара, какъ для людей развитыхъ нравствено — слава водворенія культуры и науки среди безпомощнаго и невѣжественнаго общества. Османъ дѣйствовалъ энергически. Но Польша возбуждала въ турецкомъ сердцѣ жажду дикой славы посредствомъ другой жажды, которая работаетъ сильнѣе, настойчивѣе и постояннѣе всякаго иного чувства въ человѣческомъ сердцѣ, — жажды отмщенія. На этой, какъ говорится, низкой страсти построено много великихъ дѣлъ, много всемірныхъ событій. Она вдохновляла и молодого падишаха. Она давала ему поддержку и въ воинственной части подданныхъ. Волощина сама по себѣ постоянно служила яблокомъ раздора между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, а козаки, эта славянская орда, своими дерзкими походами, къ старому счоту турокъ съ Польшею прибавляли безпрестанно новый и новый. Козаки вели притомъ свой особый счотъ съ татарами, и такъ онъ былъ запутанъ, столько они другъ другу задолжали, что поквитать ихъ могло только прекращеніе существованія татаръ, или украинцевъ. По выраженію польскихъ правительственныхъ лицъ, татары у султана были хортами на смычѣ. Нѣтъ, это были вольные, недрессированные псы, понимавшіе атуканье дикаго господина своего, но не всегда послушные его запрещеніямъ. Бѣдность польскихъ провинцій отъ можновладскаго хозяйничанья гнала безземельный и обиженный народъ въ козацкіе добычники. У татаръ бѣдность происходила отъ азіятской безпорядочности, отъ примитивнаго невѣжества и лишь отчасти отъ насилія болѣе богатыхъ и могучихъ между ними. При такихъ обстоятельствахъ, подстрекательства съ той и другой стороны были излишни, а удержь—невозможна. Мелкая война постоянно кипѣла въ украинныхъ воеводствахъ, и каждый житель, каждый панъ и простолюдинъ, былъ болѣе или менѣе окозаченъ. Зáмки и города, дома и хаты сверкали оружіемъ; ямы и подземелья были полны боевыхъ снарядовъ. Каждое человѣческое жилище представляло со-

бою отдѣленіе громаднаго, раскинутаго на всю отрозненную Русь арсенала. Ковали, оружейники и буртовики, выдѣлывавшіе селитру, являлись посреди чернорабочаго люду почти такими же аристократами, какими были винокуры и броварники. Пушки отливались у пановъ на дому нюренбергскими и другими нѣмецкими мастерами. Не рѣшаясь ударить на Крымъ и Турцію геройски, потерявъ способность къ общему самоотверженію, панская республика развила необходимость повсемѣстной самозащиты отъ орды, которой нечѣмъ было жить безъ набѣговъ, и такимъ образомъ необачно завела въ пограничныхъ воеводствахъ громадную оружейную, въ которой, на каждомъ шагу, изготовлялись мушкеты, рушницы, пищали и самопалы, шаблюки и списы, бердыши и келепы, какъ оказалось впослѣдствіи, для истребленія пропагандистовъ польскаго права. Но, покамѣсть, это не чувствовалось. Противъ татарскихъ набѣговъ принимались панами пальятивныя мѣры, а козаковъ, грозныхъ въ своей одичалости, паны старались такъ или иначе сдѣлать ручными. Такъ и въ 1618 году, 20.000 добрыхъ молодцовъ, которые подъ часъ бывали слишкомъ недобрыми, служили польскимъ интересамъ въ Московщинѣ, точно и въ помышленьи у нихъ не бывало — разрушить гнѣздо можновладства, Краковъ, истребить шляхетское сословіе: задача до-кадлубковскихъ полянъ привислянскихъ. Часть козаковъ промышляла въ то время за Порогами, нѣкоторые ходили на море, безъ особеннаго шуму въ исторіи, но къ большой досадѣ татаръ, турокъ и украинскихъ землевладѣльцевъ, а остальные искали козацкаго хлѣба въ панскихъ дворахъ и зáмкахъ. За новые козацкіе походы Жовковскій винилъ на сеймѣ 1619 года королевскихъ казначеевъ: козаки не получили жалованья, обѣщаннаго имъ въ 1617 году. Новые татарскіе набѣги онъ также приписывалъ неуплатѣ татарамъ обѣщанныхъ и установленныхъ сеймомъ подарковъ. Въ сеймовой рѣчи своей объ *этихъ двухъ* предметахъ правительственныхъ заботъ, Жовковскій

сообщилъ сенату и земскимъ посламъ, что козаки, весною 1618 года, надѣлали много вреда туркамъ и, между прочимъ, убили башу, султанскаго родственника, котораго турки привезли въ Царьградъ и показывали польскому послу. [1]) Вслѣдствіе такихъ козацкихъ подвиговъ, по разсказу короннаго гетмана, въ маѣ мѣсяцѣ того же 1618 года, пришло въ польскія владѣнія до 20.000 турецкаго войска. У короннаго гетмана было всего 1.200 человѣкъ жолнеровъ. Часть ихъ отправилъ онъ на Украину, съ другою поспѣшилъ къ Бару, такъ какъ „это мѣсто смотритъ на четыре шляхи, которыми непріятель вторгался въ Корону". Съ трудомъ удалось ему собрать отъ пановъ подкрѣпленія и прогнать присланныхъ турками татаръ изъ польскихъ предѣловъ. Но въ іюлѣ они снова появились надъ Днѣстромъ. На сей разъ помогъ гетману необыкновенный разливъ рѣкъ на карпатскомъ подгорьѣ. Татары не рѣшились переправиться черезъ Днѣстръ, и вернулись домой, надѣлавши бѣды лишь въ окрестностяхъ Стрыя и Жидачова. Потомъ опять начали летать вѣсти: что орда собирается къ панамъ въ гости.

Эти вѣсти ловили и разносили по шляхетскимъ имѣніямъ, козаки. Значительная часть жизни тогдашняго общества тратилась на соглядатайство сосѣдей. Каждый панъ и каждый староста, и каждое мѣщанское общество знали, чрезъ посредство отважныхъ бродягъ и степныхъ разбойниковъ, гдѣ что дѣлается за границами Рѣчи-Посполитой. Особенное же вниманіе всѣхъ и каждаго обращено было на положеніе дѣлъ въ Царьградѣ и въ Крыму. Безчисленныя хитрости употреблялись татарами на то, чтобы обмануть бдительность пограничниковъ, усыпить осторожность ихъ, отвлечь отъ извѣстнаго пункта главное вниманіе ихъ. Но это

[1]) „Te robotę ich (kozacką) posłowi W. Krol. Mci, ktory tam na ten czas był, pokazowali, żegre to znosząc i przegrażając, a zgoła i nie barzo szanując Maiestat W. Krol. Mci Pana mego Mciwego w osobie iego". (Сеймовая рѣчь Жолкевскаго 25 февраля 1619 года).

рѣдко имъ удавалось. По крайней мѣрѣ одинъ изъ тѣхъ шляховъ, которыми они набѣгали, былъ имъ загороженъ; зло такимъ образомъ бывало частью парализуемо, но только частью. Остальной край всё-таки дѣлался жертвою набѣга. Такъ было осенью 1618 года. Этотъ моментъ русской исторіи освѣщенъ для насъ подробнымъ сказаніемъ современника, по тому случаю, что молодой Замойскій, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, вернулся въ свои обширныя владѣнія. На немъ лежала обязанность оборонять ихъ отъ орды; на немъ лежалъ и нравственный долгъ — показать себя рыцаремъ, достойнымъ той высокой репутаціи, которою пользовалось имя Замойскихъ въ панскихъ домахъ. Повѣствованіе слуги Ѳомы Замойскаго, извѣстнаго уже намъ Журковскаго, о подвигахъ его „пана" даетъ намъ возможность заглянуть въ польскую часть русскаго общества поглубже. Между Польшей и Турціей завязывалось вновь то дѣло, отъ котораго Рѣчь-Посполитая уклонялась различными способами. Турчинъ замирилъ съ Персомъ на 30 лѣтъ, какъ объ этомъ зналъ уже Жовковскій, и намѣревался molem belli (тягость войны) обратить на поляковъ.

Предвѣстникомъ турецкой войны всегда бывало татарское вторженіе. Турки натравливали уже орду на Польшу. Козаки донесли Жовковскому, что въ половинѣ лѣта собрались на совѣтъ Скиндеръ-баша, Сеинъ-баша, Ибрагимъ-баша и говорили молодому 17-лѣтнему калгѣ-султану, какъ назывались родные братья ханскіе: „У тебя войска больше, чѣмъ у поляковъ: они вывели чуть ли не лучшій народъ въ Московщину, а потому ступай, попытай счастья. Если наткнешься на большое войско, ты отъ него уйдешь быстротою твоею; а посчастливится тебѣ разбить поляковъ, тогда откроется тебѣ дорога и къ самому Кракову; забирай хоть все королевство: противъ тебя не устоитъ никто". И галга-султанъ, вмѣстѣ съ самимъ ханомъ и Кантимиръ-мурзою, въ сентябрѣ нагрянулъ въ подольскую Украину, въ числѣ 60.000 войска.

Татары пришли взять съ панскихъ имѣній свой недоплаченный харачъ натурою.

И за прошлогоднюю передѣлку съ ними надъ Днѣстромъ наслушался гетманъ Жовковскій отъ пановъ прямыхъ и заочныхъ укоровъ. Теперь готовились ему новыя нареканія. Это онъ виноватъ, что татары не даютъ Польшѣ покою. Зачѣмъ онъ, стоя подъ Яругою, трактовалъ о мирѣ? Ему бы слѣдовало разбить турецко-татарское войско. Только вялость да нерѣшительность гетмана помѣшали ему это сдѣлать. Жовковскій чувствовалъ несправедливость братій своихъ глубоко, и оправдывался на сеймѣ съ достоинствомъ ветерана. Онъ весьма дѣльно доказывалъ, что проигранная противъ турокъ битва въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой открыла бы ее всю непріятельскому нашествію; что совсѣмъ иное дѣло — рисковать войскомъ гдѣ-нибудь за Дунаемъ: тамъ, кромѣ войска, не погубилъ бы онъ ничего, а Рѣчь-Посполитая скоро выставила бы другое войско; что, наконецъ, не годилось бы панамъ обвинять въ трусости и нерѣшимости человѣка, который побилъ козаковъ и привелъ въ Варшаву плѣннаго московскаго царя. Все было напрасно: республика шляхетская терроризовала своихъ полководцевъ такъ точно, какъ и ея незаконнорожденное, одичалое чадо — республика козацкая. Семидесятилѣтній Жовковскій поспѣшилъ въ поле и, скрѣпя сердце, разослалъ универсалы къ панамъ, приглашая ихъ на такое же и, можетъ быть, еще болѣе важное дѣло, какое рѣшено было надъ Днѣстромъ въ прошломъ году. Самъ онъ выступилъ въ походъ раньше всѣхъ, и въ началѣ сентября стоялъ уже на урочищѣ Орининѣ, въ ожиданьи набѣга.

Урочище Орининъ находится въ двухъ миляхъ отъ Каменца Подольскаго. Рѣчка, быстро текущая въ крутыхъ берегахъ, не удобна для переправы. Къ ней примкнуло войско, чтобъ не дать окружить себя непріятелю, всегда многочисленному. Не замедлили съѣхаться и союзные паны. 7-го сентября прибылъ Ѳома

Замойскій, 25-лѣтній сенаторъ Рѣчи-Посполитой, образецъ польскаго рыцаря, идеалъ окатоличеннаго русина. Когда король сдѣлалъ его сенаторомъ, онъ, по разсказу преданнаго ему біографа, сталъ больше прежняго пріучать себя къ набожнымъ упражненіямъ; въ великій постъ отправлялъ всѣ капланскія молитвословія; въ мартовскія пятницы оставался на сухоядѣніи: въ великій четвергъ умывалъ ноги двѣнадцати нищимъ, кормилъ ихъ, одѣвалъ и выдавалъ каждому изъ собственныхъ рукъ по червонцу; всю ночь великой пятницы не переставалъ онъ молиться, бичевался и томилъ тѣло свое жесткою власяницею; самый день великой пятницы проводилъ въ размышленіи о страданіи Господнемъ, посѣщая убогихъ въ шпиталяхъ и снабжая ихъ щедрою милостынею; но въ великую субботу, послѣ обѣда, лишь только въ костелѣ пропоютъ радостное *аллилуя*, онъ столь же регулярно веселился и, выѣхавши въ поле, забавлялся рыцарскими играми. Въ лицѣ Замойскаго древній нашъ русичъ очутился на помочахъ у людей, выдѣлывавшихъ благочестіе механически. Но сердце его билось благородными чувствами: къ славѣ ученаго пана и простого ротмистра, какимъ онъ служилъ прежде, Замойскій желалъ присоединить славу полководца и патріота. На собственный счотъ снарядилъ онъ конный полкъ въ двѣнадцать сотень,—войско, по тогдашнему времени значительное. Подъ его знамя вступили вассалы его дома, командовавшіе собственными домашними ополченіями, люди весьма заслуженные въ обществѣ, опытные въ военномъ дѣлѣ, посѣдѣлые въ битвахъ съ татарами, которые на подольскомъ пограничьѣ, этомъ „шанцѣ“ украинскомъ, [1]) были почти такъ же часты, какъ и разъѣзды по хозяйству. Такъ, напримѣръ, выступилъ съ

[1]) Письмо львовскаго подкоморія Александра Требинскаго къ Сигизмунду III начинается словами: „Na tym szancu Podole teraz stawa, ze ubiinis tutius anisz w swych własnych kątach osiedzieć się moze.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. F, № 138, л. 25.)

нимъ въ походъ дѣдъ его по матери, Станиславъ, графъ изъ Тернова, каштелянъ сендомирскій, староста буській и стобницкій, которому было уже за семьдесятъ лѣтъ, но который, по словамъ Журковскаго, горячо жаждалъ славы по крови и z animuszu antecessorów.“ [1]) Другой графъ изъ Тернова, Гратусъ, каштелянъ жарновскій, участвовалъ въ его походѣ съ ополченіемъ князя Острожскаго, краковскаго каштеляна. Шолъ подъ его знаменемъ и Матвѣй Лоснёвскій, подкоморій, впослѣдствіи каштелянъ белзскій, извѣстный на пограничьѣ боевою опытностью. Блестящему юношѣ-магнату, окруженному почтенными приверженцами дома его, коронный гетманъ Жовковскій оказалъ почетъ безпримѣрный: онъ встрѣтилъ его въ полѣ съ тысячею избранныхъ воиновъ, то есть съ союзными панами, полковниками, ротмистрами и богатѣйшими „товарищами.“ Но, вмѣстѣ съ почетомъ, старый гетманъ заявилъ и воинскую суровость, свойственную лучшимъ людямъ того времени: онъ не пригласилъ Замойскаго примкнуть своимъ обозомъ къ обозу кварцянаго войска, а поставилъ его на отдѣльной горѣ, какъ за́мокъ, открытый со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ покушеніямъ. Дѣйствительно этотъ походъ былъ для Замойскаго опытомъ серьознымъ, и не будь при немъ заслуженныхъ въ военной наукѣ его союзниковъ, первый опытъ его въ дѣлѣ тактики могъ бы быть и послѣднимъ.

Татары наступили сперва въ числѣ 12.000, потомъ подходили другія купы, и наконецъ появилось въ подѣ 60.000 всадниковъ. Сравнительно съ ихъ массою, христіянское войско представляло горсть отважныхъ людей, полагавшихся на свое мужество, на превосходство вооруженія и военнаго искусства. Еслибъ удалось татарамъ разсѣять этихъ единственныхъ защитниковъ польской Украины, тогда одни только города да за́мки остались бы на широкомъ пепелищѣ селъ, какъ указательные знаки королев-

[1]) По духу предковъ.

скихъ и панскихъ владѣній. Орда начала искать слабыхъ мѣстъ; не бросалась она въ бой опрометью. Сперва галга, или ханскій братъ, отрядилъ Джюрланъ-галгу, двоюроднаго брата своего, съ шестью тысячами. Сильнымъ натискомъ Джюрланъ ударилъ на правое крыло польскаго войска. На томъ крылѣ стояли хорошо вооруженныя дружины Станислава Любомирскаго, Криштофа Збаражскаго, Януша Острожскаго, Юрія Заславскаго. У нихъ было собственнаго народу болѣе десяти тысячъ. Панскій центавръ оказался съ этой стороны не по силамъ ордѣ, любившей, какъ говорится, „кликомъ полки побѣждати". Центавръ загремѣлъ пушками, выступилъ въ поле козако-татарскими гарцами; самъ Джюрланъ-галга былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ; бусурманы отступили. Вслѣдъ за тѣмъ наперъ татаринъ всѣми своими силами на польскій обозъ, но, чтобы понять разницу въ борющихся силахъ, довольно знать, что татарскія пули дѣлались изъ дерева и обливались оловомъ, да и такія ружья были нововведеніемъ въ татарскомъ полудикомъ войскѣ. [1]) Ощупавъ самый центръ христіянской арміи, татары нашли наконецъ такой пунктъ, который представлялъ имъ болѣе вѣрную надежду на успѣхъ: это былъ таборъ Ѳомы Замойскаго. Тутъ прежде всего досталось четыремъ сотнямъ козаковъ, безъ которыхъ украинскіе паны не существовали. Козаки стояли на челѣ панскаго полка и не выдержали натиска цѣлаго войска ханскаго. Но Замойскій повелъ на татаръ свои гусарскія и пятигорскія хоругви. Татары не любили давать отпоръ тяжело-вооруженной конницѣ, они подались назадъ; козаки оправились. Поняла, однакожъ, орда, что это—самый слабый пунктъ во всей арміи; она окружила Замойскаго со всѣхъ сторонъ, и три раза дѣлала натискъ. Три раза отразилъ ее Замойскій. Наконецъ соединились всѣ татарскія купы и обступили обозъ,

---

[1]) Въ сеймовой рѣчи 1619 года, Жовковскій говорилъ: „Juz ten narod tak się na nas armuie, ze nawet kule mieli dzrewniane olowiem oblane, ktoresmy naidowali, ba i zabili niemi piechoty W. Krol. Mci do trzydziestu."

какъ характерно выразился очевидецъ, „щупая, нѣтъ ли въ немъ гдѣ-нибудь дыры.“ На эту охотницкую потѣху смотрѣлъ коронный гетманъ съ своими ветеранами, не двигая съ мѣста ни одной хоругви: то была своего рода травля. Кварцяное, да и панское войско всегда было не прочь дать попробовать знатному пану холоднаго дыханія смерти; а смерть уже заглядывала въ глаза окруженному со всѣхъ сторонъ и колеблющемуся полку Замойскаго. Наступилъ наконецъ моментъ, въ который жестокая забава зрителей перешла въ тревогу. Уже всѣ прощались мысленно съ горстью русичей, затертыхъ наваломъ азіятской дичи. Еще моментъ, и пали бы стязи Замойскаго, какъ пали Игоревы на рѣкѣ Каялѣ. Но тутъ князь Збаражскій и нѣсколько другихъ знатныхъ пановъ послали на выручку двѣ сотни панцырныхъ стрѣлковъ, которыми предводительствовалъ „старый и опытный козакъ“ Янъ Білецкій, тотъ самый Янъ Білецкій, который первый вписалъ имя свое въ исторію солоницкаго дѣла. Послалъ наконецъ Жовковскій двѣ гусарскія хоругви безъ копій, но уже, что̀ называется, въ пустой слѣдъ: уже заходило солнце, и непріятель началъ отворачивать полки свои. Татары отступили на полъ-мили за гору, на урочище Жердье, а отступая, подъѣзжали подъ хоругви Замойскаго и кричали: „Приготовьтесь къ завтрему получше для битвы: сегодня была только шутка.“ Жестокая угроза! Она была почувствована всѣмъ полкомъ, и почувствована тѣмъ тревожнѣе, что передъ его глазами, въ тотъ же день, произошла трагическая сцена. Еще съ утра татары замѣтили въ полѣ небольшой таборъ князя Порицкаго, который не успѣлъ придти во̀ время и соединиться съ главнымъ таборомъ. Видно, князь Порицкій принадлежалъ къ числу хулителей сѣдого гетмана. Жовковскій видѣлъ, какъ окружили его татары, какъ разгромили его таборъ и взяли въ плѣнъ раненнаго князя со всею его челядью. Этотъ ясыръ вели мимо кварцянаго обоза, и какъ ни сожалѣли всѣ въ обозѣ объ участи побѣжденныхъ, гетманъ, что̀ называется, не шевельнулъ и усомъ

Правда, и мудрено было предпринять выручку знатнаго плѣнника: она вовлекла бы все войско въ битву, которой исходъ былъ бы сомнителенъ. Зато Замойскому послалъ Жовковскій ночью приказъ — примкнуть къ своему табору, чтобъ на другой день орда его не доконала.

Не то было у нея на умѣ: съ полуночи двинули татары свое войско въ походъ, оставили только нѣсколько тысячъ всадниковъ для стражи и распустили свои загоны въ глубь галицкой Украины, до самого Тернополя. Кошемъ стали они у Заславля, а оттуда, перевалившись на Чорный шляхъ, пошли назадъ мимо Чуднова, Чорторыи, Кодни, Паволочи, Бѣлой-Церкви, и надѣлали безнаказанно страшнаго вреда по дорогѣ, нахватали безъ числа плѣнниковъ и добычи. Напрасно было о томъ и думать, чтобъ ихъ преслѣдовать. Жовковскій объяснялъ это въ сеймовой рѣчи своей слѣдующимъ образомъ: „Преслѣдовать орду—все равно, что ловить мотылька на воздухѣ. Она пришла 29 сентября, а завтра ускакала за восемь большихъ подольскихъ миль".

Иначе думали поднѣпровскіе торки да берендѣи, чорные клобуки позднѣйшаго времени, родственники Митрадата понтійскаго, неутомимаго въ бѣгѣ, волшебно-быстраго въ передвиженіи. Козаки, вырывши яму, клали на землю бубенъ, и тонкій слухъ ихъ угадывалъ, въ которой сторонѣ „гудýть" татары. Козаки, какъ бѣгущій изъ плѣна Игорь, бесѣдовали съ природою: налетѣвшія не вó время куропатки или какія-нибудь неожиданныя птицы, появившіяся въ несвойственной мѣстности четвероногія — давали имъ понять, что орда близко. Ихъ дѣти и жены спали въ степной травѣ, за селомъ или хуторомъ: языкъ пустыни былъ имъ понятенъ столько же, какъ и самимъ татарамъ. Они умѣли предсказать нападенія; они знали, гдѣ татары ночуютъ, гдѣ поятъ коней, гдѣ дуванятъ на возвратномъ пути ясыръ. Ихъ было дѣло сторожить Польшу отъ азіятской дичи, и, видно, не даромъ говорили о нихъ въ Краковѣ, еще до ссоры

за кусокъ хлѣба, что „до тѣхъ только поръ Польша будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ добрые козаки“. [1]) Но такіе великіе умы, какъ Янъ Замойскій, глядя на русско-польскій міръ съ европейской точки зрѣнія, просто сказать — по-феодальному, первые заподозрили козаковъ въ общественномъ мнѣніи; а такіе важные люди, какъ Стефанъ Баторій и князь Острожскій, вообразили, что можно истребить цвѣтъ жизни народной, которая, по ихъ мнѣнію, украшала себя цвѣтами въ настоящемъ и обѣщала плоды въ будущемъ только со стороны шляхетства. Между тѣмъ вещи стояли здѣсь иначе, и скрытыя отъ современниковъ причины готовили непредвидимое будущее: величайшіе люди своего времени оказались безтолковѣе одичалыхъ бурлакъ; явились на судѣ исторіи слѣпцами, водящими другихъ слѣпцовъ.

Итакъ Жовковскій [2]) не преслѣдовалъ орды, но, въ угоду общественному мнѣнію, дѣлалъ видъ, будто преслѣдуетъ. Кварцяное и панское войско переходило съ мѣста на мѣсто, дѣлая наиболѣе по двѣ мили въ день, что̀ относилось къ татарскому бѣгу, какъ 2 : 8. Остановясь на Жабинцѣ, Жовковскій отдыхалъ нѣсколько дней и потомъ распустилъ войско. „Натерпѣлся онъ потомъ укоровъ и нареканій отъ подольской и волынской шляхты“, говоритъ Жўрковскій, „что могъ бы побить непріятеля, но оставилъ его подъ обозомъ. Бранили его и проклинали на чомъ свѣтъ стоитъ всѣ потерявшіе жонъ, дѣтей и имущество свое. Они обезпечились тѣмъ, что гетманъ стоитъ въ полѣ таборомъ, и татары всюду брали ихъ какъ грибы“.

И не одна мелкая шляхта относилась враждебно къ Жовковскому. Этотъ талантливый, энергическій, правдивый человѣкъ и строгій монархистъ не угодилъ не только своимъ товарищамъ магнатамъ, но и самому Сигизмунду III, интересы котораго пред-

[1]) См. т. I, стр. 87.

[2]) Имя Жовковскаго происходитъ отъ мѣснаго русскаго имени *Жовква*. Правильнѣе называть его Жовковскій, нежели Жолковскій.

почиталъ всему другому, недостатковъ котораго старался не видѣть, а его повелѣнія, даже противныя здравому смыслу, исполнялъ слѣпо, вѣруя твердо, что сердце монарха въ руцѣ Божіей. [1]) Сигизмундъ III, это игралище римскихъ прелатовъ и мечтательныхъ пановъ, поправилъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ своихъ, выручаясь въ трудномъ положеніи талантомъ нашего русина, но даже въ 1610 году, когда Жовковскій представилъ ему такъ названныхъ „московскихъ царей Шуйскихъ", не далъ ему большой гетманской булавы, остававшейся въ его распоряженіи по смерти Яна Замойскаго (1605 г.), а далъ только въ 1618 году, за два года до его смерти и на 44 году его военной службы, въ которой Жовковскій не нажилъ никакого состоянія. Такъ цѣнили польскіе магнаты русскія услуги въ борьбѣ одной руси съ другою въ пользу Польши. Такова и должна быть награда отступникамъ за отступничество. Жовковскій сознавалъ себя патріотомъ, а не отступникомъ, и тѣмъ еще сильнѣе чувствовалъ нападки на него со стороны пановъ, которыхъ онъ одинъ спасалъ отъ политической гибели, „неся на своихъ плечахъ безопасность Рѣчи-Посполитой", какъ это онъ сказалъ въ глаза всему сеймовому собранію въ 1619 году. То была знаменитая рѣчь его, сильная правдою, краснорѣчивая фактами, которые заставили молчать собраніе сеймующихъ, это „universum faciem reipublicae", какъ назвалъ его престарѣлый ораторъ. Онъ ужъ не могъ говорить стоя, и попро-

---

[1]) Слова въ сеймовой рѣчи Жовковскаго 1618 года: „A wiem, ze przy W. Krol. Mci anioł Bozy, iako to kapłan onegdy wywiodł: iako to serce W. Krol. Mci w rękach Bozych, miałem zawsze w powinnym poszanowaniu rozkazanie W. Krol. Mci, i błogosławił mi Pan Bog", — эти слова, столь часто злоупотребляемыя передъ вѣнценосцами, въ устахъ Жовковскаго были догматическою правдою. Всего лучше доказываетъ это его духовное завѣщаніе и его письмо къ королю передъ походомъ на Цоцору, котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не предпринялъ бы, еслибъ не его слѣпое повиновеніе королю, который слушался толпы пустыхъ людей и никогда не соглашался съ одинокимъ мнѣніемъ Жовковскаго.

силъ у короля позволенія сѣсть. Изложивъ дѣло исторически и документально, Жовковскій заключилъ свою рѣчь словами: „Обвиняютъ меня въ томъ, что я не далъ татарамъ битвы, что я попусту выходилъ въ поле. Но еслибъ только я оставилъ свою крѣпкую позицію, я погубилъ бы войско, погубилъ всю Русь, и еще больше — погубилъ бы Рѣчь-Посполитую, потому что тогда огромная непріятельская сила со всѣхъ сторонъ окружила бы насъ. Пускай не говорятъ мнѣ, что у меня было чѣмъ защищаться, было чѣмъ биться. Я не могъ биться по одному тому, что непріятель не устоялъ на мѣстѣ, а съ малымъ войскомъ бросаться на большое — все равно, что бросаться съ мотыкой на солнце. Развѣ не убѣдительны для насъ примѣры Владислава, погибшаго подъ Варною, и короля венгерскаго подъ Могачемъ? Не я одинъ, много было со мной такихъ, которые видѣли, что и на пядь нельзя было намъ удаляться отъ табора. Бить непріятеля у себя дома — дѣло опасное. Что̀ онъ потеряетъ? Потеряетъ войско, больше ничего. Но, еслибы, сохрани Богъ, не повезло намъ, мы потеряли бы не только войско, но и всю Корону. Впрочемъ, здоровье мое разстроено, лѣта мои велятъ мнѣ искать покоя. Мнѣ нужно отдохнуть не столько отъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній, сколько отъ людскихъ языковъ. Поэтому прошу вашу королевскую милость — снять съ меня слишкомъ тяжелое для моихъ лѣтъ званіе, которое ношу не изъ амбиціи, а потому, что вамъ угодно было всемилостивѣйше возложить его на меня. Боюсь, что при той зависти, при той неблагодарности, которую терплю вмѣсто признательности, я не буду уже въ состояніи достойно служить вашей королевской милости.“

Среди глубокаго молчанія, наступившаго послѣ этой рѣчи, раздался голосъ подканцлера, который, отъ имени короля, благодарилъ Жовковскаго за его великія заслуги и просилъ оставить при себѣ гетманскую булаву. Старикъ былъ утѣшенъ; но тотъ же

король, по настоянію тѣхъ же близорукихъ совѣтниковъ, черезъ годъ послалъ его въ экспедицію, гдѣ участь Владислава III и Людовика Венгерскаго, приведнныхъ Жовковсимъ въ примѣръ, постигла и его хитроумную, многозаботливую голову.

ГЛАВА XVIII.

Панское ополченіе для усмиренія козаковъ, обезоруженное козацкою уступчивостью, или такъ называемая Раставицкая коммиссія съ козаками.—Новый кіевскій воевода и кроткій способъ водворенія польскаго права въ Украинѣ.—Латинская церковь ведетъ правильные апроши противъ русской церкви въ центрѣ русскаго элемента—Кіевѣ.—Кіевобратская школа.—Мѣщанскій элементъ въ Запорожскомъ Войскѣ.—Перенесеніе общихъ надеждъ Славянщины съ польскаго короля на царя московскаго.

Крикъ, плачъ и нареканья панскихъ околицъ, истоща силу свою на коронномъ гетманѣ, обрушились всею своею тягостью на козаковъ. Земскіе послы, во имя высшихъ государственныхъ цѣлей, просили короля обуздать наконецъ эту вольницу, которой, какъ всегда, приписали татарскій набѣгъ,—просили объ этомъ съ такимъ видомъ, какъ-будто король держалъ въ рукахъ узду, да не хотѣлъ надѣть ее на козачество. Король, съ подобающею важностью, повелѣлъ изготовить проектъ коммиссіи для подавленія козацкаго своевольства. Это значило призвать къ оружію богатыхъ землевладѣльцевъ, которые всего больше заинтересованы въ обузданіи людей, мѣшавшихъ имъ хозяйничать. Они, вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ, должны были предложить этому скопищу всякаго рода безобразниковъ тотъ вопросъ, который сказочный Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, предлагалъ змѣю горыничу: будемъ ли биться, или будемъ мириться? Въ члены коммиссіи назначенъ и молодой Замойскій, котораго военная слава протрубила

героемъ въ панскую золотую трубу, и которому король пожаловалъ титулъ кіевскаго воеводы, возведя Жовковскаго въ канцлерское достоинство. Членами коммиссіи „для постановленія договора съ панами молодцами Войска Запорожскаго о способѣ жизни и службы ихъ“ назначены были также: русскій воевода, бускій и корсунскій староста Янъ Даниловичъ изъ Журова; полевой гетманъ, велюнскій и жарновецкій староста Станиславъ Конецпольскій; каменецкій и брацлавскій староста Валентій-Александръ Калиновскій; зегвольскій староста Янъ Склинскій; ротмистръ его королевской милости Тыборскій-Злотницкій, и опытный въ козакотатарскихъ дѣлахъ панъ Янъ Білецкій. Какъ на панскихъ сеймахъ краснорѣчіе ораторовъ было тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ больше у кого на сеймовой площади стояло войска съ „гжечною“ артиллеріею, такъ точно было и здѣсь; а чтобы судить о серьозности предстоящаго дѣла, довольно принять къ свѣдѣнію, что одинъ Замойскій привелъ съ собою въ собраніе коммиссіи полторы тысячи человѣкъ.

Коммиссія собралась надъ рѣчкою Раставицею, ниже Паволочи, гдѣ стояло тогда королевское войско. „Войска запорожскія“, сказано въ актѣ коммиссіи, „стояли за Бѣлою-Церковью, на рѣчкѣ Узени“. Этихъ запорожскихъ войскъ собралось столько, сколько желалъ Сагайдачный, котораго слава послѣ московскаго похода еще больше прежняго дѣйствовала на общественное козацкое мнѣніе. Благоразуміе требовало, чтобы между русичами, изъ которыхъ одни стояли за польское, а другіе за русское право, находилось пространство въ нѣсколько миль: въ противномъ случаѣ, развязка коммиссіи могла бы быть не тою, какой желали обѣ стороны. Дѣло въ томъ, что можайскимъ героямъ, штурмовавшимъ Москву подъ заслуженнымъ ими знаменемъ, предложили еще болѣе унизительныя условія, чѣмъ на Ольшанкѣ; людямъ, примежевавшимъ своими саблями къ Польшѣ Смоленскъ и Сѣверщину, не позволяли даже, какъ говорится въ думѣ, „стати и

коня попасти“ на той землѣ, которая только по ихъ милости и не была занята татарскими кибитками. Коммиссары спокойно и торжественно, какъ-будто дѣло шло только о приличномъ прочтеньи акта коммиссіи (такъ оно въ сущности и было), объявили присланнымъ къ нимъ козацкимъ уполномоченнымъ королевскую волю, которая состояла въ повтореніи ольшанскаго акта и распространились о годовомъ жалованьѣ козацкомъ. „За прошлый годъ“, писали коммиссары, „козаки, согласно ольшанскому постановленію, получили 10.000 злотыхъ и 700 поставовъ каразіи, и за нынѣшній другой годъ отдали мы имъ такую же сумму деньгами и сукномъ, тутъ въ Бѣлой-Церкви; а потомъ уже будутъ получать не сукномъ, а наличными деньгами 40.000 злотыхъ ежегодно, въ Кіевѣ на св. Илью русскаго“. Въ благодарность за это, козаки должны дать рыцарское слово и присягнуть, что не только тѣ, которые получаютъ жалованье, не будутъ безпокоить турецкаго императора своими наѣздами, но и другихъ, въ случаѣ оказались бы такіе своевольники, всячески будутъ отъ того удерживать, а тѣхъ, которые недавно въ противность запрещенію, ходили на море, покараютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ козаки уничтожатъ морскіе човны, которыхъ часть уже уничтожена, чтобъ своевольнымъ не было искушенія; оставятъ только необходимые для перевоза на Днѣпрѣ, но будутъ содержать при нихъ надежную сторожу, чтобъ своевольные не выкрадались на этихъ човнахъ въ море. Далѣе въ актѣ сказано, что отъ козаковъ не должно быть больше никакихъ непріятностей людямъ въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣніяхъ. Для этого изъ козацкаго реестра должны быть выписаны прочь всѣ ремесленники, шинкари, войты, бурмистры, kafanniki, bałakiezie,[1]) рѣзники, вообще всѣ занимающіеся какимъ-либо ремесломъ и иные лишніе люди, которые до пяти лѣтъ назывались козаками: „ибо мы ни подъ какимъ ви-

---

[1]) См. выше. примѣч. къ стр. 264.

домъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось", писали коммиссары. Эти выписанные обязаны подчиняться старостамъ, державцамъ, ихъ намѣстникамъ и другимъ панамъ, подъ кѣмъ кто живетъ, не отзываясь къ войсковому суду, а паны молодцы вступаться за нихъ не должны. „Всего же больше настаиваемъ на томъ", говорится далѣе въ актѣ, „чтобы паны молодцы запорожцы — или вовсе не жили въ имѣніяхъ земскихъ, духовныхъ, свѣтскихъ, дѣдичныхъ, или же, если будутъ имѣть въ нихъ дома и осѣдлость, то чтобы оказывали послушаніе дѣдичнымъ панамъ, подъ которыми будутъ имѣть маетности, изъ подданства не выламывались и къ инымъ присудамъ не отзывались. Дается имъ крайній срокъ до св. Ильи русскаго 1620 года. Кто подъ кѣмъ не хочетъ жить и быть пану подданнымъ пускай удалится изъ его имѣнія и живетъ гдѣ угодно. Тѣ же, которые будутъ проживать въ украинныхъ городахъ его королевской милости, должны оказывать всяческое почтеніе своимъ старостамъ и, въ случаѣ надобности, яко на Украинѣ, дѣйствовать противъ непріятелей св. креста, подъ начальствомъ старостъ или ихъ намѣстниковъ". Наконецъ, коммиссары потребовали, чтобы козаки, согласно ольшанскому постановленію, приняли себѣ *старшаго* изъ руки коронпаго гетмана, по образцу того, какъ нѣкогда былъ старшимъ Оришевскій.

Насъ поражаетъ своею неожиданностью громадность панскихъ требованій отъ козаковъ послѣ ихъ похода въ Московщину, но еще меньше ожидали мы смиреннаго отвѣта на него, послѣдовавшаго черезъ девять дней со стороны Сагайдачнаго. Называя себя *старшимъ на то время* въ Запорожскомъ Войскѣ, Сагайдачный говоритъ, что онъ и все Запорожское Войско, получивъ увѣдомленіе о королевской волѣ отъ такихъ-то ясновельможныхъ пановъ, послали къ нимъ своихъ товарищей: пана Яна Костревскаго, пана Петра Одинца, пана Яцыну, пана Ратибора-Боровскаго, съ двадцатью другими товарищами, для до-

говора надъ Раставицею, ниже Паволочи; что, послѣ взаимныхъ переговоровъ надъ Раставицею, коммиссары, съ своей стороны, прислали на Узень своихъ товарищей, ихъ милостей пановъ: зыгвульскаго старосту Томаша Склинскаго, Тыбурча-Злотницкаго, Яна Білецкаго, Іеронима Вжеща, Михайла Холимовскаго и Валеріана Славскаго, для окончанія коммиссіи 8-го октября; и что, переговоривъ между собою обо всемъ, козаки подчиняются волѣ его королевской милости и благодарятъ короля за назначенное имъ жалованье, но не могутъ означить немедленно своего числа, такъ какъ бракъ и выпись ремесленниковъ, торговцевъ, шинкарей и тому подобныхъ людей потребуетъ не мало времени. „Это надобно дѣлать по городамъ", говорилъ въ своемъ письмѣ Сагайдачный: такихъ людей, непринадлежащихъ къ рыцарскимъ занятіямъ, каковы эти шинкари, кравцы, торговцы и всякіе ремесленники, кафанники, рыбалты, и тѣхъ, которые, выломавшись лѣтъ пять назадъ изъ присуду своихъ пановъ, сдѣлались козаками, мы отъ себя выпишемъ и выпремъ. Пусть они не прикрываются нашими вольностями, подчиняются власти своихъ пановъ, старостъ и ихъ намѣстниковъ, гдѣ кто будетъ жить. А какое число насъ останется, мы доложимъ его королевской милости чрезъ нашихъ посланцовъ и будемъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ паны коммиссары, именемъ его королевской милости, требовали, чтобъ мы, не обременяя имѣній земскихъ, духовныхъ, шляхетскихъ, выселились изъ нихъ къ св. Ильѣ Пророку русскому слѣдующаго 1620 года. Хотя это сильно нарушаетъ наши вольности, пожалованныя намъ привилегіями найяснѣйшихъ королей, нашихъ почивающихъ въ Бозѣ государей, и мы должны будемъ обратиться къ его королевской милости съ просьбою о ненарушеніи этихъ вольностей, но, покамѣсть, постановили такъ: кто хочетъ оставаться съ нами на службѣ его королевской милости и Рѣчи-Посполитой, то (если его королевской милости не будетъ угодно оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и правахъ)

чтобъ выходилъ изъ шляхетскихъ имѣній и искалъ себѣ спокойнаго жительства въ имѣніяхъ королевскихъ, гдѣ кому любо. Но гдѣ имѣемъ или будемъ имѣть осѣдлость, тамъ будемъ оказывать старостамъ, подстаростіямъ и ихъ намѣстникамъ надлежащее почтеніе. Въ случаѣ вторженія врага св. креста, должны мы дѣйствовать противъ него, какъ подобаетъ намъ, подъ начальствомъ старосты, подстарóстія или своего отáмана, и все то дѣлать, чтò отъ насъ будетъ слѣдовать. Не сопротивляемся и назначенію надъ нами старшаго, въ родѣ того, какъ былъ нѣкогда Орышевскій; но, такъ какъ нынѣ его милость панъ канцлеръ и коронный гетманъ не наименовалъ и отложилъ до ближайшаго сейма, то и мы пришлемъ туда пословъ своихъ съ нашими просьбами, отдавая это на волю его королевской милости. Мы только просимъ, чтобы надъ нами былъ старшимъ такой человѣкъ, который бы способенъ былъ воевать вмѣстѣ съ нами противъ коронного непріятеля, къ славѣ и пользѣ короля и Рѣчи-Посполитой, и умѣлъ бы исходатайствовать у его королевской милости все, чтò намъ нужно". [1])

Эти послѣднія слова, объясняютъ отчасти смиреніе и уступчивость козаковъ. Какъ реалисты, они лучше классиковъ смекали: что подъ какимъ бы названіемъ ни предводительствовалъ козаками гетманъ, но, если только онъ будетъ лицо излюбленное ими и только утверждаемое верховною властью по ихъ представленію, то козацкое дѣло будетъ оставаться все тѣмъ же, какимъ было до сихъ поръ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, раставиц-

[1]) Вотъ подлинныя слока въ письмѣ Конашевича-Сагайдачнаго: O takiego więc prosba nasza, zeby pospołu z nami na sławę i ku przysłudze J. K. M. i Rzplitey przeciw nieprzyiacelowi koronnemu gardłuiący się stawił i nam potrzebnego v J. K. M. domowić się vmiał. Подписали этотъ актъ, вмѣстѣ съ Сагайдачнымъ: Янъ Яричъ; Hreor Затыркевичъ, осаулъ войсковый Войска Запорожскаго; Михайло Воловичъ; Тишко Бобель; Станиславъ Золчовскій; Дмитрій Бреславецъ: Ioannes Бачинскій; Янъ Костревскій; Мартинъ Плевскій; Александръ *Качковскій*; Скаванъ Гайдученко; Лаврентій Пасковскій, писарь войсковый; Ильяшъ *Ильницкій. Имена,* по видимому, почти все шляхетскія.

кій актъ представляетъ самую радикальную оппозицію и объясняетъ самъ себя. Но тѣмъ не менѣе намъ интересно заглянуть хоть однимъ глазомъ черезъ бумагу, которую, точно ширму, держитъ передъ нами равнодушная къ политическимъ и соціальнымъ нашимъ сенсаціямъ муза Кліо.

Сношенія короннаго гетмана съ козаками о предстоящей коммиссіи начались еще лѣтомъ 1619 года. Они, по видимому, были самаго мирнаго свойства. Жовковскій предостерегалъ козаковъ, чтобъ они не дали татарамъ удобнаго случая занять своими кочевьями Запорожье. [1]) Такъ какъ ихъ такое множество, то пусть бы послали туда нѣсколько тысячъ человѣкъ, запретивъ имъ, однакожъ, ходить на море. Но, видно, козакамъ хотѣлось чего-то другого: они оставались всѣ на Украинѣ, тѣмъ больше, что король, помимо короннаго гетмана, писалъ къ нимъ о коммиссіи и велѣлъ ея дожидаться. Между тѣмъ Жовковскій, этотъ хитроумный Улисъ относительно козачества, и письмами, и универсалами сзывалъ къ себѣ жолнеровъ отовсюду, а къ тому нанималъ еще и нѣмецкую пѣхоту: у него на умѣ было повтореніе лубенской трагедіи съ одичалыми соплеменниками своими.

Когда оба войска заняли свои становища, одно подъ Паволочью, а другое подъ Бѣлою-Церковью, каждое изъ нихъ представлялось другому противникомъ страшнымъ; по крайней мѣрѣ козаки, въ глазахъ Жовковскаго, при ихъ многочисленности, были „metuendi.“—„Немало было съ ними тергиверсацій“, писалъ Жовковскій къ королю: „то одного, то другого добивались они отъ насъ, но особенно настаивали на томъ, и много ушло на это времени, чтобы всякій разъ, когда не получатъ назначеннаго имъ отъ Рѣчи-Посполитой жолду, они имѣли право ходить за добычею на море. Больше недѣли прошло въ сношеніяхъ да въ пере-

---

[1]) Это интересный въ томъ отношеніи фактъ, что показываетъ пустынное состояніе Запорожья. Можно ли предполагать тамъ существованіе церкви, которую историки помѣщаютъ на Січи еще въ концѣ XVI столѣтія?

сылкахъ съ ними по этому пункту. Наконецъ сталось такъ, какъ написано въ документахъ. Старшіе полковники, ихъ ассессоры, принесли формально присягу въ томъ, что̀ подписями своими и печатью войска своего утвердили; а поспольству читалъ присягу войсковой писарь ихъ. Теперь имъ, кромѣ суконъ, посланныхъ подскарбіемъ, дано наличными только 30.000 злотыхъ: 20.000 — въ награду за московскую службу, о чомъ не упомянуто въ документахъ, въ избѣжаніе sekweli na potym [1]), а 10.000 — въ счотъ годового жолду вмѣстѣ съ упомянутыми сукнами, согласно Ольшанской коммиссіи. Но, такъ какъ они убѣдительно просили дать имъ на старшихъ осауловъ, на ремонтъ огнестрѣльнаго оружія и на пушкарей нѣсколько тысячъ ружей, то, съ общаго согласія пановъ коммиссаровъ, признано было возможнымъ прибавить имъ еще нѣсколько тысячъ злотыхъ, въ виду покорности, которую они здѣсь показали, и для того, чтобы заохотить ихъ больше къ выполненію состоявшагося постановленія. Такъ какъ скарбовыхъ денегъ не было, то я далъ имъ изъ собственной скриньки, всего тысячъ до четырехъ. Но объ этомъ нигдѣ въ бумагахъ не упомянуто, чтобы потомъ они не настаивали на подобной прибавкѣ. Къ такому смиренію привело ихъ всего больше то, что они видѣли передъ собою коронное войско, которое, не смотря на дожди, снѣга, морозы и самую ненастную погоду, терпѣливо стояло въ полѣ, а при этомъ жолнеры грозили дѣйствовать противъ нихъ hostiliter, [2]) еслибъ они не подчинились волѣ и повелѣнію вашей королевской милости." [3])

Черезъ бумагу, распростертую передъ нами въ видѣ ширмы, поможетъ намъ заглянуть еще страница Журковскаго о предметѣ

---

[1]) Обязательства на будущее время.

[2]) По-непріятельски.

[3]) Подлинникъ этого важнаго документа хранится въ публ. познанск. библ. П. Н. аа 12, стр. 330.

безусловнаго его восхищенія, Ѳомѣ Замойскомъ, который прибылъ къ войску Жовковскаго подъ Паволочь въ началѣ сентября. „Запорожское войско“, пишетъ Журковскій, „стояло въ шести миляхъ отъ ляцкаго обоза; старшимъ вождемъ надъ нимъ былъ Конашевичъ, alias Сагайдачный. Трактовали (козаки) черезъ пословъ, которыхъ постоянно посылали къ гетману. Панъ мой много содѣйствовалъ къ успокоенію козацкаго своевольства своимъ значеніемъ и благоразуміемъ; онъ смягчалъ ихъ своею людскостью и хлѣбосольствомъ; онъ часто зазывалъ къ себѣ всѣхъ запорожскихъ пословъ, склоняя ихъ разумными рѣчами къ послушанію королю и Рѣчи-Посполитой, внушалъ имъ добрый порядокъ и къ благосклонности своей присоединялъ тонъ важный и внушительный“.

Изъ всего этого мы видимъ, что польское право пропагандировалось весьма искусно. Тысяча человѣкъ между козаками были обезпечены, обласканы, успокоены; прочимъ предоставлялось на волю — жить гдѣ угодно, признавая вездѣ неприкосновеннымъ заведенный шляхтою порядокъ. Но эта феодальная утопія, какъ показали послѣдствія, была неосуществима, и надобно только удивляться, что такіе люди, какъ Жовковскій и Ѳома Замойскій, были увѣрены въ ея осуществимости. Впрочемъ, они были люди своего, а не нашего вѣка, и, въ виду современныхъ намъ польскихъ понятій о козацкихъ претензіяхъ, мы требуемъ отъ нихъ невозможнаго. Вся Польша заплатила дань своему времени, тяжелую дань! Сагайдачный, по всей вѣроятности, думалъ иначе, не попански, какъ это доказываютъ его поступки въ критическое время, которое вскорѣ наступило для панской республики, — поступки, глубоко революціонные по своей сущности, хотя при этомъ чуждые малѣйшей тѣни бравурства: діаметральная противоположность звіонзкамъ, конфедераціямъ и рокошамъ шляхетскимъ.

Читая дальнѣйшій разсказъ почтеннаго Журковскаго о его

патронѣ, никакъ нельзя догадываться, что наша отрозненная Русь была близка къ событію, которое убило для Польши возможность претворить русскій элементъ въ польскій, именно—къ возстановленію православной іерархіи, на перекоръ королю и сенату. Журковскій пишетъ:

„По отправленіи коммиссіи съ козаками, которая окончилась спокойно и безъ кровопролитія (его всѣ ожидали), распустилъ гетманъ войско на его становища. Панъ мой изъ обоза, со всѣмъ своимъ людомъ (а люду, надобно намъ помнить, было съ нимъ полторы тысячи человѣкъ, съ такою артиллеріею, какой не было во всемъ коронномъ войскѣ), отправился въ Кіевъ и въѣхалъ на кіевское воеводство въ послѣднихъ числахъ октября. Онъ былъ принятъ отъ всѣхъ обывателей кіевскаго воеводства радушно; пышно и громадно выѣзжали они ему на встрѣчу далеко въ поле. Полки Запорожскаго Войска и кіевскихъ мѣщанъ провожали его сперва въ соборную церковь (do kościoła katedralnego farnego), а потомъ въ зáмокъ“.

Зáмокъ (пояснимъ отъ себя) теперь не былъ уже въ такомъ разоренномъ видѣ, въ какомъ держалъ его покойный воевода, князь Острожскій: мѣщане отстроили его заново, на собственный счотъ. Кстати онъ, въ 1605 году, сгорѣлъ отъ грому. Теперь онъ имѣлъ 15 башенъ съ бойницами въ три яруса. Подъ башнями было двое воротъ: на сѣверъ —Воеводскія, на югъ — Драбскія. Подъемный мостъ взводился на цѣпяхъ. Въ зáмкѣ находилось 16 бронзовыхъ пушекъ, литыхъ въ XVI вѣкѣ, длиною въ 15 пядей, да 11 пушекъ желѣзныхъ, такъ называемыхъ сарпентиновъ, длиною въ $8^1/_2$ пядей, да 82 гаковницы и 8 желѣзныхъ огнестрѣльныхъ „кіевъ“, или стволовъ, похожихъ на ружейные. Кромѣ того, по стѣнамъ наготовлено было множество камней и колодъ, которыхъ доставка лежала на кіевскихъ мѣщанахъ. Знакомы были эти пушки многимъ козакамъ, провожавшимъ новаго воеводу въ зáмокъ: изъ нихъ Жовковскій добивалъ козацкое войско подъ Лубня-

ми. Но тогда, по свидѣтельству Жовковскаго, въ ополченіяхъ Лободы и Наливайка хорошо вооруженныхъ и опытныхъ воиновъ было не болѣе 2.000; теперь такихъ воиновъ считалось 20.000. Кровопролитіе было напрасное. Въ московскихъ походахъ паны выковали сами на себя булатъ, а теперь старались затупить и заржавить. Московщина потерпѣла жестоко отъ козаковъ, но зато выпроводила ихъ домой во всеоружіи губительства, вѣчно алкающаго кровавой пищи, вѣчно жаждущаго добычи. За свое „разореніе" она была отмщена сугубо.

„Составивъ актъ вступленія въ должность", продолжаетъ, ничего этого не подозрѣвая, почтенный панъ Журковскій, „вернулся воевода внизъ къ ратушѣ, гдѣ онъ имѣлъ свое помѣщеніе. Здѣсь онъ угощалъ у себя за столомъ humanissime все духовенство, земскихъ урядниковъ и шляхту, а также полковниковъ и все рыцарство, какъ изъ кварцянаго, такъ и изъ Запорожскаго Войска. Цѣлый день тогда стрѣляли безпрестанно изъ замковыхъ, городскихъ и запорожскихъ пушекъ, въ большомъ порядкѣ, и даже часа два въ ночь. Утромъ нашъ панъ", пишетъ Журковскій далѣе, „занимался судопроизводствомъ, и каждый день ѣздилъ въ замокъ, пока были въ реестрѣ очередныя дѣла; а отправивши свои роки, прожилъ еще недѣли три въ Кіевѣ. Онъ устраивалъ городскіе интересы, онъ занималъ жолнеровъ военными играми и экзерциціями. Въ награду за искусство въ гонитвѣ, выставлялись, по его приказанію, разнаго рода оружіе, оправленная сбруя, кони, блаваты".

Все, такимъ образомъ, происходило въ Кіевѣ безъ малѣйшаго столкновенія партій, а ихъ было нѣсколько. Жолнеры и козаки стояли относительно другъ друга, какъ дрессированные псы и дикіе звѣри; шляхта и мѣщане кіевскіе находились въ постоянныхъ спорахъ и позвахъ за торговыя права, за рыболовныя мѣста и за самое помѣщеніе въ Кіевѣ; но всего больше было антагонизма между католическимъ и православнымъ духовенствомъ.

Замойскій угощалъ humanissime козаковъ и шляхту за однимъ и тѣмъ же столомъ, но едвали могъ онъ свести въ одну бесѣду православныхъ черноризцевъ и латинскихъ прелатовъ, которыхъ видъ, по свидѣтельству папскаго нунція, былъ невыносимъ даже поселянамъ. Не дальше какъ въ прошломъ году утопленъ въ проруби Грековичъ. Запорожскимъ братчикамъ случалось топить въ Днѣпрѣ и королевскихъ пословъ. Присутствіе ихъ старшины за общимъ столомъ было respice finem для прелатовъ и spes magna futuri для поповъ православныхъ. Бесѣда между тѣми и другими на пиру у Замойскаго могла ограничиваться только общими мѣстами. Обѣ партіи, безъ сомнѣнія, брасали другъ на друга взгляды, о которыхъ народная пословица выражается: *подивійся, мовъ шагá давъ.* Если латинцы и униты, по отзыву благочестивыхъ, были хищные волки, то сами благочестивые смотрѣли далеко не кроткими агнцами. Во всякомъ случаѣ, общая трапеза не могла сблизить противуположности. Замойскій хлопоталъ попусту. Это было то время, когда іезуиты и доминиканцы водворились уже въ Кіевѣ. Іезуиты, не вдалекѣ отъ кіевобратской школы, строили коллегіумъ; доминиканцы пускали въ ходъ свое искусство проповѣдывать слово Божіе. Съ 1604 года король, яко господинъ города, отдалъ латинскому бискупу цѣлую часть Кіево-Подола, за канавою, къ горѣ Щекавицѣ, а потомъ, путемъ разныхъ тергиверсацій, бискупъ отнялъ изъ-подъ магистратскаго присуду сперва все пространство до бывшей іорданской обители, овладѣлъ даже Іорданщиною и прихватилъ къ своему вѣдомству знаменитое урочище Кожемяки. [1]) Въ виду братской школы возникали, въ лучшемъ

---

[1]) По мнѣнію нашихъ прозелитовъ московскаго ученія о единствѣ языка, нравовъ и обычаевъ на цѣлой половинѣ земного глобуса, не благоприлично писать *Кожемяки*: они пишутъ въ своихъ якобы ученыхъ сочиненіяхъ *Кожевники*. Чтобы быть послѣдовательными, надобно бы имъ начать съ переложенія на общерусскій языкъ имени города Кіева. *Кій* по-общерусски — *палка*; слѣдовательно *Кіевъ городъ* благоприличнѣе было бы называть *Палкинымъ городомъ*. О унія! *долго ли еще ты* будешь унитствовать?

сравнительно съ нею видѣ, школы доминиканскія и іезуитскія, съ наставниками кроткими, ласковыми, щеголеватыми, и даже щедрыми. Къ нимъ поступали дѣти шляхетскія или дѣти мѣщанъ, старавшихся держаться на нейтральной почвѣ, тогда какъ братская школа преимущественно наполнялась *нищунами.* [1]) Правильными апрошами подступала латинская церковь къ русской, окружала ее своими редутами, своими траншеями и, имѣя за собой все полноправное на Руси, терпѣливо ждала торжества своего. Болеславъ Храбрый со всѣмъ войскомъ своимъ, расквартированнымъ отъ Лыбеди до Кожемякъ, не былъ такъ опасенъ для кіянъ, какъ эти безоружные и, по видимому, безобидные гости: онъ не зналъ, какъ пустить въ русскую почву корни.

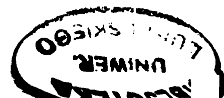
Братское училище существовало въ Кіевѣ при Богоявленской церкви съ 1588 года, по благословенію царьградскаго патріарха Іереміи, и пользовалось правами высшаго училища. Но между членами кіевскаго братства мы не находимъ ни одного панскаго имени: это были монашествующіе и свѣтскіе попы да кіевскіе мѣщане. Идея братства, очевидно, принадлежала первымъ. Они вписывали имена свои въ братскій *уписъ* „ру-

---

[1]) Въ наше время воображаютъ, что въ братскую школу такъ всѣ и бросились, лишь только ее открыли, забывая, что и теперь люди солиднаго положенія норовятъ помѣстить своихъ дѣтей въ какой-нибудь лицей, для извѣстнаго рода обработки, но вовсе не туда, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ. Народность наша, столь богатая между славянскими народностями, уподоблялась евангельскому царю, который, не дозвавшись богачей на уготованный имъ пиръ, созвалъ на него гостей съ распутій, откуда каждый поворачивалъ вправо или влѣво почти случайно. Именно на такомъ распутьи стояли тогда, не только шляхтичи русскіе, но и мѣщане. Это доказывается появленіемъ между ними войта Ходыки, который вздумалъ было запечатывать въ Кіевѣ церкви, уже послѣ смерти Сагайдачнаго, и подвергся участи Грековича отъ безнаказанныхъ орудій мѣщанскаго отпора—запорожцевъ. Въ первое время братская школа наполнялась дѣтьми, которыхъ некому было содержать и которые жили при школѣ. Это были такіе *нищуны*, какихъ мы помнимъ съ дѣтства по нашимъ приходскимъ школамъ. Великія идеи рождались въ темныхъ вертепахъ, среди грубой житейской толкотни, и колыбель ихъ качала убогая, часто гонимая и близкая къ отчаянію нянька—нужда.

кою и душею“, а нѣкоторые къ своей подписи прибавляли такія слова: „составленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю“, или такія: „всегда готовъ есмь съ нимъ пострадати и кровь мою за благочестіе дати“. Эти подписи принадлежатъ къ тому времени, когда Кафа, vorago sangvinis nostris, была разрушена, когда въ одномъ Синопѣ турки понесли убытку на 40 милліоновъ злотыхъ, и земля агарянская, пылая козацкими пожарами, готова была признать себя данницею новыхъ варяговъ. Но, покамѣсть, глухо развивалась въ Кіевѣ борьба естественнаго права съ вымышленнымъ, русскаго элемента съ польскимъ, русской церкви съ латинскою. Каждая церковь, въ томъ числѣ и Богоявленская, имѣла при себѣ школу, въ которой дѣти учились, чему могли, и только изрѣдка встрѣчали между наставниками такого эллиниста и латиниста, какимъ былъ въ своей воскресенской школѣ священникъ Іоаннъ, впослѣдствіи митрополитъ Іовъ. Братская школа получала даянія отъ мѣщанъ, иноковъ и *лычаковой* шляхты грошами; она недвижимыя свои имущества цѣнила только десятками литовскихъ копъ. Шляхта *кармазинная* льнула къ училищамъ, въ которыхъ преподаваніе шло на языкѣ шляхетномъ, польскомъ, государственномъ. Обаяніе верховной власти увеличивало силу враговъ русской церкви и русской автономіи. То льстя правительству надеждою ассимилировать съ Польшею Русь, то пугая политическими призраками, они умѣли пользоваться королевскими подписями. По преданію старины, король былъ „господарь“ земли, принадлежавшей церквамъ и монастырямъ, если они не были основаны панами, въ родовыхъ имѣніяхъ, на основаніи княжескаго или, что̀ одно и то же, польскаго права. Поэтому-то Стефанъ Баторій отдавалъ русскіе церкви и монастыри съ ихъ землями іезуитамъ, какъ свое добро. Сигизмундъ III расположенъ былъ больше Стефана поощрять іезуитовъ и созданныхъ ими унитскихъ іерарховъ. Не къ кому было даже и аппелировать на

это законное безправье. Народъ протестовалъ противъ уніи однимъ отреченіемъ отъ святынь, отданныхъ иновѣрцамъ. Церкви стояли пусты; однѣ церковныя имущества оставались достояніемъ отступниковъ. Они пользовались этими имуществами на помѣстномъ правѣ, все равно какъ паны—королевщинами. Еслибы короли издавна не отказались отъ княжескаго права на родовыя панскія земли въ пользу шляхетскаго сословія,—Сигизмундъ могъ бы однимъ почеркомъ пера пополнить счотъ унитскихъ церквей цѣлою тысячею. Папскій нунцій Торресъ единственно потому насчиталъ дизунитскихъ церквей все еще 1.089, что королевская власть на панскія вотчины не распространялась. Чтò касается до энергіи захвата, то о ней можно судить по первымъ дѣйствіямъ главнаго орудія уніи,—любезнаго князю Острожскому Потія, вскорѣ сдѣланнаго кіевскимъ митрополитомъ. Мѣщане города Бреста, оставшіеся при отеческой вѣрѣ, были имъ прокляты, какъ мѣстнымъ владыкою, а королемъ, то есть выпрошенною у него подписью, лишены покровительства законовъ, объявлены банитами; вслѣдствіе того товары ихъ опечатаны, и всякое общеніе съ прочими жителями имъ воспрещено. По этому поводу изъ устъ людей, небоявшихся королевскаго гнѣва, исходили громкія слова, принимаемыя, какъ приверженцами, такъ и врагами православія за наличную монету, такъ точно какъ и угрозы 15-ю и 20-ю тысячами войска. Трусы трусовъ боятся взаимно: глаза у страха велики; дѣйствуя самъ фальшиво, человѣкъ дѣлается неспособенъ видѣть реальную почву подъ ногами противника. Какъ, съ одной стороны, не было собрано ни одной тысячи войска, такъ съ другой—не выдержана послѣдовательно ни одна законно-беззаконная мѣра. Паны, видя мѣщанъ въ баниціи, стали говорить, что и ихъ постигнетъ то же самое, за предковскую вѣру; но въ такомъ случаѣ, говорили они, король, изгоняя гражданъ Рѣчи-Посполитой, лишится своего титула, не захочетъ имѣть общенія



щахъ. Вслѣдъ за ними „драбантовали“ въ козацкія купы и люди постарше, такіе, которымъ случалось быть войтами и бурмистрами, но которые удаляемы были съ безчестіемъ изъ магистратскихъ „лавицъ“ за несогласіе на унію, или за то, что поссорились и подрались при запечатываньи церкви съ какимъ-нибудь отступникомъ, въ родѣ извѣстнаго исторіи кіевскаго войта Ходыки, или съ отступникомъ попомъ, или даже съ паномъ подстаростіемъ. Наконецъ, шли въ козаки и спекулянты, имѣвшіе даже собственные човны, слѣдовательно и свой почтъ между убогими козаками, по подобію шляхты, которая входила въ составъ козацкаго войска съ собственными ротами. Отсюда-то въ козацкомъ товариствѣ такое процвѣтаніе ремеслъ, что даже нѣмцы обратили на него вниманіе, и вотъ почему для колонизаторовъ Украины особенно было интересно повыписать изъ козацкаго войска „всѣхъ людей, занимающихся какими бы то ни было ремеслами“. Въ ремесленникахъ настояла тогда такая надобность, что Янъ Замойскій, устроивъ себѣ городъ Замостье, привлекалъ изъ-за границы иностранныхъ ремесленниковъ, потому что свои, вмѣсто того, чтобъ содержать панскіе зáмки, выдѣлывать панамъ сафьянъ, строить конскую сбрую и исправлять въ походахъ всякую техническую службу, геройствовали въ козацкомъ войскѣ. Но, можетъ быть, чувствительнѣе самого отсутствія ремесленныхъ людей и опаснѣе всякаго геройства ихъ въ козацкихъ купахъ, была та связь, которую устраивали эти сбившіеся и сбитые съ дороги люди между козаками и мѣщанами. Въ числѣ вольныхъ и невольныхъ изгнанниковъ, мечтательныхъ, какъ всѣ эмигранты, готовыхъ на политическія крайности, какъ всѣ глубоко оскорбленные люди, были и попы, вдавшіеся въ козачество „съ десперацін“, какъ свидѣтельствуетъ Захарія Копыстенскій. Но сдесперовавшихъ, какъ тогда говорилось, поповъ, не могло быть между козаками много, такъ какъ это былъ классъ вообще осѣдлый, семейный, запуганный и нравственно надорванный тяжкимъ удѣломъ своимъ. Гораздо больше

было между ними церковниковъ. Это мы видимъ изъ современныхъ письменъ, въ которыхъ на ряду съ прочими своевольными людьми, предназначавшимися для исключенія изъ козацкаго реестра упоминаются и рыбалты.

Рыбалтами назывались тогда, въ презрительномъ смыслѣ, недоучившіеся спудеи различныхъ школъ, самоучки философы и литераторы, въ родѣ приходскихъ дьяковъ, вообще люди, которые принадлежали къ церковнымъ хористамъ, составляли при церквахъ родъ нищенскаго братства, и кормились по богатымъ дворамъ, за такъ называемые божествéнные псалмы, за представленія церковныхъ мистерій, или же за списываніе разнаго рода душеспасительныхъ книжекъ, віршъ и тому подобныхъ монашескихъ издѣлій. Рыбалтъ былъ полудуховный и полусвѣтскій человѣкъ, полумонахъ и полумірянинъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, бездомный, перебивающійся изо дня въ день безъ мозольнаго ремесла, одною своею, такъ сказать, артистичностью. Въ глазахъ пановъ, ремесленники, бѣжавшіе въ козацкій гуртъ, служили козацкой гидрѣ цѣпкими лапами; рыбалты должны были представляться имъ глазами или мозгомъ этого хищнаго и ненасытнаго чудовища. Эти праздные философы видѣли подальше обыкновенныхъ козаковъ: они были, въ нѣкоторомъ родѣ, козацкою интеллигенціею. Въ кобзарской думѣ о бурѣ на Чорномъ морѣ, поповичъ Олексій „по три рáзы на день бере въ руки святé письмо да й читае, прóстыхъ кóзаківъ на все добре наставляе.“ Это—одинъ изъ рыбалтовъ, которые тѣмъ и хороши были для козаковъ, что не исчерпали еще всю тогдашнюю риторику и философію. Они могли еще вліять на простые козацкіе умы. Доучившіеся философы и богословы, большею частью, теряли ту способность, ради которой собственно учились. Народъ, не понимая ихъ премудрости, прокладывалъ самъ себѣ дорогу въ область безконечнаго, философствовалъ своеобразными параболами, легендами, пѣснями и т. п. Народъ, какъ собирательная личность, въ извѣстномъ

смыслѣ, часто превышалъ присяжныхъ блюстителей души своей. И что же? Неужели наставленія такихъ людей, этихъ козакующихъ рыбалтовъ ограничивались только пятою заповѣдью, которую пѣвецъ приключеній Олексія поповича избралъ темою для своего простодушнаго эпоса? Нравственные интересы Олексіевъ поповичей среди Запорожскаго Войска, безъ сомнѣнія, были посложнѣе тѣхъ, которые связывали тогдашнюю поповскую или мѣщанскую семью, расторгаемую козачествомъ: дѣло шло о связи народа съ церковью, въ которую паны да іезуиты вколачивали клинъ за клиномъ; шло дѣло о связи матеріяльной силы съ нравственною и, наконецъ, о связи русскаго міра воедино. Рыбалты всему этому содѣйствовали. Малые земли, ничтожные скитальцы, едва поднявшіеся надъ уровнемъ примитивнаго невѣжества, содѣйствовали явленію великому. Въ исторіи человѣчества такіе примѣры бывали.

Въ то время польскій король, яко творецъ унитской іерархіи, начиналъ уже терять обаяніе монархизма, который такъ охотно возводится народомъ въ идеалъ правосудія. Церковная унія и московская война сдѣлали въ умахъ благочестиваго люду большой переворотъ ко вреду Сигизмунда. То, что дошло до насъ чрезъ посредство письма Острожскаго о брестской баниціи,—по принципу единичнаго представительства массы, принадлежало ему въ такой мѣрѣ, въ какой послу принадлежитъ общественное мнѣніе цѣлой націи. „Король лишится своего титула“—слова знаменательныя и для польской короны зловѣщія. Не одна Малая, но и Великая Россія, и не только Россія, но вся Славянщина, считавшая тогда 18 племенъ,—путемъ обмѣна мнѣній и вѣстей въ походахъ, въ торговыхъ сообщеніяхъ и умственныхъ общихъ работахъ, пришла къ заключенію, что польскій король и польскій народъ не освободятъ ихъ изъ тяжкаго языческаго ярма, что этотъ король, съ латинскимъ народомъ своимъ, самъ преслѣдуетъ незавоеванный русскій народъ, и не даетъ ему молиться въ предков-

скихъ его храмахъ. [1]) Чаяніе народовъ—чувство въ народахъ постоянное. Обводя глазами политическій горизонтъ, передовые славянскіе умы, чаявшіе и жаждавшіе свободы, остановились на царствѣ, которое вставало собственными средствами изъ развалинъ, сильное одною вѣрою въ Божію правду, богатое природными дарами даже и въ своемъ разореніи. Вѣсы судьбы начали приходить уже тогда въ равновѣсіе между Россіей и Польшею. Лишась прибалтійскаго края и Сѣверщины съ Смоленскомъ, безъ выхода на море, безъ крѣпкихъ воротъ въ государство, Россія была сильна опытомъ: она знала, что ляхамъ не одолѣть ее,—знала тѣмъ лучше, что ляхи разочаровались въ мечтахъ Баторія, Сигизмунда и самого королевича Владислава: они пришли наконецъ къ убѣжденію, что не съ ихъ обществомъ и не съ ихъ порядками установить режимъ надъ полусвѣтомъ. Это обоюдное сознаніе внутренней крѣпости Московскаго царства, вызванной наружу потрясеніями всего его состава, растеклось различными путями по Славянщинѣ и облекло русскаго государя, въ ея глазахъ, величіемъ, до котораго не дожилъ ни одинъ изъ государей польскихъ. Такимъ образомъ уже въ то время общественное мнѣніе славянской семьи признавало первенство въ ней за Россіей, а не за Польшей. Но и въ русскомъ мірѣ, такъ сказать, дома

---

[1]) Одинъ изъ толерантныхъ католиковъ, добромильскій, виснинскій и мосцинскій староста Щенсный Гербуртъ, во время такъ названной московской конфедераціи въ 1613 году, изложилъ на бумагѣ свое воззрѣніе на русскій народъ (Zdanie o Narodzie Ruskim), въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Coż wżdy za pożytek ma Król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zażył z narodem Ruskim? Ten pożytek ma, że iest nas Sławianskich narodów róż; nych ośmnaście; ci wszyscy kładli swobody swej ratunek na Królach Polskich- ci wszyscy rozumieli, że naród Polski miał ich z ciężkiego Pogańskiego iarzma wyswobodzić; ci wszyscy na każdą potrzebę Króla i narodu Polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz, iako krzywdę poczęto czynić narodowi Ruskiemu, są nam głównemi nieprzyiaciołami. Teraz wolą na woinie pomrzeć sami, żony dzieci swe popalić, iako to w Smolensku uczynili, niżli miali do zgody iakiei przyiść z nami krwią swoią“. (Подлинникъ хранится въ Вильнѣ, у одного изъ Гербуртовъ. Напечатано въ „Документахъ, объясн. Исторію Югоз. Края.“)

у насъ, совершался тогда въ умахъ массы процессъ, возводившій московскаго царя на высоту Равноапостольнаго Владимира. Изъ убогихъ, забвенныхъ сильными южнорусскими людьми келлій шла многоустная проповѣдь въ народѣ о независимомъ великомъ царствѣ православномъ и о царѣ, возсѣдающемъ на престолѣ во всемогуществѣ верховной власти, какъ надъ послѣднимъ, такъ равно и надъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ: образъ очаровательный для южноруссовъ, которыхъ судьбою и даже вѣрою играли польскіе королята. Объ этомъ поэтическомъ актѣ возсоединенія народовъ посредствомъ признанія царя общимъ царемъ *всея Русіи*, — признаніи, совершившемся въ сердцахъ задолго до фактическаго соединенія, я разскажу подробно въ своемъ мѣстѣ. Теперь прошу читателя оглянуться кругомъ. Спросимъ другъ друга: можно ли было въ *томъ* положеніи вещей, какое существовало у насъ на Руси послѣ торжества поляковъ non vi, sed consilio надъ козаками, провидѣть что либо-подобное? Я отвѣчаю: можно.

Всѣ исполнившіяся чаянія народовъ, эти высказанныя, не нѣмыя требованія силы вещей, зарождались въ человѣческихъ обществахъ задолго до громкой ихъ манифестаціи. Историкъ отдаленнаго прошлаго часто въ буіихъ міра находитъ проблески плодотворной мысли, и въ самомъ какъ-бы безпричинномъ и безумномъ смятеніи толпы усматриваетъ зачатіе новаго чада жизни — великой идеи общественной. „Вскую шаташася языци, и людіе поучишася тщетнымъ“? могъ бы вопросить украинцевъ, съ ихъ ропотомъ на унію, съ ихъ буйными козацкими купами, такой спокойный и удовлетворенный своимъ просвѣщеніемъ умъ, какъ Ѳома Замойскій. „Почему не жить вамъ подъ моимъ ласковымъ и правдолюбивымъ сидѣньемъ на воеводствѣ“? могъ бы онъ говорить имъ. „Я даже подвоеводія дамъ вамъ одной съ вами вѣры, каковъ былъ любезный вамъ князь Вороницкій. Только что *мой* подвоеводій не позволитъ себѣ такихъ кривдъ, такихъ разбоевъ,

какіе терпѣлъ Вороницкому вашъ великій патронъ, ревнитель вашей вѣры, князь Василій. Я, какъ дѣлалъ мой отецъ, не стану самъ приневоливать васъ къ перемѣнѣ религіи и не позволю никому насиловать совѣсть вашу. Съ чистой душею, могу я повторить передъ вами слова, которыя онъ, великій и приснопамятный въ терпимости своей, произнесъ передъ нашими иновѣрцами, евангеликами: „Еслибъ это могло случиться, чтобы вы были „всѣ папистами, отдалъ бы я на это половину жизни моей,—от„далъ бы половину для того, чтобы, живя другую, наслаждаться „святымъ единеніемъ съ вами; но если кто будетъ притѣснять „васъ, я отдамъ всю мою жизнь за васъ, чтобы не видѣть, какъ „васъ притѣсняютъ".

Такъ, безъ сомнѣнія, и говорилъ просвѣщенный польско-русскій магнатъ, когда собиралъ вокругъ себя въ Кіевѣ разогнанное римскими волками русское стадо, на которомъ духовнымъ очамъ виднѣлись три тавра: первое положила и завѣщала сохранить во вѣки дѣвственно-чистая русская церковь; второе осторожно напятновала хитрая сводница унія; третье смѣлой рукою сдѣлала наглая прелюбодѣйка, что предпочла небесному жениху своему земного главу и обладателя. Но что̀ значили кроткія рѣчи и благіе помыслы одного или нѣсколькихъ, когда кругомъ православныхъ, въ средѣ родного края ихъ, засѣли враги русскаго имени „яко левъ готовъ на ловъ, и яко скуменъ обитаяй въ тайныхъ"? Не хотѣло успокоиться никакими словами великое собирательное сердце народа нашего, и волновалось тѣмъ мятежнѣе въ груди противниковъ церковной уніи, въ груди ненавистниковъ польскаго права.

Эти шатанія запорожцевъ, эти, по видимому, тщетныя, суетныя поученія озлобленныхъ рыбалтовъ и сдесперовавшихъ поповъ, знаменовали возрожденіе Кіевской Руси, предшествовавшее великому въ исторіи событію—возсоединенію русскаго міра. Идея торжества славянъ надъ монгольскимъ племенемъ была не

по силамъ Баторію, не по силамъ просвѣщеннымъ поляко-руссамъ, не по силамъ и вдохновителю ихъ, украшенному трехъэтажною короною; она оставалась мечтою, доколѣ пребывала въ обществѣ „премудрыхъ" и „крѣпкихъ", и весьма много „значущихъ", но воплощенная „въ худородныхъ" и „уничиженныхъ" и „ничего не значущихъ", оказалась практичною, оправдала реальность свою. Пока, однакожъ, торжество ея сдѣлалось очевиднымъ для каждаго, она проявлялась на древнемъ варяжскомъ займищѣ дикими сценами. Безсознательные носители идеи, не щадя себя, никого не щадили. Во времена Косинскаго, они своимъ козацкимъ обычаемъ чинили грубый судъ и расправу, между такими людьми, какъ Михайло и Василій Гулевичи. Во времена Наливайка и Лободы, они, вмѣстѣ съ козацкимъ товарищемъ, княземъ Вороницкимъ, промышляли разбойницки надъ имуществами Семашка и Терлецкаго; они защитникамъ этихъ имуществъ, простодушно вѣрнымъ панскимъ недóбиткамъ, рѣзали уши. Архивы судебныхъ мѣстъ, уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ, полны варварскими расправами и грабежами козацкими. Не очень много обращали они вниманія на различіе или единство вѣры: они, раздражась мелочными сдѣлками, не дали спуску даже монашескому хозяйству Кіево-Никольскаго монастыря. Но все-таки охотнѣе прислуживались козацкимъ ремесломъ своимъ защитникамъ церковныхъ имуществъ противъ ихъ похитителей, нежели какому-нибудь пану Стадницкому противъ такого же какъ онъ недоляшка, пана Опалинскаго; и къ такимъ-то услугамъ надобно отнести утопленіе въ проруби несчастнаго Грековича. Глядя со стороны фактической, слѣдуетъ видѣть во всѣхъ указанныхъ явленіяхъ козачества обыкновенный разбойничій смыслъ, оправдываемый частью дурнымъ устройствомъ гражданскаго общества польскаго; но, судя по развитію общественной идеи украинской, это былъ откликъ людей сбытыхъ и сбившихся съ дороги на жалобы людей, державшихся столбового пути. При безсиліи закона и его исполнителей, при злоупотребле-

ніяхъ администраціи, поддерживаемыхъ королевскою канцеляріею, козаки, въ качествѣ родичей, знакомцевъ и единовѣрцевъ, были единственною силою, съ помощью которой кіевскіе и другіе братчики удерживали за собою древнія святыни, не позволяли ихъ запечатывать, отпугивали жадность унитовъ къ захвату церковныхъ имуществъ и даже удерживали многихъ земляковъ отъ измѣны православію. Вотъ настоящее прикосновеніе козаковъ къ дѣламъ православной церкви, если мы будемъ разумѣть козацкую массу, состоявшую большею частью изъ такихъ гольтяпакъ, какихъ увидѣлъ въ Хвастовѣ московскій попъ Лукьяновъ.

Но козаки, какъ многочисленная корпорація, по инстинкту самосохраненія, нуждались, для нѣкоторыхъ мудреныхъ дѣлъ, въ людяхъ высшаго разряда, въ людяхъ статечныхъ, интеллигентныхъ и, если было возможно, даже знатныхъ. Таковы были гетманы и старшины ихъ со временъ князя Рожинскаго; таковъ былъ и самъ Петрó Сагайдачный. Какъ ни сильно преобладала въ козацкихъ дѣлахъ воля большинства, но само большинство, въ свою очередь, подчинялось иногда вліянію такихъ личностей, какія дѣйствовали вмѣстѣ съ Сагайдачнымъ по части козацкой дипломатіи. Для нашего разумѣнія, въ грубой козацкой массѣ замѣтна работа людей талантливыхъ и образованныхъ. Самая артиллерія козацкая, названная въ польскомъ дневникѣ grzeczną, въ смыслѣ отличнаго устройства, еще во время московской самозванщины,—доказываетъ, что Войско Запорожское не было пристанищемъ однихъ буяновъ, невѣждъ и горькихъ пьяницъ. Оно смыслило многое и за предѣлами козакованья, какъ это видно изъ его отношеній къ императору Рудольфу, къ господарямъ дунайскихъ княжествъ и къ самому князю Острожскому. Оно вело торговлю съ украинскими городами издавна; оно состояло преимущественно изъ городскихъ ремесленниковъ. Высшіе интересы мѣщанъ и церковныхъ братствъ не могли оставаться чуждыми и непонятными тѣмъ людямъ изъ числа козаковъ, кото-

рые такъ или иначе видали Краковъ, Пресбургъ, Вѣну, Москву и Царьградъ. Дикіе козаки древней Греціи, изъ которыхъ предпріимчивый гетманъ, Филиппъ Македонскій, образовалъ фаланги, иначе понимали многое по смерти великаго Александра, чѣмъ въ то время, когда ходили съ Филиппомъ подъ великолѣпныя Аѳины, въ первомъ пылу своей хищности. Такая, или еще бóльшая, разница была между людьми, тонувшими въ снѣгу подъ мѣстечкомъ Пяткомъ, и тѣми полковниками, сотниками, осаулами козацкими, которыхъ, черезъ 23 года, многоученый Ѳома Замойскій угощалъ humanissime въ свѣтлицахъ кіевской ратуши.

Истекло уже 30 лѣтъ съ появленія въ печати книги книгъ на славянскомъ языкѣ, и 22 года—со времени изданія великой прокламаціи православія—„Апокрисиса". Не только множество сочиненій вызвано было на сцену этими двумя явленіями, какъ ихъ естественное слѣдствіе, какъ возрастаніе посѣва, брошеннаго въ согрѣтую дыханіемъ Цереры землю, или созрѣваніе божественнаго слова въ простыхъ умахъ, способныхъ воспринять истину только подъ видомъ притчей,—нѣтъ! эти два незабвенныя дѣла общественной энергіи, сказавшейся намъ въ единицахъ, вызвали также изъ небытія къ бытію и множество типографій. А мы знаемъ, что каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миніатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ, наукъ wyzwolonych, какъ ихъ прекрасно назвали поляки. Сколько было на Руси друкарень, столько было и очаговъ, у которыхъ отогрѣвался русскій умъ, на которыхъ готовилась умственная пища для голодающаго русскаго міра. Знали тогдашніе полуневѣжды, чтò они дѣлаютъ, когда не только постоянныя, но и кочующія типографіи находили у нихъ средства къ своему существованію. Радѣтели печатнаго искусства, кто бы они ни были, „ихже имена ты, Господи, вѣси", кормили русскій міръ пищею, которой такъ долго не доставало ему. „Ядятъ убози

и насытятся, и восхвалятъ Господа: душа ихъ жива будетъ во вѣкъ": такъ, безъ сомнѣнія философствовали эти нѣмые для насъ прозиратели въ будущее, столь краснорѣчиво говорящіе намъ о себѣ множествомъ трудныхъ и опасныхъ работъ своихъ. Они не дали умереть душѣ народа нашего, распуститься въ польщизнѣ, какъ распускается золото въ гальванопластическомъ аппаратѣ, не дали ему потерять для исторіи слѣдъ свой, уйти на одну позолоту польской гордости, осіять богатыми дарами природы своей чуждый народъ, иновѣрное общество. Это уже сдѣлала богатая часть южно-русскаго міра для Польши: она, распустясь въ разъѣдающемъ, латинопольскомъ элементѣ, позолотила собою знамена Казимира III, Ягайла, трехъ Сигизмундовъ и забравшагося между нихъ великаго по замысламъ Баторія; позолотила фоліанты книгъ, которыхъ не видать бы у себя Польшѣ безъ абсорбированія русскаго элемента; позолотила даже ту житейскую мудрость, которая проявлялась въ польскихъ посольствахъ. [1]) Такія писанія, какъ „Апокрисисъ", какъ посланія Іоанна Вишенскаго, которыя теперь не каждый способенъ понимать и цѣнить по достоинству, остановили остальной, убогій южно-русскій міръ отъ подобнаго же химическаго разложенія, для позолоты тщеславной Польши, и сохранили самобытность его для болѣе достойныхъ цѣлей. Монашествующіе интеллигентные люди, представители убогихъ панскихъ и тѣснимыхъ поповскихъ и мѣщанскихъ домовъ, не по собственному замышленію вписывались въ братство, лобызая его и выражая готовность пролить за него кровь свою. Они, своими словами и дѣлами, составляли аккордъ съ тѣми рѣчами, которыя возгремѣли въ ихъ

[1]) Замѣчательно, что послами служили полякамъ почти всегда люди русскіе. Потому-то Папроцкій, котораго такъ игнорируютъ польскіе историки, сказавъ о мужествѣ русскихъ воиновъ, отдаетъ предпочтеніе русскимъ и въ посольскихъ дѣлахъ. Русскій человѣкъ, по его словамъ, справится лучше въ посольствѣ, нежели полякъ въ состояніи приказать ему. (См. т. I. стр. 108, и въ примѣчаніяхъ ко II-му тому оду „Do Polakow").

слухѣ съ аѳонскаго Синая. Они выполняли програму, изложенную въ кодексѣ православія — „Апокрисисѣ“.

Печерскій монастырь былъ крѣпостью въ двоякомъ смыслѣ: онъ могъ отстоять себя противъ нападенія силы матеріяльной и, болѣе нежели какой-либо другой монастырь или церковное братство, обладалъ средствами нравственными. На немъ прежде всего споткнулась факція, задумавшая, путемъ уніи, претворить нашу Русь въ Польшу. Лишь только владимирскій владыка Ипатій Потій сдѣланъ былъ унитскимъ митрополитомъ по смерти Рогозы, ему дана была королевская грамота на вступленіе во владѣніе Печерскимъ монастыремъ. Но въ тѣ времена всякое пожалованіе, независимо отъ грамоты, должно было сопровождаться вооруженною силою, достаточною для того, чтобы написанное на бумагѣ сдѣлалось фактомъ. Мы уже знаемъ, какъ паны отмежевывали себѣ саблею пожалованную отъ короля и Рѣчи-Посполитой землю, [1]) какъ даже убогій пахарь, прежде чѣмъ пахать занятый ланъ, втыкалъ на межѣ саблю. [2]) Въ 1580 году князь Василій, для того, чтобы ввести новаго архимандрита въ испрошенный для него Жидичинскій монастырь, явился туда на челѣ своего войска и поставилъ гарнизонъ въ монастырѣ и его имѣніяхъ. [3]) Безъ этого насильственнаго акта, старый обладатель монастыря продолжалъ бы въ немъ господствовать, и завѣщалъ бы его своимъ наслѣдникамъ, какъ это случалось не разъ подъ безпорядочнымъ господствомъ польскаго rządu. Подобный актъ предстоялъ и Потію для овладѣнія Кіево-Печерскою Лаврою; но собрать силу, достаточную для овладѣнія этимъ ковчегомъ православія, затруднился бы и самъ король, какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Тогдашній архимандритъ Печерскаго монастыря, Никифоръ Туръ, объявилъ на отрѣзъ, что не уступитъ русской свя-

---

[1]) См. т. I, стр. 144.

[2]) См. тамъ же, стр. 145.

[3]) *См. тамъ же*, стр. 246.

тыни никакимъ иновѣрцамъ. Дѣло кончилось овладѣніемъ только тѣми монастырскими имуществами, которыя захватилъ законнымъ способомъ первый отступникъ-митрополитъ, Михаилъ Рогоза. Въ актѣ прямого и рѣшительнаго отказа со стороны Никифора Тура слышно участіе того сильнаго духомъ инока, который объявилъ *всѣхъ* пановъ еретиками, который игнорировалъ вооруженную русскую силу—козаковъ, и взывалъ только къ силѣ русскаго духа. Два лагеря духовныхъ людей, православный и католическій вступили тогда въ борьбу на жизнь или на смерть посреди пассивнаго дворянства, невѣжественнаго сельскаго духовенства, зависимой отъ пановъ массы поселянъ, среди сохранившихъ нѣчто въ родѣ автономіи городовъ и безпорядочной козацкой вольницы. Изъ приведеннаго въ хаотическое состояніе южнорусскаго міра надобно было сдѣлать народъ: задача трудная! Одни мѣщане приближались къ идеалу православнаго гражданскаго общества, но ихъ, сравнительно съ массою осѣдланныхъ и взнузданныхъ панами, было мало; а козаки, хоть и были силою, но вовсе не тою, которую употребляютъ при созиданіи. Дворянъ рѣшительно забирала въ свои руки католическая партія. Оставалось разсчитывать развѣ на ихъ скупыя даянія и получать эти даянія путемъ древнихъ печерскихъ иноковъ, которые склоняли иногда задорнаго варяга обезпечить спасеніе разбойницкой души своей записью на монастырь разоренной деревушки, бортныхъ ухожаевъ, городского дворища. Оставалось дѣйствовать обычаемъ работниковъ „нѣмой проповѣди“, которые упросились, съ своими просвѣтительными помыслами, сперва въ Заблудово къ Тишкевичу, а потомъ въ Острогъ къ князю Василію, или обычаемъ того неизвѣстнаго намъ дѣятеля, который расположилъ пана Загоровскаго [1]) къ составленію благочестиваго завѣщанія въ пользу церкви и школы, остававшихся

---

[1]) См. т. I. стр. 197.

при его жизни безъ проповѣдника и безъ учителя. Оставалось инокамъ нищить и прослыть канюками, чтобы изъ великой добычи меча и лукавства отдѣлена была частица въ пользу нравственной и духовной жизни русскаго народа.

Въ то время процвѣталъ среди монашествующей братіи способный къ такому нищанью и канюченью Исаія Купинскій, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ. Происходя изъ древняго дворянскаго рода, онъ имѣлъ много пріятельскихъ связей съ панскими домами, и не одного человѣка, въ родѣ князя Василія, подвинулъ, своими внушеніями, на доброе дѣло. Такъ, намъ извѣстно, что онъ выпросилъ у князей Вишневецкихъ значительныя займища подъ Густынскій и Ладинскій монастыри, которые мало-помалу создалъ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ посредствомъ своихъ напоминаній панамъ о мимотечности всего земного, о неминуемой расплатѣ за все, въ чомъ слабѣйшій братъ нашъ когда-либо нами обиженъ, о томъ, что только милостивые помилованы будутъ, и о великой радости видѣть лицемъ къ лицу божество, незримое очами грѣшными. Замѣчателенъ фактъ, что всѣ великіе жертвователи (за неимѣніемъ бóльшихъ) на просвѣщеніе православнаго народа, чрезъ посредство типографій, школъ или монастырей,—приносили жертвы свои наканунѣ перехода своихъ домовъ на сторону враговъ православія. Когда созидался отъ ихъ имени славяно-русскій храмъ, въ немъ собирались люди, чужіе создателямъ и благодѣтелямъ его, а дѣти первыхъ ктиторовъ молились уже подъ католическій органъ и шептали латинскія слова, выкованныя гдѣ-то далеко отъ русской земли, подобно безконечной цѣпи, накидываемой на всю вселенную. Такъ отошли прочь отъ напечатанныхъ въ ихъ имя книгъ, отъ построенныхъ на святую память объ нихъ церквей и заложенныхъ на прославленіе ихъ великодушія училищъ —наслѣдники Григорія Ходкевича, Василія Острожскаго и современныхъ имъ пановъ Загоровскихъ, Вишневецкихъ, Прóскуръ, Корецкихъ, Чорторыйскихъ; от-

вернулись они въ сторону и пошли въ жизнь путемъ, противоположнымъ предковскому. Мысль грустная, но она подтверждается еще однимъ примѣромъ. Тотъ же Исаія Купинскій, который создалъ руками Вишневецкихъ и другихъ пановъ два монастыря, въ 1615 году получилъ изъ рукъ жены мозырскаго маршала Степана Лозки, Анны Степановны, урожденной Гулевичевой „наслѣдственныя (гулевичевскія) имѣнія, пользующіяся дворянскими правами и вольностями, подъ монастырь ставропигіи патріаршеской, подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и, сверхъ того, подъ гостинницу для духовныхъ странниковъ вѣры восточной каѳолической церкви". Дальнѣйшія слова этого драгоцѣннаго въ исторіи нашего просвѣщенія дарственнаго акта: „я съ давнихъ временъ умыслила сдѣлать добро для церкви Божіей", въ переводѣ на житейскій языкъ, означаютъ, что она умыслила только тогда, когда была убѣждена къ тому религіознымъ краснорѣчіемъ инока, которому, по порядку дѣлъ человѣческихъ, принадлежала и самая фраза: она исключаетъ подозрѣніе родныхъ въ наушничаньѣ и выставляетъ Анну Гулевичеву самодѣятельною въ своемъ поступкѣ; а самодѣятельности нельзя предположить даже и въ мудрой княгинѣ Ольгѣ: и та, безъ всякаго сомнѣнія, была уловлена въ царство истины безыменными для насъ „ловцами человѣковъ". При какихъ обстоятельствахъ совершилось благотворное пожертвованіе, видно изъ того же акта, дышащаго тогдашнимъ тревожнымъ и безправнымъ временемъ. „А чтобы та фундація", написалъ Купинскій отъ имени Гулевичевны, „возымѣла свое дѣйсвіе (могла вѣдь и не возымѣть), то я тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрнаго священно-инока отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу, ввела и ввожу, отдавая имъ то въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе". Такимъ образомъ крѣпость была снабжена гарнизономъ, и кто бы сталъ отрицать права Купинскаго съ его братіею, тому предстояло два про-

цесса: одинъ юридическій, а другой кулачный. Повторилась исторія съ Жидичинскимъ монастыремъ для введенія въ дѣйствительное владѣніе и распоряженіе сдѣланнымъ пожертвованіемъ.

Зная уже, что дочь православной жертвовательницы, Софія, вошла въ католическое семейство; зная власть или верховодство тогдашнихъ мужчинъ надъ „бѣлыми головами“, мы не совсѣмъ безъ основанія можемъ предположить повтореніе надъ Анною Гулевичевною той сцены, которую совершилъ въ Острожскомъ зáмкѣ князь Василій надъ вдовою своего брата. Хмельнищина, своими пожарами, сдѣлала нашу старину темнѣе обыкновеннаго. Поэтому семейная исторія пановъ Аксаковъ и Лозокъ, въ дарственномъ актѣ, представляетъ полный ладъ, и самъ Sędzia Jan Aksak скрѣпилъ его. Но этотъ pan Sędzia умѣлъ казуистически присвоить себѣ часть имѣній князей Половцевъ, а его сынъ и внуки, уже въ началѣ Хмельнищины, устроили въ домашнемъ кругу сцену разбоя и грабежа на широкую ногу, съ полнѣйшимъ родственнымъ скандаломъ (о чомъ будемъ имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ). Натура Аксаковъ, какъ мы видимъ, была, чтò называется, gwałtowną. Чтò касается до натуры Гулевичей, то они заявили такую же гвалтовность во времена Косинскаго. Все говоритъ намъ, что, при тогдашнемъ раздѣленіи руси на ся въ пользу модной и господствующей польщизны, новому поколѣнію давался ходъ, противоположный отеческимъ преданіямъ; что совѣсть матери возмутилась за дочь, встревожилась за будущность, какъ ея, такъ и своей собственной души, и что, имѣя, по Литовскому Статуту, право располагать своимъ вѣномъ какъ угодно, она охотно вняла милосердому къ бѣдствующимъ единовѣрцамъ иноку. Мѣшать ей въ этомъ не стóило, хотя дарственный актъ отзывается страхомъ вмѣшательства. Такой человѣкъ, какъ Sędzia Kijowski, долженъ былъ провидѣть въ недалекомъ будущемъ переходъ законнымъ путемъ всѣхъ схизматическихъ церквей и ихъ имѣній въ лоно Kościoła Rzymskiego. Унія лиши-

ла уже схизматическое общество церковной іерархіи. Долго ли устоитъ оно на своей вѣрѣ при однихъ кіевскихъ архимандритахъ? Конечно, панъ Аксакъ, равно какъ и всѣ гвалтовныя натуры, не въ состояніи былъ проникнуть ни въ милосердую душу Іова, при имени котораго вспоминаются слова: „Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя", ни въ замкнутую душу Конашевача-Сагайдачнаго, о которомъ ни единымъ словомъ не помянуто у Журковскаго, точно какъ-будто и не было его межъ тѣми знатными козаками, которыхъ новый воевода угощалъ humanissime. Не слыхать было въ то время ни про того, ни про другого. Это показываетъ, что оба подгорца думали свою крѣпкую думу безъ шуму. Приближалось великое время. Оно предвидѣлось, то есть должно было предвидѣться, такими людьми. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ враждебными апрошами русская церковь была на канунѣ своего возрожденія.

ГЛАВА XIX.

Польско-русское общество терроризуетъ лучшаго своего представителя.— Отстраненіе Запорожскаго Войска отъ участія въ войнѣ за Волощину. — Гибель панскаго войска на Цоцорѣ и значеніе этого событія въ судьбѣ Украины. — Общій взглядъ на польско-русскую жизнь, положеніе страны и народа. — Личность лучшаго козака и ея отношенія къ лучшему изъ людей духовныхъ.

Надъ польско-русскимъ центавромъ продолжали грознѣе и грознѣе собираться тучи, и всё съ той, съ задунайской стороны. Точно незримая рука на пиру Валтасара, таинственная сила, неосязаемая для классически воспитаннаго польскаго ума, давала Польшѣ знать о ея крайне опасномъ положеніи. Но ни одной Трои не было безъ своей Кассандры. Былъ и среди поляковъ человѣкъ, который видѣлъ, къ чему клонится дѣло. Происходя отъ русскихъ предковъ, онъ ярко позолотилъ польскую славу; но польское отечество не понимало его, не цѣнило, преслѣдовало его завистливыми языками и привело наконецъ къ трагической кончинѣ. Хотя онъ говорилъ на сеймѣ, что злые толки о людяхъ fidei probatae [1]) явленіе обыкновенное, что это — communis sors omnium, [2]) но тѣмъ не менѣе они глубоко оскорбляли эту честную, энергическую душу. Они имѣли вліяніе и на послѣднюю судьбу его.

Въ договорѣ, который заключилъ Жовковскій 23 сентября 1617 года съ Искандеръ-башею, упомянуто было только слегка

о Волошской и Молдавской землях, что никто не будетъ вторгаться въ нихъ съ польской стороны, а волошскій господарь, поступая на основаніи давнихъ обычаевъ, долженъ стараться, чтобы не былъ нарушенъ миръ между польскимъ королемъ и турецкимъ императоромъ. Эти слова мирнаго трактата истолкованы такъ, что Рѣчь-Посполитая отказалась отъ своихъ ленныхъ правъ на Валахію и Молдавію, которыя пріобрѣтены и упрочены за нею столькими жертвами, и въ этомъ всего обиднѣе упрекали гетмана. Между тѣмъ, въ 1620 году, Каспаръ Граціанъ, волошскій господарь, добровольно сдѣлалъ предложеніе — отдаться со всѣмъ краемъ въ исключительную опеку польскаго короля и сословій Рѣчи-Посполитой, если помогутъ ему освободиться изъ-подъ турецкаго владычества. Збаражскіе, Сінявскіе и другіе паны, завидовавшіе славѣ Жовковскаго, распространили въ обществѣ слухъ, что старый гетманъ трусить войны, что старческая нерѣшительность была причиною потери Волощины, что представляется теперь единственный счастливый случай возвратить ее, который никогда уже не повторится. Цѣлый 1619 годъ работали языки въ ущербъ высокой репутаціи Жовковскаго; но въ этомъ году не возможно было ничего предпринять за Днѣстромъ: онъ ушолъ на взаимныя интриги между Граціаномъ и турками, о чомъ конфиденты давали знать бдительному, хоть и надорванному, коронному гетману, на переписку между Жовковскимъ и Скиндеръ-башею, котораго онъ всячески удерживалъ отъ непріязненныхъ дѣйствій, на собиранье военныхъ силъ и на старанія объ усмиреніи украинскихъ козаковъ. Въ 1620 году отпаденіе Граціана сдѣлалось очевиднымъ для турокъ; польскій посолъ въ Цареградѣ, Отвиновскій, былъ высланъ; турки готовились примкнуть Волощину къ Оттоманской имперіи нераздѣльно и отомстить полякамъ за ихъ двуличную политику. Сигизмундъ III перестал обращать вниманіе на представленія своего короннаго гетмана, внушаемыя опытною осторожностью, и повелѣлъ ему немедленно вторгнуться въ

*

Волощину. Для потомка храбрыхъ русичей королевское повелѣніе было то самое, что для боевого коня — шпоры. Въ началѣ сентября Жовковскій былъ уже за Днѣстромъ. Но съ какимъ предчувствіемъ оглядывался онъ очами души своей на родную землю, оставленную за шеломянемъ, видно изъ прощальнаго письма его къ Сигизмунду. Онъ столько лѣтъ носилъ на своихъ плечахъ этого мертвеца — панско-ксендзовскую Польшу, съ бездушнымъ ея королемъ-іезуитомъ, и всё попусту.

„Война съ турками — не игрушка“, писалъ онъ: „или надобно разрушить замыселъ турокъ, которые хотятъ господствовать надъ Рѣчью-Посполитою и всѣмъ свѣтомъ, или ты, государь, потеряешь королевство. Погибнетъ, отъ чего сохрани Боже, Рѣчь-Посполитая! Тутъ надобно, ut intendas vires animi ingeniique! [1]) Откровенно скажу: если Рѣчь-Посполитая, любезное отечество мое, будетъ воевать defensivo bello [2]) въ землѣ своей, — actum est, [3]) мы погибли! Но если будемъ нападать на непріятеля въ его землѣ — non est desperandum de victoria“. [4])

Но какія же силы души и ума могли оказаться у Сигизмунда, когда онъ всю свою жизнь дѣйствовалъ по указкѣ бездушныхъ и безумныхъ? Только вѣра, что сердце царево въ руцѣ Божіей, могла озарять надеждою мрачное настроеніе духа Жовковскаго. Онъ писалъ о себѣ:

„Я изложилъ въ другихъ письмахъ причины, по которымъ я, отстранивъ tutiora, fortiora consilia, [5]) рѣшился исполнить требованія этой упорной и безпорядочной республики. Мнѣ не осталось выбора. Принудили меня къ этому также обвиненія и незаслуженныя ругательства, которыя тяжело сносить даже и вели-

---

[1]) Напречь тебѣ силы души и ума.

[2]) Оборонительною войною.

[3]) Кончено!

[4]) Еще нечего отчаяваться въ побѣдѣ.

[5]) Болѣе безопасные, болѣе убѣдительные совѣты.

кимъ умамъ. Откажи я хоть и теперь волохамъ въ помощи, — какой предметъ для обвиненій! Такъ и быть: или мы одолѣемъ непріятеля, что дай намъ, Господи Боже, или, чего, Господи Боже, не дай, онъ насъ одолѣетъ. Если паду, отъ чего сохрани меня, Господи Боже, пусть будетъ; только я не хотѣлъ бы сдѣлаться несчастьемъ Рѣчи-Посполитой. Давно я искалъ смерти, но не по собственной волѣ положу животъ мой: положу его ради св. вѣры, ради службы вашей королевской милости и Рѣчи-Посполитой. Не хочу быть послѣднимъ, хотя отъ нея, за столько трудовъ, лишеній и отваги, получалъ въ награду только хулы и оскорбленія. Не могу дѣйствовать иначе, какъ только въ видахъ пользы моему отечеству. Награда за это будетъ мнѣ только на небѣ. Если же, какъ я уповаю, Господь Богъ благословитъ насъ, пускай тогда прикусятъ языки завистливые подлипалы. Не говоря о другихъ причинахъ, я рѣшился дѣйствовать такъ и потому еще, что таково общее желаніе войска".

Итакъ опять уносчивость мечтательно-воинственной шляхты! Войско опять возмечтяло о великихъ подвигахъ съ ничтожными мятеріяльными и нравственными средствами. Не пошла полякамъ въ прокъ наука, преподаная имъ въ Московщинѣ. Герои классической древности мерещились имъ за Днѣстромъ. При недостаткѣ реальности въ нравахъ, обычаяхъ и воспитаніи, они устремляли взоръ только на блестящее. Привыкнувъ съ дѣтства къ громкимъ фразамъ классическихъ риторовъ, они принимали за высокое только то, о чомъ трубила стоустая молва. Не знали они, что для высокихъ подвиговъ слишкомъ достаточно собственнаго родного круга, ближайшей околицы, незначительной должности, и что тѣ только государства способны дѣлаться великими, въ которыхъ велики люди малые. Гораздо ближе къ этому идеалу стояли козаки; но ихъ положеніе было изолированное: никому не служили они примѣромъ, и сами ни въ какихъ примѣрахъ не нуждались. Козаковъ было въ войскѣ

Жовковскаго немного, и то — вольнопрактикующихъ. Запорожскаго Войска въ походъ не приглашали, чтобъ не нарушить недавняго ограниченія числа его. Львовская лѣтопись, исполненная особеннаго сочувствія къ Украинѣ, приписываетъ неудачу похода Жовковскаго тому, что онъ „безъ козаковъ войну точилъ". До лѣтописца дошли слухи, будтобы онъ говорилъ: „Не хочу зъ Грицями [1]) воевати! Нехай пасуть свинi та орють землю."

Гдѣ же были въ это время козаки, то есть эти 20.000 вооруженнаго народа, которые помогли королевичу выпутаться изъ Московской траги-комедіи? Обыкновенно воображаютъ, что Кіевъ или другіе города и села были заняты ими, какъ расквартированными солдатами, а козацкій гетманъ изъ своей резиденціи дѣлалъ войсковыя распоряженія, а пожалуй даже смотры. Были такіе историки, которые придавали гетману даже правительственную власть надъ Украиной и воображали его какимъ-то полу-государемъ. На дѣлѣ вещи стояли гораздо проще.

Ближайшее подобіе козачества представляютъ въ наше время чумаки. Стóитъ вообразить себѣ чумаковъ, появившихся на ярмаркѣ, загорѣлыхъ больше каждаго пахаря, запыленныхъ, запачканныхъ въ деготь, лохмотныхъ. Это козаки вернулись изъ походу. Недѣли черезъ двѣ вы смотрите — чумаковъ нигдѣ нѣтъ; смуглыя лица подбриты, бѣлыя сорочки и „людская" одежда даютъ имъ совсѣмъ иной видъ. Чумакъ идетъ въ церковь рядомъ съ прочими, „пола объ полу черкается"; повстрѣчавшись, онъ „про здоровье пытается". [2]) Чумака видите вы среди дѣтей на осеннемъ солнышкѣ подъ хатою; чумакъ *окукóблюе* и *захищáе двíръ проти зiмы*, или пашетъ поле на зябь. Онъ уже больше не чумакъ, и никто во всю зиму на него, какъ на чумака, не смотритъ. Но придетъ весна, кликнутъ товарищи знакомый кличъ по селу — и валку чумаковъ провожаютъ за село жены, дѣти, родные. Это

[1]) Грицъ въ этомъ случаѣ имѣетъ то же значеніе, что Хамъ, мужикъ.

[2]) Изъ кобзарской думы.

козаки выступаютъ въ походъ. Козаки, этотъ коэффиціентъ народа своего, растекались въ народѣ почти безслѣдно, по совершеніи похода или войсковой рады. Но лишь только запылаетъ бывало маякъ на степной могилѣ, или придутъ вѣсти въ село отъ полевой сторожи, — уже отъ хаты до хаты, отъ корчмы до корчмы забѣгали чубатыя фигуры, и вдругъ среди сельскаго майдáну заиграетъ войско, представляя татарскій танецъ или гоняя коней „на взáводы". Козаки готовятся *перестріти орду*. Если предпринималось что-нибудь важное, напримѣръ, походъ въ Волощину, подъ Тягинь или Килію, тогда войсковые осаулы летали на коняхъ по улицамъ и вызывали козаковъ громкимъ кликомъ въ походъ. Они обращались одинаково и къ богатымъ „домонтарямъ", у которыхъ есть собственные „волы чабаные", собственные „кони вороные" и къ убогимъ гольтяпáкамъ, которые „по вы́нницямъ горілки́ курили, по бровáрнямъ пивá варили, по лáзнямъ печи топили, казаны шаровали, сажу плечи́ма вытирали". Козацкій рой, состоящій изъ людей „одягны́хъ" и изъ людей „голыхъ какъ бубенъ, страшныхъ зѣло", по выраженію попа Лукьянова,— вылеталъ „на прійгру". У кого не было „шаблі булатноі, пищалі семипя́дноі", тотъ бралъ на плечо „кия́ку", и товарищи имъ не „гордовали". „Кому Богъ поможе"! подъ этимъ девизомъ выступали въ походъ богатые и убогіе, конные и пѣшіе, оружные и „дейнековатые." Вотъ общій очеркъ того войска, которое кобзари, не хуже Гомера, идеализировали въ думахъ своихъ, уподобляя козаковъ сизымъ орламъ, ихъ одежду — цвѣтущему маку, ихъ оружіе — сіяющему золоту, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ степномъ пейзажѣ:

Ой въ полі могила, широка долина,
Сизый орелъ пролітае:
Славне Військо, славне Запорозьке,
У походъ выступае.

Ой въ полі могила, широка долина,
Сизый орелъ пролітае:
Славне Військо, славне Запорозьке,
А як макъ процвітае.

Та въ полі могила, широка долина,
Сизый орелъ пролітае:
Славне Військо, славне Запорозьке,
А якъ золото сяе,...

Жовковскій на сей разъ не нуждался въ Грицяхъ: походъ за Днѣстръ, въ 1620 году, былъ очень популяренъ между шляхтою. Оставляя козаковъ въ ихъ низменномъ положеніи, подъ названіемъ подданныхъ старостинскихъ и панскихъ, пренебрегая козаками, какъ людьми, созданными шаровать казаны да вытирать плечами сажу по винокурнямъ да по броварнямъ, онъ выступилъ въ походъ на челѣ лучшаго войска, какое когда-либо собиралось подъ королевскимъ знаменемъ. Тысяча-двѣсти лисовчиковъ открывали походъ, подъ предводительствомъ знаменитаго опустошителя Московщины, Валентія Рогальскаго. За нимъ шло полторы тысячи коней крылатыхъ гусаръ и двѣ сотни тяжело вооруженныхъ рейтаръ, подъ начальствомъ Германа Денгофа, молодого полковника, извѣстнаго своимъ необыкновеннымъ мужествомъ. Далѣе слѣдовалъ Стефанъ Хмелецкій, horrendum Tartaris nomen (имя, страшное татарамъ), по выраженію историка Кобѣржицкаго, съ восьмью сотнями конныхъ украинцевъ, то есть мелкопомѣстной и безземельной пограничной шляхты. Янъ Тышкевичъ велъ четыре сотни воиновъ. Конницы содержимой гетманомъ въ Барѣ, въ видѣ гвардіи, было три сотни, да наемныхъ козаковъ, не имѣвшихъ никакихъ гражданскихъ правъ, шестнадцать сотень. Всей пѣхоты, считая въ томъ числѣ кварцяную и нѣмецкую, было двѣ тысячи. Въ заключеніе, шолъ съ четырьмя сотнями соб-

ственной конницы каменецкій староста, Александръ Калиновскій. Подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана, всѣмъ этимъ войскомъ командовалъ исполненный свѣжихъ силъ и великихъ надеждъ зять его, полевой гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Всего набралось войска 8.400 человѣкъ. Сравнительно съ тѣми силами, какія могли двинуть противъ нихъ турки, это было войско слабое, но велика была репутація полководцевъ его: оно привыкло давать отпоръ многочисленному непріятелю, и вожди его были еще серьознѣе своихъ панегиристовъ увѣрены, что каждому изъ нихъ принадлежитъ horrendum Tartaris nomen. Кромѣ названныхъ предводителей, участвовали въ походѣ Самуилъ князь Корецкій, только что бѣжавшій изъ турецкаго плѣна; опытный воинъ, галицкій староста Михаилъ Струсь; племянникъ Жовковскаго по сестрѣ, винницкій староста Александръ Болобанъ; аристократы чистой породы Мартинъ и Валентій Казановскіе; считавшій себя не ниже каждаго члена республики Янъ Одривольскій; брацлавскій воевода Потоцкій; сынъ короннаго гетмана, грубешовскій староста Янъ Жовковскій; племянникъ его по брату, Лукашъ Жовковскій, и еще нѣсколько опытныхъ въ военномъ дѣлѣ полковниковъ и ротмистровъ. Арматою завѣдывалъ Богумилъ Шенбергъ, о которомъ нечего больше сказать, кромѣ того, что онъ, въ качествѣ нѣмца, готовъ былъ стоять и тогда, когда всѣ поляки отъ него разбѣгутся. Сверхъ боевого войска, шло еще множество обозной челяди, которая предназначалась для земляныхъ работъ, для фуражировки и для услугъ благороднымъ рыцарямъ. Краснорѣчивый историкъ Кобѣржицкій, перечисляя старательно всѣхъ вождей въ своемъ латинскомъ quarto, заставляетъ читателя думать, что это будетъ по малой мѣрѣ повтореніе громкаго въ античномъ мірѣ похода Кира Младшаго. Между тѣмъ, въ блестящемъ панскомъ ополченіи, подъ леопардовыми шкурами, гордо накинутыми на богатыя латы, билось не одно заячье сердце. Въ этомъ войскѣ, вмѣстѣ съ героями, достойными классиче-

ской, богатой разбоями древности, участвовали тѣ паны, о сыновьяхъ которыхъ воспѣли кобзари кровавой Хмельнищины,

Що на праву сѐреду
Гнали козаки ляхівъ, такъ мовъ бы чѐреду..

Тогдашній воинъ вообще былъ фаталистъ: онъ вѣровалъ въ примѣты, тревожился отъ предзнаменованій. Жолковскому было отчего встревожиться. При выступленіи въ походъ изъ Бара, сдѣлалась буря съ ужасною грозою. Гетманскій знакъ раздробило молніею. Небо горѣло; земля плыла потоками подъ проливнымъ дождемъ; громъ заглушалъ человѣческіе голоса. Кони въ экипажѣ Жовковскаго спутавшись бились и не повиновались маштале-рамъ. Съ тяжелымъ сердцемъ выступили жолнеры въ походъ. Между завистниками Жовковскаго нашлись люди, утверждавшіе ихъ въ суевѣрномъ страхѣ. Что̀ касается до самого гетмана, то онъ, въ прощальномъ письмѣ къ королю, говорилъ, что идетъ на Божій судъ. Онъ сохранилъ взглядъ русскихъ предковъ на тотъ судъ, къ которому въ каждомъ походѣ ведетъ воина слава его: въ этомъ походѣ Жовковскому суждено было поплатиться головою, которая превышала все кругòмъ, и русское, и польское.

Но пускай читатель не ждетъ отъ меня описанія катастрофы. Для насъ интересны въ этомъ походѣ не бѣдствія, которыя постигли панское войско въ Волощинѣ, не геройскія доблести однихъ, не пошлый испугъ и позорное бѣгство другихъ, не подробности боевой трагедіи, оплаканныя множествомъ вдовъ и сиротъ. Важно для насъ то, что дерзкій походъ не удался шляхтѣ; что многоумный Жовковскій палъ въ битвѣ, и одиссеевская голова его обнесена была на копьѣ по цареградскимъ улицамъ; что полевой гетманъ Конецпольскій, не уступавшій ему въ хитрости и русинской завзятости, очутился въ плѣну; что до шести тысячъ панскаго войска устлало боевое поле или потонуло въ Днѣстрѣ, спасаясь бѣгствомъ, а не то—очутилось въ татарскихъ лыкахъ;

что артиллерія, обозъ и всѣ снаряды, все, чѣмъ живетъ, чѣмъ крѣпко стоитъ и движется армія, разомъ погибло, и Польша, еще вчера гордая воинскими талантами русскихъ отступниковъ, полная того наслѣдственнаго лехитскаго духа, который внушалъ ея недобиткамъ столько же страха, сколько и ненависти, сегодня „понизила стяги своя" и на нѣкоторое время прекратила свое владычнее существованіе. Не постигни все это лехитовъ, они бы непремѣнно продѣлали надъ поднѣпровскимъ народомъ то дѣло, которое столь настойчиво и послѣдовательно совершили надъ простолюдинами привислянскими.

Козаки, назначивъ крайній срокъ своему выселенію изъ панскихъ имѣній на русскаго Илью, не трогались, однакожъ, изъ своихъ дворищъ и хуторовъ. Отеческія могилы, незабвенныя мѣста дѣтства, очаги, вокругъ которыхъ такъ много пилось и говорилось, [1]) связи со множествомъ людей, съ которыми украинецъ вообще трудно сживается, но еще труднѣе расходится врозь,— все это приковывало ихъ къ полевымъ захолустьямъ и городамъ, которые состояли подъ панскимъ и старостинскимъ режимомъ. Королевскіе коммиссары, то есть украинскіе крупные землевладѣльцы, обращались къ козакамъ, можно сказать, съ кроткимъ и справедливымъ предложеніемъ—удалиться куда угодно, кому не нравятся мѣстные порядки, но въ сущности они предлагали имъ изгнаніе. Они отнимали у козаковъ не только займище, за которое отецъ Наливайка положилъ бѣдственно животъ свой, а

[1]) Пить для украинца значитъ вовсе не то, что выражается словомъ *хватить*. Онъ запиваетъ потокъ врожденнаго краснорѣчія. Скупъ онъ на слово, пока трезвъ, но, вдохновясь оковитою (aqua vitae), открываетъ сердце свое пріятелю, со всѣмъ богатствомъ чувства, и любо ему встрѣтить того человѣка, съ которымъ гдѣ-нибудь пилось и говорилось. Обмѣнъ лучшимъ связывалъ между собой украинскихъ пьяницъ (а тогда кто не былъ пьяницею?) Они пьянствовали, можно сказать, по-древнегречески, пьянствовали благочестиво. Очаги, вокругъ которыхъ пилось и говорилось, были для козаковъ, по одному этому, предметомъ привязанности, не говоря о томъ мистическомъ значеніи печи, которое сохранилось въ народѣ отъ временъ до-христіянскихъ.

самъ Наливайко—животъ многихъ шляхетскихъ личностей, они вмѣстѣ съ займищемъ, лишали его весьма многаго нравственно пріобрѣтеннаго, что было для него драгоцѣнно паче злата и камене честна. Изъ человѣка полнаго хотѣли сдѣлать его получеловѣкомъ: отказывали ему въ тѣхъ чувствахъ, которыя, болѣе нежели что-либо, дѣлали простолюдина такимъ же существомъ, какимъ былъ и самъ панъ. Ничего этого нѣтъ ни въ „Volumina Legum“, ни въ коммиссарскихъ декретахъ, ни даже въ фоліантахъ подражателей Тациту и Өукидиду, но оно вписано было неизгладимыми буквами въ тѣ сердца, которыя много разъ бывали на Божіемъ судѣ, какой постигъ наконецъ и Жовковскаго. Этимъ людямъ, изъ которыхъ весьма не трудно было надѣлать Горацiевъ Коклесовъ, Муцiевъ Сцеволъ, термопильскихъ Леонидовъ и даже Парменіоновъ, какъ это доказалъ Петръ Великій надъ своимъ Данилычемъ, предлагали—или оставить землю, которую они отстаивали и ежедневно были готовы отстаивать противъ орды, или же наклонить шею въ ярмо, какъ дѣлаетъ смирный волъ, безплатный и безотвѣтный работникъ: требованія нравственно невозможныя. Но паны не знали, не зналъ даже и превышавшій всѣхъ ихъ Жовковскій, какія рѣки крови прольются въ недалекомъ будущемъ, въ доказательство безнравственности панскихъ требованій. Они видѣли только буйство козаковъ и дурные примѣры ихъ въ виду смирныхъ чернорабочихъ, во всемъ покорныхъ пану, какъ надъ Вислою. Собравшись такъ пышно и оружно въ походъ за Днѣстръ, они, въ случаѣ успѣха, воспользовались бы соединеніемъ силъ своихъ въ одно войско и покарали бы козаковъ еще разъ такъ жестоко, какъ на Солоницѣ. Тогда бы сдѣлался немыслимъ и невозможенъ тотъ шагъ, на который рѣшились кіяне подъ прикрытіемъ козацкой силы: ни одинъ православный монахъ не принялъ бы посвященія отъ іерусалимскаго патріарха, который гостилъ въ это время въ Кіевѣ, и самая мысль объ этомъ, отъ кого бы ни исхо-

дилъ почипъ, осталась бы нѣмою. Отстраненіе Запорожскаго Войска отъ похода въ Волощину прямо указывало, что паны рѣшились настоять на Раставицкой комиссіи. Козакамъ надобно было что-нибудь думать, *треба було щось думати*. Имъ предстояло разрѣшить тотъ же вопросъ, который столько разъ представлялся республикѣ противоположной,—вопросъ: *быть, или не быть?* Такъ какъ черезъ пять лѣтъ, уже по смерти Сагайдачнаго, они поставили его между своимъ войскомъ и боевою шляхтою, то нельзя предположить, чтобы тревожная мысль о своемъ положеніи не занимала уже и въ 1620 году сѣдыхъ чубовъ между запорожцами. Но вдругъ разнеслась вѣсть о цоцорской трагедіи. Эта трагедія открыла, очистила козацкій горизонтъ отъ застилавшихъ его тучъ и открыла передъ ними самую свѣтлую перспективу. Они почувствовали себя силою, преобладающею въ отрозненной Руси, и не только сами это сознали, но къ тому же сознанію пришли и всѣ благочестивые кіяне: всѣ церковные братчики, всѣ мѣщанскіе цехи, всѣ черноризцы, державшіеся до сихъ поръ — надо сказать къ ихъ чести—въ сторонѣ отъ козачества.

Здѣсь я прерву главную нить повѣствованія и возьму побочную. Намъ необходимо сдѣлать общій обзоръ края; надобно намъ, такъ сказать, проѣхаться по краю.

Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что это было время распространенія иностранной роскоши въ панскомъ быту. Французъ Блэзъ де Виженеръ говоритъ о литовскихъ барыняхъ, что онѣ ни о чомъ больше не думали, какъ о нарядахъ да о любезничаньѣ съ окружавшими ихъ чичисбеями, а писалъ онъ еще въ 70-хъ годахъ XVI вѣка. Каштелянъ Мелешко, въ своей сатирической рѣчи на конвокаціонномъ сеймѣ 1588 года, осмѣиваетъ обычаи, перенимаемые русскими панами отъ польскихъ, и противопоставляетъ дорого стоющему быту простой бытъ предковъ. Онъ нападаетъ на безнравственность, вторгавшуюся, на ино-

странный манеръ, въ семейную жизнь панскую; онъ обвиняетъ Сигизмунда-Августа въ томъ, что этотъ государь не подражалъ Сигизмунду I, отдыхавшему съ простацкою русью отъ церемоніаловъ пышной супруги своей, принцессы Сфорца, а вмѣсто того, „называлъ себя ляхомъ“ и ляшескій вредный элементъ распространилъ въ русскомъ обществѣ. Папроцкій, этотъ Синбадъ мореходъ, странствовавшій по морю южной славянщины, высадившись на подольскій берегъ, противопоставлялъ простоту одежды знатныхъ пановъ русско-подольскихъ панамъ Великой и Малой Польши. Но это было во второй половинѣ XVI вѣка, когда запруда, не пускавшая моду, роскошь и развратъ хлынуть изъ Польши въ Русь, только что была снята Люблинскою уніею. Между тѣмъ Іоаннъ Вишенскій самое отступничество русской іерархіи объясняетъ желаніемъ шляхетныхъ архіереевъ таскать за собой множество разодѣтыхъ слугъ и наслаждаться ихъ „красноглядствомъ“. Любовь польско-русскихъ пановъ къ заграничному просвѣщенію имѣла своей подкладкою жажду утонченныхъ удовольствій. Люди средняго состоянія тянулись въ путешествіяхъ за Замойскими, а не имѣя средствъ держаться въ высшихъ иностранныхъ кругахъ, образовывали свой умъ и вкусъ въ тавернахъ. Потому-то честный рыцарь Жовковскій, въ духовномъ завѣщаніи своемъ, предпочелъ дать сыну образованіе въ Замойской академіи и отозвался о молодежи, воспитывающейся за границею, весьма невыгодно. Эта молодежь, между прочимъ, развивала въ себѣ, отъ нечего дѣлать среди чужихъ людей, страсть къ денежнымъ играмъ, которой не были чужды и запорожскіе добычники. Сатиры, сохранившіяся въ рукописныхъ сборникахъ всякой всячины, такъ называемыхъ silva rerum, уже съ начала XVII вѣка начинають смѣяться надъ панами, которые проигрывали большія суммы и потомъ принимались за ремесло экономовъ и прикащиковъ надъ своими ободранными подданными. Людямъ, видавшимъ такіе города, какъ Venezia la bella и

Genova superba, тягостно было проводить все свое время съ темными увальнями — сосѣдями. Отъ времени до времени, вырывались они, хотя-бы подъ видомъ сеймованья, въ Краковъ или Варшаву, и возвращались оттуда съ новыми слугами, которыхъ наглость такъ хорошо описываетъ Мелешко, и съ запасомъ дорогой посуды, винъ и разныхъ предметовъ роскоши. Изъ своихъ домовъ дѣлали они копію варшавскихъ палацовъ, а сами старались уподобляться королю королей или богачамъ-королятамъ, окруженнымъ блистательными придворными, окруженнымъ молодостью, красотою и умственнымъ блескомъ, который выказывался въ ловкомъ словоизверженіи. Мода являлась при этомъ божествомъ, передъ которымъ всѣ преклонялись,

Лихая мода, злой тиранъ,

по выраженію поэта, весьма вѣрному. Тиранство ея надъ поляко-руссами было тѣмъ безграничнѣе, что они, усвоивая себѣ быть иностраннаго высшаго общества, не могли усвоить его вкуса. Руководясь одною переимчивостью, которую такъ ѣдко замѣтилъ въ своихъ соотечественникахъ мудрецъ XVI вѣка, Кромеръ, [1]) модные паны и ихъ пани и панны находились въ неограниченной власти портныхъ и парикмахеровъ, которые заставляли ихъ служить манкенами для своихъ выдумокъ. Глядя на эту жалкую, получеловѣческую жизнь изъ своей здоровой среды, украинскій простолюдинъ, съ свойственнымъ ему сарказмомъ, сложилъ тогда пословицу: *Сидúть чортъ та й плáче, що мóды панáмъ не достáче.*

Гоняясь за игрушками многолюдныхъ городовъ и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, паны пріискивали для своихъ имѣній арендаторовъ, которые не уменьшали бы, а увеличивали ихъ доходы. Такими арендаторами являлись чаще всего предпріимчи-

[1]) См. т. I, примѣч. къ стр. 193.

вые и изобрѣтательные жиды. Они брали у пановъ на откупъ не только села съ церквами, на которыя смотрѣли какъ на вѣрное средство выудить грошъ изъ кармана у бѣднѣйшаго поселянина, но и укрѣпленные за̀мки, назначенные для защиты Украины отъ непріятельскихъ вторженій. Это относится безразлично и къ церквамъ православнымъ, и къ латинскимъ костеламъ, — и къ имѣніямъ наслѣдственнымъ, и къ королевщинамъ. Всѣ свои права и обязанности въ Украинѣ передавалъ панъ жиду, а не то—изворотливому шляхтичу, точно независимый государь другому государю, и не было въ панской республикѣ силы, которая бы вступилась, если не за человѣческое достоинство поселянъ, то за государственную собственность и за честь правительства. Безсильны были жалобы заслуженныхъ войсковыхъ ветерановъ королю Сигизмунду III, какъ ни прямо они указывали ему, что „украинскіе за̀мки, управляемые жидами, пали въ вѣчныя развалины, къ неизмѣримому вреду государства“; что „старосты тамъ ни одного не видать, потому что они имѣютъ этого добра много и еще больше получаютъ отъ короля“ [1]), и что, „еслибы король ввѣрилъ за̀мокъ убогому воину, то онъ не сдѣлалъ бы жида участникомъ кровавыхъ заслугъ своихъ“.

Собственно говоря, ни жидовъ, ни другихъ арендаторовъ, между которыми отличались армяне, винить здѣсь не за что. Они были поставлены въ положеніе чужеяднаго растенія. По инстинкту питанія, появлялись они тамъ, гдѣ пахло угнетеніемъ, подлаживались къ сильному со стороны его пороковъ, и становились посредниками между притѣснителемъ и жертвою. Какъ зловѣщія птицы, налетѣли арендаторы, и всего больше арендаторы-жиды,

---

[1]) Многія панскія фамиліи имѣли по десяти и по пятнадцати старостствъ, въ которыхъ народъ доводимъ былъ до такого убожества, что разбѣгался въ разныя стороны, а тысячи домовъ по городамъ превращались въ сотни. Зло всего больше свирѣпствовало внутри королевства. На Украинѣ оно парализовалось обширными родовыми имѣніями, какихъ въ коронныхъ польскихъ провинціяхъ не было.

въ Украину. Они, инстинктомъ убогаго, но жаднаго скитальца, чуяли, что здѣсь долженъ погибнуть одинъ или другой народъ, и то запустѣніе зáмковъ, которое поражало сигизмундовскихъ воиновъ-ветерановъ, тѣ засоренныя, голыя развалины, лишенныя даже древесной тѣни, которыя мы встрѣчаемъ вездѣ вокругъ жидовскихъ гнѣздъ, были для нихъ какъ-бы ручательствомъ прочности ихъ существованія. Переходя отъ одного пана къ другому, изъ одной слободы, разоренной ихъ безпощадною эксплоатаціею, въ другую, они угождали, чѣмъ только могли, всякой беззаконной власти, шпіонничали между козаками и поселянами, вооружали противъ нихъ уже раздраженную козацкимъ самоуправствомъ шляхту и, по своему вѣчному обычаю, ловили въ мутной водѣ рыбу.

Все это относится большею частью къ тѣмъ мѣстамъ днѣпровской и днѣстровской Украины, которыя съ давнихъ годовъ сдѣланы уже староствами и, въ видѣ крулевщизнъ, розданы панамъ въ вѣчное или пожизненное владѣніе, и въ которыхъ паны основали множество собственныхъ слободъ, переманивая поселянъ одинъ отъ другого временными льготами. Но въ царствованіе Сигизмунда III, въ государственныхъ актахъ часто упоминаются существовавшія тогда еще въ Украинѣ неизмѣримыя пустыни, которыя не приносили ни панамъ, ни государству никакой пользы. Это не значитъ, что тѣ пустыни были въ самомъ дѣлѣ необитаемы: это значитъ, что государственныя головы все то считали безполезнымъ и ничьимъ, чтó не было подчинено панской республикѣ, чтò не давалось панамъ въ руки. Пустыни эти были, мимо вѣдома сейма, населяемы народомъ, добывавшимъ себѣ свободу бѣгствомъ не только изъ ближайшихъ шляхетскихъ селъ, заарендованныхъ жидамъ, но изъ отдаленнѣйшихъ украинскихъ, литовскихъ и польскихъ городовъ. Всѣ тогдашніе лѣтописцы и авторы разныхъ записокъ не могутъ надивиться, какъ быстро увеличивалось украинское населеніе, какъ „въ дикихъ поляхъ, на

самыхъ шляхахъ татарскихъ почти вся отдаленная Украина покрывалась мѣстечками и селами". Трудно, однакожъ, при отсутствіи статистики въ то время, опредѣлить черту, отдѣлявшую Украину, порабощенную окончательно панами и заѣдаемую жидами или другими „рандарями", отъ Украины свободной, то есть такой, гдѣ панская юрисдикція уступала юрисдикціи козацкой, или лучше сказать простонародной, громадской, и гдѣ, какъ во всякой здоровой, самодѣятельной средѣ, не было мѣста элементамъ чужеяднымъ. Эта черта измѣнялась, смотря по времени и по тому, приливало ли къ Украинѣ, или отливало козачество, боролось ли съ нимъ лѣнивое, пассивное панство, или беззаботно пропивало золото, высасываемое арендаторами изъ его имѣній. Но всѣ польскіе лѣтописцы (нашимъ вѣрится менѣе) согласны въ томъ: что, и во времена энергическихъ мѣръ панской республики противъ козаковъ, власть этой республики надъ ними была почти только названіемъ; что въ мирное время козаки большею частью жили независимо, по невозможности услѣдить за ними въ городскихъ и сельскихъ громадахъ, а въ военное—дѣйствовали только по волѣ отáмана или гетмана-козака, а не то и пана, который умѣлъ внушить имъ къ себѣ довѣріе и уваженіе. Такимъ паномъ былъ, между прочими, и знаменитый Петрó Конашевичъ-Сагайдачный. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ такую сильную партію между козаками, что, съ ея помощью, стращалъ остальныхъ и, въ угоду королю и сенату, удерживалъ козаковъ иногда отъ морскихъ походовъ, [1]) удерживалъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что самъ былъ счастливѣйшимъ изъ пиратовъ Чорнаго моря. Козаки не вторгались во владѣнія панской республики, какъ татары; не завоевывали мечемъ и огнемъ владѣній польско-русской аристократіи:

[1]) Въ Литовской Метрикѣ хранится жалованная грамота Конашевичу-Сагайдачному отъ Сигизмунда III за то, что онъ держалъ козаковъ въ повиновеніи и не давалъ имъ ходить на Чорное море. Подобную услугу предлагалъ Сигизмунду III и Наливайко въ 1596 году.

они жили въ этихъ владѣніяхъ, были въ нихъ *дома*, и лишь отъ времени до времени выдѣлялись изъ той народной массы, которой служили коэффиціентомъ. Они безъ труда поднимали къ походу на море, или въ сосѣднія земли, или, какъ во времена Наливайка, въ земли внутреннія, все опутанное шляхетскими законами, все угнетенное панами и рандарями, все доведенное до отчаянія безурядицею мѣстной администраціи. Не только на берегахъ Днѣпра, Бога, Днѣстра, да и на берегахъ Вислы, панская республика могла бы превратиться, при ихъ средствахъ, въ простонародную. Но вѣка панскаго господства въ Мазовіи и другихъ внутреннихъ польскихъ провинціяхъ убили въ рабочемъ народѣ способность человѣческаго самосознанія. Изчезло тамъ уже и преданіе объ иномъ, менѣе беззаконномъ порядкѣ вещей, объ иномъ распредѣленіи личныхъ и поземельныхъ правъ. Съ другой стороны, паны обезпечили тамъ свою будущность глубокимъ укорененіемъ католичества, превращающаго человѣческое сердце въ окаменѣлость, которая, сохраняя видъ организма во всѣхъ его подробностяхъ, даетъ ему мертвенную прочность между организмами измѣнчивыми. Къ тому жъ они, еще при Сигизмундѣ-Августѣ, признали шляхтичами всѣхъ свободныхъ землепашцевъ отъ Люблина до Овруча, и такимъ образомъ увеличили число защитниковъ своей прерогативы на счотъ массы, обложенной податями и повинностями. Вотъ почему козачество въ эпоху Хмельницкаго не утвердилось дальше черты, которою была ограничена нобилитація такъ называемыхъ застѣнковъ на Волыни. Отъ этой черты, собственно говоря, начинается Украина,—страна, въ которой мелкая шляхта была пришлая, въ которой властвовали, на подобіе удѣльныхъ князей, старые русскіе роды, умѣвшіе удержаться въ своихъ городахъ и зáмкахъ, посредствомъ угожденія сильному, кто бы онъ ни былъ—татаринъ, литвинъ, или ляхъ, а потомъ и коренные польскіе магнаты, еще со временъ Ягайла имѣвшіе въ виду увеличить свои владѣнія дѣлежемъ того, что̀ они оффиціально называли пусты-

нями.[1]) Проѣзжая по этому обширному пространству въ началѣ XVII столѣтія, мы видѣли бы въ Украинѣ—то чрезвычайное богатство, то крайнее убожество, то строгое насильственное право, то совершенную безурядицу, то полную свободу, то неслыханное порабощеніе, то одну, то другую торжествующую религію, то одну, то другую господствующую народность. Видя все это въ странномъ, загадочномъ смѣшеніи, трудно было рѣшить: Европа это, или Азія, Польша это, или Русь, панская это республика, или козацкая. Элементы жизни находились въ повсемѣстной борьбѣ между собою, и не легко было бы предсказать, который возметъ верхъ.

Сильнѣе всего поражали тогда сторонняго наблюдателя замки магнатовъ на Украинѣ, или лучше сказать — обширные магнатскіе дворы, вмѣщавшіе въ себѣ сотни и тысячи слугъ-шляхтичей. Богатые паны того времени жили, какъ независимые государи, и, кромѣ собственнаго войска, содержали на своемъ иждивеніи множество такъ называемыхъ *дворскихъ* или *дворянъ*, которые служили имъ въ войнѣ, на охотѣ и дома, за лакомый кусокъ хлѣба, за возможность участвовать въ панскихъ забавахъ и за покровительство въ военной и гражданской службѣ. Это были школы общежитія, рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ — праздной роскоши. Здѣсь получала шляхта полировку, которая дѣлала ее обществомъ, по наружности европейскимъ; здѣсь она усвоивала себѣ условныя понятія о чести и славѣ, которыми руководилась во всѣхъ своихъ поступкахъ, и здѣсь же пріучалась къ беззаботной расточительности, которая такъ часто заставляла ее лукавить въ дѣлахъ чести и славы.

Въ панскіе дворы стекалось золото изъ арендъ, содержимыхъ чаще всего жидами, которые находились въ странномъ положеніи между паномъ и его подданными. Панъ могъ убить жида безъ

[1]) Szajnocha, *Jadwiga i Jagiello.* изд. 1-е, II, 2.

суда и отвѣтственности; но тотъ же панъ передавалъ жиду полную свою юрисдикцію не только въ своихъ собственныхъ городахъ и селахъ, но даже и въ зáмкахъ, составлявшихъ опору старости, которымъ онъ владѣлъ, какъ королевскій намѣстникъ. Такимъ образомъ путешественникъ XVII вѣка, пріѣхавъ въ какойнибудь зáмокъ, окруженный валомъ и дубовымъ тыномъ, видѣлъ передъ собой коменданта въ средневѣковой одеждѣ, которую жиды сохранили до нашего времени, — въ этой собольей шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ, въ этомъ узкомъ и длинномъ балахонѣ, въ ярмолкѣ, выглядывающей на затылкѣ изъ-подъ шапки, и въ пейсахъ, украшающихъ крючконосую физіономію. Какъ всякій жидъ въ Польшѣ, онъ имѣлъ право носить — и носилъ — саблю, въ знакъ своего преимущества передъ народомъ безоружнымъ. Одна религія становила его ниже шляхтича; но за принятіе католичества жиду обѣщано было закономъ шляхетство. Это, однакожъ, не прельщало жида: для него было выгоднѣе принадлежать къ своей чужеядной кастѣ, чѣмъ даже къ полноправному шляхетскому сословію.

Въ старостинскихъ зáмкахъ, управляемыхъ жидами, путешественникъ бывалъ свидѣтелемъ странныхъ сценъ. Изъ селъ, принадлежавшихъ къ староству, приходили къ жиду поселяне за квитками, которыми онъ дозволялъ крестить новорожденнаго или вѣнчать молодую чету. Безъ квитка, ни одинъ попъ не смѣлъ крестить и вѣнчать, подъ опасеніемъ лишиться своего прихода. За квитокъ, по установленному арендаторами обычаю, слѣдовало заплатить *дудекъ*, какъ прозвали жиды монету въ три гроша, соотвѣтствовавшую нынѣшнему двугривенному; [1]) но жидъ, по выраженію Грондскаго, своими *териверсаціями*, своими наслѣд-

[1]) Въ три гроша дудекъ опредѣленъ у Линде. Грондскій опредѣляетъ дудекъ такъ: „constans 6 Nummis Hung". Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ мнѣ случалось на базарахъ слышать счотъ на *дудки*. У тамошнихъ жидовъ и простолюдиновъ *дудка* значитъ 6 грошей.

ственно усвоенными уловками, умѣлъ увеличивать эту плату. [1]) Другіе поселяне смиренно приносили и привозили ему деньгами и натурою разныя изобрѣтенныя жидами подати: роговое, очковое, осыпъ, сухомельщину и проч. Тутъ же намѣстникъ старосты, арендаторъ, чинилъ судъ и расправу надъ поселянами, и нерѣдко у дверей его жилища можно было видѣть повѣшенныхъ людей. Онъ могъ повѣсить мужика за чтò ему угодно, такъ точно, какъ и самъ панъ староста: за грубое слово, за подозрительный видъ или за кусокъ сафьяну, за шкурку дикаго звѣря или желѣзную вещицу, такъ какъ подобные предметы добывались отъ козаковъ, ходившихъ въ дикія поля на охоту или въ чужія земли на войну, а за передерживанье козацкой добычи, еще въ 1589 году, законъ опредѣлилъ смертную казнь. Чѣмъ глубже въ Украину, по направленію къ коренной Польшѣ, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить самихъ пановъ и державцевъ въ ихъ владѣніяхъ. Все это отдавалось въ добычу жидамъ, неистощимымъ въ изобрѣтеніи средствъ къ высасыванію доходовъ изъ аренды.

Рядомъ съ господствомъ иновѣрцевъ, отвергавшихъ ученіе Христа, путешественникъ XVII вѣка встрѣчалъ сцены насилій христіянъ надъ христіянами. Въ царствованіе Сигизмунда III, воспитанника іезуитовъ, поляки ревностнѣе нежели когда-либо принялись за объединеніе Украины съ католическими провинціями. Вѣра, заимствованная Русью отъ грековъ, считалась у нихъ вѣрою мужицкою, хлопскою. Отъ нея отступились мало-помалу потомки богатыхъ русскихъ родовъ; оставались при ней только люди убогіе, да тѣ изъ вельможъ, которые не хотѣли съ перемѣною вѣры утратить возможность раздавать своимъ кліентамъ церковныя имущества, въ видѣ духовныхъ хлѣбовъ. Прозелиты католики, съ помощью своихъ дворянъ, не рѣдко разгоняли такъ называемыхъ благочестивыхъ изъ церкви и расхищали церковное

[1]) *Historia Belli Kosacco-Polonici*: „... de instituta tergiversatione, necessitatem imponebat plus sibi solvendi.“

имущество. Изувѣрство доходило иногда до того, что и тѣла погребенныхъ въ церкви создателей и благодѣтелей храма выбрасывались изъ гробовъ, какъ нечистота, оскверняющая святыню. [1]) Иногда между самими прихожанами, состоявшими изъ большинства благочестивыхъ и меньшинства унитовъ, завязывалась драка у дверей церкви, и католики спѣшили на помощь унитамъ. Иногда вооруженная шляхта вводила, подъ своимъ прикрытіемъ, попа-унита въ церковь и заставляла народъ слушать проповѣдь въ пользу непогрѣшающаго папы. Путешественникъ не рѣдко бывалъ свидѣтелемъ публичнаго сожженія брошюръ, напечатанныхъ въ защиту „благочестивой вѣры", а въ иномъ мѣстѣ — и на оборотъ. При въѣздѣ въ село или въ городъ, или у церковныхъ дверей, онъ читалъ воззванія „благочестивыхъ" противъ терпимыхъ ими насилій и приглашенія къ съѣзду на такой-то соборъ. У другихъ воротъ и у другой церкви онъ читалъ противное: тамъ грозили оружіемъ тому, кто осмѣлится сдѣлать то-то и то-то. Странствующіе типографщики предлагали свои услуги той и другой сторонѣ попеременно. Возбужденныя страсти сдѣлали изъ религіи предметъ крупной печатной перебранки и рукопашныхъ диспутовъ. Возмущалось сердце набожнаго католика при видѣ набѣговъ на католическія и унитскія святыни, совершаемыхъ бурсаками и монастырскими служками, подъ предводительствомъ монаховъ; но еще тяжелѣе было страннику „благочестивому" видѣть по городамъ, селамъ и монастырямъ запечатанныя церкви, отъ которыхъ прихожане отреклись, когда имъ дали попа унита или просто латинскаго ксенза, а церковныя имущества очутились въ рукахъ отступниковъ и ихъ рандарей. До введенія уніи и замѣны православ-

---

[1]) Поляки съ ужасомъ разсказываютъ о подобныхъ поступкахъ со стороны козаковъ во времена Хмельницкаго, забывая, что козаки только повторяли ихъ фанатическія подвиги. Вотъ слова Грондскаго: „... templa illis vi adimebantur et ad usus Romanae Ecclesiae convertebantur. Ex quibusdam locis corpora Antecessorum suorum, jam pridem in pulverem redacta, urnis tamen stanneis contenta, ex sepulcris educebantur, et aliorsum deferebantur", *Hist. Belli Kos. Pol.* 33.

ной іерархіи унитскою, а потомъ опять во время борьбы возстановленной православной іерархіи за свое существованіе, случались и такого рода сцены, что въ епископскомъ городѣ староста-католикъ, по дикому олигархическому произволу, овладѣвалъ особою епископа, не позволялъ въ первый день пасхи совершать литургію, а вмѣсто того, располагался въ церкви съ своими музыкантами и приказывалъ своимъ гайдукамъ, для потѣхи, стрѣлять въ церковный куполъ. Вообще много было въ тотъ вѣкъ подготовлено горючихъ матеріаловъ для великаго пожара, обнявшаго всю Украину при Богданѣ Хмельницкомъ, этомъ Геростратѣ польско-русской культуры.

Однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, постоянно терзавшихъ сигизмундовскую Польшу, было своевольство кварцяного войска. Какъ ни велики были доходы частныхъ лицъ въ государствѣ, но королевская казна постоянно терпѣла недостатокъ въ деньгахъ. Паны систематически не давали королю распоряжаться большими суммами на наемъ войска, чтобъ онъ не подавилъ ихъ свободы, а шляхетская честь, о которой они безпрестанно твердили, не мѣшала имъ расхищать деньги, собираемыя для государственныхъ надобностей. Отъ этого жалованье почти никогда не доходило во время, а часто и вовсе не доходило, къ жолнерамъ, и жолнеры, составивъ между собою союзъ (związek), нападали на имѣнія шляхты и духовенства, и вознаграждали себя безпощаднымъ грабежемъ. Такое положеніе дѣлъ до того деморализовало военное сословіе, что оно въ собственномъ отечествѣ играло роль татарской орды. Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ такъ описываетъ возвращеніе польскаго войска изъ московскаго похода, въ 1634 году:

„Весело возвращалось наше войско въ отечество, но отечество не весело его принимало, ибо жолнеры хуже непріятеля. На по-[illegible]дѣ они опустошали шляхетскія, духовныя и королевскія имѣнія, [illegible]ждали силою деньги, требовали непомѣрнаго провіанта, на-

гружали свои возы и дошли до такой жестокости, что, за недостаткомъ лошадей, запрягали въ возы бѣдныхъ мужиковъ и погоняли кіями и арапниками. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіянское войско; да и дикіе татары милосерднѣе къ ближнему, нежели подъ-часъ наши. Особенно дались поляки въ знаки Литвѣ". Самъ Конецпольскій, преемникъ Жовковскаго, обвиняемый современниками въ *дикомъ* обхожденіи съ козаками и украинскимъ народомъ, говоритъ, что жолнеры едва не самую кровь точатъ изъ убогаго народа въ Украинѣ. Тѣсня систематически украинскую „вольность", предметъ общей гордости простолюдиновъ, по замѣчанію бискупа Верещинскаго, — паны пользовались всякимъ случаемъ разставить кварцяное войско въ бывшихъ козацкихъ селахъ, по мѣрѣ того, какъ они слабѣли послѣ неудачныхъ козацкихъ возстаній. (Это уже относится ко временамъ послѣ Сагайдачнаго.) Можно судить, что̀ позволяли себѣ дѣлать въ этихъ селахъ растравленные грабежемъ жолнеры, и какъ чувствовали ихъ своевольство козацкіе семьи, какъ глубоко затаивали въ сердцѣ вражду противъ коронпаго войска. [1]) „Прежде бывало", писалъ Конецпольскій къ винницкому старостѣ, „хоругвь въ полтораста лошадей довольствовалась на своей стоянкѣ умѣреннымъ провіянтомъ, а теперь хоругвь въ полсотни лошадей ропщетъ на опредѣленное ей начальствомъ содержаніе, и убогіе люди, не будучи въ состояніи удовлетворить жадности постояльцевъ, изумляются, что жолнерскіе желудки поражены какой-то волчьею болѣзнью. Но нечему дивиться: теперь жолнеры требуютъ *стацій*, соображаясь не съ необходимостью, но съ роскошью, чтобы не только жить великолѣпно, да еще и возъ нагрузить, спину себѣ покрыть рысьимъ воротникомъ, одѣваться въ богатыя матеріи и драгоцѣнные шелки. Вотъ по-

---

[1]) Это пугало и самихъ магнатовъ, которые знали, то жолнеры w sercach y oczach luzkich *abominabile et exorsum* czynią *nomen militare*.

чему, безъ всякаго стыда и совѣсти, идучи въ лагерь и изъ лагеря, разсылаютъ они по сторонамъ товарищей для вынужденія провіянту и денежныхъ платъ. Отсюда-то появились при хоругвяхъ новые отряды, которые гонятъ съ собой воловъ, коровъ, барановъ, не какъ жолнеры, а какъ купцы на ярмарку". По тому принципу, что всякое безобразное, какъ и прекрасное, явленіе не вдругъ достигаетъ поразительной степени своего развитія, начала выставленныхъ Конецпольскимъ безобразій надобно искать еще во времена Жовковскаго и Яна Замойскаго, какъ объ этомъ намеки встрѣчались въ предыдущихъ главахъ этой исторіи.

При всемъ этомъ, однакожъ, гнетъ панскаго владычества не былъ въ Украинѣ ни постояннымъ, ни всюду равномѣрнымъ. Вспоминая о томъ самомъ времени, къ которому относятся приведенныя выше слова Конецпольскаго, нашъ „самовидецъ" говоритъ, что посполитые люди жили во всемъ изобильно: въ хлѣбѣ, скотѣ и пасікахъ, только не могли стерпѣть великихъ вымысловъ отъ старостовъ, отъ ихъ намѣстниковъ и отъ жидовъ. Близость вольныхъ козацкихъ степей не давала украинскому народу дойти до животной покорности волѣ сильнаго, до которой онъ доходилъ въ болѣе внутреннихъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Болѣе или менѣе отважныя, болѣе или менѣе значительныя вспышки, то въ одномъ, то въ другомъ староствѣ, ободряли его. Примѣры такихъ вспышекъ восходятъ еще ко временамъ каневскаго и черкасскаго старосты Василія Тишкевича, и черкаскаго старосты Яна Пенька. [1]) Возможность бѣгства изъ порабощенныхъ панами селъ въ села свободныя, не высидѣвшія еще воли, или подчинившіяся козацкому присуду, прекращалась не надолго. Кварцяное войско, обыкновенно разставляемое на „лежи" и „гиберны" по Украинѣ (какъ проектировалъ въ своей лѣтописи Більскій), то было отзываемо изъ Украины на войну, то самовольно расходилось по сво-

[1]) См. т. I, стр. 48.

имъ домамъ. Тогда все приникшее къ землѣ поднимало голову. Униты отступались отъ церквей и монастырей, захваченныхъ ими у благочестивыхъ; паны старались ладить съ *выписчиками*, то есть исключенными изъ козацкаго реестра, и не требовали на работы никого, кто назывался козакомъ; а жиды, не успѣвшіе убраться во́ время въ болѣе безопасныя мѣста, жались возлѣ пановъ, какъ оробѣлые псы, — и не напрасно. Съ наступленіемъ весны, выписчики почти ежегодно собирались толпами, грабили и убивали шляхту и жидовъ, гдѣ только можно было досягнуть ихъ; жгли панскіе фольварки, не защищенные надворнымъ войскомъ; расправлялись на сколько были въ силахъ со всѣми своими притѣснителями, и удалялись въ поднѣпровскіе лѣса. Тамъ они рубили столѣтнія липы, строили лодки, обшивали воловыми шкурами и спускались по Днѣпру на Запорожье, грозя уцѣлѣвшей за валами и частоколами шляхтѣ воротиться съ арматою и истребить на Украинѣ все шляхетское, все католическое и все жидовское.

Такъ стояли вещи въ козацкой республикѣ непосредственно за смертью Сагайдачнаго, но при немъ было сравнительно тихо на Украинѣ. „Конашевичъ", сказано въ одной украинской лѣтописи позднѣйшаго времени, „всегда въ миру съ панами жилъ". Этимъ онъ симпатичнѣе нашему времени всѣхъ прославляемыхъ историками героевъ козачества. Онъ жилъ въ миру, и въ то же время держалъ самую радикальную оппозицію польскому праву. Живя въ миру, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ лубенскіе недо́битки приводили враговъ христіянства въ отчаяніе и держали въ рукахъ судьбу панской республики. Миръ и самъ по себѣ хорошее дѣло, но когда онъ сопровождается подобными результатами, тогда онъ—дѣло геніяльное.

Но что̀ это была за личность, сказавшаяся намъ въ исторіи только по пословицѣ: ex ungue leonem? Нельзя ли какъ-нибудь, какимъ-нибудь научнымъ пріемомъ, всмотрѣться въ нее и опредѣ-

лить, какъ проявилась она между козаками, какъ создалась она въ тогдашнемъ хаотическомъ порядкѣ вещей, какъ относилась она къ той жизни, которая столь не похожа на нынѣшнюю? Соберемъ въ умѣ всѣ данныя, подвергнемъ ихъ критическому анализу.

Грабить московскую землю и молиться на московскія церкви, соединеніе такихъ идей свойственно людямъ, задавшимся мыслью о козацкой религіозности. Подобную религіозность имѣлъ пожалуй и князь Василій, когда разорялъ сѣверскій край во время печатанія въ Острогѣ славянской Библіи. Я старался доказать въ своемъ мѣстѣ, что высшимъ чувствамъ христіянской гуманности и чистымъ понятіямъ о религіи неотвуда было взяться у людей, подобныхъ князю Василію: истинная религіозность, эта жизнь жизни человѣческой, хранилась, какъ послѣдняя, готовая погаснуть искра, въ обществѣ иного разряда, и была оживляема въ немъ только немногими людьми, которые, въ развитіи духа, въ мудрствованіи горняя, а не земная, стояли повыше магнатскаго уровня. Что касается до Сагайдачнаго, то намъ трудно составить точное понятіе о характерѣ его христіянскаго благочестія. Онъ, въ качествѣ козака, провелъ всю свою жизнь молча, а церковныя дѣла его не задолго до смерти объясняются вліяніями некозацкими. Въ качествѣ козака, онъ могъ быть только такимъ религіантомъ, какими представлены мною разорители Синопа у Переправы Воиновъ; козакомъ же сдѣлался онъ весьма рано. Это мы видимъ изъ того, что безобразныя вірши „спудеовъ" кіево-братской школы—изъ Острожскаго училища, гдѣ онъ воспитывался, переносятъ его прямо въ Запорожскую Січъ. [1]) Совокупность обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе молодежи въ козаки, заставляетъ насъ думать, что Конашевичъ-Сагайдачный принадле-

[1]) Тамъ (въ Острогѣ) Конашевичъ часъ не малый живши,
И наукъ въ письмѣ нашомъ Словенскомъ навыкши,
Потомъ, видячи ся быть способнымъ до мензства,
Шолъ до Запорозкого славного Рыцерства...

жалъ къ недоучившимся школьникамъ. Не всѣ, призванные къ просвѣщенію въ отрозненной Руси посредствомъ школъ, выпивали до дна „школьную чашу", которую тяжелая рука тогдашнихъ прецепторовъ предлагала имъ въ благочестивой ревности къ дѣлу науки и религіи. Итальянскіе ribaldi flagitiosi, эти бѣглецы порядочнаго общества, возмущавшіеся противъ средневѣковой жестокосердой культуры,—на русской невоздѣланной почвѣ, повторялись обильно, такъ же какъ и въ Польшѣ. Наука была тогда, безъ преувеличенія, мука, и, если Сагайдачный со школьной скамейки очутился прямо за Порогами, то въ этомъ всего меньше надобно предполагать согласіе его отца, матери или опекуновъ, то есть тѣхъ лицъ, которыя отправили его изъ родного подгорья на Волынь, — все равно, какъ ни одинъ ремесленникъ, ни одинъ торговецъ, ни одинъ пырятинскій и какой бы то ни было попъ не посылалъ сына или работника въ днѣпровскія пустыни и въ козацкое товариство: молодежь бѣжала въ козаки отъ суроваго цехового и школьнаго режима. Сагайдачный болѣе или менѣе принадлежалъ къ рибалтамъ, о которыхъ такъ называемые статечные, то есть порядочные, люди отзывались презрительно, и которыхъ вредному вліянію приписывались козацкія буйства. Между тѣмъ они-то, эти рибалты, преимущественно и годились въ козаки: ихъ можно было вышколить по-запорожски, выгнать изъ нихъ всякую городскую дурь, какъ называли низовцы все ненужное для войны, для борьбы съ невѣрными, для перенесенія голода, жажды и усталости и, какъ рибалты были люди письменные, что̀ въ тѣ времена было рѣдко и дорого, то изъ нихъ выходили писаря, осаулы и другая козацкая старшина. При такомъ началѣ военной жизни, Сагайдачному было неоткуда набраться того благочестія, которое бы заставляло его лицемѣрить передъ его военнымъ ремесломъ, какъ этого домогаются отъ козаковъ наши историки. Религіозное чувство, къ которому былъ способенъ козакъ, удовлетворялось пожертвованіемъ на церковь или монастырь,

какъ дѣлали князья варяги, какъ сдѣлалъ и Остапъ Дашковичъ. Подъ часъ готовы были козаки пошáрпать имѣніе отступника православія, какъ дѣлали наливайковцы, очевидно, подъ вліяніемъ Наливайкова брата, отца Демяна, который и самъ хаживалъ съ ними на добычу благочестія; подъ иной часъ не прочь они были утопить въ проруби унита, ненавистнаго ихъ роднымъ и пріятелямъ мѣщанамъ, а всего охотнѣе являли свою ревность къ религіи на туркахъ, на татарахъ, а впослѣдствіи, дома, на жидахъ, соединяя propagandam fidei съ хорошею поживою; но дальше этихъ актовъ благочестія козаки не ходили: иначе—имя ихъ было бы упомянуто хоть мимоходомъ въ такихъ важныхъ историческихъ документахъ, какъ „Апокрисисъ“ и посланія Іоанна Вишенскаго. [1])

Интересно, при этомъ, было бы намъ узнать откуда-нибудь: какъ относились къ Іову такія личности, какъ Сагайдачный и его товарищи по дипломатической части, люди, какъ видно, полета высшаго? Не должны были они относиться къ этому представителю нашей нравственной жизни, иначе, какъ относилась княгиня Ольга къ тѣмъ невѣдомымъ намъ ловцамъ человѣковъ, которые плѣнили ее въ послушаніе истинной вѣры, — какъ относился Изяславъ или, положимъ, Святославъ Ярославичъ къ Ѳеодосію Печерскому,—какъ относился Остапъ Дашковичъ къ игумену Никольскаго монастыря,—какъ относился владѣлецъ Несвижа къ Симону Будному,—какъ относился литовскій гетманъ Ходкевичъ къ бѣжавшимъ изъ Москвы апостоламъ „нѣмой проповѣди“,—какъ относился виленскій магнатъ Евстафій Воловичъ къ просвѣщенному ученику Максима Грека, переводчику Геннадія Схола-

[1]) Ни одного историка не остановило въ полетѣ религіозной фантазіи полное отсутствіе слова *козакъ* со стороны православныхъ во всѣхъ актахъ и письменахъ, предшествовавшихъ Брестской уніи и послѣдовавшихъ за нею. Критикѣ историческихъ источниковъ и сочиненій предстоитъ у насъ трудное дѣло: она сломаетъ не одинъ плугъ, распахивая многовѣковую залежь умственной лѣни историковъ-анекдотистовъ.

рія, [1])—какъ, безъ сомнѣнія, относился самъ князь Василій къ лицамъ, которыя печатали въ его имя Библію, когда онъ опустошалъ Сѣверщину, родину героя древней эпопеи русской, и, наконецъ,—какъ отнеслась незабвенная Анна Гулевичевна къ добродѣтельному попрошайкѣ, Исаіи Купинскому.

Общеніе силы богатства, силы власти, даже силы тиранніи съ силою нравственною и до извѣстной степени подчиненность ей существовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Эта добытая историческою наукою аксіома даетъ намъ право предположить, что и козаки, то есть лучшіе изъ нихъ, подчинялись такимъ возвышеннымъ идеямъ, какими одушевленъ былъ Іовъ. Велико ли, или не велико было разстояніе между разорителемъ Кафы, кровавой пучины мусульманской, и между человѣкомъ, котораго еще во время его священства въ Воскресенской церкви, на Подолѣ, уподобляли Іоанну Многомилостивому,—этого никто не скажетъ, при козацкой молчаливости о томъ, что̀ дѣлали воинственные братчики дома, въ своихъ походахъ, на своихъ полевыхъ стоянкахъ, въ своемъ „дубованьѣ“ среди шумящаго дубровами Запорожскаго Луга; но, во всякомъ случаѣ, покровителю вдовъ и наставнику дѣтей было о чомъ говорить съ землякомъ и сверстникомъ своимъ, Сагайдачнымъ.

Судя по положенію Іова и, можетъ быть, самого Сагайдачнаго, они должны были бесѣдовать, въ монашеской кельѣ Іова, на тему псалма 54: „Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію.“ Это чувство заставляло нашихъ подвижниковъ духа „удаляться бѣгая“ и водворяться въ такой пустынѣ, какъ Аѳонъ. Оттуда было не видать и не слыхать „беззаконія и прерѣканія во градѣ.“ Только въ удаленіи отъ сцены отступничества, такой человѣкъ, какимъ былъ Іовъ (и какимъ является въ письменахъ своихъ Іоаннъ Вишневскій), могъ отдохнуть отъ мучи-

[1]) Смотри Сборникъ, напечатанный въ Вильнѣ 1585 года въ типографіи Мамоничей.

тельнаго чувства, которое возбуждаетъ въ благородномъ сердцѣ измѣна и предательство товарищей дѣтства, друзей, сподвижниковъ. Въ то время многіе стихи псалмовъ, которыхъ чтенію въ церкви внимаетъ нынѣ благочестивое ухо спокойно, были краснорѣчивымъ и горькимъ истолкованіемъ событій дня, какъ, напримѣръ, эти: „Яко аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо: и аще бы ненавидяй мя на мя велерѣчевалъ, укрылбыхся отъ него. Ты же (нѣтъ, это ты), человѣче равнодушне (съ душею равною моей), владыко мой (обладатель тайнъ сердца моего) и знаемый мой, иже купно наслаждался еси со мною брашенъ: въ дому Божіемъ ходихомъ единомышленіемъ"!...

Измышленная іезуитами унія была, въ нашей отрозненной Руси, проявленіемъ безнравственности, какъ всякая политика, которую пропагандируютъ наперекоръ естественному ходу дѣлъ и движенію сердецъ человѣческихъ. Она понизила подлыхъ людей ниже уровня той подлости, которую таятъ еще отъ свѣта,—понизила до той глубины, въ которую Подлость нисходитъ, взявшись за руки съ Безстыдствомъ. Но она сильно подняла нравственный уровень борцовъ за православіе. Подобно тому какъ организмъ напрягаетъ всю свою энергію въ виду угрожающаго ему холода и, по инстинкту самосохраненія, возбуждаетъ въ себѣ внутренній жаръ до возможно высокой интенсивности, — „малое стадо" вѣрныхъ, уцѣлѣвшій остатокъ русской церкви, вызвало изъ сокровищницы сердца своего всепобѣждающее „чаяніе Бога, спасающаго отъ малодушія и отъ бури". Тому, кто среди бурь войны и морской пучины впиталъ въ себя запорожскій догматъ: *не трéба смéрти боя́тись*, и тому, кто всю жизнь провелъ среди безпомощныхъ вдовъ и сиротъ въ борьбѣ съ бурями напастей, это спасеніе отъ малодушія и отъ бури, спасеніе отъ внутренней и внѣшней опасности, было равно понятно. Образцовый инокъ могъ скорѣе всего бесѣдовать съ образцовымъ козакомъ, при всемъ различіи иноческой и козацкой религіозности. И, если

простаки, наполнявшіе церковное братство, могли склонить грубыхъ сіромахъ на кровавую расправу съ унитомъ, то есть нашли въ ихъ одичалыхъ сердцахъ полное сочувствіе сердечному порыву своему; то и такой высоко развитой христіянскою любовью духъ, какъ Іовъ, могъ вызвать изъ души укротителя неукротимыхъ полнозвучную сочувственную ноту. Это предположеніе оправдывается извѣстными, вѣроятно, читателю сценами встрѣчи, пріема и провожанья іерусалимскаго патріарха, въ которыхъ козацкая шапка и черничій клобукъ явились какъ-бы знаками одного и того же отшельническаго ордена. Въ слѣдующей главѣ я разскажу, какъ это происходило и какой былъ результатъ созвучія между двумя или нѣсколькими энергическими сердцами, настроенными выше буднишнаго строя жизни.

ГЛАВА XX.

Связь нашего прошедшаго съ нашимъ будущимъ.—Сила—конктретное мѣрило историческихъ явленій.—Козаки стояли въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ.—Козаки не имѣли политической тенденціи.—Духовенство воспользовалось козаками для интересовъ церкви.—Возстановленіе православной іерархіи. — Возсозданіе побитаго въ 1596 году козачества.—Суть нашей жизни сказывается въ ея послѣдствіяхъ.—Турки осуществляютъ наконецъ свою угрозу.—Безславіе польско-панской и слава русско-козацкой партіи.

Когда краніологъ сравниваетъ новѣйшіе черепа извѣстнаго племени съ самыми древними, какіе только удалось ему видѣть, онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ упорство, съ которымъ безсознательная природа хранитъ выработанныя вѣками черты, не давая новымъ вѣкамъ сгладить древнія пазнаменованія свои на ковчегѣ ума человѣческаго. Съ такимъ же, если, не съ бо́льшимъ еще, упорствомъ природа, сознающая свои операціи, полубожественная наша душа, противодѣйствуетъ вліянію новыхъ событій на формацію духа своихъ индивидумовъ.

Когда сравнимъ нынѣшній идеалъ праведности, святости близости къ Богу, распространенный между лучшими экземплярами темныхъ и просвѣщенныхъ русскихъ людей, мы съ удивленіемъ увидимъ, что онъ все тотъ же, каковъ былъ во времена достохвальныхъ пустыножителей Антонія и Өеодосія Печерскихъ. Аскетизмъ, кажущійся безсмысліемъ при поверхностномъ на него взглядѣ, есть только своеобразная форма философствую-

щаго духа, стоящаго въ оппозиціи съ громаднымъ большинствомъ людей, которые vitam silentio transeant.... Онъ, въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ, дорогъ русскому міру, именно живой части этого міра, на столько, на сколько русскій міръ страдалъ искони отъ людскихъ беззаконій и искалъ забвенія ихъ на лонѣ христіянской, безкорыстной, нелицепріятной любви, олицетворяемой для него аскетами. Вотъ почему живая, способная къ развитію часть русскаго міра сохранила этотъ идеалъ неизмѣннымъ до нашего времени, и не хочетъ придать ему какія-либо новыя черты. Много должнó совершиться событій и много должны поработать люди грядущаго вѣка для добра своихъ ближнихъ, чтобы этотъ идеалъ преобразился, въ народномъ сознаніи, на новомъ Өаворѣ. Отсюда для историка вытекаютъ двѣ мысли: что прошедшее наше требуетъ отъ насъ такого полнаго во всѣхъ подробностяхъ изученія, какое усвоено методомъ естествоиспытателей; и что наше будущее тогда только перестанетъ быть для нашего ума непонятною игрою случайностей, когда наука исторіи, призвавъ на помощь полный контингентъ человѣческихъ знаній, поставитъ передъ нами факты нашего прошедшаго въ такой опредѣленности, въ какой математика ставитъ свои теоремы. Стоя на соединительномъ пунктѣ двухъ уходящихъ отъ насъ въ противоположныя стороны путей, то есть между концомъ прошедшаго и началомъ будущаго, мы, въ силу послѣдовательности, должны распространить господствующій на обоихъ этихъ путяхъ законъ на каждое крупное явленіе жизни, на каждое многовѣковое созданіе былого. Чѣмъ глубже въ старину восходитъ неизмѣняемость главныхъ признаковъ даннаго явленія, тѣмъ это явленіе, въ исторической классификаціи, значительнѣе, разумѣя подъ значительностью не полезность или нравственную возвышенность явленія (понятія не конкретныя), а только силу. Сила — въ исторіи единственное мѣрило значительности, такъ какъ она знаменуетъ жизненность, а жизненность означаетъ право на

жизнь, слѣдовательно — непреложную правду. Все то ложно, что̀ вычеркивается изъ „книги живота“ таинственно правящею міромъ рукою. На этомъ основаніи, въ исторіи природы, сознающей свои операціи, равно какъ и въ исторіи природы безсознательной, изъ двухъ или многихъ борцовъ, правъ болѣе сильный, правъ герой успѣха, правъ побѣдитель. Но правъ онъ дотолѣ, доколѣ остается побѣдителемъ. Потому-то боготворимая нами муза Кліо такъ безчувственна во глубинѣ тонко анализирующей души своей; потому она такъ безразлично даритъ своимъ вниманіемъ сегодня самаго добродѣтельнаго человѣка, а завтра — злодѣя, сегодня—архитектора дивнаго храма Діаны, а завтра—Герострата. Для нея разрушительный огонь, истребившій допотопный лѣсъ, столь же высоко-занимательное явленіе, какъ и истребленный имъ лѣсъ, который былъ великолѣпнѣе и чудеснѣе всѣхъ чудесъ великаго храма Діаны. Она предоставляетъ времени доказать, что успѣхъ ея героя не продолжителенъ, что онъ противоположенъ принципу жизненности, и, не мѣняясь въ лицѣ, не потупляя даже дѣвственныхъ очей своихъ, переноситъ столь драгоцѣнное для каждаго вниманіе свое съ одного любимца счастья на другого. Вотъ почему и мы, малосмысленные жрецы всевѣдущей богини, съ одинакимъ увлеченіемъ описываемъ разрушеніе древняго міра варварами и созиданіе міра новыхъ идей подвижниками гуманизма. Вотъ почему и авторъ этой отважно выступающей на всяческій бой книги удостоиваетъ зловредныхъ козаковъ того самаго вниманія и изученія, что и полезнѣйшихъ колонизаторовъ Украины, ревностнѣйшихъ просвѣтителей общества, энергическихъ распространителей продуктовъ высокой цивилизаціи въ невѣжественной, полуазіятской средѣ нашего народа. Онъ занимается хищными варварами козаками тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ упорнѣе сохраняютъ они черты, общія имъ не только съ варяго-руссами, но и съ греческими аргонавтами, съ героями поэмъ Гомера, съ древнѣй-

шими витязями опоэтизированныхъ разбоевъ. Вотъ почему, наконецъ, онъ отдаетъ этимъ хищникамъ и разорителямъ предпочтеніе передъ чадами европейской культуры, составляющими предметъ изящнаго и глубокомысленнаго повѣствованія другихъ историковъ. Да, авторъ этой смиренной и дерзновенной книги не обинуясь предпочитаетъ козаковъ польской и польско-русской шляхтѣ, какъ ни много имѣла она въ себѣ трагически поставленныхъ героевъ меча, науки и даже глубокаго сердечнаго благочестія. Они, въ своихъ разбояхъ, въ своемъ всемірно извѣстномъ хищничествѣ и посягательствѣ на достояніе народовъ, всѣхъ ихъ сильнѣе, этихъ культиваторовъ, неспособныхъ охранять собственную культуру; ихъ грубая, разрушительная дѣятельность жизненнѣе утонченной дѣятельности великихъ польскихъ воиновъ, политиковъ и религіантовъ; ихъ разрушеніе больше открыло простору для жизни, чѣмъ созиданіе ихъ антагонистовъ. До скончанія нескончаемаго вѣка, Кліо не закончитъ своихъ правдивыхъ сказаній словомъ finis, и ни для одного народа не измѣнитъ божественному, похожему на безчувствіе, спокойствію своему. Полякамъ предоставляется возродиться силою сохраненной ими въ себѣ жизненности и обратить на себя вновь тѣ плѣнительно спокойныя очи, которыя давно отвернулись отъ нихъ ради грубыхъ лохмотниковъ; но, покамѣсть, эти лохмотники красуются на той страницѣ ея безконечной книги, на которой покоится вооруженная краснорѣчивымъ перомъ рука богини, ежеминутно готовая перекинуть листокъ и прославить новаго побѣдителя за превосходство его жизненной силы, которую онъ заявитъ въ своихъ подвигахъ.

Итакъ—опять козаки, какъ элементъ дикій, но торжествующій надъ элементомъ утонченнымъ.

„Сигизмундъ — вельми яровитый католикъ", говоритъ одинъ изъ старыхъ украинскихъ лѣтописцевъ: „всѣхъ бы людей подклонилъ подъ папу, и цѣлый міръ подневолить ему не попозорился".

Между тѣмъ этотъ яровитый католикъ, представитель цѣлаго сонма людей, безъ которыхъ никто и не зналъ бы о его католической завзятости, трусилъ нашихъ убогихъ иноковъ и безсознательно воевавшихъ въ пользу церкви козаковъ. Эти два типа, выработанные русскою жизнью, носили на себѣ черты могучей дѣятельности духа и, по закону долгой формаціи, были столь огнеупорны, желѣзоупорны, силоупорны и consilio-упорны, что это инстинктивно чувствовалось даже людьми, мечтавшими о безсмертной славѣ въ потомствѣ. Постоянный трепетъ митрополита унитскаго за свою жизнь, оправданный гибелью его намѣстника, давалъ усерднымъ слугамъ римской куріи преувеличенное понятіе, какъ о характерѣ козачества, такъ и о дѣйствительной силѣ его. Видя, что козаки пьянствуютъ и кумаются съ членами церковныхъ братствъ, которыя стали наконецъ ихъ заискивать, латинцы, судя по себѣ, воображали ихъ религіантами и, подъ видомъ ревности къ дому Божію, сильно безпокоились о возможности утраты церковныхъ имуществъ. Благочестивые мѣщане и близкіе къ мѣщанамъ паны, съ умысломъ и безъ умысла, поддерживали ихъ безпокойство своими толками о козакахъ, а чернецы и свѣтскіе писаки вносили козаковъ даже въ повѣствованіе о благочестивыхъ дѣяніяхъ святопамятнаго князя Василія, самаго опаснаго врага козацкаго; и отсюда-то произошли тѣ ошибочныя понятія о козацкомъ ратоборствѣ за вѣру, которыя, перешли къ нашему поколѣнію въ видѣ историческихъ свидѣтельствъ. Безпокойство унитовъ и католиковъ составляетъ параллель съ опасеніями современныхъ чернецовъ православныхъ на счетъ того, что будтобы, не сегодня, такъ завтра, всѣхъ благочестивыхъ окрестятъ въ латинство, а монастыри и церкви раздадутъ ксензамъ. Украинскіе иноки и инокини, шляясь въ Москву за „милостынею", распространяли свою тревогу по всему пути своему, и вносили превратныя понятія о королевскомъ правительствѣ въ царскіе терема, совершенно такъ, какъ противная сторона вносила пре-

увеличенные толки о козакахъ — въ Ватиканъ. „Успѣхамъ уніи", говоритъ нунцій Торресъ въ донесеніи папѣ, „препятствуютъ козаки, которыхъ 60.000" (цифра, увеличенная ровно втрое, а противъ признаннаго закономъ числа — въ 60 разъ). Въ сущности же, между русскою церковью, какъ экономическою единицею, и между козаками, какъ промышленно-военною корпораціею, происходилъ постоянный антагонизмъ. Это мы видѣли въ ихъ спорахъ съ Никольскимъ монастыремъ [1]) за бобровые гоны, рыболовныя озера и другіе входы. Этому столько же можно найти примѣровъ въ историческихъ памятникахъ, сколько со стороны латинской шляхты было примѣровъ оспариванью земель и доходовъ у своихъ бискуповъ, монастырей и катедръ,—на томъ простомъ основаніи, что масса состоитъ всего больше изъ эгоистовъ и всего меньше — изъ религіантовъ. Чтò касается до мѣщанъ, изъ которыхъ козаки большею частью происходили въ первое время своего существованія, то они постоянно трепетали за свое имущество передъ козаками, какъ это видно: изъ протеста кіевскихъ мѣщанъ въ житомирскихъ замковыхъ книгахъ 1584 года; изъ двойной роли тѣхъ же мѣщанъ въ борьбѣ Жовковскаго съ Наливайкомъ и Лободою; изъ поступка Брацлавянъ, которые отреклись отъ своего союзника Наливайка въ трудное для него время; изъ того, что, когда онъ бѣжалъ впереди Жовковскаго, то всѣ города запирали передъ козаками дорогу, [2]) и изъ многихъ другихъ случаевъ. Хоть козаки и помогли мѣщанамъ отстоять іерархію при Сагайдачномъ, хоть они, по просьбѣ мѣщамъ, не разъ и послѣ того протестовали противъ уніи, но вообще, это были такіе безпокойные союзники, что мѣщане всегда готовы были отъ нихъ отречься. Когда Бѣлорусскія увидѣла въ своихъ предѣлахъ московское войско и города ея на-

---

[1]) См. т. I, стр. 48.

[2]) См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2 марта 1596 года.

чали покоряться царю Алексѣю Михайловичу,—первою просьбою мѣщанства было запрещеніе козакамъ, равно какъ и жидамъ, жить въ городахъ. Еще характеристичнѣе относительно отчужденія, существовавшаго между козачествомъ и мѣщанствомъ, а пожалуй и духовенствомъ, отзывъ современника о торжествующемъ козацкомъ элементѣ. Во время Хмельнищины, мѣщане, волей и неволей, должны были идти въ козаки и носить усы и чуприны по-козацки. Очевидецъ этого превращенія, по видимому, какой-то дьяконъ или священникъ, восклицаетъ въ своей лѣтописи: „Такъ діаволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ"! Еслибы козаки въ самомъ дѣлѣ были заинтересованы церковнымъ вопросомъ, какъ въ этомъ насъ хотятъ увѣрить; другими словами—еслибы съ интересами церкви соединялись ихъ экономическія и корпоративныя выгоды, то не допустили бы они, чтобы изъ 3.258 храмовъ православныхъ осталось незахваченными уніею только 1.089, хотябы самъ король ѣздилъ отъ церкви до церкви по королевщинамъ и изгонялъ поповъ такъ, какъ сдѣлано было во Львовѣ по распоряженію арцыбискупа Суликовскаго. [1]) Очевидно, что козаками только пугали враговъ древняго благочестія, преувеличивая даже число ихъ; а такое запугиванье разносилось тѣмъ шире молвою, что иногда мѣщанамъ удавалось подстроить добрыхъ молодцовъ запорожскихъ на такую кровавую шутку, какую они разыграли, въ 1618 году, съ намѣстникомъ унитскаго митрополита.

Козаки не имѣли не только религіозной, но и политической тенденціи. Это, между прочимъ, видно изъ посольства Сагайдачнаго къ московскому царю. Въ мартѣ 1620 года, явился отъ него, то есть отъ козаковъ, или въ угоду козакамъ, въ Москву отáманъ Петрó Одинéцъ съ предложеніемъ царю службы козацкой и съ просьбою о жалованьѣ за недавній промыселъ козацкій надъ

---

[1]) См. т. I. стр. 235.

врагами христіянства. Думный дьякъ Грамотинъ, похваливъ козаковъ за ихъ службу, сказалъ: „У насъ такой слухъ, что король Жигимонтъ хочетъ наступить на вашу вѣру; такъ объявите, нѣтъ ли на вашу вѣру отъ поляковъ какого посяганья“? Козаки отвѣчали: „Посяганья на насъ отъ польскаго короля никакого не бывало“, и эти слова записаны въ офиціальныхъ московскихъ столбцахъ, наряду съ тѣми тревожными слухами, которые московскіе дьяки старательно собирали въ такъ называемой литовской сторонѣ изъ устъ единовѣрнаго духовенства и монашества. Между тѣмъ время козацкаго отрицанія всякаго посягательства на православную вѣру со стороны католиковъ совпадаетъ со вступленіемъ Сагайдачнаго въ братство, фактомъ, истолкованнымъ въ смыслѣ его козацкой религіозности, и съ послѣдовавшимъ за тѣмъ участіемъ Сагайдачнаго въ церковныхъ дѣлахъ, которое, въ глазахъ нашихъ историковъ, на всю жизнь его распространило характеръ воителя православной церкви. Объ этомъ участіи козацкаго предводителя въ дѣлахъ не-козацкихъ разскажемъ поподробнѣе.

Въ томъ же 1620 году, въ которомъ Сагайдачный посылалъ въ Москву просить у царя жалованья за козацкіе подвиги свои, [1]) возвращался черезъ Кіевъ изъ Москвы іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, вызванный туда для посвященія въ патріархи отца новоизбраннаго царя, Филарета Никитича. Тѣснимый турками грекъ, за щедрое даяніе, оказалъ бы царю и не такую услугу, нужды нѣтъ, что былъ человѣкъ ученый и добросовѣстный. Въ Кіевѣ окружили святого мужа, какъ и подобало, представители грековосточнаго вѣроисповѣданія. Въ числѣ ихъ были и новые русскіе магнаты, выступившіе на сцену по исчезновеніи съ нея

[1]) Такъ какъ тогда были еще въ свѣжей памяти опустошительные подвиги этихъ защитниковъ православія въ православной Московщинѣ, то козакамъ дано только 300 рублей „легкаго жалованья“, и „свѣтлыхъ царскихъ очей“ они не удостоены видѣть.

тѣхъ, которые предпочли быть магнатами польскими, обратясь въ католичество. Что благочестивое духовенство чествовало и должно было чествовать людей, готовыхъ, въ случаѣ чего, расправиться съ ихъ врагами такъ, какъ съ Грековичемъ, это само собой понятно; а ухаживало оно за ними тѣмъ паче, что добрые молодцы были не прочь и отъ пожертвованія въ пользу церкви, во спасеніе своихъ душъ, обходившихся на сушѣ и на морѣ безъ священниковъ. Подобно тому, какъ папскіе нунціи, или какіе бы то ни было ревнители западной церкви, склонили Сигизмунда, да и не одного Сигизмунда, а даже такихъ людей, какъ Левъ Сопіга, дѣйствовать въ пользу уніи, — ревнители церкви восточной воспользовались послушною ихъ внушеніямъ силою, чтобы возстановить уничтоженную православную іерархію. Нежданный гость имѣлъ власть или рѣшимость возстановить въ разоренной Московщинѣ патріархатъ на досаду католическому міру: почему же было ему въ Украинѣ не посадить митрополита и епископовъ на похищенные у нихъ престолы? Патронатъ надъ русскою церковью фактически перешолъ тогда изъ рукъ покойнаго князя Острожскаго въ руки могущественнаго предводителя Запорожскаго Войска. Его вписали въ кіевское братство со всѣми козаками безъ исключенія. Съ такими братчиками подъ рукой, можно было отважиться на рѣшительное противодѣйствіе уніи. Отъ ихъ имени дѣйствовать было не только не страшно, а пожалуй надежнѣе, чѣмъ отъ имени князя Василія Острожскаго, этого отступника-de-facto, со всѣми его скарбами, обнаружившимися, во всемъ безобразіи своей громадности, по смерти отступника-de-jure, Януша. Князь Василій довольно капризно и не по-рыцарски выдалъ своего гостя и совѣтника, грека Никифора, на смерть въ заточеніи; козаки не выдавали даже самозванцевъ, искавшихъ у нихъ пристанища. Если князя Острожскаго, пріятеля Поссевина и Скарги, отца окатоличенныхъ дѣтей, заставлялъ кто-то—и всего скорѣе кіяне—ратовать за благочестіе, то тѣмъ же самымъ манеромъ

тѣ же кіяне могли и, консеквентно, должны были подвинуть Сагайдачнаго на его хорошее, но никакъ не его личное дѣло. Вѣдь идея церковной уніи принадлежала въ началѣ къ любимымъ мечтамъ князя Острожскаго; сперва это было его pium desiderium; а потомъ неудовлетворенная гордость и интересы патроната заставили его дѣйствовать въ противоположномъ направленіи, идти на буксирѣ у разсчетливыхъ и искреннихъ ревнителей благочестія. Если Сагайдачный, котораго мы знаемъ весьма мало, былъ не чуждъ подобной уступчивости, то тѣмъ легче онъ могъ склониться на такое дѣло, которое вовсе не противорѣчило обычнымъ убѣжденіямъ козака, которое могъ совершить одинъ онъ, и которое должно было осчастливить стольких почтенныхъ людей. Дѣло, конечно, было смѣлое: предстояло вмѣшаться въ прерогативы королевской власти: при жизни утвержденныхъ королемъ и Рѣчью-Посполитою унитскихъ іерарховъ, поставить на митрополію и епископію дизунитовъ. Ни одно государство не представило въ исторіи такого coup d'ètat со стороны людей, не облеченныхъ никакою правительственною властью.

Кто былъ душею этого вполнѣ удавшагося переворота, неизвѣстно; но нельзя не замѣтить, что онъ былъ сдѣланъ въ соотвѣтствіе тому смѣлому шагу, который двадцать пять лѣтъ назадъ сдѣлала королевская лига введеніемъ уніи: это былъ, что называется, wet za wet. Унія была дѣломъ рѣшимости іезуитскихъ патеровъ; анти-унія должна была быть подобнымъ же дѣломъ людей, которыхъ побороть іезуитамъ не удалось. Ни богатствомъ, ни честолюбіемъ, ни страхомъ преслѣдованія, ни развращеніемъ нравовъ, ни даже наукою, построенною софистически, ничѣмъ нельзя было связать руки монахамъ, борцамъ за русскую церковь и народность. Всѣхъ одолѣли іезуиты этими могущественными средствами; но русскаго инока, въ его добровольномъ убожествѣ, не одолѣли. Ему-то, противъ котораго всѣ ухищренія оказались напрасными, долженъ принадлежать и ве-

ликій подвигъ рѣшимости, поддержанный козаками. *Не треба смерти боятись!* этотъ девизъ и воинствующая церковь, и воинствующая свобода народная одинаково могли внушить своимъ подвижникамъ и поддерживать въ нихъ во всемъ благородствѣ его. Іову Борецкому, болѣе нежели кому либо другому, могъ принадлежать починъ этого дѣла и приведеніе его въ исполненіе. Святостію ли жизни, даромъ ли убѣжденія, или дружескими отношеніями взялъ онъ у Сагайдачнаго — ничего не извѣстно; но прецеденты Сагайдачнаго отнюдь не таковы, чтобы мысль о возстановленіи православной іерархіи могла въ немъ зародиться и дойти до осуществленія. Сагайдачный, по началу и продолженію своей карьеры, былъ козакъ изъ козаковъ, ultra-козакъ. Онъ, при всемъ своемъ умѣ, который признавали въ немъ и поляки, слылъ у нихъ „простакомъ". Простые умы самыхъ геніяльныхъ людей, то есть не воздѣланные наукою, имѣютъ ту особенность, что внушаютъ человѣку только исполненіе ближайшаго долга его. Они слишкомъ мудры для того, чтобы пускаться въ широкое море посторонней дѣятельности, безъ соотвѣтственныхъ знаній. Они тѣмъ и высоки, что знаютъ хорошо путь свой и никогда съ него не сворачиваютъ. Быть агитаторомъ такого вопроса, какъ созданіе разрушенной церкви, Сагайдачный не могъ. Не ribaldo flagitiosus, недоучившійся въ острожской школѣ, а тотъ, кто всю жизнь употребилъ на приготовленіе людей къ борьбѣ за вѣру путемъ науки, способенъ былъ возымѣть великую идею и провести ее въ окружавшей его средѣ до конца.

У Сагайдачнаго было довольно собственнаго дѣла. Онъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій, образовалъ за Порогами войско, вполнѣ самостоятельное и одному ему послушное. Въ противность радикальнымъ мѣрамъ правительства, онъ устремлялъ русскую силу противъ турокъ; онъ своими успѣхами вызывалъ за Пороги цвѣтъ этой силы и, въ строгой простотѣ запорожскаго быта, вырабатывалъ будущихъ представителей народнаго

права для предстоявшей борьбы его съ правомъ польскимъ. Въ 1595 году Ласота видѣлъ за Порогами только до 3.000 козаковъ; сколько ихъ собралось на Солоницѣ, достовѣрно нельзя сказать. Дѣло въ томъ, что они потеряли тамъ свои знамена, пушки, ружья, походные возы, боевые снаряды; но прошло двадцать два года, и Запорожцы выставили 20.000 хорошо вооруженнаго войска подъ Можайскомъ, а вскорѣ затѣмъ 30.000 подъ Хотиномъ. Организаторъ такой силы, дѣлая свое дѣло съ неуклонною постепенностью, во всю свою карьеру не имѣлъ ни одной стычки съ короннымъ войскомъ. Онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, которыя заставляли радныхъ пановъ королевскихъ просить бунтовщика о помощи, игнорируя сеймовые декреты противъ Запорожскаго или Низового Войска. Козаки, считавшіеся банитами до московской войны и не признанные свободными гражданами по возвращеніи изъ этой важной для Польши экспедиціи, тѣмъ не менѣе de facto удерживали русскій край за русскими людьми, служили послѣднему редуту русской народсти — монастырямъ — опорою, были предметомъ преувеличеннаго страха для враждебнаго ей лагеря и, наконецъ, въ качествѣ вооруженныхъ братчиковъ, помогли совершиться важному перевороту въ русской церкви. Все это было дѣло Сагайдачнаго, умѣвшаго править хаотической массою; и въ этомъ дѣлѣ больше военнаго генія, нежели въ соединеніи Хмельницкаго съ татарами на христіянское войско, или въ торжествѣ многолюдныхъ его полчищъ надъ панскимъ оружіемъ. Въ этомъ дѣлѣ больше политическаго такта, чѣмъ въ разрушеніи государства сампсоновскимъ манеромъ и въ закрѣпощеніи монастырямъ и землевладѣльцамъ народа, обольщеннаго козакованьемъ. Если же мы возьмемъ хотя гадательную цифру выжженныхъ селъ, разоренныхъ хозяйствъ и павшаго народа, то героя „руины“, какъ прозвана въ народѣ Хмельнищина, не поставимъ и близко возлѣ защитника Украины и Польши отъ враговъ христіянства.

И все-таки мы не ему приписываемъ возсозданіе церковной іерархіи посредствомъ щедрыхъ даяній обдираемому турками патріарху, хотя эти даянія преимущественно исходили отъ нашихъ добычниковъ. Лично Сагайдачный *могъ* заботиться объ отпущеніи грѣховъ своихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись на подаренномъ имъ въ Братскую церковь крестѣ. Относительно страха Божія, или „Божія суда", русинъ козакъ и русинъ коронный гетманъ питали одинаковыя чувства въ войнѣ и ея опасностяхъ. Каждый изъ нашихъ добычниковъ и счастливыхъ пиратовъ сознавалъ болѣе или менѣе, что душа его могла бы быть иною. Даже малеванный запорожецъ, этотъ любимецъ старосвѣтскихъ свѣтлицъ украинскихъ, въ своей цинической надписи, [1]) говоритъ:

Та вже пристáрівшись на Русь пійти́ мушу́,
Ачéй попи́ відпоминáють мою грішну ду́шу.

По французской пословицѣ, и самъ дьяволъ состарившись дѣлается отшельникомъ. Что же мудренаго, если козакъ старался, по своимъ понятіямъ, обезпечить себѣ на томъ свѣтѣ возможно лучшее помѣщеніе? Но не на вкладахъ въ церкви, не на благочестивыхъ духовныхъ завѣщаніяхъ напечатлѣвается суть прожитой человѣкомъ жизни, а на ея послѣдствіяхъ. Многіе историки ошиблись въ оцѣнкѣ историческихъ характеровъ, не обращая вниманія на то, что, послѣ прожитой этими героями жизни, оста-

[1]) Лучшій варіантъ этой надписи находится подъ старпннымъ изображеніемъ запорожца, хранящимся въ варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ. Надпись, напечатанная въ I-мъ томѣ „Записокъ о Южной Руси", списана мною съ малёваннаго запорожца, находящагося въ собраніи мѣстныхъ изображеній въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ, гдѣ я, во время оно, въ качествѣ неизвѣстнаго посѣтителя, нашолъ самое радушное гостепріимство у просвѣщенныхъ людей, управлявшихъ тогда Мошенскимъ имѣніемъ. Когда я благодарилъ ихъ за удовлетвореніе моему любопытству и за содѣйствіе въ развѣдываніи мѣстной старины, мнѣ отвѣчали, что они только исполнили наказъ благороднаго владѣльца.

лось въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежали. Послѣ Сагайдачнаго козаки вновь являются передъ нами чуждыми интересовъ церкви, и этимъ свидѣтельствуютъ, что Сагайдачный въ своемъ козакованьѣ былъ не религiознѣе малеваннаго запорожца, который потому не хочетъ умирать въ степи, что

Татаринъ цура́еться, а ляхъ не присту́пить....
Хиба́ яка́ звiрю́ка у байра́къ поцу́пить;

которому всего милѣе воспоминанiе о томъ, какъ онъ когда-то варилъ кровавое пиво, которое

Пивъ ту́рчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво.

Вотъ какую суть жизни выработалъ въ себѣ Сагайдачный, и только подобныя сенсацiи, а вовсе не религiозность, оставилъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Въ нисходящемъ потомствѣ ищутъ, и находятъ, зримый глазами образъ того или другого сильнаго предка. Въ преемствѣ жизни духовной существуетъ одинъ и тотъ же законъ. Еслибы Сагайдачный былъ религiозенъ въ смыслѣ некозацкомъ и не повторился въ своихъ потомкахъ, это значило бы что онъ былъ только мнимый родоначальникъ нисходящихъ поколѣнiй козацкаго семейства, что онъ былъ слишкомъ слабъ для продолженiя своего рода. Но онъ, какъ мы видимъ, былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ ковалей, какiе когда-либо участвовали въ ковкѣ козацкаго завзятаго, затаеннаго и бурно кипящаго въ своей таинственной глубинѣ духа. Онъ повторился много разъ въ козачествѣ, и родственный ему типъ распространенъ даже и нынѣ среди земляковъ его.

Совсѣмъ иной характеръ представляетъ Iовъ Борецкiй. Онъ отличался ученостью, которою, впрочемъ, на Руси въ то время не мудрено было отличиться, и выборъ въ архiереи палъ на людей тоже ученыхъ и литературныхъ—прежде всѣхъ на Исаiю Купинскаго, потомъ на Мелетiя Смотрицкаго и т. д. Это признакъ его

дѣятельности. Онъ былъ благотворительный аскетъ, и въ числѣ избранныхъ на епископіи личностей рѣдко кто не былъ извѣстенъ болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ на Аѳонѣ. Это также *его* слѣдъ въ великомъ дѣлѣ возсозданія, того, что̀ было разрушено панами и латинцами. Молодые, впечатлительные годы Іова Борецкаго совпали съ московскою трагедіею необычайнаго успѣха названнаго Димитрія и тѣхъ великихъ мечтаній объ освобожденіи христіянскаго міра отъ агарянъ, которыя нашли въ этомъ талантливомъ пройдохѣ свой громкій органъ. Мыслью о возможности переворота въ Турціи, на манеръ московскихъ событій, занялся нашъ инокъ впослѣдствіи, точно молодой мечтатель, по случаю появленія на Руси греческаго царевича, и долго не покидалъ этой мысли. Это опять показываетъ формацію души, болѣе общую съ дѣломъ спасенія русской народности отъ латинцевъ, нежели какова была формація души Сагайдачнаго. Онъ же посылалъ въ 1625 году къ московскому царю смѣлый проектъ присоединенія польской Руси къ Руси московской, чрезъ посредство козаковъ. Но даже издали, даже изъ Москвы, было видно, что „соединенія“ между духовенствомъ и козаками не было (хотя посолъ Борецкаго представлялъ дѣло такъ, какъ-будто козаки стоятъ на одномъ и томъ же уровнѣ съ церковнымъ воинствомъ Іова). Царскіе бояре, безъ обиняковъ, поставили это на видъ послу митрополита, озабоченнаго опаснымъ положеніемъ только что поднятой имъ изъ паденія русской іерархіи. Греческій царевичъ, соединеніе отъ его имени единовѣрныхъ народовъ противъ Турціи и возстановленіе православной іерархіи посредствомъ козаковъ—это замыслы одинаковые, хотя не одинаковъ былъ ихъ успѣхъ. Суть жизни Іова: его глубокое пониманіе церкви, какъ главной опоры народности, которую старались превратить въ латинскую окаменѣлость; его заботы о наукѣ, какъ объ оружіи, безъ котораго не устоять православію противъ латинства; наконецъ, его пламенная вѣра, которая, по апостолу, только въ такомъ случаѣ „чиста́ и несквѣрна передъ

Богомъ", когда вѣрующій помогаетъ сиротамъ и вдовицамъ въ ихъ бѣдствіяхъ и хранитъ себя неоскверненнымъ отъ міра, [1])— все это напечатлѣно на послѣдствіяхъ исторической роли его и на продолжателяхъ дѣлъ его, которые, подобно нисходящему потомству, повторяли нравственный образъ великаго строителя церкви, Іова милосердаго, многоученаго, пламеннаго духомъ, ревнующаго о домѣ Божіемъ паче жизни и всѣхъ благъ ея. Въ параллель и противоположность Іову, суть жизни Сагайдачнаго воспроизведена въ позднѣйшемъ козачествѣ, которому церковно-религіозный элементъ былъ нуженъ такъ же мало, какъ и ему самому для преуспѣянія козацкой корпораціи. Оба эти дѣятеля были равно велики въ своихъ начинаніяхъ, но каждый дѣлалъ свое дѣло по совершенно простымъ, примитивнымъ, чтобы не сказать—по эгоистическимъ побужденіямъ, по внушеніямъ самозащиты, этого первоначальнаго родника героической славы. Оба старались не дать гнѣзда своего въ обиду. Одинъ создалъ козацкую силу, поднявъ козачество изъ упадка въ опасное для него время, когда оно могло бы быть задушено, и тѣмъ безсознательно обезпечилъ сліяніе Южной Руси съ Сѣверною, вѣрнѣе сказать—сдѣлалъ это сліяніе неизбѣжнымъ. Другой создалъ силу интеллигентную, посредствомъ возстановленія іерархіи изъ лучшихъ людей, какіе только могло выработать русское противодѣйствіе католичеству и уніи, и сознательно, какъ подвижникъ интеллигенціи, велъ дѣла къ тому, чтобы Малая Россія не оставалась отрозненною отъ Великой. Какъ въ козакахъ послѣдовавшихъ эпохъ виденъ ихъ прототипъ Сагайдачный, болѣе или менѣе искаженный и видоизмѣненный новыми внѣшними вліяніями, такъ и въ послѣдовавшихъ дѣятеляхъ мысли Іова, подъ сѣнію церкви, не разъ воскресалъ передъ нами образъ Іова, со всѣми его высокими достоинствами и съ примѣсью неизбѣжныхъ въ омутѣ жизни недостатковъ. Таковъ мой

---

[1]) Соб. посл. Іак. I, 27.

выводъ изъ сопоставленія извѣстныхъ данныхъ съ неизвѣстными, или — съ историческимъ иксомъ.

Какъ бы, впрочемъ, оно ни было, только, по сказанію густынскаго лѣтописца, козаки, въ качествѣ ли „старшихъ", или въ качествѣ младшихъ братчиковъ кіевскихъ,—это намъ не извѣстно,—взяли патріарха Ѳеофана подъ свою охрану, когда онъ появился въ Украинѣ. „Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху", говоритъ съ трогательною наивностію густынскій лѣтописецъ, который, вмѣсто „овецъ словесныхъ", взялъ бы, можетъ быть, подобіе „сѣрыхъ волковъ", еслибъ не былъ забитый семинаристъ и читалъ слово о козакахъ Игоревыхъ. Въ виду унитскихъ властей, въ виду королевскихъ урядниковъ, въ виду отступившихъ и приготовленныхъ къ отступничеству пановъ русскихъ, козаки теперь, болѣе нежели когда-либо, напоминали стихъ изъ панегерика ихъ прототипу — храбрымъ русичамъ: „Сами скачутъ аки сѣрые волцы, ища себѣ славы, а князю чти". Княземъ являлся среди нихъ Сагайдачный, и ихъ исканіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: они совершили дѣло во вѣки славное; русская церковь и русская народность никогда не перестанутъ чтить имени великаго козацкаго гетмана.

Ѳеофанъ пробылъ въ Кіевѣ съ ранней весны до октября; готовые къ бою братчики постоянно охраняли его, а потомъ, въ числѣ 3.000, вмѣстѣ съ Сагайдачнымъ и всѣми ново-посвященными архіереями, проводили его до самой границы и разстались въ городѣ Бушѣ. На прощаньи патріархъ нашолъ необходимымъ внушить *религіозному* козаку: чтобы онъ не ходилъ войною на Москву, „на родъ христіанскій."

Не стану распространяться объ отношеніяхъ польскаго правительства къ патріарху, сдѣлавшему, можно сказать, козацкое вторженіе въ область другого „святѣйшаго отца", къ ущербу его экономіи. Довольно сказать, что словесныя овцы, пасомыя энер-

гическимъ посохомъ Борецкаго, не переставали охранять импровизированную іерархію, доколѣ она въ томъ нуждалась, и что, безъ этой охраны, не просуществовать бы ей и одного года. Опасное положеніе православнаго митрополита и его архіереевъ обнаружилось тотчасъ по отъѣздѣ патріарка въ Грецію. Подобно тому, какъ благочестивымъ было возможно подстроивать козаковъ сегодня на кровавыя расправы съ предержащими властями уніи, а завтра на возстановленіе православной іерархіи, такъ точно, съ другой стороны, нечестивымъ легко было подсунуть королю къ подписи декретъ, которымъ новыхъ русскихъ іерарховъ повелѣвалось ловить и казнить смертью. Повторялась все та же исторія, которую мы читали между стровъ у Кадлубка и продолжаемъ читать у присяжныхъ писакъ до нашего времени включительно, исторія разжигательства международной вражды.

Іерархи скрылись въ недоступныя для королевскихъ рукъ (brachia regalia) мѣстности, оставляя, покамѣстъ, монастырскія и церковныя имущества въ распоряженіи своихъ антагонистовъ. Несообразное съ силою вещей гоненіе, какъ обыкновенно бываетъ, подлило масла въ огонь. Для воинственныхъ мѣщанскихъ братчиковъ, сподвижниковъ Сагайдачнаго, настала очередь доказать самимъ дѣломъ то, что̀ было обѣщано мѣщанамъ и не исполнено братчиками-аристократами временъ Острожскаго. Слова: „мы должны имъ помогать и за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ“, эти слова, такъ хорошо звучавшія въ устахъ пановъ, готовыхъ за первое старо́ство отступиться отъ благочестія, выражены были со стороны козаковъ инымъ способомъ. Можно бы подумать, что Сагайдачный умышленно раздражалъ турокъ своими военными операціями въ Крыму, за Днѣстромъ, въ Румеліи, въ Анатоліи и на бурномъ „русскомъ“ морѣ,—раздражалъ для того, чтобы поставить Рѣчь-Посполитую въ необходимость умолять своихъ банитовъ и бунтовщиковъ о помощи; но великіе соціальные дѣятели не создаютъ обстоятельствъ: они только пользуются

ими. Создавать обстоятельства стремятся дѣятели низшаго разряда,—такъ называемые военные геніи.

Какъ бы то ни было, только въ 1616 году поляки, на варшавскомъ сеймѣ, торжественно обязались передъ турками усмирить козаковъ; въ 1617-мъ повторили то же обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а въ 1618-мъ взмолились къ нимъ, чтобы спасали въ Московщинѣ остатокъ войска королевича Владислава. Въ виду этого факта, еще поразительнѣе для насъ королевскіе универсалы къ украинскимъ старостамъ и вообще къ пограничнымъ властямъ: чтобъ они отнюдь не отпускали за Пороги ни за какія деньги живности, пороху, свинца, а на сплавныхъ рѣкахъ не давали строить козацкіе походные суда, или спускать къ Порогамъ липы, изъ которыхъ козаки выдѣлывали самое корыто своихъ чаекъ,—все это подъ смертною казнью и конфискаціею имущества. Польская система запрещенія морскихъ походовъ козакамъ, обусловленныхъ не буйствомъ, а житейскими потребностями еще со временъ варягоруссовъ, имѣетъ, въ своей специфичности, нѣчто общее съ континентальною системою Наполеона I: она привела Польскую Рѣчь-Посполитую въ положеніе Франціи своего времени. Лучшимъ доказательствомъ естественной законности военно-промышленнаго стремленія къ морю, вторженія въ землю поработителей, желанія отвѣдать счастья въ борьбѣ съ врагами европейской культуры служитъ постоянное участіе пограничной шляхты въ козацкомъ промыслѣ, отъ начала козачества до окончательной кровавой ссоры *всего* шляхетскаго со *всѣмъ* не-шляхетскимъ и всего польскаго со всѣмъ русскимъ. Еще въ 1635 году, всего за тринадцать лѣтъ до паденія запретительной польской системы (при Хмельницкомъ),—сеймовымъ постановленіемъ запрещалось украинской шляхтѣ увлекаться козацкими походами на море. „Случается часто", говоритъ сеймовой законъ, „что на той Украинѣ люди шляхетскаго сословія помогаютъ запорожскимъ козакамъ въ такихъ морскихъ походахъ и

устраиваютъ имъ различныя adminicula къ этому своевольству, да и сами ходятъ съ ними на море и дѣлятся съ ними добычею". [1])

Не менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ силы вещей и безсилія кабинетныхъ мѣропріятій представляетъ напрасное назначеніе коммиссій изъ знатнѣйшихъ пановъ для обсужденія способовъ удержать козаковъ въ повиновеніи. Хотя, по выраженію закона, „отъ этого зависѣла вся сила Польши" и въ спискахъ членовъ коммиссій фигурировало по нѣскольку десятковъ такихъ именъ, какъ Замойскій, Заславскій, Корецкій, Любомирскій, Потоцкій, но задача была слишкомъ трудна, цѣль, очевидно, представлялась недостижимою, и паны иногда даже не съѣзжались вовсе для совѣщаній по назначенію сейма. Ошибка польскихъ государственныхъ людей въ воззрѣніи на козачество заключалась не въ ихъ свирѣпости, на которую такъ налегаютъ наши художничающіе историки, забывая, что паны принадлежали къ породѣ людей, а не львовъ или тигровъ: ошибка ихъ заключалась въ отсутствіи у нихъ экономическаго образованія, котораго не возможно было и требовать въ тотъ вѣкъ, когда уничтоженіе сосѣдей считалось верхомъ премудрости во внѣшней политикѣ, а обогащеніе одного сословія на счотъ другихъ—во внутренней. Они были виновны только тѣмъ, что были сильнѣе русской партіи. Еслибы русская демократическая партія была на мѣстѣ польской аристократической, то есть правительствовала бы государствомъ,—навѣрное она бы впала въ подобныя же погрѣшности противъ силы вещей и здраваго экономическаго смысла. Правители Рѣчи-Посполитой распоряжались, безъ особенныхъ злостныхъ затѣй, по пословицѣ: „сытый голоднаго не понимаетъ". Вмѣсто того, чтобъ доставить низшимъ слоямъ общества безобидныя для ближнихъ средства къ обогащенію, они все свое вниманіе устремляли на оборону своего легальнаго захвата. Для сохраненія въ порядкѣ и обороны до-

[1]) „Volumina Legum" изд. Огрызко, III, 408.

мовъ, зáмковъ, фольварковъ, стадъ, пастбищъ, мельницъ, рыболовныхъ мѣстъ, пасѣкъ, бобровыхъ гоновъ и другихъ угодій, необходимо было имъ держать толпу такъ называемыхъ рукодайныхъ слугъ изъ мелкаго шляхетнаго и нешляхетнаго народа. Хищность этихъ офиціалистовъ и распространенная между ними подражательность панскому быту увеличивали непомѣрно расходы и вели къ неправильному, форсированному извлеченію доходовъ изъ каждой хозяйственной статьи. Сдача недвижимаго, имущества въ аренду естественно, не уменьшала, а увеличивала зло. Что̀ дѣлалъ или допускалъ дѣлать панъ въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ своихъ, то еще съ большею безпорядочностью и насиліемъ надъ работящимъ людомъ творилось въ имѣніяхъ королевскихъ этими старостами, подстаростіями, дозорцами, ихъ намѣстниками и всего болѣе—рандарями. Тякой способъ хозяйничанья, получившій у нѣмцевъ особенное названіе (polnische Wirthschaft), отбивалъ охоту къ экономической предпріимчивости у каждаго зависимаго земледѣльца и у каждаго неизбѣжно зависимаго въ то время торговца. Предпріимчивость, эта душа человѣческой дѣятельности, натурально искала выхода, вмѣсто того, чтобы погибнуть. Она устремлялась туда, гдѣ не было произвольной власти человѣка надъ человѣкомъ, стремилась къ промыслу на сторонѣ—къ звѣриной и рыбной ловлѣ, прикрываемой отъ сосѣднихъ хищниковъ вооруженною силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ добычничанью на счотъ хищныхъ сосѣдей. Вотъ истинное происхожденіе украинскаго козачества, а не удальство и разгулъ, о которомъ любятъ распространяться наши сочинители. Въ этомъ легкомъ эскизѣ экономическаго быта Рѣчи-Посполитой заключена вся суть ея исторіи.

Еслибы сытые паны способны были понимать голоднаго, они бы обратились къ правилу: живи и жить давай другимъ, которое лежитъ въ основаніи всякой ассоціаціи умственнаго и физическаго труда. Еслибы и наши историки не были го-

родскими питомцами, они бы поняли, какъ горько приходилось козакамъ удальство, доставляющее литератору краснорѣчивыя тирады. Отъ добра добра не ищутъ, и въ наше время нѣтъ козачества, напримѣръ, хотьбы въ Сѣверной Америкѣ, во все не отъ нравственнаго превосходства янки надъ запорожцами, а отъ успѣховъ экономическихъ понятій, усвоенныхъ администраторами и даже финансистами. Еслибы въ Таврическомъ Херсонесѣ продолжала развиваться греческая культура, вмѣсто засѣвшей тамъ татарщины,—навѣрное, даже слово *козакъ* не было бы извѣстно современному намъ человѣчеству; а тѣ козаки, которые завоевали для Московіи Сибирь, благодаря московскимъ порядкамъ, угнетавшимъ врожденную въ человѣкѣ предпріимчивость,—безъ сомнѣнія, не ходили бы такъ далеко за добычею и, подъ вліяніемъ культивированныхъ сосѣдей, сдѣлали бы, въ качествѣ хозяевъ, гораздо болѣе цѣнныя пріобрѣтенія для обширной пустыни, называющейся въ наше время Россійскою Имперіею. Козачество, этотъ продуктъ отатаренной пустынности русскихъ владѣній *выкохалось* среди трехъ громадныхъ, но безпорядочныхъ хозяйствъ: polnische Wirthschaft; moskauische Wirthschaft, tartarische Wirthschaft.

Славяно-татарская безпорядочность, а не духъ рыцарства, какъ это пріятно утверждать однимъ, не духъ разбойничанья изъ ненависти къ государственному началу, какъ это офиціозно говорятъ другіе, и не то поэтическое удальство, которое представляется историкамъ, художничающимъ безъ юса въ своемъ художествѣ [1]). Польскіе администраторы были или рыцари, или государственники, или кабинетные мыслители; поэтому они такъ и совпадаютъ во взглядѣ на козачество съ нашими, впрочемъ, достопочтенными труженниками на разнообразной почвѣ историческихъ изысканій (я не говорю—изслѣдо-

---

[1]) См. выше, стр. 208, примѣч. 2.

ваній). У нихъ на столѣ лежало римское право, каноническое право и свое любезное księżęce, или иначе польское, право; но не лежали и не могли лежать основанія политической экономіи. У нашихъ историковъ, равнымъ образомъ, столы завалены легендами старыми — лѣтописями, легендами новыми — прагматическою переработкою старыхъ и всевозможными политическими трактатами; но, судя по высказываемымъ ими понятіямъ объ отношеніяхъ сословій въ описанныя ими времена, въ собраніи ихъ книгъ остается та же неполнота, какъ и у польскихъ администраторовъ, не смотря на то, что политическая экономія, невѣдомая магнатамъ, открываетъ въ наше время новую будущность человѣчеству.

Козаки, яко люди, стоящіе непосредственно у дѣла, лучше нашихъ историковъ понимали, что корень зла для успѣховъ культуры заключается въ нелѣпомъ хозяйничаньѣ турокъ и татаръ, при которомъ не возможно было удержать даже тѣхъ портовъ черноморскихъ, которыми владѣли старые литовскіе князья до паденія Цареграда. Претвичу въ его реляціи и Дашковичу въ его докладѣ на пётрковскомъ сеймѣ не доставало только нѣкоторыхъ аксіомъ Кэне или Адама Смита, чтобы ихъ рѣчи приняли оборотъ философскій. Еслибы войны, которыхъ Польша предпринимала такъ много, ведены были во имя хозяйства, промысловъ и торговли, то есть съ цѣлью охраненія ихъ отъ разорителей, а попросту для того, чтобъ уничтожить хозяйничанье хищное и чужеядное, водворившееся на поприщѣ древней культуры, то есть, еслибы возможна была для пановъ мысль—замѣнить военную козацкую добычу продуктами домашняго труда, другими словами—дать ихъ врожденной предпріимчивости работу у себя дома; то видъ обширной площади отъ Вислы до Урала, конечно, былъ бы въ наше время иной.

Само собою разумѣется, что козаки, также какъ и паны, не понимали сущности своего дѣла и той задачи его, которая рас-

крывается лишь нашему сравнительно просвѣщенному времени; но, поставленные силою вещей въ необходимость бить въ извѣстную сторону, они дѣйствовали практичнѣе государственныхъ теоретиковъ, которые, находя полный просторъ для собственной предпріимчивости, отечески уговаривали козаковъ подавить въ себѣ это благородное начало прогресса, а за непослушаніе карали ихъ, какъ за зловредные шалости. Представителями и даже инстигаторами правительственной теоріи были коронные гетманы, которые, не смотря даже на такую ученость, какою обладалъ Янъ Замойскій, и на такой природный геній, какимъ одаренъ былъ Жовковскій, естественно, были такими же младенцами въ экономическихъ понятіяхъ, какъ и прославленный тупыми перьями Карлъ V, какъ и превознесенный ими великій Сюлли, эти знаменитые притѣснители всемірной торговли и промышленности. Коронные гетманы были русинскаго происхожденія и получали свое военное образованіе на русскомъ пограничьѣ Польскаго государства въ борьбѣ съ напоромъ азіятской силы; но умственная образованность приходила къ нимъ оттуда, гдѣ подвизались эти предводители эксплоатаціи слабѣйшаго и безоружнаго.

Изъ той же Руси происходилъ и Сагайдачный, но онъ, какъ человѣкъ среды здоровой, не мудрствуя лукаво, употребилъ всю жизнь на то, чтобы дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Украинскіе лѣтописцы упрекаютъ его дружбою съ панами, отъ которой будто-бы терпѣлъ простой народъ. Еслибъ это голословное свидѣтельство было написано и въ его время, а не послѣ, какъ мы увѣрены въ томъ, то, въ глазахъ писавшаго (конечно человѣка низшаго слоя общества), козацкій гетманъ, достигающій своихъ цѣлей безъ шума, долженъ былъ казаться потаковникомъ ненавистныхъ для убогаго гордецовъ (а кто изъ магнатовъ не держалъ себя въ то время гордо?) Украинскія хронички проникнуты фанатизмомъ, равнымъ фанатизму католическому. Одного этого довольно, чтобы Сагай-

дачный, при своемъ миролюбивомъ, чуждомъ всякаго шума, общеніи съ панами, явился „другомъ мытарей и грѣшниковъ.“ Для насъ эта черта его характера,—наружное дружелюбіе съ панами и неприклонная настойчивость на своемъ, въ противность ихъ политикѣ,—являетъ Сагайдачнаго типическимъ представителемъ украинскаго характера, который сказался во всей исторіи Украины, на сколько она еще не затемнена своими истолкователями, и можетъ быть провѣренъ даже въ наше время на множествѣ характерныхъ простолюдиновъ, съ которыми человѣку иныхъ соціальныхъ понятій такъ же трудно сладить, какъ было трудно польскому правительству ладить съ этимъ достославнымъ козацкимъ предводителемъ.

И вотъ опять передъ историкомъ встрѣчаются двѣ силы, спорящія за обладаніе Украиною: сила понимаемаго по-пански права, во имя государственной теоріи, и сила простонароднаго отрицанія этого права, во имя экономической практики, указанной фактическою невозможностью жить иначе. Вопросъ рѣшался не столько разсѣченіемъ Гордіева узла, сколько стараніемъ развязать его руками, нужды нѣтъ, что эти руки такъ были привычны къ разсѣченію. Я говорю объ умѣньи Сагайдачнаго избѣгать войны съ панскимъ или коронно-панскимъ войскомъ и заставить правительственныя власти обратиться къ низовымъ козакамъ съ искательствомъ въ то самое время, когда давали туркамъ торжественныя обѣщанія обуздать козаковъ и не шутя изыскивали способы истребить ихъ до остатка. Послѣ такихъ мечтаній, свойственныхъ только людямъ, недалекимъ въ теоріи государственнаго хозяйства, козаковъ, на перекоръ всякой политикѣ, пригласили въ Мостовщину, и козаки вернулись оттуда съ такимъ духомъ, что могли безнаказанно вмѣшаться даже въ королевскія прерогативы. Согласіе Конашевича съ панами, осужденное близорукимъ украинскимъ лѣтописцемъ, его, на видъ, предательское единомысліе съ притѣснителями народа, было дѣйствительнѣе, какъ предыдущей,

такъ и послѣдующей козацко-шляхетской войны для защиты естественной автономіи края.

Еще меньше представлялось панамъ возможности стѣснить военныя козацкія операціи противъ такъ называвшихся въ то время враговъ святого креста, которыхъ съ большею опредѣлительностью можно назвать врагами мирныхъ занятій, питающихъ разумную предпріимчивость человѣческую. Сами паны были непослѣдовательны въ козацко-турецкомъ вопросѣ, по недостатку солидарности между партіями, по увлеченію интересами отдѣльныхъ лицъ и фамилій. Вѣдь не кто же другой, какъ паны, и именно русскіе, были образователями козачества. Они, по своей природѣ или по тому, что̀ по-украински называемыя *вдáча*, были на столько же козаки, на сколько и потомки варяго-руссовъ,— одного и того же съ козаками гнѣзда „шестокрыльці.“ Заманенные въ польскую семью людьми gentili e manierosi, они противодѣйствовали козакамъ во имя излюбленнаго ими польскаго права, но въ душѣ, во глубинѣ врожденной „удáчи“ своей, оставались все тѣми же потомками козака Байды́, Богдана Рожинскаго, Сверчовскаго и т. д. Молдавія искушала ихъ по-старому, какъ мѣстныхъ рыцарей, и заставляла манкировать политическими видами всего своего сословія. За что̀ бы ни повздорили съ панами козаки, на Волощинѣ, какъ они звали безразлично оба господарства, на походѣ въ Волощину сердца ихъ брали одинъ аккордъ съ сердцами пограничныхъ землевладѣльцевъ, какъ бывало во времена оны, за ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Польское правительство билось какъ рыба объ ледъ съ козаками, билось потому, что не дозрѣло до уразумѣнія экономической идеи соединенія общихъ выгодъ въ каждомъ предпріятіи; а козаки между тѣмъ, безъ всякаго мудрствованія, отыскивали тайну гармоніи. Магнаты внутреннихъ областей старались вооружить свою украинскую братію противъ пограничныхъ лотровъ, а подольскіе, галицкіе и кіевскіе паны не разъ забывали, къ которому лагерю они принадлежатъ, и

часто относились къ козацкимъ отáманамъ, точно буйтуръ Всеволодъ — къ Игорю: „Сідлай, брате, свої бръзыї комóні, а мои ті готові, осідланї“. Совмѣстные походы, общія издержки на предпріятіе и общее пользова́нье добычею связывали русь православную и русь окатоличенную экономически, доколѣ магнаты съ руководившими ихъ іезуитами не порвали и этой связи.

Ослѣпленное римскою политикою, панское полноправство вызывало въ отрозненной Руси реакцію безземельныхъ и безправныхъ. Отсюда — гайдамачество среди мирныхъ жителей и козацкій промыселъ вдали отъ панской монополіи. Но то же самое полноправство давало панамъ диссидентамъ и дизунитамъ возможность противодѣйствовать королевскому правительству въ устройствѣ единой римской іерархіи. Паны не потому противодѣйствовали королю, что прониклись высшими убѣжденіями, что превзошли просвѣщеніемъ учредителей католичества въ Польшѣ, а потому, что это имъ было нужно, яко панамъ, по династическимъ соображеніямъ, по эгоистическому разсчету. Отсюда — замѣшательства во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества въ пользу то панскихъ, то не-панскихъ партій, но всегда во вредъ экономическому развитію общества. Противорѣчіямъ не было въ Польшѣ конца. То же противное здравому гражданскому смыслу полноправство, которое, по видимому, стояло на стражѣ государственнаго единства и безпорядочнаго порядка, обезпечивало панамъ безнаказанность въ такихъ походахъ, за которые они же сами, на своихъ сеймахъ, придумывали козакамъ наказанія. Еслибы можно было забыть, что Сигизмундъ III всю свою жизнь, подобно Филиппу II испанскому, богобоязненно и набожно вредилъ успѣхамъ общественнаго преуспѣянія, то положеніе его и его религіозныхъ совѣтниковъ могло бы внушать участіе. „Во все наше царствованіе“, плачется онъ въ своемъ универсалѣ отъ 22 мая 1618 года, „мы всѣми силами старались не только освободить коронныя земли отъ внѣшнихъ

непріятельскихъ вторженій, но и сохранить внутреннее спокойствіе, и укротить своевольство частныхъ лицъ, разнузданныхъ на всякое зло; но, по какому-то особенному несчастію и, вѣроятно, по людскимъ грѣхамъ, ничто не помогаетъ, напротивъ, своевольство все болѣе и болѣе усиливается".

Это писалъ глава законодательной власти, а вслѣдъ за тѣмъ глава исполнительной, именно коронный гетманъ Жовковскій, вмѣстѣ съ такими козаковатыми панами, какъ оные Корецкій и Вишневецкій, вмѣшивается въ молдавскія дѣла и ведетъ съ собой въ турецкія владѣнія тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ онъ же наказывалъ и стращалъ наказаніями за то, что они не хотѣли играть роли голодныхъ псовъ въ виду пиршествующихъ пастуховъ, а предпочитали *блукáти вовкáми сіромáнцями* по колонизованной панами Украинѣ. Объ этомъ походѣ говорено въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остается напомнить, что козаки участвовали въ послѣднемъ походѣ Жовковскаго — или, какъ люди наемные, или, какъ вассалы панскихъ домовъ. Коронный гетманъ, опасаясь поднять высоко козацкое самомнѣніе, оставилъ козаковъ-de-jure за шеломянемъ, и набралъ къ себѣ козаковъ-de-facto; поступилъ, значитъ, по пословицѣ: „Тѣхъ же щей да пожиже влей".

Между тѣмъ, какъ король терялъ голову иносказательно, а коронный гетманъ потерялъ фактически, и на шляхетскую половину отрозненной Руси напало *безголовье*, болѣзнь, которою страдала Польша со временъ обращенія православныхъ людей въ язычниковъ и вторичнаго крещенія ихъ во имя мнимаго главы церкви Христовой, — Сагайдачный, дѣятель скромнаго, но плодотворнаго разряда, продолжалъ то дѣло, которое начали братства вмѣстѣ съ отдѣльными представителями убогой интеллигенціи края, отъ имени Острожскаго и подобныхъ ему богачей, готовыхъ, какъ это часто бываетъ, на все полезное и на все вредное, въ одно и то же время. Съ его именемъ, оставленнымъ въ тѣни и лѣтописцами, и исторіографами, соединяется то вели-

кое движеніе русской силы противъ мусульманства, которое напрасно называютъ одни разбойничаньемъ, а другіе рыцарствомъ, — движеніе нравственно-экономическое, истекавшее при всей своей грандіозности, изъ двухъ простыхъ началъ — отмщенія за „обиду гнѣзда своего“, манеромъ варяго-руссовъ, и снабженіе этого гнѣзда всѣмъ необходимымъ, по ихъ же предковскому примѣру. Съ его же именемъ связано и воспоминаніе о самой рѣшительной оппозиціи, какую когда-либо сдѣлалъ русскій народъ папизму. Два величайшіе врага успѣховъ благоденствія человѣческаго, два величайшіе представители чужеядности, какіе когда-либо появлялись въ исторіи разумнаго труда и промысла, встрѣтили въ этомъ темномъ козакѣ препону, которая доказала христіанскому міру, что не все возможно для ихъ всеподавляющей силы. Уже въ 1617 году рѣшено было въ турецкомъ диванѣ послать въ предѣлы Польши сильное войско, подъ начальствомъ Скиндеръ-баши, чтобъ истребить козаковъ поголовно и заселить Украину мусульманами. Планъ этотъ отсроченъ по независящимъ отъ верховнаго дивана обстоятельствамъ, но не отложенъ. Гораздо раньше рѣшено въ Ватиканѣ распространить апостольскую миссію Польши, жадный къ захвату мессіанизмъ, до ледовитаго моря. И этотъ столь же великій и столь же нечеловѣческій планъ только отсроченъ, но не отложенъ. А козакъ, сидя задумчиво на Порогахъ, на этихъ „каменныхъ горахъ“, которыя Склвутица Днѣпръ „пробилъ сквозѣ землю половицкую“, — подсмѣивался съ одинакимъ презрѣніемъ и надъ бородатыми, и надъ бритыми врагами своими. По мирному трактату надъ Днѣстромъ, ниже Яруги, паны взяли расправу съ козаками на себя, — русскіе паны приняли на себя обязательство угодить разомъ и тѣмъ, которые слыли опасными врагами всего христіянства, и тѣмъ, которые еще опаснѣе для христіянства пропагандировали его. Но ни угрозы невѣрныхъ, ни самоувѣренность христіянъ не остановили походовъ козацкихъ на море. Непослѣдовательные предста-

вители верховной власти въ Польшѣ сами помогали козакамъ раздражать султана; наконецъ дали ему отвѣдать самаго вкуснаго изъ всѣхъ блюдъ, какими „судьба, балуя смертныхъ чадъ", лакомитъ ихъ изрѣдка,—отвѣдать мести, да еще самой полной, самой кровавой.

Теперь давнишнія угрозы Турчина, превратились въ дѣйствительность. Разнесся слухъ, что молодой султанъ Османъ съ трехъ частей свѣта стягиваетъ на Польшу войска свои; что проектировано составить армію въ 600.000 воиновъ, и что передъ его дворцомъ стоитъ бунчукъ, въ знакъ того, что самъ падишахъ будетъ главнокомандующимъ. Готовилось нѣчто подобное знаменитому походу Ксеркса на грековъ. Польскимъ классикамъ открывалась широкая возможность доказать, что получаемое ими, при посредствѣ іезуитовъ, воспитаніе, возвышаетъ патріотизмъ и даетъ сердцу мужество. Но Польская республика подражала классическимъ героямъ только фразами: между ея гражданскими доблестями и доблестями Леонидовъ и Ѳемистокловъ было столько же общаго, сколько между фигурами святыхъ ксензовъ, изваянныхъ для украшенія польскихъ костеловъ, и высокими произведеніями рѣзца Фидія или Праксителя. Передо мною лежитъ развернутый „Pamiętnik Wojny Chocimskiéj", написанный по-латыни однимъ изъ просвѣщенныхъ участниковъ этой войны и переведенный по-польски однимъ изъ ученыхъ поляковъ нашего времени. Оба были ополяченные русины, и оба одинаково бредили славою Хотинской войны, точно послѣ пріема опіума, хотя между ними было 230 лѣтъ разстоянія (а время, какъ говорятъ, но, относительно поляки говорятъ ошибочно, всѣхъ отрезвляетъ). Между тѣмъ эта война обнаружила пороки польскаго общества еще въ большей степени, чѣмъ знаменитая война московская, и принесла Польшѣ безсмертный позоръ, но никакъ не безсмертную славу.

Прежде чѣмъ подтвержу мой протестъ противъ неисправима-

го польскаго самовосхваленія, дамъ самимъ полякамъ высказать взглядъ на это дѣйствительно громкое, но для нихъ безславное дѣло. Авторъ книги: „Commentarius Belli Chotinensis“, былъ отецъ прославленнаго польскими историками (а съ ихъ голоса — и россійскими) Яна Собіскаго, по имени Якубъ. Книгу эту историкъ польской литературы, Вишневскій, ставитъ наравнѣ съ твореніями Өукидида и Тацита, но она начинается слѣдующими словами:

„Суждено мнѣ описать походъ польскаго короля Сигизмунда III противъ турецкаго императора Османа, — описать войну, которой ничего подобнаго не сохранила человѣческая память, — войну, больше которой вѣкъ смертныхъ не видѣлъ, — войну, ужасающую числомъ войска и приготовленій, славную знаменитыми чудесами мужества, быстрыхъ дѣйствій и счастливаго окончанія, — войну, изумляющую вѣка и достойную того, чтобы она въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли у самаго поздняго потомства, получала заслуженную мзду и заняла знаменитѣйшія перья“.

Если исторія должна быть панегирикомъ, какъ думалъ, очевидно, многоуважаемый skąd inąd авторъ „Historyi Literatury Polskiej“, то „Commentarius Belli Chotinensis“ безконечно превосходитъ и Өукидида, и Тацита. Но, если исторія пишется для того, чтобъ образумить и предостеречь потомство вѣрнымъ изображеніемъ безумныхъ предковъ, изображеніемъ ихъ пороковъ, ихъ несообразныхъ съ природою вещей стремленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить и примѣры мужества, самопожертвованія ради моральныхъ интересовъ, высокаго полета къ идеалу свободы, который не потеряетъ своей цѣны во вѣки; то книга Якуба Собіскаго не достойна даже и того, чтобы Тацитъ или Өукидидъ взялъ ее въ руки для самаго низкаго употребленія. Мы не станемъ развѣнчивать предковъ своихъ, унесенныхъ изъ нашей русской среды потокомъ общественныхъ, политическихъ и рели-

гіозныхъ соблазновъ. Предоставимъ самимъ полякоруссамъ представить ихъ на судъ нашей довольно уже трезвой и смышленой современности, съ фальшивыми своими аттестаціями.

Начнемъ съ предводителя войны, „изумляющей вѣка“, — съ окатоличеннаго русина Ходкевича. Это — тотъ великій полководецъ, который, если читатель помнитъ, помнитъ, по Нарушевичу и другимъ историкамъ, простоялъ жестокую морозную ночь подъ Вязьмою, въ открытомъ полѣ, воображая, что на него ударятъ русскія войска, даже не вѣдавшія о его стояніи, и едва не представилъ міру зрѣлища цѣликомъ замороженной арміи, въ чомъ превзошолъ бы даже боготворимаго поляками Наполеона. Онъ, вмѣстѣ съ руководимымъ имъ королевичемъ, былъ выпутанъ изъ московской войны „простакомъ“, какъ пишутъ современные поляки, Сагайдачнымъ. Тотъ же простакъ понадобился ему въ ужасающей степени и для войны турецкой. Здѣсь между поставленнымъ внѣ закона козачествомъ и узаконеннымъ со всѣми его плутнями панствомъ произошла сцена, которую польскіе исторіографы всячески игнорируютъ. Къ помощи Сагайдачнаго обратились паны, именемъ короля, въ то самое время, когда королевскіе мандаты, повелѣвавшіе ловить и предавать смерти членовъ новой русской іерархіи, красовались на всѣхъ мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ народомъ: на городскихъ воротахъ, на дверяхъ церквей и костеловъ, у входа въ ратуши и всякія судилища. Сагайдачный на просьбу присланныхъ къ нему королемъ уполномоченныхъ, отвѣчалъ такъ, какъ въ наше время отвѣчаетъ нерасположенный къ сосѣднему пану хлѣборобъ украинскій — учтиво и уклончиво. Въ переводѣ на языкъ придворной шляхты, отговорки его своевольствомъ козаковъ, невозможностью подняться въ короткій срокъ съ большою силою и тому подобнымъ значили не больше и не меньше, какъ желаніе, чтобъ шляхта повторила опытъ войны безъ помощи Грицей, которыхъ она отсылала пасти свиней да пахать землю. Слова, дошедшія

до львовскаго лѣтописца, могли такъ же точно дойти и до Сагайдачнаго; а Сагайдачный, какъ и всякій могучій человѣкъ,—это надобно помнить — былъ не болѣе, какъ представитель извѣстной нравственной силы, какова бы она тамъ ни была. Великость и малость такъ называемыхъ историческихъ личностей больше всего *этимъ* обусловливаются. Онъ имѣлъ, къ тому же, еще и другую причину играть роль человѣка, безсильнаго надъ козаками. По происвамъ пановъ, козаки реестровые, или считавшіе себя таковыми, старые бурлаки, составлявшіе родъ боевого монашества въ Низовомъ Войскѣ, избрали своимъ предводителемъ, офиціально такъ называемымъ старшимъ, какого-то Бородавку. Интриганы хотѣли парализовать этимъ маневромъ власть Сагайдачнаго, въ которой такъ нуждался теперь король. Но Сагайдачный былъ силенъ своимъ именемъ и памятью успѣховъ своихъ; отнять у него обаяніе надъ козацкими умами было выше средствъ, какими располагали темные противники его. Къ нему справедливѣе, нежели къ которому-либо изъ козацкихъ предводителей, могли быть примѣнены слова лѣтописной легенды: „рече убо старшій, и абіе козаковъ аки травы будетъ“. Его авторитетъ никѣмъ и ничѣмъ не могъ быть ограниченъ. По разсказу польскаго Ѳукидида или Тацита (трудно сказать, на кого изъ этихъ великихъ историковъ онъ менѣе похожъ), Ходкевичъ и его войско подъ Хотиномъ, ожидавшее со дня на день прихода новаго Ксеркса, были въ страшномъ уныніи по случаю отсутствія козацкихъ полковъ. Часть ополченій шляхетскихъ разбѣжалась изъ-подъ королевскаго знамени еще до перехода черезъ Днѣстръ; остальное войско непремѣнно бросилось бы стремглавъ назадъ, какъ въ Цоцорской кампаніи, еслибы козаки не прибыли раньше турокъ. Вмѣсто domi ne sedeas, было бы тогда domine sedeas, и мусульмане брали бы шляхту по домамъ, какъ грибы. Но Сагайдачный былъ не Хмельницкій: онъ этого не желалъ. Онъ желалъ только, чтобы ляхи не трогали души народной — христіян-

ской науки, затаившейся въ православномъ духовенствѣ, какъ последній залогъ спасенія русскаго народа отъ чужой вѣры и чужого обычая. Давши ляхамъ дойти до агоніи ужаса, онъ вдругъ появился въ Варшавѣ и, въ видѣ почтительнѣйшей просьбы, потребовалъ отъ латино-польскаго правительства отмѣны мандатовъ противъ новой іерархіи. Интересно читать въ современномъ дневникѣ одного изъ королевскихъ дворянъ о варшавскомъ визитѣ Сагайдачнаго. Онъ, въ самой почтительной формѣ, но какъ нельзя категоричнѣе, предложилъ ляхамъ выборъ между *быть* и *не быть*, а о немъ пишутъ, какъ о явленіи, едва стоющемъ упоминанія!

„Julii 7. Krolowic wyiachał do Wołoch pod Chocim przeciwko tureckim woyskom, na pożarcie Korony Polskiey następuiącym“.

„Julii 20. Saydaczny kozak, ktory był hetmanem kozakow Zaporowskich na Woynie Moskiewskiey y potym pod Chocimem przeciw Osmanowi, Cesarzowi Tureckiemu, poselstwo od Woyska Zaporowskiego odprawował v Krola JMci y dwa więzniow Tatarskich oddał“.

„Julii 31. Saydaczny wziął Odpawę“. [1])

Вотъ все, что̀ записано въ придворномъ дневникѣ о человѣкѣ, который держалъ тогда въ рукахъ судьбу всей Польши, и могъ бы превратить ее въ пустыню однимъ своимъ бездѣйствіемъ. Важно то обстоятельство, что эти тупыя строки были писаны не во время пребыванія Сагайдачнаго въ Варшавѣ, а по окончаніи войны, которая безъ него была бы вавилонскимъ плѣненіемъ и варѳоломеевскою бойнею.

[1]) Іюля 7. Королевичъ выѣхалъ въ Волощину подъ Хотинъ противъ турецкихъ войскъ, наступавшихъ для пожранія Польской Короны.

Іюля 20. Козакъ Сагайдачный, который былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ въ Московскую войну и потомъ подъ Хотиномъ противъ турецкаго императора Османа, отправлялъ посольство отъ Запорожскаго Войска у его королевской милости и отдалъ двухъ татарскихъ плѣнниковъ.

Іюля 31. Сагайдачный былъ отпущенъ.

Но перенесемся изъ Варшавы въ хотинское войско. Польскій Тацитъ, Якубъ Собіскій, такъ изображаетъ Ходкевича: „Na twarzy Chodkiewicza jaśniała taka wspaniałość, że Constanty (посолъ турецкій), na pierwsze ujrzenie wodza, chciał przed nim uklęknąć jak przed bóstwem“. [1]) Это дѣйствительно такъ было. Хитрый грекъ зналъ несчастную слабость поляковъ и нашолъ въ ихъ сердцѣ такой уголокъ, что, при заключеніи послѣ войны трактата, получилъ отъ нихъ 5.000 злотыхъ: сумма огромная для людей, которымъ собственнаго посла случалось отправлять въ Турцію съ 600 злотыхъ въ карманѣ.

Не смотря на wspaniałość или почти божественное величіе предводителя, жолнеры не хотѣли переходить черезъ Днѣстръ и требовали платы, а денегъ у поляковъ, какъ всегда, не было. Коммиссары, подражая ex officio Улиссу, разослали по ротамъ секретную „цедулу“, или записку, которою каждую роту увѣряли, что она получитъ плату первая. Этимъ способомъ заставили великодушныхъ патріотовъ двинуться къ мосту, съ тайной увѣренностью, что денегъ могутъ не получить товарищи, но не та отличенная отъ всѣхъ хоругвь, которая владѣла секретнымъ обѣщаніемъ. Risu teneatе amici!

О мостѣ черезъ Днѣстръ стóитъ не меньше прочаго вспомнить. Сперва считали невозможнымъ такое смѣлое дѣло; наконецъ войсковые инженеры принялись за работу. Работа, однакожъ, имъ не удавалась: быстрота теченія рвала изъ рукъ строительный матеріялъ. Все это наблюдалъ молча одинъ темный русинъ и, когда важные техники отчаялись въ возможности предпринятаго дѣла, онъ предложилъ имъ свои смиренныя услуги. Въ короткое время мужицкая постройка дала панамъ возможность переправить войско, обозъ и артиллерію на волошскій берегъ Днѣстра, подъ Хо-

---

[1]) На лицѣ Ходкевича сіяло такое величіе, что Константинъ, при первомъ взглядѣ на вождя, хотѣлъ преклонить предъ нимъ колѣни, какъ передъ божествомъ.

тинъ. Дальнѣйшаго упоминанія о геніяльномъ самоучкѣ въ дневникѣ польскаго Тацита не обрѣтается.

По раздачѣ хоругвямъ тайной цедулы, „we wszystkich umysłach było zwycięztwo, we wszystkich ustach okrzyk tryumfu... Chodkiewicz dla choroby słaby ciałem, ale silny duchem, a obliczem Marsowi podobny, iechał na dzielnym rumaku, wzrokiem i skinieniem ożywiaiąc woisko. [1]) Далѣе польскій Тацитъ описываетъ, какими грозными показались молдаванамъ веселыя польскія хоругви, польскіе кресты и орлы на знаменахъ, и какъ народъ всякаго возраста и состоянія воздѣвалъ къ небу руки, прося поляковъ о помощи. А поляки уже напали на беззащитный зáмокъ Серетъ и захватили тамъ имущества сбѣжавшихся туда армянъ и молдаванъ. Другая купа героевъ, всегда готовыхъ карать козаковъ за хищничество, бросилась вскорѣ потомъ назадъ черезъ Днѣстръ на мѣстечко Жванецъ, которое будто-бы велѣно уничтожить. Въ самое короткое время все имущество жителей было расхищено татарскимъ обычаемъ, село раскидано, сожжено, уничтожено, — и послѣ этого Якубъ Собіскій говоритъ съ негодованіемъ, что подольскіе хлопы учили турокъ, какъ зажечь польскій лагерь. Такой же и даже болѣе ужасный случай повторился надъ молдаванами, которые устроили себѣ родъ цыганскаго села, подъ защитою польскаго лагеря. Одинъ пьяница шепнулъ другому, что молдаване умыслили какое-то предательство; какъ бѣшенные, метнулись польскіе жолнеры на несчастныхъ скитальцевъ и не оставили въ живыхъ ни беззащитной женщины, ни ребенка. А когда начались приступы турецкаго войска къ обозу, этихъ неукротимыхъ людей часто вытаскивали изъ-подъ вововъ и обводили по всему лагерю, какъ трусовъ. Въ числѣ ихъ, по словамъ пана Якуба, было много людей, принадлежавшихъ къ знаменитымъ фамиліямъ. Эти пред-

[1]) Во всѣхъ умахъ была побѣда, во всѣхъ устахъ крики тріумфа... Ходкевичъ, слабый отъ нездоровья, но сильный духомъ, а лицомъ подобный Марсу, ѣхалъ на борзомъ конѣ, оживляя войско взоромъ и движеніемъ.

ставители того, что̀ носило у поляковъ имя народа, не только прятались подъ возы, но бѣгали изъ-подъ своихъ знаменъ, какъ ночью, такъ и среди бѣла дня. Дошло до того, что составленъ былъ публичный актъ, наполненный именами трусовъ и бѣглецовъ; этотъ актъ представленъ сейму, и сеймъ приговорилъ отобрать у негодяевъ имущества, которыя однѣ только и составляли признакъ ихъ szlachetności. Войска для турецкой войны предположено было собрать 70.000, не считая козаковъ, а собрали едва до 30.000, да и тѣ норовили или бунтовать за недоплату жалованья, или тайкомъ разбѣжаться. Артиллерія была въ такомъ положеніи, что понадобилось тутъ же, въ лагерѣ, можно сказать, наканунѣ битвы съ турками, производить починки, дѣлать лафеты и колеса; но и то едва штукъ двадцать пушекъ годилось для стрѣльбы. Хлѣбныхъ и другихъ запасовъ сдѣлано такъ мало, что въ короткое время кампаніи, продолжавшейся всего мѣсяца два, были въ польскомъ войскѣ люди, умиравшіе съ голоду.

При такихъ обстоятельствахъ, понятенъ ужасъ полководца, лицемъ похожаго на Марса, когда онъ получалъ извѣстія о наступленіи грозной турецкой арміи и не получалъ никакихъ вѣстей о движеніи козаковъ. Наконецъ появился въ польскомъ лагерѣ Сагайдачный, но безъ войска: онъ прибылъ подъ Хотинъ прямо изъ Варшавы. Козаки раскиданы были въ разныхъ мѣстахъ: кто готовился къ войнѣ, кто сторожилъ на татарскихъ шляхахъ орду, а нѣкоторые занимались уже козацкимъ промысломъ въ Волощинѣ. Конашевичъ быстро ихъ созвалъ, и рядомъ съ 30.000 короннаго войска, надъ Днѣстромъ у Хотина отаборилось 30.000 козаковъ, съ артиллеріею, которая и числомъ и достоинствомъ далеко превосходила польскую. Не прежде чѣмъ примкнуть къ полякамъ, онъ позвалъ къ суду Бородавку. Это загадочное для насъ дѣло, въ чомъ собственно былъ виноватъ Бородавка. Извѣстно только, что его судила войсковая рада и присудила къ отсѣченію головы. Польскіе историки говорятъ, что Конашевичъ былъ

грозный предводитель: за всякій войсковой безпорядокъ, по его мановенію, летѣли съ плечъ буйныя головы. Диктатура въ военное время принадлежала гетману вполнѣ, и не мудрено, что Сагайдачный достигалъ успѣха въ походахъ тѣмъ, что заставлялъ козацкую орду трепетать своего слова. Но онъ, величайшій изъ всѣхъ гетмановъ, былъ больше всѣхъ игнорированъ. Извѣстны только результаты его дѣятельности, но какими способами достигалъ онъ выполненія своей воли, никто объ этомъ не распространился.

Едва заняли козаки свою позицію, какъ подступили къ Хотину турки. Съ этого момента начинаетъ польскій Θукидидъ свою повѣсть объ ужасахъ войны и геройствѣ воюющихъ. Мы повторять его не станемъ. Батальныхъ историковъ и безъ того у насъ много. Ограничимся общимъ взглядомъ на турецкое войско, чтобы понять исходъ кампаніи, надѣлавшей пустого шуму въ Европѣ, при содѣйствіи къ тому краснорѣчивыхъ польскихъ языковъ и писаній.

Османъ грозилъ собрать 600.000 воиновъ и собралъ только половину. Имперія, которою повелѣвалъ молодой султанъ, измѣнилась много въ теченіе XVI столѣтія. Янчаръ-Полякъ описываетъ войско султана Амурата въ концѣ XV вѣка, какъ образецъ устройства и фуражировки. Онъ отдаетъ ему, по вооруженію и дисциплинѣ, первенство передъ всѣми европейскими войсками: въ этомъ и тайна успѣховъ оттоманскаго оружія, поразившихъ балованную Европу ужасомъ. Турки были страшны порочной Европѣ, но не добродѣтельной. Еслибы пороки XV и XVI столѣтія не пріобрѣли, долговременною практикою, неприкосновенной законности,— азіятская сила отхлынула бы отъ Европы скоро. Тогдашнее общество вело упорную, хоть и глухую, борьбу съ привилегированными злодѣями, и, въ то же самое время, подъ ихъ злодѣйскимъ предводительствомъ—съ азіятцами. Торжество оттомановъ надобно мѣрить упадкомъ гражданской нравственности,

какъ въ Византіи, такъ и въ тѣхъ государствахъ, которымъ турецкая сила представлялась непобѣдимою. На сколько турки были сильнѣе трепетавшихъ передъ ними дворовъ и армій, на столько они были ихъ свѣжѣе силами физическими и нравственнѣе. Другой законъ воинскаго торжества народовъ надъ народами не выслѣженъ исторіею со временъ Ѳемистокла. Турки въ началѣ своего появленія передъ глазами растлѣнной Европы, были народъ здоровый въ своихъ азіатскихъ нравахъ, вѣрный своему слову, воинственно дѣятельный. Доколѣ необходимость требовала отъ нихъ завоевательной энергіи, дотолѣ жизнь этого народа подобна была горному ручью, быстрому, свѣжему, живому. Но, мѣстный элементъ имперіи, въ которой расположились наконецъ безпрепятственно послѣдователи энергическаго пророка съ своими гаремами, съ своими кофейными домами и галлереями, гдѣ проводили они все праздное время, не замедлилъ произвести на бурную дружину завоевателей снотворное дѣйствіе. Этотъ элементъ былъ—готовность побѣжденныхъ грековъ къ услугамъ. Самъ Ганнибалъ, одушевленный жаждою мщенія, а не господства, не устоялъ противъ мягкихъ, ласковыхъ нравовъ и предупредительности жителей Капуи. Воинъ крѣпнетъ отъ сопротивленія и слабѣетъ среди рабской покорности, среди всеобщей угодливости. Все смѣлое, все вѣрное долгу, все благородно-гордое, чѣмъ Византія держалась еще на старыхъ своихъ основаніяхъ, пало подъ фанатическимъ напоромъ пришельцевъ; представители народныхъ доблестей погибли въ неравной борьбѣ безъ остатка; напротивъ представители нравственнаго разврата, порожденнаго деспотизмомъ, въ византійскомъ обществѣ, остались цѣлы въ завоеванномъ краѣ. Они сдѣлались печальнымъ достояніемъ завоевателей, и начали мало-помалу разлагать силу, созданную трезвою умѣренностью среди роскоши, воспитанную религіозною готовностью оставить земныя утѣхи для безконечныхъ наслажденій райскихъ. Среди роскошнѣйшей мѣстности, какую только

могли выбрать обладатели древняго міра, окруженные дарами и добычею со всѣхъ земель, прикасавшихся къ новой имперіи, турки сдѣлались равнодушны къ наградѣ, уготованной Азраиломъ каждому правовѣрному за великодушную разлуку съ гаремомъ и его одалысками. Ремесло воина перестало быть предметомъ соисканія; оно сдѣлалось долгомъ, и долгомъ тягостнымъ. Масса богатыхъ людей разрослась постепенно въ цѣлое общество. Масса искателей богатства превратилась въ толпу угодниковъ этого общества. И начали усѣвшіеся спокойно на дорогихъ коврахъ богачи повелѣвать людьми, привычными сидѣть на сѣдлѣ. Этимъ способомъ образовалось войско, задариваемое, поощряемое и часто подкупаемое. Нагроможденныя въ частныхъ рукахъ богатства, путемъ подарковъ, наградъ и подкуповъ, дѣлались достояніемъ боевого народа и выдѣляли изъ него людей обезпеченныхъ. Страсть къ обогащенію охватила все воинственное общество и замѣнила въ немъ прежнюю страсть къ господству. Торговые обороты въ недавнемъ центрѣ всемірной торговли награждали каждаго за искусную спекуляцію вѣрнѣе, чѣмъ военныя случайности — за мужество и храбрость. Этимъ-то манеромъ въ Турецкой грозной имперіи пришли дѣла къ тому, что янычары позволяли козакамъ грабить владѣнія падишаха почти у нихъ передъ глазами, и, вмѣсто того, чтобы ихъ преслѣдовать, занимались продажею столичныхъ товаровъ. [1]) Государственный организмъ давалъ пищу чужеяднымъ тварямъ, каковы были разбойничавшіе внутри государства райзы; онъ ужъ не въ силахъ былъ разростаться на счотъ сосѣдей. Дряхлость его состава сказывалась въ обманѣ, котораго жертвою былъ постоянно верховный повелитель. Полководцы играли передъ нимъ роль непобѣдимыхъ и не пускали его самого въ походъ, чтобъ онъ не удостовѣрился въ противномъ.

---

[1]) См. выше, стр. 174.

Когда пылкій Османъ воткнулъ бунчукъ передъ своимъ сераіемъ, все государство какъ-бы сговорилось противодѣйствовать его повелѣніямъ. Приготовленія къ войнѣ шли вяло; препятствія и неудобства оказывались на каждомъ шагу; совѣтники, яко органы массы, всячески отклоняли Османа отъ войны съ Лехистаномъ и пророчили ему гибель; дошло до того, что одного султанъ пронзилъ ножемъ, а другому велѣлъ снять голову. Все-таки трепетные и вмѣстѣ дерзкіе рабы безконтрольнаго деспота пригнали походъ къ осеннему времени. Только въ началѣ сентября достигли турки береговъ Днѣстра, двигаясь медленно съ громадною арміею тысячъ въ триста народу, обремененнаго множествомъ громоздкаго багажа. Самый походъ къ Днѣстру былъ уже началомъ пораженія безпутно организованной и безъ толку фуражируемой арміи Османа. Широкій проторенный ею путь означенъ былъ падшими животными и мертвыми людьми. Жители Смирны, Дамаска, Коринѳа и Каира, насильственный контингентъ „повелителя Мекки и Медины, владыки семи царствъ и четырехъ угловъ свѣта", страдали отъ холодныхъ дождей и вѣтровъ въ томъ краю, куда римляне ссылали своихъ преступниковъ на климатическія мученія. Купцы, привыкшіе отдѣлываться золотомъ отъ военной повинности, шли подъ Хотинъ, точно каторжные. Столкнувшись прежде всего съ козацкимъ таборомъ, турки почуяли свою физическую и нравственную немочь отъ соприкосновенія съ этою свѣжею силою, съ этимъ собраніемъ здоровыхъ мускуловъ, съ этимъ олицетвореніемъ безстрашія въ виду смерти. Робость Османова войска заставляла его не разъ опасаться безумной паники. А сѣверное небо дышало, между тѣмъ, порывистыми вѣтрами, срывавшими турецкіе шатры; невиданная въ южномъ климатѣ слякоть превращала почву въ скользкую тину. Среди такой бѣды, неотвратимой для человѣческаго могущества, пушечныя колеса врѣзывались въ грязь по ступицы; а пушки при безобразной *своей* огромности, дѣйствовали весьма невѣрно и производили

только напрасный грохотъ. Тридцать четыре дня простояли мусульмане въ боевомъ порядкѣ, нападая на христіянъ; множество было битвъ; множество пало съ обѣихъ сторонъ народу; но несравненно больше гибло турокъ отъ холода, голода и болѣзней, нежели отъ непріятельскаго оружія. По свидѣтельству англійскаго посла въ царьградѣ, Османъ вернувшись изъ походу, не досчитался 80.000 войска и 100.000 лошадей.

И при такихъ-то обстоятельствахъ, польскіе воины, носившіе часто фамиліи, знаменитыя въ исторіи, бѣгали изъ-подъ знамени, или прятались подъ возами. Козаки, одни козаки спасли польское войско, и не столько отъ турокъ, сколько отъ паники. Не будь подъ Хотиномъ Сагайдачнаго съ его диктатурою надъ сіромахами, поляки еще скорѣе, чѣмъ на Цоцорѣ, бросились бы бѣжать въ разсыпную. Они до того выдерживали на себѣ, какъ говорили тогда, импетъ непріятельскій, что даже польскіе историки, не смотря на „подлое происхожденіе" козаковъ, признали ихъ героями. Такъ, Нарушевичъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Imiona tych ludzi zakryła podłość urodzenia; pamięć odwadi została przykładem dla potomney szlachetności". [1]) Но сохраненная ими dla potomney szlachetności характеристика Сагайдачнаго лучше всего характеризуетъ его сподвижниковъ—поляковъ. Онъ вернулся съ Хотинской кампаніи, покрытый ранами, отъ которыхъ и умеръ. Якубъ Собіскій (а за нимъ и Нарушевичъ, благородно мыслившій историкъ) приписалъ смерть Сагайдачнаго вовсе не ранамъ, о которыхъ умолчалъ, а неумѣренной страсти къ женщинамъ (niepomiarkowaney żądze miłostek, które o śmierć jego przyśpieszyły). Не мѣшаясь въ закулисную жизнь человѣка, о которомъ такъ мало извѣстно мелочей, на слова польскаго Тацита можно возразить только патогномическимъ замѣчаніемъ, что люди,

[1]) Имена этихъ людей скрыты подлымъ ихъ происхожденіемъ; память отваги осталась примѣромъ для грядущихъ шляхетскихъ поколѣній.

воспитанные въ козацкихъ таборахъ, въ военныхъ трудахъ и простотѣ привычекъ, никогда не умираютъ отъ подобнаго истощенія силъ. Это немощь панская, и, если на то пошло, такъ напомнимъ кому о семъ вѣдать надлежитъ, что Ходкевичъ, женясь 60 лѣтъ, передъ самимъ походомъ, пріѣхалъ подъ Хотинъ больной и умеръ въ лагерѣ morte naturali, какъ записали въ своихъ дневникахъ современники. [1]) Такою же *натуральною* для магнатовъ смертью умеръ и Конецпольскій, преемникъ Ходкевича. О немъ документально извѣстно, что онъ, женясь въ преклонныхъ лѣтахъ, принималъ confertativum, и что брачная жизнь его прекратилась отъ этого весьма скоро. [2]) Еслибы Конашевичъ не спасалъ Руси, Польшу ему спасать не стоило: подъ турецкимъ владычествомъ, она не сдѣлалась бы ни развратнѣе, ни безсмысленнѣе, чѣмъ подъ латинскимъ.

Но оставимъ батальнымъ историкамъ дописывать позорную для Польши войну и вернемся съ израненнымъ ея героемъ Сагайдачнымъ въ Кіевъ. Прибавимъ еще только одну мелкую черту къ тѣмъ крупнымъ, которыя опредѣляютъ характеръ союзныхъ силъ и силы непріятельской. Будь поляки таковы, какими они себя выставляютъ, будь ихъ полководцы похожи на Марса, котораго благосклонность Венеры только воодушевляла къ новымъ подвигамъ, но не убивала, какъ недостойнаго прикасаться къ чашѣ жизни, къ чашѣ любви, — они бы могли довести Османа до того

[1]) На примѣръ, дворянинъ, сопровождавшій короля въ посполитомъ рушеніи къ мѣсту дѣйствія. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. F. отд. IV, № 138, л. 4 об.).

[2]) См. „Pamiętniki o Koniecpolskich", wydane przez Przyłęckiego. Кстати сказать, что покойный Прилэнцкій, въ качествѣ библіотекаря Виляновской библіотеки графовъ Потоцкихъ и изыскателя историческихъ матеріаловъ, оказалъ исторіи безцѣнныя услуги. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя даютъ современному историку польскаго былого ясное понятіе о безсильной борьбѣ благороднаго меньшинства съ наваломъ пороковъ и беззаконій, погубившимъ лучшую часть польскаго общества, точно истребительная лава—просвѣщенные города у подошвы Везувія. Авторъ зналъ его лично и сохранилъ о немъ самыя дорогія воспоминанія.

положенія, до котораго доведенъ русскими въ 1812 году величайшій полководецъ въ мірѣ съ его громаднѣйшею въ мірѣ арміею. Вмѣсто того, они прибѣгнули къ подкупу подлыхъ рабовъ несчастнаго деспота и гордились тѣмъ, что съ нихъ запрошено 42.000, злотыхъ, а они выторговали цѣлыхъ 30.000, заплативъ обманщикамъ за обманъ ихъ государя только 12.000 злотыхъ, да самому Осману, въ видѣ дани, 50 сороковъ соболей, 20 маршурковъ, дорогой работы шкатулу и двое часовъ. Когда нашъ „Первый Императоръ" былъ принужденъ освободиться изъ западни надъ Прутомъ посредствомъ подкупа,—онъ не хвалился побѣдою, а въ минуту величайшей опасности, на случай плѣна своего, отправилъ въ Россію повелѣніе—оставлять всѣ его указы безъ исполненія. Поляки сдѣлали изъ своего величайшаго позора величайшее торжество и, пользуясь невѣжествомъ публики, пользуясь манерою историковъ повторять другъ друга, до сихъ слывутъ побѣдителями Османа. Они бьютъ лежачаго, а зрители имъ рукоплещутъ. Козаки смѣли воевать съ турками подъ Царьградомъ; козацкіе потомки смѣютъ протестовать противъ общаго оскорбленія исторической правды. Мы аппелируемъ къ потомству, которое, въ силу вещей, должно быть умнѣе своихъ предковъ.

1621 годъ былъ для Сагайдачнаго такимъ моментомъ, въ который роль Хмельницкаго могла бы быть имъ разыграна съ бóльшимъ достоинствомъ предъ судомъ исторіи, безъ предательства родной земли „на потáлу" мусульманскому войску и безъ превращенія культивированной страны въ *руїну*. Мало того: на немъ не лежалъ бы, какъ на Хмельницкомъ, упрекъ отмщенія за личную обиду: онъ бы отомстилъ за поруганіе народной религіи, за похищеніе церковныхъ имуществъ, за присвоеніе папѣ сосчитанныхъ нунціемъ Торресомъ 2.169 церквей православныхъ. Онъ бы явился Кромвелемъ, безъ кромвелева террора, и, по чистотѣ отношеній своихъ къ диктаторской власти, по молчаливой политикѣ, сіяющей въ дѣлахъ, а не въ манифестаціяхъ, уподо-

бился бы величайшему генію честной политики новаго времени— Вильгельму Молчаливому, Оранскому. Но не по нашему, какъ видно, смотрѣлъ на шляхту и на козаковъ Сагайдачный. Онъ шляхту цѣнилъ выше нашего, а козаковъ, безъ сомнѣнія, ниже. Весьма быть можетъ, что его, какъ человѣка натуры высокой, ужаснула перспектива вооруженнаго дѣлежа землями, богатствами, правами, которая не ужаснула „козацкаго батька". Онъ ограничился скромною ролью предводителя контингента; остальное предоставилъ силѣ вещей и работѣ времени. Едвали это не самая разумная и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманная политика.

Воротясь въ Кіевъ къ одинокой женѣ (дѣтей у нихъ не было), Сагайдачный видѣлъ, что раны его смертельны и провелъ остатокъ жизни въ дѣятельномъ благочестіи. Характеръ и вліяніе Іова видны во всѣхъ его посмертныхъ распоряженіяхъ. Въ качествѣ душеприкащика, Іовъ Борецкій составилъ для него духовную, въ которой отписалъ значительную часть имущества его на братства и школы, между прочимъ 1.500 злотыхъ назначилъ Львовскому братству на содержаніе изъ процентовъ „ученого майстера, въ греческомъ языку бѣглого на науку и цвиченье дѣтóкъ христіянскихъ и на выхованье бакалавровъ ученыхъ".

Кто хочетъ въ этомъ актѣ видѣть ту же самую религіозность со стороны Сагайдачнаго, которая одушевляла его иночествующаго земляка и друга, тотъ основаніе монастырей, устройство школъ и другихъ заведеній, относящихся къ вѣдомству церкви, съ самого ея образованія въ Южной Руси, долженъ приписать не духовенству и его традиціонной практикѣ, а людямъ, которые, проходя свой жизненный путь, чаще всего обагряли руки человѣческою кровью, которые думали вовсе не объ инокахъ, которымъ такъ мало было дѣла до иноческихъ разсадниковъ, которыхъ будущность не упрочивалась этими разсадниками, которыхъ спеціальная жизнь діаметрально расходилась съ иноческою.

Справедливость и обстоятельность требуетъ сказать при

этомъ, что въ матеріяльномъ созиданіи учрежденія, безразлично называемаго духовнымъ его именемъ — церковію, участвовали также и женщины, слѣдовательно не всѣ пожертвованія на церковь приносились отъ міра сего руками кровавыми. Но наши создательницы и благодѣтельницы святыхъ храмовъ получали свои имущества изъ тѣхъ же самыхъ рукъ, изъ которыхъ не брезгали принимать ихъ преподобные иноки. Всѣ онѣ, подобно нѣжной Ярославнѣ, тѣмъ больше любили своихъ „милыхъ ладъ", чѣмъ богаче нагружены были ихъ носады дорогими паволоками, оксамитами, ъртмами, и не чуждались „того злата и сребра потрепати".

Роль Іова Борецкаго у одра болѣзни козацкаго гетмана игралъ съ тѣмъ же благочестіемъ Исаія Купинскій у смертнаго одра княгини Корыбутъ-Вишневецкой, когда заставилъ ее наложить на сына, будущаго отступника, „страшныя (хотя, какъ оказалось, безполезныя) кондиціи, обязанности, клятвы." Такую же роль разыгрывали, въ противоположномъ лагерѣ, Кунцевичи, Скарги и множество другихъ людей получше и похуже ихъ, въ предсмертное время богатыхъ господъ и госпожъ; и никому изъ нашихъ историковъ не приходитъ въ голову — основаніе унитскихъ и католическихъ разсадниковъ суевѣрія приписывать кающимся подъ конецъ жизни буянамъ и щеголихамъ. Тутъ они видятъ вещи ясно, и прямо указываютъ на тѣхъ, которые этимъ окольнымъ путемъ упрочивали существованіе вредоносной касты своей.

Каждый такой актъ, какъ основаніе церкви, монастыря, училища, типографіи, не есть нѣчто произвольное, принадлежащее отдѣльно какому-нибудь лицу или отдѣльно какому-нибудь моменту жизни. Какъ ни одинъ грубый порокъ не овладѣваетъ человѣкомъ безъ постепенности, какъ ничто крѣпкое и прекрасное не ветшаетъ и не обезображивается въ самое короткое время, безъ посторонней разрушающей силы, такъ ни одна добродѣ-

тель не выростаетъ моментально, и ничто прекрасное не созидается вдругъ, изъ ничего. Все имѣетъ прецеденты свои; всякая творческая дѣятельность подвергается предварительной пробѣ на менѣе прекрасномъ. Съ другой стороны, все хорошее, внѣдренное въ человѣческую природу, не прекращается со смертію человѣка. По этому-то закону возрастанія и упадка, по закону общности и связи явленій, человѣкъ не способенъ совершенствоваться въ одиночку. Подобно тому, какъ высокое дерево росло нѣкогда вмѣстѣ съ малыми, подъ хранительною сѣнью старыхъ деревъ,—каждая возвышенная личность находилась когда-то въ безразличной смѣси съ другими, а всѣ вмѣстѣ, относительно великихъ дѣятелей жизни, составляли онѣ родъ подлѣска. Потомъ превосходство жизненной энергіи выдвинуло впередъ одну особь изъ множества подобныхъ; все прочее уступило ея могучему росту, осталось позади, въ тѣни ея широковѣтвистой вершины. Если падетъ это превышающее все кругомъ дерево, — послѣ него остается множество подобныхъ, и въ ихъ ростѣ, въ ихъ густотѣ и развѣтвленіи, древоводъ читаетъ исторію возрастанія падшаго лѣсного великана. Такъ точно и въ обществѣ человѣческомъ, ни одинъ великій характеръ не уноситъ съ собою всего, что̀ было ему свойственно. Суть жизни его, любимая мысль его остается въ его домашнемъ и общественномъ кругу болѣе или менѣе долговѣчнымъ памятникомъ его моральнаго существованія. На основаніи этихъ сближеній, мы должны предсмертныя дѣла Сагайдачнаго распространить какъ на прошедшее время, такъ и на время, послѣдовавшее за его кончиною. Но въ прошедшемъ онъ представляется намъ рибалтомъ, который много, много уже дѣлалъ по части благочестія, если, согласно словамъ думы, бралъ въ руки святое письмо по три раза на день и поучалъ простыхъ своихъ собратій; а время, послѣдовавшее за смертью Сагайдачнаго, являетъ козаковъ козаками. Совсѣмъ иной представится намъ порядокъ явленій, если мы подвергнемъ

тому же анализу Іова Борецкаго, по отношенію къ тому подвигу, который онъ совершилъ своимъ религіознымъ вліяніемъ на товарища дѣтства. Высокій нравственный ростъ незабвеннаго іерарха представится намъ въ полной гармоніи съ условіями окружавшей его жизни, съ тѣми законами природы, которые одинаковы для всѣхъ и для всего; а то, что̀ совершалось въ русской церкви послѣ Іова, явилось послѣ него такъ естественно, какъ послѣ срубленнаго или павшаго отъ времени патріарха лѣсовъ естественно идутъ въ ширь и въ высоту другія могучія созданія таинственной силы, вѣчно творящей, вѣчно зиждущей новое на просторѣ, оставшемся послѣ стараго.

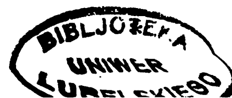
Да, Іовъ Борецкій имѣлъ продолжателей своему благому дѣлу въ средѣ заботливаго о церкви духовенства. Напротивъ, Сагайдачный, при всѣхъ подогрѣваньяхъ козаковъ со стороны Іова по его смерти, вовсе не имѣлъ продолжателей своего церковнаго подвига въ средѣ военной корпораціи, поднятой имъ изъ ничтожества. Козацкая корпорація видѣла упроченіе своей будущности вовсе не въ постройкѣ церквей и не въ основаніи при нихъ училищъ, а въ силѣ меча и хищенія. Эту силу она и прилагала всюду, гдѣ было можно прилагать, — прилагала до тѣхъ поръ, пока внѣшнія и внутреннія дѣла края приведены были въ порядокъ иного рода дѣятелями. Съ прекращеніемъ возможности козаковать, прекратилось козачество. Съ приведеніемъ края въ порядокъ, оно сдѣлалось ненужнымъ. Функція козаковъ была кончена, и не безъ великой все-таки заслуги въ исторіи. Заслуга Сагайдачнаго въ исторіи, какъ и заслуга козачества, которое создало его, и въ которомъ останется живъ его нравственный образъ, состояла въ воспрепятствованіи двумъ великимъ силамъ убить русскій народъ матеріяльно, стереть его съ лица земли и, какъ говорить кто-то и гдѣ то, прославить его одною его гибелью. Одна враждебная намъ сила дѣйствовала чрезъ посредство поляковъ и старалась погубить насъ нравственно; другая столь же

враждебная намъ сила дѣйствовала черезъ татаръ и имѣла въ виду уничтожить насъ вещественно. Противъ первой силы возстановили козаки, по внушенію Іова и подобныхъ ему людей, русскую іерархію, утвердившую въ обществѣ начала науки и высшей нравственности; противъ второй стояли они сами до тѣхъ поръ, пока она вызывала ихъ къ бытію, а бытіе козачества имѣло характеръ чисто отрицательный, никогда—положительнаго, какъ представляютъ нѣкоторые историки; точнѣе сказать, оно имѣло характеръ всегда разсчотливо-матеріяльный, и не имѣло никогда — расчотливо-духовнаго. Послѣдній былъ козакамъ несвойственъ ни почему: ни по ихъ положенію среди сословій и классовъ общества, ни по требованіямъ ихъ ремесла, ни по умственному и нравственному развитію ихъ массы.

Но передъ нами, лежитъ разогнутая книга, написанная вовсе не безграмотно, написанная съ научными пріемами и съ притязаніемъ на авторитетность. Въ ней мы читаемъ слѣдующее: „Русская вѣра оставалась преимущественно (только съ немногими исключеніями) вѣрою хлопскою и не могла найти никакой поддержки внутри русскаго края; ея знамя взяли казаки.“

Допустимъ, что это справедливо; допустимъ, что козаки въ самомъ дѣлѣ взяли знамя вѣры. Но тогда надобно будетъ указать, когда и въ какомъ видѣ возвратили они это знамя—или церковной іерархіи, или инымъ защитникамъ вѣры. И безъ того нашъ умъ отвращается отъ страшныхъ сценъ козачества во времена ломки существовавшаго порядка вещей для водворенія надолго варварскаго безпорядка; если же принять за истину, что всѣ историческія безобразія козацкія совершались подъ знаменемъ вѣры, подъ священнымъ знаменемъ православія, то чѣмъ была сама наша вѣра, чѣмъ было это православіе, которое мы хранимъ преемственно отъ временъ апостольскихъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ наша православная церковь была скопищемъ невѣжества, коварства и тиранніи, какъ изображаютъ ее латинцы?.....

Мы думаемъ о ней лучше. По нашему простому, безъ эффектовъ, воззрѣнію, она, прійдя въ упадокъ наравнѣ съ латинскою церковью въ Рѣчи-Посполитой отъ политическихъ и соціяльныхъ причинъ, сама въ себѣ, то есть въ собраніи вѣрующихъ, обрѣла силу возстать изъ своего упадка. Этимъ собраніемъ вѣрующихъ, или ихъ высшими представителями, никакъ не приходится быть людямъ, которые рѣзали для потѣхи уши безоружнымъ единовѣрцамъ среди ихъ родныхъ селъ, которые свирѣпствовали безразлично среди шведскаго и литовско-русскаго населенія, и, наконецъ, помогли агентамъ папы, польскимъ латинцамъ, произвести безпримѣрное въ исторіи „московское разореніе." Нѣтъ, не въ козацкомъ стану, алкающемъ добычи или терзающемъ ее по-звѣрски, могла выработаться такая глубоко благочестивая и дальновидная личность, какая нужна была для того, чтобы поднять русскую церковь изъ упадка, а среди осѣдлаго мѣщанства, среди того класса тѣсно сплоченныхъ между собою людей, который такъ долго лавировалъ между Сциллой и Харибдою, между гибелью нравственною или матеріяльною, который, съ чистотой голубя, но съ мудростью змѣи, пользовался и безхарактерною доступностью князя Острожскаго, и громкимъ именемъ старшихъ братчиковъ, вельможныхъ русскихъ пановъ, и, наконецъ, бурною завзятостью грабителей всего свѣта, по опредѣленію Жовковскаго, козаковъ. Онъ, этотъ средній слой общества, между избалованными людьми, съ одной стороны, и придавленными къ землѣ, съ другой, оцѣнилъ христіянское подвижничество Іова посреди безотрадныхъ развалинъ родной церкви; онъ пожелалъ ввѣрить ея верховное управленіе неизвѣстному въ высшихъ сферахъ, убогому и незнатному архимандриту Михайловскаго монастыря, и, какъ въ козацкомъ войскѣ мѣщанскій контингентъ былъ весьма значителенъ, то выборъ „людей статечныхъ" не могъ встрѣтить сопротивленія со стороны одичалыхъ и буйныхъ братчиковъ. Милосердный защитникъ вдовъ и наставникъ сиротъ былъ избранъ



и самыми лучшими, и самыми худшими людьми единодушно. Конечно картина *казаковъ*, идущихъ подъ знаменемъ вѣры, плѣнительна для автора и тѣхъ изъ его читателей, которые ищутъ въ исторіи забавы воображенія. Но противоположная ей картина будетъ имѣть гораздо больше реальности и историческаго смысла.

Козаки были вытѣснены изъ родныхъ домовъ, точно какъ-будто отцы ихъ переженились на другихъ женахъ. (На эту тему любитъ пѣть наша народная муза.) Козацкими отчимами сдѣлались паны, которые, въ началѣ козачества, обороняли родной край отъ враговъ христіянства наряду съ козаками. Паны, эти исконные патроны церкви, допустили ее падать въ руины; ихъ новыя жены, эти привилегіи, эти „шляхетскія вольности", эти громадныя пожалованья и придворныя связи, завели ихъ Богъ знаетъ куда въ сторону отъ ближайшаго долга ихъ. Паны до того потеряли чутье единства племени и вѣры, что собственныя ихъ семьи, какъ напримѣръ семья знаменитаго князя Острожскаго, „главы православнаго движенія", „главнаго дѣятеля защиты православія противъ римскаго католичества", принадлежали къ противоположнымъ церквамъ. Церковь дѣйствительно „не могла находить у нихъ никакой поддержки внутри родного края"; а безъ пановъ мѣщане и сельскіе хліборобы не были, въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ, народомъ. Церковь запустѣла, точно „Святая Софія" передъ глазами у кіевскаго воеводы, и въ нее—можно сказать почти что безъ фигуральности—начали загонять скотъ.... Между тѣмъ невольные бѣглецы образовали сильную корпорацію; и вотъ русская церковь, въ лицѣ своихъ истинныхъ братчиковъ мѣщанъ,

Кли́че дітей додо́му.... [1])

И прикликала. Собрались одичалыя дѣти, въ качествѣ нововписанныхъ въ братскій реестръ братчиковъ, и стали многолюдной

[1]) Слова упомянутой выше пѣсни.

толпою вокругъ церкви, „голы какъ бубенъ, страшны зѣло“, какъ бы сказалъ объ нихъ московскій попъ Лукьяновъ. Враги православія отступили въ ужасѣ. Церковь подняла тогда свое знамя; иноческой рукою Іова высоко подняла она его надъ русскою землею, и уже никогда не спустила своего флага. Эта картина согласуется больше первой съ достоинствомъ идеи, заключающейся въ словахъ *вѣра* и *церковь*. Она не стоитъ въ противорѣчіи съ безпощадной и безпутной рѣзнею, пожарами, опустошеніями, истребительными грабежами козацкими. Она гармонируетъ съ понятіемъ о цѣломъ составѣ украинско-русскаго народа, въ исторіи котораго козачество исполнило только временную, хоть и весьма трудную, функцію. Она, наконецъ, не оскорбляетъ нашего чувства за тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которыхъ чистыя „отъ всякія скверны“ руки были достойнѣе козацкихъ рукъ нести святое знамя вѣры своей.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО

ВТОРОМУ ТОМУ

ИСТОРІИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ОДА ПАПРОЦКАГО ВЪ ЧЕСТЬ РУСИ.

DO POLAKOW.

Это стихотвореніе Папроцкаго заимствовано изъ его книги: „Panosza to iest Wyszłowienie Panow y Paniąt Ziem Ruskich y Podolskich", Krakow, 1575. Оно собственно относится къ 108 страницѣ I-го тома, но не могло быть въ немъ помѣщено по той причинѣ, что въ моихъ бумагахъ имѣлись только выписки изъ него. Когда я обратился за полнымъ стихотвореніемъ „Do Polakow" въ Императорскую Публичную Библіотеку, оказалось, что Panoszy Папроцкаго въ ней нѣтъ, и уже, по выходѣ I-го тома въ свѣтъ, сообщилъ мнѣ весьма обязательно полную оду Папроцкаго директоръ библіотеки графовъ Красинскихъ, въ Варшавѣ, извѣстный ученому свѣту своими почтенными трудами, Владиславъ Хоментовскій, при чомъ, съ благородною гордостью книгохранителя, замѣтилъ онъ, что другой экземпляръ Panoszy едвали найдется гдѣ-либо въ Европѣ. (Въ моей перепечаткѣ соблюдены знаки правописанія и пунктуація подлинника.)

Chcieyciesz sie tu przysłuchać tych cnych ludzi sprawie,
Ach język moy nie powie snadz wszytkiego prawie.
A pioro nie wypisze tu cnoty każdego,
Niestanie mi papiru ná sprawy iednego.
A niechcieycie rozumieć bych im pochlebował,
Nie dawnomci w tym kráiu nie z nimim się chował.
Alem záraz zrozumiał sprawy ich poczćiwe,
Ktore godne ná wieki áby były żywe.
Wiedz że nie raz do roku tych cnych ludzi ręce,
Uganiáiąc pogány iż bywaią w męce.
Broniąc wszytkich krześćian iako mężni Lwowie,
Owa máło nie wszytko tám z nich Hektorowie.
Od was żadney pomocy do tego nie máią,

Tak was iák karmne woły w pokoiu chowáią.
A wy nad nie czyniąc się ieszcze godnieyszemi,
Upraszacie w tych páństwach imioná pod niemi.
Kedybyście im mieli snadź udzyelić swego,
Używáiąc tak wczásu pokoiu wielkiego.
Okażciesz wy swe sprawy tu godne pámięci,
Jákie ći zawsze czynią ludzye práwie swięci.
Ja nie mogąc zátáić czo widzę ná oko,
Ukażę wam ich sprâwy chociaż nie szyroko.
Ktoby mi chciał nágánić nie może prawdziwie,
Chybá im tego zayrząc mowić zazdrośćiwie.
Bo że by się dzisich lat thakowy wyiáwił.
Poslecie go w poselstwie dobrze ie odpráwi,
Ledwie mu ták roskażą iak on lepiey spráwi.
Tam pytay o Hetmanie o dobrym Rycerzu,
Nie rad kiedy wotuią w Rádzye o przymierzu.
Tam konia i páchołká dostaniesz dobrego,
Już tám wász Mathusz nawykł porządku lepszego.
Nie chodzi po ulicy nię báwi się zwádą,
Nie uderzy nikogo bez przyczyny zdradą.
Z Máthusza dobry iunak, a s syná wászego,
Záraz Rotmistrz ábo więc zacny Rycerz z niego.
A wy coscie znácznego proszę was zrobili,
Ktorzyście na imioná w Rusi się zdobyli.
Przeciw sobie widzyałeś kiedy miecz dobyty,
Nie na burku w potrzebie iakiey znákomitey.
Bá rzeczesz iżem widzyał, by iedno przystoynie,
Nie godzić się bácznemu być na takiey woynie,
Wiakicieś máło gárdłá nie dał ty moy pánie,
Aleć powiem kruciuchno o tym swoie zdanie.
Nie przystoi mądremu wydzyerać cudzego,
Ani ieslis bogátszy nie wzgardzay chudszego.
To yurzysz u Podolan gdy przydzyesz do niego,
Nie poznasz gdzye pan siedzi ábo sługa iego.
Nie masz tám y za szeląg pychy u żadnego,
Więc ná wszem błogosłáwi szczęści Bog każdego.
Chociaż we pstrych saianiech oni tho nie chodzą,

Ale w sławie snadz droższey niż wezłocie brodzą.
Tá o tym cnym narodzye wszędy zacnie słynie.
I będzye wiekom wiecznie chociaż Polska zginie.
Już dawno nie masz Troye ledwie znáć gdzye byłá,
A wzdy sława cnych ludzi ieszcże nie zginełá.
Dawno Jazon z inszymi do Kolchis się woził,
A wżdy dziś w naszym wieku s swoim męstwem ożył.
Herkules co nań práwią iże Hodry biyał,
Tákże y bogow zyemskich namniey nie omiyał.
Umie tho dziś ledá chłop u nas spráwić w Rusi,
O sroszszego niżli Smok Turczyna się kusi.
Samson słynie że tho był rozdarł gebę Lwowi,
I dzisich lat to nie dziw czynić Rusakowi.
Rozdziewił możny Turczyn na nas swą paszczęke,
Nie raz zacni Rusacy tkaią mu w nię ręke.
On z woyskiem niezliczonym ná Polskę sie puszsża,
Ale mu można siła Ruska nie dopuszcża.
Wszytkoć tam Koklesowie oni mężni Rzymscy,
Abo Kurciusowie oni zacni wszyscy.
Wskoczy tam nie raz każdy w takowe przepasci,
Biyąć siekąć pogany prawie do upaści.
A gdy oni co sprawią barzo potrzebnego,
Wszystkim wam spolna sława záwsze roscie z tego.
Mieyciesz ná sławie dosyć ktorą oni robią,
Chociaż was w tych potrzebach nie miewaią z sobą.
A nie mieycie iuż z nimi w dobrach interesse,
Gdyż na ten czas gdy się bić gdzyeś bywacie w lesie.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ОСТРОЖСКАГО

И СЫНА ЕГО ЯНУША

КЪ КНЯЗЮ КРИШТОФУ РАДЗИВИЛУ. [1])

ССОРА СЪ КНЯЗЕМЪ ЗБАРАЖСКИМЪ.

Князь Збаражскій потребовалъ князя Константина-Василія Острожскаго къ суду. Онъ выхлопоталъ листы изъ королевской канцеляріи о томъ, чтобы всѣ повѣты Волынской земли шли на князя Острожскаго, яко на непослушнаго закону и королю, и эти листы прибилъ во всѣхъ повѣтахъ къ замковымъ воротамъ и церковнымъ дверямъ. Князь Острожскій просилъ короля, чтобъ не выдавали противъ него такихъ листовъ, и чтобы король остановилъ дѣйствіе выданныхъ.

Woiewoda bracławski, chciwy będąc maiętnosci dziatek mych i moiey o krzywde dosyć niewielką, o kilkadziesiąt kop zboza, ktore mu Syn moy Janusz, ze ie na gruncie iego koszkowskim poddani iego Hryczkowscy zasiali byli pobrać kazał, opusciwszy syna, mnie Oica, ktory tam nie trzymam, nic o tey krzywdzie niewiem, do sądu swego krzemienieckiego pozwał. A chocia Janusz syn moy pozwy zniosł i na roku się zprawem swym opowiadał, ze to Imienie on, anie ia dzierzy, przecie na mię sąd iego wskazał dwiescie kop i piętnascie Litt., w ktorych, iz mu Janusz syn moy w wiązaniu w Koszkowie nie postąpił [a słusznie, bo go oto nie pozywał, iako dzierzawczego], przeciwko mię odzierzał listy zkancellariey J. K. Mci, aby się wczystkie powiaty ziemi Wołynskiey na mię ruszyły i iako na nieposłusznego prawu i przeciwnika zwierszchnosci J. K. M., i takowe listy K. J. M. we wszystkich powieciech po drzwiach kosciel-

[1]) Извлечены изъ рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. F. IV, № 223.

nych zamkowych, po Bramach przybiiali ku osławie mey; iako dnia wczorayszego zebrało się ich przez kilkaset na wiązanie do Koszkowa; tam, iz od syna mego Janusza broniąc i wwiozować się nie dopusczono, pewnie starać się będzie Woiewoda Bracławski o listy na wywołanie przeciwko mnie; przeto piszę tam do J. K. M. o tem prosząc, zeby J. K. M. nie kazał listow takich przeciwko mnie Woiewodzie Bracławskiemu wydawać, do tego czasu, aż się z nim rozprawię przed J. K. M. nate pozwy, po ktore teraz posyłam do Kancellariey J. K. M. a takze o niesłuszny postępek prawa. Wielce a pilnie, iako mego Mciwego Pana i powinnego przyiaciela, proszę, abyś W. M. ode mnie list J. K. M. oddać raczył i o to się łaskawie przyczynił, iesliby pieczęci nie było koronney przy J. K. M. prosić J. K. M. o list do J. M. Pana Kanclerza, zeby te pozwy przeciwko Woiewodzie Bracławskiemuzapie czętowano, i list hamuiący dalszy postępek iego w tey sprawie, iako niesłuszney i fortelney, do rosparcia ze mną przed J. K. M. na te pozwy dać roskazać raczył, krom zadnego mieszkania. Tę vczynność W. M. memu Mciwemu Panu odsługować i zadziaływać będę. Dan z Ostroga Junii 17 die 1584.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА КОЗАКОВЪ. БОЙНЯ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ.

Paragraf z listu Demkowicza, posła do Wołoch.

Сотникъ Демковичъ ѣздилъ въ Пресбургъ для приведенія молдавскаго господаря къ присягѣ на вѣрность нѣмецкому императору. Господарь обезглавилъ турокъ, находившихся въ Молдавіи. Вслѣдствіе этого Царьградъ былъ на три дня запертъ, и во все это время турки рубили христіянамъ головы. Наконецъ адзамулаты бросились на палачей, и между самими турками завязалась сѣча. Султанъ успокоилъ адзамулатовъ подарками. Господарь пригласилъ козаковъ на войну съ турками.

Gdym był posłany od Panow Kozakow do Hospodara Moldawskiego dla przysłuchania przysięgi, ktorą Hospodar J. M. tak z ra-

dą Duchowną, iako i swiecką vczynił, zkapłanami i z Hetmanem swym, zaprzewodem moim, iz się prawdziwie odrzucił od Cesarza Tureckiego i poddał pod Cesarza Chrzescianskiego i przywileiem Cesarza J. M. ktory Data z Prezburgu 1 dnia Nouembr. przyimuiąc go w Opiekę swoię i obronę iemu wszelaką obiecniąc, azadnych dac nie potrzebuiąc wiecznemi czasy, i list zawarty do Hosdodara od Cesarza J. M. pisany, aby się porozumiewał skozakami, co wszystko przed nami pokazywał dla skuteczniejszey wiary. Turki tez wszystkie wyscinał wziemi swoiey, a maiętnosci ich na Węgry wydał. I gonca, ktory od Pana Tureckiego, ktory do K. J. M. naseim szedł, kazał sciąć przy nas. Nawszystkich chorągwlach znaki Cesarza Chrzescianskiego i krzyzy poczynił. Turki scinane na wzgardę tak stoią po rynku. Od Xiązęcia Zygmunta Siedmigrockiego przy nas cztery tysiące pieszych węgrow napomoc przyszło a tysiąc iezdnych. Nad ludem tym Isztwan Kapitan. Lud Hospodara J. M. czternascie tysięcy z Hetmanem iego Razwanem nizey Łopuszney leżą i iuz około Kilit wielkie zdobyczy pobrali. Tatar co się było kilka tysięcy zostało w Ordzie, ci lezeli nakoczubay, a teraz Vczuburezy wyzey Białogroda z Dobrzyckiemi Tatary, co ich trochę było i ztemi, co około Białogrodu byli zebrali się, pewną wiadomosć Hospodar ma, ze ich dziewięć tysięcy tylko iest. A chcieli ziemie Wołoskiey zaszkodzić, iednoz ich taz vgoda znami zadzierzała i te ludzie, ktorych Hospodar nizey Łopuszney położył. My się tez ruszyli. Insze Pan Korczewski słownie W. X. M. powie, iako rada nasza, vsta z vsty, gdziesię będziemy zdeimować i iako postanowienie iest, iesli K. J. M. i W. X. M. Panow Rad, Panow naszych, będzie. Szpiegi Hospodar wszędy mą i w Konstantynopolu; i przy nas przyszedł szpieg z Konstantynopola, ktory powiedział, iz 12 dnia Nowembr. zatworzono było Konstantynopole natrzy dni, i wtych dniach scinano Chrzesciany. Potem Adzamulanowie, vzaliwszy się krwi Chrzescianskiey, rzucili się na Turki i sami się między sobą do tego dnia siekli. Adzamulanow vspokoił przez podarki. Hospodar Multanski,

za pomocą Bozą, kilka tysięcy pod Prowadyiein pogromił, akilka set ich zatworzyło się było w Monaster, i tych wszystkich dobił. Teraz posła do nas przysłal, obiecuiąc nam pieniądze, abysmy tylko do Hospodara Wołoskiego poszli i z nim się nizey Łopuszney zdeimowali. Posłanca, ktorego do Siedmigrodzkiey ziemi posłalismy, iescze nie masz go, i skoro przyiedzie i z czem, nie omieszkam W. X. M. dać znać, i Rada zupełna iak będzie, o wszystkim dam znać. Z Baru, die 3 Februaii 95.

ЖЕНИДЬБА ЛОБОДЫ.

Drugi z listu Kiewliczowego.

Козаки выступили въ походъ. Лобода женился. Турецкій султанъ приказалъ избавить христіянъ въ Царьградѣ. Турки бились между собою восемь дней.

Słuha moy, ktory na wiadomosć czekał w Międzybozu, przyniosł mi taką wiadomosć, iz wewtorek kozacy wyciągneli z Baru do Winnicy i Bracławia, ktory list W. X. M. posyłam. Stamtąd gdzie się obrocą, rozne słuchy. Jedni twierdzą, ze do Wołoch, a drudzy powiadaią, ze ku Czerkasom; owo gdziekolwiek, ieno ich nas Panie Boze zbaw.—To tez W. X. M. oznaimuię, ze się Pan Łoboda Hetman Zaporoski ozenił; wziął szlachciankę, powinną bliską Paniey Oborskiey, ktora przyniey Panienką mieszkała; ktora zań poniewoli isć miała: bo tak J. M. chciał Pop, quidem szlub im dawał. Ale Pan Bog to wie, dlugo li tego. Mam tez i te wiadomosć pewną, iz gdy tych niedawnych czasow ziemia Wołoska i Multanska vczyniła przysięgi Cesarzowi Chrzescianskiemu, tedy Cesarz Turecki w Carygrodzie roskazał Chrzescian mordować, scinać; zaczem się między Turkami taka bitwa wszczęła, ze osm dni z sobą się bili; zo-

budwu stron nakilka dziesiąt tysięcy legło ich. Teras snać tamze w Carygrodzie Seim. Co się daley ponowi, oznaimić W. X. M. niezaniecham. Z Lubaczowa, w dzień Gromnic.

ОПАСНОСТЬ СО СТОРОНЫ КОЗАКОВЪ.

Въ виду избіенія христіанъ въ Цареградѣ, надобно и въ Польшѣ опасаться подобныхъ ужасовъ. Козаковъ намножилось до 12.000. Противъ нихъ король велѣлъ обратить коронное войско, котораго только 2.000. Если не устояли въ битвахъ съ ними волошскій и молдавскій господари, то какъ устоитъ коронное войско! И внѣшняя, и внутренняя война угрожаетъ Польшѣ.

Z strony seimu, na ktorym wszystko Chrzescianstwo o nas samych, a naiwięcey o imie odkupiciela naszego Chrystusa Pana idzie, chociaż prostak i niemoia rzecz wtosię wdawać, barzo mi się to niepodoba, ze nawielu mieiscach, iako i w Proszewicach, wiele rzeczy domowych, dzisieiszemu czasowi nienależących, podanych do zatrudnienia onego. Kiedy naiwięcey zgody, miłosci i swornosci potrzeba, to naiwięcey priwatami zatrudnienia przyczyniasię. Jesli sam Pan Bog do zgody i miłosci prawie gwałtem niepociągnie i nieratuie Chrzescianstwa, o nas słaba nadzieia, ktorzy, bacząc tez zapłotem ogień, barzo iadowity a do zginienia bliski, naimniey nań niedbamy, a moglibysmy się i tym samym mordem Chrzescian w Carogrodzie pobudzić, ktory się temi czasy od pogan stał, oczem iako mi piszą, szerzey dla zrozumienia W. X. M. memu Mciwemu Panu posyłam. Strzez Panie Boze za takową nieswornoscią naszą i za praktykami, zeby tez kiedy i nas toz nie doległo, iboie się, zeby nie nato Pan Bog tę rozgę swą gotował: bo co dziś iednemu, tego się iutro drugi spodziewać moze. — Ludzi tez swowolnych iakie zmocnienie v nas, ze ich więcey nizeli do dwunastu tysięcy, naktore nieladaiako oglą-

dać się potrzeba. Taką sobie sławę pusczaią, ze do Wołoch na pomoc im i Multanom przeciw Turkowi idą. Ale ia tego niebaczę: bo, z Baru wyszedłszy, do Bracławia i Winnice się vdali, blizey ku Dnieprowi. Więc i to, ze snadz Krol J. M. kazał zołnierza na nie obrocić, ktorego tylko dwa tysiąca. Barzosię boię, kiedy Hospodar Wołoski z Multanskim Woiewodą stosu im wytrzymać nie mogli, ale vstępować z szkodą swą musieli, zeby panowie zolnierze co sprawili; aprzyidzieli do czego, tedy spolny raz będzie musiał być. Za takim tedy zaciągiem czego się nam spodziewać, obacz W. X. M., ze iest i postronna iuz nagotowana i wnętrzna woina.... Datt w Stepaniu die 9 Februarii Anno 1595.

ПОРАЖЕНІЕ КРЫМЦЕВЪ МОЛДАВАНАМИ.

КОПІЯ ПИСЬМА ЛОБОДЫ,

СООБЩЕННАЯ РАДЗИВИЛУ КНЯЗЕМЪ ОСТРОЖСКИМЪ.

Лобода извѣщаетъ о томъ, что ни одинъ крымскій ханъ не терпѣлъ еще такого пораженія. Едва самъ спасся бѣгствомъ; потерялъ всю добычу и ясыръ. Лобода проситъ покровительства князя во всѣхъ козацкихъ дѣлахъ.

Wielmozny a Mciwy Panie Panie
Woiewodo Kiiowski, etc.

Vnizone słuzby nasze do Mciwey łaski W. X. M. naszego Mciwego Pana pilnie zalecamy, etc.

Oznaimuiemy W. X. M. naszemu Mciwemu Panu, ze iuz, za pomocą, Bozą, wychodzim przeciwko nieprzyiacielowi krzyza Swiętego dna 21 Lutego, to iest we wtorek na pole bialogrodzkie, co Panie Bozę racz dopomodz, aby, za sczęsciem W. M., ten poganiec pod nogi nasze vpadł. Daiemy tez znać W. X. M. naszemu Mciwemu

Panu, ze nas doszła wieść od Hospodara Wołoskiego i Multanskiego, ze Woiewoda Multanski Tatar na głowę poraził, tylko sam Car vciekł i zapadł, za ktorym przed się Woiewoda Multanski posłal swego Hetmana z ludem, aby go az do morza gonil, i tak iako piszę, Mciwe Xiąze, ze zaden Car wiekszego vpadku niepodniosł: gdyz i zdobyczą od nich wszystką pobrali. Acoś się ich mało rospierszchneło i więzniow wszytkich odgromił. To iuz nieinaczey. Prosim tez W. X. M. naszego Mciwego Pana za nami, sługami swemi, w kazdey sprawie racz się łaskawie przyczyniać. Oddaiemy się powtore w Mciwą łaskę W. X. M. swemu Mciwemu Panu. Pisan w Bracławiu d. 21 Lutego Roku 95.

W. X. Mci swemu Mciwemu Panu
Nainizsze słudzy
Hrehorey Łoboda Hetman
i wszystko Rycerstwo Zaporoskie.

ОТНОШЕНІЯ КН. ОСТРОЖСКАГО КЪ КОЗАКАМЪ.

Лобода искалъ благосклонности князя Острожскаго и щадилъ его имѣнія, но Наливайко съ тысячею человѣкъ отдѣлился отъ козацкаго войска, которое пошло въ Волощину, и расположился гостевать въ Острополѣ. Острожскій смотрѣлъ на него, какъ на другого Косинскаго. Въ выпискѣ изъ письма Лободы сообщаетъ князь Василій о томъ, что крымскій ханъ разбитъ на голову молдавскимъ воеводою.

Barzom temu rad, iz wiem o W. M. swym Mciwym Panie poblizu z zdzięcioły, gdzie iuz bym dawno rad być isam chcąc się vcieszyć zdobrego zdrowia W. Mci. i te sprawy, ktores na Kopiis i Hłusk nalezeć będą, nieprzez kogo inszego, iedno przez się samego W. M. oddał, — takze i temu zeznaniu, ktoregom dawniey, przez chorobę swą nie wykonał, dosyć teraz vczynił, nizli swawola ko-

zacka,' ktorey znowu zazywać byli poczęli, zahamowała mię az by się vspokoienie stało; i pokim na Wołyniu był, poty mie zaniechali, ze się spokoinie we wszystkiem pszeciwko mnie i poddanych mych zachowali, zwłascza Pan Łoboda, pragnąc przyiazni ze mną; ale, skoro teraz do Wołoch zwoiskiem odszedł, iam się tez tu na Polesie obrocić, ten łotr Naliwaiko, oderwawszy się od drugich wtysiącu człowieka i do Wołoch nie chodząc, teraz iest w Ostropolu, maiętnosci mey, gosciem, i przyidzie mi z nim podobno iako w targu postąpić; drugiego Kosinskiego Pan Bog na mnie przepuscza Takze i wiadomosć seimowa zatrzymała mnie owdzie, na ktorąm oczekiwał, i iescze nic pewnego stamtąd nie maiąc, kęs się zatrzymam. Atym czasem vmyslnie pachole swe posyłam, dowiaduiąc ozdrowiu W. M.... — Nowiny iakie mam od Łobody i pewne, bo z ponową, W. X. M. posyłam. Day Panie Boze, abyś do końca ci pohancy pociechy nieodnosili.... Datt w Turowie d. 4 Martii A° 1595:

Слѣдуетъ выписка изъ письма Лободы:

O nowinach, o ktorychem do W. X. M. pierwiey pisał, teraz ich potwierdzam, ze zapewnie Cara pobił Woiewoda Multanski, ze ledwo sam Car vciekł z niewielą i za nim pogonią posyłał. A my tez iuz wyszlismy z Bracławia naprzeciwko poganinowi.... Dan Nalesnicy znocliega d. 23 lutego A° 95.

НЕВѢРНОСТЬ СЛУХОВЪ. СЕЙМОВЫЯ АГИТАЦІИ.

Nowin godnych wiadomosci W. M. zadnych nie masz. Choć iest co, ale niesmiem pisać: bo niezawsze pewne bywaią, i to co z Kiiowa, tedy niepewne. O kozakach tylko słychać, ze wziemi Wołoskiey snać poszli pod Białogrod, albo pod Kilą; ale cokolwiek się pewnego i godnego ponowi, oznaimić W. X. M. niezaniecham.

*

Zseimu, iako dawno, tak i teraz, nic niesłychać. Pan Bog to wie, iako się skonczy.

Załuię tego niepomału, iz z W. X. M. naseimie tak obeszło. Prawieć nas tak porobią: boimy się nasamę publikę, wedle złozenia Seimu vbespieczywszy, prywatek swych zaniechać; a wiele nas takich, i mnie samego, Pan Bog to wie, iesli tez tam bez ługu niezmyią. Die Aprilis A° 1595.

ВНУТРЕННІЯ СМУТЫ.

Дѣла стояли такъ, что князь Острожскій сносился съ Радзивилломъ только чрезъ посредство вѣрныхъ слугъ, не ввѣряя ничего бумагѣ.

Jakom przedtem zadney wiadomosci o zdrowiu W. M. m. M. Pana i o tych rzeczach zawichrzonych pod te czasy wzmianki nieiakiey, iesliby co wiadomosci W. X. M. dochodziło niemaiąc, był barzo frasowliwym: bom i o łasce W. M. m. M. Pana był wątpić począł, tak teraz zaś, wziąwszy wiadomosć przez pisanie W. X. M. ozdrowiu W. M. m. M. Pana, iuz za łaską Bozą sposobnieiszym, i zrozumiawszy sługi mego Chmielewskiego za wskazaniem przezen od W. X. M. wielką łaskę a prawie synowską miłosć W. X. M. kusobie, wielcem vcieszony a prawie poleczeniem niemałem zdrowia mego w starosci lat mych stało mi się to od W. X. M. za co barzo wielce dziękuię W. M. m. M. Panu i Pana Boga o to.... Temusz słudze memu Chmielowskiemu, widząc, ze mu i W. M. dufać raczysz, dostatecznie z nim namowiwszy się we wszystkim, poruczyłem słownie z W. X. M. mowić i vmyslniem mu do W. X..M. iachać roskazał, ktoremu proszę racz W. M. wiarę zupełną dać i to wszystko vczynić, co się słusznie będsie godziło W. X. M. a roskazać go zaś do mnie iako nairychley dniem i nocą zeby się pospieszał odprawić.... Z Ostroga die 15 9bris Anno 95.

„НАЧАЛО ТРАГЕДІИ."

Разсказы о похожденіяхъ Наливайка такъ несогласны между собою, что князь Константинъ-Василій Острожскій выѣхалъ лично поближе къ мѣсту дѣйствія, чтобъ развѣдать о положеніи дѣлъ. Нѣсколько жолнерскихъ ротъ напало на двѣ сотни козаковъ, стоявшихъ въ Мартиричахъ; козаки были побиты почти до остатка. Наливайко двинулся таборомъ изъ села Чорнавы черезъ Острополе къ Пикову. Не извѣстно, куда направится далѣе. У него не болѣе 1.000 человѣкъ, побито до 300. Жовковскій, переночевавши въ Райкахъ, преслѣдуетъ его, почти не останавливаясь. Жолнеры довершаютъ опустошенія, причиненныя въ селахъ козаками.

Dnia wczoraiszego przez sługę Pana Bronickiego krotce nieco przypomniałem W. X. M. początek tragedyi, ktory się iuz stał między Pany zołnierzmi a Panem Nalewaikiem. Jednakze iuz tak wiele powiesciom nie wierzę, iz wybiegałem sam w kilkadziesiąt koni dla pewnieiszey wiadomosci, ktorą W. X. M. oznaimuię. We wtorek godzina moze być ze dwie przed wieczorem wyszedł Nalewaiko z labami, ze wszystką armatą; stanął na noc w Czarnawy, wsiele W. X. M. ktore Pan Starosta Ostropolski trzyma, po wsiach wbok połki rozłozywszy. Zatem nazaiutrz, iakoby godzina przed południem, nastąpiło kilka rot zolnierskich, przy ktorych powiadaią zeby miało być częsć ludu zbornego. W Marcierycach P. Kiewlicowicza, sługi W. X. M., zastały setny dwie: setnią Marka durnego i Tatarynczową, ktorzy snadź tylko na to tylko byli posłani zeby P. Kiewliczowy iako naiwięcey szkod byli poczynili. Nawet iako słyszeć i Sioło spalić mieli, tylko ze im gorzałka zawadziła, ktorey beczkę zastały wewocze (wedworze?) v Arendarza. Dla czego tez tak — — [1]) zdybawszy obiedwie setni prawie na głowę połozyli i z setnikami, tak iz okrom kilku, i to rannych, nie vszło. Marko tamze zaraz na placu legł, a ten drugi setnik Tataryniec wymknął się iuz był zkilku towarzyszow, ale wdrodze dogonieni i

[1]) Пробѣлъ переписчика, снимавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

pobici. Nalewaiko natenczas w Czarnawi był tak vbespieczony, ze przy sobie więcey kilkudziesiąt człowieka nie miał, tylkoś ze zatym Słuckiem (?) i inszych sioł, to iest z Pustowiec, z Hołubca i inszych, nastąpiło mu kilka setni; zaczem zarazem, wyszedłszy z Sioła Taborem, poszedł ku Ostropolu; tylko człowieka ze trzydziesci tamze w Czarnawi vbyto a zywo szesci poimano, ktorych zaś w Raikarch poimali. Nalewaiko zarazem, nic niepostawaiąc, poszedł przez Ostropol w pola ku Pikowu. Jednak otem takie słuchy dochodzą, zeby się iuz w Pikowie przed nim zamknąc miano i po inszych miastach wszytkich vkrain nych; nawet i lud vkrainny iakoby miał być wszytek pogotowiu. Wiadomosci nie masz, gdzieby się miał daley obrocić. Ludu przy sobie więcey tysiąca niema; pobitych do trzech set. J. M. P. Hetman tylko w Raikach przenocowawszy, przed switem za nim poszedłszy, zolnierze prawie bez przestanku za nim idą, i szkody niezmierne pierwiey Kozacy, potem teraz zolnierze poczynili. Rradko wktorym siele W. X. M. konia znaidzie: bo czego Kozacy nie wzięli, ostatek pobrali zołnierze. Nawet i sług kilku W. X. M. maiętnosi mało niewsczął Kozacy wybrali, iako Gorskiemu i Hrozie etc. Z Konstantynowa 2 Martii A° 96.

ПОДОЗРѢНІЯ ВЪ СТАЧКѢ СЪ КОЗАКАМИ.

Были между панами толки о томъ, что князь Острожскій насылалъ козаковъ на имѣнія людей, къ которымъ не благоволилъ. Оправдываясь въ этомъ передъ Радзивиломъ, Острожскій ставитъ Лободу на одну доску съ Наливайкомъ и Савулою, и выражаетъ общую увѣренность пановъ, что Наливайко будетъ усмиренъ.

Co się tknie suspicii od ludzi rozmaicie mnię vdaiących o tem łotrze naliwaiku, zebym go ia miał nasyłać lub to zwiadomoscią moią cokolwiek czynił było, Bog widzi i wie a da to złaski swey, ze się nieprzyiaciel zaden moy przytem niezostoi. Tom go ia tez do

Wołoch, do Węgier posyłał? To i Szauła wkraie W. M. W. X. Lit. zmego roskazania wszedł? To i Łoboda Ukrainę znisczył z moią wiadomoscią? Tozci i mnie, iesli kogo, apodobno iescze barziey, doległo, zniewinnosci wybawiać i mnie niezapomni: bo głos iego mowi, prawda nie zanie (sic) tylko zsuspicii wybawia, ale i od swierci. Nowiny, iakie tez v nas są o Nalewaiku W. X. M. posyłam. Tak tuszą wszyscy, ze go da li Bog vskromią, a Panie Boze day to, aby i tych szkoicow, ktorzy tez wkraiach W. M. W. X. Lit. proporce swe iescze rosciągaią, zebysmy kiedy choć wzdy od swoich wpokoiu pomieszkać mogli.... Z Ostroga dnia 3 Marcii A° 96.

ВЫѢЗДЪ НА БРЕСТСКІЙ СОБОРЪ.

Князь чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Не только двое владыкъ, но и папа силою ничего не сдѣлаетъ. Острожскій проситъ Криштофа Радзивила держаться гдѣ-нибудь въ своихъ имѣніяхъ поближе къ Бресту, а не то—прислать минскаго воеводу Абрамовича.

Na inne rzeczy inszego czasu do W. M. swego Mciwego Pana odpisować będę: bo się teraz poczynam na zdrowiu barzo nie dobrze mieć — — [1]) tylko to teraz do W. M. piszę, swego Mciwego Pana, z strony Władyk: barzo mi to miło słyszeć, iz to, co Ich M. Panowie Tribunalisty litewskie i panowie obywatele tamecznie, iako strozowe wierni i zyczliwi Rzecy pospolitey, a tem czuią, day, Panie Boze, aby nie vstali a przy prawach wolnosciach swych, naibolszey w tych rzeczach, co sumnienie zachodzi, opanowali i mocno zastanowili z W. M. społem, moim Mciwym Panem. A gdy Pan Bog zechce, a W. M. chęć i gorącą miłosć do tego przystąpi i serce takie sprawi, czego wszyscy zawsze po W. M. doznawali. Nietylko ta szuia Władykowie, dwie osobki, ale i Papiez z musu nic nie

[1]) Пробѣлъ списывавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

wdziala. Senot potaiemny im podporą i pozytkiem być nie moze, i owszem ku zawadzie. Ale iestli tam v W. M. wiadomość o nim pewna będzie, pewienem, ze W. M. naten Senod [1])———[2]) postrzegaiąc wolnosci, sami osobami, a niektorzy przez posły vstanowić będziecie raczyć, gdyz o moie mniey, ale i kazdego to dolęze: bo my iedno kredecować będziemy przed Wmi iako straceni, a W. M. tuz za nami. Boze day, by do wygraney, ale ia barzo wątpie, bo wzdy nas potaiemnie wspiączki łowią, ale———[3]) zgoła mowią niebyć temu tak. Smiałbym o to misernie prosić i wiernie radzić, iako swemu Mciwemu Panu, zebyś W. M, natenczas gdzie niepodaleku być raczył w imionach swych w Siematych abo w Orlu. A iesliby to nie mogło być, zebyś W. M. do nas zesłać raczył Pana Woiwodę Minskiego, Pana Abramowicza, ktory snać iuz iest woiewodą Smolenskim. Wszakoz to wszystko nie na moiey woli, ale przy woli W. M. niechay zostanie.... Data z Dermaniu 15 augusti anno 96.

ЖОЛНЕРСКІЯ БУЙСТВА.

Опустошенія, причиняемыя панскимъ имѣніямъ жолнерами, равнялись непріятельскимъ нашествіямъ. Они довершали разоренія, сдѣланныя козаками и татарами; безчестили женщинъ, убивали людей.

V nas owdzie natenczas nic godnego wiadomosci W. X. M. nie masz, iedno to, ze zołnierze, a zwłasczaz Xięstwa Litewskiego, stoią za postronnego nieprzyiaciela wspustoszeniu maiętnosci naszych: nietylko ze poddanych co Kozacy i Tatarowie na podolu niedoni-

---

[1]) Отъ 29 сентября изъ Дубна: „.... ledwiem tez zdrow, i to, iako W. X. M. wiesz, starego zdrowie wątleisze, iak młodego choroba. Frasunki vstawne, ktoremi mię Pan Bog nawiedza, te mi nie pomagaią. Do Brzescia na Synod we srodę blisko przyszłą wyiezdzam."

[2]) Пробѣлъ списывавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

[3]) Пробѣлъ того же переписчика.

sczyli donisczaią, ale nakoniec gwałty vczciwym białym głowom, panienkom, zaboistwa poddanych czynią; prawie płacz ludzi tych vbogich niebiosa przebiia. Zdałomi się otem nie tylko raz, ale zakazdą okazyą do W. X. M. dawać znać, aby się wzdy za napomnieniem W. X. M. mogli pohamować... Z Ostroga d. 7 Januarii A 1597.

ПОЗОВЪ ЗА ПОДЫМНОЕ.

За сопротивленіе церковной уніи, Сигизмундъ III прогнѣвался на князя Острожскаго. Гнѣвъ свой выразилъ онъ позвомъ, написаннымъ безъ тѣхъ учтивыхъ формальностей, которыя обыкновенно соблюдались въ сношеніяхъ короля съ панами. На отсутствіе формальностей князь Острожскій не обратилъ, по видимому, вниманія и озаботился только вопросомъ: какъ поступить съ королевскимъ позвомъ? Онъ послалъ копію съ него къ зятю своему Криштофу Радзивилу и просилъ его совѣта. При этомъ онъ писалъ:

„...posyłam do W. M. swego mciwego Pana kopią mandatu, od Kro J. M. danego mi o podymne, i nietylko mnie, ale takich in simili naniesiono moc na Wołyń do wszystkiej co przednieiszey slachty, co iz nie było za Krolow zeszłych S. pamięci Zygmunta Augusta, Henryka, Stefana az do tego czasu, proszę o radę iako naiprędszą, co ztem czynić i iako postąpić: bo stanąwszy wdać się w niębespieczentwo za pozwem prywatnym przes kontrowercyą; niestanąwszy wskaz wedle vpodobania swego będącymi; a Exekutorowie v nas gotowi, panowie żołnierze; aledwiemy to nie będziemy i W. M. kredensować. Proszę pilnie z łaski swey racz nam W. X. M. rady swey mądrey vzyczyć; zasługować będziemy... Z Holca die 19 Maii Anno 97.

W. X. Mci mego Mciwego Pana vprzeymy i zyczliwy sługa i bogomodlca Konstantyn Xiąże Ostroskie Woiewoda Kiiowskie etc. etc.“

ПОЗОВЪ.

Zygmunt trzeci z Bozey łaski Krol Polski....

Tobie Wielmoznemu Xiązęciu Ostroskiemu Woiewodzie Kiiowskiemu, Marszałkowi Ziemie Wołynskiey etc. Ze wszystkich dobr swych lezących i ruchomych, ktore kolwiek w Panstwie naszem masz, Roskazuiemy Tobie, abyś, zatem pozwem naszem, przed nami Hospodarem i Pany Rady naszemi, tam gdzie naten czas dworem naszym sczęsliwie postanowieni będziemy, od podania Tobie tego pozwu naszego za niedziel szesć, ku prawu iako na rok zawiły sam stał a instygatorowi naszemu zadelacyą skarbową vsprawiedliwił się. Ktory ciebie oto pozywa, iz, gdy, po ziednoczeniu i przyłączeniu Woiewodztwa Wołynskiego do Panstwa Korony Polskiey i iako prawdziwego i własnego członka iey powinnosci i wszystkie od swiętobliwych przodkow naszych na obywatele Wołynskie włozone za czasem zniesli się, a nato mieysce obyczaiem innych Woiewodztw Koronnych, tylkoz vstna powinnosć, to iest płat podymny zkozdeho domu, na znak zwierszchności koronney, wniesion iest, tedy ty tego płatu podymnego ze wszystkich imion swoich, począwszy od Seimu Lubelskiego vniinego Skarbowi naszego niewiedzieć dla ktorey przyczyny, czy tez rozumieiąc inaksze prawo sobie wiem mieć anizli w inszych woiewodztwach naszych koronnych iest, nieoddałeś i do tego czasu nieoddaiesz, zniemałą krzywdą skarbu naszego, ktorego to podymnego zatym nieoddaniem twoim Instygator nasz, na cztery tysiące kop gr. lit. mianuiąc, szerzey o tem ztobą vprawa mowić chce. A tak, abys narok wyzey naznaczony stanąwszy, podymnego cztery tysiące kop, ktorego tak wiele za nieoddane lata od ciebie przychodzi, doskarbu naszego zapłacił i wtem wszystkiem, iako tobie na roku przypadłym szyrzey słowy okazano i wywiedziono będzie, rozsądku naszego słuchał. Vpewniamy tez ciebie, ze, chocia staniesz albo nie, Instygator nasz, naimniey się nie oglądaiąc na twoie niestanie, prawnie

sobie przeciwko tobie wtey sprawie postępować będzie. Pisan w Warszawie Roku Bozego Narodzenia 1597 miesiąca Marca 27 dnia.

Wal. Stawinski.

ВЛАДЫКИ ОТСТУПНИКИ.

Унитскіе архіереи предали проклятію многихъ благочестивыхъ людей, а король велѣлъ объявить ихъ банитами. Вслѣдствіе этого запечатаны товары почетнѣйшихъ брестскихъ мѣщанъ. Князь Острожскій хлопоталъ объ отмѣнѣ баниціи и возвращеніи мѣщанамъ собственности, и намекалъ, что совѣтники такими дѣйствіями лишатъ короля титула.

Im daley, tym osobliwsze nowiny nas zachodzą, prawie iako baba ze wschodu leciala, [1]) co daley to gorzey, pod panowaniem J. K. M., Pana naszego teraznieiszego, za powodem i sprawą tych niezboznych ludzi, odstępnych władyk, ktorzy sami będąc od zwierszchnosci patryarszey wyklętemi, nie mogąc inaczey doswych błędow ludzi znimi nieprzestawaiących przyciągnąć, rozmaiłych sztuk zazywaią, a prawie szkodliwych, przedtem nigdy niebywałych, przywodząc w niebespieczność nietylko dobra doczesne i prawa wolności nasze, ale nakoniec na sumnienia nasze targneli się: powyklinali barzo wiele ludzi dobrych, bogoboinych, niewinnych i K. J. M. do tego przywiedli, ze, zatem wyklęciem ich, baniować onych roskazał, od społkow ludzi innych odłączyć, maiętnosci i towary ich, zwłascza kupieckich ludzi, popieczętowali, a między inszemi tych niebożąt miesczan co przednieyszych Brzeskich, ktorzy iuz od kilku a dwudziestu niedzil w tym rosole leżą z wielką szkodą i cięzkim zalem

---

[1]) Въ другомъ письмѣ, безъ означенія года, Острожскій писалъ: „Tak Pan Bog podobno chce mieć, ze co daley, to gorzey, iako ona baba ze wschodu klnąc mowiła, od tego łostrowstwa vkrainnego i naprawy złych a niezboznych ludzi.“

swym. Pilnie tedy W. M. swego Mciwego Pana za nimi proszę, abyś im W. X. M. zrozumiawszy ztey baniciey, od J. K. M. napismie wywiesioney, ktorą oni vkazą, tak dozniesienia iey z nich, iako do oswobodzenia maiętnosci i przywrocenia do zwykłych wolnosci i pomieszkania ich pomocnym z mciwey łaski swey raczył.... Nietylkoć tu Mciwy Panie idzie o Brzeskie miesczany, ale idzie i o domy starozytne Xiązece we wszystkiey niemal ziemi W. X. L. także i o pospolity lud, tey religiey greckiey nasladuiący i posłuszny, ktorych w Woiewodztwie Wilenskim, Trockiem, Nowogrodzkiem na białey Rusi pełno, więc w tych tu kraiach naszysh Kiiowskiey, Wołynskiey, Podolskiey, Bracławskiey, Halickiey, Sanockiey, Przemyskiey, Lwowskiey i innych ziemiach co niemiara,—ktoby się ich nawyliczał! a pogłądaiąc nato, ze się tym dobrym ludziom w niewinnosci bez dania przyczyny stało, tegoz i inni wszyscy, a niczego inczego, spodziewać się muszą, i my z nimi. Zaczem taki pozytek ci bezboznicy vczynią, iako się zawzięli, ze i K. J. M. z tytulu wyzuią: bo kiedy takiemiz banitami będziemy, pewnie K. J. M. niebędzie się godziło z nami nakładać. Dla Boga zmiłuycie się wzdy W. M. nad prawy, wolnosciami swemi inszemi, vzałuicie się sumnienia naszego, na ktore nam tak przykro gwałtownie nastąpiono; vlituicie się i płaczu tych vbogich wywołancow a bezwinnie wto zaciągnionych... Z Przemilowki d. 31 Januarii A° 98. [1])

---

[1]) Отъ 15 іюля 1598 года изъ Острога: „Ja i sambym niebył tak leniwym, abym niemiał zdrowia W. Mosci nawiedzieć, by więtsze trudnosci nastaią—lata moie, ktoremi mię Pan Bog nawiedzać raczy, i trwogi tak od Tatar, iako i Kozakow z Ukrainy pochodzące....“

БИТВЫ МЕЖДУ ИНОВѢРЦАМИ.

Ротмистръ Михаилъ Боры велѣлъ бить кіями несовершеннолѣтняго сына пана Отвиновскаго. Отвиновскій пріѣхалъ въ Шацъ съ нѣсколькими пріятелями и, не получивъ отъ него удовлетворенія, арестовалъ его въ его жилищѣ. Ротмистръ, не обращая вниманія на арестъ, двинулся строемъ изъ города на челѣ нѣсколькихъ сайдаковъ. Въ воротахъ выстрѣлилъ по встрѣчному шляхтичу Хвалибогу. Низшая шляхта прибѣжала изъ города; произошла битва; ротмистръ убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими гайдуками. Со стороны шляхты показались по домамъ какія-то надписи объ уніи, что очень встревожило многихъ людей.

Tu był w Szacu ze dwiema roty piechoty nieiaki Bory Michał, człowiek zacny Rycerski, zwiedziony za pieniądze K. J. M. od Pana Bekiesza. Trafił się iadąc wyrostek niewielki, syn Pana Otwinowskiego, Komornika Krakowskiego, człowieka spokoinego, wiary nowokrzenskiey. Tego, przez wszelakiey przyczyny, kazawszy zdiąć zkonia, kiimi bić kazał. Skoro się tego Ociec dowiedział, zkiląnastą powinnych swych przyiechał do Szaca, posłał Pana Wielepolskiego, Stolnika Krakowskiego, i kilu znacznych szlachcicow do niego, prosząc o sprawiedliwosć. Nietylo zeiey nie vczynił, ale ich słuchać niechciał. Oni go zatem w gospodzie aresztowali. On, na areszt ich niedbaiąc, poszedł szykiem z miasta, maiąc zsobą kilkadziesiąt saidakow. Wsamey własnie bronie podkał się z Panem Jakubem Chwalibogiem, ktory nawozie iechał; miał z sobą synaczka małego, sług ztrzech albo piąci. Krzyknął nań: „Czy i ty iedziesz mnie bić“? Wtem się rzucił do rusznice, wystrzelił do Pana Chwaliboga, samego chybił, pachołka postrzelił. Pachołcy zatem do rusznic; szlachta nizsza, vsłyszawszy z miasta, przybyła; dali taki odpor, ze zaraz sam ten Rotmistrz zporucznikiem zabit, haidukow kilkanascie postrzelonych; tak się rozeszli wszyscy wcale. Zstrony szlacheckiey w Lublinie zaś się pokazali vnie iakieś, po domach wszytkich, dziwnemi charaktery, iedney nocy popisane. Pisze mi Pan Pisasz Prze-

myski, ze teize nocy być miało we Lwowie, w Zamosciu, w Chełmie, w Krasnemstawie i w Zarowie i nakilu innych mieiscach, co sam ludzi barzo potrwozyło." [1]) Die 6 Iunii 1598.

ССОРА СЪ ЗАМОЙСКИМЪ.

(ПИСЬМО ЯНУША ОСТРОЖСКАГО).

Янъ Замойскій, въ качествѣ короннаго гетмана, прислалъ нѣсколько жолнерскихъ ротъ въ староства князя Острожскаго. Жолнеры ограбили два села, пожалованныя Косинскому и купленныя у него Вишневецкимъ, а у Вишневецкаго—Острожскимъ.

Nieprzez wielkiego zalu zaś przychodzi mi tę drogą sprawę W. X. M. memu Mciwemu Panu Oznaimić i załosnie przełozyć przy dobrey pamięci W. X. M. iest zaciąg niedawny domu mego z J. M. Panem Hetmanem Koronnym, za ktorym one wszystkie vkrzywdzenia niewymowne moie, spustoszenia maiętnosci mych i chudą krwią nabytey wysługi mey, azaszło było ieszcze i co więkczego, pusciwszy na vznanie W. M. mych Mciwych Panow, atom iuz tak był wszystkiem oziemię vderzył, niechcąc nietylo prywatnych mych rzeczy więcey przedsiebrać, ale i publice dawszy pokoy raczey wpokoiu vsieść, ostatek na Pana Boga włozyć. Byłem w tem od W. M. vpewnion, ze mi się iuz takowe przesprawia więcey czynić niemiały. Mimo to vpewnienie W. M. mych Mciwych Panow, niedawnego czasu, prawie gdy się zima stanowić poczęła, J. M. posłać raczył rot kilka do tych tam nędznych starostw moich, ktore nietylko od Poganina, ale od Kozactwa, od zołnierstwa wielkie

[1]) Въ такъ называемой Львовской лѣтописи, подъ 1598 годомъ, записано: „По дахáхъ, по домахъ щось писало и падовало на землю, що и люде слыхали, як о землю чим ударив, а потому скотъ здыхалъ барзо."

znisczenie wziąwszy, ledwie teraz trochę wzmagać poczęli, gdzie szkod poddanym, a mnie defektow niewymownych naczyniwszy, Bydeł i maiętnosci nabrawszy, mało natem mieli, ale iescze moich własnych kupnych dwie wsi, ktore był J. M. Pan Hetman ziednał v K. J. M. Kosinskiemu, od Kosinskiego kupił nieboszczyk Xiąze Wiszniowiecki, ia zas, vchodząc w sąsiedztwie tak bliskiem niezgody iakiey, dla swego pokoiu musiałem kupić te wsi wiecznoscią v Xcia Wiszniowieckiego, ktorem mu tak płacił, iako zywnie chciał, splondrowali i wniwecz obrocili. Uskarzałemsię tego J. M. Panu Hetmanowi przez J. M. Pana Woiewodę Krakowskiego; niczem więcey nieodniosł, ieno ze mu J. M. obiecał sprawiedliwosć czynić, tego dokładaiąc, ze okrom mych starostw, nie ma gdzie indziey zołnierza kłasć. Poczuwam się w tem, ze to, co mam z wysługi od Panow dobrem iako zasłuzył — —[1]) pospolity. Więc iescze i to z łaski do siebie baczę, iz mu tey siły, ktorąm pote czasy miał do słuzby Oiczyzny i teraz staie. J. M. Pan Hetman, czego ia I. M. niezairzę, ma daleko więcey niz ia dobrze bogatszych starostw, ma od Rzeczypospolitey kilakroć stotysięcy złotych narok; mogłby J. M. na tem mieć dosyć, a nie szkodzić wysługom cudzym. Nadto mi dano tę sprawę, ze J. M. posłał do Krola I. M. o liste na lezę zołnierzom wtychze starostwach mych, gdzie i Rewizory iakieś nowe J. M. gotuie. Wczym, ze mi się poczuwać gdzie i okazać to, ze slachetne serce despektu cierpieć niemoze, opowiadam się ztem W. X. M. memu Mciwemu Panu, iz ia, poki mnie iedno maiętnosi i zdrowia mego stawać będzie, przy vcczciwem mym stać i bronić się będę... Z Połonnego dnia 3 Marca 1599.

[1]) Пробѣлъ списывавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

СКАЗАНІЯ XVI СТОЛѢТІЯ

О РУСИ И О ТАТАРАХЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ КНИГИ:

La Description du Royaume de Poloigne, et Pays adiacens: avec les statuts, constitutions, mœurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigener, Secretaire de feu Monseigneur le Duc de Niuernois. A Paris, 1573.

Стр. XI: Опасное положеніе Подоліи. Плодородіе этого края.

La plus dangereuse et dommageable aduenuë qu'ayent point les Polaques, est le pays de Podolie, car c'est comme un pont et passage tout ouvert aux Tartares de Precop, qu'on appele communement la Taurique Chersonese, pour entrer tout à leur aise dans Volinie, Russie, Lithuanie et la Poloigne encores, quand ils voyent occasion et commoditez.... Ce qu'a esté cause de faire deshabiter beaucoup de pays, et mesmement cestuy cy qui seroi bien sans cela le meilleur des Polaques. Car entre autres choses la terre y poduiet de vignes de soy par tous les endroicts d'iceluy sans aucune contrainete, ne main d'homme. Parqoy ils seroyent exempts d'aller mendier des vins ailleurs, s'ils pouvoyent trouuer le moyen de remedier à ces orages tartaresques.... On dit que le terrouery est si bon et fertile, que si d'auenture vne charruë demouroit emmy les champs deux ou trois iours, elle seroit si couuerte d'herbe, que mal aysément on la pourroit retronuer.

Стр. XXII: Лѣсистость и болотистость Литвы. Произведенія этого края. Нравы высшаго сословія. Распущенность женщинъ. Угнетеніе крестьянъ. Дикій скотъ: туры, зубры, олени.

Quant au pays il est plain, fort marecageux, et couuert de boys, tout ainsi que la Moscouie, et n'y peut on pas fort aisément

aller l'Esté à cause des fages et des eauës, qui sont cause qu'il faut attendre d'Hyuer, durant lequel on faict toutes les affaires et traffiques, qui consistent principalement en bleds et legumes, bestail, cuirs, miel, cire, fourrures excellentes et force cendres pour faire les lessiues, qu'on transporte à Danzik, et de là en Hollande et autres pays bas auec de la poix et des aix et planchages pour faire les corps de nauires. De sel ils n'en ont point, et le vont querir en Poloigne, depuis que le mineures y furent trouvees l'an 1252: Et au parauant yls estoyent contraints d'en aller chercher iusqu'en Angleterre et Bretaigne. Mais ce ne sont pas ceux du païs qui font toutes ces traffiques et negocés, ains les etrangers, car les Gentils hommes en premier lieu ne se meslent que d'aller à la guerre, on bien d'y enuoyer pour eux, ce qui leur est permis, et encore sans preiudice de leur honneur: Et en temps de paix boire d'autant, et prendre leur plaisir aux belles chasses qui son là autant à propos qu'en nul autre endroit de la terre. Les riches et aisez se donnent aussi du bon temps autant qu'ils peuvent, comme font les femmes de leur costé, qui ne se soucient que de se parer, et donner audience à leurs mignons et fauorits: Et leur estoit permis enciennement d'auoir outre leurs maris cinq ou six seruiteurs pour leur faire la cour. Maintenant depuis que le peuple est venu à la cognoissance de la foy, elles sont un peu plus retenues en apparence, au reste elles ne laissent pas de iouer soubz main le mesme ieu, un peu toutesfois plus couuertement: là ou ce seroit un crime de leze maiesté qu'un poure mary regardast seulement du coing de l'oeil une autre femme que la sienne. E certes ils ce soucient aussi plus de boire que faire l'amour, à tout le moins le commun, car il se trouue toujours de galans hommes par tout. Et est ce pays si coquin à ceux qui y font vne fois affriandez, qu'ils n'en peuuent partir puis apres: de façon que iamais on n'en cuida retirer Casimir troisiesme, ne son fils Alexandre [qui auoyent gousté de ces delices et voluptez] pour leur faire receuoir le Royaume de

Poloigne. Quant aux laboureurs et paisans, il ne faut pas pencer qu'il y ayt de plus pauvres et miserables gens en tout le reste du monde, car outre ce qu'il faut qu'ils travaillent incessamment iour et nuit, et encores en un climat si apre et rigoureux, pour le seruice de leurs maistres, qui succent tout le fruit de leur labeur, s'il leur reste encores quelque chose pour leur nourriture et entretenement, les premiers cinq ou six chevaux qui passent le leur rauissent et consument, estant accoustumez de tenir les champs par tout à si petite compagnie. E depuis le temps de Vitoūdus.... le plus brave et renommé homme de son siecle, mais cruel estrangement, les Lithuaniens ont esté tenus en telle crainte et seruitude, que si quelqu'un est condamné à mourir, il est contraint de se pendre luy mesme de ses propres mains: Que s'il en fait difficulté, apres luy avoir faict endurer plusieurs tourmens, on le faict mourir d'une mort plus cruelle.

Mais pource que iay cy dessus parlé des chasses: Outre des Cerfs, Sangliers, Dains, Cheureux, Ours, Loups et Regnards qu'on y peut troueur par tout plus qu'à souhait, il y a trois especes de bestes sauvages qu'ont ne voit point en nos regions de deça: Asçanoir l'Urus, qu'aucuns ont improprement appellé Buffle, car il y a bien grande difference: Le Bisons, et l'Ellend. Tous lesquels on chasse avec nn fort grand deduit, accompagné aucunefois de peril et danger, car les deux premiere sont bestes assez cruelles et dangereuses.

Les Urus donc, qui en langage du pays est appelé Thur, dont vous voyez yci le pourtraict au naturel, n'est proprement autre chose qu'un vray Taureau sauuage, hormis qu'il est plus grand sans comparaison, voir que nul autre animal, l'Elephant excepté tant seulement, et sons tous noirs, hormis une raye meslee de blanc, qui leur va le long de l'eschine. Toutefois il ne s'en trouue gueres qu'en Masouie, prochaine de la Lithuanie, et encores en *certains villages qui ont* charge de les garder en de grands pour-

pris et clostures de bois, à guise de parcs, car ils se meslent si on veult avec les vaches privees aussi bien qu'avec celles de leur espece, mais puis apres ils ne sont plus receus en la compagnie des autres qui les chassent fort rudement; et aucune fois les tuent: et davantage les veaux qui vienent à naistre de ce meslange, ne sont pas de vie. La chair n'en est point autrement mauuaise, ne trop exquise aussi: Parquoy tout ce qui est le plus excellent en eux, est leur cuir, dont on faict de belles cintures, qu'on dit avoir grande proprietés pour ayder les femmes au travail d'enfant. [1])

Стр. XXXVIII: Описаніе Волощины. Русинскій языкъ. Горы и лѣса. Скотоводство. Вооруженіе.

....Toutes fois ils (волохи) usent aussi du parler Ruthenique et Slavon.... C'est un pays montueux et couuert de bois, et pourtant bien fort et malaisé. Aussi le peuple ne s'amuse gueres à cultiuer les terres, car tout leur faict depend du bestial, dont ils ont tres grande abondance à cause des beaux pascages qui sont par tout,

[1]) Папа Леонъ X очень интересовался бизономъ и просилъ польскаго посла въ Римѣ, епископа Эразма, доставить ему чучелу этого животнаго, называвшагося въ Литвѣ зубремъ. Епископъ Эразмъ передалъ просьбу папы виленскому воеводѣ Радзивилу, а тотъ, желая представить папѣ также и описаніе интересовавшаго его звѣря, поручилъ Николаю Гуссовіану описать зубря и охоту на него въ стихахъ. Гуссовіанъ посвятилъ свое сочиненіе королевѣ Бонѣ, супругѣ Сигизмунда I, и напечаталъ въ Краковѣ 1523 года подъ заглавіемъ: „Carmen Nicolai Hussoviani de Statura, Feritate ac Venatione Bisontis“. Книга эта составляетъ нынѣ величайшую библіографическую рѣдкость. Экземпляръ ея, можетъ быть, единственный, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которая недавно перепечатала ее въ ста экземплярахъ для любителей стариннаго естествознанія и стихотворства.

Блэзъ де Виженеръ, въ своей книгѣ, представилъ также описаніе и зубря вмѣстѣ съ рисункомъ его. Онъ противопоставляетъ его туру слѣдующими словами: „Mais le Bisons, que les Lithuaniens appelent Suber, est bien une beste plus sauvage et cruelle.“ Описаніе его совершенно согласно съ Гуссовіановой поэмою. Не забыто въ немъ и то, о чомъ съ поэтическимъ паѳосомъ распространяется присяжный латинистъ: что три человѣка могутъ усѣсться между рогъ зубря (разумѣется, и на самихъ рогахъ, которые почти горизонтально расходятся въ стороны, тогда какъ у тура они торчатъ прямо).

tellement qu'ils en fournissent non seulement Hongrie et Russie qui sont les pays plus prochains d'eux: mais encore en envoyent tous les ans vne fort grande quantité en Poloigne, Prusse, Silesie, Boheme, Alemagne, Italie et Turquie.

....la guerre.... est tout leur exercice, comme de gens nobles qui ne doyent iamais recognoistre autre chose. Et quant à leurs armes et façon de combattre, ils ont tousiours iusqu'icy esté armez à la legere de iaques de maille, et pourpoints d'oillets de Buffle ou d'Ellend, Et portent de fort longues lances, des haches, masses et cimeterres: Mais la plus grand part, principalement ceux de Lithuanie, Russie, Volinie et Podolie usent de l'arc Turquesque et de fleches, en quoi ils sont fort excellens. Les autre de la grande et petite Poloigne, et de Prusse, se sont accoutumez aux pistoles et arquebuses. Toutefois ils ne sont point si propres ni pratiques à pied comme à cheval, ne d'assaillir ou deffendre les places que de combattre en plaine campagne.

Стр. LXVIII. Легенда о временахъ вѣротерпимости Хаджи-Гирея крымскаго. [1]

L'autre ville moindre est Kirkeè, où il y a un chasteau fait de bois et de gazons au haut du rocher. On dict qu'autre fois il y eut un Dragon qui deuorait tout, tellement que le pays estoit en danger de demeurer desert, si quelque Italiens qui s'y estoyent habituez, n'eussent eu recours à la vierge Marie. E là dessus ayant aperceu ie ne sçay quelle lumiere dans le rocher, y taillerent un escallier, tant qu'ils paruindrent iusqu'à un creux, où ils trouuerent une image de nostre Dame, au deuant de la quelle un cierge ardoit, et à ses pieds estoit estendu le Dragon creusé par le milieu. Cela fut cause que Acigeri seigneur de Precop, ayant guerre contre ses freres se recommanda à la benoiste Vierge, et luy voüa tout plein

[1] *См. т. I, стр. 36.*

de belles chose si elle luy aydoit en cest affaire. Car les Mahometans l'ont mesme enr'eux en fort grand honneur et reverence, confessans que sans aucune compagnie d'homme, et sans aucun preiudice de sa virginité elle conceut et enfanta le grand Prophet Jesuschrist [comme ils l'appelent]. Ayant doncques obtenu le secours qu'il lui auait requis, vendit les deux meilleurs chevaux qu'il eust, et en achepta de la cire dont il luy fit faire deux sierges qui bruloyent continuellement iour et nuit devant la saincte image. Ce que ses successeurs ont entretenu iusqu'à auiourd'huy.

ДАНЬ ТАТАРАМЪ.

Слѣдующій списокъ подарковъ (харачъ), отправленныхъ хану въ 1601 году, даетъ понятіе о томъ, какъ поляки угождали варварамъ, лишь бы не воевать съ ними. Едвали и московскіе князья чествовали Золотую-Орду больше, чѣмъ польскіе короли — Перекопскую.

Vpominki ktore Carowi Przekopskiemu Kazygierowi, Bratom, Zonom, Synom, Kniaziom i Hamiotom maią bydz odesłane w roku 1601 maia 14 die.

Samemu Carowi po trzykroc dziewięc podarkow: Szata złotogłowa, futrem sobolem podszyta; szata ałtembasowa futrem sobolem podszyta; szata iadamaszkowa, futrem sobolem podszyta; szata srebrna pozłocista; kosz srebrny, po częsciach złocisty, id est mieiscami; misa srebrna; kun sorokow Nr 3. *Druga dziewięc podarkow:* szata złotogłowa, szata iadamaszkowa, szata ałtembasowa, sukna Lunskiego sztuk Nr 3, sukna Swiebodzinskiego sztuk Nr 3. *Trzecia dziewięc:* kozuchow lisich Nr 5, popielczych Nr 4; czerwonych złotych Nr 7.500, sukna Lunskiego postawow Nr 228. *Bratu starsemu Carowemu Gałdze podarkow po dwakroc dziewięc:* здѣсь

уже нѣтъ самыхъ дорогихъ шубъ, sukna Lunskiego sztuk Nr 3, sukna Swiebodzinskiego sztuk Nr 4. *Druga dziewięc podarkow:* szata iadamaszkowa и т. д., czerwonych złotych Nr 500. *Bratom Carowym trzem; pierwszemu:* szata iadamaszkowa, kozuch lisi, sukna Lunskiego stuka 1, Swiebodzinskiego sztuka 1. *Drugiemu*— то же самое. *Trzeciemu* — то же самое. *Synom Carowym Nr. trzem*—каждому одинаково съ царевыми братьями. *Synowi Gałgi* kozuch lisi и т. д. *Wuiowi Carowemu* — то же самое. *Matce carowey:* szata iadamaszkowa, czerwonych złotych Nr 50, kozuch и т. д. sukna Swiebodzinskiego sztuk 5. *Zonom Carowym* czterym: первой: то же, что матери, но безъ денегъ; остальнымъ — то же, но sukna Swiebodzinskiego sztuka 1. *Corkom Carowym piąciom*— одинаково съ остальными женами царевыми. *Zonie Gałgi pierwszey* — то же. *Corce tegoz Gałgi* — то же. *Kniaziom, wodzom murzom i urzędnikom dworu:* kozuchow lisich Nr 27, kozuchow popielczych Nr 21, sukna Lunskiego sztuk Nr 38, Swiebodzinskiego sztuk Nr 31. *Hamiatom Achmeladze:* szata iadamaszkowa, kozuch lisi, kozuch popielczy, sukna Lunskiego sztuka 1, Swiebodzinskiego sztuka 1. czerwonych złotych Nr 50. *Abdule Adze Celebiciiowie*— то же. *Tatar Murdze* — то же. *Dzian Tymir Adze*—то же.

Wydatek na Vpominki Tatarskie przez urodzonego L. Piaseczynskiego Podkomorzego Bracławskiego do Cara Przekopsk ego Kasigereia przesłane.

Gotowych pieniędzy na vpominki tak Carowi, iako bratu Galdze, Matce Carowey i Homiatom czerwonych zł. Nr 8.780 po groszy 60	zł.	17.560
W rytym srebrze	zł.	174/17/9
Na rzeczy iedwabne, to iest Altembas, Złotogłow, Atłas, Odamaszek s ktorych szaty porobiono .	zł.	1.200/5
Za sukno Lunskie rozmaitey barwy	zł.	11.806
Za sukno Swiebodzinskie y terfin	zł.	325

Za futro sobole, kunie, Popielcze y za kozuchy lisie . . . . zł. . 4.295/23

Na pospolite potrzeby, to iest wydatek na potrzeby do poszycia szat y kozuchow, na skrzynki, puzdra, płotna, w ktore te vpominki povwiano, zeby im descz nie szkodził . . . . zł. 514/28

Goncowi do Ordy na drogę takze tesz pieniędzy tygodniowych za tygodniow 17 i na szaty iemu dane . . . . zł. 301/18

Posłowi samemu na drogę y na przewosz, i dla nierychłey iego odprawy do Ordy od J. K. M. kazano mu dać zł. 100. . . . . zł. 2.300

Szachmancerowi tłumaczowi Arabskiemu na drogę na sukno y kozuch . . . . zł. 497/6

Formanom z Lublina do Bakcisaraiu . . . . . . zł. 1.045

Summa wydatku na Vpominkii Tatarskie . . . . zł. 40.020/7/9

Odprawa z Skarbu Koronnego Poslowi samemu.

Na strawe . . . . zł. 2.000

Na przewoz z Białogrodu do Kozliewa przez morze . . . . zł. 200

A iz Poseł czekaiąc na odprawę z Cancellariei w Warszawie wziął był z Skarbu, ad rationem 2.000, złotych 100, ktoremu to osobliwie Krol J. M. darować raczył.

Themuz Posłowi Aksamitu Carmesinu czerwonego łokci 14.

Sukna Lunskiego na sługi postawow 4.

Odprawa z Skarbu Coronnego Tłumaczowi Pisarzowi Arabskiemu Szachmanciorowi, ktory przy Posle iachał do Ordy.

Na strawę zł. 250.

Na kozuch lisi 18.

Adamaszku łokci 12 po grzywnie gotowemi pieniędzmi.

Sukna Lunskiego łokci 16 po talaru staremu gotowymi.

Sukna Szwobodzinskiego (sic) 2 postawy po złotych 12 gotowemi.

Odprawa z Skarbu Coronnego goncowi Josephowi Tłumaczowi.

Na strawę Talarow starych 200.

Adamaszku łokci 12 po grzywnie, dano gotowemi.

Falundyszu 6 łokci po 2 złote gotowemi.

(Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 30—33).

Когда книга, кромѣ послѣдняго листа, была уже отпечатана, авторъ получилъ извѣстіе, что достопочтенный Августъ Бѣлёвскій живъ и здоровъ, между тѣмъ какъ о немъ упоминается въ книгѣ, какъ объ отшедшемъ въ страну вѣчнаго молчанія. Авторъ, обрадованный этимъ извѣстіемъ, вмѣстѣ съ самимъ собою поздравляетъ и всѣхъ дѣятелей науки, къ которымъ могъ дойти прежній невѣрный слухъ о смерти заслуженнаго директора библіотеки Оссолинскихъ. Историческая правда, такъ много обязанная пану Августу Бѣлёвскому, безъ всякаго сомнѣнія, не въ одномъ случаѣ обопрется на его глубокомысленныя изслѣдованія и на матеріялы, которые онъ съ такою добросовѣстностію и съ такою опытностію въ дѣлѣ археографіи представляетъ ученому міру.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВОСПѢВАЕМАГО ВЪ ПѢСНЯХЪ ТУРА (сдѣланное въ XVI столѣтіи).

ƝURTRAICT DE L'URUS (la Description du Royaume de Poloigne, par Blaise de Vigenere, Paris, 1573).